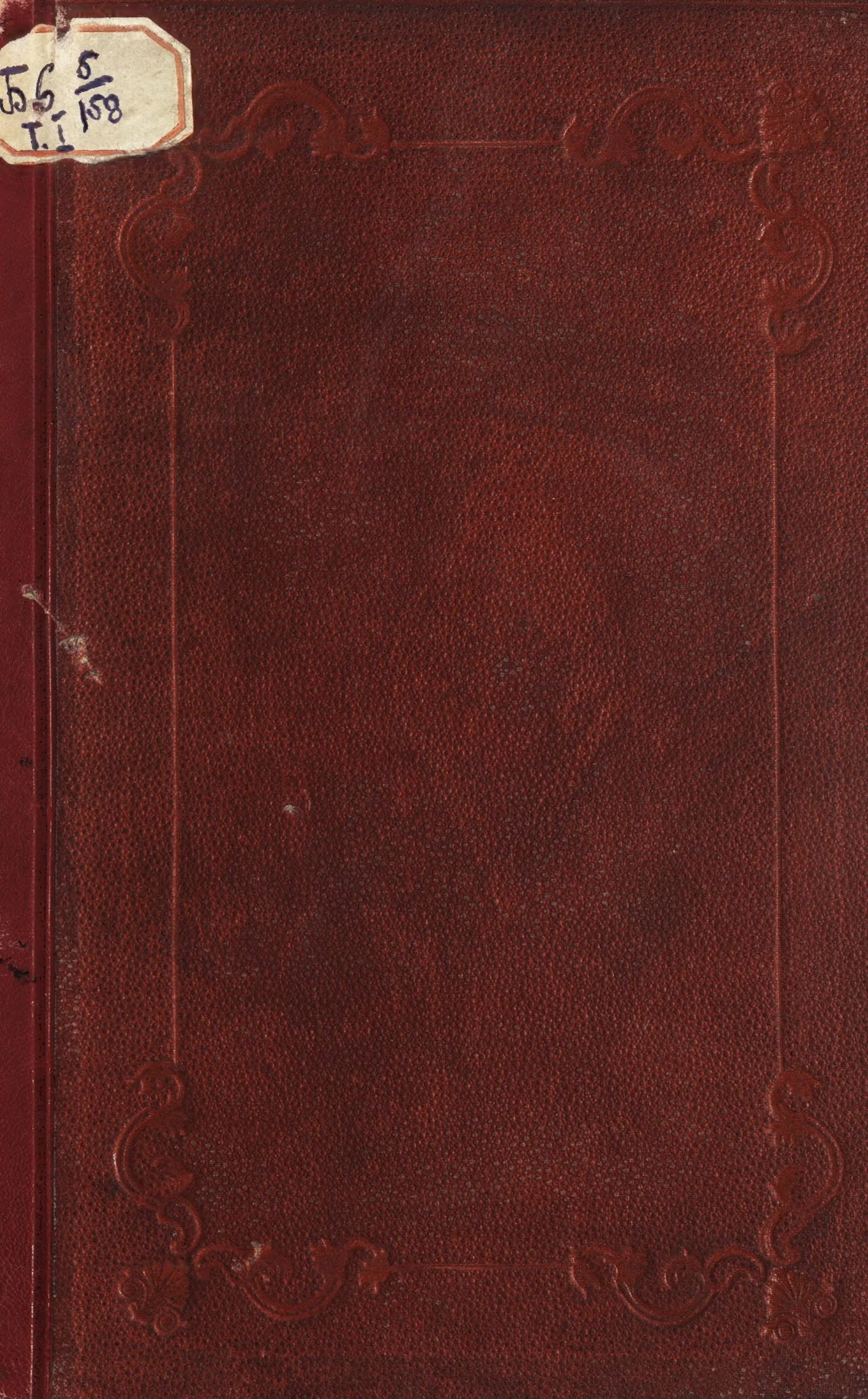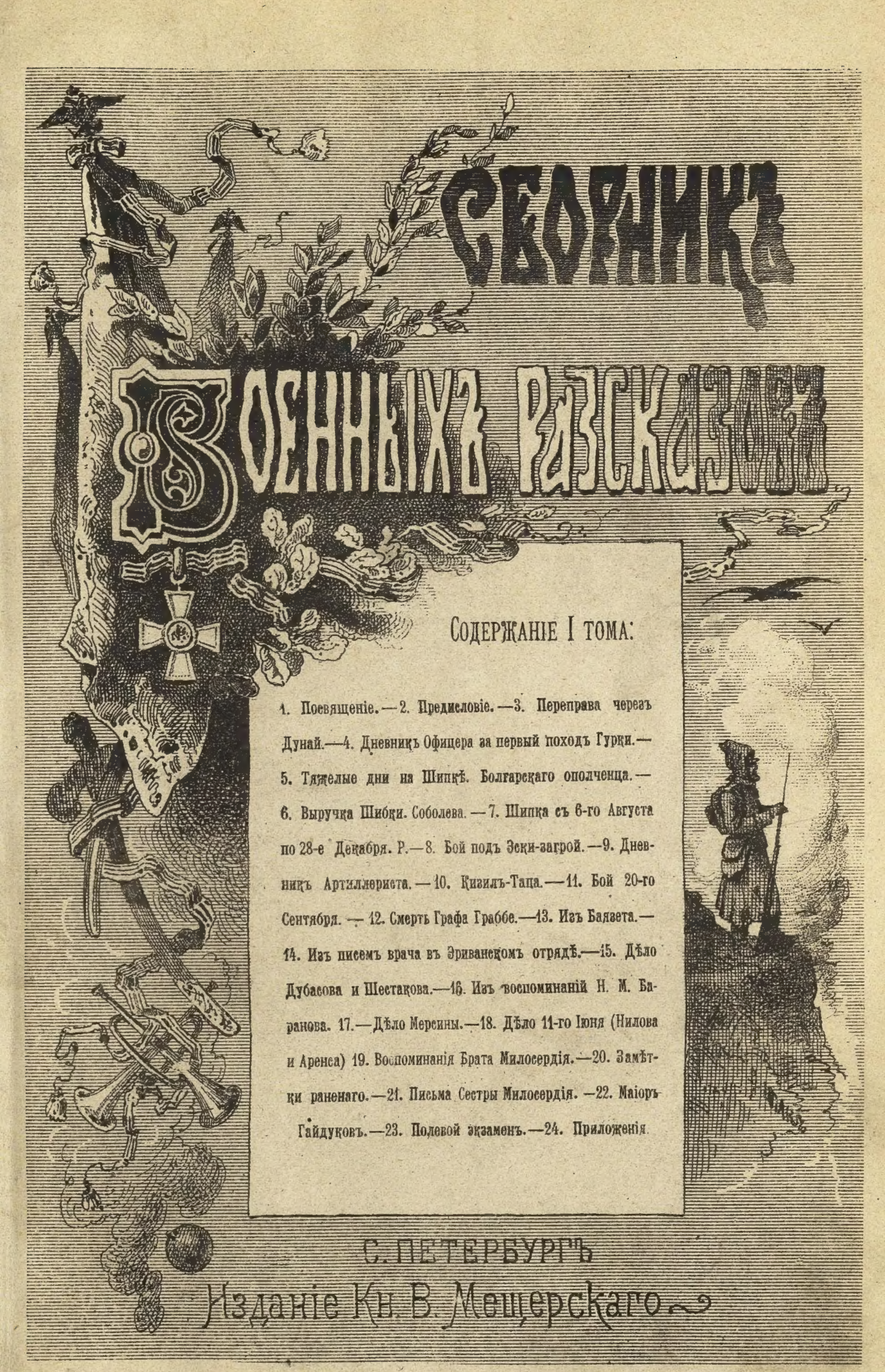

Б6 5/158
T. I

~~Б 14 1/138~~
Г 6 5/158

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.

Сборникъ
военныхъ разсказовъ
1877 — 1878

ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

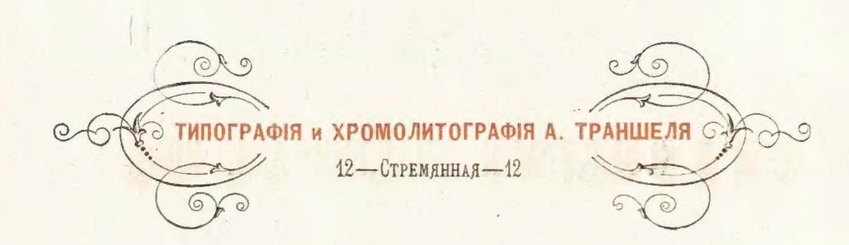
СОСТАВЛЕННЫХЪ

ОФИЦЕРАМИ-УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ

1877—1878

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Кн. В. Мещерскаго
1878

ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ
12—Стремянная—12

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЛАВНЫМЪ МЕРТВЫМЪ

и

СЛАВНЫМЪ ЖИВЫМЪ

Всероссійскаго Христолюбиваго Воинства

Вамъ, славнымъ мертвымъ и живымъ
Обѣихъ ратей, въ славѣ равныхъ,
Обѣихъ мощныхъ и державныхъ
Смиренномудріемъ святымъ—

Мысль посвящаетъ тѣ скрижали,
Что, внемля памяти своей,
Герои сами начертали
Въ воспоминанье многихъ дней:
Когда они изнемогая
Подъ гнетомъ подвиговъ и мукъ,
Въ палящій зной, иль замерзая
Въ снѣгахъ, подъ вихремъ горнихъ вьюгъ
Все-жь шли впередъ, и умирая
Дыханьемъ смерти на устахъ
Жизнь и свободу пробуждали
Въ горахъ, закованныхъ въ цѣпяхъ,
И въ ихъ измученныхъ сынахъ...
Да, вы не даромъ славно пали,
Въ могилу слегшіе бойцы,
И вы терновые вѣнцы
Порой не даромъ надѣвали
Живые витязи войны:
Гдѣ вы прошли, тамъ слѣдъ кровавый
Идетъ изъ края въ край страны,
Но тамъ-же, брезжетъ, залитъ славой,
Омытый въ праведной крови—
День воскресенья и любви.

Кн. В. Мещерскій.

1-го Ноября 878 года.
С.-Петербургъ.

Предисловіе.

Окончивъ изданіе перваго тома, прежде всего считаю себя обязаннымъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ удостоившимъ откликнуться на мысль объ изданіи сего „Сборника“: откликнулись многіе, вслѣдствіе чего ихъ приношенія не только составили этотъ томъ, но доставили матеріалъ для дальнѣйшаго изданія. Кромѣ полученныхъ рукописей, многія въ высшей степени интересныя статьи — обѣщаны, такъ что предвидится возможность сдѣлать вторую серію выпусковъ, то-есть, кромѣ трехъ томовъ, издать еще три тома, съ картинами и портретами, о чемъ своевременно будетъ объявлено, дабы каждая минута и каждое дѣйствіе войны могли имѣть свое описаніе, составленное участниками.

Цѣль настоящаго изданія, смѣю думать, достойна сочувствія всякаго, кому дороги слава и честь нашего войска и нашего народа, ибо, какъ сказано было въ первоначальномъ обращеніи къ гг. военнымъ, всѣ малѣйшіе подвиги на войнѣ, проявлявшіе духовную жизнь нашего воина, также нужны какъ воспоминанія теперь, какъ были нужны во

время войны: тогда изъ нихъ сложилась богатырская сила несокрушимаго и побѣдоноснаго воинства, передъ которою поверглись во прахъ не только полки враговъ, но и неприступныя вершины Балканъ и Саганлука; теперь эти же подвиги, обратившись въ воспоминанія, нужны намъ какъ здоровая, духовная стихія, посреди которой, воздавая героямъ дань, мы добываемъ духовную пищу для тысячей людей, и вносимъ въ жизнь благородное, высоконравственное и любовное начало, помогающее жить, возвышающее духъ и воспитывающее все подростающее молодое поколѣніе.

Да, кажется намъ, ничто такъ сильно и такъ благотворно не можетъ отвѣтить на тысячи вопросовъ жизни, волнующихъ души нашего юношества, какъ та смиренная лѣтопись разсказовъ, написанная самими подвижниками войны, въ которой такъ просто и такъ тепло повѣствуется объ исполненіи каждымъ своего долга, о перенесеніи каждымъ страданій и лишеній, и наконецъ о прожитой каждымъ минуты, когда смерть—конецъ жизни, являлась неизбѣжною.

Затѣмъ изданіе это достигаетъ и другой важной цѣли: оно соберетъ для историка будущаго неоцѣнимые матеріалы, которыхъ послѣ онъ нигдѣ уже не достанетъ, и которые никакъ не могутъ замѣнить корреспонденціи, писанныя зрителями въ первую минуту, сгоряча, или реляціи, писанныя съ принятіемъ того или другаго въ соображеніе.

Относительно изученія войны, какъ историческаго событія, есть три момента: первый, тотчасъ послѣ боя: корреспондентъ пишетъ то, что наскоро схватилъ отъ того или отъ другаго на лету; второй моментъ — послѣ войны, пер-

выя минуты свѣжихъ воспоминаній, когда все можно припомнить и припоминая обдумать; и наконецъ третій моментъ — моментъ забвенія, когда прозаическая жизнь каждаго дня, начиная отъ счета портнаго за новую обмундировку и кончая личными интригами всякаго рода отодвигаютъ назадъ духовный міръ войны и насильственно заставляютъ испаряться тысячи мелкихъ воспоминаній простаго боеваго міра.

Самый важный моментъ — очевидно второй; его-то и надо было схватить на лету, что я и сдѣлалъ, зная что еще немного—и было бы поздно не только собирать воспоминанія, но даже пытаться обращаться съ просьбою ко многимъ о доставленіи воспоминаній. Уже теперь, несмотря на сочувствіе мысли и дѣлу изданія большей части гг. военныхъ, проявляются одинокіе случаи такого возрѣнія на *предпринятое дѣло*, которое прямо обнаруживаетъ, что жизнь начинаетъ вступать въ обычную свою колею, гдѣ личныя соображенія берутъ верхъ надъ всѣми остальными.

Насколько важенъ настоящій моментъ для собиранія вѣрныхъ свѣдѣній о войнѣ минувшей и для исправленія погрѣшностей, неизбѣжно вкравшихся въ ея описаніе корреспондентами, писавшими въ минуты войны, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, я убѣдился собственнымъ опытомъ, бывши самъ корреспондентомъ.

Былъ я въ Сербіи въ 1876 году. Пріѣзжаю въ Бѣлградъ. Прежде я никогда на театрѣ войны не былъ. Все было для меня ново. Впечатлительность также сильна, какъ

довѣрчивость. Явились лица, разсказывавшія мнѣ про свои подвиги. Въ обстановкѣ этой эпохи, съ душою настроенною въ уровень событіямъ, я жадно вслушивался, записывалъ и описывалъ героевъ по ихъ собственнымъ словамъ. Оказалось впослѣдствіи, что н ѣ к о т о р ы е изъ этихъ мною сгоряча описанныхъ героевъ не только никогда ими не были, но напротивъ...

Но этого мало: я согрѣшилъ противъ правды гораздо больше и серьознѣе, ибо опять-же, вѣря на слово разсказамъ первой минуты, я также легкомысленно писалъ дурно про однихъ, какъ похвалы другимъ. Такъ, описывая бой 16-го Сентября въ Сербіи, къ исходу коего я прибылъ, я позволилъ себѣ, на основаніи разсказовъ, отозваться неблагопріятно объ одномъ изъ нашихъ офицеровъ — Медвѣдовскомъ. Здѣсь кстати заплатить ему долгъ чести, принести повинную и исполнить потребность *смущенной совѣсти*. Послѣ оказалось, что всѣ эти разсказы про Медвѣдовскаго вышли изъ одного источника, н е в ѣ р н а г о, и что только потому, что они сгоряча были схвачены на лету и записаны, внесены были къ сожалѣнію въ печать корреспондентомъ, какъ я — торопливо. Годъ спустя, на Кавказѣ, изъ всѣхъ устъ, отъ солдата до генерала Тергукасовскаго отряда, я имѣлъ возможность убѣдиться, что про Медвѣдовскаго, бывшаго начальникомъ штаба кавалеріи Эриванскаго отряда, говорили какъ про храбрѣйшаго, способнаго, даровитаго и весьма любимаго о ф и ц е р а...

Все это я разсказалъ, чтобы еще сильнѣе доказать необходимость только тогда судить о людяхъ и событіяхъ на

театрѣ войны, когда успѣютъ остыть первыя впечатлѣнія и каждое воспоминаніе о фактѣ и лицахъ успѣетъ провѣриться, обдуматься и вѣрно освѣтиться, не переставая быть еще свѣжимъ и живымъ.

Я измѣнилъ отчасти содержаніе перваго тома противъ объявленной прежде программы, и сдѣлалъ это потому, чтобы каждому тому дать извѣстный, особенный характеръ, и не разбрасывать по томамъ разныхъ разсказовъ про разныя событія въ разное время.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ переправу черезъ Дунай и группировку событій вокругъ Шипки и перваго похода Гурки за Балканы. Во второй томъ войдетъ группа событій вокругъ Плевны съ одной стороны и Рущукскаго отряда съ другой. Въ третьемъ томѣ — Балканскій и Забалканскій походъ; но это все предполагательно, ибо если хорошіе матеріалы окажутся въ избыткѣ, тогда второй и третій томы обнимутъ лишь второй періодъ войны, а дальнѣйшіе имѣющіе быть изданными томы будутъ посвящены третьему періоду.

При этомъ кстати сообщить мою мысль объ этихъ дальнѣйшихъ трехъ томахъ. Я полагаю вотъ какъ сдѣлать. Подписчики внесутъ за первые три тома со всѣми приложеніями 12 р.; затѣмъ я думаю продолжить подписку, и уже за 8 р., вносимыхъ въ два срока, выдать имъ еще три большихъ тома, съ 120 гравюрами и даровою преміей. Премія эта, скажу прямо, если удастся, будетъ для нихъ пріятнымъ сюрпризомъ: это три большихъ картины аква-

рели П. Соколова: одна—баши-бузукъ; вторая—казакъ, спасающій болгарскаго малютку, и третья — бой на редутѣ, со многими лицами.

Но все это, если Богъ благословитъ предпринятое дѣло и изданіе удостоится сочувствія многихъ... Тогда за 20 рублей, вносимыхъ въ пять сроковъ, подписчики получатъ шесть большихъ книгъ, въ 250 листовъ, до 250 гравюръ-картинъ, до 150 портретовъ, альбомъ сепій и три чудныя акварели высокоталантливаго П. Соколова.

Но кромѣ того я предпринялъ вотъ еще что: я постараюсь ко второму или третьему тому приложить fac simile, то-есть снимки съ собственноручныхъ записокъ, писанныхъ всѣми нашими генералами и знаменитыми подвижниками во время войны, на полѣ битвы или на бивуакѣ, и думаю, что этимъ доставлю подписчикамъ большое удовольствіе.

За симъ, что касается статистическихъ данныхъ, обѣщанныхъ для перваго тома, я могъ помѣстить только нѣкоторыя. Остальныя, какъ-то списокъ награжденныхъ золотымъ оружіемъ, цифры убылей по полкамъ, я принужденъ отложить до слѣдующаго тома, ибо всѣ эти свѣдѣнія еще не приведены въ военномъ вѣдомствѣ къ окончанію.

Въ заключеніе дерзаю просить снисходительности и благосклоннаго сочувствія читателей всего русскаго общества: снисходительности къ погрѣшностямъ и слабымъ сторонамъ изданія; сочувствія-же къ его цѣли и къ его содержанію нужно-ли просить?.. Не думаю, ибо если всѣ

промахи и слабости относятся къ издателю, все свѣтлое и хорошее въ книгѣ написано русскими офицерами...

Еще слово. Въ стилѣ многихъ статей строгіе судьи найдутъ неправильности. Издатель, изъ опасенія повредить яркому колориту въ разсказахъ, призналъ нужнымъ воздерживаться отъ слишкомъ большихъ редакторскихъ корректуръ. Не бѣда, коли въ томъ или другомъ мѣстѣ есть ошибки въ стилѣ, но за то ручаюсь, что нѣтъ искаженіи исторической правды, а это главное.

О продолженіи доставленія рукописей, дневниковъ и разсказовъ убѣдительнѣйше прошу гг. военныхъ.

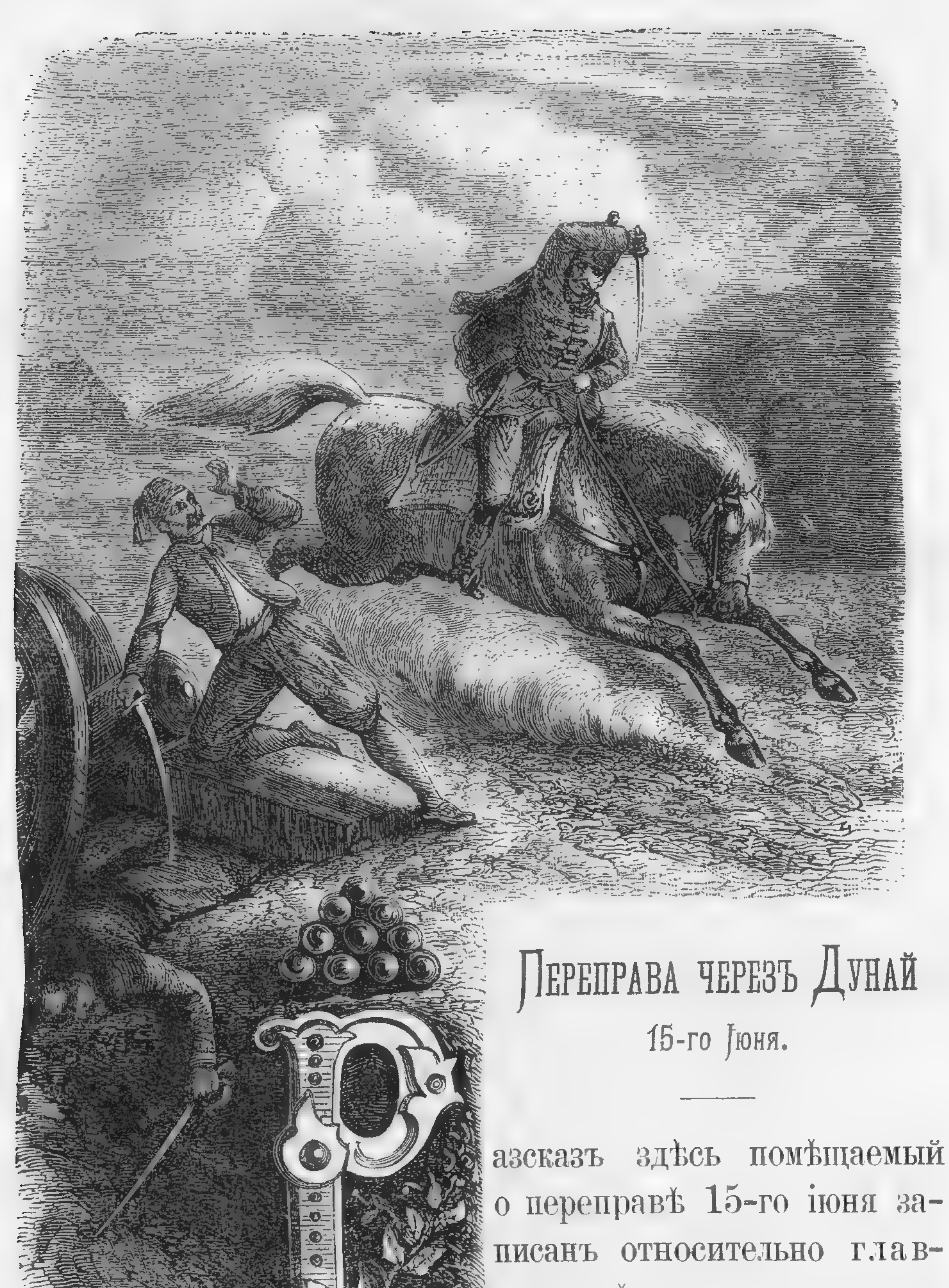
О доставленіи подвиговъ по полкамъ хотя и просилъ отдѣльно каждаго начальника части, и нѣкоторые полковые командиры уже удостоили доставить оные, но рѣшаюсь вторично просить, и просить убѣдительно...

Кн. В. Мещерскій.

Отдѣлъ Первый.

Военныя дѣйствія
въ
Дунайской Арміи.

Переправа черезъ Дунай

15-го Іюня.

Разсказъ здѣсь помѣщаемый о переправѣ 15-го іюня записанъ относительно главныхъ фактовъ и вдохновенія со словъ одного изъ главныхъ дѣятелей этой славной переправы. Оттого онъ исторически вѣренъ и простъ.

Мысль о переправѣ черезъ Дунай на томъ мѣстѣ, гдѣ она совершилась, принадлежитъ Главнокомандующему. Принявъ рѣшеніе лично осмотрѣть мѣстность около Зимницы, Великій Князь 10-ое іюня посвятилъ подробной развѣдкѣ берега Дуная

между Зимницею и Турну-Магурелли. Результатъ осмотра утвердилъ еще болѣе Великаго Князя въ его выборѣ мѣста для переправы. 11-го іюня въ Турну-Магурелли былъ созванъ подъ Его предсѣдательствомъ военный совѣтъ. Мысль о переправѣ у Зимницы была принята вмѣстѣ съ рѣшеніемъ немедленно приступить къ ея осуществленію. На совѣтѣ присутствовалъ въ числѣ другихъ начальникъ 14-й дивизіи генералъ Драгомировъ. Ему было приказано начать переправу, высадиться, занять берегъ, укрѣпиться и прикрывать дальнѣйшую переправу войскъ. Перевозка войскъ и впослѣдствіи устройство переправы поручены было генералу Рихтеру. При этомъ когда рѣчь зашла о томъ: какую часть пустить первою, генералъ Драгомировъ настоятельно просилъ, разъ ему ввѣряется столь важное дѣло, первою переправить его 14-ю дивизію, такъ какъ за нее онъ въ состояніи отвѣчать какъ за самого себя. Само собою разумѣется, что его желаніе было исполнено. На совѣтѣ рѣшено было выборъ мѣста для переправы хранить въ величайшей тайнѣ. Тайна эта сохранена была до такой степени, что не только начальники частей 14-й дивизіи, получившіе приказаніе двигаться на Зимницу, но и чины Главной Квартиры при Государѣ и Главнокомандующемъ ничего не знали о мѣстѣ и днѣ переправы до минуты, когда она уже состоялась. Когда Государь отправилъ одного изъ своихъ адъютантовъ изъ Турну въ Зимницу съ приказаніемъ узнать: что тамъ дѣлается, то посланный пришелъ въ недоумѣніе, и въ первую минуту даже подумалъ, не было ли обмолвки въ наименованіи мѣстности.

11-го іюня къ вечеру генералъ Драгомировъ прибылъ въ Бею, лежащую верстахъ въ 25-ти отъ Зимницы. Тутъ 12-го утромъ онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей своей дивизіи—для изъясненія имъ порядка движенія частей.

Прежде всего онъ объявилъ имъ приказаніе Главнокомандующаго чтобы войска прибывали въ Зимницу или ночью или

раннимъ утромъ, дабы турки не могли замѣтить прибытія войскъ. Положеніе обоихъ береговъ около Зимницы было таково, что утромъ и днемъ турки могли все видѣть, на нашемъ берегу, а вечеромъ они были отлично видны съ румынскаго берега.

До Зимницы было приказано имѣть одинъ привалъ. О дальнѣйшемъ ничего не было сказано, и причина почему войска направлялись на Зимницу, само собою разумѣется объяснена не была.

Выступленіе войскъ къ Зимницу происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

12-го іюня послѣ обѣда выступили: 4-ая стрѣлковая бригада, горныя баттареи, пластуны, понтонные баталіоны и 23-й казачій полкъ, и подошли къ Зимницѣ 13-го, около 3 часовъ утра.

13-го іюня рано утромъ двинулась изъ Беи первая пѣхотная бригада 14-й дивизіи съ тремя батареями и послѣ большаго привала прибыла въ Зимницу 13-го же поздно вечеромъ.

13-го іюня вечеромъ выступила вторая бригада 14-й дивизіи съ остальными тремя батареями, и прибыла въ Зимницу 14-го іюня на разсвѣтѣ.

Начальникъ дивизіи М. И. Драгомировъ отправился въ Зимницу съ первымъ эшелономъ. Дорогою обгоняя полки, онъ призналъ нужнымъ говорить съ солдатами. Слова его были, такъ сказать, выраженіемъ не только того, что онъ признавалъ нужнымъ сказать солдатамъ, какъ рѣчь, но бесѣдою въ которой выразились накипѣвшія въ немъ чувства, его мысли, его душевное настроеніе, они были такъ сказать удовлетвореніемъ его потребности высказаться.

Передъ нимъ стояла трудная, холодная, голая задача. Передъ нимъ въ то же время стояли его полки, его дѣти, его воспитанники. Сливая эти оба представленія въ душѣ въ столь торжественныя минуты, онъ не могъ помѣшать главнымъ мыслямъ складываться въ немъ извѣстнымъ образомъ: съ одной стороны дѣло должно быть сдѣлано, съ другой стороны дивизія

должна себя показать: онъ за нее взялся отвѣчать, но что если дѣло не сдѣлается именно вслѣдствіе того, что я взялъ на себя отвѣтственность за свою дивизію: можетъ быть, наоборотъ, съ другою дивизіею былъ бы успѣхъ, а съ моею нѣтъ; не могъ ли такъ размышлять генералъ въ столь торжественную минуту. Думается, что могъ, и вотъ почему болѣе чѣмъ понятны и естественны были его слова въ эти знаменательные часы къ своимъ солдатамъ. Это была скорѣе задушевная бесѣда. чѣмъ рѣчь. хотя въ то же время имѣла значенье весьма кстати и умно сказанныхъ словъ. отъ которыхъ, зная русскаго солдата, нельзя было не ждать хорошихъ послѣдствій.

— Ну, ребята, сказалъ генералъ: — намъ велѣно идти въ первую голову; а посылаютъ насъ потому, что вѣрятъ не мнѣ, а вамъ: понимаете?

— Понимаемъ, ваше превосходительство, раздаются голоса.

— Средины нѣтъ, продолжалъ генералъ:—или за Дунаемъ, или въ Дунаѣ: понимаете?

— Понимаемъ, ваше превосходительство.

— А если вамъ страшно, такъ скажите:—я другихъ попрошу.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство...

Нужно ли прибавить, что пока генералъ говорилъ, чувствовалось что-то въ родѣ дрожи въ воздухѣ: дрожали всѣ солдаты отъ избытка чувства; по временамъ солдатская душа такъ загоралась, такъ сильно закипали въ ней чувства, что солдатамъ становилось не въ терпежъ, и тогда по рядамъ, какъ вихорь въ лѣсу проносились какіе то сдержанные взрывы. Вотъ все громче и громче становятся эти взрывы чувства, еще слово, еще сильнѣе взрывъ, наконецъ какъ раскаты грома разносятся по рядамъ цѣлыя слова:

— Никакъ нѣтъ, ваше п-ство, никому окромя насъ: мы васъ поддержимъ, мы постоимъ за себя, слышалось по рядамъ, все гуще и громче, а потомъ какъ ураганъ пронеслось ура, задро-

жалъ воздухъ, залетали шапки, развеселѣли лица, прослезился одинъ-другой офицеръ, другой бодрый сдѣлалъ видъ, проглотивъ слезы, и въ этой-то обстановкѣ темной лѣтней ночи, на привалѣ въ чистомъ полѣ совершился первый актъ великой драмы войны — переправы черезъ Дунай, заключавшійся въ подготовленіи солдатъ духомъ.

Пріободрился самъ генералъ Драгомировъ и поѣхалъ дальше, чувствуя, что если бы онъ въ эту минуту былъ одинъ въ этомъ полѣ, то непремѣнно далъ-бы волю чувствамъ переполнившимъ его душу послѣ таинственнаго и торжественнаго свиданія съ своею дивизіею.

Подводился итогъ долгимъ минутамъ заботъ и труда; дѣлалась провѣрка его отношеній къ солдату и отношеній солдатъ къ нему.

Въ Зимницахъ уже давно стояли Лубенскіе гусары, и Брянскій пѣхотный полкъ съ 9-ти фунт. 3-ей батареей 9-й бригады.

Немедленно по прибытіи въ Зимницу генералъ Драгомировъ пригласилъ начальниковъ сейчасъ поименованныхъ мѣстныхъ частей, для того чтобы просить ихъ озаботиться прежде всего о неизмѣненіи ни въ чемъ наружнаго вида города Зимницы, дабы нигдѣ не могло быть видно даже намека на прибывающія свѣжія войска; въ то же время подъ строжайшею отвѣтственностью приказано было, чтобы нигдѣ по берегу Дуная посторонніе не сходились кучками, а въ особенности не зажигали костровъ. Во исполненіе перваго приказанія приняты были мѣры къ тому, чтобы всѣ прибывшія войска не разбивали палатокъ, чтобы пушки и понтоны прятаны были за стѣнами тѣхъ домовъ, которые побольше, и чтобы на перекресткахъ улицъ не было орудій и скопленія людей. Все это было въ точности исполнено.

Въ ночь съ 13 на 14 совершено было первое дѣйствіе переправы. Съ соблюденіемъ безусловной тишины генераломъ Рихтеромъ устроенъ былъ мостъ на маленькомъ рукавѣ Дуная, съ

котораго предстояло войскамъ переправляться черезъ полутораверстную обмель до самаго мѣста переправы. Всѣхъ заботилъ вопросъ: замѣтятъ ли эту наводку турки или нѣтъ? Потомъ оказалось, что они никакого не обратили на нее вниманія, но объяснили себѣ появленіе этого моста просто какъ результатъ того, что вода Дуная значительно спала, и давала возможность устроить сообщеніе съ островомъ или обмелью.

Въ ту же ночь Брянскому полку велѣно было занять лѣсъ на берегу Дуная, влѣво отъ мѣста предполагавшейся переправы.

14-го рано утромъ, въ шесть часовъ, на берегу Дуная, въ садикѣ передъ домомъ, который занималъ генералъ Драгомировъ, приглашены были: командиръ 1-й бригады, ген.-маіоръ Іолшинъ, командиръ Волынскаго полка Родіоновъ, командиръ 2-й горной баттареи, и всѣ батальонные и ротные командиры Волынскаго полка.

На этомъ собраніи, подъ прикрытіемъ густой зелени садика, генералъ Драгомировъ объявилъ о томъ, что въ ночь начнется переправа, что первые переправятся они, и что затѣмъ послѣднія инструкціи будутъ даны имъ вечеромъ. При этомъ генералъ сказалъ, что онъ условился съ генераломъ Рихтеромъ насчетъ того, чтобы по возможности войска переправляемы были къ маленькой бухтѣ устьевъ Текиръ-Дере; затѣмъ что онъ требуетъ безусловной тишины при переправѣ, чтобы не стрѣлять, пока турки не встрѣтятъ залпами, и затѣмъ чтобы по переправѣ имѣть въ виду, что конечная цѣль занять немедленно главную высоту надъ Систовымъ. За тѣмъ предложено было этимъ офицерамъ разойтись по берегу, и стараться по возможности лучше высмотрѣть противоположный берегъ.

Къ пяти часамъ назначено было новое собраніе начальниковъ частей.

Собраніе это происходило въ задней части города, въ одномъ изъ домовъ.

Послѣднія эти приказанія были несложны. Каждому уже заранѣе на живомъ чертежѣ, какъ выражался генералъ, были показаны и мѣсто и порядокъ слѣдованія. Оставалось только напомнить прежнее и распредѣлить войска по рейсамъ. Распредѣленіе это было сдѣлано письменно и преподано начальникамъ устно. Первый рейсъ назначили для 11 ротъ Волынскаго полка, для 60 казаковъ, для горной баттареи и для роты пластуновъ.

Во второй рейсъ назначены были: линейныя роты 3-го батальона Волынскаго полка, стрѣлковыя роты Минскаго полка, линейныя роты 1-го батальона Минскаго полка, 1 горная баттарея и гвардейская полурота конвоя Его Величества.

При этомъ сказано было, что единовременное отчаливаніе будетъ безусловно обязательно только для перваго рейса.

Для остальныхъ же рейсовъ—пусть части войскъ каждаго изъ нихъ отчаливаютъ по мѣрѣ готовности понтоновъ, но только поротно. На каждую роту приходилось 6 понтоновъ.

Затѣмъ генералъ Драгомировъ заявилъ о своихъ распоряженіяхъ на случай смерти или раны, то-есть передалъ имена лицъ, которымъ слѣдуетъ быть его преемниками въ командованіи дивизіи, во время переправы, если его не будетъ, то такого то, если такого то не будетъ, то третьяго и т. д.

— Затѣмъ господа, кончилъ генералъ, счастливъ буду, если завтра въ это время, съ каждымъ изъ васъ приведетъ Богъ увидѣться на томъ берегу.

Къ концу этого собранія пришли доложить генералу о прибытіи Вел. Кн. Николая Николаевича младшаго, а также генерала Скобелева 2-го.

Молодой Великій Князь былъ командированъ В. К. Главнокомандующимъ въ отрядъ генерала Драгомирова на время переправы, а генералъ Скобелевъ прибылъ проситься охотникомъ переправляться черезъ Дунай въ свитѣ генерала Драгомирова.

— Милости просимъ, отвѣтилъ ему генералъ, и сутки спустя на томъ берегу оцѣнилъ пользу для дѣла отъ такого охотника.

Итакъ всѣ приказанія были отданы, всѣ распоряженія сдѣланы, всѣмъ казалось все было понятно, тишина повсюду царила мертвая, всякій сверху до низу изъ окружавшихъ генерала 15 тысячъ человѣкъ понималъ значеніе минуты, значеніе дѣйствія, имѣющаго совершиться, и значеніе долга этимъ дѣйствіемъ созидаемаго....

Все это чуялось въ воздухѣ...

Но когда разошлись всѣ начальники частей и генералъ Драгомировъ остался одинъ, странное и тяжелое овладѣло имъ настроеніе, длившееся до самой минуты переправы.

Вотъ передъ нимъ тотъ берегъ, тихо дремлющій въ синихъ облакахъ неба и горъ, завѣтная цѣль столькихъ заботъ, ключь къ разрѣшенію всего, что должно совершиться войною, тотъ берегъ, надъ которымъ думаютъ и куда стремятся желанія и мысли милліоновъ русскихъ, тотъ берегъ на который жадно смотритъ весь міръ.... Сколько положится въ жертву людей? Кто ждетъ ихъ тамъ? Не страшно-ли много тамъ турокъ и пушекъ притаившись ждутъ первой минуты переправы, чтобы открыть убійственный и адскій огонь... Что будетъ тогда? Выдержутъ-ли мои?.. Хватитъ-ли ихъ?.. Дрогнутъ или не дрогнутъ? причалятъ-ли? Дадутъ-ли высадиться?..

А если не дадутъ?

Во мнѣ было спокойствіе, была увѣренность? Я взялся со своими за это дѣло, взялся отвѣчать за удачу; но если я обманулся, страшно обманулся?.. Если моя вѣра въ моего солдата— иллюзія?.. Если мое убѣжденіе, что они все поняли, что не слова мои, а душа моя имъ передавала, и все сдѣлаютъ такъ, какъ бы я самъ дѣлалъ — роковая ошибка и ничего болѣе, если именно въ критическую минуту того не окажется, на что я расчитываю и на чемъ я основалъ свою отвѣтственность за удачу, и свою рѣшимость взяться за дѣло... Если...

Тогда... Что тогда?.. Ужасъ, срамъ, бѣда... проклятіе... Неудача дѣла, тысячи напрасныхъ жертвъ, сквозь стоны, слезы, потоки крови, адскій хохотъ надъ профессоромъ, надъ начальникомъ дивизіи, надъ всѣмъ, что онъ считалъ авторитетомъ, завѣтомъ, идеаломъ...

Таковы были думы и чувства, съ неотвязчивою, страшною силою захватившія, если можно такъ выразиться, въ тиски душу генерала Драгомирова, и въ какія тиски! Въ тиски, гдѣ каждая точка прикосновенія—была острый гвоздь... Тоска сомнѣнія, тоска страха за отвѣтственность, тоска исчезавшей увѣренности и отсутствіе чего-бы то ни было утѣшающаго, ободряющаго, освѣжающаго... Жгучая, знойная пустыня въ душѣ...

И что было ужасно: вотъ кругомъ все спокойныя, твердыя и сосредоточенныя лица его подчиненныхъ; казалось, что именно тотъ духъ выражается на ихъ лицѣ, какой нуженъ для этихъ минутъ; казалось, именно въ этомъ долженъ былъ онъ находитѣ ободреніе и увѣренность... Но нѣтъ, напротивъ, именно это-то усиливало тоску...

Отчего?.. понятно отчего: они всѣ во мнѣ увѣрены, думалось генералу, они вѣруютъ въ мою силу, вѣру, и вѣруютъ въ меня, какъ въ начальника; а ну-ка, если именно эта-то ихъ вѣра ни на чемъ не основана, если вся эта спокойная увѣренность ихъ неосновательна, нелѣпа, недостойна меня...

Въ такомъ-то душевномъ настроеніи былъ генералъ Драгомировъ въ тѣ долгіе часы, которые тяжёлою вѣчностью тянулись для него весь день 14-го іюня до поздняго вечера. То ходя по комнатѣ, то ходя взадъ и впередъ по улицѣ, то безсознательно глядя на синіе туманы противоположнаго берега, онъ нигдѣ не находилъ покоя, и не разъ говорилъ себѣ и близкимъ, бывшимъ при немъ: вотъ минуты, въ которыя я понимаю, что у самаго трезваго человѣка можетъ быть такое душевное состояніе, когда онъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ... Къ девяти часамъ

вечеромъ кончилась эта агонія. Сидѣть дома было не въ моготу. М. И. вышелъ на улицу.

Начались движенія и приготовленія.

Корпусный командиръ генералъ Радецкій былъ уже въ Зимницѣ.

Начали двигать понтоны и лодки, сперва на повозкахъ, потомъ спускали ихъ въ воду; затѣмъ предстояло ихъ по рукавчику Дуная тянуть въ обходъ и причалить къ мѣсту переправы.

Въ тоже время войска двигались тихо и молча по лѣвую и по правую сторону мѣста переправы; на лѣвую, вдоль берега расположился Брянскій полкъ, съ двумя 9-ти фунтовыми батареями 9 артиллерійской бригады, для обезпеченія лѣваго фланга, на правую сторону три батареи 14-й бригады, тоже съ 9-ти фунтовыми орудіями, для обезпеченія праваго фланга. Посрединѣ, въ промежуткѣ, должна была происходить посадка войскъ.

Едва началось первое движеніе, вдругъ тревога: стая дикихъ гусей, испуганная движеніемъ понтоновъ, поднялась съ болотовины, и страшно загоготала.

Генералъ въ отчаяніи.

— Ну, говоритъ ему его начальникъ штаба, Дмитровскій, человѣкъ бывавшій на Кавказѣ, дорого бы обошлись намъ эти гуси, если на томъ берегу были бы черкесы; они, шельмы, знаютъ, что даромъ гуси съ такимъ гвалтомъ не подымаются ночью съ болота.

Но на томъ берегу все тихо, и огоньки кое-гдѣ мелькающіе дремлютъ въ неподвижности.

Въ десять часовъ тревога пуще первой. Понтоны выѣхали на мостъ. Въ ночной тишинѣ вдругъ раздается адскій трескъ: вся земля застонала; уху, успѣвшему привыкнуть даже къ разговору шепотомъ, трескъ этотъ показался свѣтопреставленіемъ, за сто верстъ въ окружности долженъ онъ разбудить турокъ.

— Бога ради, поѣзжайте скорѣе къ коменданту, говоритъ генералъ Драгомировъ, своему ординарцу, и достаньте соломы;

сколько можно взять везите, хоть всѣ крыши велите ободрать, но достаньте.

Явилась солома.

Шумъ сталъ тупѣе.

Понтоны проѣхали.

Идетъ артиллерія.

Трескъ и шумъ еще сильнѣе, соломы ужъ нѣтъ и помина.

— Ну, все пропало, рѣшаютъ генералы; турки приготовятъ намъ встрѣчу, и еще какую: притаятся, и затѣмъ пойдетъ.

Въ 11 часовъ ожидать и прислушиваться стало не въ моготу.

— Идемте! сказалъ генералъ своимъ и отправился къ берегу.

Тутъ вскорѣ стали подходить понтоны; по мѣрѣ того, какъ они подходили, принимались связывать изъ нихъ паромы.

Войска стояли на берегу.

Тишина была мертвая; ни звука, ни взрыва голоса, ни огонька. Чуялось, что дисциплина, довѣріе, невольное чувство самосохраненія и сознаніе торжественно страшной минуты дѣйствовали на каждую солдатскую душу отдѣльно, и стояли какъ бы въ воздухѣ.

Когда понтоны выстроились вдоль берега и генералъ Драгомировъ ихъ осмотрѣлъ, послѣдовало приказаніе пѣхотнымъ войскамъ стать при понтонахъ, въ порядкѣ прежде уже указанномъ.

Размѣстились солдатики у понтоновъ на берегу.

— Готовы? спросилъ генералъ.

Готовы! отвѣтили шепотомъ голоса.

— Ну, съ Богомъ, садись.

Стали разсаживаться.

— Сѣли?

— Сѣли.

— Съ Богомъ, отчаливай.

Генералъ снялъ фуражку, перекрестилъ понтоны, перекрестился самъ; всѣ солдаты тоже снявъ шапки перекрестились.

Тихо поплыли понтоны.

Нигдѣ ни звука...

Твердо были всѣ убѣждены, что турки ждутъ, и вотъ, вотъ сейчасъ раздастся адскій огонь...

На берегу со своимъ штабомъ, стоялъ генералъ Радецкій. Тутъ кстати вопросъ: какую-же роль игралъ генералъ Радецкій при переправѣ? Воспользуюсь весьма мѣткимъ, хотя и прозаическимъ сравненіемъ одного изъ участниковъ. Происходятъ трудные роды. Дѣйствуетъ акушерка; присутствуетъ акушеръ-хирургъ. Пока все идетъ какъ слѣдуетъ, и нѣтъ ни опасности, ни критическаго положенія, акушерка дѣлаетъ свое дѣло, а акушеръ наблюдаетъ. Но тутъ все дѣло въ томъ, какъ онъ наблюдаетъ, тутъ важно именно его присутствіе и характеръ его личности. Спокойный, хладнокровный, и увѣренный видъ генерала Радецкаго не только служилъ и ему, Драгомирову, и всѣмъ вокругъ него примѣромъ, но имѣлъ громадную обаятельную силу и наэлектризовывалъ всѣхъ спокойствіемъ и увѣренностью. Чтобы понять это важное значеніе роли, выпавшей на долю генерала Радецкаго въ этомъ первомъ, рѣшительномъ дѣйствіи войны, стоитъ только представить себѣ противоположное, то есть главнаго начальника, который проявилъ бы въ эту ночь безпокойство, суетливость, недовѣріе къ одному или другому, и на каждомъ шагу посреди этой мертвой тишины, вызывая угрожающіе образы мнимыхъ опасностей, принялся бы давать новыя приказанія, отмѣнять ихъ, суетиться, словомъ проявлять очевидно для всѣхъ отсутствіе увѣренности. Не заразилъ ли бы онъ всѣхъ отъ мала до велика этою суетливостью и неувѣренностью, и тогда прощай вѣрный успѣхъ труднаго дѣла: исчезло бы главное его условіе: спокойствіе всѣхъ!

Вотъ почему, когда въ разсказѣ о переправѣ 15-го іюня говорятъ о генералѣ Радецкомъ такъ: онъ присутствовалъ на ней съ самаго начала до конца, и глядѣлъ на нее безмолвенъ и спокоенъ, то эти слова много значатъ, и выражаютъ собою крупный фактъ. Для всѣхъ было ясно, всѣ чувствовали, что если корпусный такъ безмолвенъ и спокоенъ, значитъ дѣло идетъ какъ слѣдуетъ, а что если опасность явится, то этотъ же корпусный съумѣетъ ихъ выручить!

Итакъ началась переправа.

Все замираетъ въ какомъ-то, никакому человѣческому слову недоступномъ, напряженіи слуха и зрѣнія, сквозь тишину и мракъ.

Былъ второй часъ утра въ исходѣ: едва-едва начиналъ брезжить разсвѣтъ. Убѣжденіе, что турки притаившись ждутъ, становилось все сильнѣе, и ускоряло сердцебіеніе. Всѣ кто могли, взяли бинокли, и несмотря на темноту, пытались хоть что нибудь разглядѣть. Едва замѣтными силуэтами виднѣлись или вѣрнѣе мерещились наши понтоны по Дунаю. Казалось, что шли они тихо, хотѣлось имъ дать паровое движеніе, хотѣлось имъ дать крылья.

Вѣчностью адски-мучительною тянулась и пронизывала сердце каждая секунда.

— Чу, не выстрѣлъ-ли?

— Нѣтъ, ничего.

Слухъ еще становится острѣй.

— Нѣтъ, это солдатскіе голоса здѣсь, кто-то сказалъ.

— Подходятъ.

— Нѣтъ еще.

— Я вамъ говорю подходятъ: — вонъ, видите, черная полоса, это берегъ, а вонъ силуэты нашихъ лодокъ.

— Вижу.

Все продолжаетъ безмолствовать въ глубокомъ снѣ.

— Что-же они?

— Видно не ждутъ.

Не вѣрилось такому счастью.

— Подплыли.

— Да, да, вотъ.

Молчокъ.

Вдругъ бѣлый дымокъ вспыхнулъ въ черной дали; раздался выстрѣлъ изъ ружья.

Молчокъ.

— Первая, сказалъ кто-то на нашемъ берегу.

Нѣсколько солдатъ перекрестилось.

Еще выстрѣлъ.

Опять молчокъ.

Третій, выстрѣлъ, четвертый, пятый.

Но выстрѣлы все одиночные. Ясно было слышно, что то былъ огонь сторожевыхъ турецкихъ часовыхъ, на которые наши не отвѣчали; онъ поддерживался все время, но звучалъ жиденькою ниточкою.

Очевидно стало, что на берегу турецкой арміи нѣтъ.

Вотъ завизжалъ турецкій рожокъ.

Минуты идутъ за минутами: видно что наши высаживаются, прибывъ приблизительно къ тому мѣсту, которое генераломъ Драгомировымъ было выбрано для десанта.

Четверть часа спустя смотрятъ.—лодки возвращаются.

Первая пристала.

— Ну что?

— Слава Богу благополучно, докладываетъ солдатикъ.

— Наши не стрѣляли?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше пр-ство, подскачилъ было къ нимъ одинъ турка, его такъ живьемъ на штыки и взяли, потому шумѣть не приказано было...

Второй рейсъ велѣлъ начать генералъ.

А тутъ вдругъ раздаются ужъ выстрѣлы все чаще и чаще; нить густѣетъ.

И когда послѣднія лодки перваго отряда стали прибывать къ берегу, берегъ покрываться сталъ прибѣгавшими турками.

Масса выстрѣловъ освѣтила берегъ точно тысячами огней.

Генералъ Драгомировъ проситъ у генерала Радецкаго разрѣшенія отправиться на тотъ берегъ.

Генералъ разрѣшилъ. Это было въ концѣ второго рейса, въ четвертомъ часу утра.

Въ лодку сѣли М. И. Драгомировъ. Скобелевъ 2-й, штабъ начальника дивизіи, и прибывшіе отъ главнокомандующаго адъютанты.

Едва отчалили, какъ лодку стали осыпать пулями со всѣхъ сторонъ, то въ воду, то въ бортъ лодки, а въ лодку не попадаетъ.

Всѣ уцѣлѣли.

Но увы не всѣмъ такъ повезло.

Во второмъ рейсѣ пришлось увидѣть глубоко поразившую всѣхъ картину. Съ трехъ нашихъ понтоновъ раздались выстрѣлы въ верхъ, потомъ тихо пошли они ко дну.

То былъ послѣдній салютъ погибавшихъ молодцовъ Минскаго полка! Вѣчная и славная имъ память. Понтоны были пробиты турецкими выстрѣлами.

Переѣхали благополучно. Берегъ ужъ нашъ. Высадка происходила немного правѣе противъ назначеннаго мѣста, у Текиръ-Дере.

Бой кипѣлъ во всемъ разгарѣ.

Войска турецкія, какъ оказалось, послѣ первыхъ аванпостныхъ выстрѣловъ съ необычайною быстротою собрались на берегу, прибѣжавъ изъ лагеря, отстоявшаго отъ мѣста высадки въ верстахъ четырехъ.

Бой шелъ по всей мѣстности отъ берега, вплоть до Систовскихъ высотъ.

Наши дрались съ ожесточеніемъ, турки тоже, хотя много земли уже было у нихъ отнято.

Генералъ Драгомировъ осмотрѣвъ все что происходило вокругъ него, и уяснивъ себѣ на сколько это было возможно въ страшномъ дыму и въ утреннемъ туманѣ, положеніе, остался какъ будто недоволенъ. Потому-ли что ободренный первою удачею умъ его требовалъ чего-то быстраго и блестящаго. потому-ли что первый разъ своихъ дорогихъ солдатиковъ видитъ онъ не на маневрахъ, а въ бою, и получаетъ картину этого боя иную, чѣмъ ту, которую представлялъ себѣ, но дѣло въ томъ, что все, что происходило показалось ему страшно безтолковымъ.

— Ничего не разберешь. лѣзутъ. лѣзутъ, ничего не разберешь, повторялъ онъ сумрачно. ища какъ Гете передъ смертью, больше свѣта отъ окружавшей его боевой картины.

Скобелевъ былъ рядомъ съ нимъ; оба они были пѣшкомъ.

Въ раздумьи и молча глядѣлъ М. И. Драгомировъ; тоска опять начинала мучить.

Тутъ какъ разъ раздается голосъ Скобелева.

— Ну Михаилъ Ивановичъ поздравляю.

Генералъ на него взглянулъ съ удивленіемъ, и видитъ какъ лицо Скобелева горѣло, какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, не то радости, не то страсти.

— Съ чѣмъ? спросилъ М. И. Драгомировъ.

— Съ побѣдою, твои молодцы одолѣли.

— Гдѣ, гдѣ ты это видишь?

— Гдѣ? На рожѣ у солдата: гляди-ка на эту рожу? а? такая у него рожа только тогда, когда онъ супостата одолѣлъ, вишь, какъ претъ, любо смотрѣть.

Генералъ Драгомировъ пересталъ глядѣть на общую картину, и заниматься вопросомъ: толково или безтолково лѣзутъ его солдатики впередъ; онъ подчинился магическому слову Скобелева, взглянулъ на рожу солдата, взглянулъ и постигъ дотолѣ отъ него бывшую сокрытою тайну: читать побѣду на лицѣ русскаго солдата.

Ну ужъ лице у этого солдатика: картина, эпопея цѣлая: со лба до подбородка точно горитъ, глаза пылаютъ и въ то-же время вперяются въ движущуюся передъ нимъ массу людей: неумолимая, несокрушимая, и ничѣмъ не остановимая сила наэлекризовавъ всю его личность, дышетъ въ немъ, въ его позѣ, и такъ и видно какъ стремитъ его впередъ; ни пули, ни штыки, ни ядра, ни почва подъ ногами, ни крикъ турокъ, ничего онъ не слышетъ, ничего не видитъ, онъ идетъ и горитъ какъ огонь пожирающій сухую солому въ полѣ...

Это не звѣрь истребляющій врага, это русскій солдатъ побѣждающій народнаго врага какою-то роковою силою двухъ существъ, физическаго и духовнаго.

Въ это время пришла радостная для всѣхъ вѣсть, что прибылъ пароходъ для перевозки войскъ. Высадка пошла дѣятельнѣе.

Въ восьмомъ часу картина боя начала уясняться. Турки видимо отступали со всѣхъ сторонъ.

Около девяти часовъ утра Турки отступили повсюду. Дѣло могло считаться блистательно конченнымъ. Четвертая стрѣлковая бригада и вторая бригада 14-ой дивизіи владѣли уже главными высотами. Еще на правомъ флангѣ поддерживалась перестрѣлка.

— Не пора-ли остановить солдатиковъ? говоритъ генералъ Скобелевъ Драгомирову.

— Пора-то пора, да некого послать, всѣ ординарцы въ расходѣ.

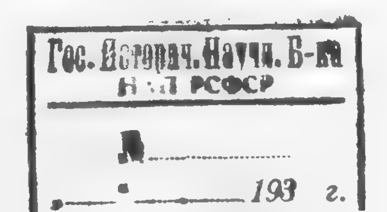
— Хочешь я пойду? говоритъ Скобелевъ.

— Сдѣлай милость, я тебѣ въ ножки поклонюсь.

Скобелевъ отправился.

Это былъ первый его подвигъ безумной храбрости.

Въ бѣломъ кителѣ, пошелъ онъ тихою походкою; отправился онъ въ самый жаръ сраженія: слѣва наши стрѣлки въ виноград-

никахъ, а справа жарятъ съ высотъ турки. Онъ идетъ, подходитъ къ стрѣлкамъ, остановится, съ однимъ поговоритъ, съ другимъ, дальше идетъ, и такимъ образомъ вездѣ одинъ, открыто и тихими шагами, онъ обошелъ всѣ войска, передавая приказаніе генерала Драгомирова.

Когда обходъ былъ конченъ, онъ явился съ тою же тихою и изящною походкою, приложивъ руку къ козырьку доложить, что приказаніе имъ передано.

Всѣмъ войскамъ было велѣно укрѣпиться на взятыхъ ими у турокъ позиціяхъ. Преслѣдовать турокъ далѣе генералъ Драгомировъ призналъ безусловно ненужнымъ: во первыхъ, главная цѣль его задачи была достигнута: часть берега была въ нашихъ рукахъ, слѣдовательно переправа подъ крѣпкимъ прикрытіемъ была обезпечена, а во вторыхъ, твердо надо было помнить, что тамъ, гдѣ силы непріятеля неизвѣстны, тамъ преслѣдованіе его всегда сопряжено съ большимъ рискомъ: начнешь преслѣдовать, увлекаясь первымъ успѣхомъ, поневолѣ бросишь занятыя крѣпко позиціи, и идешь на рискъ—или наткнуться на непредвидѣннаго непріятеля, на непредвидѣнную засаду, или на отчаянное сопротивленіе: тогда разомъ могутъ быть потеряны всѣ результаты добытаго успѣха; войска теряютъ внезапно духъ увлеченія, а непріятель можетъ перейти въ наступленіе, и отнять занятыя у него первою аттакою позиціи...

Генералъ Драгомировъ отправился къ спуску: переправа была уже горячая и безопасная. Тутъ онъ наскоро формировывалъ части, и посылалъ подкрѣпленіе туда, гдѣ они были нужны.

Въ двѣнадцатомъ часу переправился генералъ Радецкій. Здѣсь кстати припомнить эпизодъ съ генераломъ Драгомировымъ, характеризующій какъ нельзя лучше личность Радецкаго и объясняющій между прочимъ, почему отъ генерала до

солдата всѣ такъ горячо любили этого человѣка, и глубоко такъ его уважали.

Въ пылу распоряженій генералъ Драгомировъ, усмотрѣвъ, что одно мѣсто вокругъ Систовской высоты оказалось незанятымъ нашими войсками, послалъ за командиромъ Елецкаго полка дивизіи князя Мирскаго.

Произошло это въ то время, пока генералъ Драгомировъ находился возлѣ генерала Радецкаго.

Едва генералъ Драгомировъ началъ передавать приказаніе командиру Елецкаго полка, какъ вдругъ оборвалась у него рѣчь...

— Извините, Бога ради, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказалъ онъ прикладываясь къ козырьку, и обращаясь къ корпусному командиру:—я увлекся, простите.

— Что такое? слегка поднявъ голову, спросилъ Радецкій.

— Простите: я забылся; отдаю приказаніе въ присутствіи корпуснаго командира, да еще командиру полка не моей дивизіи.

— Дѣлайте, дѣлайте, Михаилъ Ивановичъ, спокойно и довѣрчиво отвѣтилъ генералъ Радецкій.

Къ третьему часу дня Житомирскій полкъ входилъ уже въ Систово. Генералъ-же Драгомировъ оставался на переправѣ до шести часовъ вечера.

Государь прибылъ на другой день.

Съ начала переправы Ему давали знать о ходѣ ея по телеграфу каждыя четверть часа въ Турнъ-Магурелли.

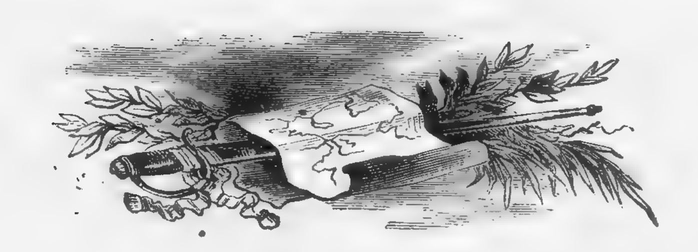
Когда прибылъ Государь, тогда, какъ извѣстно Его Величество, подойдя къ Радецкому лично поздравилъ его съ Георгіемъ 3-й степени, и далъ ему орденъ, горячо благодаря за славный успѣхъ дѣла.

— Я ни причемъ, сказалъ генералъ, это, Ваше Величество, генералу Драгомирову.

— Успокойся, отвѣтилъ Государь смѣясь отъ всего сердца, и онъ получилъ Георгія.

— Да, если такъ, сказалъ генералъ успокоившись...

О.....

Дневникъ офицера.

20 Іюня. Понедѣльникъ.

Въ Зимницѣ все та-же невозможная пыль.

Сегодня какъ-то особенно невыносимо тяжело; сильный вѣтеръ, поднявшій всю эту пыль, затрудняетъ даже свободно смотрѣть и дышать. Скоро-ли выберемся мы изъ этого противнаго мѣстечка, да вообще изъ Румыніи?

Мнѣ кажется, что на свѣтѣ нѣтъ мѣстности негостепріимнѣе Румыніи. Одинъ языкъ ихъ чего стоитъ! И нужно-же было прежнее румынское, славянское нарѣчіе передѣлать въ какой-то неблагозвучный, никому непонятный трудный языкъ. Замѣчательно то, что можно быть прекраснымъ филологомъ: знать языки латинскій, древне-славянскій, всѣ новѣйшіе европейскіе языки, изъ которыхъ должно же было произойти румынское нарѣчіе, и все-таки ничего не понимать порумынски.

Оставивъ въ сторонѣ румынское нарѣчіе, я задаю себѣ вопросъ: видѣлъ-ли я хоть одного симпатичнаго румына? Положительно не видалъ. Самохвальство, вѣчное поползновеніе обмануть каждаго русскаго и содрать съ него вдвое, наружное щегольство и внутренняя грязь, страшная безнравственность, вотъ тѣ исключительныя качества, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться. Досадно, что мы должны считать ихъ своими союзниками!

Но сегодня къ утру готовъ дунайскій мостъ и мы уже получили росписаніе порядка перехода нашихъ войскъ на болгарскій берегъ. Намъ, т. е. сводно-драгунской бригадѣ, вошедшей въ составъ передоваго отряда, придется переправляться сегодня вечеромъ.

Передовой отрядъ генерала Гурко, преимущественно кавалерійскій, состоитъ изъ:

1) Драгунской бригады Е. И. В. Князя Евгенія Максиміліановича Лейхтенбергскаго.

8-й Драгунскій Астраханскій полкъ	4 эск.
9-й Драгунскій Казанскій полкъ	4 »
Гвардейскій Сводный почетный конвой Его Величества	1/2 »
№ 16 Конная батарея	6 оруд.
Итого	8 1/2 эск. 6 оруд.

2) Сводной бригады Е. И. В. Князя Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго.

9-й Кіевскій гусарскій полкъ	4 эск.
Донской казачій № 30 полкъ	6 сот.
Донская казачья № 10 батарея	6 оруд.
Итого	10 эск. и сотенъ и 6 орудій.

3) Донская бригада полковника Чернозубова.

Донскія казачьи № 21 и № 26 полки . .	12 сотенъ.
Донская казачья № 15 батарея	6 оруд.
Итого	12 сотенъ 6 оруд.

4) Кавказская бригада полковника Тутолмина.

№ 2-й Кубанскій полкъ	6 сотенъ.
Владикавказско-Осетинскій полкъ	6 сотенъ.
Донская казачья конно-горная батарея . .	8 оруд.
Итого	12 сотенъ 8 оруд.

Всего въ кавалерійскомъ отрядѣ будетъ состоять: 42 эск. и сот. и 26 оруд.

Кромѣ того въ составъ передоваго отряда входили:

4-я стрѣлковая бригада. . .	4 бат. и 14 горн. оруд.
Болгарское ополченіе. . . .	*6 дружинъ.*
Итого	6 бат. и 14 горн. оруд.

Общую численность отряда нужно приблизительно считать около 10.000 человѣкъ.

Вытребованный изъ Петербурга, генералъ Гурко еще не прибылъ; временно-командующимъ назначенъ генералъ-маіоръ Раухъ.

Всякій, кто попалъ въ передовой отрядъ, считаетъ себя счастливцемъ, да какъ-же этому не радоваться, когда будешь въ безпрестанныхъ дѣлахъ, впереди всѣхъ, да въ добавокъ, какъ говорятъ, мы будемъ открывать путь арміи за Балканы.

Къ сегоднишнему дню до изготовленія Систовскаго моста переправлено на тотъ берегъ только: весь 8-й корпусъ безъ кавалеріи, 35 пѣхотная дивизія и 4-я стрѣлковая бригада.

По сіе время еще нельзя считать переходъ нашей арміи за Дунай совершенно обезпеченнымъ, въ особенности если турки догадались и успѣли сосредоточить свои силы и атакуютъ насъ.

Дня-же черезъ три, при безостановочномъ движеніи войскъ черезъ мостъ, это врядъ-ли имъ удастся, такъ какъ мы будемъ имѣть на томъ берегу три корпуса.

Въ 6 час. вечера бригада наша тронулась къ переправѣ, поднявъ въ Зимницѣ такую пыль, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Спустившись къ Дунаю, перейдя первый маленькій мостикъ и вступивъ на островъ, мы сразу почувствовали себя какъ-то легче: пыли не было и рѣчной вѣтерокъ обдавалъ насъ прохладой. Пройдя на слѣдующій островъ, откуда начинался главный, большой мостъ, мы слѣзли ожидая своей очереди. Доложивши коменданту переправы генералу Зарубаеву о прибытіи драгунской бригады и получивъ отвѣтъ, что до насъ еще не скоро дойдетъ очередь вслѣдствіе произошедшей задержки въ движеніи обозовъ, я передалъ это Князю Евгенію Максимиліановичу.

Трудно себѣ вообразить то количество артиллеріи, парковъ и обозовъ, которые столпились на этомъ островѣ! Принадлежало-же все это одному только корпусу. Намъ-же предстояло выждать, пока все это не выйдетъ на мостъ. Тутъ мы только сообразили, что придется прождать добрыхъ часовъ восемь.

Гостепріимные черноморскіе морскіе офицеры, жившіе на этомъ островѣ, были такъ любезны, что пригласили къ себѣ въ палатки, угостили насъ ужиномъ, и мы очень пріятно провели время въ бесѣдѣ съ ними, припоминая подвиги моряковъ на Дунаѣ и славный день переправы черезъ Дунай. Уже было два часа ночи, когда мы, боясь имъ быть въ тягость, разошлись и взглянувъ на площадь еще загроможденную всякаго рода повозками, рѣшили, что раньше завтрашняго утра до насъ очередь не дойдетъ. Съ этимъ мы ушли спать, не снимая даже аммуниціи.

21 Іюня. Вторникъ.

Утромъ рано у насъ явилась надежда, что и мы скоро переправимся: начала уже втягиваться на мостъ и послѣдняя артиллерійская бригада.

Въ 10 часовъ утра, прождавъ своей очереди 18 часовъ, потянулись и мы, ведя лошадей въ поводу. Выйдя на болгарскій берегъ, сразу круто поднимающійся, мы невольно удивились: какимъ образомъ нашимъ войскамъ удалось высадиться здѣсь и взять эту непріятельскую позицію?

Обрывистый берегъ, виноградники, окопанные канавами и валами, дѣлали мѣстность чрезвычайно выгодною для обороны, и только войска самыя отважныя, знавшія, что нѣтъ отступленія, могли взять эту сильную позицію. Поднимаясь въ гору, и оставляя Систовъ вправо, мы вышли на мощеную дорогу, ведущую въ г. Бѣлу.

Какая чудная картина представилась намъ на Зимницу и на всю переправу съ высокаго болгарскаго берега! Зимница уже не казалась такою гадкою, а очень и очень живописною. Одна пыль, стоящая столбомъ надъ городомъ, напоминала о невозможности теперь жить тамъ. Величественный Дунай съ перекинутыми мостами, обтекающій нѣсколько островковъ, переполненныхъ войсками всевозможныхъ родовъ, кипящихъ какъ въ муравейникѣ, былъ достоенъ кисти лучшаго художника. Думалось, что если-бы возможно было привести сюда турокъ и показать имъ всю эту массу людей пѣшихъ, конныхъ, сотни этихъ пушекъ, и сказать имъ: видите-ли вы эту русскую силу, которая многочисленна какъ морской песокъ, переливается къ вамъ, чтобъ заставить исполнить васъ ея требованія? Знайте-же, что то, что вы видите, это сотая часть того, что у нея есть. Можете-ли вы удержать эту силу?

Нѣтъ, отвѣтили бы они, мы вамъ уступаемъ, пощадите насъ. Такое сильное впечатлѣніе производила на меня картина переправы.

Пройдя дер. Сары-Яры и Царевицу, мы свернули влѣво и прибыли на бивуакъ въ дер. Турска-Сливу. Весь-же остальной передовой отрядъ сосредоточился у дер. Царевицы. Кавказская бригада была присоединена къ 25-й пѣхотной дивизіи и отошла совсѣмъ изъ передоваго отряда.

Не успѣли мы расположиться, какъ слѣдуетъ, на отдыхъ, какъ отовсюду стали прибывать болгары съ просьбами о защитѣ отъ баши-бузуковъ и черкесовъ. Въ столь справедливыхъ просьбахъ, понятно, имъ отказано не было, и тотчасъ въ указываемыя ими направленія посылались разъѣзды. Но оказалось, что перепуганные военными событіями болгары, дабы привлечь въ свои селенія хоть нѣсколько нашихъ солдатъ, могущихъ ихъ защитить отъ звѣрствъ турокъ, нарочно измышляли и доносили о мнимыхъ появленіяхъ непріятеля въ той или другой мѣстности.

По своей неопытности мы имъ сначала вѣрили, и должны были на ночь выставить, кромѣ аванпостовъ, еще пѣшую цѣпь, такъ какъ могли ожидать, изъ разсказовъ, даже ночнаго нападенія.

22 Іюня. Среда.

Мы находились въ полной неизвѣстности относительно предстоящихъ дѣйствій, когда въ 12 часовъ пріѣхалъ къ нашей радости генеральнаго штаба подполковникъ Фрезе, всегда повсюду всѣми любимый, и назначенный состоять при нашей бригадѣ. Онъ привезъ намъ не только диспозицію по отряду, но и сообщенія объ общемъ планѣ дѣйствій нашей арміи. Такъ отъ него мы узнали, что сформирована рущукская армія подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича изъ 12-го и 13-го кор-

пусовъ, что 9-й корпусъ получилъ назначеніе дѣйствовать на западъ, противъ Никополя; 8-й-же корпусъ и подходящій изъ Россіи 4-й, составятъ центръ и пойдутъ вслѣдъ за передовымъ отрядомъ, который долженъ будетъ открыть имъ путь за Балканы.

Это сообщеніе еще больше убѣдило насъ въ важной роли, которая выпала на долю нашего отряда. Первымъ перейти Балканы, можетъ быть войти въ Адріанополь—вотъ что заставляло многихъ завидовать намъ.

— Вы назначены въ передовой отрядъ? спрашивалъ меня капитанъ К.

— Да, адъютантомъ драгунской бригады, отвѣчалъ я.

— Ну, батюшка, вы въ сорочкѣ родились, заключилъ завистникъ.

— Пожалуй, что и такъ, отвѣчалъ я, думая про себя: «погодимъ-себѣ радоваться, можетъ быть оно еще преждевременно, а то въ авангардѣ, какъ разъ, на тотъ свѣтъ угодишъ».

Сегодня весь отрядъ долженъ былъ продвинуться впередъ на цѣлый переходъ. Наша бригада составляла центръ; на лѣвомъ флангѣ, по большой дорогѣ въ Тырново, стала донская бригада; на правомъ флангѣ сводная бригада; главныя-же силы, т. е. наша пѣхота, перешли въ Акчаиръ. Общее протяженіе линіи передовыхъ постовъ и разъѣздовъ было около тридцать верстъ. Мѣстность впередъ освѣщалась разъѣздами верстъ на двадцать.

Драгунская бригада выступила съ бивуака въ 2 часа пополудни. Мы шли чрезъ болгарскія селенія Акчаиръ, Горный-Студень и Дольній-Студень. Болгары повсюду выбѣгали къ намъ всѣмъ населеніемъ, съ женщинами и дѣтьми на встрѣчу. Ихъ радостямъ и пожеланіямъ не было конца!

«Добре дошли, братушки! (милости просимъ). Како живете съ Богомъ», вотъ тѣ возгласы, съ которыми насъ встрѣчали.

Безспорно самые тяжелые моменты для болгаръ во время войны были съ появленія слуховъ о нашемъ приближеніи, до прихода нашихъ войскъ и занятія ихъ мѣстности, такъ какъ защитить ихъ отъ грабежей и убійствъ баши-бузуковъ, черкесовъ и даже уходящихъ мирныхъ жителей турокъ, пользовавшихся краткостью времени—было не кому. На ихъ лицахъ, когда они насъ встрѣчали, и было написано спокойствіе и радость, что ихъ миновала эта горькая чаша.

Ординарецъ-драгунъ, смѣтливый унтеръ-офицеръ, которому какая-то болгарка совала въ руки чашку съ краснымъ виномъ, посмотрѣлъ на меня вопросительно: не буду-ли я имѣть что-нибудь противъ него, если онъ отопьетъ немного винца.

Видя, что я умышленно отвернулся, чтобы ему не помѣшать отпить, хлѣбнулъ на ходу и не замедлилъ обратиться ко мнѣ съ своими впечатлѣніями.

— Эти болгары, ваше благородіе, добрый народъ. Какъ они теперича стараются изъ-за хлѣбопашества, и скотины сколько держатъ, и порядокъ какой у нихъ на поляхъ! Если ихъ отъ турки ослобонить, богатая изъ нихъ губернія можетъ выдти.

— Такъ ты полагаешь, что мы присоединимъ ихъ къ себѣ и подѣлаемъ изъ нихъ русскія губерніи? спросилъ я его.

— Да какъ-же иначе возможно, ваше благородіе? Ихъ таперь оставить нельзя будетъ: мы уйдемъ, турки опять прійдутъ, такъ ужъ тогда ихъ совсѣмъ, въ отмѣстку, замучаютъ. Самимъ-же имъ, милягамъ, не управиться, разсудилъ драгунъ.

Довольно правильное разсужденіе унтеръ-офицера заставило меня ему разъяснить политическую невозможность въ осуществленіи его предположеній.

— А жалко, ваше благородіе, славные-бы вышли мужики изъ нихъ, и вѣра-то у насъ единственно та-же, и языкъ на нашъ схожъ: не то, что эти румыны, заключилъ драгунъ.

Такъ вѣроятно думаютъ многіе солдаты.

Разспросивъ у болгаръ, и получивъ отъ головныхъ разъѣздовъ, свѣдѣнія, что въ слѣдующей деревнѣ Батакъ жители всѣ турки и селенія не бросили, наше начальство сдѣлало распоряженія, чтобъ авангардъ бригады поступилъ-бы согласно данной инструкціи, т. е. обезоружилъ-бы населеніе и сообщилъ имъ прокламацію Главнокомандующаго.

Прокламація эта наказывала туркамъ жителямъ положить оружіе и продолжать мирно заниматься своими дѣлами, обѣщая имъ за это неприкосновенность личности и имущества.

Интересуясь поближе посмотрѣть на встрѣчу нашихъ войскъ съ турками, мы съ подполковникомъ Фрезе поѣхали рысью къ авангарду и нагнали его въ тотъ моментъ, когда онъ подходилъ къ толпѣ турокъ, высыпавшей изъ деревни на встрѣчу русскимъ войскамъ. Впереди ихъ всѣхъ стоялъ старшина селенія, почтенный, сѣдой старикъ въ чалмѣ, сохранявшій все время спокойный съ достоинствомъ видъ. Остальные-же турки имѣли перепуганный и растерянный видъ и какъ-бы прижимались другъ къ другу. Для предосторожности кругомъ деревни была разставлена тотчасъ-же цѣпь. Переводчикъ-болгаринъ читалъ имъ прокламацію, которую турки выслушали съ огромнымъ вниманіемъ, причемъ въ знакъ одобренія на нѣкоторыхъ мѣстахъ старшина дѣлалъ какіе-то знаки рукою. По окончаніи чтенія прокламаціи, туркамъ приказано было сносить оружіе, и они пошли въ деревню за нимъ. Вскорѣ они начали выносить его и складывать: оружіе оказалось старое, по преимуществу кремневое и никуда негодное. Когда князь Евгеній Максиміліановичъ подъѣзжалъ къ группѣ, повидимому уже покорныхъ турокъ, старшина деревни, предупрежденный переводчикомъ, что это ѣдетъ Племянникъ русскаго Государя, еще издали сталъ подходить къ нему, дѣлая преуморительные поклоны, прижимая руку то ко лбу, то къ сердцу, то касаясь ею земли. Закончилъ онъ эту сцену тѣмъ, что приложился

къ стремени герцога. Этимъ онъ выразилъ свое высокое уваженіе и покорность.

Вполнѣ расчитывая послѣ этого, что успокоившіеся турки, сложивъ оружіе, изъявивъ покорность и разошедшись въ деревню, теперь ужъ не причинятъ намъ безпокойствъ, бригада расположилась бивуакомъ, на ночлегъ. Но вскорѣ выстрѣлы въ деревнѣ по нашимъ фуражирамъ доказали, что турки не такъ-то легко покоряются судьбѣ и силѣ. Необходимо было ихъ тотчасъ-же наказать за вооруженное неповиновеніе, и для наказанія стрѣлявшихъ изъ дома турокъ, посланы были спѣшенные драгуны, по которымъ турки продолжали стрѣлять. Драгуны окружили домъ, и несмотря на стрѣльбу изъ оконъ и дверей, вошли въ него, причемъ входя стрѣляли, и къ несчастію, въ числѣ четырехъ турокъ поранили въ ногу одну женщину. Изъ слѣдующаго дома ихъ нельзя было выбить и пришлось домъ этотъ зажечь. Когда-же имъ пригрозили сжечь всю деревню, если они не выдадутъ окончательно все оружіе, все населеніе съ женами и дѣтьми вышло къ намъ, сдало все годное, хорошее оружіе и желая фактически доказать, что они теперь уже окончательно покорились, расположились въ полѣ на ночлегъ рядомъ съ нами. Они принесли съ собою и раненую въ ногу женщину, которой нашъ докторъ хотѣлъ сдѣлать перевязку, но турки и сама женщина этого не допустили: она предпочитала лучше умереть отъ истеченія крови, чѣмъ получить помощь отъ русскаго.

Въ мирное время, или въ войну съ европейскимъ народомъ фактъ пораненія женщины былъ-бы болѣе чѣмъ грустнымъ. Здѣсь-же онъ не производилъ того впечатлѣнія: «Жалко, что дѣлать, подвернулась, на войнѣ всяко бываетъ»—говорили люди самые гуманные. Это чувство можно объяснить только религіознымъ различіемъ и проявлявшейся на каждомъ шагу ненавистью турокъ къ намъ, за которую намъ остается платить только равнодушіемъ къ ихъ страданіямъ.

— Повѣрьте мнѣ—говорилъ переводчикъ, и вы со временемъ убѣдитесь, что съ турками иначе нельзя поступать, какъ самыми крутыми мѣрами. Убѣждайте ихъ какъ хотите, принимайте мѣры предосторожности какія вамъ угодно, даже облагодѣтельствуйте ихъ, они будутъ все искать случая васъ убить. Стоитъ вамъ только повѣсить двухъ или трехъ, и они сразу дѣлаются ягнятами. Для турокъ есть одно наказаніе — смертная казнь.

Нѣтъ, думаю я себѣ, ты такъ говоришъ потому, что ты болгаринъ и естественный врагъ турокъ. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ въ каждомъ селеніи вѣшать по нѣскольку человѣкъ: это пожалуй обратится въ концѣ концовъ въ палачей. Впрочемъ, посмотримъ, что будетъ дальше. Французы не турки, а пруссаки ихъ безпощадно разстрѣливали за франъ-тирерство.

. . . .

23 Іюня. Четвергъ.

Мы стоимъ все на томъ-же бивуакѣ у дер. Батасъ. Офицеръ, посланный вчера вечеромъ за приказаніемъ, ночью заблудился и штаба отряда не нашелъ. Утромъ его вторично послали. Турки, жители Батака, по прежнему сидятъ въ сосѣдствѣ съ нами, на полѣ, и не рѣшаются отойти отъ насъ, боясь мщенія болгаръ. Пригласивъ съ собою переводчика, я пошелъ съ нимъ къ группѣ турокъ, съ цѣлью развѣдать что-нибудь у нихъ. Мнѣ бросилась въ глаза славная фигура смѣло смотрѣвшаго въ глаза, съ гордою осанкою турка. Я рѣшился побезпокоить его своимъ разговоромъ. Турокъ всталъ, женщины совсѣмъ закрылись чадрами, дѣти-же прижались къ матери, боязливо поглядывая своими прелестными глазенками на меня.

— Спросите пожалуста, этого турку—обратился я къ переводчику — велика-ли у него семья? началъ я издалека, желая этимъ задобрить турку.

— Имѣю жену и трехъ дѣтей, отвѣчалъ онъ, указывая на нихъ.

— Что турки, по большей части, имѣютъ по нѣскольку женъ, или по одной? продолжалъ я.

— Въ деревняхъ, по большей части, по одной; но бываетъ, что и двухъ имѣютъ, особенно богатые, улыбался турокъ.

— Отчего-же онъ, еще не старый человѣкъ, не попалъ въ войско, когда у нихъ, говорятъ, забрали на службу всѣхъ способныхъ носить оружіе?

— Я изъ годовъ вышелъ для службы, да на рукахъ у меня двѣ семьи: моя и брата, говорилъ онъ, указывая на сосѣднюю группу женщины съ дѣтьми.

— Ожидали-ли они, что мы перейдемъ Дунай, у Систова?

— Нѣтъ не ожидали, особенно у Систова; мы думали, что вы перейдете пониже Дунай.

— Зачѣмъ-же они вчера насъ обманули и хотѣли сопротивляться? Развѣ они не видѣли, что насъ тутъ много, и мы имѣемъ пушки? Могла-ли быть у нихъ надежда на то, чтобы насъ изгнать отсюда? Вѣдь въ концѣ концовъ мы бы настояли-же на своемъ?

— А что-бы сдѣлалъ ефенди, если-бы турки пришли къ русскимъ? Развѣ онъ не сталъ-бы защищать свою родину? отвѣчалъ коротко и съ достоинствомъ турокъ.

— А какъ онъ надѣется, побьемъ-ли мы ихъ или нѣтъ? задалъ я щепетильный вопросъ.

— На то воля Аллаха! тонко вывернулся турокъ.

— Если ваши паши будутъ такъ распоряжаться, какъ до сихъ поръ, то мы, конечно, васъ побьемъ,—началъ я издалека, такъ въ Систовѣ было всего 6000 чел., а вотъ теперь мы идемъ впередъ, нигдѣ войскъ не встрѣчаемъ; ближе Тырнова нѣтъ ни одного солдата, правда?

— Да, здѣсь войскъ не было, ближе Тырнова не встрѣтите.

— А сколько ихъ въ Тырновѣ? попалъ я наконецъ на желанный вопросъ.

— Не знаю: я тамъ не былъ, отвѣчалъ онъ, понявъ для чего я пришелъ къ нему.

— Можетъ быть слыхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, отвѣчалъ ужъ онъ рѣзко.

Я уже собирался уходить, когда турокъ въ свою очередь спросилъ меня:

— Долго-ли ваши войска здѣсь останутся?

— А зачѣмъ ему это знать, уперся я не хуже турки.

— Да мы боимся: у насъ отобрали оружіе: вы уйдете, болгары насъ перебьютъ.

— Развѣ перебьютъ? Неужели ужъ они такіе звѣри? Не наоборотъ-ли до сихъ поръ случалось? Впрочемъ, не бойтесь: мы уйдемъ, другіе полки придутъ. А турки народъ съ характеромъ, подумалъ я.

Сегодня всѣ вообще донесенія разъѣздовъ сводились къ тому, что ближе Тырнова нигдѣ войскъ непріятельскихъ нѣтъ.

24 Іюня. Пятница.

Вслѣдствіе полученной диспозиціи, весь передовой отрядъ передвигается сегодня опять на цѣлый переходъ впередъ, причемъ кавалерія занимаетъ линію по р. Руситѣ.

Мы выступили въ $6^1/_2$ часовъ утра, прошли дер. Павликаны и ужъ въ 11 часовъ прибыли въ дер. Мурадъ-бей-кіой (Mradego), гдѣ намъ назначено было стоять. Эта деревня произвела на насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Особенно-радушные болгары, живущіе съ избыткомъ, очень опрятно и богато одѣтые, съ женами и дѣтьми высыпали къ намъ на встрѣчу, и съ неподдѣльною радостью угощали насъ своими достатками. Мѣстоположеніе этой деревни также превосходно: каждый домикъ какъ-бы утопаетъ въ роскошныхъ, тѣнистыхъ, фрукто-

выхъ садахъ. Чистая, съ песчанымъ дномъ р. Русита, берега которой изобилуютъ прекрасными рощами, омываетъ и придаетъ этой деревушкѣ удивительно веселый видъ. Въ одной изъ такихъ рощъ и расположилась наша бригада. Какъ-то хорошо, свободно дышется здѣсь! Забываешься, и воображаешь-себѣ, что находишься гдѣ нибудь на загородной прогулкѣ въ Россіи. Болгары въ изобиліи доставляли намъ съѣстные припасы, и мы были въ восторгѣ отъ подобной стоянки.

Сегодня особенно энергично собираются свѣдѣнія о непріятелѣ. Цѣлые полтора эскадрона посланы въ разъѣзды, постоянно получаются донесенія изъ разспросовъ у жителей-турокъ и болгаръ.

Къ вечеру съ аванпостовъ привели захваченнаго въ плѣнъ, турка-кавалериста, хотѣвшаго дать знать своимъ свѣдѣнія о нашихъ силахъ. Его тотчасъ-же допросили; показанія его вполнѣ сошлись съ показаніями болгаръ: въ Тырновѣ всего отъ двухъ до трехъ тысячъ пѣхоты при шести орудіяхъ. Вечеромъ мы получили отъ генерала Гурко интересную, для нашей бригады диспозицію, въ которой писалось: «произвести усиленную рекогносцировку, чрезъ д. Балванъ на Тырново. При этой рекогносцировкѣ я буду присутствовать самъ, причемъ прибуду къ бригадѣ въ д. Мрадего, около 6-ти часовъ утра. По окончаніи рекогносцировки, драгунской бригадѣ вернуться на бивуакъ въ Мрадего».

Для облегченія усиленной рекогносцировкѣ донская бригада должна была выслать сильный отрядъ на Тырново со стороны рѣки Янтры.

— Наконецъ-то мы попадемъ въ дѣло! говорили будущіе участники завтрашней рекогносцировки. Припоминая родину, близкихъ и свое прошлое, заснули мы сегодня сномъ тревожнымъ.

25 Іюня. Суббота.

Едва успѣли мы наскоро одѣться, какъ на бивуакъ въ 6 час. утра, прибылъ ген. Гурко, въ сопровожденіи своего помощника ген.-маіора Рауха, начальника штаба передоваго отряда полковн. Нагловскаго, принца Батенберга и состоящаго при немъ генерала кн. Витгенштейна и ординарцевъ ротм. Скалона, поруч. Суханова, ординарца Вел. Кн. Главнокомандующаго шт.-ротм. Фелицына и князя Цертелева.

Выслушавъ отъ Князя Евгенія Максиміліановича донесенія разъѣздовъ и познакомившись съ командирами частей, ген. Гурко сѣлъ на коня и поѣхалъ къ бригадѣ, которая уже стояла совершенно готовою. Здороваясь съ солдатами, ген. Гурко своимъ громкимъ, энергичнымъ голосомъ, обращался съ краткими, но сильными словами къ каждой части отдѣльно:

— Вамъ, гг. офицеры — говорилъ генералъ — напоминаю, что никогда русскій солдатъ не бросалъ своего офицера, слѣдовательно: если вы впереди, и они будутъ за вами!

— А вы, балованныя дѣти Царя—говорилъ онъ гвардейскому конвою — должны сослужить особенную службу нашему Отцу-Благодѣтелю, и если прійдется, то лечь, всѣмъ до единаго, костьми.

— Драгуны! продолжалъ генералъ—помните до какой чести вы дослужились: изо всей русской арміи васъ выбрали первыми, чтобъ перейти Балканы; такъ докажите, что вы заслужили довѣріе нашего Государя; будьте молодцами.

— Артиллеристы помните: стрѣлять рѣдко, да мѣтко.

«Постараемся!» послѣ каждой паузы генерала отвѣчали солдаты. Святыя чувства русскаго человѣка были мѣтко задѣты генераломъ: сердце дрожало отъ хорошихъ, благородныхъ влеченій! На лицахъ многихъ было замѣтно нервное подергиваніе мускуловъ. Мы выступили въ составѣ: гвардейскаго полуэскадрона, трехъ эскадроновъ 9-го драгунскаго Казанскаго полка,

два съ половиною эскадрона 8-го драгунскаго Астраханскаго полка и 16-й конной батареи. Всего 6 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій. Остальныя части были въ разъѣздахъ.

Пройдя дер. Михалку и Яларъ, гдѣ намъ выносили хлѣбъ сыръ и подносили вино, мы подошли къ Каябунару, турецкой деревнѣ, лежащей у подошвы скалистой горы, гдѣ оставили эскадронъ для отбиранія оружія. Только что отрядъ прошелъ дер. Каябунаръ, какъ головная часть авангарда, взводъ гвардейскаго почетнаго конвоя, подъ начальствомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады шт.-кап. Саввина, открылъ турецкую кавалерію, открывшую по немъ огонь изъ магазинныхъ ружей. Отрядъ-же въ ожиданіи объясненія обстоятельствъ былъ остановленъ въ скалистомъ дефилэ. Генералъ Гурко выѣхалъ на скалу, откуда была отлично видна впереди лежащая мѣстность, и мы увидѣли значительную кавалерійскую часть, тянувшуюся по шоссе изъ Сельви на Тырново. Кн. Евгеній Максимиліановичъ приказалъ мнѣ привести два орудія на скалу, гдѣ стоялъ ген. Гурко. Еще свѣжая 16-я конная батарея *лихо это исполнила, карабкаясь по глыбамъ камней,* и заняла позицію, указанную мною.

Между тѣмъ взводикъ Саввина продолжалъ рысью идти на непріятельскую конницу. Видя смѣло выдвинувшуюся нашу небольшую часть, турки бросились на нее съ трехъ сторонъ. Боясь быть смятымъ, Саввинъ удивительно быстро спѣшилъ свой взводъ и открылъ неожиданный для непріятеля огонь, заставившій ихъ немедленно же повернуть назадъ. Ротмистръ Нордъ 2-й съ остальною частью эскадрона и эскадронъ Казанскихъ драгунъ уже неслись на поддержку Саввина. 16-я конная батарея дала также два выстрѣла по отступающимъ туркамъ, которые вскорѣ скрылись за горою. Тогда ген. Гурко спустился внизъ и поѣхалъ догонять преслѣдовавшія наши части, оставивъ до приказанія Кн. Евгенія Максимиліановича съ остальнымъ отрядомъ на мѣстѣ.

Тутъ-же подошелъ къ намъ полковникъ Красновъ отъ Донской бригады съ двумя орудіями и тремя сотнями. Отхваченный драгунами, плѣнный турецкій кавалеристъ показалъ, что онъ принадлежитъ къ арнаутской кавалеріи, которой подъ Тырновымъ четыре сотни. Они были высланы для рекогносцировки на встрѣчу намъ.

Прогнавъ противника до высотъ около дер. Бѣловковцы, ген. Гурко съ кавалеріею, утомленный быстрымъ движеніемъ и невыносимой жарой, остановился, пославъ приказаніе Герцогу Лейхтенбергскому присоединиться къ нему.

Я былъ тотчасъ-же посланъ найти ближайшій путь для соединенія съ ген. Гурко. Дороги никакой не было, и пришлось ѣхать пашней. Вскорѣ я увидалъ сидящаго со штабомъ генерала Гурко.

Увидавъ меня, онъ сказалъ:

— Какъ артиллеристъ, выберите позицію для батарей.

Я поѣхалъ дальше по направленію къ высотамъ. Въ это время, турки уже открыли артиллерійскій огонь по хребту, на которомъ хотя никого изъ нашихъ еще не было, но мы должны были войти, чтобъ подойти къ городу. Я выѣхалъ на хребетъ и предо мною открылась цѣлая панорама: вся южная часть города была видна какъ на ладони; правѣе города, на холмѣ, было устроено турецкое укрѣпленіе, изъ котораго и дѣйствовала непріятельская артиллерія, турецкіе-же стрѣлки были разсыпаны у подножія холма.

Непріятельскія гранаты то и дѣло что ложились вокругъ меня. Очевидно, этотъ хребетъ представлялъ единственную позицію для нашей батареи. Турки это сообразили и заранѣе пристрѣливались по ней. Я поскакалъ назадъ, встрѣтилъ 16-ю конную батарею и передалъ ея командиру, подполк. Ореусу, гдѣ ему лучше стать.

Кн. Евгеній Максиміліановичъ прошелъ для присоединенія съ авангардомъ на рысяхъ; вслѣдствіе тяжелой почвы, лошади,

особенно артиллерійскія, были всѣ въ мылѣ. Непріятель-же все усиленно стрѣлялъ по хребту, который теперь уже занялъ подполковникъ Бѣлогрудовъ со спѣшеннымъ 3-мъ эскадрономъ Казанскаго драгунскаго полка. Вслѣдъ за этимъ эскадрономъ выѣхала и 16-я батарея. Не успѣла она сняться, какъ потеряла двухъ человѣкъ ранеными и нѣсколько лошадей. Осыпаемая гранатами, батарея удивительно быстро пристрѣлялась. Тогда непріятельская артиллерія ослабила свой огонь и чрезъ часъ совсѣмъ прекратила его; одна пѣхота еще упорствовала.

На подкрѣпленіе эскадрона казанцевъ были спѣшены и посланы: 2 эскадрона Казанскихъ и 2 эскадрона Астраханскихъ драгунъ подъ начальствомъ командира Казанскаго драгунскаго полка полковника Корево, который быстро спустился съ горы и сталъ энергично наступать.

Тырновскіе жители, стоявшіе на крышахъ домовъ и у окраины города, съ самаго нашего появленія посылали намъ возгласы радости и махали платками. Видя-же, что турки не выдержали и стали отходить къ кладбищу и далѣе на востокъ, болгары ударили въ колокола. Моментъ насталъ чудный. Гулъ выстрѣловъ, колоколовъ, возгласы радости—все это слилось въ одинъ общій, славный шумъ. Тогда ген. Гурко съ Кн. Евгеніемъ Максимиліановичемъ и со штабомъ въѣхалъ впередъ къ окраинѣ города. Часть-же турецкой пѣхоты, вѣроятно аріергардъ, засѣла въ укрѣпленія и продолжала стрѣлять. Тогда Кн. Евгеній Максимиліановичъ приказалъ мнѣ привести, впередъ, на дорогу, съ горы, два орудія 16-й батареи, чтобы огнемъ артиллерійскимъ выбить ихъ оттуда. Два орудія въѣхало на указанное мною мѣсто, открыли огонь картечною гранатою, и съ перваго-же выстрѣла, удивительно мѣтко попали въ засѣвшихъ въ окопахъ турокъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и эта пѣхота отошла. Этимъ дѣло не кончилось: казаки прошли, на рысяхъ, городъ насквозь и вмѣстѣ съ драгунами и артилле-

ріею преслѣдовали турокъ на 10 верстъ. Лагерь, много ружей, масса патроновъ, знамя, до 1000 боченковъ были нашими трофеями.

Ген. Гурко съ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ и съ гвардейскимъ эскадрономъ торжественно въѣхали въ городъ. Восторгу болгаръ не было предѣловъ: одни бросались цѣловать насъ, другіе кричали «ура» и «живіо Царь Александръ», апплодировали; женщины забросали насъ изъ оконъ цвѣтами!

Мы проѣхали прямо въ соборъ, если можно такъ назвать простой домъ съ крестомъ на крышѣ. Архимандритъ служилъ благодарственный молебенъ. Молебенъ прошелъ очень шумно, такъ какъ взволнованные радостью болгары, не будучи въ состояніи прійти въ себя, безпрестанно входили и выходили изъ церкви, подпѣвали дьячку и громко разговаривали. Изъ собора мы проѣхали въ конакъ, присутственное мѣсто, гдѣ болгары приготовили намъ угощеніе. За часъ до нашего прихода, турки-чиновники съ поспѣшностью убрались изъ конака, не успѣвъ взять съ собою канцелярскія принадлежности чернила, перья, бумаги валялись, разбросанныя по комнатамъ.

Городъ Тырново лежитъ въ чрезвычайно живописной мѣстности на р. Янтрѣ, въ котловинѣ. Какъ и всѣ восточные города, онъ грязенъ, улицы узки, отвратительно вымощены. Жители его носятъ европейскій костюмъ и ведутъ полуевропейскую жизнь. Между ними я познакомился съ двумя болгарами, окончившими курсъ въ нашемъ технологическомъ институтѣ.

Гостепріимству болгаръ не было предѣла: они сами искали случай услужить намъ хоть чѣмъ-нибудь. Особенно насъ поразила простота обхожденія женщинъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали уваженіе къ себѣ.

— Како се зовешься? спрашивала прямо молодая дочь хозяина, протягивая руку и знакомясь со мною.

Съ перваго-же дня они звали насъ всѣхъ по имени.

Вообще взятіе Тырнова важно потому, что этотъ городъ есть гнѣздо интеллигенціи Болгаріи.

Одинъ только гвардейскій полуэскадронъ расположился въ самомъ городѣ. Наша-же бригада стала за городомъ на османъ-базарской дорогѣ. Ген. Гурко остановился у архимандрита.

Послано приказаніе всему передовому отряду сосредоточиться въ Тырновѣ. Сегодня особенно усталъ отъ жары и массы пережитыхъ, славныхъ и разнообразныхъ чувствъ.

26 Іюня. Воскресенье.

Успокоившись и отдохнувши, можно спокойно обсудить вчерашній день.

Онъ не такъ простъ, какъ первоначально кажется.

Фактъ взятія Тырново 6-ю эскадронами и защищаемаго 4-мя таборами пѣхоты съ артиллеріею, есть едва-ли не единственный, слышанный мною. Правда, кровопролитія особеннаго не было, но отваги и рѣшимости тьма. Спѣшить нѣсколько эскадроновъ и съ ними наступать на засѣвшую въ укрѣпленіи пѣхоту, по меньшей мѣрѣ — смѣло. Перейди турки въ наступленіе, и наши спѣшенные драгуны были-бы въ очень некрасивомъ положеніи, имѣя далеко за собою коноводовъ. Вчерашній день долженъ составить гордость каждаго кавалериста, доказавъ всему свѣту, что времена кавалеріи никогда не пройдутъ.

Мы сдѣлали до Тырнова 40 верстъ на коняхъ; послѣ часа перестрѣлки прогнали турокъ и преслѣдовали ихъ далеко за городъ. Нѣкоторые спѣшенныя части сдѣлали при преслѣдованіе болѣе 15-ти верстъ. По собраннымъ отъ жителей свѣдѣніямъ, турки брали у болгаръ подводы подъ раненыхъ и одно орудіе было подбито. Мы-же потеряли двухъ ранеными и двухъ контуженными. Вотъ результатъ вчерашняго дня.

Несмотря на утомленіе драгунской бригады, мы получили приказаніе пройдти по Османъ-базарской дорогѣ къ дер. Добрый-долъ, съ цѣлью:

1) ввести въ заблужденіе противника въ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ,—и

2) разузнать объ отступившемъ тырновскомъ гарнизонѣ.

Дойдя до дер. Добрый-Долъ, Кн. Евгеній Максимиміановичъ остановился съ бригадою, выславъ впередъ и въ стороны цѣлые эскадроны для развѣдокъ. По пути мы встрѣчали турецкіе трупы, валявшіеся на дорогѣ, свидѣтельствовавшіе о нашемъ преслѣдованіи. Только къ 9-ти часамъ вечера вернулись посланные для развѣдокъ эскадроны къ своей бригадѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что вчера турки ночевали въ дер. Кесарево, гдѣ ихъ было болѣе двухъ тысячъ, при 6-ти орудіяхъ, и сегодня отошли на Османъ-Базаръ, гдѣ стоитъ до 15-ти таборовъ пѣхоты.

Только въ 11 часовъ вечера вернулись мы на бивуакъ къ монастырю Св. Петра.

27 Іюня. Понедѣльникъ.

Наконецъ-то наступилъ день отдыха. Мы занимаемся писаніемъ реляцій и составленіемъ наградныхъ списковъ. Обѣдали у командира Казанскаго драгунскаго полка.

. . . .

Къ вечеру поднялся сильный вѣтеръ и дождь.

28 Іюня. Вторникъ.

Утромъ мы получили приказаніе отъ ген. Гурко выслать сборный эскадронъ, для сбереженія частей, въ дер. Кадыкіой, пройдти ему дер. Трембешъ, Власицу, Лефедзи, такъ какъ бѣжавшіе оттуда жители заявили, что туда появляются турецкія партія, рѣжущія и грабящія жителей. Кромѣ того сообща-

лось, что, по слухамъ, около дер. Кадыкіоя собрался обозъ въ 2000 подводъ, ушедшій изъ Систова и Тырнова.

Тотчасъ-же былъ составленъ сборный эскадронъ подъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова и посланъ по назначенію.

Мы-же поѣхали въ городъ, который теперь принялъ совсѣмъ другой видъ: лавки всѣ были отперты и шла оживленная торговля. Посѣтили Кіевскій гусарскій полкъ, гдѣ встрѣтили Кн. Николая Максиміліановича..

. . . .

Къ вечеру мы вернулись назадъ, узнавъ, что скоро выступаемъ за Балканы.

29 Іюня. Среда.

Мы получили записку изъ штаба ген. Гурко съ требованіемъ командировъ частей къ 11-ти часамъ утра къ себѣ. Догадываюсь, что дѣло идетъ о переходѣ черезъ Балканы.

Выйдя на большую дорогу, пройтись для развлеченія, я увидалъ верховаго драгуна, ѣхавшаго съ донесеніемъ отъ подполковника Бѣлогрудова, который сообщилъ, что они имѣли вчера вечеромъ дѣло съ баши-бузуками и потеряли двухъ убитыми и двухъ ранеными.

— Разскажи-ка, какъ это все было? любопытствовали мы.

— Да, изволите-ли видѣть:—мы подошли, ужъ было темно, къ деревнѣ, какъ ее звать-то... запамятовалъ...

— Ну, все равно, продолжай...

— А за деревней-то, эти бузуки составили свои телѣги и ночуютъ за ними. Подполковникъ Бѣлогрудовъ насъ спѣшилъ и повелъ въ штыки. Мы это идемъ, а они насъ сразу-то въ темнотѣ и не замѣтили; а замѣтны мы имъ стали, какъ совсѣмъ ужъ близко подошли. Мы кричимъ «ура», а они изъ-подъ телѣгъ стрѣлять въ насъ, въ самый въ упоръ. Телѣгами такъ обставились, что туда къ нимъ во внутрь и не залѣзешь такъ

вотъ всѣ подъ телѣгами-то и сидятъ. Какъ ударишь штыкомъ-то подъ телѣгу, такъ онъ тамъ какъ звѣрь и зареветъ. Позабавились мы маленько такимъ манеромъ съ ними, ну они и бѣжать. Тутъ намъ сборъ проиграли; мы стали собираться. Собрались, а вахмистръ говоритъ подполковнику: одного, ваше высокоблагородіе, нѣту. Ну, извѣстное дѣло, не оставлять-же своего, хотя и мертваго, въ басурманскихъ рукахъ. Пошли съизнова на обозъ товарища искать, можетъ они надъ нимъ ругательства сотворятъ. Пошли мы, а они опять подъ телѣгами собрались. Тутъ сердце взяло за товарища: ужъ тутъ мы ихъ за то и почистили. Ну, одного у насъ еще убили, да двухъ ранили, а тѣло мы нашли, да теперь и веземъ обоихъ убитыхъ съ эскадрономъ. Они скоро должны быть.

— А какъ-же вы съ турками покончили?

— Отогнали ихъ отъ этого самаго обоза: они бѣжать, да въ горы: ну, что-же съ ними дѣлать-то оставалось? Темно, ни зги не видать. Взяли и вернулись.

— Молодецъ! похвалили его офицеры.

— *Рады стараться!* отвѣчалъ обстоятельно и съ сердцемъ разсказывавшій драгунъ.

Дѣйствительно, скоро прибылъ подполковникъ Бѣлогрудовъ со сборнымъ эскадрономъ и съ телѣгою, обложенной вѣтвями, въ которой везлись тѣла убитыхъ драгунъ.

Донесеніе подполковника Бѣлогрудова было совершенно тождественно съ разсказомъ драгуна.

Вскорѣ съ совѣщанія ген. Гурко прибылъ Кн. Евгеній Максиміліановичъ съ ординарцемъ отъ Главнокомандующаго, привезшій драгунской бригадѣ благодарность отъ Великаго Князя за молодецкую службу и взятіе Тырнова.

Затѣмъ было приступлено къ торжественному отпѣванію и погребенію убитыхъ «за вѣру, Царя и отечество» драгунъ въ присутствіи Герцога Лейхтенбергскаго и всего полка. Пришедшіе на погребеніе болгары и монахи изъ монастыря Св. Петра

уставили гробы свѣчами и разукрасили цвѣтами. Служилъ русскій священникъ. Болгары глубоко прочувствовались во время отпѣванія и женщины плакали. «За насъ, за болгаръ, убіены», сказалъ по окончаніи службы одинъ старикъ болгаринъ, желая показать, что они цѣнятъ и понимаютъ, что русскіе для нихъ дѣлаютъ.

Распоряженія о переходѣ черезъ Балканы стали выходить одни за другими. Обозы приказано было всѣ остановить, изготовить наинеприкосновеннѣйшій запасъ сухарей на 5-ть дней и расходовать его только въ крайнемъ случаѣ.

Вечеромъ пришелъ на нашъ бивуакъ Кіевскій гусарскій полкъ, смѣнилъ наши аванпосты и мы получили диспозицію о выступленіи завтра за Балканы. Весь передовой отрядъ долженъ будетъ завтра тронуться по козьей тропѣ и выйдти у Хаинкіоя. До Хаинкіоя по картѣ 50 верстъ.

Выйдя въ долину Тунджи, мы должны будемъ дѣйствовать въ тылъ фронтальнымъ наступленіемъ отряда нашихъ войскъ изъ Габрово.

Для обезпеченія себя со стороны города Елены, три сотни казаковъ съ двумя орудіями посланы сегодня прогнать оттуда, если можно, турокъ, и затѣмъ присоединиться къ отряду. Противъ Дренова и Габрова посланъ отрядъ такой-же силы, съ приказаніемъ слѣдить за входомъ въ Шипкинскій проходъ и демонстрировать съ фронта.

Уральская-же сотня, съ конно-піонерами, подъ начальствомъ ген. Рауха, составила намъ авангардъ и должна разрабатывать намъ путь; они уже выступили.

Хорошее намъ предстоитъ, рискованное дѣло.

30 Іюня. Четвергъ.

Сорокъ восемь лѣтъ тому назадъ, только двумя днями ранѣе, генералъ Дибичъ началъ свой переходъ за Балканы! Ре-

зультаты его перехода были удачны: этимъ кончилась война, такъ какъ за Балканами ему оставалось только идти впередъ. Кто знаетъ, можетъ быть мы пойдемъ по его пятамъ и займемъ Адріанополь и конецъ кампаніи не далекъ.

Въ 6 часовъ утра мы выступили изъ бивуака подъ монастыремъ св. Петра, и должны были пройти городъ Тырновъ. Вслѣдствіе движенія обозовъ и узкости улицъ, мы добрый часъ пробирались по городу, покуда изъ него не выбрались. Скоро, вслѣдъ за нами, должна прибыть бригада 9-й пѣхотной дивизіи генерала Дерожинскаго и главная квартира Великаго Князя. Генералъ Радецкій уже прибылъ въ городъ.

Для пріема высокаго гостя, Великаго Князя Главнокомандующаго, жители разукрасили, чѣмъ могли, городъ и одѣлись по праздничному, выходили ужъ за городъ встрѣчать полководца русской рати, избавляющей ихъ отъ турецкаго ига. Жаль было разставаться съ гор. Тырновымъ! Сердце лежало какъ-то къ нему. Не говоря уже о гостепріимствѣ, которымъ мы пользовались, мы встрѣтили въ немъ то сочувствіе, котораго мы ждали еще будучи въ Россіи, и которое, во время именно этой войны за славянъ, было нашимъ войскамъ почти необходимо для нравственной поддержки къ перенесенію трудовъ и къ сознанію, что самопожертвованіе въ этой войнѣ есть не одна горькая, безплодная необходимость!

Какъ ни жаль было покидать Тырново, но громадный интересъ забалканскаго похода бралъ верхъ, и къ одиннадцати часамъ утра уже весь отрядъ былъ на сборномъ пунктѣ у дер. Призово, а въ три часа мы пришли въ дер. Аплаково, гдѣ намъ былъ данъ привалъ. До Аплаково мы шли за 4-й стрѣлковой бригадой, а отсюда мы уже вышли впереди всѣхъ. Отъ этой деревни дорога становилась круче и круче, и четырехколесные артиллерійскіе ящики начали уже отставать. Съ каждымъ шагомъ путь нашъ становился живописнѣе: пробивающіеся съ шумомъ ручьи, поросшіе густымъ лѣсомъ обрывы и долинки

ручейковъ, безконечный рядъ холмовъ и вершинъ разнообразили путь до веселаго расположенія духа...

Темнѣло, когда мы дошли до «Дайнова моста», выселка дер. Средней Косиббе. Деревня-же эта лежитъ лѣвѣе дальнѣйшаго пути нашего движенія, по пути къ г. Еленѣ. Такъ какъ свѣдѣній отъ посланныхъ въ г. Елену казаковъ еще не было, то подп. Фрезе и выставилъ драгунскіе посты въ то направленіе. Позднѣе-же прибыли оттуда казачьи сотни, прошедшія въ этотъ день болѣе 80-ти верстъ, имѣвшія перестрѣлку съ башибузуками и вооруженными жителями, которыхъ они оттѣснили, взявъ много плѣнныхъ. Ночь была холодная и сырая.

1 Іюля. Пятница.

Мы тронулись съ бивуака въ 7 час. утра и двигались за болгарскимъ ополченіемъ и скоро вошли въ Хаинкіойскій проходъ. Съ этого момента начались трудности горнаго похода: крутые, длинные подъемы истомляли до нельзя лошадей и помогавшихъ имъ людей. Разъ взобрались на вершину подъема, приходилось идти по такому узкому мѣсту, что ежеминутно грозило орудію, вмѣстѣ съ людьми, едва удерживающими его отъ паденія, и лошадьми рухнуться въ пропасть.

Цѣлый день мы только и слышали:

«Ну, друзья, навалимъ... разъ, два, три... Бери!.. Нагайки ѣздовыхъ запрыгали по бѣднымъ лошадямъ и орудіе продвигалось на нѣсколько шаговъ и опять останавливалось. И снова та-же исторія...

Особенно доводили людей до отчаянія артиллерійскіе, четырехколесные ящики.

Нужно также сказать правду, что Хаинкіойскій проходъ вовсе незнакомый туркамъ, извѣстенъ однимъ мѣстнымъ жителямъ, благодаря которымъ мы и могли выйти за Балканы, почти невозможенъ для артиллеріи. Одна природа насъ щедро

вознаграждала своими видами: горы стали рѣзче выдаваться и принимать конусообразныя формы.

Такимъ образомъ, таща артиллерію почти что на рукахъ, на каждомъ шагу останавливаясь, передовой отрядъ растянулся верстъ на 20-ть, и когда генералъ Раухъ былъ уже за переваломъ, хвостъ отряда ночевалъ въ 15-ти отъ него. Въ походномъ, растянутомъ порядкѣ, тамъ, гдѣ застала ночь, располагались войска на ночлегъ, на самой дорогѣ. Ночь эта навсегда останется въ памяти у насъ! Гвардейскій эскадронъ одинъ сталъ бивуакомъ на самомъ перевалѣ, на кручѣ, такъ какъ площадка была занята пѣхотою, въ обыкновенное время немыслимой для расположенія на отдыхъ.

Полковникъ гр. Роникеръ, командиръ конно-піонеровъ, поставилъ на самомъ перевалѣ деревянный столбъ съ надписью: «30-го Іюня 1877 г. переходъ ген. Рауха съ конно-піонернымъ дивизіономъ черезъ Балканы, на 4000 фут. надъ поверхностью моря». Всякій спѣшилъ вписать или высѣчь свою фамилію на этомъ столбѣ, такъ какъ, кто знаетъ, можетъ быть этотъ памятникъ обратится современемъ и въ каменный, историческій.

Не поѣвши, укрывшись одною буркою, пролежалъ я всю ночь, просыпаясь по временамъ отъ пробиравшаго холода.

2 Іюля. Суббота.

Чуть свѣтъ отрядъ продолжалъ движеніе.

Только къ 11-ти часамъ начальникъ кавалеріи Князь Николай Максимиліановичъ, а за нимъ и казачья бригада могли спуститься съ перевала. Наша-же бригада подтянулась только въ три часа пополудни.

Дорога съ перевала, сразу крутымъ спускомъ сходила въ чрезвычайно каменистый ручей Селюеръ. Русломъ этого ручья, прыгая черезъ камни, шли мы цѣлыя версты. Отвѣсныя, дикія горы этого ущелья, поросшія богатою лиственною раститель-

ностью, иногда раздавались шире, и тогда дорога изъ ручья выходитъ въ прелестную, какъ бы усыпанную нарочно пескомъ аллею. Но это не надолго: горы сближаются и дорога опять спускается въ ручей.

Хотя драгунская бригада вышла 4-мя часами позже казаковъ, и мы на каждомъ удобномъ мѣстѣ останавливались, чтобъ дать подтянуться всей бригадѣ, въ 6 час. вечера наткнулись мы на хвостъ казаковъ. Тутъ мы встрѣтили сапернаго офицера, сообщившаго намъ, что въ авангардѣ было дѣло, что турокъ оттѣснили и что дорога для артиллеріи не исправлена и намъ придется ждать. Прождавъ до 8-ми часовъ и потерявъ надежду тронуться далѣе, Князь Евгеній Максимиліановичъ, съ однимъ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ, тронулся впередъ. обходя казачью бригаду.

Становилось темно, трудно было уже различать дорогу... Мы шли какъ ощупью, на каждомъ шагу останавливаясь и осматриваясь, дабы не попасть въ пропасть. Скоро уже ничего не было видно, кромѣ двухъ стѣнъ ущелья... Подъ ногами глубоко внизу шумѣлъ ручей, лошади храпѣли, напрягая вниманіе и держа ухо на сторожѣ. Вдругъ лошадь остановится, вытянетъ шею, понюхаетъ, отшатнется въ сторону—и во-время... Еще одинъ шагъ—и она была бы въ пропасти.

Такое путешествіе крайне непріятно: зрачки рѣжетъ отъ напряженнаго старанія хоть что-нибудь разсмотрѣть. Лучше всего бросить поводъ и положиться на лошадь. Но радость: мы увидали огонекъ, другой, третій... Бивуакъ!

— Кто ѣдетъ? спрашиваетъ передъ самымъ носомъ, какая-то фигура.

— Драгунская бригада, отвѣчаю ему.

— Что пропускъ?

— Курокъ, зналъ я твердо—и солдатъ далъ намъ дорогу.

Съ трудомъ выбрались мы къ бивуаку, гдѣ и расположились. Какъ ни былъ я уставши, но полюбопытствовалъ раз-

спросить о томъ, что происходило сегодня. Оказалось, что нашъ авангардъ вышелъ совершенно неожиданно для турокъ у Хаинкіоя, гдѣ стояли лагеремъ два баталіона египетскихъ войскъ. Если бъ не четыре всадника, замѣтившіе наше движеніе и давшіе знать своимъ о нашемъ появленіи, эти таборы были бы взяты живьемъ. Турки начали было наступать, но встрѣтивши, въ свою очередь, наступленіе нашихъ стрѣлковъ и пластуновъ, ушли черезъ дер. Конары на Твардицу. Весь лагерь, еще съ горячею пищею, достался намъ. Четыре сотни казаковъ, обходившія турокъ, наткнулись на ихъ обозъ, атаковали его и захватили 80 повозокъ, потерявъ двухъ убитыми и трехъ ранеными.

По слухамъ, турки отходятъ къ Сливнѣ.

3 Іюля. Воскресенье.

Сегодня назначенъ отдыхъ. Къ 12-ти часамъ пополудни Астраханскій драгунскій полкъ съ конной батареею и Кіевскими гусарами вышли также къ Хаинкіою. Такимъ образомъ весь передовой отрядъ былъ ужъ за Балканами. Но не всѣмъ войскамъ пришлось воспользоваться отдыхомъ въ этотъ день. Оба дивизіона № 26 казачьяго полка, флигель-адъютанта штабсъ-ротмистра барона Корфа и адъютанта Военнаго Министра ротмистра Мартынова, были посланы для развѣдокъ: первый на Твардицу, а второй на Іени-Загру. Партія-же казаковъ сотника Сысоева № 21 казачьяго полка производила развѣдку по третьему направленію къ г. Казанлыку.

Подъ-вечеръ мы услыхали выстрѣлы, и вскорѣ нашъ Казанскій драгунскій полкъ былъ вытребованъ на поддержку барона Корфа, который подойдя къ дер. Твардицѣ, наткнулся на три табора пѣхоты съ 400 чел. кавалеріи. Съ прибытіемъ Казанцевъ съ 4-мя орудіями, турки стали отступать. Маіоръ Тепловъ, дабы задержать ихъ отступленіе, спѣшилъ быстро свой

№ 4 эскадронъ и безъ выстрѣла повелъ его въ штыки; турки не выдержали стремительнаго наступленія и бѣжали обстрѣливаемые нашею артиллеріею, занявшею позицію правѣе деревни. Тогда весь полкъ бросился ихъ преслѣдовать и захватилъ знамя, часть обоза и артиллерійскихъ припасовъ. Только къ часу ночи вернулись утомленные казанцы. Вечеромъ мнѣ и штабсъ-капитану Вилламову приказано было зажечь фальшивые огни на высотахъ кругомъ Хаинкіоя.

4 Іюля. Понедѣльникъ.

Посланному вчера къ Іени-Загрѣ ротмистру Мартынову съ дивизіономъ казаковъ удалось разрушить телеграфную линію между Ески-Загрою и Іени-Загрою, и уничтожать 80-ти повозочный транспортъ съ патронами. Пробраться-же къ желѣзно-дорожной линіи ему не удалось, такъ какъ въ Іени-Загрѣ онъ открылъ присутствіе трехъ таборовъ пѣхоты съ батареею и двухъ сотенъ черкесовъ.

Такимъ образомъ вчера мѣстность была кругомъ освѣщена по всѣмъ тремъ направленіямъ. Еще въ 7 часовъ утра двинулись мы съ бивуака по долинѣ Тунджи къ Казанлыку. Наше движеніе совершалось двумя колоннами:

Первая—правая генералъ-маіора Цвѣцинскаго, состоящая изъ пѣхоты съ 10-ю казачьими конными орудіями; вторая — лѣвая князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, состоящая изъ всей кавалеріи съ 6-ю орудіями 16-й батареи. Лѣвая колонна, въ свою очередь, выдѣлила авангардъ подъ начальствомъ князя Евгенія Максимиліановича. Въ составѣ авангарда находились: гвардейскій полуэскадронъ, двѣ сотни № 31 казачьяго полка и № 1 дивизіонъ Астраханскаго драгунскаго полка и два конныя орудія; итого $4^1/_2$ эск. и 2 орудія. Въ аріергардѣ, въ Хаинкіоѣ, оставленъ былъ генералъ-

маіоръ Столѣтовъ съ двумя дружинами болгарскаго ополченія, № 26 казачьяго полка и 14-ю горными орудіями.

Первая колонна двигалась по большой дорогѣ, подошвою Балканъ, окаймляющихъ горными обрывами долину Тунджи; лѣвая-же колонна берегомъ р. Тунджи. Уже шелъ бой подъ дер. Уфлани, когда нашъ авангардъ, ослабленный вытребованнымъ къ главнымъ силамъ № 2-мъ Астраханскимъ эскадрононъ и казачьимъ дивизіономъ, ушедшимъ преслѣдовать показавшихся по ту сторону р. Тунджи конныхъ баши-бузуковъ, проходя мимо одной рощи, уже осмотрѣнной разъѣздами, былъ осыпанъ роемъ пуль. У Князя Евгенія Максимиліановича осталось въ распоряженіи всего: 1½ эскадрона и 2 орудія. Пришлось спѣшить послѣдній сводный эскадронъ, чтобъ выбить дерзкихъ изъ рощи. Тутъ-же на мѣстѣ № 1 Астраханскій эскадронъ спѣшился, развернулся, выслалъ цѣпь и пошелъ къ опушкѣ. Предъ самой опушкой, шагахъ въ двухстахъ, не болѣе, эскадронъ изумленный чѣмъ-то, останавливается. Изъ рощи-же турки продолжаютъ самый бѣглый огонь. Князь Евгеній Максимиліановичъ, стоявшій тутъ-же за эскадрономъ, посылаетъ меня въ цѣпь узнать въ чемъ дѣло: отчего драгуны остановились? Жутко было подъѣзжать къ цѣпи, остановиться и передавать приказаніе, будучи въ двухстахъ шагахъ отъ неумолкаемо бившей по насъ непріятельской пѣхоты! Цѣпь наша лежала, отстрѣливаясь.

— Его Высочество прислалъ меня васъ спросить: зачѣмъ вы остановились передъ самымъ противникомъ и приказалъ вамъ немедленно-же наступать,—злобно передалъ я, дѣйствительно сознавая, что останавливаться неблагоразумно.

— Да помилуйте — отвѣчалъ офицеръ — посмотрите на опушку, вы ни одного дымка не увидите, а пули свистятъ немилосердно... Гдѣ-же турки, я не понимаю...

— Точно такъ, ваше благородіе, турокъ не видно; нечистая сила, что-ли!—говоритъ унтеръ-офицеръ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на опушку пристально: ровно ничего не было видно, а самаго такъ и обдаетъ свистомъ пуль. Офицеръ тутъже крикнулъ: «впередъ», и цѣпь подбѣжала къ самому лѣсу. Я проѣхалъ съ нею, и увидавъ другую цѣпь драгунъ слѣва, отъ присланнаго на подкрѣпленія эскадрона, наступающею по лѣсу, вернулся къ Князю Евгенію Максимиліановичу съ донесеніемъ, что порученіе исполнено и драгуны въ лѣсу. Вскорѣ огонь по насъ прекратился и только рѣдкіе выстрѣлы раздавались въ самой рощѣ. Въ концѣ концовъ разъяснилось, что невидимые непріятели были засѣвши въ густо-лиственной чащѣ деревъ, баши-бузуки. Войдя въ лѣсъ, драгуны принялись ихъ какъ воронъ снимать съ деревъ пулею и штыкомъ.

Не успѣли драгуны кончить свою охоту, какъ пришло извѣстіе, что какой-то турецкій обозъ уходитъ за р. Тунджею въ малые Балканы. Дать уйти обозу было грѣшно, а послать было некого, такъ какъ Князь Лейхтенбергскій остался всего съ гвардейскимъ полуэскадрономъ и 2-мя орудіями. Но посланный намъ на подкрѣпленіе эскадронъ Кіевскихъ гусаръ уже подходитъ, и его тотчасъ-же туда направили. Князь-же Евгеній Максимиліановичъ подошелъ къ дер. Софуларъ, гдѣ и сталъ на большой дорогѣ, ведущей изъ Ески-Зари въ Казанлыкъ, уничтожилъ телеграфъ и послалъ меня въ главныя силы за приказаніями, такъ какъ мы далеко были впереди ихъ, а они впередъ не подвигались.

Я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ, полями, держась кажущагося мнѣ направленія, гдѣ я долженъ былъ найти Князя Николая Максимиліановича. Я поѣхалъ рысью. Проѣзжая мимо деревни, я увидѣлъ нѣсколько болгаръ, махавшихъ мнѣ подъѣхать къ нимъ. Полагая, что они желаютъ передать мнѣ что-нибудь важное, я приблизился къ нимъ.

— Братушко, братушко, руссъ, нашъ братушко!—кричали они, протягивая руки здороваться. Нѣкоторые совали мнѣ сливы, груши, абрикосы, отчего я не отказался, мучимый жаждою.

— Что-же вамъ треба?—спрашиваю я ихъ.

— Первый руссъ аскеръ узрѣли... говорили они. Зазвали они меня, какъ оказалось, изъ одного любопытства, посмотрѣть по ближе, впервые въ жизнь, на русскаго воина.

Поблагодаривъ ихъ за угощеніе, я поѣхалъ далѣе.

Долина р. Тунджи, гдѣ мы теперь дѣйствуемъ, безспорно принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ прелестныхъ, плодороднѣйшихъ уголковъ на земномъ шарѣ. Окаймленная съ сѣвера стѣною, почти отвѣсно поднимающихся большихъ Балканскихъ горъ, и вполнѣ защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ, она должна пользоваться климатомъ самымъ теплымъ и ровнымъ. Орошенная безчисленнымъ множествомъ ручейковъ, быстро несущихся съ горъ по всѣмъ направленіямъ, вода въ ней, даже въ самое жаркое время, холодная и вкусная. Если ко всему этому прибавить чудесную аршинную, черноземную почву, то можно себѣ представить тѣ растительныя богатства, которыя она должна производить. Повидимому, мѣстные жители добросовѣстно пользуются ниспосланными богатствами природы и каждый клочекъ земли тщательно обработанъ. Съ юга долина замыкается Малыми Балканами.

Скоро я увидѣлъ наши сторожевые драгунскіе посты.

— Гдѣ маіоръ?—спросилъ я у драгуна.

— Тамъ у дерева сидятъ,—указалъ онъ мнѣ пальцемъ.

Подъѣхавши къ эскадронному командиру, маіору, толстому, сѣдому старику, Р—скому, я его спросилъ не знаетъ-ли онъ гдѣ Его Высочество?

— А нешто торопливо нужно, панъ поручикъ?

— Да, послали: нужно.

— А можно пану стаканъ горилки преподнести на дорогу.

— Очень вамъ благодаренъ: жарко и безъ нея.

— А то мерзнѣе снаружи будетъ, какъ нутро согрѣете.

— Нѣтъ, благодарствуйте. Гдѣ-же Князь Николай Максиміановичъ?—нетерпѣливо спросилъ я его.

— Ну, какъ знаешь,—перешелъ онъ на ты, желая показать свое расположеніе: у нѣкоторыхъ стариковъ есть эта привычка.

— Вона тамъ Его Высочество съ начальникомъ штаба сидятъ,—указалъ наконецъ-то онъ мнѣ.

Подъѣхавъ къ кучкѣ сноповъ, гдѣ сидѣлъ Князь Николай Максимиліановичъ, и разсказавъ наши сегоднишніе подвиги, я получилъ приказаніе передать, чтобъ авангардъ стоялъ до приказанія на мѣстѣ, такъ какъ никакихъ еще распоряженій отъ ген. Гурко не послѣдовало. Въ свою очередь меня забросали разсказами о дѣлѣ подъ Уфланы. Изъ разсказовъ я могъ заключить, что пять таборовъ турокъ, тѣснимые съ фронта нашею пѣхотою, обойденные съ фланга и тыла кавалеріею, были прижаты къ отвѣснымъ горамъ и почти уничтожены. До 600 турецкихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ: только немногимъ удалось скрыться въ горахъ. Подымавшихся на гору, продолжали провожать огнемъ артиллеріи и пѣхоты. Даже раненые турки не удерживались на кручѣ и падали, катясь къ подошвѣ и разбиваясь окончательно о камни. Каймакамъ города Казанлыка пріѣхавъ ободрять аскеровъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Вскорѣ я уѣхалъ, и передалъ все слышанное мною своимъ.

Уже было темно, когда мы получили приказаніе двинуться на бивуакъ къ дер. Маглишу. Сильно утомленный, не дождавшись ужина, я легъ спать, тѣмъ болѣе, что завтра предстояло рано выступать. Все спало мертво. Одни аванпосты кавалеріи бодрствовали.

5 Іюля. Вторникъ.

Было всего только 5 час. утра, когда весь отрядъ былъ уже построенъ и двинулся къ Казанлыку 3-мя колоннами: правая шла полугорою склоновъ Балканъ, въ составѣ $1^1/_2$ баталіоновъ; средняя шла большою дорогою, подошвою горъ, въ

составѣ 7-ми баталіоновъ и 10-ти орудій; а лѣвая въ составѣ всей кавалеріи съ 6-ю орудіями, долиною р. Тунджи и предназначалась обхватывать правый флангъ непріятеля.

Только что мы начали вытягиваться, какъ изъ ближайшей деревни Уфландырскіоя раздался пушечный выстрѣлъ, и непріятельская граната полетѣла на встрѣчу нашей средней колоны. «Рысью!» пронеслась команда, лишь только разорвалась первая граната, и кавалерія развернулась и пошла въ обходъ Уфландыркіоя.

Бодро, какъ на военномъ полѣ, шла кавалерія по ровной мѣстностности долины Тунджи, и только изрѣдка небольшія канавы и ручейки заставляли уменьшить нѣсколько ходъ. Скоро мы вышли на одну линію съ непріятелемъ, и Князь Евгеній Максимиліановичъ послалъ меня, со взводомъ артиллеріи и эскадрономъ драгунъ, вывести ихъ на указанную мнѣ позицію, во флангъ, остальная кавалерія двигалась впередъ.

Турки-же, какъ только замѣтили нашъ обходъ, стали быстро отступать полугорою, дабы не подвергнуться нападенію кавалеріи. Тогда 4 орудія подполковника Ореуса вынеслись противъ нихъ на позицію и, поражая ихъ картечными гранатами, заставила ихъ еще быстрѣе отступать. Отсюда Казанлыкъ былъ уже ясно виденъ.

Непонятно-быстро турки успѣли увезти свои орудія къ самому городу и открыть огонь по Кіевскимъ гусарамъ, шедшимъ въ авангардѣ и бывшимъ ближе всего къ Казанлыку. Тогда подполковникъ Ореусъ переѣхалъ противъ нихъ, а взводъ капитана Усова, отдѣленный раньше во фронтѣ, успѣлъ подойти къ гусарамъ и снялся подъ ихъ прикрытіемъ.

Кн. Цертелевъ, дипломатъ-урядникъ, прибылъ къ намъ съ каймакамомъ, взятымъ вчера въ плѣнъ подъ Уфлани, полагая, что онъ можетъ быть полезенъ при овладѣніи нами города. Ему никакъ не удавалось выспросить у турка о силахъ, занимавшихъ Казанлыкъ и о легчайшей возможности войти

въ него. До смѣшнаго упрямый турокъ употреблялъ всевозможныя увертки, чтобъ обойти отвѣтъ. Такъ, каймакамъ увѣрялъ, что онъ настолько близорукъ, что города не видитъ и потому не можетъ указать слабыя его стороны. Тогда ему преподнесли очки, которыя онъ надѣлъ, что однако его не заставило высказаться. Ему тогда пригрозили, что онъ отвѣтитъ головою, если городъ окажетъ сопротивленіе; но это на него не подѣйствовало и онъ счелъ за наилучшее съ этого момента представляться съумасшедшимъ.

Посланные парламентерами, Кіевскіе гусары были встрѣчены выстрѣлами. Тогда для завладѣнія городомъ Казанскіе драгуны и казаки были спѣшены; остальная кавалерія пошла въ обходъ, но встрѣтивши болото, прямо свернула въ городъ; спѣшенныя-же части смѣло вошли въ Казанлыкъ съ фронта.

Жители выбѣжали на встрѣчу съ бѣлыми флагами.

Городъ былъ въ полномъ переполохѣ, когда мы прошли, вѣрнѣе сказать—пролетѣли его. Турки жители, боязливо оглядываясь во всѣ стороны, съ женами и дѣтьми метались по городу, избѣгая встрѣтить русскаго солдата, отъ котораго они ждали вѣрной смерти, или разсвирѣпѣвшаго болгарина, за полчаса передъ этимъ порабощеннаго, а теперь наводящаго на нихъ трепетъ. Тамъ и тутъ промелькали предъ нами кучки болгаръ, вооруженныя однѣми палками и окружавшія плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, какъ драгоцѣнность, чтобъ продать ихъ намъ, или толпы болгаръ, собравшіяся выразить намъ свой восторгъ и благодарность и провожавшія насъ возгласами радости. Наши солдаты имъ отвѣчали на раду восторженнымъ ура!

Въ болгарской части города женщины и дѣти выбѣгали изъ калитокъ, посылая намъ благословенія и вынося всякія угощенія. Но намъ останавливаться было нельзя: мы могли упустить разбѣжавшихся турокъ.

Городъ Казанлыкъ по своей опрятности принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ маленькихъ городковъ Болгаріи. Болгарская часть города утеряла даже восточный типъ и состоитъ изъ ряда плотно стоящихъ другъ около друга домовъ, съ большими окнами, выходящими на улицу.

Высланные во всѣ стороны разъѣзды нигдѣ непріятеля не находили, такъ какъ онъ разбѣжался въ горы. Такимъ образомъ второй городъ въ нашемъ походѣ былъ взятъ одною кавалеріею. Мы захватили 3 орудія и 300 человѣкъ плѣнныхъ въ Казанлыкѣ.

Ограничиться однимъ Казанлыкомъ было-бы неблагоразумно: необходимо было занять тотчасъ-же сел. Шипку и запереть Шипкинскій гарнизонъ. Это была главная цѣль нашего похода за Балканы. Потому, несмотря на утомленіе кавалеріи, двигавшейся почти все время рысью по страшной жарѣ, Князь Николай Максимиліановичъ приказалъ Кіевскимъ гусарамъ идти къ д. Шипкѣ; остальная-же кавалерія пошла вслѣдъ за ними.

Гусары, подходя къ дер. Шипкѣ, открыли цѣлый турецкй лагерь, въ которомъ кромѣ часовыхъ и нестроевыхъ никого не было. Они напали на него въ расплохъ и захватили его цѣликомъ, съ большими запасами продовольствія, особенно галетъ и патроновъ.

Не успѣли мы подойти къ д. Шипкѣ, какъ насъ нагналъ ген. Гурко со штабомъ.

Тутъ произошелъ фактъ, отъ котораго у человѣка не варвара волосы становятся дыбомъ. На встрѣчу ген. Гурко гусары вели совершенно голаго турку, едва стоящаго на ногахъ. Когда черезъ переводчика разузнали въ чемъ дѣло, оказалось, что этотъ турокъ, за дезертирство, былъ временно посаженъ своими на колъ. Его изуродованная, пострадавшая часть тѣла, слишкомъ явственно свидѣтельствовала объ испытанномъ наказаніи.

— Такъ турки сажаютъ на колъ?—спросилъ кто-то...

Никто не счелъ нужнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ, примѣръ былъ на лицо. Съ отвращеніемъ всѣ отвернулись отъ этой сцены.

Дер. Шипка лежитъ при выходѣ изъ шипкинскаго прохода въ долинѣ Тунджи. Это большое, въ 300 дворовъ селеніе, съ чрезвычайно энергичнымъ и развитымъ населеніемъ. Болгары выбѣжали изъ деревни къ намъ, пораженные неожиданностью появленія русскихъ изъ Казанлыка: они насъ ужъ тутъ совсѣмъ не ожидали. По разспросамъ у нихъ оказалось, что въ Шипкинскомъ проходѣ сидитъ до 5000 турокъ съ артиллеріею подъ командою паши, и что они слышали сегодня какъ-бы орудейные выстрѣлы, и полагали, что на Шипкѣ было дѣло. Это показаніе вполнѣ сошлось съ увѣдомленіемъ, которое получилъ генералъ Гурко изъ главной квартиры, что Орловскій полкъ атакуетъ сегодня Шипкинскій гарнизонъ фронта. Объяснить почему фронтальная атака, долженствовавшая быть одновременно съ тыльною, произошла днемъ раньше, къ несчастію невозможно.

Въ 3 часа Астраханскіе драгуны заняли опушку деревни Шипки, къ вечеру-же подошла пѣхота. Генералъ Гурко приказалъ 16-й батареѣ дать нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ въ сторону прохода, дабы этимъ дать знать Габровскому отряду, что мы подошли. Но несмотря на столь значительные успѣхи, положеніе передоваго отряда было чрезвычайно опасно. Стоя фронтомъ къ Шипкинскому проходу, мы сами подставляли свой тылъ со всѣхъ сторонъ непріятелю. Съ этого дня пути отступленія у насъ не было; подвоза припасовъ и боеваго снаряженія также.

— Что-то завтра будетъ? спрашивалъ товарищъ, молодой офицеръ, ложась утомленный дневнымъ трудомъ спать. «Турки насъ лучше видятъ съ горъ, чѣмъ мы ихъ: они, можетъ быть,

разузнали, что насъ тутъ мало? Тылу у насъ никакого нѣтъ; насъ могутъ просто цѣликомъ забрать».

— Ничего не бойся: насъ немного, прокормимся и средствами страны, а въ случаѣ крайности пойдемъ себѣ въ Черногорію, утѣшалъ, подсмѣиваясь, другой товарищъ.

— Развѣ въ Черногорію, согласился первый и заснулъ

6 Іюля. Среда.

Сегодня рядъ неудачъ для передоваго отряда.

Первое непріятное извѣстіе, которое мы услыхали, была гибель командира конно-піонеровъ, полковника гр. Роникера. Графъ за послѣднее время какъ-бы предчувствовалъ смерть: веселымъ его никто не видалъ. Воздвигнутый имъ памятникъ на Хаинкіойскомъ перевалѣ какъ-бы служилъ его собственнымъ, надгробнымъ памятникомъ. Его смерть въ самомъ дѣлѣ досадна! Быть убитымъ, засѣвшими въ засадѣ турками, во время походнаго движенія, въ занятой уже нами мѣстности, есть самый незавидный конецъ на войнѣ. Одинъ гусаръ сегодня былъ также убитъ изподтишка. Для прекращенія этихъ убійствъ и для очистки мѣстности отъ этихъ шаекъ, сегодня высланъ эскадронъ Казанскихъ драгунъ, который обошелъ всю подозрительную мѣстность цѣпью. Вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что до 1500 человѣкъ турокъ, находившіеся въ Травнинскомъ перевалѣ, должны спуститься въ долину, высланъ въ Янину, деревню при выходѣ изъ ущелья, полковникъ Корево съ Казанскимъ полкомъ и 16-ю батареею.

Но главнымъ событіемъ дня есть атака Шипкинскаго перевала стрѣлками и пластунами. Удача этой атаки есть вопросъ возможности нашего существованія за Балканами. Со взятіемъ Шипки мы открываемъ себѣ сообщеніе съ арміею, получимъ снаряженіе и продовольствіе, и открывши всей арміи свободный путь къ столицѣ Турціи, заканчиваемъ свою задачу.

Генералъ Гурко послалъ приказанiе генералу Столѣтову, также прибыть къ Казанлыку.

Съ атакующими частями находился и маiоръ прусской службы Лигницъ, своею храбростью и выдающимися способностями заслужившiй всеобщее уваженiе передоваго отряда. Онъ не покидалъ во время похода 4-ю стрѣлковую бригаду, люди которой звали его «нашъ маiоръ». Находясь постоянно въ огнѣ, маiоръ Лигницъ рискуетъ жизнью изъ-за чуждой ему войны. Этимъ онъ доказываетъ, что онъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ военный, преданный своему дѣлу до самопожертвованiя.

Стало уже ясно видно, какъ наши молодцы лѣзутъ въ гору... До сихъ поръ не слышно ни одного выстрѣла... Послѣ обѣда я поѣхалъ въ деревню Шипку, поразузнать въ штабѣ о ходѣ сегодняшняго дѣла. Первое, на что натыкаюсь:—болгары несутъ на носилкахъ раненыхъ. Я побѣжалъ къ первому раненому, котораго вели два болгарина подъ руки.

— Ну, что, въ чемъ дѣло? спросилъ я торопливо.

— Плохо, ваше благородiе... Турки насъ обманули, окаянные...

— Какъ обманули?

— Они флагъ бѣлый выкинули... что сдаваться хотятъ... Мы къ нимъ и подошли поближе...

— Ну?

— А они насъ почти въ упоръ залпами и хватили... Тутъ нашихъ много положили...

— Подлецы! вырвалось у меня.

Обернувшись, я увидалъ идущаго одного съ перевязанною рукою унтеръ-офицера и спросилъ его:

— Что много нашихъ перебито?

— Да должно порядочно быть, ваше благородiе! Да многiе раненые, почитай, доселѣ тамъ, наверху лежатъ. Вѣдь высь-то какая! Шесть часовъ въ гору подымались: скоро-ли ихъ можно оттуда убрать?

Нѣтъ тяжелѣе видѣть картины, какъ перевязочный пунктъ! На свѣжаго человѣка она производитъ потрясающее дѣйствіе! Раненыхъ клали прямо на открытомъ воздухѣ на солому, и тутъ-же доктора принимались за работу... и какую? Разрѣзалось, сшивалось, зондировалось человѣческое живое тѣло?

— А это что такое? обратился я съ вопросомъ къ солдату, указывая на раненыхъ турокъ, пораженный ихъ видѣть рядомъ съ нашими солдатами, ихъ, столь нагло и позорно обманувшихъ нашихъ стрѣлковъ! «Зачѣмъ-же ихъ принесли сюда, когда много стрѣлковъ еще не убрано съ поля сраженія?» продолжалъ я.

— Да не стоило-бы ихъ приводить, ваше благородіе... да раненые... все равно...

Первое озлобленіе мое тотчасъ-же прошло и я невольно устыдился своему безсердечному вопросу. Да, раненые... все равно... такіе-же люди, какъ и наши, хотѣлъ этимъ сказать солдатъ.

Желая узнать подробности, я пошелъ въ штабъ, гдѣ было уже все извѣстно. Оказалось, что турки замѣтили нашихъ, когда они уже были въ 700 шагахъ отъ турецкихъ ретраншементахъ, открыли было сначала огонь, но вскорѣ, по сигналу, прекратили его. Тогда на брустверѣ показались турки съ привязанными къ ружьямъ платками и давали какіе-то знаки. Командиръ 13-го стрѣлковаго баталіона и маіоръ Лигницъ, порывавшіеся уже идти въ турецкій ретраншементъ, но остановленные однимъ нашимъ офицеромъ, находились впереди. Тогда одинъ стрѣлокъ изъ татаръ былъ посланъ къ туркамъ привести офицера для переговоровъ. Одинъ турокъ, лежавшій вблизи, высказалъ радость, что встрѣтился съ единовѣрнымъ и пошелъ со стрѣлкомъ-татариномъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло бѣлое знамя и офицеръ. Вскорѣ турки исчезли съ бруствера. Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой... и по данному сигналу, по всей линіи открылся бѣглый огонь. Однимъ изъ первыхъ палъ полков-

никъ Клемантовичъ. Стрѣлки, въ свою очередь, начали отстрѣливаться, перешли въ наступленіе и заняли ретраншементъ и слѣдующую позицію, но обхваченные превосходными силами турокъ, должны были отступить. Отступленіе имъ обошлось дороже всего: много раненыхъ осталось въ рукахъ турокъ. Командиръ пластуновъ, маіоръ Баштанникъ, былъ убитъ. Какой позоръ для турецкой арміи! Какое вѣчное клеймо лежитъ на ней!

Чѣмъ-же мы имъ отплачиваемъ? Ухаживаемъ за ихъ ранеными.

Маіоръ Лигницъ показалъ много самоотверженія въ этомъ дѣлѣ, помогая раненымъ и ободряя людей въ критическую минуту, потерявшихъ своего командира. Честь и слава этому благородному представителю германской арміи!

Въ штабѣ генерала Гурко я видѣлъ генеральнаго штаба капитана Цесаковскаго, пріѣхавшаго изъ главной квартиры, который сообщилъ мнѣ пріятную новость, что крѣпость Никополь взята штурмомъ съ 72-мя орудіями и 5000 плѣнными.

Я возвращался домой черезъ перевязочный пунктъ и, проѣзжая мимо раненаго солдата, которому сдѣлали перевязку, я слышу:

— Ей, ей, говорилъ солдатъ доктору, ваше высокоблагородіе:—прійдется драться съ турками ни одного не помилую!

Ты совершенно правъ подумалъ я; если съ нами будутъ такъ поступать, какъ сегодня, всѣ прійдутъ въ концѣ концовъ къ этому убѣжденію. Мы потеряли въ этотъ день болѣе 150-ти человѣкъ. Слава Богу, что еще такъ милостиво.

Не успѣлъ я пріѣхать на бивуакъ, какъ поднялся сильный порывистый вѣтеръ, обратившійся скоро въ вихрь и бурю. Палатка едва держалась. Что-то подѣлываютъ раненые на открытомъ воздухѣ?

Въ продолженіи сегоднишняго дня, къ намъ привели до 200 человѣкъ плѣнныхъ турокъ, перехваченныхъ кавалеріею

изъ числа разбѣжавшихся, послѣ дѣла при Уфлани и Казанлыкѣ. Тутъ были и арабы, и египтяне, и арабистаны, и люди съ чисто-европейскимъ типомъ: брюнеты венгерцы, и блондины, понимающіе русскій языкъ, безъ всякаго сомнѣнія поляки. Особенно выдавались между ними гвардейскіе солтаты: рослые, красивые, опрятные и хорошо выдержанные.

И такъ, намъ сегодня неудача, и мы остались все въ томъ же незавидномъ положеніи.

7 Іюля. Четвергъ.

Сегодня предполагается, несмотря на вчерашнюю неудачу, повторить атаку Шипкинскаго перевала, придавъ отряду и горную артиллерію. Но утромъ прибылъ парламентеръ съ письмомъ отъ паши, который писалъ, что согласенъ сдаться на предложенныхъ за день условіяхъ, состоявшихъ въ обезоруженіи турецкаго гарнизона и препровожденія его за Тунджу, гдѣ мы должны были ихъ отпустить подъ честнымъ словомъ, не *сражаться въ эту войну противъ насъ.*

Нечего сказать, можно вѣрить турецкому честному слову!

Въ оправданіе вчерашняго ихъ недостойнаго поступка, турецкій офицеръ говорилъ, что паша не могъ удержать своихъ солдатъ по приближеніи русскихъ войскъ. Генералъ Гурко усложнилъ условіе сдачи тѣмъ, что потребовалъ выдачи вчерашнихъ двухъ турецкихъ офицеровъ, стоявшихъ при парламентерскомъ флагѣ, вмѣсто того, чтобъ отпустить ихъ на честное слово, какъ остальныхъ. Это письмо было написано по турецки. Разсказываютъ, что генералъ Гурко затруднялся подписать своимъ настоящимъ званіемъ начальника передоваго отряда, такъ какъ онъ не хотѣлъ выказать туркамъ, что за Балканами находится всего только одинъ передовой отрядъ; онъ подписался начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ за Балканами. Турецкому офицеру была оказана всякая любезность:

его накормили завтракомъ, который онъ съѣлъ съ большимъ апетитомъ. Въ половину десятаго онъ уѣхалъ.

Мы получили приказаніе для принятія и обезоруженія турокъ. Кіевскіе гусары должны были ихъ препроводить за деревню Тунджу.

— Какъ! мы отпустимъ сегодня, подъ честнымъ словомъ, на волю цѣлый Шипкинскій гарнизонъ, такъ нагло поступившій съ нами вчера? спросилъ я у товарища.

— Развѣ не видишь, что гуманничаемъ?...

. . . .

Но къ нашему удивленію оказалось, что турки и тутъ съиграли комедію. Наши санитары, посланные утромъ впередъ, для оказанія помощи раненымъ, нашли турецкій лагерь пустымъ, и въ половинѣ втораго Шипкинскія укрѣпленія были заняты русскимъ отрядомъ, прибывшимъ изъ Габрова. Мы узнали, что турки еще вчера вечеромъ начали уходить въ западномъ направленіи по горной тропинкѣ. Санитары-же не нашли раненыхъ: всѣмъ безъ исключенія были отрѣзаны головы. Въ числѣ обезглавленныхъ былъ одинъ больничаръ съ повязкою краснаго креста на рукѣ и одинъ солдатъ на носилкахъ. Турецкія-же войска были исключительно регулярныя.

Нѣкоторыя поѣхали съ генераломъ Гурко наверхъ на Шипку осмотрѣть турецкія позиція. Позиція оказалась очень сильною, съ рядомъ прекрасно построенныхъ укрѣпленій. Имѣй турки запасъ, они продержались-бы въ Шипкѣ нѣсколько недѣль.

Посѣтившіе сегодня Шипку съ ужасомъ разсказываютъ о видѣнныхъ ими слѣдахъ истязаній надъ нашими бѣдными ранеными. Порѣзанные члены, багровые подтеки, смерть, заставшая къ счастію въ моментъ истязанія, выраженіе этихъ истязаній въ положеніи принятомъ замученнымъ трупомъ, свидѣтельствовали о славныхъ поступкахъ тѣхъ турокъ, которыхъ мы хотѣли сегодня выпустить на волю подъ честнымъ словомъ.

Надо надѣяться, что впредь будутъ приняты мѣры, которыя отобьютъ охоту у турокъ дѣлать подобныя звѣрства. Сегодня къ генералу Гурко прибыла депутація изъ г. Карлова, состоящая изъ болгаръ и именитаго турка, въ пухъ разодѣтаго, на отличныхъ лошадяхъ, съ богатою сбруею. Врядъ-ли мы и попадемъ-то въ Карлово, а они уже изъявляютъ свою покорность.

Для перехвата разбѣжавшихся изъ Шипки по горамъ турокъ, былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Чернозубова къ выходу у деревни Иметли и деревни Сафулара.

8 Іюля. Пятница.

Всѣ опасенія за отрядъ со взятіемъ Шипки исчезли; нужно ждать перехода хоть одного корпуса за Балканы, и тогда можно идти въ Адріанополь.

Въ 7 часовъ утра весь передовой отрядъ отошелъ отъ Шипки и съ пѣснями вошелъ въ Казанлыкъ. Какъ пріятно попасть въ городъ, на квартиру, послѣ безконечныхъ бивуаковъ. Только въ комнатѣ и можно хорошо отдохнуть. Говорятъ, что мы пробудемъ здѣсь нѣсколько дней, пока не подойдетъ 8-й корпусъ. О туркахъ-же ничего не слышно, какъ будто ихъ вовсе и нѣтъ. Странно! Гдѣ-же турецкія войска?

Комендантомъ въ Казанлыкѣ назначенъ болгарскаго ополченія маіоръ Поповъ. Онъ энергично заводитъ порядки и формируетъ полицію.

Сегодня мы обѣдаемъ по человѣчески, за столомъ, сидя на стульяхъ. Нашъ хозяинъ и его семейство не знаетъ, какъ намъ только услужить. Каждую минуту намъ подаютъ какое-нибудь угощеніе: то мѣстную водку, то красное вино, которое считается лучшимъ въ Болгаріи, то розовое варенье... Да, вѣдь мы въ Долинѣ розъ! Фрукты предлагаются въ изобиліи; но особенно хорошъ казанлыкскій табакъ: онъ также считается первымъ въ Турціи. Обѣдъ состоялъ чисто изъ болгарскихъ блюдъ,

правда, довольно безвкусныхъ. Но жаловаться грѣшно: мы сегодня ублаготворены.

9 Іюля. Суббота.

Сегодня мы заняты чисто канцелярскою работою пишемъ донесенія и составляемъ наградныя списки. На улицѣ я встрѣтилъ болгаръ, пришедшихъ изъ Филиппополя, которые увѣряли меня, что: «въ Филипэ има два табора пѣшаци и една стотина черкезы». Положительно непонятно: гдѣ-же турки?

Подполковникъ Сухотинъ особенно ратуетъ за кавалерійскіе рейды на далекое пространство. Оно дѣйствительно было-бы хорошо, если бы наша кавалерія вдругъ появилась подъ Филипополемъ, или на желѣзной дорогѣ; но торопиться съ этимъ очень нельзя, такъ какъ лошади сильно утомлены: безпрерывный походъ и страшная жара повліяли на нихъ.

Вечеромъ въ штабѣ было получено непріятное извѣстіе о неудачѣ 8-го числа подъ Плевной. Ну, да безъ нихъ не обойдемся на войнѣ. Лишь-бы это не было настолько серьезно, что задержало по ту сторону Балканъ войска, долженствующія выйти къ намъ.

. . . .

10 Іюля. Воскресенье.

Сегодня назначенъ молебенъ въ стрѣлковой бригадѣ, по случаю нашихъ успѣховъ. Уже мы собирались ѣхать въ монастырь, какъ пріѣхалъ ординарецъ Великаго Князя, привезшій благодарность отряду, званіе генералъ-адъютанта генералу Гурко и Свиты генералъ-маіора Князю Евгенію Максиміліановичу.

Казанлыкскій монастырь превращенъ въ госпиталь. Монахини усердно ухаживаютъ за ранеными. Послѣ обѣдни въ

церкви монастыря, мы вышли къ бивуаку стрѣлковой бригады, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Какіе молодцы эти стрѣлки 4-й бригады! Только что кончилась служба, какъ пріѣхалъ другой ординарецъ Великаго Князя, привезшій Георгія 3-й степени генералу Гурко, за переходъ черезъ Балканы, Казанлыкъ и Шипку, и 120 Гергіевскихъ крестовъ на весь передовой отрядъ. Сегодня-же полки выбрали самыхъ достойныхъ, и кресты были розданы храбрецамъ.

Изъ разсказовъ ординарцевъ видно, что подъ Плевной мы потеряли 8-го числа таки порядочно людей, и что вскорѣ будетъ предпринята атака Плевны значительными силами. Нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ разъ будетъ полная удача. Одна бѣда: раньше взятія Плевны ни одинъ солдатъ не перейдетъ за Балканы. Жалко, а мы могли-бы надѣлать здѣсь славныхъ дѣлъ!

Ходитъ слухъ, что будто генералъ Гурко получилъ инструкцію такого рода: если онъ найдетъ возможнымъ или нужнымъ двинуться далѣе, онъ можетъ это взять на себя, но если ему придется отступить въ Балканы, онъ уже теряетъ самостоятельность и поступаетъ подъ начальство генерала Радецкаго, котораго квартира въ Тырновѣ. Этотъ слухъ подтверждается тѣмъ, что Казанскій драгунскій полкъ со взводомъ конной артиллеріи и сотнею казаковъ посланъ сегодня въ Ески-Загру. Изъ этого можно заключить, что нѣтъ приказанія до подхода къ намъ 8-го корпуса, оставаться передовому отряду на мѣстѣ.

11 Іюля. Понедѣльникъ.

Всегдашнее желаніе подполковника Сухотина исполнилось: рѣшено сдѣлать кавалерійскіе набѣги на линіи желѣзныхъ дорогъ съ цѣлью разрушить ихъ.

Астраханскій драгунскій полкъ со взводомъ 16 конной батареей и сотнями № 21 Донскаго казачьяго полка подъ на-

чальствомъ полковника Мацылевича, при начальникѣ штаба подполковникѣ Сухотинѣ двинулся изъ Ески-Загры къ желѣзнодорожной станціи Карабунаръ (линія Тырнова-Ямболи); Казанскій драгунскій полкъ со взводомъ № 16 конной батареи и сотнею № 26 Донскаго полка подъ начальствомъ полковника Корево, при генеральнаго штаба полковникѣ Фрезе, двинулись изъ Ески-Загры къ станціи Каяджакъ (линія Адріанополь-Филипопполь).

Мы же выступили съ Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ и 2-мя Донскими орудіами, 4-мя болгарскими дружинами и горною артиллеріею, для поддержки ихъ въ г. Ески-Загру. Остальныя войска остались въ Казанлыкѣ подъ начальствомъ генерала Рауха.

Дорога сначала шла прекрасною долиною рѣки Тунджи. При самомъ входѣ въ Малые Балканы мы встрѣтили обгонявшаго насъ генерала Гурко. Сначала Малые Балканы походятъ болѣе на горную возвышенность, чѣмъ на горный хребетъ. Но мало по малу горы начинаютъ все рельефнѣе выдаваться, и не доходя нѣсколькихъ верстъ до Ески-Загры, дорога идетъ настоящимъ ущельемъ, съ вьющеюся въ скалѣ дорогою и съ пропастью, на днѣ которой шумитъ горный ручей. Городъ Ески-Загра достаточно великъ. Войдя въ него, мы долго шли по совсѣмъ опустѣлымъ улицамъ и по базару, лавки котораго были заколочены досками. Въ болгарской части города вышли намъ на встрѣчу жители и хоръ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, съ цвѣтами и портретами Государя и Государыни. Дѣвушки намъ пропѣли хоромъ, впрочемъ всѣ въ одинъ голосъ, какую-то сочиненную ихъ учительницею, на нашъ въѣздъ въ городъ, патріотическую болгарскую пѣснь. Всю дорогу до отведенной намъ у богатаго болгарина квартиры они провожали насъ пѣснями и бросали намъ вѣтки. Вообще встрѣча была самая милая. Хозяинъ, толстый болгаринъ, поспѣшилъ представить намъ свое семейство, состоящее изъ взрослаго сына, говорящаго по

французски и воспитывавшагося въ какой-то школѣ въ Константинополѣ, и миловидной дочки, подававшей намъ угощеніе. Четыре большія комнаты, чисто меблированныя, ванная, вотъ что было предоставлено въ распоряженія Князей Николая и Евгенія Максимиліановичей и ихъ штаба. Роскошнѣе квартиры нельзя было себѣ и представить во снѣ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ у болгаръ, мы узнали, что только въ одной Ени-Загрѣ имѣются турецкія войска въ количествѣ 10 таборовъ пѣхоты съ кавалеріею и артиллеріею. Болѣе нигдѣ въ окружности турокъ нѣтъ.

Сегодня наши драгунскіе полки должны были дойти и разрушить желѣзныя дороги. Свѣдѣній-же нихъ никакихъ получено не было. Насъ отлично накормили и уложили спать.

12 Іюля. Вторникъ.

Съ ранняго утра начались сегодня безпокойства.

Разъѣздъ Кіевскихъ гусаръ, посланный къ сторонѣ Ени-Загры былъ внезапно атакованъ черкесами, которые отхватили двухъ изъ нихъ въ плѣнъ. Этотъ разъѣздъ донесъ, что турки наступаютъ со стороны Ени-Загры.

Положеніе наше и жителейЕски-Загры, вслѣдствіе этого извѣстія, становилось незавиднымъ: мы имѣли всего въЕски-Загрѣ: Кіевскій гусарскій полкъ, 2 орудія, 4 болгарскія дружины и 4 горныхъ орудія. Съ этими силами защищать городъ было невозможно. Къ тому-же оба драгунскихъ полка не возвращались еще съ набѣговъ, и свѣдѣній отъ нихъ никакихъ ни получалось: они могли быть легко отрѣзаны. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, жители окрестнаго округа толпами приходили въЕски-Загру, спасаясь отъ звѣрствъ черкесъ и баши-бузуковъ. Со всѣхъ сторонъ болгары приходили просить помощи отъ рѣзни, которая совершалась по окрестнымъ деревнямъ.

Черезъ полчаса весь отрядецъ былъ на готовѣ; къ сторонѣ Ени-Загры были посланы цѣлые эскадроны для развѣдокъ. Мы рѣшились защищать гостепріимный городъ и массы болгарскихъ семействъ до послѣдней крайности. Къ счастію, оказалось, что кромѣ кавалеріи со стороны Ени-Загры ничего не видно. Все понемногу успокоилось, и въ 5 час. вечера уже пришло донесеніе, что Казанцы дошли до полотна желѣзной дороги и начали разрушать его. Въ заобѣденной бѣсѣдѣ я выразилъ мое предчувствіе, что въ концѣ концовъ намъ Эски-Загру будетъ не удержать, что если до сего времени противъ насъ никого не было, то это не на долго: мы скоро будемъ имѣть противъ себя сосредоточенныя турецкія силы.

Является вопросъ, что будетъ съ населеніемъ, которое ежеминутно прибываетъ сотнями въ Эски-Загру? У меня явилось какое-то скверное предчувствіе.

На меня было напали за то, что я все вижу одну только дурную сторону, но въ концѣ концовъ согласились, что скорѣе можно было дурное ожидать, чѣмъ хорошее.

Вечеромъ прибылъ изъ набѣга Астраханскій полкъ, разрушившій полотно желѣзной дороги и телеграфную линію почти на 20 верстъ, въ виду непріятеля у станціи Карабунара.

Крайне интересно-бы было знать какое впечатлѣніе произведетъ на турокъ разрушеніе линій желѣзныхъ дорогъ?

Свѣдѣнія, собранныя драгунами, показали, что турки сосредоточиваются у Тырнова и Сайменли, что по желѣзной дорогѣ изъ Адріанополя подвозятся къ желѣзнодорожному узлу войска.

13 Іюля. Среда.

Едва встали мы утромъ, какъ на нашей улицѣ раздались выстрѣлы. Я быстро вышелъ на улицу, на которой происходило сильное движеніе болгаръ, выбѣгавшихъ изъ домовъ вооору-

женныхъ разнокалиберными ружьями. Посреди улицы лежалъ навзничь, лицомъ въ землю, окровавленный турокъ, только что убитый выстрѣломъ въ упоръ. Дежурная рота болгарскаго ополченія бѣгомъ пришла на мѣсто происшествія.

Оказалось, что турки стрѣляли въ проѣзжавшій нашъ разъѣздъ изъ дому. Это былъ отличный случай для болгаръ, искавшихъ всегда предлога къ мести. Еще до прибытія роты, болгары сами распорядились окружить турецкій кварталъ, поставивъ у каждой двери и у воротъ по два человѣка съ ружьями.

Было приказано генераломъ Гурко—виновниковъ повѣсить. Къ чему, подумалъ я, вела наша гуманность до сей минуты? Нужно было давно прійти къ этому. Нѣсколько человѣкъ ополченцевъ вошли въ домъ, изъ котораго стрѣляли турки. Долго они тщетно искали тамъ турокъ, которые искусно попрятались. Дѣло въ томъ, что турецкіе дома строятся такъ, что имѣютъ потайныя сообщенія между собою и подвалы, замѣтные одному только знающему расположеніе глазу. Изъ дома выбѣжали три турчанки, забравшіяся на чердакъ и найденныя ополченцами. Навсегда останутся у меня въ памяти лица этихъ трехъ женщинъ!

Пренебрегая закономъ, выбѣжали онѣ изъ дома съ открытыми лицами. Онѣ думали найти тутъ-же смерть... Лица ихъ выражали полное отчаяніе... Онѣ плакали безъ слезъ... Одна изъ нихъ, молодая и чрезвычайно красивая, въ эту минуту была поразительно хороша!

Я подошелъ къ нимъ и велѣлъ объяснить, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, что онѣ должны сейчасъ-же уйти отсюда, что одни мужчины отвѣчаютъ за выстрѣлы. Услыхавъ это, онѣ схватили обѣими руками головы и побѣжали въ сосѣднюю улицу. чтобъ не видать смерти мужей и братьевъ. Благодаря жителямъ, мужчинъ удалось найти въ какомъ-то подвалѣ. Тутъ началась картина, отвратительнѣе которой врядъ ли

прійдется видѣть въ жизни... Поочередно вытаскивали изъ дома турокъ, поочередно ихъ валили, болгары надѣвали имъ на шею петлю и вздергивали тутъ-же на воротахъ.

Каждая жертва дѣлала нѣсколько конвульсивныхъ движеніи и мгновенно умирала... Шесть тѣлъ висѣло на воротахъ рядомъ, одно около другаго. Видъ ихъ былъ отвратителенъ: открытый ротъ, высунутый языкъ, мутные глаза — невольно вызывали отвращеніе. Я простоялъ до конца, влекомый любопытствомъ видѣть то, что никогда, нигдѣ не увидишь. Болгары исполняли эти казни, съ какимъ-то злорадствомъ и удовольствіемъ...

— Такъ поступали съ нами турки всегда—сказалъ мнѣ одинъ болгаринъ изъ ополченія — съ отцами и дѣдами; насталъ теперь и нашъ чередъ Вы знаете, ваше благородіе, что сегодня въ городъ привезли три телѣги израненныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей. Да какже намъ ихъ не вѣшать, не рѣзать, не убивать... У меня вся родня погибла въ тюрьмахъ и въ казняхъ... Они сдѣлали меня сиротой... Какъ-же не мстить имъ... Я покуда буду живъ, буду драться съ ними... Я и въ Сербіи былъ и теперь воюю... Будетъ еще война, еще пойду бить ихъ...

Болгаринъ этотъ по разительно чисто говорилъ порусски, оказалось, что онъ пять лѣтъ прожилъ въ Одессѣ.

Такая странная, вѣками созданная ненависть, никакими строгими мѣрами съ нашей стороны не можетъ быть уничтожена.

Я долго не могъ оправиться отъ видѣннаго мною...

. . . .

Въ 12 часовъ вернулся и полковникъ Корево, съ подполковникомъ Фрезе изъ удачнаго набѣга. Имъ пришлось опрокинуть баши-бузуковъ, бывшихъ за р. Марицей, для того чтобы дойти до полотна желѣзной дороги. Эскадронъ маіора Теплова молодецки переплылъ Марицу, отогналъ баши-бузу-

ковъ, а динамитчики разрушили станцію Каяджакъ со всѣми службами и полотно на нѣсколько верстъ вправо и влѣво. Телеграфный аппаратъ и начальникъ станціи, нѣмецъ, были арестованы и привезены въ Ески-Загру.

Послѣ возвращенія Казанскаго полка, ген. Гурко выѣхалъ въ Казанлыкъ, поручивъ командованіе отряда Князю Николаю Максимиліоновичу. Отряду нашему предписано отдыхать и только защищать Ески-Загру и ущелье.

Сегодня высланы еще сотня казаковъ подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Чиляева въ Хаскіой для разрушенія телеграфной линіи на филипопольско-адріанопольскомъ шоссе. Врядъ-ли это удастся? Турки теперь уже на-сторожѣ.

14-го Іюля. Четвергъ.

Городъ Эски-Загра переполненъ сбѣгающимися со всѣхъ сторонъ болгарами. Всѣ они единогласно разсказываютъ, что близь желѣзной дорогѣ появились значительныя силы турецкихъ войскъ. Набѣги черкесовъ на деревни стали смѣлѣе, и я видѣлъ сегодня пораненое болгарское семейство, чудесно спасшееся отъ неминуемой смерти. У самаго болгарина нѣсколько ранъ на рукахъ и спинѣ шашкою, жена его получила кромѣ раны на рукѣ еще обжоги: она спасала дѣтей, которыхъ варвары толкали въ огонь зажженнаго ими дома... Кругомъ горятъ села. Болгары жгутъ турецкія, черкесы—болгарскія.

Кавалерійскія лошади въ страшномъ видѣ: имъ досталась работа не по силамъ. Впрочемъ сегодня они отдыхаютъ...

. . . .

15-го Іюля. Пятница.

Изъ штаба передоваго отряда получено извѣщеніе, что будто турки изъ Ени-Загры направляются на Хаинкіой.

Хороши мы будемъ въ городѣ Эски-Загрѣ, если турки войдутъ въ долину Тунджи!

Подполковникъ Бѣлогрудовъ, серьозный, храбрый, и всегда блистательно исполнявшій всѣ порученія офицеръ, съ дивизіономъ Казанскихъ драгунъ посланъ къ Ени-Загрѣ убѣдиться: дѣйствительно-ли турки идутъ на Хаинкіой? Ему приказано непремѣнно дойти до непріятеля и завязать съ нимъ дѣло. Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ свѣдѣній отъ него.

Болгары продолжаютъ сбѣгаться въ городъ: они съ ужасомъ разсказываютъ о черкесскихъ звѣрствахъ и рѣзнѣ.

Къ несчастію мы не можемъ помочь имъ: намъ остается только помышлять о защитѣ самаго города Эски-Загры до подхода подкрѣпленій, о которыхъ рѣшительно ничего неизвѣстно.

Къ вечеру возвратился изъ набѣга маіоръ Чиляевъ. Его набѣгъ не удался, такъ какъ онъ повсюду встрѣчалъ значительныя партіи баши-бузуковъ и черкесовъ. Однако онъ привезъ серьозныя извѣстія. Такъ онъ узналъ, что происходятъ значительныя передвиженія турецкихъ войскъ между станціями Карабунаръ-Тырновымъ и Каяджаномъ, на желѣзной дорогѣ вездѣ производятся исправленія, въ Семенли находится до четырехъ тысячъ войскъ, а въ Чарпанѣ до двухъ тысячъ баши-бузуковъ. Испортить телеграфъ онъ самъ не могъ, такъ какъ всюду встрѣчалъ турецкія войска, а послалъ онъ для этого болгарина, который и принесъ ему телеграфную чашку.

Вечеромъ прибылъ и подполковникъ Бѣлогрудовъ, который имѣлъ славное и серьозное кавалерійское дѣло.

Подходя къ Ени-Загрѣ онъ встрѣтилъ черкесовъ, которые стали отступать и навели его на батарею въ четыре орудія. Непріятельская пѣхота также появилась у него на флангѣ. Артиллерія открыла по немъ огонь шрапнелью, а пѣхота открыла бѣглый огонь. Какъ не тяжело было подполковнику

Бѣлогрудову уходить не исполнивъ порученія, но дѣлать было нечего: онъ повернулъ дивизіонъ и сталъ отходить шагомъ.

Ободренные его отступленіемъ, черкесы стали подскакивать къ дивизіону сзади, стрѣляя изъ магазинныхъ ружей съ коня. Драгуны терпѣли большой уронъ отъ нихъ, но продолжали отходить шагомъ. Черкесы становились все смѣлѣе и смѣлѣе и подскакивали уже на триста шаговъ. Офицеры убѣдительно просили подполковника Бѣлогрудова повернуть назадъ и ударить въ шашки. Бѣлогрудовъ выдерживалъ характеръ.

— Погодите, господа, говорилъ онъ, еще рано; развѣ вы не знаете черкесовъ? Они атаки не примутъ. Дайте имъ поближе зарваться.

— Да помилуйте, подполковникъ, развѣ вы не видите, сколько мы теряемъ даромъ людей?

— Имѣйте терпѣніе, господа, погодите... А теперь пора! сказалъ онъ, когда черкесы подскочили совсѣмъ близко.

— Повзводно, налѣво кругомъ, рысью—маршъ. Маршъ-маршъ... скомандовалъ подполковникъ, и въ мигъ драгуны врубились въ черкесовъ. Черкесы не оказались искусными въ рукопашкѣ: они сидѣли на маленькихъ лошадяхъ и драгуны рубили ихъ сверху.

— Вотъ всегда-бы въ шашки, говорили драгуны: мы ихъ рубили какъ капусту!

Нѣсколько десятковъ черкесскихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ, другіе-же спасались бѣгствомъ. Тогда Бѣлогрудовъ собралъ людей, а черкесы снова стали насѣдать; дивизіонъ опять пошелъ въ атаку, но на этотъ разъ черкесы совсѣмъ отступили, не смѣвъ болѣе преслѣдовать. Дивизіонъ потерялъ одиннадцать человѣкъ убитыми и одиннадцать человѣкъ ранеными. Офицеры отдавали полную справедливость хладнокровію и мужеству подполковника Бѣлогрудова.

— Послушай онъ насъ, говорили они, и шока кавалерійскаго-бы не произошло.

16-го Іюля. Суббота.

Сегодня получили мы очень важное письмо, найденное у одного убитаго турка, въ которомъ говорилось, что въ Адріанополь прибыло сорокъ четыре турецкихъ баталіона и около восьмидесяти орудій по желѣзной дорогѣ изъ Салоникъ; арміею начальствуетъ Сулейманъ-паша, вызванный съ войсками изъ Черногоріи. Въ немъ также сообщалось, что русскіе разбиты подъ Плевной и что будто Тырново взято у насъ обратно. Мои предсказанія къ несчастью сбываются. Изъ штаба было получено увѣдомленіе, что турки наступаютъ чрезъ Ловчу на Сельви.

Такія тревожныя извѣстія получены нами сегодня. Что-же это будетъ? Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать... Можно упасть духомъ...

. . . .

Къ вечеру-же получены болѣе утѣшительныя свѣдѣнія:

Что къ передовому отряду присоединена бригада 9-й пѣхотной дивизіи генерала Борейши и получена диспозиція на восемнадцатое число, въ которой предположено наступленіе на городъ Ени-Загру тремя колоннами съ цѣлью взять его. Правая колонна наша, Князя Николая Максимиліановича; средняя генерала Рауха съ самимъ генераломъ Гурко идетъ изъ Казанлыка съ имѣющимися тамъ войсками; лѣвая генерала Борейши выйдетъ изъ Хаинкіоя.

Присоединеніе бригады генерала Борейши показываетъ, что 8-й корпусъ начинаетъ переходить Балканы; наступленіе-же наше на Эни-Загру доказываетъ, что дѣла не такъ плохи, если мы идемъ впередъ. Лишь только перейдетъ Балканы весь 8-й корпусъ, намъ никакой Сулейманъ не страшенъ, пусть онъ попробуетъ выйти противъ насъ въ открытомъ полѣ, хотя у него войско и испытанное, стойкое, бившееся все время съ черногорцами. Нашъ хозяинъ разсказы-

ваетъ, что онъ узналъ отъ одного родственника, пріѣхавшаго изъ Филиппополя, о той паникѣ, которая овладѣла всѣми въ Константинополѣ, когда тамъ узнали о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы. Но полный переполохъ произошелъ въ столицѣ, когда наши драгуны испортили обѣ линіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфы въ двухъ переходахъ отъ Адріанополя: министры были будто смѣнены, султанъ изготовляется къ отъѣзду, изъ Черногоріи поспѣшно вызвана армія Сулеймана-паши. Если это только правда, то мы имъ нагнали порядочнаго страха. Вслѣдствіе показаній жителей о сосредоточеніи большихъ турецкихъ силъ, къ городу Тырнову сегодня посылался дивизіонъ Кіевскихъ гусаръ маіора Тулапова для рекогносцировки. Маіоръ Тулаповъ вернулся съ донесеніемъ, что у станціи Карабунара находится до семи таборовъ пѣхоты съ артиллеріею, о передвиженіи-же турецкихъ войскъ онъ ничего не могъ узнать.

17-го Іюля. Воскресенье.

Въ виду нашего наступленія на Ени-Загру, утромъ высланы двѣ развѣдки: произведеннаго въ полковники Бѣлогрудова на Ени-Загру, и Кіевскаго гусарскаго полка маіора Карѣева по направленію къ станціи Карабунару. Кромѣ того высланы также офицерскіе разъѣзды для изслѣдованія проходовъ въ малыхъ Балканахъ, на случай нашего отступленія.

Сегодня въ ночь прибылъ къ намъ полковникъ генеральнаго штаба Бучаковъ съ разъясненіемъ о положеніи дѣлъ и съ наградами за Тырново.

Атака города Ени-Загры назначена на завтрашнее число утромъ. Дабы нашъ отрядъ успѣлъ подойти къ Ени-Загрѣ одновременно съ другими колоннами, мы выступаемъ сегодня, съ тѣмъ чтобы переночевать у деревни Карабунара, лежащей всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

Поэтому наша пѣхота, болгарское ополченіе, выступили въ двѣнадцать часовъ дня, кавалерія-же въ три часа.

Едва успѣли мы въ пять часовъ вечера нагнать пѣхоту, какъ получено было отъ полковника Бѣлогрудова донесеніе, что турки наступаютъ изъ Іени-Загры. Это обстоятельство значительно мѣняло положеніе дѣлъ. Оно было и хорошо и дурно. Хорошо въ томъ отношеніи, что іени-загрскіе турки выйдя на насъ, завтрашнее-же утро будутъ имѣть генерала Гурко у себя въ тылу и будутъ поставлены въ скверное положеніе. Дурно-же было потому, что обрушившись на нашъ небольшой отрядъ, они сегодня-же могутъ смять насъ и занять Ески-Загру.

По полученіи этого донесенія, Князь Евгеній Максимиліановичъ взялъ Астраханскій драгунскій полкъ съ двумя орудіями и обогнавъ пѣхоту рысью, вышелъ противъ непріятеля, дабы обнаружить силы противника. Вскорѣ мы увидали парную цѣпь черкесовъ, стоявшую на ружейной выстрѣлъ отъ насъ, и группу людей на курганѣ, около шоссе, похожую на свиту. Князь Евгеній Максимиліановичъ со штабомъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ колодцу, дабы лучше разсмотрѣть въ бинокль противника, приказавъ взводу 16-й батареи капитана Усова выѣхать и открыть огонь по группѣ на курганѣ.

Наши наѣздники спокойно стояли противъ цѣпи черкесовъ... Ничего рѣшительно за черкесами не было видно... Нашъ взводъ даетъ выстрѣлъ, другой... Обѣ гранаты отлично легли на курганѣ, и непріятельская группа скрылась. Вслѣдъ за вторымъ выстрѣломъ капитана Усова, правѣе кургана показывается линія пороховаго дыма, раздается залпъ, и снопъ гранатъ обдалъ стоящаго Герцога со штабомъ.

Князь Евгеній Максимиліановичъ спокойно крикнулъ:

— Лошадь; господа офицеры садись!..

Все заколыхалось, садилось... Еще не успѣли мы сѣсть, какъ второй снопъ гранатъ обдалъ насъ осколками... Гранаты

счастливо падали между лошадьми. Князь Евгеній Максиміліановичъ приказалъ шагомъ отступать. Мы шли съ полверсты провожаемые огнемъ артиллеріи. Наша батарея, которую мы открыли отступая, стала отвѣчать... Мы остановились. Оказалось, что непріятель имѣлъ три 6-ти орудійныхъ, отлично замаскированныхъ дальнобойныхъ батареи. Ихъ отчетливо можно было пересчитать по клубамъ пороховаго дыма.

Дистанція была такъ велика для 16-й конной батареи, что несмотря на крайнюю высоту прицѣла наши гранаты не долетали. 16-й конной батареи приказано было отойти.

Турки замѣтили, что мы слѣзли съ лошадей и сообразили, что это должно быть начальство. Этимъ и можно было объяснить стрѣльбу главнымъ образомъ по насъ.

Мы свое дѣло сдѣлали: заставили противника высказаться. Атаковать-же его намъ было-бы тоже, что бить лбомъ объ стѣну. Работа стояла за пѣхотою; наше дѣло было только поддерживать ее.

Въ 6 часовъ прибыли дружины, развернулись, стали на позицію *по обѣ стороны шоссе; кавалерія стала во второй линіи. Кромѣ того колонна изъ шести эскадроновъ,* со взводомъ артиллеріи подъ начальствомъ полковника Корево съ подполковникомъ Сухотинымъ, пошла въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга для задержанія турокъ на случай ихъ наступленія. Начинало уже темнѣть... Непріятель изрѣдка стрѣлялъ по развернутымъ болгарскимъ дружинамъ, когда было получено опасное извѣщеніе отъ полковника Краснова, остававшагося подъ Ески-Загрой, что до десяти баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріею находятся у деревни Арабаджи на бивуакѣ, всего въ десяти верстахъ отъ города, и имѣютъ повидимому намѣреніе продолжать наступленіе.

Положеніе стало критическое... Турки и мы оказались почти въ одинаковомъ положеніи: вышедшіи изъ Іени-Загры, они завтра будутъ имѣть за собою ген. Гурко; мы же будемъ имѣть

10 батал. турокъ завтра въ Эски-Загрѣ. Разница только въ томъ, что турки имѣютъ свободный путь отступленія куда угодно въ долину Марицы; мы же имѣемъ одинъ только путь, черезъ Эски-Загру и ущелье, потому что возвратившіеся разъѣзды, посланные изслѣдовать пути въ малыхъ Балканахъ, донесли, что они совершенно неудобны для прохода артиллеріи.

Но что будетъ съ гостепріимнымъ городомъ Эски-Загрою? Что будетъ съ тысячами болгаръ, спасающихся тамъ отъ турокъ? Несмотря на темноту ночи и усталость болгарскаго ополченія, Князь Николай Максимиліановичъ немедленно-же пошелъ съ нимъ въ Эски-Загру, предоставивъ брату своему Князю Евгенію Максимиліановичу демонстрировать противъ іенизагрскихъ турокъ и отвлекать ихъ для способствованія успѣшнаго дебушированія ген. Гурко завтра утромъ изъ горъ и атаки Іени-Загры.

Наступила темная, непроглядная южная, лѣтняя ночь. И что это была за ночь! Мало кто спокойно могъ отдыхать, въ виду серьозности положенія! Бѣдныя лошади также не разсѣдлывались.

18 Іюля. Понедѣльникъ.

Чуть занялась заря, мы были уже всѣ на ногахъ. День насталъ жаркій до изнуренія. Передъ нашими гусарами стояла все та-же черкесская цѣпь, за которою ничего не было видно. Нужно было убѣдиться не ушли-ли турки ночью, прослышавъ о движеніи генерала Гурко на Іени-Загру. Для этого рѣшено было придвинуться общею колонною впередъ. Лишь только отрядъ нашъ поравнялся со вчерашнемъ колодцемъ, какъ повторились вчерашніе залпы по насъ: турки остались на прежнихъ мѣстахъ. Шагомъ отошли мы назадъ на мѣста нашего бивуака. Все утро простояли мы и турки на мѣстѣ, не упуская другъ друга изъ виду.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы услышать выстрѣлы со стороны Іени-Загры; но напрасно: прошелъ восьмой часъ, девятый, десятый, одиннадцатый, мы ничего не слыхали. Я нарочно поѣхалъ въ гусарскую цѣпь, выѣзжалъ впередъ ее, прислушиваясь: не раздастся-ли столь нетерпѣливо ожидаемый звукъ? Ничего не было слышно: мертвенная тишина царствовала даже и въ природѣ, тишина поразительная, несмотря на то, что непріятель былъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ.

Я подъѣхалъ къ гусарскому посту. Часовой стоялъ верхомъ въ кукурузѣ, подчаски держали шагахъ въ тридцати сзади лошадей въ поводу.

— Ну, что — видно? спросилъ я часоваго.

— Окромя постовъ ничего не видать, ваше благородіе.

— А гдѣ непріятельскіе посты?

— Съ эвтого мѣста, извольте смотрѣть, четыре поста видать. Эвона, тамъ, около шоссеи, черкесская шапка бѣлая только и видна; второй-то хорошо видно: вона два стоятъ; третій въ кукурузѣ стоитъ: извольте посмотрѣть—чернѣетъ по-за прогалиной; а четвертый тамъ, около рощи: ихъ видать только когда ихъ ѣздятъ смѣнять.

— А часто ихъ смѣняютъ?

— Сегодня однажды смѣняли.

— А они не подъѣзжаютъ поближе къ нашимъ постамъ?

— Одинъ, должно быть командиръ, на бѣлой лошади сегодня впередъ цѣпи выѣхалъ, да все взадъ и впередъ разъѣзжаетъ, да разглядываетъ... Я хотѣлъ-это его изъ винтовки пугнуть, да старшій не дозволяетъ: говоритъ тревогу даромъ сдѣлаешь: не должно стрѣлять зря на аванпостахъ.

Меня взяло любопытство подъѣхать поближе: не увижу-ли я что нибудь новое. Я поѣхалъ шагомъ за посты. Гусаръ отсовѣтывалъ, говоритъ: — не ѣзжайте, ваше благородіе, пристрѣлятъ.

— Нѣтъ, братъ, имъ тоже съ постовъ стрѣлять запрещено.

Выѣхавъ изъ кукурузы на гладкое мѣсто, я явственно увидѣлъ двухъ черкесовъ въ папахахъ и черкескахъ. Одинъ изъ нихъ закружилъ на мѣстѣ лошадь, обернулся и очевидно что-то говорилъ. Тотчасъ же подъѣхало къ нимъ еще двое черкесовъ. Мнѣ пришло въ голову, что они хотятъ отхватить меня. Какъ-бы желая убѣдиться возможно-ли это, я обернулся посмотрѣть далеко-ли я отъ своего поста. Оказалось, что за кукурузою его даже и не видно. Благоразуміе взяло верхъ, и я поѣхалъ назадъ къ посту.

— Точно изволите говорить, ваше благородіе, что и имъ не велѣно стрѣлять съ постовъ, а то бы они давно начали по васъ палить.

— Это имъ отмѣстка, — говорилъ я засмѣявшись, — они будутъ знать, что не они одни не боятся выѣзжать за цѣпь, и для насъ это ровно ничего не значитъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе, улыбнулся гусаръ.

— Такъ ты смотри: какъ услышишь дальніе выстрѣлы со стороны горъ, такъ давай объ этомъ знать, потому что это будетъ значить, что генералъ Гурко выходитъ имъ сзади въ тылъ. Слышишь?

— Такъ точно, отвѣтилъ удивленно гусаръ: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы наши могли выйти туркамъ въ тылъ.

Наступилъ часъ пополудни, а со стороны Іени-Загры ничего не было слышно, и турки стояли на мѣстѣ. Намъ уже приходило въ голову, что генералъ Гурко или запоздалъ или потерпѣлъ неудачу.

Тутъ съ аванпостовъ дали знать, что турки обходятъ нашъ правый флангъ. Тотчасъ-же для противодѣйствія ихъ обхода былъ посланъ все тотъ-же полковникъ Бѣлогрудовъ съ дивизіономъ Казанскихъ драгунъ и взводомъ артиллеріи. Меня послали въ цѣпь обстоятельно разсмотрѣть и донести то, что я

увижу впереди нашего праваго фланга. Подъѣхавъ рысью къ цѣпи, я спросилъ: «Откуда видно движеніе турокъ».

— Вотъ съ того кургана должно быть хорошо видно, отвѣтили мнѣ.

Я поскакалъ къ кургану, бывшему немного впереди праваго фланга нашей цѣпи. Движеніе турокъ было видно какъ на ладони. Я явственно увидалъ и сосчиталъ по пальцамъ восемь баталіонныхъ колоннъ; впереди интерваловъ ѣхали три батареи. Еще впереди шла кавалерійская цѣпь съ поддержкою цѣлаго полка кавалеріи.

Не успѣлъ я донести о видѣнномъ мною, какъ полковникъ Бѣлогрудовъ на правомъ флангѣ завязалъ ужъ артиллерійское дѣло, и всему отряду приказано было отступать. Мы отступали, маневрируя нашей кавалеріею. Отступая по шоссе по направленію къ Ески-Загрѣ, наши наѣздники и передовыя части были атакованы массою черкесовъ. Наши отступили прямо на мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, въ которомъ засѣла рота болгарскаго ополченія подъ начальствомъ капитана Ѳедорова, боеваго офицера, получившаго въ Туркестанѣ всѣ 4 солдатскихъ георгіевскихъ креста и офицерскій георгіевскій крестъ. Черкесы, неожиданно для нихъ, увлеченные преслѣдованіемъ, подскочили къ оврагу, и огорошенные залпомъ болгаръ, остановились. Капитанъ Ѳедоровъ съ саблею наголо выбѣжалъ изъ оврага, за нимъ и вся рота, которая вторично обдала черкесовъ свинцовымъ дождемъ.

Черкесы съ большимъ урономъ въ разсыпную ускакали назадъ. Турки остановились за деревней Джуранли. Мы же отступили на Ески-Загрскія высоты, поставивъ на гребень ихъ нашу артиллерію, и приготовились защищать несчастный городъ.

Полковникъ Красновъ, остававшійся съ нѣсколькими сотнями подъ Ески-Загрой, одновременно съ нами маневрировалъ противъ турокъ, наступавшихъ съ юга. Онъ обнаружилъ 10

баталіоновъ, 10 эскадроновъ и болѣе двухъ батарей артиллеріи. Такимъ образомъ мы имѣли противъ себя двѣ массы непріятеля: съ востока у Джуранли и съ юга у Арабаджи.

О генералѣ Гурко свѣдѣній не получалось; всѣ попытки прорваться въ Іени-Загру сквозь черкесовъ не удались. Да еще былъ вопросъ: въ Іени-Загрѣ ли онъ? Между тѣмъ съ горъ, окружающихъ городъ Эски-Загру, ясно было видно движеніе массъ турокъ къ западу, ясно тѣмъ болѣе, что всѣ села, гдѣ проходили турки, предавались пламени, и болѣе двадцати окрестныхъ деревень къ вечеру освѣщали долину р. Марицы своимъ заревомъ.

Бѣдные болгары, спасавшіеся въ Эски-Загрѣ:—отнынѣ вы остались безъ крова и имущества: вы нищіе! Что станетъ съ вами? Куда вы теперь пойдете? Паника въ городѣ была полная: тысячи людей начали уходить изъ Эски-Загры къ Казанлыку. Ущелье не позволяло имъ быстро уходить: вся эта масса народа скопилась у входа въ него. Неловко было поѣхать въ городъ, гдѣ неминуемо къ вамъ обратятся съ вопросами, на которые не сможешь и отвѣтить. Сказать прямо: «бѣгите, спасайтесь!»—неудобно, когда мы еще не дрались за нихъ; сказать же имъ: «обождите, еще есть время»—опасно, это взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность, потому что обстоятельства могутъ вдругъ, въ полчаса совершенно перемѣниться, мы можемъ быть легко раздавлены. Кругомъ, полосою верстъ на десять, видны бивуачные непріятельскіе огни. Ясно, что противъ насъ цѣлый непріятельскій корпусъ. Насъ-же всего четыре слабаго состава болгарскихъ дружины, три такого-же состава кавалерійскихъ полка, нѣсколько сотенъ казаковъ, 8 конныхъ орудій и 4 горныхъ, что составляетъ силу въ 3,500 человѣкъ.

Вечеромъ поздно казаки доставили записку отъ генерала Гурко. Съ трепетомъ она была распечатана, и мы узнали изъ нея, что генералъ Гурко взялъ сегодня Іени-Загру, турки раз-

биты до полнаго бѣгства, станція желѣзной дороги предана разрушенію; массы снарядовъ, еще не выгруженныхъ изъ вагоновъ, были взорваны на воздухъ; три дальнобойныхъ крупповскихъ орудія составили трофеи этого отряда. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Гурко извѣщалъ, что онъ въ шесть часовъ утра двинется съ отрядомъ на Ески-Загру, для того чтобы выручить нашъ отрядъ и городъ.

Лучше подарка для насъ не могло быть въ эту минуту. Насъ озарила надежда отстоять городъ и жителей до прибытія отряда генерала Гурко.

А представлялся еще вопросъ: одолѣютъ-ли турки весь передовой отрядъ, составъ котораго съ бригадою генерала Борейши доходилъ до 15,000?

Утѣшенные и ободренные этимъ извѣстіемъ, мы заснули на бивуакѣ, не снимая даже мундировъ.

19 Іюля. Вторникъ.

Уже въ четыре часа не было человѣка, который бы спалъ: всякій понималъ, какой сегодня серьозный день наступаетъ для Ески-Загрскаго отряда. Хорошо какъ отстоимъ Ески-Загру до прихода генерала Гурко, а какъ черезъ часъ турки будутъ уже подъ городомъ, что намъ останется дѣлать? задавался вопросъ. Драться до послѣдней капли крови, потому что нашими штыками спасаются десятки тысячъ ничѣмъ неповинныхъ людей!

Все утро мы слѣдили за турками въ нѣсколько биноклей. Въ восемь часовъ утра со стороны турокъ не было замѣтно никакого движенія, и къ нашей радости мы увидали два незначительныхъ клуба дыма противъ Джуранли, со стороны Іени-Загры. То были наши два казачьихъ орудія, вступившія въ бой съ турками. Тогда для содѣйствія имъ былъ высланъ отъ насъ

Кіевскій гусарскій полкъ со взводомъ казачьей артиллеріи хорунжаго Пономарева.

Едва только гусары вышли на шоссе, какъ изъ ближайшаго лѣска турецкая артиллерія начала поражать ихъ мѣткимъ огнемъ во флангъ, причемъ одна попавшая граната вывела изъ строя 12 человѣкъ и 10 лошадей.

Хорунжій Пономаревъ снялся со своимъ взводомъ противъ этой батареи и успѣшно поражалъ ихъ цѣлыхъ два часа, поражаемый въ свою очередь втрое сильнѣйшею артиллеріею. Гусары-же должны были ограничиться однимъ маневрированіемъ.

Только въ 10 часовъ увидѣли мы, что вся артиллерія генерала Гурко вступила въ бой; но уже было поздно — турки наступали массами на насъ. Сплошная пѣхотная цѣпь на нѣсколько верстъ, линіи ротныхъ колоннъ въ двѣ линіи, баталіонныя колонны въ резервѣ, болѣе 30-ти орудій въ интервалахъ—вотъ что увидали мы въ бинокль, наступало на насъ и что мы должны были отбросить.

Тщетно авангардъ изъ болгарской дружины со спѣшенными казаками, поддержанный двумя орудіями 16-й конной батареи и Астраханскимъ драгунскимъ полкомъ, удерживали 15 баталіоновъ турокъ: они должны были скоро отступить на окраину города. Тщетно наши 4 горныхъ и 4 конныхъ орудія мѣткими выстрѣлами картечною гранатою выводили цѣлые ряды у турокъ изъ строя; непріятель былъ уже почти въ городѣ. Тутъ мы всѣ поняли, что Эски-Загра погибла.

Въ 12½ часовъ прибылъ отъ генерала Гурко помощникъ начальника передоваго отряда, генералъ Раухъ, и принялъ начальство надъ отрядомъ. Онъ тотчасъ-же послалъ Кіевскихъ гусаръ, Астраханскій драгунскій полкъ и 16-ю конную батарею къ генералу Гурко, который сильно нуждался въ кавалеріи.

Оставшимся четыремъ болгарскимъ дружинамъ съ четырьмя горными и двумя казачьими орудіями хорунжаго Пономарева,

и Казанскому драгунскому полку пришлось выдержать бой противъ въ десять разъ сильнѣйшаго противника.

Утѣшительно было видѣть храбрыя болгарскія дружины, рѣшившіяся до послѣдней крайности защищать свою позицію!

Не смотря на самый близкій огонь дружинъ и горной артиллеріи, имѣвшей отличную позицію, турки, теряя множество народу, двигались впередъ. Взводъ артиллеріи хорунжаго Пономарева, занимавшій позицію на возвышенности сейчасъ-же позади дружинъ, блистательно дѣйствовалъ картечными гранатами. Ни одна граната не пропала даромъ у этого совсѣмъ еще молодаго, только что выпущеннаго изъ училища офицера. Гранату рвало передъ фронтомъ турецкихъ ротъ, и простымъ глазомъ были видны тѣ пробѣлы, которые она дѣлала. Правда, дистанція была не велика, менѣе 300 саж., но взводъ Пономарева былъ буквально засыпаемъ пулями. Болгары лежали и отстрѣливались... Турки подходили уже совсѣмъ близко.

Три раза 3-я болгарская дружина храбраго туркестанскаго маіора Калитина бросалась въ штыки на близко подходившую непріятельскую цѣпь. Турецкая цѣпь подавалась назадъ и открывала свои сомкнутыя части, встрѣчавшія убійственнымъ бѣглымъ огнемъ доблестныхъ болгаръ. Массы болгаръ умирали на мѣстѣ, остальные ложились и отстрѣливались.

Но ни одна болгарская дружина не отступила до тѣхъ поръ, пока каждая, подавляемая большинствомъ, не была обойдена съ трехъ сторонъ, что и случилось около часу пополудни.

Тогда болгары подались назадъ и вступили въ ущелье, потерявъ до 800 человѣкъ рядовыхъ и 22 храбрыхъ офицера.

Начальникъ славной 3-й болгарской дружины, маіоръ Калитинъ, убитъ наповалъ двумя пулями въ голову, въ то время, когда онъ подхватилъ знамя своего баталіона у убитаго знаменщика и, выбѣжавъ передъ баталіономъ, крикнулъ: «сюда, ребята, къ знамени!» Отличившійся еще вчера, капитанъ Өедоровъ, георгіевскій кавалеръ, также убитъ наповалъ. Турки

послѣ столь славной обороны насъ не преслѣдовали. Отступленію въ порядкѣ отчасти мѣшали бѣдные жители, съ воплями и плачемъ бѣжавшіе въ улицы и горы. Вторыя сутки втягивались они въ ущелье, идя сплошною массою, но не всѣ могли уйти отъ разъяренныхъ черкесовъ и турокъ, тотчасъ-же зажегшихъ городъ со всѣхъ концовъ. Картина этого отступленія войска и жителей останется навсегда въ памяти у насъ.

Плачъ женщинъ и дѣтей, стоны раненыхъ, несомыхъ тутъ-же, проклятія посылаемыя туркамъ, крикъ вьючныхъ животныхъ—все сливалось въ одинъ, потрясающій каждаго, шумъ. Полное отчаяніе было видно на лицахъ всѣхъ безъ исключенія: безпощадное положеніе старцевъ, едва плетущихся кончать свои послѣдніе дни жизни въ чужое мѣсто, и выносившихъ послѣднее, самое безотрадное впечатлѣніе объ этой земной жизни; отецъ съ матерью, несущіе десятки верстъ на своихъ плечахъ малолѣтнихъ дѣтей, незнающіе чѣмъ завтра прокормить свое семейство; слабыя еще дѣти бѣжали, горько плача, рядомъ съ родителями.

Русскій солдатъ и тутъ показалъ свое сердце и великую душу: каждый помогалъ по мѣрѣ силъ и возможности: кто несъ ребенка на спинѣ, кто помогалъ укладывать вещи растерявшимъ свои пожитки, кто отдавалъ свои послѣдніе сухари «бѣднымъ братушкамъ...» Беременныя женщины отъ перепуга разрѣшались тутъ-же, на дорогѣ, и спѣша сами спасаться бѣгствомъ, оставляли новорожденныхъ. Въ общемъ переполохѣ дѣти теряли своихъ родителей, родители дѣтей. Нѣсколько такихъ ребятъ было взято на попеченіе нашими офицерами. Больно было смотрѣть на все это, но еще больнѣе было подумать, что мы причина всѣхъ этихъ несчастій...

Я глубоко убѣжденъ, что всякій русскій, видѣвшій столь рельефно, какъ мы сегодня, доблестную защиту Ески-Загры и несчастія перенесенныя болгарами, не рѣшится бросить камнемъ въ нихъ и говорить, что не стоитъ драться за ихъ сво-

боду, что они къ намъ не питаютъ симпатіи, что они трусы или разбойники, и т. д., какъ мнѣ уже случалось слышать. Что касается насъ, передоваго отряда, то за весь походъ мы кромѣ дружбы, гостепріимства, ласки отъ нихъ ничего не видали. Болгарскія дружины показали сегодня, что онѣ умѣютъ умирать и драться не хуже другихъ, и изъ нихъ выйдутъ отличныя войска. Разбой-же и грабежъ свойственъ всѣмъ народностямъ во время войны въ большей или меньшей степени, а тѣмъ болѣе полудикимъ, четыреста лѣтъ пробывшимъ въ рабствѣ болгарамъ! Да развѣ не извинительно болгарину, потерявшему, какъ многіе сегодня, семью и имущество, завербовать себя на всю жизнь въ разбойника, въ грабителя всего турецкаго, всего того, что связано съ напоминаніемъ о его несчастіяхъ на всю жизнь. Я же остаюсь пораженный тѣмъ, что нравственная сторона болгарина, несмотря на всосавшееся въ кровь рабство, находится еще на такой высокой степени.

Сравните румынъ и болгаръ. Первые уже вкусили свободу; пошло-ли имъ это въ прокъ? Да никогда. Чѣмъ дольше будетъ существовать *она*, тѣмъ *она* будетъ гнилѣе и развращеннѣе; будущности-же не предвидится никакой. Вторая-же имѣетъ всѣ хорошіе задатки: какъ крестьянинъ, онъ самый трудолюбивый, что мы видимъ по разработаннымъ полямъ: едва доступныя горы—и тѣ засѣяны; какъ мать семейства, болгарка самая нравственная женщина: неутомимость, трезвость, сносливость, вотъ тѣ качества, изъ которыхъ можно извлечь много хорошаго. Эти задатки и качества достаточно гарантируютъ способность къ самостоятельности и къ завидной будущности.

Выйдя изъ ущелья, мы расположились на бивуакѣ тотчасъже перейдя р. Тунджу. Тутъ мы встрѣтили двухъ корреспондентовъ, гг. Утина и Гирса. Мы ихъ пригласили къ себѣ на бивуакъ. Было что имъ разсказать. Нужно надѣяться, что они воспользуются сегодняшнимъ матеріаломъ для описанія этого бѣдственнаго отступленія.

Извѣстій отъ Гурко мы никакихъ не имѣемъ; передъ самымъ нашимъ отступленіемъ изъ Ески-Загры, мы издали видѣли, что какъ будто отрядъ его также отступалъ. Еще неизвѣстно, куда мы пойдемъ завтра отсюда.

20 Іюля. Среда.

Настало утро, а свѣдѣній отъ генерала Гурко не имѣлось. Предположеній было много: или генералъ Гурко отступилъ на Іени-Загру и выйдетъ на Хаинкіой, или онъ окончательно разбитъ. Во всякомъ случаѣ нужно было намъ отступить на Казанлыкъ уже потому, что черкесскія партіи стали прорываться черезъ Малые Балканы, и городъ, бывшій безъ гарнизона, переполненъ бѣжавшими изъ Ески-Загры жителями. А главное то, что идя на Казанлыкъ, мы отступали къ самому важному Шипкинскому проходу, который врядъ-ли удастся туркамъ взять.

Въ десять часовъ мы пошли въ Казанлыкъ, которому суждено было безъ насъ пережить нѣсколько паникъ. Теперь-же паника была общая: дома заколачивались, жители собирали свои пожитки и бѣжали.—Куда идти? задавали они намъ безпрестанно вопросы.

— Идите черезъ Шипку за Балканы, былъ нашъ единственный отвѣтъ.

Мы заѣхали въ одинъ домъ, который повидимому еще не совсѣмъ былъ брошенъ, чтобъ помыться и перемѣнить бѣлье, что мы не могли сдѣлать съ самаго 16-го іюля. Хозяйка болгарка, съ малолѣтнею дочкою, горько плакала о своей судьбѣ, говоря: что оставаться имъ здѣсь нельзя, что придутъ турки и убьютъ ихъ за то, что они намъ служили и угождали; уйти-же, значитъ бросить все имущество, такъ какъ его не на чѣмъ было перевезти, и остаться безъ всякаго состоянія. Каково было намъ все это слышать? Болгарка дала намъ обѣдъ, за который

намъ оставалось только щедро ее вознаградить, и вслѣдъ за нами покинула свой домъ. Мы-же поѣхали въ монастырь. Монастырь былъ въ это время и главной квартирой нашего отряда и лазаретомъ, гдѣ шла дѣятельная перевязка раненыхъ. Одновременно съ перевязкою солдатъ, подавали помощь и пораненнымъ жителямъ. Не только взрослые болгары имѣли раны огнестрѣльныя и отъ холоднаго оружія, но женщинамъ и безвиннымъ дѣтямъ суждено было испытать всѣ ужасы расходившихся турокъ. Такъ, одинъ прелестный, съ большими черными блестящими глазами болгаренокъ получилъ двѣ глубокія раны шашкою по рукѣ: не перевязанныя раны его уже разъѣдались червяками.

Глядя на этого ребенка, мать плакала вмѣстѣ съ нимъ въ то время, когда докторъ промывалъ раны этого невиннаго и нѣжнаго тѣла. Младшій сынъ этой болгарки, младенецъ, на ея глазахъ былъ поднятъ на шашки и изрубленъ черкесами. Она сама получила нѣсколько ранъ, мужа ея убили.

— За что же ребенка-то они рубили, говорилъ одинъ подошедшій къ этой сценѣ съ перевязанною рукою солдатъ. — И какъ это у нихъ хватило духу младенца-то тронуть? Потому что у нихъ Бога нѣтъ... отвѣтилъ онъ самъ себѣ на вопросъ.

— Да развѣ это люди: это звѣри, кровопійцы! пришлось отвѣтить солдату.

Когда окончили обмываніе ранъ ребенка, я настоялъ у доктора, чтобъ его свели въ комнату игуменьи, гдѣ сидѣли всѣ начальники, Князья Лейхтенбергскіе и гг. Утинъ и Гирсъ, дабы показать имъ этотъ ужасъ, разсѣивающій всѣ сомнѣнія въ правдоподобіи подобныхъ часто случавшихся позорныхъ поступковъ турокъ.

Ребенокъ, сначала боязливо шедшій въ комнату, обласканный, успокоился и позволилъ показать свои раны. Ужасъ былъ общій! Миловидность и красота ребенка еще больше располагали къ нему. Я радовался, что могъ доказать безапелляці-

онно и обвинить ненавистныхъ турокъ, въ особенности передъ корреспондентами.

Наши солдаты доставили сегодня на попеченіе игуменьи четырехъ новорожденныхъ младенцевъ, найденныхъ на дорогѣ: несчастныя жертвы сегодняшняго дня своимъ крикомъ разстраивали еще больше наши нервы, громко напоминая о своемъ появленіи на свѣтъ. Рядомъ съ пораненными болгарами, просто лежащими на травѣ, за неимѣніемъ болѣе мѣстъ въ кельяхъ, раскинуто нѣсколько палатокъ. Въ одной изъ нихъ особенно метался одинъ бѣдный солдатъ: отъ боли его всего корчило и въ жару онъ сбросилъ съ себя простыню... Монахиня то и дѣло что покрывала его... «Охъ, тошнехонько», стоналъ солдатъ, раненый въ пахъ. «Какъ-бы умереть скорѣе...»

Таковы были картины въ монастырѣ!..

Изъ главной квартиры прибылъ ординарецъ шт.-ротмистръ Цуриковъ, привезшій тяжелое извѣстіе о пораженіи 18 іюля генерала Крюденера и Шаховскаго подъ Плевной...

Эвакуація раненыхъ, которымъ грозила серьозная опасность съ завтрашняго дня, сильно затруднена отсутствіемъ подводъ, угнанныхъ жителями. Ночевали мы въ монастырѣ.

21-го Іюля. Четвергъ.

Отъ генерала Гурко получено извѣстіе, что онъ 19-го подъ Джуранли разбилъ турокъ, которые отступили изъ Ески-Загры. Въ Ески-Загрѣ были уже наши разъѣзды, и убѣдились, что городъ покинутъ Сулейманомъ-пашой. Отъ города остались одни пепелища; трупы во множествѣ валяются въ городѣ и заражаютъ воздухъ. Какъ оказалось, отступленіе генерала Гурко, которое мы видѣли въ послѣднюю минуту нашей защиты Ески-Загры, произошло въ самомъ дѣлѣ. Но съ прибытіемъ молодецкой 4-й стрѣлковой бригады, бѣгомъ прибѣ-

жавшихъ и развернувшихся послѣ семидесятиверстнаго перехода въ продолженіи этихъ сутокъ, этихъ «орловъ», незнающихъ утомленія и полныхъ неудержимой отваги, генералъ Гурко перешелъ въ наступленіе и выбилъ турокъ изъ ихъ позиціи. Разъ турки отступили, генералъ Гурко спокойно перешелъ у Дельбока черезъ Малые-Балканы и вышелъ къ Хаинкіою, никѣмъ не преслѣдуемый и удрученный сотнями раненыхъ. Нужно отдать полную справедливость, что рѣшимость генерала Гурко атаковать всю армію Сулеймана-паши съ незначительными силами, которыми онъ располагалъ, его успѣхъ и вслѣдствіе этого безпрепятственное конечное отступленіе главныхъ силъ передоваго отряда, и отличный выходъ изъ самаго критическаго положенія—заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ фактъ смѣлый, рѣдкій и красивый въ исторіи нашей кампаніи.

Не получивъ никакихъ приказаній отъ генерала Гурко, куда намъ направиться, генералъ Раухъ рѣшилъ отвести насъ на Шипку. Все оставшееся населеніе потянулось съ нами.

Нельзя не удивляться энергіи, находчивости и распоряженіямъ маіора Попова, коменданта города Казанлыка! Недаромъ онъ пріобрѣлъ такую любовь и уваженіе жителей. Сдерживая взрывъ мутящихся при нашихъ неудачахъ турокъ, успокоивая болгаръ, построившихъ укрѣпленія подъ Казанлыкомъ, онъ не хотѣлъ бросить управляемый городъ до того времени, какъ его займутъ турки, и остался въ Казанлыкѣ только съ нѣсколькими казаками. Благодаря ему, всѣ раненые въ прошлую ночь были увезены въ Габрово.

Взбираясь на лошадяхъ на въ нѣсколько верстъ крутой подъемъ Шипки, мы добрались до форта Св. Николая, гдѣ стояли два баталіона Орловскаго полка, и гдѣ мы и остановились. Кромѣ этихъ войскъ, другихъ здѣсь не было. Захваченная турецкая батарея, состоящая изъ шести 8-ми-сантиметровыхъ крупповскихъ стальныхъ орудій, была превращена въ русскую.

Молодой артиллерійскій подпоручикъ обучалъ пѣхотинцевъ, обратившихся въ артиллеристовъ.

— Я пробовалъ стрѣлять изъ нихъ, говорилъ онъ: орудія прекрасныя; жаль, что имѣется только всего триста снарядовъ. Ко всѣмъ важнымъ пунктамъ, подходамъ и вершинамъ мы уже пристрѣлялись и знаемъ дистанцію.

Пріятно было видѣть любящаго свое дѣло молодаго артиллериста и воспріимчивость къ разнороднымъ отраслямъ военнаго дѣла нашихъ солдатъ.

— Да, помилуйте, говорилъ мнѣ одинъ офицеръ Орловскаго полка, въ отвѣтъ на мое удивленіе на этихъ пѣхотныхъ артиллеристовъ:—извѣстная вещь: прикажи нашему солдату трубить маршъ, онъ черезъ мѣсяцъ вамъ его сыграетъ; прикажите ему лѣзть на мачты, онъ черезъ мѣсяцъ обратится въ кошку; такова уже наша русская натура.

Орловскій полкъ имѣлъ при себѣ маркитанта, и мы безсовѣстно пользовались имъ послѣ столь долгихъ лишеній. Не смотря на іюль мѣсяцъ, въ 5 часовъ вечера на Шипкѣ стало совершенно темно, туманно, ночь-же стала холодная.

22 Іюля. Пятница.

Написавъ письма на родину, я поѣхалъ изъ Шипки въ Габрово, гдѣ было почтовое отдѣленіе, дабы отправить ихъ оттуда. Выѣхавъ отъ форта Св. Николая, я встрѣтилъ генерала Кренке, устраивающаго большую шоссированную дорогу изъ Габрова на Шипку. Меня поразила масса болгаръ, которые занимались этою работою подъ руководствомъ саперныхъ унтеръ-офицеровъ: ихъ было по крайней мѣрѣ до тысячи человѣкъ. Широкая, каменистая съ крутыми подъемами дорога сразу работалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вскорѣ я встрѣтилъ наши обозы, шедшіе на Шипку, и серьозно обрадовался имъ: мы не видали ихъ съ самаго выхода изъ Тырнова.

Отъ Шипки до Габрова всего 15 верстъ, и потому чрезъ три часа я уже былъ въ городѣ.

Еще за нѣсколько верстъ до города, по обѣ стороны дороги расположились бивуаками, сплошными массами, бѣглецы-болгары. Въ городѣ же отъ большаго количества скопившагося народа трудно было проѣхать верхомъ: огромныя толпы стояли въ особенности у хлѣбныхъ лавокъ.

Еще хорошо, что есть у васъ на что купить хлѣба! подумалъ *я*.

Я испросилъ у коменданта города указать мнѣ, гдѣ есть свободная квартира. По приказанію его, полицейскій болгаринъ тотчасъ-же отвелъ мнѣ помѣщеніе. Хозяинъ дома, узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Забалканья, тотчасъ-же далъ знать объ этомъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, которые не замедлили явиться ко мнѣ, забрасывая меня вопросами. Мнѣ пришлось подробно разсказать имъ весь походъ передоваго отряда въ оправдательномъ духѣ для насъ. Въ перебивку спрашивали они меня не *знаю-ли я такого-то болгарина въ Эски-Загрѣ, такого-то въ* Казанлыкѣ, живы-ли они, успѣли-ли они спастись, и т. д. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что увѣрялъ, что почти всѣмъ удалось спастись; въ Эски-Загрѣ-же остались нѣкоторые, только тѣ, говорилъ я, которые не хотѣли сами уходить.

Объ обѣихъ неудачахъ подъ Плевной они уже знали, и имѣли слишкомъ преувеличенное понятіе о достоинствахъ и силѣ арміи Османа-паши. Я ихъ убѣждалъ, что эти неудачи ничего не значатъ, что въ Россіи еще столько войска, что мы съ тремя Османами справимся, и что имъ бояться нечего, такъ какъ Русскій Царь не кончитъ войну не освободивъ ихъ, и т. д. Они повидимому успокоились и повторяли: «да живетъ нашъ Царь Александръ!» Вообще, какъ я вездѣ замѣтилъ, въ Болгаріи и Сербіи славяне всѣ зовутъ Русскаго Государя «нашимъ Царемъ».

Разсказавъ имъ про энтузіазмъ, съ которымъ Россія приняла объявленіе этой войны, про храбрость нашихъ войскъ, жертвы русскаго народа и арміи, я имѣлъ утѣшеніе замѣтить, какъ они пришли въ умиленіе и хлопали меня по плечу въ знакъ любви къ русскимъ, говоря: «болгаръ има единъ братъ — добро братъ руссъ». Желая для конца польстить ихъ самолюбію, я имъ разсказалъ про храбрость болгарскихъ дружинъ подъ Ески-Загрой.

«Много добро, много добро» — приговаривали они.

23 Іюля. Суббота.

Вставши утромъ, поблагодаривъ хозяевъ за гостепріимство и предложивъ имъ деньги за постой и пищу, я собрался ѣхать обратно въ Шипку. Хозяева денегъ ни за что не хотѣли брать, и проводили меня съ почетомъ всей семьею за ворота. Выѣхавъ рысью изъ города, я нагналъ одного донскаго казака.

— Ты куда ѣдешь? спрашиваю его.

— На Шипку, къ командиру Орловскаго полка съ пакетомъ, ваше благородіе.

— Ну, и я туда-же, обрадовался я попутчику, который оказался словоохотливымъ, что въ дорогѣ очень пріятно. Онъ самъ началъ.

— Я изъ Сильвіи ѣду, отъ генерала Мирскаго. Мы туда недавнясь изъ Ловчи отступили: больно уже много турокъ въ Ловчу навалило, изверговъ этихъ, терзателей. Кажись, ваше благородіе, жесточе турокъ этихъ самыхъ нѣтъ народу.

— А что?

— Да болгаръ ужъ больно мучатъ. Мы это ѣдемъ въ разъѣздѣ и смотримъ: такъ вотъ подъ горою, пять турокъ надъ чѣмъ-то копошатся. Урядникъ и говоритъ: «ну, братцы, эти ужъ наши, постойте: вы, говоритъ, двое съ этой стороны объѣз-

жайте, вы двое съ этой, а я здѣсь обожду; какъ вы заѣдете, мы останные трое прямо на нихъ пойдемъ. Да чуръ не зѣвать, коли они побѣгутъ. А у нихъ кони тутъ-же стоятъ. Вы съ боковъ ходу имъ не давайте, такъ наперерѣзъ ихъ и берите; вотъ боковые рысцою кругомъ и побѣжали, а мы съ урядникомъ выждали, да и стали потихоньку подвигаться кукурузою. Мы это изъ винтовокъ приложились... «Пли»—крикнулъ урядникъ; одинъ изъ нихъ и покатился... Мы на нихъ поскакали... Они къ лошадямъ... Мы еще одного перекувырнули... Трое останныхъ скакать... Мы за ними... Они на насъ смотрятъ да цѣлятъ, а боковые имъ какъ снѣгъ на голову: одного дружка положили, третьяго живьемъ забрали въ плѣнъ. Подъѣхали мы это гдѣ они рылись-то подъ горою, смотримъ... Охъ-ти... ужасы! Болгаринъ это лежитъ съ болгаркой, животы у нихъ распороты, кишки выворочены, горла перерѣзаны, да назадъ закручены...

Просто такъ мерзко смотрѣть даже стало. Мы этого плѣннаго къ мученикамъ подвели; урядникъ и говоритъ да нагайками по плечамъ его чешетъ: «Что это вы, окаянные, безбожники тутъ надѣлали: Бога у васъ нѣтъ, вѣры у васъ нѣтъ»... Такъ сердце взяло противъ нихъ... А турка только головою помахиваетъ да «аманъ» приговариваетъ... «Неужто, братцы, мы за такое звѣроподобіе въ плѣнъ его, окаяннаго, поведемъ»... говоритъ урядникъ. «Каплуновъ» говоритъ онъ мнѣ, «приложись-ка». Я изъ винтовки приложился, турокъ это скорчился, да на землю и упалъ. Я его тутъ и приложилъ въ високъ. Да какъ же съ ними иначе быть, съ проклятыми. По крайности за двухъ православныхъ пять нехристевъ уложили.

— Какъ-же вы полагаете, ваше благородіе: у каждаго деньгами такъ вотъ карманы всѣ и набиты!

— Сколько-же на твою долю выпало, спросилъ я.

— А кто ихъ знаетъ: тутъ и бумажки турецкія были и монеты всякія... А за что начальству нашему спасибо; вдругъ

перешелъ казакъ — за эти самыя винтовки-берданки! Лучше ружья другаго и нѣтъ. Бьютъ вѣрно, далеко, легки, одно слово хорошее ружье. Вамъ неизвѣстно, ваше благородіе, послѣ войны намъ ихъ не отдадутъ въ вѣчное владѣніе? спросилъ казакъ, высказавъ практическую казачью натуру.

— Ужъ этого не могу тебѣ сказать, не знаю.

Такимъ образомъ незамѣтно мы доѣхали до форта св. Николая, куда прибыли сегодня болгарскія дружины и 9-ти-фунтовая батарея. Съ ними прибылъ и генералъ Раухъ.

Вечеромъ офицерство Орловскаго полка собралось вмѣстѣ и пѣли пѣсни поистинѣ артистически. Умѣнье пѣть и хорошіе голоса офицеровъ доставили намъ огромное удовольствіе.

24 Іюля. Воскресенье.

Получено приказаніе отъ генерала Гурко намъ присоединиться съ обозами къ нему въ Хаинкіой. Рано утромъ спустились мы снова съ Шипки внизъ къ Казанскому драгунскому полку, подъ прикрытіемъ котораго и тронулись мы со всѣмъ обозомъ отряда.

Какъ только мы пошли къ Казанлыку, мы были поражены на каждомъ шагу встрѣчать толпы турокъ, которыхъ вооруженные болгары вели въ плѣнъ къ Шипкѣ, перекрутивъ ихъ предварительно веревками. Повсюду валялись тѣла недоведенныхъ до Шипки и перебитыхъ турокъ. Оказалось, что мужское населеніе Казанлыка и окрестностей вооружилось и возстало, истребляя и уводя въ плѣнъ всѣхъ турокъ, военныхъ и мирныхъ. При этомъ не обходилось безъ жестокостей съ ихъ стороны. Но намъ было не до того, чтобы обращать вниманіе на это, такъ какъ разъѣзды донесли, что Казанлыкъ ужъ занятъ черкесами, которые его грабятъ, и справа, со стороны горъ, показалась какая-то пѣхотная колонна, которая насъ не

мало встревожила. Соединенiе съ генераломъ Гурко было далеко еще не возможно.

Пѣхотная колонна продолжала къ намъ приближаться. Кто это можетъ быть? Нашей пѣхоты здѣсь быть не могло: неужели это турки.

Взявъ съ собою казака конвоя Его Величества, состоящаго при Князѣ Евгенiи Максимилiановичѣ, я поскакалъ прямо къ этой колоннѣ. Войско это ужъ было явственно видно, слышенъ былъ даже голосъ командира, ѣхавшаго [впереди колонны, кричавшаго что-то. Мы подъѣхали совсѣмъ ужъ близко:

— Гажѣевъ, говорю я казаку, взявшему уже винтовку на изготовку:—это не наши, наши такъ не одѣваются: это турки.

— Такъ точно-съ, это турки.

Въ это время командиръ этой части колонны, увидавши насъ, прямо поскакалъ къ намъ.

Тутъ ужъ мы совсѣмъ поглупѣли оба. Что могло значить, что командиръ турецкой колонны, бросивъ свою часть и увидавши двухъ непрiятелей, такъ смѣло ѣхалъ къ нимъ.

— *Братушки, братушки!* кричалъ подъѣзжавшiй. — *Мы болгары.*

Мы такъ и сконфузились за себя. Подъѣхали къ нимъ, и видимъ баталiонъ человѣкъ въ 300 попарно идущихъ болгаръ, вооруженныхъ ружьями всевозможныхъ системъ. Нельзя было не улыбнуться, глядя на эту импровизированную часть. Оказалось, что узнавъ, что въ Казанлыкѣ черкесы—они шли выгонять ихъ оттуда. Часть-же эта, вѣрнѣе шайка, составляла главныя силы возставшаго населенiя и предводительствовалась унтеръ-офицеромъ болгарскаго ополченiя.

Мы пошли далѣе къ Казанлыку.

Уральская казачья сотня, бывшая въ распоряженiи коменданта Казанлыка, и два эскадрона Казанскихъ драгунъ, напали врасплохъ на черкесовъ въ городѣ, перебили нѣкоторыхъ на

улицахъ и дворахъ, и захватили знамя этого черкесскаго полка; остальные едва успѣли убраться.

Слѣды побоища были видны въ городѣ: еще свѣжіе трупы валялись посереди улицы. Черкесы успѣли разворотить только нѣсколько лавокъ.

Идя цѣлый день по жарѣ, дошли мы до деревни Софуляръ, гдѣ встрѣтили аванпосты Астраханскаго драгунскаго полка, и подошли къ Хаинкіою, когда было совсѣмъ темно. Напротивъ Хаинкіоя, на высотахъ Малыхъ Балканъ хорошо видны многочисленные турецкіе огни. Съ трудомъ нашли мы въ темнотѣ ставку генерала Гурко, уставши такъ, что едва стояли на ногахъ...

Сегодня мы сдѣлали болѣе шестидесяти верстъ съ вершины Шипки до Хаинкіоя. Сонный слышалъ я передаваемый мнѣ разсказъ о сраженіи при Джуранли, и могъ вывести только одно, что они потеряли въ эти дни шестьсотъ сорокъ человѣкъ. Заснулъ я у дерева, близь палатки генерала Гурко, какъ былъ, въ аммуниціи.

25-го Іюля. Понедѣльникъ.

Утромъ получено было приказаніе отъ генерала Радецкаго, по которому передовой отрядъ расформировывается и долженъ воротиться въ Тырново. Удержаться за Балканами передовому отряду было нельзя, такъ какъ поддержки не было никакой. Мы всѣ пріуныли. Все это вызвано неудачами подъ Плевною. Кромѣ того стало извѣстнымъ, что изъ Россіи вызваны на театръ войны гвардейскій корпусъ и пять пѣхотныхъ дивизій.

И такъ нашъ Забалканскій походъ окончился.

Собравшись завтракать, мы вспоминали славные и тяжелые дни, проведенные въ этомъ походѣ, и выпили стаканъ вина за здоровье генерала Гурко, столь славно продержавшагося безъ

поддержки за Балканами въ продолженіи почти мѣсяца. Въ часъ дня мы потянулись въ знакомое Хаинкіойское ущелье, расталкивая пѣхотные обозы 9-й дивизіи, загородившіе намъ путь. За темнотою мы должны были остаться ночевать въ ручьѣ Сельверь, не доходя перевала. Изъ ручья выйти некуда было лошадямъ, которыя такъ и простояли всю ночь въ водѣ. Мы-же поднявшись на кручу градусовъ въ тридцать пять крутизны должны были спать почти въ вертикальномъ положеніи, постоянно просыпаясь, потому что скатывались съ разостланнаго ложа.

26-го Іюля. Вторникъ.

Перевалили Хаинкіойскій перевалъ, который предположено было защищать Сѣвскимъ и Елецкимъ полками. Сдѣлавши привалъ и отдохнувши, мы къ вечеру пришли въ деревню Средней-Колибэ, гдѣ и ночевали. Кромѣ кавалеріи въ Тырново идетъ на отдыхъ и 4-я стрѣлковая бригада. Эта образцовая бригада нуждается сильно въ отдыхѣ. Ей досталось больше всего работы за Балканами.

Какъ боевая пѣхотная часть, 4-я стрѣлковая бригада можетъ считаться образцовою. Выдержанность, удивительная стремительность при наступленіи, вѣра въ свою непобѣдимость, мѣткій и только на близкія дистанціи частый огонь, неутомимость въ походахъ—вотъ тѣ образцовыя качества, которыми обладаетъ 4-я стрѣлковая бригада. Такую почетную, громкую и завидную извѣстность она пріобрѣла во всемъ отрядѣ. Честь и слава этимъ непобѣдимымъ.

27-го Іюля. Среда.

Мы выступили рано утромъ съ бивуака, и въ три часа пришли въ городъ Тырново. Тырново нельзя было узнать, такъ

оно теперь оживлено: нѣсколько гостиницъ, маркитантовъ, гдѣ можно порядочно поѣсть, почта, телеграфъ, и т. д. Главная квартира переѣхала въ Горный-Студень. Нашъ Астраханскій драгунскій полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ. Сегодня видѣли нѣсколько старыхъ знакомыхъ болгаръ, которые серьозно побаиваются за городъ Тырново. Я ихъ успокаивалъ, убѣждая, что этого не можетъ случиться, такъ какъ войскъ для его обороны будетъ слишкомъ достаточно.

28-го Іюля. Четвергъ.

Отдохнувши, въ свѣжемъ бѣльѣ, и живя по человѣчески чувствуешь себя иначе. Теперь хоть опять новый походъ.

Цѣлый день занимаемся канцелярскимъ дѣломъ: составленіемъ наградныхъ списковъ, реляцій, списковъ убыли и утерянныхъ вещей. Еще хватитъ работы на нѣсколько дней. Генералъ Гурко уѣхалъ въ главную квартиру узнать о судьбѣ частей, входившихъ въ составъ передоваго отряда.

. . . .

Наши кавалеристы жалуются, что имъ соперника въ войнѣ съ турками нѣтъ. Дѣйствительно, турецкой регулярной кавалеріи какъ будто совсѣмъ нѣтъ. Мы имѣли дѣло исключительно съ черкесами или баши-бузуками, отлично сознающими, что имъ не подъ силу справляться съ нашими регулярными полками. Вслѣдствіе этого вся тактика этой варварской кавалеріи состоитъ въ томъ, чтобъ держаться ближе къ своей пѣхотѣ, а высылая впередъ цѣпи наѣздниковъ, они имѣютъ въ виду только одно—наводить нашу кавалерію, держащуюся всегда охотно сомкнутаго строя, на свою пѣхоту или батареи.

Такая привязанность къ сомкнутому строю служила часто намъ во вредъ, не принося этимъ никакой пользы для насъ. Мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ изъ начальниковъ бранилъ

драгуна за то, что онъ вынулъ въ разъѣздѣ карабинъ изъ чехла. «Только въ пѣшемъ строю дозволено тебѣ вынимать карабинъ; разъ-же ты верхомъ, у тебя должно быть одно оружіе—это шашка».

Отъ такихъ традицій намъ бы слѣдовало въ настоящую войну отказаться, дабы избѣжать почти-что комическаго положенія нашей кавалеріи въ цѣпи, держащей сабли «на плечо» передъ разстрѣливающей ихъ черкесской цѣпью. Отчего-же вся природная кавалерія восточныхъ народовъ и наши казаки доходятъ до совершенства при дѣйствіи ружьемъ съ коня? Отчего-же регулярной кавалеріи, взявшей все, кромѣ сомкнутаго строя, у казаковъ, не взять и стрѣльбу съ коня въ разсыпномъ строю?

29 Іюля. Пятница.

Мы продолжаемъ писать и писать. Сегодня получены георгіевскіе кресты на отрядъ, по четыре креста на эскадронъ за дѣла подъ Letzki-Загрой, Іени-Загрой и Джуранли. Кн. Евгеній Максимиліановичъ ихъ торжественно раздавалъ сегодня.

Общая убыль въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко за весь походъ:

Офицеровъ:

Убито 15, ранено 37, контужено 9, итого 61 человѣкъ.

Нижнихъ чиновъ:

Убито 512, ранено 870, безъ вѣсти пропало 85, всего 1467 человѣкъ.

Процентъ убыли болѣе 10 проц.

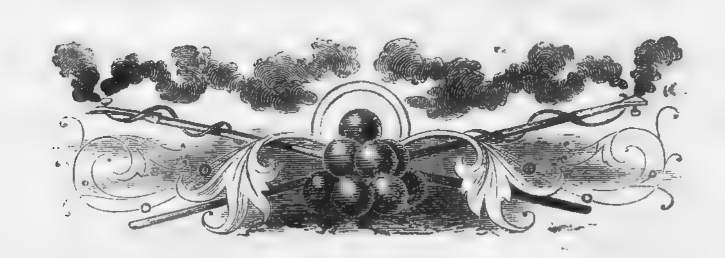
1 Августа. Понедѣльникъ.

Передовой отрядъ расформировался. Гвардейскіе офицеры возвращаются къ своимъ частямъ.

Государь Императоръ переѣхалъ въ Горный-Студень.

Кавалерія получила приказаніе стать на отдыхъ у деревни Новый Никунъ. Отдыхъ этотъ необходимъ для поправленія лошадей. Подбитыхъ и набитыхъ лошадей — масса. Полки теперь въ восьмирядномъ составѣ.

М. Ч.

Тяжелые дни на Шипкѣ.

Воспоминанія болгарскаго ополченца.

Руки опускаются, слово замираетъ... такъ началъ свое повѣствованіе корреспондентъ не помню какой-то газеты, описывая тяжелые дни обороны Шипки.

Нельзя придумать болѣе точнаго опредѣленія минувшихъ событій, въ которыхъ русскій солдатъ какъ и во всѣхъ прошедшихъ войнахъ поразилъ весь міръ своимъ самоотверженіемъ, своею безшабашною удалью, молодечествомъ, желѣзною волею и готовностью сознательно положить животъ свой за святое, близкое всякому русскому сердцу дѣло.

Взявшись за перо, я, бывшій въ болгарскомъ ополченіи офицеръ, поставилъ себѣ цѣлью разсказать просто все, что я видѣлъ, слышалъ и испыталъ въ тѣ знаменитые дни 9, 10, 11 и 12-го августа 1877 года, когда мы отстаивали Шипку съ горстью людей, не зная поспѣютъ-ли во время подкрѣпленія...

Газеты, описывая ходъ событій обороны Шипки, почти умалчивали о болгарскомъ ополченіи или-же только слегка упоминали о его участіи. Всякій пойметъ, что мнѣ хочется объ этомъ доблестномъ ополченіи сказать немного больше.

Но въ то же время хотя я былъ очевидцемъ и состоялъ въ рядахъ защитниковъ Шипки, я всетаки не берусь описывать послѣдовательно ходъ обороны на всѣхъ пунктахъ. Такая программа была-бы слишкомъ широка и трудно исполнима. Я коснусь лишь того, что мнѣ извѣстно отъ лицъ, которымъ я безусловно вѣрю, и тѣхъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ лично.

I.

Послѣ дѣла подъ деревней Ески-Загра, Болгарское ополченіе отступило на Казанлыкъ, а потомъ заняло позицію на высотахъ, лежащихъ надъ болгарскимъ селомъ Шипка.

Прежде всего считаю нужнымъ напомнить о приблизительномъ количествѣ нашихъ силъ на Шипкѣ: въ первый день 9-го августа были на Шипкѣ: Болгарское ополченіе въ количествѣ 5 дружинъ, около 2,500 человѣкъ; при чемъ въ моей дружинѣ, бывшей подъ Ески-Загрою въ составѣ 500 штыковъ, находилось на Шипкѣ подъ ружьемъ до 350 человѣкъ, вмѣстѣ съ пополненіями, и Орловскій полкъ — около 2,500 человѣкъ; 10-го августа прибылъ Брянскій полкъ. Итого, значитъ, въ эти дни было у насъ до 7,000 человѣкъ пѣхоты,—коимъ предстояло имѣть дѣло съ 40 таборами Сулеймана, численностью около 25,000 человѣкъ свѣжаго войска.

Аванпостная служба, при неблагопріятной погодѣ (во дни начальнаго нашего пребыванія на Шипкѣ каждый день шелъ дождь, горы курились отъ наползающихъ на нихъ дождевыхъ тучъ), становилась не въ терпежъ, тѣмъ болѣе, что за малочисленностію офицеровъ приходилось чередоваться черезъ день.

Аванпостная служба не только что въ дождливый, но и въ хороший солнечный день—куда какъ непріятна.

Отдавайся исключительно службѣ, не смыкай глазъ, будь постоянно на сторожѣ... Съ какимъ нетерпѣніемъ ждешь бывало смѣны, и чего-чего только ни передумаешь въ эти узаконенные 24 часа. Ночь кажется въ особенности долгою... Весь главный караулъ спитъ, за исключеніемъ дежурнаго.

Глядя на этихъ спящихъ солдатъ, невольно позавидуешь имъ и ихъ способности спать, не взирая на дурную дождливую погоду. Ихъ не безпокоитъ то, что вѣтеръ, раскачавъ дерево, сбрасываетъ съ листьевъ накопившіяся дождевыя капли, и что порой та же капля непрошенно падаетъ и забирается за спину. Они спятъ себѣ, спятъ тяжелымъ, непробуднымъ сномъ усталаго человѣка. Все тихо, и только равномѣрный храпъ усталыхъ подчиненныхъ нарушаетъ гармонію тишины, да порой сказанное сквозь тяжелый солдатскій сонъ слово заставляетъ приподнять изъ-подъ бурки голову.

— Что такое, спрашиваешь у дежурнаго?

— Да ничего «вашего благородіе»: солдатикъ во снѣ что-то бормочетъ.

Глядишь напряженно въ разгорѣвшійся костеръ, и думы одна за другою, какъ будто стараясь перегнать другъ друга, тѣснятся въ головѣ. Что дѣлается тамъ, за синей полосою Дуная, на нашей родной землѣ; что мои родные, какъ имъ живется?... Что неизбѣжная «она?» Скорѣе-бы ночь прошла, скорѣе-бы подошла смѣна. А часы, какъ на зло, тянутся особенно долго. Идешь провѣрять цѣпь—все въ порядкѣ. Снова возвращаешься къ своему мѣсту, снова смотришь напряженно въ змѣйки огня, а часы тихо ползутъ.

— Нагрѣй-ка чайникъ, дежурный, — и дежурный приводя въ какой-то особенный порядокъ разгорѣвшіяся полѣнья, ставитъ нагрѣвать на нихъ чайникъ.

Опять усиленно смотришь, но не на огонь, а на чайникъ, пока онъ закипитъ, пока струйки кипятка не польются изъ-подъ крышки чайника.

— Чай готовъ, ровнымъ голосомъ провозглашаетъ дежурный.

Стаканъ наполняется чаемъ, и за этимъ стаканомъ также какъ и за костромъ все тѣ же мысли...

Но вотъ и смѣна!

Вновь пришедшему офицеру отдаешь отчетъ въ томъ, какой пунктъ требуетъ большей бдительности, гдѣ выставить наблюдательный постъ, гдѣ помѣстить секретъ.

Всѣ обязанности сложены съ себя—я свободенъ. Направляешься въ бывшія турецкія казармы, а теперь наши. Въ перспективѣ сонъ, чай, обѣдъ, и все это на свободѣ! А какъ много значитъ свобода для тѣхъ, которые испытали на себѣ всю тяжесть возложенныхъ закономъ на дежурнаго обязанностей.

Всѣмъ надоѣла аванпостная служба, всѣ жаждали, домогались болѣе серьознаго, болѣе живаго дѣла, и это дѣло незамедлило явиться.

«Турки наступаютъ съ трехъ сторонъ на селеніе Шипка», доносили жители болгарскихъ деревень.

Но имъ не вѣрили, или вѣрнѣе сказать не хотѣли вѣрить.

7-го августа пріѣхалъ на занимаемую нами позицію казачій офицеръ и донесъ, что турецкій авангардъ Сулеймана-паши показался въ долинѣ Тунджи или Долинѣ розъ.

Нѣсколько раненыхъ казаковъ, выбывшихъ въ стычкахъ съ турецкой кавалеріею и черкесами, еще болѣе подтвердили донесеніе казачьяго офицера, а обозы мирныхъ болгарскихъ поселянъ, потянувшіеся по Шипкинскому горному шоссе вечеромъ того-же числа, убѣдили насъ окончательно, что непріятель дѣйствительно наступаетъ.

Вечеромъ того-же дня селеніе Шипка пылало, подожженное черкесами, и пламя восходя кверху окрашивало контуры горъ розовымъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

Временами доносился трескъ патроновъ, забытыхъ, какъ оказалось, русскими войсками въ селеніи. Къ счастію, патроны были отъ ружей системы Пибоди. Достались они намъ еще при взятіи Казанлыка, а при отступленіи перевезены на Шипку. Среди трескотни патроновъ ясно слышались ружейные залпы. Что такое? Неужели турки рѣшились на ночное нападеніе?

Впослѣдствіи я узналъ причину ночныхъ турецкихъ залповъ: черкесы, замѣтивъ смѣну нашей аванпостной цѣпи, открыли по ней учащенную пальбу залпами, не причинивъ намъ рѣшительно вреда.

II.

Къ утру 8-го числа шоссейная Шипкинская дорога загромоздилась въ три ряда всякаго рода повозками, колами, вьючными животными и бѣгущими поселянами въ такой степени, что едва хватало мѣста проѣхать всаднику. А между тѣмъ надо было принять мѣры къ очищенію дороги, для провоза на позицію боевыхъ снарядовъ, транспортовъ съ сухарями, хлѣбомъ, и проч. Бѣгущія семьи болгаръ, согнанныя внезапно съ своихъ теплыхъ насиженныхъ гнѣздъ появленіемъ непріятеля, производили на насъ потрясающее впечатлѣніе. На каждомъ лицѣ можно было видѣть отпечатокъ ужаса, отчаянія, непонятнаго страха. Женщины и дѣти выражали свое го́ре плачемъ, и послѣднія даже рѣзкими криками и всхлипываніями. Шумъ, скрипъ повозокъ, плачъ, крикъ, громкій говоръ, мычаніе и блеяніе животныхъ сливались въ о́динъ общій хаотическій аккордъ, болѣзненно отзывавшійся на душѣ...

Хотѣлось уйти куда нибудь подальше, закрыть глаза, уши, впасть въ состояніе непониманія...

Было уже часа три пополудни. Солнце жгло нестерпимо; въ воздухѣ стояла духота.

Въ турецкой казармѣ на разостланномъ коврѣ сидѣла компанія офицеровъ. Кто занимался чаепитіемъ, кто куреніемъ, кто разговоромъ, а были и такіе, которые ничего не дѣлали, а только напряженно слушали.

Изъ угла той-же комнаты (если можно такъ назвать нашу казарму) часто доносились отрывочныя фразы въ слѣдующемъ духѣ:

— Вы что ставите?

— Валета на-пе. А вы?

— Семерку ва-банкъ. У меня купъ подъ картой...

— Бита—дошлите.

— Дама имѣетъ...

— Да не лѣзьте руками въ банкъ—самъ выдамъ.

— Получите.

Тутъ-же недалеко отъ компаніи игроковъ, на деревянной доскѣ полковой поваръ рубилъ котлеты...

— Л..., а—Л..., что вы такой грустный, точно въ воду опущеный? Идите-ка къ намъ, да поставьте карточку.

Услышавъ свое имя, я подошелъ къ компаніи игроковъ, взялъ у одного изъ нихъ колоду картъ и вытащивъ тройку поставилъ на нее три золотыхъ.

— Тройка бита, пробурчалъ банкометъ,

— Ну, если бита, такъ и продолжать игры не слѣдуетъ, и я, дославъ въ банкъ три золотыхъ, отошелъ отъ играющихъ.

Въ казарму входитъ дежурный фельдфебель и заявляетъ, что турки уже видны.

Мы вскочили.

Желающихъ посмотрѣть движеніе непріятеля явилось много; къ числу любопытныхъ принадлежалъ и я. Захвативъ съ собою бинокль, я направился на командующую вершину, съ которой волшебная Долина розъ, была вся видна какъ на ладони.

Дѣйствительно, слѣва отъ села Шипки показалась густая пыль, а за нею темныя полосы непріятельскихъ колоннъ. Вотъ уже можно ясно отличить кавалерію, выѣхавшую изъ-за края рощи. Я вижу даже орудія, дула которыхъ блестятъ отъ солнечнаго освѣщенія. Непріятельская пѣхота подходитъ уже настолько близко, что является возможность сосчитать приблизительно число таборовъ. Ихъ много... Пѣхота останавливается; затѣмъ видно сильное движеніе въ отрядѣ: должно быть располагаются бивуакировать.

Удовлетворивъ свое любопытство, я отправился назадъ въ казарму ожидать приказаній и распоряженій начальства.

Наступилъ вечеръ. Начальникъ ополченія, собравъ всѣхъ офицеровъ, выразилъ надежду отстоять Шипку, не смотря на превосходство непріятеля и на наши слабыя силы.

— До послѣдняго ляжемъ костьми — говорилъ онъ — а позицій не отдадимъ. — Ну, господа, теперь по мѣстамъ.

Наша дружина заняла позицію между центральной батареей и Николаемъ.

Двѣ роты были посланы въ передовые ложементы, двѣ остались въ резервѣ.

Передовые ложементы помѣщались на довольно крутомъ скатѣ горы, спускающейся въ узкую долину или скорѣе даже ущелье. Весь скатъ горы поросъ мѣстами мелкимъ кустарникомъ, мѣстами крупнымъ букомъ и вязникомъ. Очевидно, такая позиція не представляла особенныхъ выгодъ. Деревья, растущія впереди ложементовъ, мѣшали слѣдить намъ за дѣйствіями и маневрами непріятеля; кромѣ того, при пальбѣ пороховой дымъ густыми волнами стлался по ущелью. Турки-же, на оборотъ, могли съ успѣхомъ пользоваться при атакѣ этимъ природнымъ закрытіемъ.

Я командовалъ ротой, оставшейся въ резервѣ. Закрытіемъ резерву служило срубленное дерево. Полуверстное разстояніе раздѣляло резервъ отъ передовыхъ ложементовъ, причемъ раз-

дѣлявшее пространство не имѣло никакихъ природныхъ закрытій, за исключеніемъ нѣсколькихъ деревьевъ...

Ночь — тихая, звѣздная, полная нѣги.

Луна торжественно плыветъ, и свѣтъ ея, прорываясь сквозь листья деревьевъ, придаетъ какой-то особенно свѣжій колоритъ природѣ.

Не спится...

Хожу по позиціи, прислушиваясь къ говору солдатъ.

— А что, страшно, когда непріятель пальбу открываетъ, спрашиваетъ коверкая слова болгаринъ у унтера.

— Сначала-то страшновато, ну, а потомъ, когда пріобыкнешь — ничего...

Иду дальше.

До меня доносятся звуки солдатской пѣсни. Напрягаю слухъ:

Громко пѣвчіе пропѣли,
Задрожала мать-земля...
Вся вселенная сказала,
Что погибшая душа.

Кто-же эта погибшая душа?

Можетъ быть я, можетъ быть пѣвецъ, поющій эту пѣсню? Завтра объяснится кто изъ насъ погибнетъ...

Погибнутъ многіе, но только для этого міра, за то души этихъ-то многихъ навѣрное не погибнутъ... Высоко-высоко полетитъ солдатская душа, простившись съ своимъ тѣломъ, и тамъ найдетъ себѣ награду достойную русскаго солдата...

Однако пора вздремнуть. Я посмотрѣлъ на часы: былъ ровно часъ. Отыскавъ кусокъ дерева, могущій замѣнить подушку, и подостлавъ подъ себя походный резиновый плащъ, я прикурнулъ, набросилъ на себя пальто, и давай спать...

Но не до сна было въ такую минуту... Разстроенное ночное воображеніе старалось нарисовать картину завтрашняго дня.

Невольно думалось, что-то будетъ, чѣмъ-то все кончится?

Неужели и тутъ не удержимся, неужели опять отступать. Подоспѣютъ-ли во время подкрѣпленія: а безъ нихъ намъ не сладить... Много-ли насъ-то осталось... Началъ считать... Замелькали образы: этотъ убитъ, этотъ убитъ, этотъ—пять, десять, много... страшно много... Добьютъ остатки, вотъ тебѣ и все... Невеселыя лѣзутъ думы. Высунулся. Давай глядѣть въ небо. Свѣтлая звѣздочка, описавъ блѣдно-голубоватую полосу, исчезла въ ночномъ мракѣ...

Не моя-ли это путеводная звѣзда, подумалъ я. А что-жъ, если и такъ! Рано или поздно, а когда нибудь да надо. Лучше поздно: жизнь такъ хороша, говорилъ мнѣ внутренній голосъ...

Я гналъ отъ себя преслѣдовавшія меня мысли, какъ гонятъ сердитую, назойливую муху, которая нѣтъ-нѣтъ да и снова садится на лицо; сгонишь — а она опять непрошенно садится на ухо.

Кое-какъ я справился съ собою: меня одолѣла дремота, и затѣмъ я заснулъ, но безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ, просыпаясь при малѣйшемъ шорохѣ вѣтра, при малѣйшемъ движеніи рядомъ спящаго солдата.

III.

Утромъ насъ разбудила сильная ружейная трескотня, раздавшаяся справа отъ нашей позиціи.

Турки, очевидно, вели атаку на гору св. Николая. Николаевскія батареи открыли огонь по атакующимъ колоннамъ; бой завязывался.

Вотъ уже и съ нашей позиціи виденъ непріятель. На гребнѣ противулежащаго горнаго хребта показалась густая турецкая цѣпь, медленно спускавшаяся по зеленому скату. На одной изъ горныхъ площадокъ собралась группа всадниковъ; одинъ изъ нихъ на сѣрой лошади сильно жестикулировалъ руками, видимо объясняя что-то...

Бѣлые дымки замелькали сквозь зелень кустарника; раздались отрывочные глухіе выстрѣлы; засвистали пули. Турки имѣютъ обыкновеніе открывать огонь съ дальнихъ дистанцій. Такая стрѣльба, конечно, не приноситъ хорошихъ результатовъ: процентъ попадающихъ пуль слишкомъ невеликъ... Такія пули носятъ названіе шальныхъ. Чѣмъ турки руководятся въ данномъ случаѣ опредѣлить трудно. По всей вѣроятности они думаютъ запугать непріятеля дождемъ пуль.

Какое-то особенное движеніе замѣчалось на отдѣльно высовывающейся среди горъ вершинѣ: большая партія турецкихъ солдатъ что-то работала.

На эту вершину направили огонь стальная и центральная батареи. Едва показывался съ нашихъ батарей орудійный дымокъ, работавшая партія ложилась, и затѣмъ, по пролетѣ и взрывѣ русскихъ снарядовъ, снова поднималась, продолжая усиленно, спѣшно работать.

Вскорѣ на горкѣ, обратившей на себя вниманіе батарей, выросъ брустверъ.

Первое турецкое орудіе было втащено благополучно; за то едва только показалось второе, какъ вѣрно направленный снарядъ съ одной изъ нашихъ батарей подбилъ его.

Не прошло и двухъ часовъ съ завязки боя, а выбывшихъ изъ строя было уже много.

Засуетились, забѣгали санитары, фельдшера, подавая первую помощь раненымъ. По дорогѣ, ведущей отъ Николая къ казармамъ, то и дѣло носили раненыхъ. Въ носилкахъ чувствовался недостатокъ, и ихъ приходилось замѣнять ружьями и солдатскими шинелями. Не всѣ счастливо достигали перевязочнаго пункта. Непріятельскіе снаряды удачно обстрѣливали дорогу къ перевязочному пункту, который отвели въ казармѣ; да и шальныя пули въ изобиліи летали по всей позиціи. Къ вечеру пальба какъ изъ орудій, такъ и ружейная усилилась.

Непріятель упорно продолжалъ вести свои атаки на гору Николая. Несмотря на то, что нѣсколько серьозныхъ аттакъ были съ успѣхомъ отбиты защитниками Николая, турки видимо не отчаивались. Разбитыя колонны смѣнялись (благо ихъ было много) свѣжими войсками.

Снова раздавалось: «алла, алла», и снова ружейная пальба и картечь русскихъ умѣряли военный пылъ правовѣрныхъ.

Затѣмъ громкое «ура» доносилось до насъ. Боже, сколько въ этомъ «ура» сказывалось побѣдоноснаго, торжественнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздирательно-трогательнаго...

У насъ на позиціи было болѣе или менѣе покойно. Турки не дѣлали особенныхъ усилій занять нашу позицію, не придавая ей вѣроятно значенія. Дѣйствительно, занять позицію, которая легко обстрѣливалась какъ съ Николая, такъ и съ центральной батареи ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, не представлялось выгоднымъ.

Солнце уже спустилось за горы.

Край неба подернулся золотыми тѣнями. На темно-голубомъ фонѣ неба загорались звѣзды. Часть луны пугливо выглядывала изъ-за тучки.

А бой на Николаѣ все еще кипѣлъ.

Звуки выстрѣловъ то усиливались, то замирали; эхо вторило имъ и далеко разносилось по горамъ. Нѣсколько орудійныхъ залповъ, должно быть картечью, прогремѣло въ воздухѣ. Потомъ какъ будто бой разомъ стихъ. Временемъ раздавались лишь отдѣльные выстрѣлы. Ночная мгла окутала позицію.

Такъ кончилось 9-е августа, такъ кончился первый день обороны Шипки.

По окончаніи боя жизнь вошла въ свои права: являлась потребность утолить голодъ, а главное жажду. Болѣе четырнадцати часовъ люди не пили, не ѣли, а день былъ необыкновенно знойный. Ротные артельщики засновали по позиціи съ

озабоченными лицами, хлопоча о варкѣ солдатской пищи. Тѣмъ временемъ солдаты принялись вновь за работу, работу—тяжелую. Укрѣпленія, построенныя, какъ говорится, на живую нитку, требовали ремонта, и довольно значительнаго. Надо было углубить ложементы, утолстить и повысить ихъ насыпь. Меня мучила сильная жажда; денщикъ мой распорядился уже поставить нагрѣвать чайникъ, а чаю между прочимъ у меня не оказалось. Какъ помочь горю? Отправился я къ казармамъ на верхъ, надѣясь встрѣтить тамъ кого-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ.

Планъ мой удался.

Взобравшись на шоссейную дорогу, я замѣтилъ сидящихъ у горныхъ орудій знакомыхъ артиллеристовъ.

Они пили чай, передавая другъ другу впечатлѣнія дня.

— Господа, а я къ вамъ съ просьбою: снабдите-ка меня чаемъ: нашъ завѣдывающій столовой совершенно упустилъ изъ виду прихватить съ собою на позицію чай, и вотъ теперь мы находимся въ подмазкѣ до затрашняго дня.

Мнѣ предложили напиться готоваго чаю и кромѣ того отпустили запасъ сухаго.

Казармы, гдѣ помѣщались наши раненые, были отъ меня всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

Меня тянуло туда не одно пустое любопытство: я интересовался положеніемъ нашихъ раненыхъ, уходомъ за ними; хотѣлось также узнать численность выбывшихъ изъ строя.

Въ казармахъ былъ полусвѣтъ.

Тощій, длинноногій докторъ въ одной рубашкѣ съ засученными рукавами ощупывалъ грудную рану у одного солдата.

Солдатикъ слабо стоналъ, но этотъ стонъ былъ непроизвольный: въ немъ не было ни нетерпѣнія, ни каприза.

Меня передернуло... Я отвернулся.

Запахъ крови, уже испортившейся, бросался въ носъ; трудно было здоровому организму переносить этотъ тяжелый, зараженный воздухъ, каково-же было раненымъ? А ихъ было много...

— Ваше благородіе! услышалъ я позади себя голосъ, звавшій, очевидно, меня.

— Что, родной, поспѣшилъ я откликнуться.

— Говорятъ, подмоги намъ не будетъ: такъ значитъ кровь наша и пропадетъ...

— Какъ не будетъ, возразилъ я: будетъ непремѣнно. А ты гдѣ раненъ?

— На Николаѣ: еще съ самаго утра и до сей поры дохтуръ еще не перевязывали.

— Что-жъ. потерпи, голубчикъ: — видишь докторъ-то одинъ.

— Дѣйствительно однѣ; онѣ не виноваты, тоже цѣлый день маются.

Я повернулся, и невольно, опрометью, точно выталкиваемый какою-то силою, выбѣжалъ изъ казармы.

Только когда свѣжій вѣтерокъ обдалъ меня, я пришелъ въ себя и созналь, что сила, вытолкнувшая меня, было чувство безсилія помочь этимъ святымъ, уменьшить страданія этихъ забытыхъ мучениковъ-героевъ... Помню, что въ этотъ вечеръ мнѣ не хотѣлось передавать никому своихъ впечатлѣній и ощущеній, хотя за день ихъ накопилось бездна. Меня тянуло, схоронивъ все пережитое на самое темное дно души, мучиться и страдать, находя въ этихъ мученіяхъ что-то особенно пріятное..

Хотя было уже довольно поздно, но спать не хотѣлось, между тѣмъ уставшее тѣло требовало покоя, отдыха.

Впереди опять день нравственныхъ мученій, физическихъ лишеній, всякаго рода заботъ.

Пересиливъ въ себѣ желаніе бодрствовать, я улегся опять на мой пледъ, разстегнувъ предварительно сюртукъ, который промокъ до того, что называется хоть выжми.

Скрутивъ папироску и затягиваясь дымомъ крѣпкаго ароматичнаго табаку, я чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Однако

скоро дѣйствительность разбудила мое очарованіе: тѣло нестерпимо чесалось: я догадался о причинахъ чесотки. Кое-какъ мнѣ удалось заснуть, но не надолго. Меня разбудилъ своимъ крикомъ въ бреду одинъ унтеръ-офицеръ, которому приснилось должно быть что нибудь очень страшное...

IV.

Едва забрезжилъ дневной свѣтъ, и розовая заря встающихъ солнечныхъ лучей залила востокъ, а пули уже свистѣли на разные лады, проносясь роемъ надъ нашими головами...

Орудійные выстрѣлы слышались рѣдко.

Величественный Николай, гордо поднявъ свою голову, спокойно глядѣлъ на насъ: на немъ не замѣчалось вчерашней суматохи, до насъ не доносились вчерашніе учащенные залпы. Турки вѣроятно рѣшились оставить насъ въ покоѣ.

Но въ этомъ покоѣ чуялось что-то недоброе... Сердце замирало, ныло отъ неизвѣстности.

Скоро маневръ непріятеля былъ замѣченъ; наши батареи направили выстрѣлы по направленію къ Лысой горѣ. Непріятель предпринималъ обходное движеніе, чтобы удобнѣе атаковать насъ съ трехъ сторонъ.

За ночь турки сильно укрѣпили свои позиціи, настроили новыя батареи.

Вообще турки идеально окапываются, причемъ быстрота, съ какою они воспроизводятъ свои земляныя работы, достойна удивленія. Хотя непріятель не предпринималъ серьозныхъ атакъ, тѣмъ не менѣе мы не пользовались покоемъ. Ружейный огонь былъ если и не особенно частый, за то къ нему шло прилагательное мѣткій.

Стрѣлковая турецкая цѣпь, состоявшая изъ отборныхъ стрѣлковъ, залегла за камнями у подошвы горы Николая.

Будучи совершенно закрытою для насъ, она съ успѣхомъ поражала своимъ огнемъ нашу позицію и шоссейную дорогу.

Въ ложементахъ резерва не представлялось особенной опасности быть раненымъ или убитымъ, но и тутъ нерѣдко выбывали изъ строя. 10-го августа жара не уменьшалась.

Палящіе лучи полуденнаго солнца обжигали тѣло.

Всѣхъ мучила страшная жажда, а воды подъ руками не имѣлось: надо было добывать ее въ ущельи. Но прежде чѣмъ достигнуть ущелья, требовалось пробѣжать порядочное пространство, почти не защищенное и хорошо обстрѣливаемое.

Несмотря на такія усложненія въ дѣлѣ добыванія воды, являлись охотники, которые, забравъ въ руки нѣсколько манерокъ, отправлялись за водой, рискуя своею жизнью. Какъ только показывалась на позиціи отдѣльная человѣческая фигура, по ней начинали немилосердно палить, а въ ложементахъ у насъ подымался неистовый хохотъ.

Молодой солдатъ, новичокъ еще, съ манерками въ рукѣ тихо ползетъ изъ ложемента, выжидая удобной минуты для успѣха предпринятаго дѣла.

— Ну, бѣги скорѣе до дерева, наставляетъ солдата фельдфебель; до дерева добѣжишь—передохни, а потомъ снова бѣги до слѣдующаго дерева, такъ и доберешся до ущелья, гдѣ вода.

Солдатъ пускается бѣжать. Въ догонку ему летитъ нѣсколько турецкихъ пуль; иныя изъ нихъ падаютъ почти у самыхъ ногъ солдата, взрывая землю.

Въ ложементѣ раздается хохотъ.

— Ишь, ты, турка съ рыломъ своимъ тоже стрѣлять вздумалъ, острятъ солдаты, и снова подымается хохотъ.

Увы, охотники платились иногда жизнью за рискованное предпріятіе.

Ждутъ бывало охотника товарищи съ нетерпѣніемъ, пока тотъ принесетъ свѣжей водицы, да такъ и недождутся.

Мы воспользовались слабымъ огнемъ непріятеля.

Въ углу ложемента развели костеръ и поставили грѣть чайники; насъ пришли навѣстить офицеры, находящіеся по сосѣдству; въ числѣ ихъ былъ начальникъ позиціи, кн. В...

Устроился общій завтракъ, а за нимъ чаепитіе.

Подъ аккомпаниментъ шипѣнія пуль и гудѣнія гранатъ пѣлись пѣсни.

Какъ ни старались убить время, а оно все-таки тянулось медленно: часъ казался за пять; недостатокъ движенія, страшная жара болѣе всего надоѣдали намъ. У всѣхъ была одна мысль: скорѣе бы наступилъ вечеръ, а съ нимъ прохлада и свобода располагать своею особой какъ хочется.

Свистъ пуль также пріѣлся.

Къ вечеру на Лысой горѣ показались турецкія батареи, но онѣ пока молчали, приготовляясь къ завтрашнему дню.

Наконецъ-то настала давно желанная ночь. Выстрѣлы почти смолкли.

Я, не теряя времени, побѣжалъ опять, какъ и вчера, къ казармамъ, но не за чаемъ, а за новостями. Мнѣ хотѣлось узнать есть-ли надежда на приходъ подкрѣпленій.

Идя по дорогѣ къ казармамъ, я наткнулся на одного штабнаго. Разспросивши его, я узналъ, что подкрѣпленія должны подоспѣть къ намъ завтра, но не раньше полудня.

А хватитъ-ли еще силъ бороться съ непріятелемъ до того времени?

Ряды орловцевъ, брянцевъ и ополченія значительно порѣдѣли, да и физическія силы солдатъ нуждались въ отдыхѣ.

— Авось хватитъ!

Съ тяжелымъ чувствомъ вернулся я на позицію. Ужъ очень жаль мнѣ стало бѣднаго солдата, несущаго безропотно крестъ свой.

— Л....! Вашей ротѣ заступать въ передовые ложементы, послышался голосъ дружиннаго командира.

Выстроивъ наскоро роту, я скомандовалъ должное и повелъ ее на смѣну. Разставивъ впереди ложементовъ аванпостную цѣпь и давъ инструкцію старшему въ цѣпи, я возвратился къ линіи передовыхъ ложементовъ и выбралъ одинъ изъ нихъ для своего ночлега. Ложементы за день обсыпались порядкомъ, притомъ они были неглубоки, а слѣдовательно и не могли служить хорошимъ закрытіемъ. Пославъ въ резервъ за шанцевыми инструментами, я приказалъ людямъ приступить къ работѣ тотчасъ по полученіи кирокъ, лопатъ, и проч.

На высотахъ, занятыхъ непріятелемъ, горѣли костры, и зарево ихъ широкою лентою тянулось надъ Балканами. Ночь была холодная и сырая. Не взирая на усталость, слабость и голодъ—спать не хотѣлось. Что-то тяжелое щемило, сжимало сердце, и какая-то острая дрожь охватывала меня. Взглядъ невольно устремлялся на турецкія позиціи, какъ будто стараясь найти въ нихъ отвѣтъ. И такъ на завтрашній день ставилась послѣдняя ставка. Бита или дана? Этотъ вопросъ разрѣшался своевременнымъ прибытіемъ подкрѣпленій. На картѣ стоялъ крупный купъ: жизнь всѣхъ защитниковъ Шипки.

V.

Было еще далеко до солнечнаго восхода, какъ непріятель вновь, повелъ энергично свои атаки, наступая съ трехъ сторонъ. Шипѣніе и свистъ пуль, гудѣніе гранатъ, звонъ разлетающихся осколковъ, «ура», «алла», звуки турецкихъ рожковъ заглушали слабые стоны раненыхъ, и то усиливаясь, то ослабѣвая, сливались въ какой-то странный, неописуемый гулъ.

Посреди этого ада. Боже, сколько раненыхъ застонало... Но кому было въ эти минуты до ихъ стоновъ: ни гранатамъ и пулямъ, казавшимися бѣшеными, ни намъ, товарищамъ раненыхъ, занятыхъ одною мыслью: сейчасъ, сейчасъ смерть... Вѣрная

смерть, подмоги нѣтъ... Мы и снаряды переставали слышать.. Нервамъ не до нихъ точно было...

Позиція наша вся обстрѣливалась, и ложементы слишкомъ мало предохраняли отъ пуль, такъ какъ тылъ и фланги ложементовъ не были защищены такъ называемыми эполементами. Ряды частей быстро рѣдѣли. Раненые въ передовыхъ ложементахъ оставались неперевязанными до конца боя по причинѣ малочисленности фельдшеровъ и по неудобству переноски. Перевязочный пунктъ, переведенный изъ казармъ еще десятаго числа, слишкомъ далеко отстоялъ отъ мѣста боя. Легко раненые сами приходили на перевязку, но весьма часто ихъ добивали пули. Тяжело раненыхъ переносили на носилкахъ ихъ строевые товарищи, за неимѣніемъ санитаровъ, которыхъ поубавилось порядкомъ за 9 и 10 число. Бывали такіе случаи: несутъ раненаго; вдругъ граната разрывается и осколками убиваетъ какъ раненаго, такъ и носильщиковъ.

Къ полудню бой достигъ своего апогея. Отбитыя атаки смѣнялись новыми. Не успѣютъ отбить одну непріятельскую колонну, какъ уже на смѣну ей спѣшитъ другая. Въ патронахъ и снарядахъ чувствуется недостатокъ, а непріятель упорно продолжаетъ наступать. Турецкіе горнисты все время трубятъ сигналъ наступленія. «Какъ лѣзутъ-то: точно бѣлены объѣлись»—старается острить солдатъ, но лицо его сохраняетъ серьозное, важное выраженіе. Чувствуется, что онъ произнесъ эту остроту для того только, чтобы пріободрить нѣсколько своихъ товарищей.

Наступаетъ тяжелая, роковая минута, въ которой сказывается быть или не быть? Пока еще держатся наши на всѣхъ пунктахъ, пока еще на рукахъ осталось немного патроновъ. Но двѣ, три атаки—и патроны израсходуются. Какой исходъ ждетъ насъ тогда? А подкрѣпленій все нѣтъ и нѣтъ!... На Николаѣ насталъ уже критическій моментъ: часть солдатъ отдѣлилась и сваливаетъ камни и срубы деревьевъ на атакующихъ

Орудійная стрѣльба становится рѣже... Получается приказаніе кричать на всѣхъ нашихъ позиціяхъ «ура» для того яко-бы, что мы переходимъ сами въ наступленіе.

Громко разносится наше «ура» по позиціямъ... Ужасное «ура!» Турки въ отвѣтъ открываютъ еще болѣе усиленный и учащенный огонь по ложементамъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ уголкѣ всей шипкинской позиціи происходила нѣмая, но переполненная внутренними тревогами и ужасами драма.

Всѣ защищавшіе, какъ солдаты, такъ и офицеры, составляли одно общее существо, которое жило чувствами и думами всѣхъ. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общіе интересы во имя великой идеи. А въ эту-то минуту — какая объединяющая идея, какое объединяющее чувство! Всѣмъ больно, тяжело, душно, что-то жжетъ сердце, а сердце не ты, не твое «я», а Шипка, а за Шипкою Россія... Мысль разставаться съ Шипкой, облитой уже русскою кровью, видѣвшей не одну, а сотню геройски-мученическихъ смертей русскаго солдата, кажется невозможною. Вспомнилось взятіе Шипки отрядомъ генерала Гурко и возмутительныя картины турецкаго звѣрства надъ нашими ранеными. Господи! Неужели Ты не защитишь насъ? Было часовъ около шести. Солнце невыносимо жгло, жажда чувствовалась страшная, силы замѣтно слабѣли. Подкрѣпленій все еще не было, а патроны вышли, осталось только по два на брата; но ихъ надо приберечь для крайности. Ружья Шаспо, которыми были вооружены болгарскія дружины, часто портились и часть изъ нихъ пришла въ совершенную негодность. Они годились только для рукопашной. Страшная минута быстро шла къ намъ на встрѣчу. На батареяхъ, лежащихъ надъ нами, происходитъ что-то непонятное, страшное... Орудія молчатъ, ружейныхъ выстрѣловъ не слышно, солдаты суетятся, бѣгаютъ, а надъ всѣмъ этимъ разносится очень часто и громко: «алла, алла». Болгары пугливо посматриваютъ на батареи.

— Никакъ бѣгутъ наши, рѣшается замѣтить одинъ изъ кадровыхъ болгаръ. — Какой бѣгутъ: — должно быть смѣняются, утѣшаешь солдатъ, а между тѣмъ видишь ясно, что на верху что-то очень неладно. Дамокловъ мечъ надъ головами. Еще минута, и никто изъ насъ не останется въ живыхъ.

Есть чувства, говоритъ Тургеневъ, на которыя можно только указывать, но дать имъ точное опредѣленіе не въ нашихъ силахъ. Тождественное чувство испытывалось, переживалось нами въ критическій моментъ обороны. Эти минуты трепета, страха, невыразимыхъ нравственныхъ мученій навсегда останутся въ памяти. Надежды на благопріятный исходъ дѣла не представлялось. Все было противъ насъ. Намъ оставалось только спокойно выжидать минуты смерти...

. . . .

Но Богъ услышалъ насъ. По дорогѣ ведущей изъ Габрова на Шипкинскія позиціи заклубилась пыль: то были подкрѣпленія, состоявшія изъ 4-й стрѣлковой бригады. Стройною массой, почти бѣгомъ шли стрѣлки выручать своихъ братьевъ. На загорѣлыхъ, пыльныхъ лицахъ солдатъ отражалось нетерпѣніе. Видимо они боялись опоздать къ выручкѣ своихъ.

— А ну, какъ проспимъ Шипку, обратился молодой стрѣлокъ къ своему товарищу.

— Пошто спать-то: какъ разъ къ самому, что ни на есть сроку прибудемъ, да такого трезвона туркѣ зададимъ, что...

— Чай вѣдь не въ первой?

— Допрежъ этого брали Шипку, ну и тапериче за нее постоимъ.

На встрѣчу вытянувшимся колоннамъ неслась казачья донская сотня. Поравнявшись съ головой колонны, сотня остановилась. Кто-то изъ начальства распорядился выслать на встрѣчу подкрѣпленію казачьихъ лошадей, что было весьма кстати. «Стрѣлки садись!» раздался голосъ командира, и стрѣлки вскочивъ на лошадей съ гикомъ поскакали на позицію. Черкесы и

баши-бузуки заскакивали уже въ тылъ нашей позиціи, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія на Габрово, но подоспѣвшіе на лошадяхъ, какъ разъ во время, стрѣлки дали по нимъ залпъ и съ крикомъ «ура» бросились тѣснить какъ правый, такъ и лѣвый турецкіе фланги, которые были близко къ шоссе. Путь отступленія былъ уже почти отрѣзанъ. Внезапное появленіе свѣжихъ силъ произвело на непріятеля деморализирующее впечатлѣніе. Правый флангъ его немедленно былъ оттѣсненъ; у насъ возстанавливалась связь съ Габрово и обезпеченіе тыла.

Едва раздалось громкое, густое «ура» слѣва отъ нашихъ позицій, какъ все ожило. Всѣ начали смутно догадываться, что громкое «ура», частые непріятельскіе выстрѣлы, по направленію откуда слышалось «ура», было дѣломъ во время подоспѣвшихъ подкрѣпленій. Вѣсть о приходѣ стрѣлковъ какъ электрическій токъ мгновенно пробѣжала по всей позиціи. Новое дружное, радостное «ура» въ отвѣтъ подошедшимъ стрѣлкамъ загремѣло въ воздухѣ, и эхо подхвативъ тоже «ура» далеко разнеслось по Балканамъ. Солдаты развеселились. «Отстояли, спасены»—слышалось со всѣхъ сторонъ. Подброшенныя шапки черными птицами замелькали въ воздухѣ, и снова раздавалось «ура». Всѣ поздравляли другъ друга съ благополучнымъ исходомъ. Новое чувство радости обдало насъ, освѣжило. Трепетъ сомнѣнія перешелъ въ увѣренность побѣды. Христосъ воскресе! запѣли всѣ русскія сердца на Шипкѣ...

Дневное свѣтило утонуло въ горахъ; звѣздочка вспыхнула на темной окраинѣ неба: ночь быстро надвигалась... Красный шаръ луны поднялся высоко... Изъ ущелья дулъ свѣжій вѣтеръ. Вдругъ ночная темнота приняла особенный оттѣнокъ: какая-то полукруглая тѣнь, надвигаясь медленно на дискъ луны, закрыла его совершенно, оставивъ лишь золотисто-красный обрѣзъ вокругъ темнаго пятна. «Затмѣніе, затмѣніе!» кричали гдѣ-то. — Хорошій знакъ для насъ, а плохой для турокъ, — поторопился вставить замѣчаніе одинъ изъ офицеровъ. Турки, какъ и

всѣ восточные народы, крайне суевѣрны, и на нихъ лунное затмѣніе произвело сильное впечатлѣніе. Такъ по крайней мѣрѣ передавали плѣнные турки. Однако лунное затмѣніе не остановило перестрѣлки. Выстрѣлы повторялись довольно часто, но что они значили въ сравненіи съ тѣмъ адомъ кромѣшнымъ, который кипѣлъ надъ позиціями цѣлый день; перестрѣлка эта казалась намъ легкимъ и ласковымъ зефиромъ послѣ урагана... Да, и на душѣ куда какъ легче было... Легче? Да, но все-же картины насъ окружавшія были ужасны.

На всемъ пространствѣ, занимаемомъ нашими войсками, не было мертвой точки: никакіе брустверы, насыпи, ложементы не могли предохранить войска отъ снарядовъ и пуль. Тамъ, на батареяхъ, за высокими брустверами, гдѣ казалось, что солдаты обезпечены отъ мѣткаго непріятельскаго огня, турки приснаровились стрѣлять навѣсно. О шальныхъ пуляхъ рѣчи быть не можетъ: ихъ была такая масса, что убыль людей отъ нихъ равнялась почти убыли отъ прицѣльной стрѣльбы. Бѣшеныя пули какъ будто сговорились никого не щадить и нигдѣ не оставлять безопаснаго мѣста: солдаты и начальники одинаково были подъ ними; генералъ Дерожинскій палъ отъ пули убитый на повалъ; ко всеобщему горю другая пуля попала въ ногу генерала Драгомирова; рана оказалась серьозною. Легко понять какое впечатлѣніе произвела на всѣхъ насъ эта вѣсть.

Было около полуночи, а шипкинцы все еще работали: кто углублялъ шанцы, кто рылъ братскую могилу. Убитыхъ за день было много: длинною вереницею тянулись носилки съ убитыми по направленію къ общей могилѣ. Дребезжащій, надорванный старческій голосъ священника, творившаго молитву за упокой воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру, Царя и Отечество, глухо раздавался въ ночной тишинѣ, да пули жужжали, и издавая иногда жалобный стонъ, какъ будто страшась своихъ кровавыхъ дѣяній, съ плачемъ рѣзали воздухъ. Вокругъ могилы стояла небольшая кучка офицеровъ

и солдатъ. Ни истерическихъ рыданій, ни громкихъ всхлипываній не слышалось здѣсь. Загорѣлая, жилистая рука солдата, захвативъ комъ земли посылала его въ яму на усопшихъ, и набожно перекрестившись большимъ крестомъ исчезала въ толпѣ, чтобы дать мѣсто другой. На лицахъ присутствующихъ лежала печать спокойствія: печальная сцена похоронъ не поражала ихъ новизною: съ нею давно свыклись, а притупившіеся нервы были уже неспособны разстроиться.

Но такъ-ли отнесутся къ этимъ жертвамъ войны ихъ близкіе? Что перечувствуютъ они, узнавъ о дорогой, невозвратной потерѣ...

Я былъ разъ свидѣтелемъ горькихъ материнскихъ слезъ. У бѣдной старушки война отняла ея единственнаго сына, а съ нимъ вмѣстѣ отняла гордость, надежду, счастье матери. Тяжело было смотрѣть на картину страданій и полнаго отчаянія старушки. Жутко стало мнѣ здѣсь надъ этою общею могилою, при воспоминаніи когда-то видѣнной сцены. А вѣдь такихъ матерей будетъ много... Да и развѣ онѣ однѣ обречены на глубокое *полное отчаяніе?...*

VI.

Ночь на 12-е число была проведена болѣе покойно въ силу уже вселившейся въ насъ увѣренности. День начался тѣми-же учащенными выстрѣлами, какъ и въ предшествующіе дни, съ тою только разницей, что энергія непріятеля ослабѣла въ значительной степени, и что роли воюющихъ сторонъ перемѣнились: турки были далеки уже отъ мысли атаковать Николай. Главная задача ихъ заключалась въ удержаніи за собою занятыхъ ими позицій. Но и тутъ они потерпѣли на нѣкоторыхъ пунктахъ фіаско: такъ напр. горка передъ Николаемъ, занятая наканунѣ турками, была въ ночь на 12-е число атакована стрѣлками, и послѣ небольшой перестрѣлки перешла въ наши руки. Хотя

огонь 12-го числа былъ относительно слабѣе, тѣмъ не менѣе убыль людей была значительна. Рота, въ которой я состоялъ, смѣнилась изъ передовыхъ ложементовъ и отошла въ резервъ, помѣстившись въ глубокой траншеѣ, тылъ которой былъ обезпеченъ. Но не смотря на обезпеченіе тыла, ни на глубину рва, пули, проносясь роемъ надъ нашими головами, нерѣдко таки залетали въ нашу траншею, вырывая изъ строя людей. Не особенно завидна доля офицера, которому приходится сидѣть въ полномъ бездѣйствіи и быть вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтелемъ и наблюдателемъ иногда крайне тяжелыхъ, кровавыхъ сценъ. Какъ ни деревянѣютъ нервы, но до полнаго притупленія они дойти не могутъ: къ легкому раненію, къ смерти, какъ говорится, на повалъ—относишься еще довольно спокойно; но при видѣ предсмертныхъ мученій, продолжающихся иногда по часу, и болѣе, при невозможности поданія помощи умирающему въ страшныхъ мученіяхъ солдату — сердце невольно даетъ себя знать. Никогда не забуду я случая смерти одного санитара Орловскаго полка. Санитаръ этотъ, довольно молодой еще солдатъ, шелъ изъ передовыхъ ложементовъ за водою; но проходя мимо нашей траншеи, лежащей на пути къ ущелью, гдѣ добывалась вода, рѣшилъ немного передохнуть въ ней. Выпросивъ себѣ табаку на папиросу у одного изъ братушекъ, онъ усѣлся недалеко отъ меня, и покуривая свою незатѣйливую крученку отвѣчалъ на посыпавшіеся вопросы братушекъ... Глухой стукъ, раздавшійся вблизи, заставилъ меня повернуть голову. Молодой санитаръ лежалъ опрокинувшись на спину, а изъ-подъ пряди волосъ, спущенныхъ на лобъ, била струей алая кровь. Онъ страшно захрапѣлъ, зашевелилъ губами, силясь что-то сказать, но языкъ видимо не повиновался ему болѣе. Въ потухшихъ, подернутыхъ поволокой глазахъ проглядывала еще искра жизни... Солдатикъ заметался, хватаясь руками за голову и дѣлая усилія приподнять ее, но силы уже истощились. Храпѣніе сдѣлалось рѣже и слабѣе... Вдругъ что-то, какъ будто не отъ него исхо-

дящее, толкнуло его всѣмъ тѣломъ впередъ, причемъ руки какъ плети упали на землю, и онъ замеръ, а безжизненные глаза устремились въ даль.

Время 12-го числа тянулось чрезвычайно долго, а слѣдовательно вѣсть о скорой смѣнѣ пріятно поразила насъ. Тотчасъ-же были приняты мѣры къ тому, чтобы усиленная суетня на позиціи во время смѣны не имѣла для непріятеля вида демонстраціи. Въ траншеяхъ былъ сдѣланъ расчетъ солдатамъ; нѣкоторыя части были даже окончательно выведены изъ ложементовъ и построены за деревьями, причемъ незначительная часть солдатъ оставлена въ занимаемыхъ ими ложементахъ для наблюденія за непріятелемъ. Къ концу ночи на горномъ Шипкинскомъ шоссе, задвигались колонны пѣхоты. Въ скоромъ времени между деревьями, растущими на позиціи, мелькнула фигура въ бѣломъ кителѣ: въ ней мы узнали пришедшаго къ намъ на смѣну начальника позиціи, полковника Б.

Движеніе наше не смотря на тишину и полный порядокъ, съ которымъ оно производилось, обратило на себя вниманіе непріятеля. Впрочемъ этому способствовала слишкомъ лунная ночь. Едва только началась смѣна, какъ непріятель не замедлилъ открыть по насъ огонь. Полковникъ Б., на обязанности котораго лежало слѣдить за правильнымъ распредѣленіемъ людей по ложементамъ, былъ принужденъ накинуть на себя бурку, въ виду учащенной пальбы со стороны непріятеля. Его бѣлый китель слишкомъ рельефно выдѣлялся среди черныхъ мундировъ солдатъ, и по немъ видимо цѣлили. Турки вообще за кампанію пріобрѣли навыкъ очень скоро различать въ толпѣ офицера. Во всѣ дни обороны ночи были замѣчательно свѣтлыя, и если ночью появлялась на открытомъ, видимомъ для непріятеля, мѣстѣ позиціи фигура офицера, то по ней немедленно открывали огонь. Насъ въ этомъ случаѣ выдавали наши стальныя сабли, которыя при лунномъ освѣщеніи слишкомъ блестятъ.

Помню живо, какое странное и сладкое ощущенie особеннаго спокойствiя лежало на душѣ, когда колонны наши вытянулись по шоссе, ведущемъ на Габрово, гдѣ предполагалось дать намъ отдыхъ.

Мы проходили по дорогѣ, на которой лежали еще неубранныя тѣла какъ нашихъ, такъ и турецкихъ солдатъ: послѣднie были убиты подоспѣвшими на помощь стрѣлками въ тяжелую минуту, когда непрiятель пересѣкалъ намъ путь отступленiя. Когда мы прошли мимо позицiй занятыхъ непрiятелемъ, т. е. миновали окончательно опасность, братушки наши запѣли свою нацiональную пѣсню:

Шуми Марица
Окровавлена,
Плачетъ вдовица
Люта ранена.

Увы, во время смѣны мы потеряли отъ огня ранеными двухъ человѣкъ. Усталость послѣ четырехъ сутокъ, проведенныхъ буквально безъ сна и безъ должной ѣды, чувствовалась необыкновенная: я ѣхалъ верхомъ, и нѣсколько разъ окончательно засыпалъ въ сѣдлѣ. Я какимъ-то чудомъ избавился отъ того, что не посадилъ рѣдьки, хотя былъ уже очень близокъ къ такому пассажу. Къ городку Габрово мы прибыли часовъ въ шесть утра, и, Боже, какимъ уютнымъ, гостепрiимнымъ показался онъ намъ: родная деревня, столица, волшебный городъ... Но мы не вошли въ самый городъ, а расположились передъ нимъ на небольшой полянѣ, поросшей кой-гдѣ скудною растительностью.

Отдавъ должныя приказанiя по ротѣ, я первымъ долгомъ позаботился о приготовленiи себѣ спокойнаго ложа. Добрые, заботливые подчиненные нарубили мелкихъ деревьевъ и устроили изъ нихъ вокругъ моего ложа нѣчто въ родѣ шалаша, долженствовавшаго оберегать меня отъ палящихъ лучей солнца.

Тѣмъ временемъ, пока устраивалась моя походная постель, денщикъ мой позаботился приготовить чай. Снявъ съ себя

боевые доспѣхи, я улегся на постель, принявъ самую удобную позу для чаепитія. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось такъ хорошо заснуть, какъ въ этотъ день, послѣ перенесенія значительнаго физическаго труда.

Четыре дня адской пальбы оказали однако большое вліяніе на нашу нервную систему: каждый стукъ колесъ о мостовую, малѣйшій шумъ, шорохъ, казался намъ за отдѣльные выстрѣлы, пальбу залпами, свистъ пуль.

Въ ресторанѣ города Габрова произошелъ чрезвычайно забавный случай: трое офицеровъ сидѣли у отдѣльнаго столика за завтракомъ; вдругъ до слуха ихъ доносится сильный грохотъ, который былъ принятъ ими за пальбу залпами. Офицеры вскакиваютъ и бросаются къ окну гостиницы... Конечно, ошибка скоро разъяснилась. Грохотъ произошелъ отъ солдатской фуры, проѣхавшей вблизи отъ гостиницы. Офицеры весело расхохотались надъ своей грубой ошибкой.

Но не долго пришлось намъ наслаждаться покоемъ и отдыхомъ. Въ шесть часовъ вечера получилось приказаніе быть немедленно готовымъ къ выступленію на новую позицію. На бивуакѣ началась обычная суетня, предшествующая всякому выступленію въ походъ. Фельдфебеля повѣряли расчетъ, каптенармусы раздавали людямъ сухари и хлѣбъ, конюха сѣдлали лошадей.

Скоро роты построились; послѣдовала подобающая команда начальника, и нашъ отрядъ сталъ постепенно вытягиваться.

Облако пыли поднялось изъ-подъ ногъ шагавшихъ солдатъ. Гулъ стоялъ надъ отрядомъ отъ сотни раздающихся голосовъ, ржанія коней, бряцанія оружія. Мы шли по направленію къ деревнѣ Зеленое Древо—смѣнять пластуновъ.

На встрѣчу намъ тянулись пустые заярдные ящики, всякаго рода фуры и транспорты раненыхъ.

Дорога на Зеленое Древо почти та же, что идетъ до подъема на Шипкинскія позиціи, съ тою разницею, что миновавъ заво-

ротъ на Шипку, приходится идти еще съ полверсты по продолженію прежней дороги и затѣмъ уже, забирая вправо, подниматься по довольно крутому и узкому подъему, который приводитъ васъ на площадь возвышенности, гдѣ раскинулась, утопая въ зелени, болгарская деревня съ весьма красивыми на видъ и тщательно выбѣленными кипітами. Названія этой деревни я не помню, но отъ нея Зеленое Древо уже не далеко: не болѣе двухъ верстъ. Мы смѣнили пластуновъ, которые занимали позиціи за первой деревней, т. е. въ двухъ верстахъ отъ деревни Зеленое Древо. Цѣль занятія нами вышеописанной позиціи заключалась въ томъ, чтобы оберегать ущелье, по которому непріятель могъ совершить обходное движеніе, и такимъ образомъ ударить намъ въ тылъ и отрѣзать путь отступленія.

На этомъ я прерываю свой разсказъ о тяжелыхъ минутахъ обороны Шипки. Прибавлю къ нему два эпизода выдающейся солдатской удали.

11-го августа турки подъ горою Николаемъ засѣли за камнями противъ нашихъ ложементовъ, и выдвигая камни влѣво и вправо удлиняли такимъ образомъ закрытіе, откуда они, безъ всякаго вреда для себя, могли на выборъ поражать противника, находящагося надъ ними. Убыль людей отъ ихъ мѣткаго огня становилась все болѣе и болѣе ощутительнѣе. Надо было принять рѣшительныя мѣры къ огражденію потерь на нашей сторонѣ, происходящихъ отъ горсти людей, такъ удачно выбравшихъ позицію.

Пробовали было вызывать охотниковъ, но солдатики какъ-то жались другъ къ другу и мялись на словѣ.

Въ минуту такой нерѣшительности, сознавая всю опасность и важность задачи, рядовой-ополченецъ изъ кадровыхъ, Леонъ Крудовъ, съ неразорвавшейся турецкою гранатою въ рукѣ выскочилъ изъ ложемента, и со словами: «Что-жъ, братцы, умирать, такъ умирать!» бросился внизъ къ непріятельскому загражденію. Молодецкая, безумная храбрость Крудова опьяни-

ла, разожгла его товарищей: тридцать человѣкъ съ крикомъ «ура» бросились за нимъ. Внизу у турокъ раздался взрывъ гранаты, началась ожесточенная свалка, послѣ которой непріятель былъ выбитъ штыками.

Немногимъ изъ нихъ удалось благополучно достигнуть берега; большинство осталось на мѣстѣ.

Припоминаю также забавный подвигъ одного рядоваго Минскаго полка, который, спустившись въ ущелье за водою, замѣтилъ въ кустахъ турецкаго солдата, прехладнокровно рубившаго дрова. Минецъ, не захотѣвъ себя выдать преждевременно, спрятался за кусты и зорко слѣдилъ за дѣйствіемъ турка. Послѣдній, нарубивъ дровъ въ томъ количествѣ, какое ему было нужно, вытащилъ изъ-за пояса веревку, связалъ ею дрова, и, взваливъ ихъ себѣ на плечи, тронулся было въ путь, но въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что чьи-то желѣзныя руки какъ клещи давятъ ему шею. «Аманъ, аманъ!» возопилъ турокъ, но «аманы» его ему не помогли.—Пойдемъ, братъ, къ намъ, а тамъ начальство разберетъ, замѣтилъ ему поучительно солдатъ на всѣ турецкіе «аманы».

Такъ и приволокли на позицію неосторожнаго и растерявшагося турку, съ вязанкою дровъ за спиною.

Я говорилъ о подвигахъ. Но что не было подвигомъ на нашей Шипкѣ въ эти дни? Я не разъ говорилъ о водѣ. Вода на Николаѣ добывалась еще съ большею опасностью для жизни и большимъ неудобствомъ, чѣмъ на другихъ позиціяхъ. Доказательствомъ вышеприведенному служитъ то, что къ 12-му августа дорога ведущая къ ключу,—дававшему сравнительно слишкомъ мало воды, такъ какъ вода вытекала каплями, — усѣялась трупами, служившими нѣкоторымъ образомъ живой траншеей: да, именно живой траншеей, потому что солдаты, идя впослѣдствіи за водой, проползали между трупами своихъ же товарищей, и этимъ не представляли для непріятели слишкомъ видимой цѣли, а кого мертвый товарищъ не прикроетъ, того пуля

застигала, и онъ бѣдняга превращался въ траншею... Такъ вотъ что значило въ то время вызваться охотникомъ за водою!..

А охотники вызывались часто, чему свидѣтельствуетъ длинная, густая цѣпь труповъ.

Ю...

ШИПКА

съ 7 Августа по 28 Декабря 1877 года.

Воспоминанія Казачьяго полка.

Въ послѣднихъ числахъ іюля въ Тырновѣ послѣ отъѣзда главной квартиры оставалось очень мало войска, а именно штабъ 8-го арм. корпуса, 2—3 баталіона пѣхоты, нѣсколько батарей и 3 сотни казаковъ; всѣ эти части въ то-же время составляли и гарнизонъ города, и въ ожиданіи дальнѣйшаго передвиженія расположены были бивуакомъ, другія-же части 8-го и 11-го корпуса расположены были въ окрестностяхъ верстъ на 30 на 40 отъ города.

Жилось намъ весьма однообразно; іюльская жара располагала къ лѣни, чувствовалась апатія, а главное — ощутителенъ былъ недостатокъ свѣдѣній и свѣжихъ извѣстій о томъ, что происходило въ остальныхъ корпусахъ арміи; особливо-же интересовало насъ состояніе дѣлъ подъ Шипкой и Плевной, о которой ходили здѣсь самые темные и неясные слухи и разсказы, которые вмѣстѣ взятые не только не дѣйствовали на насъ успокоительно, а наоборотъ: своими прикрасами и несообразностью, разсказы эти давали только

пищу фантазіи, разжигали воображеніе и, въ концѣ концовъ, приводили къ выводамъ то съ блистательными, то съ весьма грустными результатами. Словомъ, каждый былъ наэлектризованъ такъ, что ежеминутно ожидали вотъ-вотъ чего-нибудь особеннаго и по меньшей мѣрѣ похода! И вотъ къ нашей общей радости 7-го августа на лицо состоящія части и я съ двумя сотнями получили приказаніе выступить съ вечера въ г. Елену, гдѣ дождаться прибытія командира нашего 8-го корпуса г.-л. Радецкаго, для полученія дальнѣйшихъ инструкцій.

Понятно, съ какою поспѣшностью мы приступили къ сборамъ, и оживленные всѣ предстоящимъ походомъ, не зная еще вполнѣ цѣли его, строили себѣ воздушные замки, и въ самыхъ горячихъ разговорахъ съ трудомъ едва дождались часа выступленія.

Не могу не упомянуть, что толки о цѣли этого похода были самые оригинальные: между прочимъ говорили, что генералъ Борейша донесъ штабу корпуса о наступленіи Сулеймана на Елену со всей своей арміей, и что наши части 8-го корпуса, поддержаныя 11-мъ корпусомъ, должны внезапно атаковать турокъ и на ихъ плечахъ если и не дойдти до Константинополя, то по меньшей мѣрѣ перейти Балканы. Всѣ разговоры съ небольшими варіаціями велись въ этомъ родѣ, и конечно все это говорилось по секрету съ такой увѣренностью, что посторонній человѣкъ могъ бы этому придать даже и вѣроятіе. Меня смѣшило до слезъ то, что каждый слушающій, отлично сознавая, что разскащикъ самъ вѣрнаго ничего не зналъ, а высказывалъ только свое личное мнѣніе и взглядъ, всетаки со вниманіемъ выслушивалъ его, и дополнивъ кое-что отъ себя, тутъ-же не стѣсняясь за спиной разсказывавшаго вновь сообщалъ своимъ товарищамъ этотъ-же самый разсказъ, но уже въ неузнаваемой формѣ; это выходило преуморительно.

Затѣмъ, осматривая сотни, готовыя къ выступленію, я у нѣкоторыхъ не видалъ притроченныхъ къ сѣдлу шинелей, и при-

писывая это разсѣянности, сдѣлалъ имъ замѣчаніе, на что одинъ казакъ отвѣтилъ мнѣ такъ:

— Да зачѣмъ-же, ваше высокоблагородіе, ихъ брать: вѣдь перейдемъ дня черезъ два Балканы, а тамъ слышно жара еще пуще, такъ это лишняя обуза только.

Изъ этого отвѣта я заключилъ, что новости и разсказы дня дошли и до нихъ, и уже вѣроятно сдѣланы кое-какія предположенія и ими самими, въ чемъ я и не ошибся, потому что на первомъ-же привалѣ, обходя бивуакъ, слышалъ, какъ одинъ старый казакъ, георгіевскій кавалеръ, бесѣдовалъ въ большомъ кружкѣ своихъ:

— Вотъ, молодецъ, говоритъ казакъ:—я-то тебя считалъ умной головой, а ты не знаешь куда мы идемъ: извѣстно куда, на Царьградъ, взять живьемъ турецкую султанію; вотъ, братцы, гдѣ поживемся-то: слышалъ я—братушки (болгары) галдили—что тамъ табачищу перваго сорта навалено на улицахъ столько, что и на лошадяхъ не увезти, и т. д.

Городъ Елена отъ Тырнова считается въ 40 верстахъ, и этотъ путь я рѣшилъ сдѣлать въ два перехода съ большимъ приваломъ на полудорогѣ у монастыря Св. Николая, съ разсчетомъ къ 5½ ч. утра быть на мѣстѣ.

Дорога до монастыря вся почти шоссированная, вполнѣ удобная для всѣхъ трехъ родовъ оружія, дальше-же по берегу горнаго ручья, проходя ущельемъ вплоть почти до самаго города, трудна для артиллеріи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, черезъ массу набросанныхъ на ней природой камней—даже и для пѣхоты; вообще же очень живописна съ своими извилинами, подъемами и крутыми покатостями, и на всемъ своемъ протяженіи чрезвычайно оживлена быстрымъ ручьемъ съ водяными мельницами, каменными мостиками въ готическомъ вкусѣ, и мелкимъ кустарникомъ, причудливо разбросаннымъ по скатамъ горъ, имѣющихъ мѣстами видъ совершенно правильно высѣченныхъ стѣнъ, а мѣстами въ видѣ крыши, нависшей надъ дорогой.

Выступили мы въ десять часовъ вечера; ночь была тихая, свѣтлая; пѣсенники заливались самой разухабистой, полной удали казачьей пѣснею; настроеніе было самое веселое, такъ что первая половина всего пути до монастыря (двадцать верстъ) прошла незамѣтно; но на привалѣ около часа утра поднялся страшный вѣтеръ, принявшій въ ущельи видъ бури, пошелъ крупный дождь, такъ что вторую половину дороги пришлось идти совершенно вымоченными, отчего свѣжесть разсвѣта давала намъ себя еще сильнѣе чувствовать, и мы согрѣлись немного только уже при восходѣ солнца, подойдя къ мѣсту своего назначенія.

По прибытіи туда первымъ нашимъ дѣломъ было скорѣй узнать нѣтъ-ли чего новенькаго, но узнали только то, что на дняхъ подходили къ нашей позиціи, лежащей въ пяти верстахъ далѣе города при селѣ Марьинѣ, въ значительномъ количествѣ баши-бузуки, которые тутъ-же немедленно были отбиты и прогнаны нашими войсками съ громаднымъ для нихъ урономъ. Вскорѣ сюда прибылъ командиръ корпуса, который изслѣдовавъ лично все происшедшее, отдалъ намъ приказъ возвратиться обратно. Я говорю «намъ», такъ какъ за нами слѣдомъ подходила четвертая стрѣлковая бригада и другія части артиллеріи и пѣхоты.

Понятно какъ на насъ подѣйствовало это возвращеніе домой, тѣмъ болѣе что мы ожидали совсѣмъ другаго и разсчитывали свести за прежнія дѣла кое-какіе счеты свои съ непріятелемъ. Обратный путь нашъ лежалъ черезъ село Златарицу, гдѣ переночевавъ рано выступили въ Тырново, куда и прибыли 9-го августа. Въ тотъ-же день генералъ Радецкій получилъ въ высшей степени важныя по содержанію депеши съ Шипкинскаго перевала, вслѣдствіе чего въ числѣ другихъ и я получилъ приказаніе къ вечеру съ тремя сотнями быть готовымъ къ выступленію. Эта вѣсть живо облетѣла весь бивуакъ, и принята съ радостью, такъ какъ предчувствовали,

что дѣло будетъ серьозное, и вскорѣ замѣтно было, что оружіе чистилось и осматривалось тщательнѣй, также какъ и вьюки, аммуниція, и т. д., но замѣчательно, что вся эта кипучая дѣятельность при полной охотѣ производилась безъ суеты, какъ-бы съ сознаніемъ всей важности хорошей подготовки даже въ самыхъ мелочахъ.

Въ четыре часа утра десятаго числа я съ тремя сотнями выступилъ и вытянулся по шоссе, ведущему на Габрово (сорокъ верстъ). Здѣсь насъ нагналъ командиръ 8-го корпуса со всѣмъ своимъ штабомъ и конвойной полусотней. На четвертой верстѣ насъ ждала уже выстроившись на дорогѣ 4-я стрѣлковая бригада съ горной артиллеріей, для совмѣстнаго дальнѣйшаго движенія. День былъ очень знойный, солдаты въ боевой аммуниціи страшно бѣдовали, и много падало по дорогѣ отъ потери силъ и чувствъ, особливо страдали стрѣлки, только что вернувшіеся изъ Забалканской экспедиціи съ генераломъ Гурко, гдѣ они совершали въ эти страшные жары большею частью все форсированныя движенія и переходы. Какъ извѣстно, имъ назначенъ былъ въ Тырновѣ для поправки отдыхъ; но обстоятельства измѣнились, и вотъ вмѣсто отдыха имъ выпалъ на долю опять походъ. Но грустно было то, что окончательно обносившись обувью въ только что сдѣланной ими экспедиціи, они страшно страдали ногами, что особенно сдѣлалось замѣтно, когда отрядъ нашъ подходилъ къ городу Дранову, гдѣ у нихъ ноги опухли такъ, что несмотря на частые отдыхи и привалы они положительно не могли слѣдовать далѣе, окончательно выбившись изъ силъ. Тогда, въ виду крайней и спѣшной нужды въ нашемъ отрядѣ на Шипку, приняты были всѣ зависящія мѣры для ускоренія марша, то есть весьма энергично и быстро собрали всѣ найденныя къ Драновѣ повозки, каруцы, лошадей, на которыхъ нагрузили всѣхъ отсталыхъ, слабыхъ, заболѣвшихъ. Но несмотря на всѣ эти старанія и радикальныя мѣры, отрядъ нашъ подтянулся къ городу Габрово окончательно

только къ десяти часамъ утра 11-го числа, я-же съ казаками прибылъ туда еще наканунѣ вечеромъ, и мы вдоволь могли наслушаться канонады, которая, несмотря на разстояніе до горы Св. Николая (восемнадцать верстъ), при безвѣтряной погодѣ чрезвычайно отчетливо доносилась до города.

Шоссе, по которому мы только прошли, между Тырновымъ и Габровомъ на всемъ своемъ сорока-верстномъ протяженіи очень хорошо. Вся окружная мѣстность представляетъ массу темной и свѣтлой зелени, окруженной желтѣющими полями, часто перерѣзанными ручьями.

При проходѣ Дранова и входѣ въ Габрово насъ встрѣчало все духовенство и почти все на лицо находящееся населеніе съ хоругвями, иконами и цвѣтами, которые женщины бросали намъ по дорогѣ; при этомъ предлагалась и раздавалась масса фруктовъ, вина, свѣжихъ лепешекъ, и проч.; понятно, что все это отлично нравственно дѣйствовало на войска, и такъ сказать увеличивало симпатію къ болгарскому народонаселенію.

Но возвращаюсь къ разсказу. 11-го числа генералъ Дерожинскій, руководившій до того обороной Шипкинскаго перевала, лично прибылъ въ городъ, гдѣ послѣ доклада его г.-л. Радецкому о положеніи и ходѣ дѣлъ, собранъ былъ военный совѣтъ, вслѣдствіе котораго я получилъ приказаніе немедленно двинуться со своими сотнями и по возможности спѣшнѣе на гору св. Николая, и держаться тамъ во что бы то ни стало до прибытія подкрѣпленій, и служить вмѣстѣ съ этимъ прикрытіемъ уже посланной туда батареи горной артиллеріи. Черезъ полчаса я на полныхъ рысяхъ, оставивъ далеко позади себя городъ, втянулся уже въ ущелье; проѣхавъ въ немъ верстъ восемь, остановился у фонтана дать передохнуть загорѣвшимся лошадямъ и оправиться казакамъ, такъ какъ дорога съ этого мѣста круто ведетъ на верхъ, и на всемъ остальномъ протяженіи до горы Николая (верстъ 9—10, хотя нашими саперами и тщательно

разработана и приспособлена была къ движенію по ней артиллеріи и перевозки тяжестей) очень крута, несмотря на всѣ извилины, какія старались ей придать, чтобы облегчить подъемъ.

Жара при полномъ безвѣтріи стояла невыносимая; за исключеніемъ этого ключа, болѣе уже до самой вершины горы воды мы не могли встрѣтить; отъ быстраго аллюра, лошади едва переводили боками, паръ отъ нихъ и изъ ноздрей такъ и валилъ, обдавая насъ горячимъ воздухомъ, люди не менѣе утомленные какъ-бы раскисли, и потъ лилъ съ нихъ хоть выжимай. Но дѣло было къ спѣху; мы знали, что каждая минута была на счету: вѣдь не далеко, тамъ на верху, товарищи ведутъ уже другія сутки непосильный, упорный, страшный бой, умираютъ безъ ропота, героями, послѣднюю надежду возложивъ на Вседержителя да на выручку своихъ, такъ тутъ уже не до промедленія, мы стали пѣшкомъ, держа лошадей въ поводу, лѣзть на гору.

Сама дорога, какъ бы высѣченная въ горѣ, то идетъ надъ глубокимъ оврагомъ, то между кустами, и имѣетъ мѣстами кроваво-багровый цвѣтъ, вѣроятно отъ сорта грунтовой глины. Такъ, мы пройдя верстъ съ пять дошли до перваго брошеннаго жителями домика, служившаго въ данную минуту главнымъ перевязочнымъ пунктомъ, а потому и очень оживленнаго. Здѣсь мы узнали первыя подробности дѣлъ предыдущихъ дней, а также про непріятельскіе штурмы сегоднишняго утра, результаты которыхъ наглядно выражались тянувшеюся намъ на встрѣчу цѣпью носилокъ съ убитыми и ранеными.

Да! Это было тяжелое, грустное зрѣлище, подѣйствовавшее на всѣхъ насъ подавляющимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ отлично сознавали, что чрезъ нѣсколько минутъ и каждаго изъ насъ могла постигнуть та же участь.

Я старался подмѣтить впечатлѣніе своихъ казаковъ, и вправду сказать: я видѣлъ на серьозныхъ лицахъ ихъ написано было только живое сочувствіе, жалость, и вслѣдъ за этимъ крестныя знаменія, которыми большинство осѣняло себя, вѣ-

роятно моля Бога объ избѣжаніи подобнаго же несчастія. На насъ чрезвычайно благотворно подѣйствовало то вниманіе, съ которымъ всѣ находившіеся здѣсь хирурги и лица Краснаго Креста встрѣчали бѣдныхъ раненыхъ, то живое, искреннее участіе, которое высказывалось въ ихъ ласковомъ разговорѣ и обхожденіи съ ними, и та осторожность, которую всѣ старались довести до non plus ultra при переноскѣ и осмотрѣ ранъ. ужъ не говоря объ ободрительныхъ и ласковыхъ словахъ.

Мы прошли еще версту; гулъ орудій сталъ совершенно явственнымъ, ружейная пальба то сливалась въ одинъ общій сухой трескъ, то можно было отлично различать отдѣльные залпы, причемъ горное эхо дѣлало свое дѣло добросовѣстно и дополняло собою общій концертъ. Еще версты черезъ двѣ громъ этотъ такъ усилился и сдѣлался отчетливымъ, что невольно почувствовалось такое нервное настроеніе, какъ бы отъ электричества: все яснѣе представлялось крайнее положеніе нашей, сравнительно, горсти храбрецовъ, не уступающей пяди земли нашей позиціи въ тридцать разъ сильнѣйшему непріятелю, про котораго уже всѣмъ извѣстно было, что доставшись живымъ, кромѣ самой мучительной смерти ожидать нечего, что отчасти также служило одной изъ причинъ стойкости и равнодушія къ смерти нашего молодца русскаго солдата. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, между прочимъ и въ нашемъ 23-мъ Донскомъ казачьемъ полку, существовала круговая порука въ томъ, что товарищи не имѣютъ права оставить въ рукахъ врага ни тѣла убитаго, ни раненаго, и это условіе отлично дѣйствовало на всѣхъ: всякій дѣлался смѣлѣй, а храбрость другой разъ доходила до дерзости, и все это потому, что каждый зналъ, что его не забудутъ, не выдадутъ, а при несчастьи погребенъ будетъ съ честью своими.

Минутъ черезъ десять, выбравшись на одну изъ высотъ, прилегающихъ къ горѣ Николая, уже замѣченные непріятелемъ, мы сразу попали въ дѣйствительную сферу огня: со свистомъ надъ

головами прошипѣло двѣ-три гранаты, завизжали пули, задѣвши тутъ же двухъ-трехъ казаковъ и нѣсколько лошадей, такъ что я, видя, что минута нашего участія въ боѣ настала, скомандовалъ: «слѣзай; по пѣшему строю разсчитайся», и когда казаки, мигомъ спѣшившись, стали выстраиваться по заранѣе сдѣланному разсчету, то уже слѣда тревоги ни на чьемъ лицѣ не было замѣтно, кромѣ совершеннаго спокойствія и холодной рѣшимости, по пословицѣ: или панъ или пропалъ. Пока повѣряли разсчетъ, я отдалъ приказаніе коноводамъ (по 8—10 лошадей у каждаго) скорѣй спускаться обратно, и при встрѣчѣ съ первой же частью пѣхоты отдать всѣхъ своихъ лошадей въ ихъ распоряженіе для скорѣйшей доставки ихъ на мѣсто боя; затѣмъ подошедъ къ фронту оставшихся и совершенно уже готовыхъ идти въ дѣло казаковъ, я имъ въ нѣсколькихъ словахъ еще разъ напомнилъ ихъ долгъ, присягу и цѣль предстоящаго дѣла—выручить своихъ, и кончая сказалъ, что надѣюсь вполнѣ, что не будутъ хуже прежнихъ дѣлъ, на что послѣдовалъ дружный отвѣтъ: «Рады служить Царю и Дону, ваше высокоблагородіе. Господь милостивъ: за своихъ постоимъ и своихъ въ обиду не дадимъ, это дѣло намъ знакомое». Затѣмъ перекрестившись, разсыпнымъ строемъ бросились бѣгомъ сперва внизъ по шоссе, а тамъ напрямикъ полѣзли въ гору, составлявшую правый флангъ нашей позиціи, и въ то же время назначенный намъ для занятія пунктъ. Спускъ этотъ по шоссе, хотя и взявшій очень мало времени, былъ очень непріятенъ, такъ какъ это мѣсто шоссе, котораго обойти и объѣхать нельзя, обстрѣливалось непріятелемъ съ трехъ сторонъ непрерывнымъ перекрестнымъ огнемъ; но счастье было за насъ, и мы отдѣлались однимъ контуженнымъ офицеромъ и пятью нижними чинами, конечно благодаря только тому, что турки при стрѣльбѣ, высоко поднимая прицѣлъ, даютъ этимъ весьма крутую траэкторію полета пулямъ, которыя всѣ почти перелетаютъ близко находящіяся части.

Взбираясь живо по камнямъ наверхъ, я старался скорѣй охватить взглядомъ все мѣсто боя и ознакомиться съ расположеніемъ нашихъ войскъ, у которыхъ при видѣ нашего прибытія, въ предположеніи, что пришелъ цѣлый отрядъ, сильно поднялся духъ, и славная работа пошла еще чище, точно свѣжія войска, несмотря на то, что они уже нѣсколько дней не ѣли горячей пищи, доставали съ трудомъ воду, мало спали, и при всѣхъ этихъ лишеніяхъ несли адски-трудную безсмѣнную службу. Я всѣ свои сотни въ видѣ густой цѣпи положилъ за камнями по гребню горы, имѣя въ серединѣ дивизіонъ горной батареи, и отдалъ строжайшій приказъ всѣмъ стрѣлять не иначе, какъ залпами, и только по моей командѣ. Разсчетъ мой былъ очень простъ: непріятель насѣдаетъ упорно, видно, что желаютъ во что-бы то ни стало завладѣть горой и всѣмъ перевалом. Сила, количество орудій—все было на ихъ сторонѣ; наше же подкрѣпленіе черезъ сколько часовъ можетъ подойти—неизвѣстно; зарядовъ у каждаго было не болѣе 80-ти, израсходуешь ихъ, пополнить было-бы неоткуда, а ужь винтовки безъ зарядовъ приносили-бы собой очень мало пользы, такъ какъ въ рукопашной шашка во всемъ дала бы перевѣсъ нашему непріятелю.

Ждать начала намъ пришлось не долго; минутъ черезъ 20 изъ лощины и уступа горы показались двѣ колонны (примѣрно 2 табора), направляющіяся немного правѣе насъ, вѣроятно съ цѣлью отрѣзать насъ отъ шоссе, т. е. единственнаго нашего сообщенія съ Габровомъ и пути отступленія.

Выждавъ ихъ на себя шаговъ на 400, по моей командѣ: «пли», раздался нашъ залпъ, смѣшанный съ криками ура съ нашей стороны и стонами со стороны непріятельской, такъ какъ наши берданки кому слѣдовало сразу зарекомендовали себя съ весьма выгодной стороны, вырвавъ цѣлые ряды низама, которые, уже не подбирая своихъ, бросились по кустамъ въ разсыпную. За этимъ залпомъ послѣдовало маленькое затишье со стороны турокъ, но вмѣстѣ съ этимъ какъ бы послужило сигна-

ломъ къ общей атакѣ: сперва послышался оглушительный крикъ «Ала-ла-ла-ла», затѣмъ началась адская пальба изъ орудій подъ аккомпаниментъ ружейныхъ пуль, показались и колонны цѣпи, и пошла потѣха.

Постараюсь набросать картину, которую и до сихъ поръ какъ-бы вижу передъ собой: дымъ отъ орудій густо-густо стелется по покатостямъ горъ, закрывая собой разсыпанныхъ стрѣлковъ; за нѣкоторыми выступами чернѣются отдѣльныя кучки людей, готовыхъ ежеминутно выйти изъ-за закрытія и кинуться въ штыки, или встрѣтить залпами приближающихся турокъ, фески которыхъ виднѣются уже недалеко; впереди и съ боковъ ихъ ложементовъ идетъ сильная трескотня; направо и налѣво, взрывая землю и камни, шлепаются гранаты; осколки, звѣня, летятъ далѣе; пули свистятъ разными голосами; вблизи съ разныхъ сторонъ раздаются крики: «подберите раненаго», «люди-носилки»; «бѣгомъ-маршъ»; «второе-пли»; «доктора скорѣе», и т. д., и весь этотъ оглушительный хаосъ длился минутъ съ двадцать, послѣ чего послышалось въ разныхъ мѣстахъ наше побѣдоносное ура, и видно стало отступающаго, частью-же бѣгущаго назадъ въ безпорядкѣ непріятеля; но и намъ это дѣло досталось не легко. Мы отлично всѣ сознавали и видѣли, что напрягались послѣднія силы, употреблялись послѣднія средства: патроны напр. почти были всѣ израсходованы, командиръ дивизіона нашей батареи сообщилъ мнѣ, что у него остается такъ мало снарядовъ, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, и то только при крайней необходимости, орудія сдѣлаются безполезными, и онъ съ прислугой присоединится хоть ко мнѣ, для раздѣла общей участи.

Послѣдній отбитый нами штурмъ оставилъ и у насъ свои гибельные слѣды въ видѣ наваленныхъ тамъ и сямъ труповъ, множества раненыхъ и замѣчательной массы чугуна и свинца, сплошь покрывавшихъ собою нѣкоторыя открытыя площадки нашей позиціи.

Повторенье еще одного-двухъ такихъ штурмовъ пробило-бы для насъ послѣднимъ часомъ, такъ какъ живьемъ никто не сдался-бы, а раньше еще было объявлено, что отступленія нѣтъ, да оно фактически уже не существовало, такъ какъ дорога по этому перешейку была открытая и находилась вся подъ перекрестнымъ огнемъ густо засѣвшаго по обѣимъ сторонамъ непріятеля, такъ что все показывающееся на дорогѣ служило мишенью сотни пуль. Съ самыхъ высокихъ пунктовъ горы съ жаднымъ вниманіемъ въ бинокль слѣдили внизъ по дорогѣ не покажется-ли пыль, не замѣтно-ли какого движенія! Но, увы! Пока все ограничивалось одной надеждой; но для нравственнаго ободренія физически совсѣмъ измученныхъ, закоптѣлыхъ въ дымѣ нижнихъ чиновъ, нарочно громко говорилось совсѣмъ другое: что-молъ вонъ, видно, что-то блеститъ, вѣрно штыки нашихъ; значитъ надо ужь какъ нибудь, братцы, подержатся, подкрѣпленіе идетъ... Но это обѣщаніе такъ часто практиковалось въ этотъ день съ самаго разсвѣта, что лица у всѣхъ оставались серьозными, часто обращаясь только къ Небу. Смыслъ этого отвѣта былъ понятенъ каждому: грустно было подумать, что не дай Богъ непріятель гдѣ нибудь прорвется, и тогда этихъ героевъ не станетъ, потому что они могли бы переступить только черезъ ихъ тѣла, а солдатъ русскій на полѣ чести умираетъ такъ, что невольно вырывается удивленіе и уваженіе самаго врага; вообще мысли у всѣхъ въ нашемъ критическомъ положеніи были тяжелыя, и каждый старался гнать ихъ отъ себя далѣе.

Пользуясь затишьемъ огня, пошелъ я провѣдать къ счастью своихъ легко раненыхъ, нашелъ ихъ спокойными, и слышалъ, какъ-бы съ нѣкоторой гордостью, какъ эти вновь крещенные огнемъ разсказывали другимъ раненымъ о штурмѣ нашей горки, и дѣлились своими впечатлѣніями.

Въ это время, слышу, бухнуло орудіе, другое, третье, и опять пошло безъ промежутковъ; послышались команды: «смирно, по

мѣстамъ», но это было почти и лишнимъ, потому что и безъ этого все уже стояло кому гдѣ слѣдовало и жадно всматривалось въ движеніе турокъ, ясно выражавшее приготовленія къ новому штурму. Сулейманъ-паша—какъ разсказывали ужь не знаю изъ какихъ источниковъ—зная и видя хорошо нашу малочисленность, такъ былъ увѣренъ въ легкомъ овладѣніи Шипкой, что уже донесъ Султану о своей побѣдѣ и взятіи ея, а вмѣсто этого видя теперь безпримѣрную стойкость и храбрость нашихъ молодцовъ, выходилъ изъ себя, бѣсился, и будто бы поклялся въ этотъ день, что бы оно ни стоило, но покончить съ нами, что пожалуй и подтверждалось его безпрерывными атаками, и это ему было тѣмъ легче исполнить, что у него находилось до 60-ти таборовъ, и было выгодно, потому что ихъ усталыя и разстроенныя части смѣнялись сейчасъ же свѣжими, а наши безсмѣнно и днемъ и ночью работали одни и тѣ же, хотя съ одинаковой же легкостью. Но вѣдь всему бываетъ предѣлъ: человѣкъ не машина, и долгое время безъ пищи, одежды, да еще въ страшномъ нравственномъ настроеніи можетъ дойдти до полнаго истощенія, и на эту-то несчастную минуту вѣроятно Сулейманъ и разсчитывалъ, такъ какъ по очень большому числу и виду колоннъ, собирающихся охватить насъ съ трехъ сторонъ, можно было предугадать, что рѣшительная минута наступаетъ, что чувствовалось положительно всѣми: разговоры совсѣмъ затихли, томительно ожидалась команда въ виду уже совсѣмъ близко подходившей массы непріятеля, имѣвшаго видъ тучи, облегающей кругомъ небо.

Вдругъ раздался: крикъ «наши подходятъ; это стрѣлки, да кажись верхомъ ишь какъ: пришпандориваютъ», и правда, всѣмъ видно стало вскачь ѣдущихъ по два, по три человѣка на лошади стрѣлковъ, поспѣшающихъ намъ на выручку. При этомъ зрѣлищѣ громкое, радостное ура прокатилось по всей позиціи, орудія какъ-то веселѣй стали дѣйствовать, и наша ружейная, какъ бы пріостановившаяся немного пальба, снова за-

частила залпами. Прибывшіе къ подножію горы стрѣлки, бросая лошадей и живо карабкаясь по уступамъ, стали всѣ безъ исключенія располагаться цѣпью по линіи огня, и открыли въ высшей степени мѣткій, губительный туркамъ огонь.

Среди этого треска, свиста пуль, пыли, дыма, на одной изъ вершинокъ нашей позиціи остановился съ наведеннымъ на непріятеля биноклемъ высокій, статный человѣкъ, окруженный своимъ штабомъ и ординарцами: то былъ генералъ Радецкій. Онъ спокоенъ и невозмутимъ, какъ будто распоряжается мирными маневрами, одно появленіе его вырвало единодушное ура Шипкинскаго гарнизона, да и правда: его лицо, не измѣняющееся подъ самымъ сильнымъ огнемъ, внушаетъ духъ солдату, вноситъ спокойствіе въ боевую линію, и воспламеняетъ геройское самопожертвованіе каждаго; онъ вступилъ въ завидную роль общаго любимца отряда.

Послѣ 15 — 20 минутной стрѣльбы, видимъ мы, что наша цѣпь поднимается, и съ ревомъ «ура» понеслась съ горы навстрѣчу непріятеля, — эти герои были стрѣлки. Атака была бѣшеная, это единственное подходящее выраженіе для опредѣленія силы наступленія. Турки, не ожидавшіе такого оборота дѣла и ошеломленные такимъ страшнымъ натискомъ, въ паникѣ, увлекая за собой еще неразстроенныя свои части, безпорядочно кинулись назадъ, смяли свои резервы, и затѣмъ все обратилось даже не въ отступленіе, а въ бѣгство. Наши же стрѣлки, подкрѣпленные кое-какими частями, не давая имъ опомниться, на ихъ плечахъ взобрались на противуположную высоту ихъ позиціи, уничтожая штыкомъ все попадающее подъ руку и пулей провожая убѣгающаго непріятеля.

Наступившая темнота прекратила наше преслѣдованіе, и вскорѣ показались возвращающіеся герои этого славнаго дня.

Это лихое отбитіе штурма, и безпримѣрная трехдневная оборона перевала нашей горстью храбрецовъ (около шести съ

половиною тыс.) противъ всей арміи Сулеймана-паши, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ и положеніи, въ которыхъ гарнизонъ находился, была въ дѣйствительности нашей блестящей побѣдой. Всѣ теперь поздравляли другъ друга, жали горячо руки, и съ восторгомъ всматривались въ лица уцѣлѣвшихъ друзей; пошли толки, и разговоры полились рѣкой, конечно все о происшествіяхъ послѣднихъ дней, про сегодншніе штурмы; когда же коснулось стрѣлковъ, то единодушно всѣ согласились, что врядъ ли кому удастся видѣть когда нибудь лучшую боевую часть, «это черти, а не люди» говорили наши, это «кара-аскеры» шайтаны (черти, дьявольскіе солдаты) говорили турки; и все это было справедливо; черными же они ихъ называли потому, что за Балканами, откуда они только что возвратились съ г. Гурко, они носили не бѣлые, а черные штаны. Но насъ стрѣлки просто поразили, и мы видя ихъ въ атакѣ, вѣрить глазамъ своимъ не хотѣли, что эти львы, еще наканунѣ въ походѣ еле двигавшіе ногами, а частью подвезенные въ Габрово на подводахъ, были тѣ же самые люди. Тутъ-то и сказался въ нихъ весь русскій духъ, вся та вѣками хорошо знакомая врагамъ безшабашная лихость, стойкость и сознательная храбрость, словомъ всѣ тѣ качества, которыми справедливо пользуется русскій солдатъ, не знающій себѣ въ бою равнаго.

Былъ 10-й часъ вечера, стали разводить костры для варки пищи, невдалекѣ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы, вблизи слышно было: «Рады стараться, ваше пре—во!» — это генералъ Радецкій, объѣзжая позиціи, благодарилъ храбрый гарнизонъ, а издали доносились стоны раненыхъ, и чернѣли кучами наложенныя тѣла непріятеля. Мѣсяцъ-же весело освѣщалъ всѣ подробности этой страшной картины.

Вскорѣ я получилъ приказаніе спуститься съ казаками для ночлега немного назадъ, въ видахъ недостатка на горѣ воды и хотя какого нибудь фуража для лошадей.

Спустившись по шоссе версты двѣ съ половиною назадъ, я встрѣтилъ своихъ коноводовъ, искавшихъ пропавшихъ лошадей вслѣдствіе того, что стрѣлки, подъѣзжая на позицію и торопясь принять участіе въ дѣлѣ, большею частью, слѣзая, бросали ихъ на произволъ судьбы; присоединивъ коноводовъ, я остановился ночевать вправо отъ шоссе, по скату горы, гдѣ кое-какъ поставивъ лошадей улеглись и сами. Но этой ночи я не забуду. Поднялся вѣтеръ (въ горахъ это очень обыкновенное явленіе), который подымая съ шоссе, ниже котораго мы расположились по скату, всю пыль, не только обдавалъ насъ ею, но просто засыпалъ, такъ-что становилось окончательно невыносимо: глаза, носъ, ротъ, уши—все было полно и хрустѣло пескомъ. Я не выдержалъ, и такъ какъ спать еще не хотѣлось, то отправился на перевязочный пунктъ Краснаго Креста, помѣщавшагося въ домикѣ на самой дорогѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ насъ, и тамъ я, съ понятнымъ интересомъ и даже любопытствомъ, наблюдалъ за перевязками и операціями раненыхъ, которые отсюда отправлялись далѣе назадъ, ужь не знаю куда, кажется въ Габрово. Всѣмъ раненымъ здѣсь радушно предлагались чай, вино, папиросы и сигары. Проведя здѣсь съ часъ въ разговорахъ съ ранеными и проѣзжавшими офицерами, отъ которыхъ слышно было, что у насъ за этотъ день убыло до 350 человѣкъ, я вернулся и сейчасъ-же заснулъ хотя крѣпко, но безпокойно, такъ какъ мнѣ казаки передавали, что я во снѣ все командовалъ и кричалъ «ура».

На разсвѣтѣ я получилъ приказаніе сойти съ горы и расположиться бивуакомъ у начала подъема, на перекресткѣ дорогъ, до дальнѣйшихъ распоряженій. Спустившись, мы расположились на берегу ручья, и въ эти сутки совсѣмъ отдохнули, и имѣя время и возможность отъ скуки наблюдали за непрерывно проходящими вверхъ на гору, мимо насъ, войсками (14 дивизіи), за массою провозимыхъ туда-же артиллерійскихъ ящи-

ковъ, новозокъ съ котлами, и т. д., вообще за лихорадочною дѣятельностью всякаго рода частей.

Черезъ два дня получаю новое приказаніе: двинуться вправо отъ подъема и расположиться около деревни Зелено-Древо и принять въ составъ своего отряда, расположенныхъ уже тамъ, роту пластуновъ и двѣ Болгарскія дружины.

Зелено-Древо сама по себѣ незначительная деревня, но по своему мѣстному расположенію играла для насъ значительную роль.

У начала подъема на гору св. Николая, какъ я выше упомянулъ, былъ перекрестокъ дорогъ, а именно: шоссе, ведущее изъ Габрова на перевалъ, пересѣкалось дорогой влѣво, ведущей въ деревеньку, лежащую слѣва и въ тылу подъема; вправо-же углубляясь въ ущелье и проходя по берегу мелкаго горнаго ручья на разстояніи пяти-шести верстъ, выходила на площадку, сзади которой по горѣ снизу вверхъ раскинулась сама деревня (Зелено-Древо). Спереди также снизу вверхъ на довольно крутой покатости начинался густой лѣсъ, кончавшійся на трехъ-четырехверстномъ разстояніи уже на гребнѣ Лысой горы, составляющей лѣвый флангъ турецкой позиціи. Позиція эта тянулась отсюда непрерывно до деревни Шипки, лежащей у подножія горы св. Николая на протяженіи восьми-девяти верстъ по всѣмъ вершинамъ хребта горъ, идущихъ параллельно нашей позиціи, расположенной также по всѣмъ покатостямъ и вершинамъ, по которымъ пролегало шоссе на гору св. Николая. Съ этой площадки дорога и ручей, огибая гору, повертывали вправо по ущелью, образуемому горами и густо покрытому частымъ кустарникомъ, лѣсомъ и глыбами камней. Черезъ версты двѣ-три находилось селеніе Тополица, а отсюда ущелье это и дорога развѣтвлялись надвѣ, изъ

коихъ одна дорога по ущелью шла далѣе, по своему прямому направленію и на пятой верстѣ выводила на Габровское шоссе, верстахъ въ четырехъ-пяти отъ города. Другая-же, подъ прямымъ угломъ, черезъ все село шла по ущельямъ на семдесятъ-восемдесятъ верстъ и, служа сообщеніемъ между собой нѣсколькимъ селамъ и деревнямъ, пріютившимся въ этихъ глухихъ мѣстахъ, выводила, развѣтвляясь, къ Троянову перевалу, городамъ Ловчѣ и Сильвіи.

Изъ всего этого видно, что высота, на которой расположена была деревня Зелено-Древо, имѣющая видъ угла, выступомъ къ турецкой позиціи, имѣла всѣ данныя, чтобы служить удобнымъ наблюдательнымъ постомъ за непріятелемъ, всвучаѣ если-бы онъ захотѣлъ спуститься на эту дорогу, съ цѣлью прорваться вправо на Габрово, и угрожать тылу всего нашего отряда, или-же влѣво по ущелью, и выдти къ самому подъему, съ цѣлью пресѣчь намъ сообщеніе съ Габровомъ и другими частями, расположенными по близости. Въ обоихъ случаяхъ такое движеніе непріятеля было бы для насъ болѣе чѣмъ важно и въ высшей степени опасно — слѣдовательно, лучшаго пункта для этой цѣли, т. е. обереганія дорогъ этихъ отъ непріятеля и наблюденія вообще здѣсь за нимъ, трудно было и вообразить, почему эта высота сразу и была занята нами. Въ виду важности этого пункта, въ самой деревнѣ расположена была 5-я Болгарская дружина. На половинномъ разстояніи отъ деревни до подъема, т. е. верстахъ въ трехъ въ маленькой деревушкѣ Тукманецъ, расположены были пластуны, а я, пройдя версты полторы по ущелью и поднявшись вправо на высоты, сталъ бивуакомъ сзади этихъ деревень, на равномъ отъ обоихъ разстояніи. Служба неслась такъ: Болгарская дружина выставляла отъ себя три постоянныхъ суточныхъ пикета впереди деревни, черезъ лощину и дорогу на противулежащей непріятельской сторонѣ, а съ вечера до утра ставились внизу по ущелью цѣпь и заставы. Пластуны, кромѣ дня, и ночью посы-

лались на развѣдки, по возможности большое количество охотниковъ, прямо къ турецкой позиціи, не считая своего бивуачнаго караула. Мои-же казаки, кромѣ конныхъ суточныхъ пикетовъ, поставленныхъ на всѣхъ высотахъ впереди насъ, четыре раза въ день, а ночь всю напролетъ держали разъѣзды по ущелью съ обѣихъ сторонъ и по всѣмъ дорогамъ, не считая того, что я командировалъ по нѣсколько человѣкъ въ обѣ деревни, чтобы ускорить вслучаѣ нужды посылаемыя ко мнѣ донесенія и вообще всѣ извѣстія.

Казалось-бы, что всѣ мѣры предосторожности приняты были хорошо; но на грѣхъ мастера нѣтъ, вслѣдствіе чего и вышло скоро дѣло при Зеленомъ-Древѣ 20-го Августа.

18-го числа прибылъ къ намъ на усиленіе нашего отряда, въ виду тактической важности нашей позиціи, начальникъ Болгарскаго ополченія генералъ-маіоръ Столѣтовъ съ тремя дружинами, съ которыми и расположился въ деревенькѣ Тукманецъ, занятой до того пластунами. Ясное дѣло, что мы всѣ вошли въ составъ этого отряда, почему я немедленно и явился къ генералу Столѣтову съ рапортомъ о состояніи людей, о положеніи и ходѣ дѣлъ до сей минуты; при чемъ всѣ мои распоряженія и принятыя мною мѣры предосторожности были имъ вполнѣ одобрены, и я тутъ-же получилъ приказаніе на послѣ-завтра, т. е. на 20-е Августа, на разсвѣтѣ выступить и сдѣлать рекогносцировку какъ можно на большее разстояніе по ущелью, идущему отъ Зелено-Древо, черезъ село Тополище, на Балканы, съ цѣлью ознакомиться со всѣми дорогами и ихъ направленіями. Мнѣ предстояло узнать: есть-ли и гдѣ именно существуютъ другіе пути черезъ Балканы на югъ; количество и величину встрѣчающихся по дорогѣ селъ и деревень; словомъ, требовалось узнать эту мѣстность такъ, чтобы можно было всегда дать себѣ вѣрный и вполнѣ подробный отчетъ даже въ самыхъ мелочахъ. Задача была важная по значенію и трудная для исполненія, такъ какъ мы вездѣ могли

встрѣтиться съ непріятелемъ въ мѣстности глухой, трудной и намъ вовсе незнакомой. Поэтому я и рѣшился взять съ собою не менѣе двухъ сотенъ, чтобы вслучаѣ нужды дать отпоръ или-же самому напасть на непріятеля, который могъ бы встрѣтиться и помѣшать исполненію даннаго мнѣ порученія, вслѣдствіе чего, 19 Августа съ вечера, сдѣланы были мной всѣ распоряженія, и отданъ былъ приказъ на завтра въ четыре часа утра выступить.

Утромъ слѣдующаго дня на разсвѣтѣ, часа въ три съ половиною, я сидѣлъ съ своими офицерами на сѣнѣ, служившемъ намъ постелью, и допивая чай, въ ожиданіи доклада дежурнаго о готовности части, мы шутили между собой, вспоминая всѣ разсказы про забавныя похожденія и находчивость казаковъ *).

Вдругъ мы замѣтили, что на двухъ холмахъ, на которыхъ стояли конные пикеты, замахали казаки: мы не понимали хорошо еще въ чемъ дѣло, какъ услышали впереди себя выстрѣлъ, второй, и т. д. Сейчасъ-же ясно передъ нами, версты въ полторы на открытую площадку, около самой деревни Зелено-Дре-

*) Я помню два разсказа. Одинъ изъ нихъ заключался въ томъ, что послѣ строгаго запрещенія брать у жителей что-нибудь даромъ, не говоря уже про скотину, попадается одному изъ важныхъ генераловъ казакъ, везущій перекинутаго на сѣдлѣ барана. Генералъ останавливаетъ казака и спрашиваетъ его: «Гдѣ досталъ барана?» — «Купилъ, ваше пр—во!» отвѣчаетъ казакъ: «Сколько заплатилъ?» спрашиваетъ его. — «Не могу знать, ваше пр—во!» слѣдуетъ отвѣтъ его. —«Какъ-же ты не знаешь, братецъ, сколько заплатилъ?» — «Точно такъ, ваше пр—во: я хозяина дома чуточку не засталъ, такъ онъ велѣлъ мнѣ въ другой разъ къ нему заѣхать», смѣло, скороговоркой отвѣчаетъ казакъ. Начальникъ выслушавъ все это и отъ души расхохотавшись, оставилъ это дѣло безъ послѣдствій. Изъ другаго-же разсказа видно, что тоже одному важному начальнику попался на глаза казакъ въ истрепанномъ мундирѣ, рваныхъ шараварахъ и сапогахъ такъ что тотъ невольно остановилъ его и спросилъ:—«Ты жалованье получаешь?» —«Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!»—«Ну, а порціонныя получаешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!»—«Ну, а суточныя получаешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!» —«Ну, что-же, фуражные, наконецъ, получаешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!»— «Тьфу, пропасть! Да чѣмъ-же ты живешь наконецъ?»—«Стараемся, ваше пр—во», бойко отвѣтилъ казакъ, т. е. вѣроятно подразумѣвая тутъ и уточку, и курицу, и баранчика, и т. д.

во, высыпало сотни двѣ конныхъ черкесовъ въ бѣлыхъ черкесскихъ папахахъ, словомъ появились наши друзья. Посадить всѣхъ уже готовыхъ казаковъ на лошадей и скомандовать «маршъ-маршъ»... было дѣломъ одной минуты *). Только что мы тронулись, подлетѣлъ ко мнѣ казакъ отъ генерала Столѣтова и передалъ мнѣ письменное приказаніе, скорѣе спѣшить на выручку дружинѣ и распоряжаться по своему усмотрѣнію. Пролетѣли мы съ версту и оставалось уже немного, когда я оглянулся назадъ и налѣво, и не видя за собой никакой пѣхоты сообразилъ, что не теряя напрасно времени, надо дѣйствовать иначе. Чтобы задержать черкесовъ, я тутъ-же вправо отрядилъ тридцать казаковъ при хорунжемъ Ушаковѣ и велѣлъ имъ, обскакавъ горку, выѣхать на встрѣчу непріятелю и, не ввязываясь сильно въ бой по возможности ограничиваясь стрѣльбою, обратить на себя ихъ вниманіе, задерживать ихъ и даже для заманки сдѣлать фальшивое отступленіе. Самъ-же я карьеромъ повернулъ налѣво и, проскакавъ уже подъ градомъ навѣсно пущенныхъ на насъ пуль, лощиной съ полторы версты, спѣшилъ всѣхъ, раздѣлилъ на два отряда—одинъ подъ командой есаула Толоконникова, другой-же со мной, бѣгомъ бросились на верхъ по оврагу, чтобы напасть на занятую уже непріятелемъ деревню съ двухъ сторонъ. На встрѣчу бѣжали намъ съ крикомъ болгары-жители окрававленные, порубленные, а за ними и дружина въ разсыпную, въ полной паникѣ, но мы не обращая уже на нихъ никакого вниманія, молили Бога только-бы поспѣть во время. Деревня вся была въ огнѣ, дымъ гналъ вѣтеръ прямо на насъ, что отчасти было намъ на руку, скрывая насъ отъ любопытныхъ глазъ, и вотъ всего оставалось кустами пробѣжать до плетней шаговъ сорокъ. Я условился съ Толоконниковымъ объ одновременномъ нападеніи, и вотъ, по

*) Тѣмъ болѣе, что со дня обороны Шипки, въ виду близости непріятеля и могущаго быть нечаяннаго нападенія, казаки не раздѣвались и не разсѣдлывали лошадей.

данному мной сигналу съ двухъ сторонъ крикнули «ура» и раздалось два залпа, а затѣмъ выстрѣлы зачастили дробью. Надо замѣтить, что человѣкъ съ пятьдесятъ черкесовъ настолько увлеклись грабежомъ, что, полагаясь на осторожность сторожевыхъ своихъ, подпустили насъ совсѣмъ близко. По первому-же нашему залпу повалилось человѣкъ десять, изъ которыхъ одинъ съ большой сѣдой бородой въ черкескѣ съ галунами на красавицѣ лошади вѣроятно былъ ихъ начальникъ, особливо судя по поспѣшности, съ которою всѣ кинулись къ нему и подхвативъ его на сѣдла увезли живо въ кусты. Казаки соединившись здѣсь, всѣ, густой цѣпью, напроломъ черезъ всѣ препятствія, бѣжали за ними, и наткнулись еще на партію человѣкъ въ сто, которые по видимому были и не прочь потягаться съ нами, но минутъ черезъ пять-шесть, видя на себѣ результаты нашего огня, мигомъ повернули назадъ, надѣясь спастись въ быстротѣ своихъ скакуновъ, но всетаки оставили человѣкъ десять на мѣстѣ. Подаваясь все впередъ, я, пробѣжавъ шаговъ полтораста, добрался съ десяткомъ человѣкъ до холмика, откуда внизу, подъ горой слѣва, я увидалъ въ верстѣ разстоянія толпу черкесовъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ пятьсотъ, какъ видно выжидавшихъ результатовъ нападенія ихъ головной части въ случаѣ удачи, а можетъ быть они составляли резервъ для прикрытія своихъ, вслучаѣ отступленія. Вотъ когда я пожалѣлъ отъ души, что нѣтъ съ нами ни одного орудія, а пришлось довольствоваться залпомъ какихъ-нибудь десяти берданокъ находившихся со мною казаковъ; но даже и это имъ не пришлось по вкусу, потому что, разомкнувшись, черкесы живо бросились назадъ черезъ лощину въ лѣсъ.

Я думалъ, что все уже кончилось, но не тутъ-то было: сзади послышались рѣзкіе выстрѣлы берданокъ и частые сухіе выстрѣлы магазинокъ. Обернувшись, я увидѣлъ такую картину: Хорунжій Цышловъ, лихо исполнившій свою задачу,

ловкимъ маневромъ отступленія, такъ заманилъ къ себѣ черкесовъ, считавшихъ его за свою вѣрную добычу и бросившихся за нимъ въ преслѣдованіе, что когда онъ, близко услыхавъ топотъ черкесскихъ лошадей и гиканье на карьерѣ, крикнулъ своимъ, самъ соскочилъ съ казаками на землю, и пропустивъ близко скачущихъ мимо себя черкессъ, далъ по нимъ залпъ, тѣ въ бѣшенствѣ, что ихъ одурачили, бросились назадъ для повторенія атаки, но уже слыша наши первые залпы и видя что наши подкрѣпленія пришли, боясь быть отрѣзанными, послѣ короткаго раздумья бросились на утекъ. Но и Гаврилычи не зѣвали; этой-то минуты они давно поджидали, и теперь въ свою очередь на коняхъ пустились за ними, стали вотъ-вотъ нагонять, и тутъ уже, не обращая вниманія на свою малочисленность, смѣло ударили въ шашки, словомъ поддали имъ славнаго жару, и вотъ этотъ-то моментъ представился нашимъ глазамъ. Все это скакало и улепетывало, не замѣчая насъ, прямо къ намъ; ужъ не знаю чьи пули: свои-ли, чужія-ли такъ и стали посвистывать около насъ. Я крикнулъ «ложись», и когда трое четверо подскакало къ намъ шаговъ на пятьдесятъ и, увидавъ насъ какъ-бы пріостановились, мы всѣ сразу выстрѣлили: три лошади упало, а также и двое черкесовъ; остальные, сзади ѣхавшіе, преслѣдуемые нашими и слыша наши выстрѣлы, боясь засады, бросились вправо куда глаза глядятъ. Больше непріятеля здѣсь не осталось. Чтобы очистить кусты, опушку лѣса, я съ цѣпью прошелъ въ лощину до дороги, и нашелъ еще двухъ убитыхъ черкесовъ и много лужъ и слѣдовъ крови, вѣроятно раненыхъ, которыхъ они успѣли захватить съ собой. Такъ какъ у нихъ позоромъ считается оставить раненаго или убитаго въ рукахъ непріятеля, поэтому всегда трудно въ дѣлѣ съ черкесами опредѣлить по количеству труповъ ихъ убыль. Труповъ лошадей было множество, но всѣ почти безъ сѣделъ и уздечекъ, захваченныхъ съ собой ихъ хозяевами.

Видя, что все кончено благополучно, я сейчасъ-же написалъ и послалъ донесеніе генералу Столѣтову и командиру нашего корпуса, генералу Радецкому (которому хотя за пять-шесть верстъ, но съ вершины горы хорошо было видно всѣ наши и непріятельскія движенія), что нечаянное нападеніе черкесамъ не удалось, а сами они отбиты, выбиты и разбиты. Село сожжено, и остановить пожаръ въ такую сухую погоду и за неимѣніемъ времени было не въ нашихъ силахъ. Убитыхъ черкесовъ на мѣстѣ схватокъ насчитали тридцать тѣлъ, лошадей убитыхъ у нихъ и раненыхъ до семидесяти.

Все набранное въ узлахъ добро жителей нашли мы брошеннымъ въ разныхъ мѣстахъ, вѣроятно во время быстраго отступленія, такъ что они и этимъ не поживились; скотину-же, взятую въ деревнѣ, казаки въ лощинѣ отбили назадъ и обратно вернули жителямъ. У насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, видно молодцовъ самъ Господь хранитъ, лошадей-же ранено восемь.

Въ 5-мъ баталіонѣ дружины (впослѣдствіи № 10), расположенной въ деревнѣ и допустившей на себя это нечаянное нападеніе, да еще кавалеріи, убыль была большая: всѣ кадровые унтеръ-офицеры изъ русскихъ изрублены въ куски; видно дорого продавали свою жизнь эти герои... при чемъ мои казаки съ рискомъ едва спасли и вывезли изъ села на сѣдлѣ самого легко-раненаго командира этой дружины. При разслѣдованіи этого эпизода выяснилось, что эта пятая дружина (послѣ не разъ отличавшаяся) только-что была составлена изъ собранныхъ рекрутовъ, большинству которыхъ даже не было хорошо знакомо обращеніе съ ружьемъ; и потомъ, главное, не знаю ужь почему, послѣдніе дни ночная цѣпь очень рано утромъ отзывалась назадъ, что вѣроятно тоже было замѣчено и принято къ свѣдѣнію черкесами, которые также вѣроятно знали тотъ матеріалъ, съ которымъ имъ придется имѣть дѣло; вотъ почему они совсѣмъ неожиданно и безъ всякаго почти сопротивленія и овладѣли селомъ.

Около полу-сгорѣвшей деревни, зрѣлище было ужасное: лежали груды тѣлъ, обезображенныхъ до невозможности. Запахъ горѣлыхъ труповъ изъ деревни разносился далеко; кровь мѣстами стояла лужами или шла дорожкою; ревъ скотины, не находившей уже своего помѣщенія въ деревнѣ, вообще какъ это случается на пожарахъ, дополнялъ собой непріятное и страшное впечатлѣніе этой картины. Пока я принималъ мѣры для отобранія труповъ нашихъ для отпѣванія, и непріятельскихъ для зарытія, я получилъ предписаніе немедля двинуться далѣе къ с. Таковищу и не допустить черкесовъ сжечь это село, такъ какъ получились извѣстія, что они направились туда.

Давъ немного времени собраться казакамъ и подойти коноводамъ, я на рысяхъ тронулся по дорогѣ черезъ лѣсъ направо, и благодаря проводнику минутъ черезъ 15, выбравшись на чистое поле, мы прискакали въ село, гдѣ шайка черкесовъ только что проѣзжала, зарѣзавъ нѣсколько попавшихъ на глаза болгаръ, но дорожа временемъ и боясь вѣроятно нашего преслѣдованія успѣли зажечь одну только церковь. Сейчасъ-же бросились по ихъ слѣдамъ, нагнали ихъ въ верстѣ отъ деревни подымавшихся съ награбленной добычей къ себѣ въ горы; отбили стада, которыя они гнали, пять каруцъ съ разнымъ добромъ, и при этомъ убито еще двое черкесовъ; отъ остальныхъ-же и слѣду не осталось. Итакъ молодцы-казаки въ двухъ мѣстахъ отстояли позицію, и вездѣ съ успѣхомъ.

Для усиленія же нашего отряда къ Зеленому Древу прибылъ и расположился на позиціи Якутскій пѣхотный полкъ, второй дивизіи, командиръ которой свѣтлѣйшій князь Имеретинскій со своимъ штабомъ и остальными полками расположился пока у начала подъема перевала, но простоявъ нѣсколько дней направленъ былъ отсюда къ городу Ловчѣ, который онъ, совмѣстно съ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, вскорѣ такъ лихо и блестящимъ образомъ вторично взялъ съ

боя (первый разъ городъ Ловча занятъ былъ съ боя въ началѣ іюня отрядомъ подъ начальствомъ генерала А. П. Жеребкова, состоявшимъ изъ эскадрона лейбъ-казаковъ, двухъ сотенъ 23-го Донскаго казачьяго полка и взвода Донской батареи). Я-же въ ожиданіи прибытія изъ города Трнова вытребованныхъ уже оттуда остававшихся тамъ штаба и сотенъ нашего полка, остался и расположился въ селѣ Тополищѣ. На нашей отвѣтственности лежало охраненіе какъ всѣхъ дорогъ и сообщеній всей этой гористой мѣстности, такъ и предупрежденіе всякаго нечаяннаго нападенія, вслѣдствіе чего служба казаковъ (пикеты, секреты, и т. д.) днемъ и ночью была очень трудна, и намъ въ помощь придали роту Болгарскаго ополченія, смѣнявшуюся между собой черезъ каждыя сутки. Непріятель, какъ видно, желая насъ безпокоить нечаянными нападеніями и во что-бы то ни стало прорваться въ нашъ тылъ, 28 Августа попробовалъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія употребить тотъ-же маневръ, но только на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи на переходѣ Бердекенъ, гдѣ для охраненія этого очень важнаго для насъ перевала расположены были полторы сотни 30-го и одна сотня 23-го казачьяго полка *).

*) Здѣсь я упомяну, что казаки на Шипкѣ несли всю аванпостную службу кавалеріи, и охранявшіе всѣ проходы черезъ Балканы, на протяженіи всей Шипкинской позиціи, были слѣдующихъ частей: шесть сотенъ 23-го, двѣ сотни 21-го, двѣ сотни 26-го, двѣ сотни 30-го полковъ, Уральская сотня и сотня пластуновъ, а расположены были такъ: Ханкіойскій проходъ, составлявшій лѣвый флангъ всей Шипкинской позиціи, оберегался Елецкимъ полкомъ 9-й пѣхотной дивизіи и двумя сотнями 21 и 26-го полковъ. Правѣе его находящійся проходъ Хрестицы, лежащій на дорогѣ идущей отъ города Травно за Балканы, охранялся дружиной болгарскаго ополченія и сотней 23-го полка. Слѣдующій правѣе его, Бердекскій проходъ, охранялся двумя съ половиною сотнями казаковъ. Затѣмъ еще правѣе монастырь св. Николая, расположенный у подножья горы Николая съ лѣвой ея стороны, оберегался сотней 21-го полка, и три сотни 23-го полка находились въ селѣ Тополищѣ. Остальныя же сотни, въ видѣ подвижнаго резерва, расположены были у начала подъема Шипкинскаго перевала—съ цѣлью всегда быть готовыми быстро двинуться на помощь пункту, угрожаемому непріятелемъ. Конусообразная гора Бердека еще выше горы Николая, со стороны обращенной къ непріятелю,

Съ вечера 27-го Августа замѣчено было нашими пикетами движеніе у непріятеля, о чемъ донесено было сейчасъ-же въ штабъ 8-го корпуса, расположеннаго на шоссе около горы Николая и приняты были на всякій случай всѣ мѣры обороны. Командовалъ-же этимъ отрядомъ есаулъ Галдинъ, георгіевскій кавалеръ, въ полномъ смыслѣ лихой офицеръ, заявившій себя самымъ блестящимъ образомъ при взятіи съ бою этого-же самаго перевала у турокъ, во время перваго еще движенія генерала Гурко за Балканы.

На разсвѣтѣ показалась наступающая цѣпь, а за ней небольшія колонны турокъ; черкесы, джигитуя, шли впереди всѣхъ. Галдинъ, употребивъ остающееся время на окончательное приготовленіе, и сознавая всю важность защиты этого перевала, рѣшился держаться до послѣдней крайности. Первоначально занявъ нижніе ложементы, такъ какъ отрядъ былъ очень малъ для занятія обоихъ рядовъ, онъ въ то же время далъ знать о наступленіи какъ генералу Радецкому, такъ и на Хрестецъ, откуда черезъ полтора-два часа тоже могли подойти къ нему на помощь. Черезъ полчаса наши пикеты, тѣснимые непріятелемъ, должны были отойти назадъ, и непріятельская густая цѣпь, приближаясь, открыла частую, пока безъ отвѣта съ нашей стороны стрѣльбу, приносившую казакамъ, благодаря мѣстности и ложементамъ, мало вреда. Но это длилось недолго: черкесы стали смѣлѣе, цѣпь подошла уже довольно близко, минута настала, и по командѣ Галдина наши ложементы, покрывшись дымомъ, послали свой первый привѣтъ

была покрыта двойнымъ рядомъ ложементовъ, занятыхъ казаками, лошади которыхъ, для большей безопасности и удобства продовольствія и водопоя, расположены были въ колодезяхъ на половинѣ горы съ задней ея стороны, гдѣ находился и родникъ воды. Правая сторона горы, покрытая густымъ лѣсомъ, по которому шла дорога этого перевала, спускалась въ лощину и мысомъ входила уже въ непріятельскую позицію, занятую тремя таборами пѣхоты, четырьмя горными орудіями и черкесами. Лѣвая-же сторона, также покрытая кустами, все понижаясь, незамѣтно переходила въ холмистую возвышенность, тянувшуюся до самаго Хрестца.

врагу, сразу охладившій его пылъ. Непріятелю пришлось отступить въ лощину. Немного погодя, вѣроятно въ виду того, что трудно было овладѣть горой, наступая съ фронта по крутизнѣ и находясь подъ огнемъ нашихъ ложементовъ, они измѣнили свой планъ, и подѣлившись на двѣ части стали обходить съ двухъ сторонъ гору. Поднявшись по ней до одной линіи съ нашими ложементами, они опять открыли частый огонь, задѣвавшій уже нашихъ продольнымъ огнемъ, такъ что не желая безполезно терять людей, Галдинъ сталъ поочередно частями переводить казаковъ въ верхніе ложементы, вырытые почти на самой верхушкѣ горы, которая по своему узкому пространству давала всѣ шансы обороняющимся въ маломъ числѣ отражать въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Но за то и неудобство было то, что разъ турецкія орудія пристрѣлялись-бы вѣрно, то наша скученная на небольшомъ пространствѣ часть моглабы сильно потерпѣть. Однако думать объ этомъ долго и не пришлось; заиграли турецкіе рожки и двинулось все на штурмъ. Сигналъ подала первая граната, на этотъ разъ не долетѣвшая до нашихъ, которые пользуясь своимъ крѣпкимъ положеніемъ и хорошо разсчитанными мѣткими залпами, нѣсколько разъ останавливали и заставляли отступать наступающаго непріятеля. Тогда, чтобы разсѣять наше вниманіе, черкесы бросились въ лѣсъ, и минутъ черезъ двадцать показались у насъ сбоку; положеніе было скверное, потому что разъ они прорвались, захватили бы наши коновязи съ лошадьми, и тогда отступать некуда, да еще поставили-бы насъ между двухъ огней. Галдинъ все это сообразивъ живо, послалъ въ обходъ 25 казаковъ, то есть все, что съ трудомъ можно было отдѣлить отъ отряда. Черкесы-же, собравшись въ это время уже въ порядочную кучу, желая прорваться къ намъ, пустились карьеромъ въ атаку на нашъ правый ложементъ; но дерзость эта сейчасъже была наказана залпомъ на такомъ близкомъ разстояніи и хорошо направленнымъ, что они успѣвъ подхватить только нѣко-

торыя тѣла своихъ и бросить подстрѣленныхъ лошадей, ускакали обратно въ лѣсъ, и нѣсколько разъ еще порывались къ намъ, чтобы выручить оставшіяся тѣла своихъ, но и это имъ не удалось, приходилось платиться каждый разъ новыми жертвами.

Посланные въ обходъ 25 человѣкъ казаковъ при хорунжемъ Кареловѣ, быстро сдѣлавъ обходное движеніе, заняли опушку дороги, и своимъ новымъ положеніемъ могли все-таки защищать съ успѣхомъ доступъ къ нашему бивуаку, и въ то же время своимъ фланговымъ огнемъ два раза пріостанавливали движенія съ этой стороны непріятельской колонны. Часа съ два длилось такое положеніе, заряды у казаковъ почти истощились, солнце стало припекать, а тутъ еще послѣдняя граната перелетѣвъ надъ нашими ударилась по другую сторону горы, и разорвалась около самой коновязи; лошади шарахнулись и полетѣли во всѣ стороны, словомъ положеніе нашихъ, въ виду опять приготовлявшейся атаки непріятеля, все ухудшалось. Но въ это-же время замѣтили по дорогѣ скакавшихъ сюда на помощь казаковъ: это былъ подвижной резервъ, состоявшій изъ двухъ сотенъ 23-го и одной сотни 30-го полковъ, посланный сюда на выручку генераломъ Радецкимъ послѣ послѣдняго полученнаго имъ донесенія. Дѣло, понятно, сейчасъ-же измѣнилось: фронтъ позиціи, усиленный свѣжей сотней, открылъ частый огонь; остальныя же двѣ сотни бѣгомъ бросившись вправо, по опушкѣ лѣса, вышли на одну линію съ непріятельскою цѣпью, и приняли ее въ такой дружный перекрестный огонь, что цѣпь уже бѣгомъ стала спускаться обратно, наши-же немедленно спустились сверху и заняли опять нижніе ложементы, не прерывая своего мѣткаго огня.

Въ это время слѣва изъ-за горы показалась въ кустахъ цѣпь, но уже нашей, давно поджидаемой пѣхоты (дружина болгаръ), открывшая съ своей стороны тоже огонь по колоннѣ.

Турки никакъ не ожидая съ этой стороны намъ помощи, и боясь въ свою очередь быть отрѣзанными отъ своей позиціи,

всѣ бѣгомъ бросились назадъ, провожаемые съ трехъ сторонъ нашими залпами при громкихъ крикахъ «ура!» Такъ счастливо окончилась для насъ попытка турокъ прорваться и завладѣть этимъ переваломъ, которая потомъ уже ни разу не повторялась. Мы лишились трехъ казаковъ убитыми и семерыхъ ранеными и до двѣнадцати раненыхъ лошадей. Черкесы-же и низамы поплатились несравненно болѣе, но тѣлъ найденныхъ на мѣстѣ было немного, потому что они, какъ всегда, уносили ихъ съ собою. Переночевавъ и оставивъ здѣсь на всякій случай еще сотню казаковъ, резервъ возвратился на Шипку, дружина-же пошла къ себѣ на Хрестецъ, отстоявшій отъ Бердека по самымъ кратчайшимъ тропинкамъ верстъ на восемь-на девять.

Послѣ этихъ двухъ дѣлъ настало какъ-бы затишье, т. е. относительное, такъ какъ съ одиннадцатаго Августа по пятнадцатое сильнѣйшая канонада начиналась съ разсвѣта и продолжалась до двѣнадцати часовъ дня и затѣмъ съ четырехъ часовъ до вечера, и мы всѣ такъ привыкли къ такому началу дня, что даже странно казалось, когда утро проходило тихо, т. е. не считая постоянной рѣдкой сравнительно стрѣльбы, которая за все наше почти пятимѣсячное пребываніе на Шипкѣ, за исключеніемъ времени сильныхъ тумановъ, дождей, снѣга, метелей и т. д., не прерывалась.

5-го сентября съ утра начался тотъ страшный по количеству участвующихъ войскъ непріятеля и упорству турокъ штурмъ, такъ блистательно отбитый и съ такими выше всякихъ ожиданій блестящими для насъ, русскихъ, результатами; я кажется мало ошибусь сказавъ, что у насъ убыль простиралась отъ полуторы до двухъ тысячъ человѣкъ, а у турокъ полагаю убитыми было тысячъ десять-двѣнадцать, а съ ранеными почти вдвое. Такая громадная у нихъ потеря объясняется тѣмъ, что во первыхъ, какъ показали нѣкоторые плѣнные, они были разгорячены попойкой, такъ какъ наканунѣ, по случаю ихъ праздниковъ и можетъ быть для приданія храбрости,

ихъ хорошо угостили виномъ или спиртомъ; во вторыхъ, они густой массою и колоннами, въ разгоряченномъ видѣ не обращая на наши выстрѣлы никакого вниманія, подходили подъ самыя наши орудія (тѣла убитыхъ турокъ находили шагахъ въ тридцати-сорока отъ орудій), выкаченныя на этотъ случай съ своихъ батарей, и собранныя преимущественно на ту открытую покатость горы, по которой не шли а лѣзли съ шумомъ и крикомъ турки. Здѣсь въ началѣ боя героемъ палъ командиръ батареи флигель-адъютантъ князь Мещерскій, почти моментально убитый, лично командуя и направляя огонь своихъ орудій; эта преждевременная смерть до слезъ тронула нижнихъ чиновъ, вполнѣ цѣнившихъ въ командирѣ душевно-любившаго ихъ человѣка. Этимъ штурмомъ и закончились всѣ попытки Сулеймана-паши овладѣть Шипкой, хотя изъ этого и видно, что онъ несмотря на всѣ свои первыя неудачи, не терялъ всетаки своей надежды, за что и потерпѣлъ такое пораженіе, котораго ему вѣроятно и во снѣ не представлялось.

Вскорѣ за тѣмъ назначенъ былъ вмѣсто него командиромъ этой арміи Реуфъ-паша, какъ видно не такой упрямый человѣкъ, съ болѣе покойнымъ характеромъ, почему, въ виду столь всегда грустныхъ результатовъ и всѣхъ попытокъ къ овладѣнію Шипки—такихъ сильныхъ атакъ болѣе уже не повторялось.

До половины сентября, пока погода стояла хорошая и дождей было мало, намъ безъ палатокъ (у большинства пѣхоты онѣ были) жилось отлично, и хорошій, свѣжій горный воздухъ на насъ прекрасно дѣйствовалъ, почему больныхъ у насъ не было. Питались пока мы также хорошо: мяса доставлялось вволю, даже птица всякая, поросята, и т. д. Здѣсь замѣчу, что такъ какъ округъ Габровскій, вѣроятно вслѣдствіе расположенія своего въ трудной, гористой мѣстности, менѣе другихъ страдалъ отъ турокъ, которые въ этомъ округѣ совсѣмъ не жили, то понятно и жители здѣшніе, сравнительно съ другими

округами, были богаче, и запасовъ у поселянъ было достаточно, а многочисленныя стада, пасущіяся въ горахъ на отличныхъ пастбищахъ, говорили сами за себя; словомъ, пока было тепло и намъ было хорошо; даже изрѣдка насъ баловали: напримѣръ я помню, что мнѣ привозили верстъ за тринадцать-четырнадцать отличнѣйшую форель, на вкусъ даже лучше и нѣжнѣе гатчинской, которая ловилась на Балканахъ въ одномъ изъ ручьевъ.

Но все это, къ сожалѣнію, длилось недолго. Въ половинѣ сентября, вставши разъ рано утромъ, вышли мы дѣлать свою ежедневную прогулку по позиціи и увидѣли, что вершина горы Камаржи уже вся бѣлая, и легкій морозецъ и мѣстами иней, скоро растаявшій отъ солнца, были предвѣстниками осени, уже начавшейся здѣсь въ концѣ этого-же мѣсяца густыми туманами и холодными дождями.

Въ концѣ сентября на протяженіи всего подъема грязь сдѣлалась мѣстами настолько глубокой, что лошадямъ она доставала до самыхъ плечъ, а колесъ фургоновъ совсѣмъ не было видно, такъ что запрягали въ повозку по шести-восьми лошадей и двѣ-три пары быковъ, и т. п.; и если прибавить ко всему рѣзкій, сырой, холодный вѣтеръ, бьющій въ лицо снѣгъ или дождь, то это будетъ приблизительно вѣрное опредѣленіе всей обстановки, грустный видъ которой усиливали пожелтѣвшіе и частью уже безъ листьевъ лѣса, которыми всѣ Балканы покрыты почти сплошь. Въ этихъ лѣсахъ, преимущественно состоящихъ изъ дубоваго, ясеневаго, орѣховаго, карагача и другаго отличнаго строеваго сорта дерева, водилось таки очень порядочное количество медвѣдей, и разъ даже одинъ изъ нихъ надѣлалъ у насъ тревогу въ цѣпи, которая услыхавъ шорохъ шаговъ въ кустахъ и не получая никакого отвѣта на свои оклики, притомъ замѣтивъ какую-то двигающуюся фигуру, открыла огонь по бѣглецу, оказавшемуся мишкой бураго цвѣта, улепетывавшемъ во всѣ лопатки, не раз-

бирая ни кустовъ, ни полянокъ; на одной изъ нихъ онъ и свалился отъ мѣтко пущенной пули.

Въ это время полученъ былъ приказъ изъ главной квартиры, озаботиться постройкой для войскъ бараковъ гдѣ можно, землянокъ, и т. д., въ виду предстоящей нашей зимовки, почему я возвратившись изъ г. Студеня и засталъ повсемѣстную усиленную по всей позиціи работу при постройкѣ всякаго рода жилья, и какъ теперь помню довольно и красивыя и удобныя казармы, построенныя для себя 5-мъ саперным баталіономъ. Нашъ-же подвижной резервъ (всѣ на лицо находящіяся сотни), расположенный прежде у самаго начала подъема, отодвинутъ теперь былъ на версту назадъ, вслѣдствіе того, что тамъ долетѣли до насъ двѣ непріятельскихъ гранаты, по счастью, кромѣ испуга сорвавшихся съ коновязи лошадей, не причинившихъ другаго вреда; здѣсь мы для избѣжанія грязи расположились по скату горы, что тоже было очень и очень неудобно, такъ какъ вслѣдствіе дождей сдѣлалось до того скользко и неудобно ходить, что даже лошади при сводѣ ихъ къ ручью на водопой, не только *падали но и калѣчились.* За неимѣніемъ по близости готоваго деревяннаго матеріала для постройки бараковъ, а также времени и средствъ для приготовленія его, мы занялись постройкой землянокъ, что требовало очень мало времени и искусства. Каждая землянка, смотря по количеству людей, для которыхъ она предполагалась, вырывалась аршина на полтора-на два вглубь (больше-же углубляться нельзя было, вслѣдствіе повсемѣстнаго здѣсь большаго количества родниковъ); въ одномъ изъ угловъ вырѣзывалось горизонтальное четырехъугольное углубленіе, замѣняющее печь, съ отверстіемъ на верху для дыма, и сверху все это накрывалось подъ угломъ сперва сучьями, сѣномъ, и затѣмъ заваливалось довольно толстымъ слоемъ земли. Это общій видъ. Но наши офицерскія были сдѣланы щеголеватѣе: печи были сложены изъ кирпича, и на верху въ уровень съ землей вставлялись маленькія рамы съ однимъ

стекломъ, придѣлывались двери, но труба также просто устраивалась, какъ и у другихъ; вообще-же всѣ землянки окапывались маленькими ровиками для стока воды, и трубы всѣ тотчасъ-же послѣ топки печей сверху накрывались досками или двумя-тремя кирпичами, чтобы тепло не выходило очень быстро изъ этого импровизированнаго жилья. Но такое помѣщеніе дѣйствительно было ужасно во всѣхъ отношеніяхъ: во первыхъ, все время печь постоянно топилась; но отъ вѣтра, забиваемый обратно дымъ, наполняя собой всю землянку, невольно выгонялъ обитателей ея наружу, ужь не говоря, что эти частыя явленія вредно дѣйствовали на глаза, которые отъ этого ѣдкаго дыма рѣзало и помимо всякаго желанія заставляло плакать. Во вторыхъ, кромѣ оттепелей, снѣгъ покрывавшій крыши, тая отъ внутренней теплоты землянокъ, въ видѣ дробнаго дождичка смачивалъ живущихъ: я не говорю уже о постоянной почти капели, на которую никто не обращалъ вниманія, ни о томъ, что стѣны всегда были настолько мокры и влажны, что пальцемъ можно было дѣлать дыры гдѣ угодно. Въ третьихъ, стоялъ всегда влажный, теплый спертый воздухъ, напоминающій плохія оранжереи, такъ что понятно каждый предпочиталъ лучше по возможности дольше пробыть на морозѣ, чѣмъ въ такомъ помѣщеніи, куда только ночь поневолѣ загоняла для ночлега. Въ нашихъ жилищахъ мы сидѣли всегда почти въ кожаныхъ пальто, а у кого ихъ не было, то въ обыкновенныхъ пальто сверхъ платья, въ фуражкахъ, съ башлыками, предохранявшими хорошо голову отъ домашняго дождя, а очень многіе и съ шарфами на шеѣ: со стороны вѣроятно это казалось-бы очень если и не смѣшно, то оригинально. Полушубки на полкъ и фуфайки, и то только благодаря всегдашнему вниманію и заботливости генерала Радецкаго, получили мы въ первыхъ числахъ ноября; высланныя-же намъ теплыя вещи, пожертвованныя однимъ женскимъ монастыремъ, мы получили только въ концѣ апрѣля мѣсяца слѣ-

дующаго 1878 года; вѣроятно эти вещи находились все это время гдѣ-либо въ отпуску. Никогда и никто изъ насъ не забудетъ высокаго, дорогаго къ намъ вниманія Государыни Императрицы, приславшей намъ въ самое во-время не только теплое платье, но при томъ положеніи, въ которомъ мы находились, даже предметы роскоши, какъ-то: вино отличное, теплыя одѣяла, пледы, шарфы, чай, сахаръ, сигаръ, папиросъ, а нижнимъ чинамъ фуфайки, теплые чулки, перчатки, платки, трубки, и т. д., и я самъ былъ свидѣтелемъ, лично раздавая эти вещи казакамъ, какъ они старались даже въ ущербъ себѣ все что можно было—спрятать, чтобы довезти домой на Донъ и хранить на память эти вещи, пожалованныя Матушкой-Царицей. Лошади наши, стоя въ коновязяхъ подъ открытымъ небомъ, также испытывали на себѣ всѣ неудобства осенней и зимней погоды, но для нихъ ничего нельзя было придумать, и не разъ мы удивлялись ихъ качествамъ и выносливости, и цѣнили этихъ вполнѣ достойныхъ представителей степей Дона. Кормъ для нихъ доставлялся такимъ образомъ: въ Габрово отъ каждой сотни, гдѣ-бы онѣ ни были расположены, посылались всѣ вьючныя лошади, и привозилось сразу на нѣсколько дней изъ имѣвшихся тамъ складовъ зерно, преимущественно ячмень; за сѣномъ-же наряжались по очереди команды съ офицеромъ, отправляющіяся въ горы или въ долину, верстъ сначала было за пятнадцать - двадцать, а впослѣдствіи и за тридцать-сорокъ, откуда купленное у жителей привозилось другой разъ на двое и на трое сутокъ, смотря по погодѣ, и складывалось въ общіе стоги, которые потомъ поровну дѣлились и раздавались на части. Морозы уже съ конца октября по ночамъ доходили до двадцати градусовъ, что при постоянномъ почти вѣтрѣ еще болѣе давало себя чувствовать. Ѣсть намъ приходилось тоже плохо; частямъ, расположеннымъ по шоссе перевала, еще кое-какъ можно было и въ самую дурную погоду пользоваться подвозкой

съѣстныхъ припасовъ изъ Габрова; но въ другихъ пунктахъ, особливо на Хрестцѣ и Бердекѣ, во время метелей нельзя было окончательно спускаться съ горъ въ селенья за припасами, рискуя не только сломать себѣ голову, но и замерзнуть, по тропинкамъ, занесеннымъ снѣгомъ, которыя и такъ не всегда легко было распознавать. Такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ и погода все ухудшалась, то и доставка всего дѣлалась труднѣе. Оттого нерѣдко по нѣскольку дней сряду, жалѣя людей и лошадей, приходилось довольствоваться одними сухарями, чаемъ, да каждый разъ подогрѣваемымъ ранѣе вареннымъ супомъ изъ буйволоваго мяса.

Наконецъ за долгое терпѣніе мы были двадцать девятаго ноября до невозможности обрадованы паденіемъ Плевны. Вѣсть эта быстрѣе молніи разнеслась по всей позиціи и повсюду принимаема была съ громкимъ неумолкаемымъ «ура», пѣснями, музыкой, и т. д., потому что всѣ видѣли въ этомъ конецъ нашего заключенія на Шипкѣ, конецъ нашему сравнительно пассивному, только оборонительному положенію, и начало нашимъ активнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ уже давно все и всѣ рвались впередъ. Всѣ поѣхали съ поздравленіями къ генералу Радецкому, и нѣсколько дней только и слышно было у всѣхъ на языкѣ: «Плевна взята; теперь возьмемъ Шипку и перейдемъ Балканы, и пойдемъ туда, гдѣ навѣрное и тепло, и хорошо, и привольно». Дѣйствительно, слухи все усиливались, разростались, и въ разговорахъ упоминалось о составленныхъ уже планахъ для перехода Балкановъ и взятія Шипки, и т. д., хотя знали всѣ, что еслибы и было это составлено, то это еще составляло большой секретъ, и потому врядъ-ли кому даже и сообщено было; но такъ какъ всѣ эти предположенія согласовались съ общимъ желаніемъ и настроеніемъ, то большинство и вѣрило этимъ подъ секретомъ передаваемымъ новостямъ. Общество все было такъ наэлектризовано, что ожиданіе разрѣшенія и разъясненія этого вопроса сдѣлалось не только томи-

тельно, но и болѣзненно. Съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилось за всѣми малѣйшими извѣстіями о всѣхъ передвиженіяхъ войскъ изъ-подъ Плевны, такъ какъ по направленію ихъ движеній, и усиливаемымъ пунктамъ хотя-бы приблизительно можно было судить о началѣ нашего обще-наступательнаго движенія.

И вотъ въ одно утро узнаемъ мы, что 16-я дивизія генерала Скобелева и 3-я стрѣлковая бригада направлены и уже идутъ къ намъ въ Габрово; послѣ этого сомнѣнія болѣе не оставалось; значитъ, слава Богу, очередь была за нами, уже давно томившимися размять руки и ноги въ передѣлкахъ съ непріятелемъ. На Шипкѣ все заликовало. Дѣятельность къ приготовленію закипѣла повсюду.

Еще ранѣе командирамъ частей велѣно было озаботиться заготовкой вьючнаго обоза, почему вьючныя сѣдла возрасли до баснословной цѣны (по золотому и болѣе деревянное сѣдло), на всѣ части стали отпускать консервы, и т. д., и вообще на улицахъ Габрова ежедневное оживленіе превосходило всякое празднованіе какого-нибудь торжества, и всѣ и все къ чему-то готовилось... Скоро пришли квартирьеры, а къ 19-му и самъ генералъ Скобелевъ со своимъ отрядомъ прибылъ въ Габрово. Къ этому-же времени прибылъ сюда и начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, князь Святополкъ-Мирскій, и всѣ эти дни шли у генерала Радецкаго военные совѣты, результатомъ которыхъ были отданныя всѣмъ командирамъ приказанія о днѣ выступленія и распредѣленія частей по отрядамъ.

Всѣ прибывшія и прибывающія войска входили въ составъ корпуса генерала Радецкаго, который черезъ это усилился до весьма почтенной цифры, и состоялъ тогда изъ слѣдующихъ частей: 9-й, 14-й, 16-й и 30-й пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріей, 3-й и 4-й стрѣлковыхъ бригадъ, шести дружинъ Болгарскаго ополченія, 4-го и 5-го саперныхъ батальоновъ, 23-го и 9-го казачьихъ полковъ, четырехъ сотенъ 21-го и

26-го казачьихъ полковъ, одной Уральской, одной Пластунской сотни и 1-й кавалерійской дивизіи.

По плану, составленному генераломъ Радецкимъ для перехода Балканъ и взятія Шипки, весь корпусъ дѣлился на три отряда: лѣвый, средній и правый; изъ нихъ лѣвый и правый, перейдя Балканы, должны были, спустившись въ Тунджинскую долину, одновременно съ среднимъ, съ горы Николая, атаковать Шипку съ трехъ сторонъ. Лѣвый отрядъ, ввѣренный начальству генералъ-адъютанта князя Мирскаго, по численности своей самый большой, состоялъ изъ трехъ полковъ 9-й и четырехъ полковъ 30-й пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріей, 4-й стрѣлковой бригады, 5-го sапернаго баталіона, одной дружины Болгарскаго ополченія и нашего 23-го Донскаго казачьяго полка. Правый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го, состоялъ изъ 16-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріею, 3-й стрѣлковой бригады, пяти дружинъ Болгарскаго ополченіи, 4-го сапернаго баталіона, 9-го Донскаго казачьяго полка, Уральской и Пластунской сотенъ и 1-й кавалерійской дивизіи. Средняя-же колонна, подъ личнымъ начальствомъ командира корпуса, состояла изъ 14-й пѣхотной дивизіи, одного полка 9-й пѣхотной дивизіи, двухъ сотенъ 21-го и 26-го казачьихъ полковъ и артиллеріи, прежде еще расположенной на позиціи.

Лѣвой колоннѣ князя Мирскаго, какъ предстоявшей пройти въ три раза если не болѣе разстоянія, чѣмъ правой колоннѣ, назначено было выступить изъ города Травны тремя днями ранѣе, почему я со штабомъ № 23 казачьяго полка и тремя сотнями, находившимися на Шипкѣ (двѣ-же сотни находились на Бердекѣ, а одна на Хрестцѣ, и должны были присоединиться къ полку уже на походѣ), выступили 23 Декабря, утромъ, въ городъ Травну, гдѣ находился уже князь Мирскій, и куда собирались всѣ части, входившія въ составъ его отряда. Вышли мы совсѣмъ налегкѣ, имѣя на вьюкахъ только шести-дневный

сухарный и фуражный (ячмень) запасъ. День былъ сѣренькій, мороза не было, и если-бы не дорога, все время пролегавшая, будто на зло, то по кручамъ, то по ручью со льдомъ, который безпрестанно ломался подъ тяжестью лошадей, было бы совсѣмъ хорошо, а главное на душѣ у всѣхъ стало легко и весело, какъ будто насъ всѣхъ выпустили изъ плѣна на волю. Къ вечеру дошли мы до города, правѣе котораго въ одной изъ деревушекъ мы и расположились на ночлегъ. Въ этотъ-же вечеръ мы приглашены были къ начальнику нашего отряда для разъясненія всѣхъ вопросовъ и полученія послѣднихъ инструкцій, такъ какъ завтра съ разсвѣтомъ всѣ части уже выступали въ походъ; здѣсь-же мы узнали, что такъ какъ дорога наша, идущая отъ Травны на перевалъ только до Хрестца (верстъ 10—12), кое-какъ еще разработана, а далѣе верстъ на 30—35 имѣетъ видъ только тропы, съ глубокимъ по обѣимъ сторонамъ ея снѣгомъ, то для работъ уже собрано было здѣсь до двухъ тысячъ болгаръ съ лопатами, которые должны были подъ руководствомъ саперъ уширить дорогу, чтобы сдѣлать ее доступною для прохода пѣхоты и провозки орудій.

Отрядъ долженъ былъ двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва авангардъ, состоявшій изъ всей 4-й стрѣлковой бригады, трехъ сотенъ 23-го казачьяго полка и батареи горной артиллеріи подъ общимъ начальствомъ начальника стрѣлковой бригады полковника Крока; затѣмъ слѣдуютъ главныя силы— три полка 9-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей и двѣ сотни 23-го казачьяго полка, а затѣмъ должна была слѣдовать только что подходившая 30-я дивизія съ послѣдней шестою сотней казаковъ.

Изъ докладовъ командировъ батарей видно было, что заготовлена ими масса саней или просто полозьевъ и веревокъ для нагрузки и возки орудій, такъ какъ другаго способа не представлялось для движенія артиллеріи, и кромѣ этого тутъ-же назначено было, отъ какихъ частей пѣхоты и посколько именно

отдѣлить солдатъ въ помощь на каждое орудіе, имѣя въ виду, что перетащить ихъ черезъ перевалъ, въ это время года и по этимъ тропамъ, было дѣломъ очень и очень труднымъ.

Такъ какъ нашъ казачій полкъ, представлявшій собою всю кавалерію нашего отряда, былъ разбитъ на три части, то я получилъ разрѣшеніе находиться въ авангардѣ съ своими тремя головными сотнями, вслѣдствіе чего, пріѣхавъ поздно вечеромъ изъ города въ расположеніе полка, я сейчасъ же отдалъ приказаніе, чтобы къ тремъ съ половиною часамъ утра двѣ сотни были готовы къ выступленію. Этотъ часъ былъ назначенъ потому, что въ семь часовъ утра авангардъ уже въ полномъ своемъ составѣ долженъ былъ выступить съ Хрестца далѣе на Сельцы. Стрѣлковая бригада съ вечера еще была тамъ уже собрана, и мнѣ надо было, дойдя до Хрестца (верстъ 8—10) и присоединивъ третью уже находившуюся тамъ ранѣе свою сотню, дать хоть часъ обогрѣться людямъ и вздохнуть лошадямъ, такъ какъ дорога отъ самой Травны идетъ все въ гору и покрыта разбитымъ въ комки снѣгомъ. Въ эту-же ночь присоединились къ полку расположенныя въ девяти верстахъ на Бердяшѣ остальныя двѣ сотни, оставивъ тамъ для наблюденія за непріятелемъ одну сотню 26-го полка; кромѣ того сдѣланы были распоряженія объ оставленіи на всѣхъ пунктахъ нашего пути живаго телеграфа, т. е. казачьихъ постовъ, для передачи черезъ нихъ всѣхъ донесеній генералу Радецкому на Шипку.

24-го декабря, въ шесть часовъ утра, когда еще было темно, я уже прибылъ на Хрестецъ и сейчасъ-же явился къ полковнику Кроку, а ровно черезъ часъ съ Богомъ выступили далѣе.

Утро было ясное, морозное, и холодъ ощущался еще сильнѣе, потому что отойдя версты четыре мы догнали болгаръ-рабочихъ (2 тысячи человѣкъ) и саперовъ, раскапывавшихъ дорогу, и поневолѣ должны были безпрестанно останавливаться и тихо за ними шагъ за шагомъ подаваться впередъ, соображаясь

со скоростью ихъ работы. Такъ какъ времени въ бездѣйствіи пропадало много, и я зналъ, что казаки вездѣ проберутся, то и получилъ разрѣшеніе съ сотнями идти впередъ и, дойдя до деревни Сельцы (верстъ 15—18), занять ее, принять всѣ должныя мѣры предосторожности, и дожидаться тамъ прибытія остальныхъ частей.

Почти отъ самой Травны дорога идетъ все густымъ лѣсомъ, особливо же, начиная отъ Хрестца до Сельцы на 15—18 верстномъ протяженіи, приходилось пройдти пять переваловъ, хотя и не особенно крутыхъ, но по этой тропѣ очень трудныхъ, такъ какъ лошадь по шею вязла въ снѣгу; шли мы гуськомъ, одинъ за однимъ, и змѣйкой растянулись почти на версту. Отойдя верстъ восемь, мы къ тремъ часамъ дня взобрались на послѣднюю высоту, гдѣ лѣсъ прекращался; здѣсь въ лощинѣ показалась, верстахъ въ полутора впереди, сожженная черкесами д. Сельцы; спускъ къ ней былъ очень крутъ, но въ полчаса, страшно скользя, падая, держа лошадей въ поводу, спустились мы наконецъ и заняли деревню. Жителей не оказалось ни одного; нашли между грудой развалинъ два кое-какъ уцѣлѣвшихъ полуобгорѣлыхъ домика.

Сейчасъ же я послалъ, во-первыхъ, донесеніе о занятіи деревни, въ которой не только непріятеля, но и жителей не оказалось; во-вторыхъ, сильные разъѣзды влѣво по ущелью, ведущему къ Магличу занятому турками, и прямо черезъ гору по дорогѣ къ с. Гузово, лежащему на нашемъ пути у подножья послѣдняго Гузовскаго перевала, и занятому, по слухамъ, башибузуками; въ-третьихъ, сейчасъ же на всѣхъ высотахъ выставлены были конные пикеты, и въ-четвертыхъ, отъ каждой сотни послано было за сѣномъ, въ большомъ количествѣ недалеко сложеннымъ стогами по скату горъ. Сами же мы расположились бивуакомъ тутъ же, на берегу ручья и занялись варкой пищи. Вскорѣ стали подходить и стрѣлковые батальоны этой лихой въ полномъ смыслѣ боевой 4-й стрѣлковой бригады.

Полковникъ Крокъ, пріѣхавъ и одобривъ всѣ сдѣланныя мною распоряженія, въ ожиданіи пріѣзда начальника отряда поѣхалъ со мной и полковникомъ Рабеномъ (начальникомъ штаба 9-й пѣхотной дивизіи, въ то же время и нашего отряда) осмотрѣть нашу позицію. Къ вечеру пріѣхалъ со всѣмъ своимъ штабомъ князь Мирскій. Занялъ онъ одинъ изъ домиковъ, гдѣ мы всѣ собравшись за приказаніями на слѣдующій день, узнали, что на нашу артиллерію намъ разсчитывать нечего, такъ какъ дорога для нея немыслима, и она только задерживала бы отрядъ, вслѣдствіе чего и послано уже было приказаніе объ остановкѣ ея.

Поздно вечеромъ этого дня подошли къ селенью и расположились бивуакомъ сзади на горѣ три полка 9-й пѣхотной дивизіи, молодцами пройдя эту гористую трудную дорогу, по колѣно мѣся разбитый снѣгъ, обратившійся какъ бы въ песокъ; 30-я же дивизія вся должна была подтянуться только къ Хрестцу, а на слѣдующій день придти на нашъ сегоднишній бивуакъ, откуда 26 числа, рано утромъ, одна бригада этой дивизіи должна была двинуться по ущелью на лѣво къ Магличу, атаковать и взять его во что бы то ни стало, для обезпеченія тыла и фланга всего отряда, а другой, немедля, слѣдовать за ними.

На слѣдующій день, 25 Декабря, мы всѣ въ томъ же порядкѣ двинулись съ разсвѣтомъ прямо на Гузовскій перевалъ— послѣдній для насъ и очень крутой при спускѣ своемъ въ долину. Къ двѣнадцати часамъ дня подошли мы къ нему, и къ нашей радости въ бинокль съ него какъ на ладони видны были почти вся Тунджинская долина (Долина розъ), Малые-Балканы, Казанлыкъ и южный склонъ, гордо возвышавшійся надъ всѣмъ хребтомъ горы Николая, съ которой довольно отчетливо доносилась и до насъ пушечная стрѣльба. Здѣсь авангардъ остановился, а саперы и болгары неутомимо продолжали раскапывать дорогу къ д. Горное-Гузово верстахъ въ 4—5, гдѣ

оканчивается уже спускъ и начиналась самая долина. Вскорѣ подъѣхалъ князь Мирскій, осмотрѣвшій всю позицію, и стала подходить пѣхота, располагаясь бивуакомъ по обѣимъ сторонамъ дороги по скатамъ крутыхъ горъ, на вершинахъ которыхъ стояли уже казачьи пикеты; разъѣзды же, съ момента прибытія нашего, посланы были по всѣмъ тропинкамъ вправо, влѣво, и внизъ по дорогѣ къ д. Горное-Гузово.

Огни въ видахъ осторожности разрѣшено было разводить только въ оврагѣ идущаго вдоль всей дороги подъема, да и то всѣ боялись, чтобы не замѣтили отблеска свѣта костровъ, которыхъ по числу войска было не мало. Холодъ былъ невыносимый, морозъ доходилъ до 20 градусовъ, а такъ какъ мы стояли еще на самой вершинѣ этого перевала, имѣвшей здѣсь видъ площадки, то вѣтеръ пронизывалъ насъ просто до костей, и завывая при этомъ по ущельямъ непріятно дѣйствовалъ намъ на нервы. Здѣсь уже ничего достать нельзя было, ни сѣна, ни дровъ, потому что по близости были одни небольшіе кусты, ни даже воды, за которой для пищи ѣздили назадъ версты за три къ роднику; и ночь эту мы дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, спали на снѣгу, подостлавъ подъ себя у кого было попонку, а подъ голову сѣдло; и вотъ такимъ образомъ мы встрѣчали праздники Рождества Христова.

Но, слава Богу, насталъ конецъ этой ночи, стало разъясняться, и чуть забрезжилъ свѣтъ, какъ все уже было на ногахъ и спѣшило согрѣться теплымъ питьемъ и подкрѣпиться пищей. Рано утромъ тронулись мы и стали спускаться внизъ. Я лично получилъ приказаніе идти впередъ съ двумя сотнями, и атаковать и взять деревню Горное-Гузово, завѣдомо занятое баши-бузуками. Проѣхавъ рысью версты три уже по разработанному съ грѣхомъ пополамъ, на скорую руку, спуску, я обогналъ рабочихъ и втянулся въ ущелье, сплошь по бокамъ покрытое лѣсомъ. Положеніе было непріятное: ежеминутно можно было ожидать встрѣчи, засады, а приходилось идти не иначе какъ шагомъ,

гуськомъ, по узенькой тропинкѣ, и по случаю большаго, глубокаго снѣга свернуть было некуда. Пройдя еще съ версту, повернули налѣво, попались на встрѣчу намъ пара быковъ и пастухъ или погонщикъ, который при видѣ насъ, вскрикнувъ что-то, бросился назадъ и пропалъ въ кустахъ. Шаговъ черезъ триста ущелье, сразу расширяясь, прямо выводило внизъ въ огородъ села. Только что я успѣлъ остановить и скомандовать: «слѣзай», какъ на насъ посыпался изъ-за заборовъ просто градъ пуль, которыя, благодаря малому разстоянію, всѣ почти перелетѣли надъ нами, зацѣпивъ нѣсколько лошадей. Зѣвать было некогда: обѣ сотни, мигомъ спѣшившись, легли на снѣгу, и одна изъ нихъ, по моему приказанію, сейчасъ-же бѣгомъ бросилась вправо, чтобы спустившись или скатившись съ обрыва, броситься на село съ правой стороны; оставшаяся-же сотня подъ моимъ личнымъ начальствомъ должна была съ фронта идти на проломъ, а пока и мы открыли стрѣльбу. Коноводы-же имѣя по восьми-девяти лошадей у каждаго, и оставивъ тутъ-же четырехъ раненыхъ лошадей, хотя съ трудомъ, но живо проскользнули въ кусты и лѣсъ. Минутъ черезъ шесть-семь послышалось справа два сигнальныхъ выстрѣла, означавшихъ что сотня сдѣлавъ обходъ готова къ дѣйствію; я подалъ имъ свой сигналъ, и давъ одновременный залпъ, мы сразу поднялись на ноги, и съ крикомъ ура бросились къ заборамъ, перескочили, ударили въ шашки, и смяли тутъ-же съ мѣста человѣкъ двадцать баши-бузуковъ; остальные-же, видя такой быстрый напоръ, подъ впечатлѣніемъ нашего залпа, положившаго тутъ девять человѣкъ. и слыша уже и съ лѣвой стороны громкое ура, безъ всякой попытки къ сопротивленію, все-таки отстрѣливаясь на бѣгу, бросились всѣ назадъ въ село. Казаки шли по пятамъ и бойко гнали ихъ черезъ всѣ улицы изъ села, и тутъ уже опять ихъ берданки, какъ по дичи, стали мѣтко бить непріятеля, въ разсыпную бросившагося въ лѣсъ. Выбѣжавъ изъ села, замѣтили мы толпу конныхъ, которые поскакали въ разсыпную

направо, должно быть въ Казанлыкъ, для сообщенія своимъ о нашемъ наступленіи. Пока казаки преслѣдовали, я послалъ донесеніе начальнику авангарда, подозвалъ коноводовъ и сталъ осматривать съ фельдшеромъ своихъ четырехъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ тяжело, и скоро умеръ.

Горное-Гузово большое богатое село, которое по своему мѣстному расположенію могло имѣть большое значеніе въ рукахъ непріятеля: стоило ему немного усилить его передовыя укрѣпленія, и онъ могъ-бы съ небольшою частью сдѣлать его для насъ просто недоступнымъ. Но благодаря безпечности турокъ, а главное трудностямъ перехода безъ дорогъ всего этого перевала, отъ самаго Хрестца заваленнаго глубокимъ снѣгомъ, перехода, который они считали недоступнымъ, мѣръ ими никакихъ не было принято, не считая оставленной здѣсь на всякій случай сотни-другой баши-бузуковъ. Мы вполнѣ воспользовались ихъ оплошностью. Бѣгство жителей было настолько поспѣшно, благодаря нашему неожиданному для нихъ появленію, что они не успѣли ни зажечь деревни, какъ это они всегда дѣлали при появленіи русскихъ, ни даже угнать ни одной овечки, оставивъ въ наше распоряженіе большіе запасы хлѣба, всякаго рода фуража и большое количество скота, что было для нашего отряда весьма и полезно и пріятно. Найденныя здѣсь тѣла, кажется двадцать три, были немедленно зарыты. Оставивъ здѣсь пятнадцать казаковъ и посадивъ остальныхъ на коней, я выѣхалъ изъ села въ долину, съ цѣлью выбрать и занять, какъ мнѣ это было приказано, позицію для сзади идущаго отряда. Сейчасъ-же послано было два разъѣзда по дорогамъ, идущимъ влѣво подъ горой къ Магличу, гдѣ, слышно было, стояло шесть таборовъ съ артиллеріей, и выставлено было три пикета въ обѣ стороны на холмикахъ для наблюденія за долиной. Впереди насъ съ версту возвышался длинный курганъ, за которымъ изъ деревни не было видно что дѣлалось въ долинѣ; поэтому ѣдучи съ сотней и выби-

*

рая позицію, я спокойно поднялся на вершину кургана, и вдругъ увидѣлъ впереди себя не особенно далеко непріятельскую кавалерію, на глазъ примѣрно не менѣе двухъ полковъ, которая, судя по стройности ея движеній, была регулярная, причемъ вся эта масса рысью приближалась къ нашему кургану, который отдѣлялся отъ нихъ рѣчкой, саженяхъ въ пятистахъ отъ насъ. Я сейчасъ-же конечно отправилъ донесеніе, и просилъ скорѣй прислать мнѣ помощь, такъ какъ я рѣшился во что-бы то ни стало отстоять дер. Горное-Гузово, другими словами—единственный путь нашего отряда, и задерживать непріятеля, который не доходя версты полторы остановился, выславъ два эскадрона влѣво, два эскадрона вправо, для обхода моихъ фланговъ, и густую цѣпь наѣздниковъ впередъ для завязки дѣла. Положеніе и силы наши были довольно неравны. Съ возвратившимся пикетомъ у меня набиралось до полутораста человѣкъ. Мѣстность была открытая, вполнѣ благопріятная дѣйствіямъ кавалеріи, отступать было поздно, да въ мои разсчеты и не входило, слѣдовательно единственная возможность задержать ихъ было огнемъ, на что я, въ ожиданіи помощи, сейчасъ-же и рѣшился. Спѣшивъ почти всѣхъ и положивъ ихъ, для представленія меньшей цѣли, на снѣгу, по гребню всего холма, цѣпью, шаговъ на пятьсотъ въ длину, я коноводовъ отправилъ назадъ къ селу. Правда, дѣло было рискованное; но я рѣшился на все, выбора другаго не представлялось, а свои Богъ дастъ выручатъ. Только что казаки залегли, какъ непріятельская цѣпь открыла по насъ огонь, да такой частый, что отъ кавалеріи мы никогда и ожидать не могли; но у нихъ были магазинки, дающія по восемнадцати, шестнадцати и четырнадцати выстрѣловъ кряду, безъ промежутковъ, и наше счастье было, что эта скорая, безпрерывная стрѣльба велась, должно полагать, безъ прицѣливанья, потому что все было или недолетъ или перелетъ. Казаки-же безъ моей команды не смѣли стрѣлять, и у насъ пока все молчало. Въ стоящій около

меня значекъ мой попало очень скоро въ развѣвающееся его полотно шесть пуль, а людей слава Богу еще не трогало.

Наконецъ турки сдѣлались посмѣлѣе и шагомъ стали подаваться все ближе и ближе; тутъ уже не теряя времени я скомандовалъ: «пли», и отъ нашего залпа живо цѣпь отбросилась шаговъ на двѣсти назадъ, и остановилась, оставивъ таки порядочно лошадей и людей на мѣстѣ; но это положеніе длилось недолго. Слѣва прискакалъ казакъ, котораго буквально провожали выстрѣлами, и доложилъ, что два эскадрона уже спустились въ балочку, и вотъ-вотъ могутъ заскакать намъ въ тылъ. Положеніе наше становилось довольно сквернымъ: могли отрѣзать насъ отъ деревни, къ которой я и ранѣе не отступалъ только потому, что по близости непріятеля боялся этимъ движеніемъ вызвать быстрое преслѣдованіе всей кавалеріи и на своихъ хвостахъ ввести ихъ въ село,— именно то, что я избѣгалъ, для чего и рѣшился на эту крайнюю мѣру оставаясь здѣсь хоть насколько силъ хватитъ задерживать непріятеля, тѣмъ болѣе что я и самъ ежеминутно ожидалъ подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого извѣстія пришлось флангъ цѣпи загнуть угломъ налѣво, чтобы первое появленіе врага на бугрѣ было встрѣчено залпами, какъ въ эту-же минуту обернувшись увидалъ, что по дорогѣ изъ села карьеромъ несется посланная мнѣ на помощь еще одна сотня. Я послалъ остановить ее не доѣзжая нашего лѣваго фланга, и велѣлъ ей стать позади его, съ тѣмъ чтобы оставаясь въ конномъ строѣ она могла-бы ударить во флангъ обоимъ эскадронамъ, еслибы они, неостановленные нашими залпами, пошли бы все таки на насъ въ атаку. Въ это время, впереди и правѣе насъ, изъ замѣченной нами деревни (Дольнее-Гузово) раздались выстрѣлы, и не зная еще кѣмъ она занята, мы могли ожидать что попали между двухъ огней, что отчасти подтверждалось и тѣмъ, что цѣпь непріятельская стала смѣло подаваться впередъ, а за ней сомкнутымъ строемъ четыре эскадрона явно готовились къ атакѣ, разсчитывая вѣроятно своимъ числомъ

задавивши насъ прорваться къ селу, что имъ при ихъ средствахъ пожалуй легко было и исполнить. Стрѣльба опять зачастила, какъ съ нашей, такъ и съ ихъ стороны, но они, несмотря на грустную для нихъ дѣйствительность нашихъ выстрѣловъ, шли смѣло, и вотъ послышались ихъ сигнальные рожки. Слѣва-же на бугрѣ, разстроенный немного нашимъ залпомъ, только что показавшійся эскадронъ, давалъ мѣсто другому эскадрону, и какъ видно они желали одновременно фронтомъ своимъ атаковать насъ съ двухъ сторонъ. Положеніе наше и безъ того не важное дѣлалось еще хуже, чтобы не сказать болѣе, и къ добавленію всего вдругъ слышимъ надъ головами нашими прошипѣла граната, сейчасъ-же другая; невольно каждый изъ насъ подумалъ, вотъ когда ложись да умирай, и готовились только подороже продать себя. Но странно, оглядываемся назадъ—разрыва не видно, а впереди насъ какъ разъ два взрыва, и оба угодили прямо въ турецкія колонны, лошади такъ и шарахнулись въ сторону; эскадроны повернули назадъ, карьеромъ понеслись обратно, а за ними и все остальное. Тутъ мы сразу все поняли: это была какъ разъ во время поданная намъ дѣйствительно блестящая помощь нашей горной артиллеріи, выстрѣловъ которой мы за частой ружейной стрѣльбой хорошо не разслышали.

И дѣйствительно, потомъ оказалось, что начальникъ авангарда, полковникъ Крокъ, съ полгоры увидѣвъ наше критическое положеніе, живо двинулъ съ помощью стрѣлковъ два горныхъ орудія, которыя ставъ на выбранную для нихъ командиромъ этой батареи, полковникомъ Гладковымъ, позицію, этими двумя и потомъ еще тремя, въ высшей степени удачно направленными гранатами, навели панику на непріятеля, не подозрѣвавшаго присутствія нашего отряда, да еще всѣхъ родовъ оружія. Какъ разсказывали нѣкоторые раненые изъ турокъ, кавалерія эта шла изъ Казанлыка на Шипку, и на дорогѣ увѣдомленная жителями о набѣгѣ казаковъ думала ихъ

наказать, никакъ не разсчитывая встрѣтиться съ цѣлымъ отрядомъ. Мы же, въ ожиданіи коноводовъ и прибытія стрѣлковъ (16-го баталіона подъ начальствомъ полковника барона Аминова), которые уже на виду у всѣхъ бѣгомъ изъ села летѣли къ намъ, уже не жалѣя патроновъ, нѣсколькими залпами поддали еще болѣе жару и быстроты бѣгущимъ туркамъ, и какъ только подъѣхали рысью коноводы со всѣми тремя сотнями, пустились за ними, и проскакавъ версты съ двѣ, уже на довольно близкомъ отъ нихъ разстояніи, спѣшились и опять приняли ихъ въ залпы, послѣ чего, минутъ черезъ десять, въ долинѣ нигдѣ и слѣда ихъ не осталось.

Оставивъ тутъ вездѣ пикеты и пославъ сильные разъѣзды къ Казанлыку, я возвращался черезъ деревню Дольнее-Гузово, откуда часть жителей-турокъ, во время нашей перестрѣлки, успѣла кое-какое добро нагрузить на каруцы и бѣжала изъ деревни въ Казанлыкъ. Выстрѣлы-же, которые мы слышали въ этой деревнѣ, были произведены нашей сотней, спущенной сюда прямо съ перевала, чтобы занявши селеніе присоединиться ко мнѣ, и тутъ-то она имѣла дѣло съ партіей черкесовъ, разсчитывавшихъ пройдя село зайдти на насъ съ праваго фланга, что имъ, благодаря этой задержкѣ, и не удалось. Убито у меня было за все утро двое, да ранено восемь казаковъ, а турецкихъ, кромѣ тѣлъ при занятіи деревни, въ долинѣ было еще найдено тридцать шесть.

Стрѣлковая бригада, занявшая нашу позицію, къ вечеру спустилась въ д. Дольнее-Гузово, гдѣ они и штабъ князя Мирскаго расположились на ночлегъ. Полки-же 9-й дивизіи расположились бивуакомъ на занятой нами утромъ позиціи, которая вечеромъ вся сплошь горѣла огнями. Костры позволено было разводить ввиду того, что совершившійся переходъ нашъ черезъ Балканы для турокъ теперь былъ уже не секретъ, а напротивъ того, большое число огней могло ввести ихъ въ заблужденіе на счетъ силы нашего отряда, такъ какъ по числу

огней — а ими было просто залито пространство версты на три—они легко могли-бы удвоить и болѣе наши силы.

Часовъ съ четырехъ слышна была хорошо съ лѣвой стороны долины частая пушечная стрѣльба, а вечеромъ князь Мирскій получилъ донесеніе отъ командира бригады 30-й пѣхотной дивизіи, направленной изъ Сельце на Магличь, что послѣ непродолжительной, но упорной атаки, благодаря энергіи всѣхъ частей, Магличь, съ небольшими потерями, взятъ имъ съ боя, а турки, бывшіе тамъ въ числѣ шести таборовъ съ артиллеріей, бѣжали, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ; наши-же солдатики, не имѣя орудій, работали одними штыками. Эта вѣсть насъ всѣхъ болѣе чѣмъ порадовала: значитъ тылъ обезпеченъ, и стоявшіе въ Хаинкіоѣ турецкіе таборы еслибъ и захотѣли даже присоединиться къ Шипкинской арміи, то не могли-бы теперь этого исполнить, такъ какъ по дорогѣ ихъ находился Магличь, занятый уже нами. На ночь назначено было двѣ сотни для держанія цѣпи по долинѣ версты на четыре, и посылаемы постоянно были сильные разъѣзды, прямо противъ насъ къ Казанлыку, отстоявшему отъ насъ примѣрно верстъ на восемь-десять, и направо къ деревнѣ Янины, Хазкіою, лежащимъ отъ насъ направо въ долинѣ и садахъ, уже въ близкомъ разстояніи отъ д. Шипки. Къ полку присоединились здѣсь и остальныя сотни, такъ что полкъ былъ въ сборѣ. Начало экспедиціи нашей было удачное; но все это были пока цвѣточки, а съ утра начинались для насъ и ягодки: это отлично всякій зналъ, никто не желалъ себя обманывать, а хладнокровно прямо смотрѣлъ дѣйствительности въ глаза, оцѣнивая всю важность и трудность предстоящаго намъ дѣла; оттого многіе ложась спать думали и говорили: «кому-то изъ насъ завтра придется заснуть, но уже болѣе покойнымъ сномъ», а теперь, набожно помолясь, спѣшили и забыться и подкрѣпиться сномъ къ завтрашнему дню.

Ночь прошла спокойно; непріятель насъ не тревожилъ, а кавалерія, за которой мы зорко наблюдали, ночевала бивуакомъ у д. Янины и съ утра отошла къ д. Шипкѣ. Изъ приказаній, отданныхъ съ вечера на слѣдующій день, узнали мы, что ввиду нашего дальнѣйшаго наступленія на Шипку, въ дер. Горное-Гузово должны были остаться всѣ лишніе вьюки и устроенный на скорую руку околотокъ съ больными и ранеными, подъ прикрытіемъ одного баталіона изъ полковъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи, на тотъ случай, еслибы непріятель, находящійся въ Казанлыкѣ — въ какомъ числѣ, мы не знали—задумалъ бы попытаться овладѣть этимъ перевалomъ и такимъ образомъ отрѣзать намъ этотъ единственный путь и отступленія и сообщенія нашего съ тыломъ. Оставлялся же одинъ только баталіонъ, а не болѣе во-первыхъ потому, что намъ теперь каждый лишній солдатъ былъ дорогъ и дѣлалъ разницу, а во-вторыхъ и сама позиція Горнаго-Гузова, отъ природы очень сильная, была нами въ теченіи всего дня еще болѣе укрѣплена искусствомъ саперовъ, не говоря уже о томъ, что эти всѣ мѣры предосторожности брались на самое короткое время, такъ какъ мы шли брать Шипку. Взятіе-же Шипки считалось у нижнихъ чиновъ не только дѣломъ рѣшоннымъ, но и самымъ обыкновеннымъ; просто смѣшно вспомнить, что вечеромъ обходя бивуакъ, когда я разговорился съ казаками и зашедшими къ нимъ въ гости стрѣлками (рядомъ съ ними расположенными) и сказалъ: «что лучше-бы они захватили съ собою котлы побольше для удобства варки пищи», они преспокойно отвѣтили: «что, ваше высокоблагородіе, можно будетъ сейчасъ-же назначить отъ каждой сотни людей, а завтра вечеромъ, или послѣ завтра утромъ, какъ возьмутъ Шипку, такъ черезъ Николай въ Габрово рукой подать, и привезутъ, а кстати и подковъ захватить».

Двадцать седьмаго числа, утромъ въ девять часовъ, весь отрядъ, собранный вмѣстѣ, тронулся съ ночлега къ деревнѣ

Шипкѣ, но уже въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ извѣщенный о нашемъ наступленіи непріятель на каждомъ шагу могъ намъ встрѣтиться и по дорогѣ устроить засады, въ мѣстности здѣсь для этого очень удобной, словомъ, съ утра мы были готовы и шли прямо въ дѣло.

Съ правой стороны долины стѣною шелъ хребетъ горъ; съ лѣвой виднѣлся городъ Казанлыкъ; мѣстность открытая до лежащаго намъ на дорогѣ села Янины здѣсь прекращалась, такъ какъ отсюда начинались лѣсъ и сады, тянувшіеся съ малыми промежутками до самой деревни Шипки, образуя вмѣстѣ съ горами съ правой стороны родъ дефиле, выводившій къ горѣ Николая. Двигались мы въ слѣдующемъ порядкѣ: 15-й и 16-й стрѣлковые баталіоны шли въ авангардѣ, на одной линіи, имѣя впереди себя по двѣ роты своихъ разсыпавшихся цѣпью, резервами-же имъ служили близко слѣдовавшіе за ними 13-й и 14-й баталіоны, въ интервалахъ которыхъ шла батарея горной артиллеріи, за стрѣлками двигались колоннами три полка 9-й пѣхотной дивизіи, и все это замыкалось второй бригадой 30-й дивизіи. Нашъ-же казачій полкъ, вытянувшись по-сотенно въ одну линію, начиная съ передней цѣпи стрѣлковъ шелъ шагахъ въ пятистахъ лѣвѣе и параллельно всему отряду, въ видѣ щита его, съ цѣлію оберегать отряды отъ могущихъ случиться фланговыхъ атакъ черкесовъ и баши-бузуковъ, показавшихся изъ Казанлыка и джигитовавшихъ лѣвѣе насъ въ порядочномъ количествѣ. Насъ раздѣлялъ одинъ ручей, который по своимъ крутымъ берегамъ, покрытымъ мягкимъ снѣгомъ и мѣстами незамерзшей водой, а главное своими извилинами представлялъ много неудобствъ къ переходу его.

Пройдя верстъ пять, отрядъ подошелъ къ большому селенью Янина, которое, не считая нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ домовъ, занято было и пройдено войсками безъ затрудненія. При выходѣ-же изъ Янины, черкесы, успѣвшіе заскакать спереди и

занять обрывистый и покрытый здѣсь мелкими кустами берегъ ручья, залегли тамъ и открыли изъ своихъ магазинокъ частый по насъ огонь. Идти подъ этимъ продольнымъ огнемъ было непріятно; но такъ какъ стрѣльба эта хотя и частая, но была не особенно мѣткая, то мы не обращая вниманія все шли дальше, остановиться-же и выбивать ихъ сопряжено было съ большой тратой времени и безполезной потерей людей. Къ тому-же отрядъ не останавливаясь подходилъ уже къ дер. Хазкіою, лежащей на шоссе ведущемъ изъ Казанлыка на Шипку, и слѣдовательно намъ надо было торопиться и спѣшить, и, обскакавъ слѣва это село, занять какъ шоссе, такъ и всѣ пролегающія тутъ дороги, для пресѣченія всѣхъ сообщеній непріятелю. Черкесы-же видя безнаказанность своихъ продѣлокъ, приблизились еще немного, и сгруппировавшись въ одномъ мѣстѣ, зачастили еще болѣе, и мы уже начали терять людей и лошадей, какъ двѣ гранаты, пущенныя очень мѣтко нашей горной батареей, выгнали ихъ моментально изъ ихъ закрытій, и мы все остальное время уже шли спокойно. Не доходя съ полверсты до Хазкіоя, я вызвалъ охотниковъ уничтожить уже хорошо видимый на глазъ идущій вдоль шоссе телеграфъ, и черезъ полчаса наши молодцы въ числѣ шести человѣкъ вернувшись привезли свои трофеи: нѣсколько бѣлыхъ фарфоровыхъ чашекъ и много самой проволоки, такъ что благодаря имъ съ этой минуты шипкинская армія лишилась возможности сообщить кому-бы то ни было о своемъ положеніи. До Хазкіоя мы отъ черкесской стрѣльбы потеряли шесть раненыхъ лошадей и двухъ казаковъ. Около двѣнадцати часовъ дня отрядъ занялъ дер. Хазкіой и расположился для отдыха впереди деревни. Хазкіой это богатое, турецкое селеніе, въ которомъ все свидѣтельствовало о крайне поспѣшномъ бѣгствѣ жителей; большая часть домовъ была или разрушена или сожжена, вѣроятно болгарами лѣтомъ, во время перваго занятія русскими этой мѣстности, теперь-же они представляли собой, при отсутствіи зелени, печаль-

ный и мертвый видъ остатковъ села. Отдохнувъ здѣсь съ часъ, пока не подтянулся весь отрядъ, мы перекрестившись тронулись впередъ. Стрѣлковая бригада въ томъ-же порядкѣ, казаки-же немного иначе, именно двѣ сотни посланы были по двумъ дорогамъ идущимъ отъ Хазкіоя лѣсомъ къ дер. Шипкѣ; остальныя-же три шли по прежнему, лѣвѣе стрѣлковъ, равняясь съ ихъ цѣпью, но подъ самымъ лѣсомъ, чтобы войдя въ сферу огня, лошади менѣе терпѣли отъ пуль, такъ какъ мы должны были оставаться въ конномъ строю и ежеминутно быть готовыми встрѣтить атаку кавалеріи, еслибы она захотѣла своими дѣйствіями отвлечь вниманіе нашей пѣхоты. Какъ теперь помню: день былъ отличный, теплый, солнечный; снѣгъ, и безъ того здѣсь въ долинѣ мелкій, тая отъ тепла образовывалъ мѣстами уже проталины. Стрѣлки шли бодро, молодцовато, ружья на изготовкѣ; передъ нами прямо виднѣлся грозный Николай, внизу-же его по скату краснѣлись крыши деревни Шипки, а недалеко прямо передъ нами возвышался конусообразный курганъ, къ которому мы смѣло подвигались.

Всѣ были въ ожиданіи перваго выстрѣла, потому что вотъ уже виднѣются редуты, а въ бинокль замѣтно даже и нѣкоторое движеніе въ нихъ; еще минута, и сразу на насъ какъ будто посыпали горохъ, затрещали выстрѣлы, и сейчасъ-же граната, другая, и т. д., почти безъ промежутковъ. Признаюсь, хотя каждый и ожидалъ этого огня, но все таки послѣ гробоваго молчанія сразу такая масса свинца, летящая съ визгомъ на васъ, могла хоть кого озадачить, но вышло наоборотъ: видимъ, стрѣлки стали креститься, затѣмъ не укорачивая шагу, развѣ только для выстрѣла, спокойно подвигались все къ кургану, съ котораго ясно видно было по дымкамъ, что гранаты летѣли безостановочно. Раненые такъ и падали, но было уже не до нихъ, и двѣ гранаты вырвало у насъ на глазахъ человѣкъ сорокъ, если не болѣе. Для меньшей потери всѣ четыре стрѣлковыхъ баталіона шли цѣпью, и все таки, несмотря на это,

потеря становилась очень значительной, потому что непріятельскія пули страшно работали, а у насъ только слышались крики командировъ: «не отставай», «не оглядывайся», «смѣлѣй», и храбрые стрѣлки стали такъ скоро подаваться, что мы, чтобы не отставать и видѣть всю картину штурма этого кургана, вѣрнѣй сказать батареи, должны были идти почти рысью. Оставалось на глазъ до батареи шаговъ триста, если не болѣе. Полковникъ Крокъ, ѣхавшій сбоку цѣпи, не далеко отъ меня, махнулъ саблей, показалъ на курганъ и крикнулъ «ура!» Стрѣлки дали послѣдній залпъ, и вся эта мѣстность огласилась русскимъ «ура»; эхо въ горахъ повторило этотъ страшный крикъ. Притаивъ дыханіе, видимъ мы всѣ, что несмотря на толпу падающихъ, отъ учащенной пальбы, людей, вся эта живая масса солдатъ какъ лава набросилась и стянула кольцомъ курганъ; на немъ выстрѣлы уже замолкли, а виднѣлись разныя порывистыя движенія ружьями: работа шла на штыкахъ; минуты черезъ четыре уже съ этой батареи грянуло «ура»; радостно подхватили это «ура» всѣ сзади шедшія части. Слава нашимъ героямъ-стрѣлкамъ; во время атаки они, все остававшееся разстояніе, прошли какъ на ученьи, бѣглымъ шагомъ, не отвѣчая на выстрѣлы, только жадно какъ-бы измѣряя глазомъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ этой батареи, составлявшей передовое укрѣпленіе непріятельской позиціи, и назначеніе которой было обстрѣливать всю эту часть долины, т. е. единственный подходъ къ позиціи. Все прикрытіе взятой батареи, состоявшее изъ двухсотъ пятидесяти человѣкъ, кромѣ тридцати или сорока человѣкъ сдавшихся, переколото было штыками; на батареѣ нашли три стальныхъ крупповскихъ орудія, которыя сейчасъ-же стали оборачивать дуломъ къ непріятелю съ цѣлью пополнить ими нашъ недостатокъ артиллеріи. Наши-же маленькія пушечки горной артиллеріи во все время дѣла отлично работали, и не мало помогли успѣху. Но что насъ удивило, такъ это то, что на батареѣ мы въ первый разъ увидѣли, какъ

нумера орудій (прислуга) на цѣпочкахъ прикованы были къ тѣламъ орудій, вѣроятно для того, чтобы отнять отъ нихъ всякую возможность къ отступленію: эта мѣра отлично могла служить мѣриломъ ихъ нравственнаго духа. Я убѣжденъ, что картина этой бѣшеной атаки стрѣлковъ и взятія батареи на штыкахъ настолько была поразительно хороша, велика и согласна съ характеристикой русскаго въ бою, что еслибъ самъ Суворовъ присутствовалъ при этомъ, то и онъ другаго-бы не сказалъ, какъ: «спасибо, дѣтушки», «молодцы, ребята».

Тотчасъ за курганомъ открывалась площадь, въ концѣ которой шелъ цѣлый рядъ турецкихъ укрѣпленій въ видѣ редутовъ, батарей, и т. д. Все это, увидѣвъ батарею свою такъ быстро перешедшею въ наши руки, покрылось дымомъ, и пошла такая перепалка орудій и ружей, что и представить себѣ что нибудь подобное трудно. Для меньшей потери, а главное чтобы дать передохнуть людямъ, положили ихъ за курганомъ и правѣе по лощинкѣ, тянувшейся вправо до самыхъ горъ, а сзади подходили свѣжія части 9-й пѣхотной дивизіи, которыя видя это лихое дѣло стрѣлковъ, сами жадно вглядывались уже въ хорошо видную деревню Шипку, цѣль нашаго похода. Все это время слышали мы отчетливо доносившуюся до насъ сверху внизъ сильную канонаду Николая и окрестныхъ горъ. Эта канонада какъ бы говорила намъ: «что вы тамъ работаете, мы это видимъ, знаемъ, слышимъ, а сами вотъ-вотъ спускаемся къ вамъ». Какъ взяли наши батарею, я съ сотнями повернулъ налѣво и сталъ всѣмъ полкомъ противъ непріятельскихъ редутовъ, на одной линіи со взятымъ курганомъ, по опушкѣ лѣса, оканчивающагося здѣсь на площади, отдѣлявшей насъ на двѣ на три тысячи шаговъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Сейчасъ-же я послалъ во всѣ стороны очень сильные разъѣзды съ цѣлью во первыхъ пресѣчь всякое возможное сообщеніе съ дер. Шипкой, во вторыхъ стараться войти въ связь съ отрядомъ генерала Скобелева 2-го, который ожидался съ лѣвой стороны, и въ тре-

тьихъ, наблюдать за кавалеріей, находившейся въ лѣсу противъ насъ, движенія которой мы видѣли во все время боя по ту сторону площади, примыкавшей тамъ къ непріятельскимъ редутамъ. Кромѣ того, для нашей безопасности я выслалъ цѣлую сотню занять маленькій лѣсокъ, въ видѣ островка, лежащаго впереди и лѣвѣе насъ по другую сторону шоссе. Уже порядочно стемнѣло. Вдругъ прискакалъ казакъ изъ разъѣзда, и донесъ, что они замѣтили по боковой дорогѣ тянувшійся подъ сильнымъ конвоемъ турокъ обозъ по направленію къ Шипкѣ, и что, не надѣясь сами справиться, просятъ подкрѣпить ихъ. Сейчасъ-же полусотня отправилась, а черезъ часъ у насъ уже находилось въ лѣсу 38 каруцъ, нагруженныхъ галетами, мукой, вареньями, табакомъ и другими снадобьями, и до семидесяти человѣкъ вооруженнаго низама. Изъ распроса этихъ плѣнныхъ оказалось, что вся эта провизія назначалась для шипкинскаго отряда, а они собственно, только что выписавшіеся изъ госпиталя своего въ Казанлыкѣ, шли на присоединеніе къ своимъ отрядамъ, и что сегодня съ утра рано ихъ нѣсколько партій такихъ уже вышло сюда, что потомъ и подтвердилось, такъ какъ за всю ночь до утра ихъ приведено было еще, считая и этихъ, до 275 человѣкъ; ружья отъ нихъ были отобраны, а сами они подъ конвоемъ отправлены въ нашу главную квартиру, на эту ночь расположившуюся въ селеніи Янина, куда немедля были препровождены и быки съ каруцами и всѣмъ провіантомъ. Захваченную-же нами утромъ въ деревнѣ Хаизкіой скотину велѣно было поровну подѣлить и раздать на всѣ части, такъ какъ вотъ уже нѣсколько дней мы не ѣли свѣжаго мяса. Почти уже вечеромъ была у насъ перестрѣлка съ черкесами, видно ѣхавшими на развѣдки, но скоро мы заставили ихъ ни съ чѣмъ вернуться обратно. Ночь быстро наступала, огня разводить нельзя было, начинался маленькій снѣжокъ, поэтому для осторожности увеличено было число секретовъ, пикетовъ, увеличено число разъѣздовъ, такъ какъ этой погодой легко

могли воспользоваться черкесы и потревожить весь отрядъ, охраненіе котораго со всей этой стороны (лѣвой) было возложено на меня.

Около одиннадцати часовъ ночи пріѣхалъ ко мнѣ казакъ отъ начальника авангарда, съ приглашеніемъ сейчасъ-же къ нему пріѣхать. Немедля я съ пятью казаками отправился этой темной ночью для сокращенія пути напрямикъ, черезъ площадь. Ѣду съ полчаса.

— Ну, что, близко теперь? спрашиваю я присланнаго за мной казака.

— Да недалечко, ваше вы-діе: вотъ скоро стонать начнутъ, тутъ уже тогда рукой подать.

— Какъ стонать, кто стонетъ? спросилъ я.

— Да ѣдучи къ вамъ, ваше вы-діе, тутъ нѣсколько раненыхъ тащилось, да въ этой теми видно заплутались: ну, ждутъ, значитъ, чтобы кто ихъ перетащилъ, я имъ и наказывалъ, чтобы значитъ ждали меня и подавали голосъ, а то сбиться здѣсь легко, ваше вы-діе, какъ разъ къ анаѳемѣ потрафишь.

Подивился я такому странному способу отыскиванія дороги, и побранилъ его за это; между тѣмъ проѣхавъ немного мы ясно услышали стоны; направившись туда, нашли трехъ раненыхъ; спросивъ ихъ кто такіе и откуда, я велѣлъ тремъ своимъ казакамъ помочь имъ и вести ихъ направо къ мерцающему вдали огоньку, а самъ тронулся далѣе. Вотъ скоро показалась какая-то черная масса, оказалось, что это взятая въ началѣ боя батарея; здѣсь окликнули насъ и направили еще далѣе и правѣе къ другому кургану, куда я попалъ наконецъ минутъ черезъ пятнадцать и гдѣ въ темнотѣ слышался разговоръ. Меня провели въ родъ ложемента, гдѣ я нашелъ наконецъ начальника авангарда и получилъ приказанія на слѣдующій день. Здѣсь я узналъ много новаго и интереснаго: во-первыхъ, половина деревни Шипки нами уже взята, другую-же половину будетъ трудно брать, такъ какъ обороняется сильнымъ

перекрестнымъ огнемъ трехъярусныхъ ложементовъ; во-вторыхъ, сегоднишнія потери наши очень велики, кажется до 1,700 человѣкъ; въ-третьихъ, что всѣхъ крайне безпокоитъ то, что объ отрядѣ генерала Скобелева 2-го, который сегодня долженъ быль-бы, совмѣстно съ нами, принять участіе въ бою, до сихъ поръ ни слуха, ни духа, что можетъ поставить нашъ отрядъ въ безвыходное положеніе, такъ какъ у насъ напрягались уже послѣднія усилія; въ-четвертыхъ, войска наши дрались выше всякой похвалы, и одновременно съ своимъ наступленіемъ отбивали штыками нѣсколько непріятельскихъ атакъ, произведенныхъ имъ въ большихъ массахъ, и потому утомлены они до чрезвычайности; въ-пятыхъ, свѣжаго войска остается уже немного и, наконецъ, въ заключеніе всего очень пріятную новость, что въ полдень Казанлыкъ почти безъ сопротивленія занятъ нами, именно той бригадой 30-й пѣхотной дивизіи, которая взяла Магличь, и сегодня выступивши изъ него направилась и заняла городъ. Дѣйствительно, этой пріятной новости нельзя было не порадоваться, значитъ съ тыла никто угрожать намъ не можетъ, и мы все вниманіе и силы можемъ спокойно направить теперь исключительно на одну точку. Прощаясь, полковникъ Крокъ очень просилъ меня сейчасъ-же ему дать знать, если я хоть что нибудь узнаю отъ разъѣздовъ на счетъ отряда генерала Скобелева; затѣмъ поѣхалъ я къ себѣ назадъ, но понадѣявшись на то, что не ошибусь въ направленіи, ѣхалъ совсѣмъ на удачу, и правда, проѣхавъ уже болѣе получаса, какъ разъ съ лошадью куда-то покатился кубаремъ: оказалась какая-то яма или оврагъ, полный снѣгу, и хотя кости всѣ остались цѣлы, но плечо ныло ужасно, и я съ трудомъ выбравшись оттуда едва только черезъ часъ добрался до себя, гдѣ получилъ донесеніе, что нашими секретами убито трое черкесовъ, неосторожно подъѣхавшихъ къ нимъ, вѣроятно желавшихъ поразузнать, что у насъ подѣлывается. Остальная часть ночи прошла спокойно.

Сборникъ, т. I, л. 13.

Съ разсвѣтомъ 28-го числа цѣпь наша отошла къ опушкѣ, куда и я съ остальными подвинулся впередъ въ ожиданіи разъясненія общаго положенія дѣлъ. Немного погодя грохнуло орудіе, другое, и утро началось, какъ-бы сговорившись забарабанила ружейная стрѣльба, и послѣ ночной тишины сразу какъ-бы оглушило насъ, но погодя немного мы уже различали хорошо по звуку наши отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а сверху, съ Николая, какъ бы разразилась жестокая гроза: громъ гремѣлъ и гудѣлъ не переставая, не видать только было молніи; пули летѣли и на насъ, такъ и подсѣкая вѣтки деревьевъ, между которыми мы всѣ стояли. Въ восьмомъ или въ девятомъ часу пріѣхалъ ко мнѣ офицеръ сапернаго баталіона, находившійся ординарцемъ у князя Мирскаго, съ приказаніемъ ему немедленно донести, если что узнаю объ отрядѣ генерала Скобелева, и всѣми силами стараться его разыскать. Только что я успѣлъ написать отвѣтъ, что я еще до разсвѣта послалъ для этой цѣли охотниковъ, какъ пріѣхалъ казакъ отъ полковника Крока узнать нѣтъ-ли извѣстій какихъ о лѣвой колоннѣ, изъ чего я заключилъ, что намъ приходится жарко. Провожая ординарца, я совѣтовалъ ему возвращаться опушкой лѣса, такъ какъ все открытое пространство хорошо обстрѣливается, но онъ, спѣша съ отвѣтомъ, поскакалъ напрямикъ полемъ, и не успѣлъ отъѣхать болѣе полутораста шаговъ, какъ на нашихъ глазахъ гранатой пронизало его лошадь, а ему оторвало обѣ ноги; это ужасно подѣйствовало тяжело на насъ всѣхъ, и сейчасъ-же послалъ я казаковъ на попонѣ перенести его осторожно на перевязочный пунктъ, находившійся съ версту позади насъ. Въ это время мы увидѣли, что изъ лѣсу прямо противъ насъ выѣзжаетъ турецкая кавалерія, такъ около двухъ эскадроновъ; я сейчасъ-же, посадивъ три сотни, выѣхалъ на шоссе, чтобы оттуда кинуться на нихъ, и только что рысью показался изъ опушки на площадку, какъ по насъ пустили три гранаты. Увидѣвъ, что съ обращенной къ намъ турецкой бата-

реи зорко слѣдили за нашими движеніями, и не желая безполезно служить мишенью, я отступилъ опять въ опушку, въ полной готовности къ дѣйствію, тѣмъ болѣе, что кавалерія замѣтивъ насъ уже не рѣшалась выйти изъ-подъ защиты своихъ орудій, гранаты которыхъ разорвало, послѣ перелета надъ нами, далеко позади въ лѣсу.

Вдругъ влѣво отъ насъ, часовъ въ десять утра, слышимъ мы звуки военнаго хора музыки; мы сначала думали, что это намъ мерещится: прислушиваемся внимательнѣй, но, нѣтъ, русскій маршъ доносится до насъ отчетливо, сомнѣнья быть не можетъ—это подходитъ генералъ Скобелевъ, и не успѣлъ я отправить объ этомъ двойное донесеніе начальникамъ отряда и авангарда, какъ прискакало трое казаковъ съ докладомъ, что они не только сами видѣли отрядъ, но и встрѣтили разъѣзды его кавалеріи. Упомянувъ обо всемъ этомъ, я отправилъ донесенія и велѣлъ везти ихъ карьеромъ, сознавая всю важность этого извѣстія для всего хода дѣла нашего отряда. Минутъ черезъ двадцать получаю приказаніе слѣдующаго содержанія: «Непріятельской кавалеріи другой дороги къ отступленію нѣтъ, какъ по шоссе, ведущему въ Казанлыкъ, которое теперь занято вами; приготовьтесь и старайтесь ее не пропустить», и вмѣстѣ съ этимъ присланъ былъ конвертъ для немедленной передачи генералу Скобелеву.

Въ это время, т. е. между одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ часомъ, дѣло подходило вѣроятно къ развязкѣ. Можно описать общее положеніе дѣла, какъ мы его понимали, такъ: съ правой стороны шла уже не стрѣльба, а какой-то грохотъ, который минутъ черезъ двадцать-тридцать усилился до того, что весь звукъ сливался въ одинъ гулъ; мы понимали смыслъ этого грохота: при извѣстіи, что свѣжій отрядъ уже близко и завязалъ дѣло, вѣроятно введены были послѣдніе резервы, съ лѣвой же стороны частая стрѣльба ежеминутно усиливалась въ перемежку съ громомъ орудій, что прямо указывало на быстрое

наступленіе нашихъ и на то, что генералъ Скобелевъ живо велъ свою атаку; а что дѣлалось на Николаѣ у насъ и у турокъ, такъ этого нельзя никакими словами разсказать: скажу одно, это было землетрясенье-не-землетрясенье, а какое-то именно вавилонское столпотвореніе, вотъ-вотъ казалось, что вся земля провалится, ну, словомъ, звукъ такой, какой могутъ произвести до двухсотъ орудій и до ста тысячъ ружей, безпрерывно стрѣлявшихъ, и все это на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ квадратныхъ верстъ; всѣ мы оглохли.

Теперь подходила и наша очередь принять участіе въ этомъ *мамаевомъ побоищѣ*. Отлично зная, что кавалерія въ такомъ тѣсномъ пространствѣ, осыпаемая съ трехъ сторонъ пулями, долго не можетъ держаться, а навѣрно постарается скорѣй прорваться, я поспѣшилъ приготовить имъ встрѣчу такую, какую два дня тому назадъ около деревни Горное-Гузово они намъ готовили, и для этого я распорядился такъ: вдоль шоссе, шагахъ въ полутораста отъ него, за рѣдкими деревьями, густой цѣпью я поставилъ четыре сотни въ пѣшемъ строю, коноводовъ недалеко за ними, пятую-же сотню оставилъ въ конномъ строю, на случай прорыва ими нашего праваго фланга; и если добавить къ этому, что по другую сторону шоссе подошли и стали двѣ сотни Донскаго казачьяго № 1 полка, то встрѣча должна была выдти недурною. Но дѣло въ томъ, что по ту сторону шоссе сейчасъ-же начиналась трясина, недоступная кавалеріи: поэтому если непріятель не могъ спастись этой стороной и избѣжать нашихъ пуль, то въ тоже время и нашимъ двумъ сотнямъ не удалось намъ помочь и принять участіе въ этомъ дѣлѣ, ибо трясина тянулась на нѣсколько верстъ и объѣзжать ее было далеко; перемѣнять-же имъ мѣсто было уже поздно по времени, такъ какъ они прибыли почти что передъ началомъ дѣла. Другой-же дороги къ отступленію кавалеріи не было, такъ какъ они еще не знали, что Казанлыкъ въ нашихъ рукахъ.

Около часу дня увидали мы, что изъ лѣсу противъ насъ безпорядочной толпой вдругъ повалила пѣхота, бѣгомъ скрываясь за свои редуты, за ней слѣдомъ слышалось громкое «ура», а правѣе ихъ изъ-за редутовъ показалась ихъ кавалерія, направляясь по шоссе прямо къ намъ. Я самъ съ двумя офицерами-ординарцами и тремя казаками ставъ за переднее дерево, передъ серединою всей своей цѣпи, сказалъ нѣсколько словъ своимъ уже неоднократно испытаннымъ молодцамъ и еще разъ строжайшимъ образомъ подтвердилъ, чтобы стрѣляли не иначе какъ залпами, и только по моей личной командѣ, хорошо прицѣливаясь и главное не спѣша.

Только что я успѣлъ отдать послѣднія распоряженія, какъ быстро приближавшаяся вся турецкая кавалерія очутилась отъ насъ уже не болѣе трехсотъ шаговъ, неслась она по шоссе карьеромъ, по двое и по трое въ рядъ, молча, не отстрѣливаясь, какъ видно съ единственнымъ желаніемъ только удрать изъ этого ада и избѣжать участи, ожидающей ихъ товарищей; на глазъ, ихъ было не менѣе двухъ полковъ, и все это на хвосту другъ у друга летѣло полнымъ маршъ-маршемъ. Вотъ они уже передъ нами; выждавъ пока голова ихъ колоны поравняется съ нашимъ лѣвымъ флангомъ, я скомандовалъ: «полкъ—пли», треснулъ залпъ, и саженъ на двадцать образовался промежутокъ съ живымъ ворохомъ людей и лошадей. Слѣдующіе за ними ряды, хотя быть можетъ и сознавая свое положеніе, но уже отъ страха вѣроятно не разсуждая, скорѣе по инерціи, обскакивая убитыхъ и валяющихся, и не останавливая хода, продолжали свой путь, и опять въ извѣстную минуту по командѣ «пли» треснулъ залпъ, и опять такой-же результатъ, а такихъ залповъ я успѣлъ повторить около двадцати; для того-же чтобы и одиночные всадники не уходили безнаказанно, я отъ сотни, находившейся въ конномъ строю, отрядилъ полсотни на лѣвый флангъ, къ самому шоссе, съ приказаніемъ ихъ не пропускать. Въ это время, когда оставалось не болѣе одной трети кавалеріи, показа-

лось два турецкихъ знамени; желая взять ихъ и всю остальную часть цѣликомъ, я подалъ сигналъ коноводамъ, а минуты черезъ четыре весь налицо находившійся полкъ ждалъ только моей команды, чтобы показать себя и доказать, что казакъ пикой и шашкой также хорошо владѣетъ, какъ и берданкой, если даже и не лучше. Но тутъ случилась со мною цѣлая оказія. Подвели мнѣ моего верховаго коня, и только что я на него вскочилъ и разбиралъ еще поводья, какъ онъ пораженный пулей въ голову свалился сразу, увлекая и меня съ собой, и опять пришлось мнѣ удариться ушибленнымъ еще вчера плечомъ; подвели другую лошадь: эта сразу заторопилась, взвилась, и круто повернувъ назадъ вырвалась у казака; я просто изъ себя выходилъ: полкъ почти готовъ, а я все еще безъ лошади; наконецъ подвели мнѣ мою молодую лошадь, еще не бывавшую въ дѣлѣ, и я подъѣхалъ къ фронту. Потомъ мнѣ разсказывали, что мои казаки-ординарцы переговорили между собой, что вѣрно съ полковникомъ нашимъ случится какое нибудь несчастье, что такая вышла нехорошая примѣта. Каждая минута была дорога; скомандовавъ: «пики къ атакѣ»—карьеромъ съ мѣста повелъ полкъ въ атаку, и съ крикомъ «ура!» врѣзались въ колонну. Ударъ былъ такъ друженъ и стремителенъ, что сразу остановилъ кавалерію.

Знамена остановились въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ отъ меня, и я сейчасъ-же черезъ переводчика потребовалъ отъ нихъ сдаться, иначе-же никого не оставлю въ живыхъ; на это предложеніе, они, скинувъ свои фески, дружно крикнули: «аманъ!» и тутъ-же на дорогу стали сбрасывать съ себя магазинки, сабли и револьверы. Это длилось минутъ пять, и я въ душѣ былъ въ восхищеніи отъ такого блестящаго результата и буквально точно исполненнаго приказанія, какъ сзади, видимъ, скачетъ еще какая-то толпа, всѣ въ папахахъ: присматриваемся—оказывается черкесы; ну, подумалъ я, будетъ потѣха, потому что сколько въ дѣлахъ ни бывалъ съ ними, ни разу не

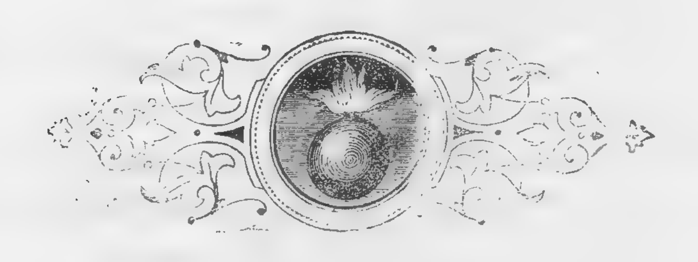
помню, чтобы они сдались. Потомъ узнали мы, что это былъ конвой человѣкъ до ста ихъ бригаднаго командира, какъ сказывали Очкуръ или Оскеръ-паши, который подъѣхавъ совсѣмъ близко и увидя, что насъ тоже число небольшое, и что-то скоро переговоривъ съ своими, крикнулъ на своихъ, и вдругъ задніе ряды еще вооруженные дали по насъ залпъ шагахъ въ двадцати, не болѣе. Отъ этого залпа между другими свалились и состоявшіе при мнѣ двое казаковъ, которыхъ черкесы тутъ-же, на глазахъ нашихъ, бросившись кучей изрубили въ куски. Свааивъ двухъ изъ нихъ моментально изъ револьвера, крикнулъ я своимъ: «слѣзай», но тутъ-же почувствовалъ, что что-то ударило меня въ голову, искры посыпались изъ глазъ, и уже болѣе я ничего не помнилъ. Но дѣло, какъ я узналъ потомъ, происходило такъ. Только что крикнули: «полковникъ убитъ», какъ въ минуту двое урядниковъ подхватили меня съ земли за руки и за ноги, карьеромъ вывезли въ лѣсъ, а нѣсколько казаковъ изъ близь стоящихъ бросились между моимъ тѣломъ и черкесами и пошли въ шашки, и только этимъ геройскимъ самоотверженіемъ не допустили ихъ покончить со мною также, какъ только что они сдѣлали съ двумя бѣдными казаками. Между тѣмъ двухъ минутъ было достаточно, чтобы уже пѣшіе казаки (лошадей своихъ всѣ побросали) дали залпъ почти что въ упоръ, и понятно, что каждая пуля не миновала своихъ жертвъ, такъ что на этомъ мѣстѣ сразу изъ тѣлъ образовался брустверъ, изъ-за котораго казаки просто разстрѣливали всѣхъ и все: будучи вдвойнѣ взбѣшены, мстили какъ за вѣроломство турокъ, да и за смерть, какъ они всѣ полагали тогда, своего начальника. Состоявшій при мнѣ все время боя ординарцемъ хорунжій Цымловъ, послѣ втораго залпа видя, что всѣ эти приказанія отдаются стоящимъ шагахъ въ двадцати отъ насъ пашей, живо подъѣхавъ, всадилъ ему пулю какъ разъ въ лобъ, и когда тотъ свалился, то все и всѣ бросились въ разныя стороны, а за ними казаки, пустившись опять на лошадяхъ, нѣкоторые

даже на турецкихъ, погнались какъ за дичью въ лѣсу. Одного я до сихъ поръ не понимаю: куда подѣвались эти знамена, которыя я имѣлъ уже полное право считать своими, и жалѣлъ потомъ очень, что не передалъ ихъ сейчасъ-же своимъ казакамъ. Все, что здѣсь успѣло увернуться отъ казаковъ, наткнулось въ д. Хазкіой на баталіонъ пѣхоты, поставленный тамъ подъ прикрытіемъ для всѣхъ привозимыхъ и вообще собираемыхъ туда всѣхъ нашихъ раненыхъ. Пѣхота пропустила ихъ здѣсь какъ сквозь строй, и все, что и отсюда успѣло уйти, наткнулось въ Казанлыкѣ на находившуюся тамъ нашу пѣхоту, которая почти покончила съ остальными; словомъ смѣло можно сказать, что кавалерія вся почти была уничтожена, а если кому и удалось спастись, то своимъ видомъ и разсказами могли только навести панику на свои войска, что намъ также было не безвыгодно. Потери у насъ за все это дѣло было 6 убитыхъ и 24 раненыхъ казака, да 8 убитыхъ и 27 раненыхъ лошадей; у турокъ-же на мѣстѣ нашего боя насчитывалось до 780 тѣлъ, не считая труповъ, грудами наваленныхъ въ д. Хазкіой при встрѣчѣ ихъ съ пѣхотой, и тѣлъ, лежащихъ вдоль по всей дорогѣ въ Казанлыкъ; изъ чего можно было заключить, что раненые, обезсиленные отъ потери крови, падая съ лошадей умирали тутъ-же на дорогѣ. Лошадей убитыхъ у нихъ болѣе 700. Магазинокъ, сабель, револьверовъ и лошадей съ полными вьюками взята было масса, словомъ трофеи блистательные, а главное по результату дѣло лихое и за всю кампанію одно изъ самыхъ крупныхъ кавалерійскихъ дѣлъ. Не могу не упомянуть, что особенно изъ всѣхъ выдѣлялись какъ своей безотвѣтной храбростью, такъ и быстрой сообразительностью, за послѣдніе наши три дня похода съ боемъ, начиная съ дѣла при Горномъ-Гузовѣ, есаулы Кудиновъ, Толоконниковъ, сотникъ Рыковсковъ и хорунжій Цымловъ.

Про себя могу сказать одно, что считаю себя самымъ счастливымъ и награжденнымъ даже не по заслугамъ уже тѣмъ, что

остался въ живыхъ, однако провозившись со своей послѣдней раной до конца марта мѣсяца; а на перевязочномъ пунктѣ хирурги мнѣ всѣ въ одно слово сказали, что рана моя представляетъ собой весьма рѣдкій экземпляръ счастливыхъ раненій, такъ какъ пуля, обойдя подъ кожей почти одну пятую часть черепа, не пробила, а только отколола вскользь кусочекъ головной кости. На слѣдующій день мы были всѣ въ Казанлыкѣ, куда на другой день прибылъ и Главнокомандующій, а 15-го января въ Адріанополѣ собралась, помнится, уже большая часть русской арміи, успѣвшая уже кажется выполнить вездѣ свою задачу самымъ блестящимъ образомъ.

Р....

Выручка Шипкинскаго перевала.

Изъ воспоминаній очевидца.

рошлаго года въ началѣ августа за Балканами, въ сѣверной части Филиппопольскаго санджака, разыгралась страшная драма... Армія Сулеймана-паши, предшествуемая баши-бузуками и черкесами, медленно подвигалась по направленію къ Шипкѣ. Турки двигались широкимъ фронтомъ, истребляя огнемъ и мечемъ все, что попадалось имъ на дорогѣ... Объятое ужасомъ, стотысячное болгарское населеніе хлынуло изъ-за Балканъ черезъ проходы Хаимъ-боазскій, Яканлійскій, Сельчанскій и Шипкинскій... Тамъ, гдѣ населеніе было застигнуто турками и не успѣло бѣжать, оно сдѣлалось жертвою кровавой мести мусульманъ... Цѣлыя селенія и города истреблялись, дома сожигались и разрушались, болгары предавались казни. Пощады не было никому; дѣти сожигались медленнымъ огнемъ;

матерей и отцовъ заставляли смотрѣть, какъ дѣти ихъ умирали; дѣвицы и молодыя женщины подвергались публичному безчестію и убивались... О мужчинахъ и говорить нечего... Бѣжавшіе болгары съ особеннымъ ужасомъ разсказывали о злодѣйствахъ турокъ подъ городомъ Єски-Загрой. Когда турки заняли этотъ городъ — это было 19-го Іюля — половина населенія города не успѣла бѣжать за нашими войсками. Собравъ оставшихся въ городѣ женщинъ, турки распредѣлили ихъ на два разряда: по правую сторону были поставлены старыя женщины, по лѣвую — молодыя и дѣвицы. Стоявшія по правой сторонѣ были немедленно умерщвлены: часть была зарѣзана, часть заколота. Молодыхъ женщинъ и дѣвицъ турки раздѣли донага и погнали къ войскамъ. Можно себѣ представить, что происходило тамъ съ этими несчастными и ни въ чемъ невиновными жертвами. Говорили, что въ этихъ войскахъ были англійскіе офицеры...

7-го Августа въ Тырновѣ между болгарами пронесся слухъ, что турки рѣшились атаковать городъ съ двухъ сторонъ, со стороны Елены и изъ-за Балканъ, черезъ Габрово.

Еще ранѣе этого, въ концѣ Іюля со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что непріятель готовится къ энергическимъ дѣйствіямъ... Приходилось принимать мѣры къ тому, чтобы непріятель не прокинулъ какую нибудь штуку, неожиданную для насъ. Всѣ разговоры вертѣлись на эту тему.

Въ квартирѣ генерала Радецкаго, въ Тырновѣ, собралось нѣсколько человѣкъ, обсуждая положеніе дѣлъ.

Кто-то замѣтилъ, что судя по движеніямъ Сулеймана-паши онъ попытается атаковать Балканы со стороны Казанлыка.

— Очень можетъ быть, замѣтилъ Ѳ. Ѳ. Радецкій.

— Вотъ видите-ли, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказалъ генералъ Драгомировъ: къ чему Сулейману-пашѣ толкаться въ запертую дверь, когда у него есть открытая: ему легче идти черезъ Елену.

Когда выяснилось, что роль отряда генералъ-лейтенанта Гурко за Балканами окончилась, генералъ Радецкій предписалъ ему слѣдующее: занявъ Хаинкіойскій перевалъ Елецкимъ полкомъ и батареею, Сѣвскій полкъ направить къ Еленинскому проходу, 4-ю стрѣлковую бригаду въ резервъ къ Присову, а кавалерію отряда для переформированія и на отдыхъ въ Тырново.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано занять городъ Травну дружиною Болгарскаго ополченія и казаками.

О новомъ движеніи за Балканы нечего было и думать. Приходилось до поры до времени ограничиваться оборонительными дѣйствіями.

Этими распоряженіями генералъ Радецкій достигалъ двухъ важныхъ цѣлей: во-первыхъ — обезопасенія балканскихъ проходовъ и во-вторыхъ—усиленія резерва у Тырнова, гдѣ вмѣсто одной 2-й бригады 14-й дивизіи сосредоточено было десять батальоновъ.

Балканскіе проходы занимались слѣдующими силами. Еленинскій охранялся 34-мъ пѣхотнымъ Сѣвскимъ полкомъ 9-й дивизіи, 13-мъ драгунскимъ Военнаго ордена полкомъ, 5-ю батареею 14-й артиллерійской бригады и двумя орудіями 20-й конной батареи.

Въ Хаимъ-боазскомъ (Хаинкіойскій) проходѣ стояли: 33-й пѣхотный Елецкій полкъ 9-й дивизіи, 6-я батарея 9-й артиллерійской бригады, 1-я горная батарея и двѣ казачьи сотни.

Шипкинскій перевалъ занимали: 36-й пѣхотный Орловскій полкъ 9-й дивизіи, пять дружинъ болгарскаго ополченія, пять сотенъ казаковъ, 2-я и 5-я батареи 9-й артиллерійской бригады и шесть орудій 2-й горной батареи. Травненскій наблюдался дружиною и казаками.

Со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что турки готовятся къ сосредоточенному нападенію.

7-го Августа командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій, получилъ одновременно донесеніе изъ Елены

и съ Шипки. Изъ Елены доносили, что отрядъ, пытавшійся атаковать турокъ у Старо-Рѣки, встрѣченъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ и отступилъ, при чемъ турки предали пламени городъ Беброво, расположенный въ одиннадцати верстахъ отъ Елены.—Съ Шипки доносили, что у города Казанлыка показались значительныя непріятельскія силы.

Надо припомнить общее положеніе нашихъ дѣлъ въ эту эпоху. Тяжело было это положеніе. 18-го Іюля вторичная атака Плевны не удалась. 19-го Іюля Сулейманъ-паша имѣлъ рѣшительный успѣхъ за Балканами — и мы были принуждены оставить долины рѣкъ Марицы и Тунджи и укрѣпиться въ Балканахъ. Главная турецкая армія, опиравшаяся на Шумлу, Разградъ и Рущукъ, быстро усиливалась и готовилась перейти въ наступленіе, имѣя цѣлью захватить нашу Систовскую переправу. Почти всюду турки были сильнѣе насъ числомъ, а заготовленные ими въ теченіи зимы 1876—77 года провіантъ и боевые припасы обезпечивали успѣхъ ихъ военныхъ предпріятій.

Въ ночь съ 7-го на 8-е Августа генералъ Радецкій оставилъ Тырново и направился на Елену съ 4-ю стрѣлковою бригадою и двумя горными орудіями; а генерала Драгомирова со 2-й бригадой 14-й дивизіи генералъ-маіора Петрушевскаго и двумя батареями направилъ на Златарицу.

Для усиленія Шипкинской позиціи приказано было направить въ Габрово изъ Сельвійскаго отряда 35-й пѣхотный Брянскій полкъ 9-й дивизіи.

Оказалось, что Еленинская тревога была напрасною. Генералъ Радецкій лично убѣдился, что съ этой стороны у турокъ было незначительное число регулярныхъ войскъ, за то была масса баши-бузуковъ и черкесовъ, а въ Тузлукѣ было вооруженное возстаніе всего мусульманскаго населенія.

Утромъ 9-го генералъ Радецкій возвратился въ Тырновъ. 4-я стрѣлковая бригада перешла въ селеніе Присово, 2-я бригада 14-й дивизіи—въ селеніе Лѣсковцы.

Еще въ Златарицѣ, куда заѣзжалъ генералъ Радецкій 8-го числа, получена тревожная депеша съ Шипки, а 9-го получена депеша, подписанная генералами Столѣтовымъ и Дерожинскимъ, о томъ, что армія Сулеймана-паши въ значительныхъ силахъ съ семи часовъ утра настойчиво повела атаку на Шипкинскій перевалъ.

Депеша эта получена была въ Тырновѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ѳ. Ѳ. Радецкій велъ переписку съ одной дамой, жившей въ Кишеневѣ:

...«Погодите радоваться, не пришлось-бы плакать: когда все кончится благополучно, тогда порадуемся»—читалъ громко Радецкій.

— Что это? спросилъ его Драгомировъ.

— Письмо изъ Кишинева...

Вслѣдъ за симъ получена депеша.

— Надо идти, замѣтилъ Радецкій, и обращая вниманіе на двойную подпись, добавилъ: точно о трудно-больномъ бюллетень...

Вслѣдъ за симъ онъ далъ депешу о выступленіи изъ Сельвійскаго отряда въ Габрово Волынскаго полка 14-й дивизіи, а генералу Драгомирову сказалъ: вотъ Сулейманъ стукнулся въ запертую дверь.

Предстояла великая цѣль: во что-бы то ни стало выручить защитниковъ Шипкинскаго перевала.

Въ воздухѣ носилось что-то зловѣщее... Въ Тырновѣ была неописанная паника. Городъ былъ переполненъ забалканскими бѣженцами, передававшими ужасы и звѣрства сильной Сулеймановской арміи. На лицахъ болгаръ ясно изображался ужасъ. Бѣженцы проходили городъ и потянулись далѣе на сѣверъ, къ Систову. Многіе обыватели Тырнова начали слѣдовать за бѣженцами. Оставшіеся болгары требовали раздачи оружія и заявляли о готовности умереть въ борьбѣ съ заклятымъ врагомъ христіанства — и на ряду съ славными русскими войсками.

Распоряженія о движеніи отряда, шедшаго на выручку Шипки, были сдѣланы безотлагательно.

Не взирая на утомленіе войскъ, только что вернувшихся изъ-подъ Елены и Златарицы, имъ приказано было изготовиться къ немедленному движенію.

Съ разсвѣтомъ 10-го войска выступили изъ-подъ Тырнова. Отрядъ состоялъ изъ 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, за исключеніемъ одного батальона Подольскаго полка, оставленнаго въ Тырновѣ для охраненія обоза, госпиталя, города и батарей, изъ 4-й стрѣлковой бригады генерала Цвѣцинскаго, 2-й и 3-й батареи 14-й артиллерійской бригады и двухъ горныхъ орудій.

Отъ селенія Лѣсковца до Шипкинскаго перевала 68 верстъ, отъ Присова до перевала 52 версты, при чемъ по крутому подъему къ самому перевалу предстояло подыматься болѣе 12 верстъ.

Съ ранняго утра выступила 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи. Кашевары частей этой бригады были высланы въ ночь. Бригада поспѣла къ восьми съ половиной часамъ къ мѣсту варки пищи. На обѣдъ и привалъ дано было полтора часа времени. Стрѣлковая бригада поднялась въ пятомъ часу утра.

Генералъ Радецкій, всегда спокойный, понималъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ надо было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы выручка Шипки была приведена къ должному результату. Выручка своихъ—на войнѣ первая обязанность военачальника. Отъ своевременности ея въ большей части случаевъ зависитъ успѣхъ военнаго дѣла, а часто успѣхъ всей кампаніи. Понятно чувство, которое овладѣло всѣми нами, когда рано утромъ 10-го Августа мы сѣли на коней и направились по шоссе въ Габрово.

Было пять часовъ двадцать минутъ утра, когда генералъ Радецкій верхомъ выѣхалъ изъ Тырнова и поѣхалъ къ ущельямъ, ведущимъ въ села Присово и Дебелецъ. Съ нимъ ѣхали

генералъ Драгомировъ, генералъ Дмитровскій, начальникъ штаба 8-го корпуса, и лица, составлявшія его свиту. Конвоировали двѣ донскія сотни.

Небо было чистое. Въ воздухѣ не колыхалось. Предстоялъ жаркій день.

Только что мы выѣхали изъ города, по дорогѣ начали встрѣчаться болгары съ ихъ семействами. При многихъ болгарахъ были повозки, запряженныя волами и буйволами. На эти повозки былъ наложенъ разный домашній скарбъ, на которомъ помѣщались дѣти — это были забалканскіе бѣженцы. Болгары съ недоумѣніемъ и страхомъ посматривали на насъ, на лицахъ ихъ было видно, что они чуютъ что-то неладное.

Выйдя изъ послѣдняго ущелья, генералъ Радецкій остановился. Тутъ былъ перекрестокъ дорогъ. На право шло шоссе въ Габрово, прямо пролегала шоссированная узкая дорога къ монастырямъ св. Ильи и Николая и далѣе въ городъ Елену, нѣсколько лѣвѣе отдѣлялась проселочная дорога, идущая къ Присову. Направо виднѣлось въ трехъ верстахъ роскошное село Дебелецъ, все утонувшее въ зелени, а за нимъ шоссе извивалось по высотамъ, засаженнымъ виноградными лозами.

Четвертая стрѣлковая бригада начала дебушировать изъ Присова. Былъ седьмой часъ утра. Стрѣлки шли поротно съ вздвоенными рядами. Идетъ первая рота стрѣлковъ; шагъ очень тихій; кажется люди еле-еле двигаются; люди выглядываютъ очень серьозно; они точно сознаютъ, что имъ предстоитъ не легкое дѣло; шли безъ ранцевъ; многіе люди безъ сапогъ: вмѣсто сапогъ у нихъ надѣты самаго разнообразнаго фасона туфли; многіе въ болгарскихъ опанкахъ.

Какъ только подошла головная часть стрѣлковъ, на лицѣ генерала Радецкаго усилился нѣсколько румянецъ.

— Хорошо, братцы, идете, сказалъ имъ Радецкій... Сегодня можетъ быть того...

— Рады стараться! довольно вяло отвѣтили стрѣлки, но тотчасъ-же прибавили шагу.

Вторая рота шла тоже тихо.

— Сегодня, говоритъ имъ Радецкій, вы помѣритесь съ врагомъ...

— Постараемся, ваше превосходительство!—не дружно отвѣтили стрѣлки.

Стрѣлки шли тихо, но стройно. Каждой части генералъ Радецкій сказалъ нѣсколько словъ.

Становилось очень жарко; солнце пекло исправно; хоть-бы откуда нибудь подулъ вѣтерокъ.

Стрѣлки потянулись по шоссе, части разомкнулись, стало привольнѣе идти, шагъ сдѣлался пошире.

Генералъ Радецкій обогналъ стрѣлковъ и выѣхалъ за Дебеленъ. Картина, намъ открывшаяся, была поразительна. Все шоссе было покрыто бѣгущими изъ-за Балканъ болгарами; тутъ были десятки тысячъ народа. Видя идущее русское войско, бѣженцы сходили съ дороги и становились по обѣ ея стороны шпалерами. Особенно много было женщинъ и дѣтей. Чувствуя, что это войско идетъ спасать Габрово и Шипку, болгары съ благоговѣніемъ встрѣчали его. Большая часть изъ нихъ творила крестное знаменіе, многіе крестили насъ, многіе плакали и выражали громко пожеланія всего хорошаго. Многіе становились на колѣни.

Это было переселеніе народовъ. Война принимала ужасающіе размѣры. Истребленіе цѣлыхъ областей сопровождало ее. Это что-то небывалое въ новой исторіи, напоминающее войны, которыя вели народы въ эпоху переселеній, напоминающее отчасти крестовые походы... Какая-то стихійная сила управляла событіями этой великой войны. Народныя страсти овладѣвали цѣлыми областями, ужасы самой истребительной войны доходили до небывалыхъ звѣрствъ. Паника распространялась до ужасающихъ размѣровъ... Иначе и не могло

быть, ибо то была война не политическая, а религіозно-племенная...

Стрѣлки сдѣлали привалъ у Генчовца-хана. Въ Дряновѣ варили обѣдъ. Къ Дряновѣ къ четыремъ часамъ пополудни стала подходить часть дивизіи генерала Драгомирова.

Потянулись далѣе. Жара доходила до 39° по Реомюру. Духота въ воздухѣ была невыносима... Люди массами падали по дорогѣ. Идти многимъ было просто не въ моготу. До Дрянова болѣе сорока человѣкъ подверглась солнечному удару, отъ котораго шесть человѣкъ уже умерло.

Чтобы облегчить движеніе частей, въ Дряновѣ, въ теченіе одного часа было собрано 240 паро-воловыхъ подводъ, изъ коихъ 120 отдано въ стрѣлковую бригаду и такое же число въ 14-ю дивизію. На эти подводы были посажены люди, которые наиболѣе изнемогли; отдохнувши, люди эти смѣнялись другими.

Между тѣмъ страна принимала все болѣе и болѣе гористый видъ; подъемы становились круче и длиннѣе. Мы вошли въ предгорія Балканъ.

Стрѣлки уже сдѣлали 20 верстъ, части 14-й дивизіи кончали 36-ю версту, а до перевала еще оставалось цѣлыхъ 32 версты.

Въ Генчовцѣ-ханѣ генералы Радецкій, Драгомировъ, Дмитровскій и свита остановились отдохнутъ подъ тѣнью широкаго орѣшника, у ключа, вытекавшаго тутъ же, изъ-подъ дерева.

Мы растянулись на цыновкахъ, разостланныхъ на землѣ. Подъ тѣнью орѣшника было прохладно. Солдаты столпились у ключа и съ жадностью пили прохладную воду. Болгары сотнями подходили къ войскамъ и предлагали кувшины, наполненные водою.

Намъ подали огромный кувшинъ вина мѣстнаго издѣлія и хлѣба, а въ ханѣ, который былъ расположенъ по сосѣдству, намъ сварили чернаго кофе. Генералъ Радецкій предложилъ

намъ водки, коньяку, жаренаго мяса, сардинокъ и бѣлаго тырновскаго хлѣба. Пріятнѣе всего было выпить чаю, а потому нѣсколько мѣдныхъ чайниковъ было поставлено на огонь...

Между солдатами и болгарами, столпившимися у ключа, завязался разговоръ.

— Ну, что, братушка, спрашиваетъ молодой унтеръ-офицеръ стрѣлковаго баталіона:—турки задали вамъ жару?!

— Тіи ни сывсѣмъ разорихы и разграбихы, за тово и множина *ся разбѣгватъ и отхождатъ кой на кадѣ* — тому видятъ очи-ти,—пояснилъ усатый болгаринъ причину бѣгства изъ-за Балканъ.

— Ничего, утѣшалъ его стрѣлокъ: — мы его, проклятаго турку, отколотимъ!

— Дай Боже!

Замѣчательна способность нашего солдата объясняться съ мѣстнымъ населеніемъ: что они хорошо понимали языкъ болгаръ, многіе даже говорили хорошо—это не удивительно, такъ какъ языки русскій и болгарскій близко родственны, но что удивительно, *такъ это то, что даже съ турками они объяснялись и понимали суть... Конечно, тутъ главную роль играла мимика, а также и то,* что многіе турки понимали поболгарски. Вообще нашъ солдатъ относился къ болгарамъ покровительственно, даже нѣсколько свысока, часто безжалостно надъ ними посмѣиваясь. Наши несравненно добродушнѣе болгаръ, чѣмъ эти и пользовались. За то, когда нашъ замѣтитъ, что болгаринъ его надуваетъ, этому послѣднему плохо приходится. Обругавъ его «проклятымъ жидомъ», солдатъ обыкновенно закатываетъ ему затрещину... И это дѣлается безъ всякой злобы, безъ желанія нанести ему вредъ, а какъ должное, заслуженное. Къ женскому полу солдаты относились съ большимъ любопытствомъ...

— Не поймешь ихъ, что онѣ женщины, что-ли... ни то, ни се, ни рыба, ни мясо—говорили они.

*

Цѣломудріе болгарокъ возбуждало еще большее къ нимъ любопытство... Частенько ихъ стыдливость возбуждала смѣшки.

— Барышня, а барышня, часто слышалось на улицахъ Тырнова, дозвольте у васъ спросить, какъ тутъ пройти въ канакъ?..

И болгарка, горожанка Тырнова, одѣтая словно провинціальная наша барыня, указывала дорогу, не подозрѣвая ѣдкости въ словахъ солдата.

За мостомъ, у самаго Царево-Ливада, дорога раздѣлялась: направо шло хорошее шоссе въ Габрово, налѣво шоссе меньшихъ размѣровъ шло въ городокъ Травну. Поэтому неудивительно, что на этомъ мѣстѣ столпленіе болгаръ-бѣженцевъ было особенно значительно. Большое число бѣженцевъ рѣшилось выжидать событій и не двигаться далѣе на сѣверъ. Бѣдность ихъ доходила до того, что многіе изъ женщинъ просили милостину у насъ—явленіе очень рѣдкое у болгаръ.

Въ Царево-Ливада корпусный командиръ приказалъ генеральнаго-штаба капитану Мальцеву ѣхать на Шипкинскій перевалъ, узнать положеніе дѣлъ и пріѣхать въ Габрово для доклада.

Въ 9 часовъ вечера генералъ Радецкій, генералъ Дмитровскій и мы пріѣхали въ Габрово. Насъ встрѣтилъ начальникъ Габровскаго округа и повелъ по главной улицѣ города. Проѣхавъ съ версту, онъ доложилъ генералу о приготовленной для него квартирѣ и указалъ на двухъ-этажный домъ.

Генералъ Радецкій предпочелъ остановиться въ полѣ, въ палаткѣ, и обратно выѣхалъ изъ города.

Довольно богатый городъ Габрово представлялъ въ эту ночь ужасающее зрѣлище. Вмѣсто обычныхъ четырехъ тысячъ, въ городѣ столпилось болѣе двѣнадцати тысячъ душъ. Всѣ свободныя жилища были переполнены людьми, по улицамъ народъ кишѣлъ густою массою. Волненіе было неописанное, и было отъ чего волноваться: горсть шипкинскихъ героевъ была ата-

кована пятьюдесятьютысячною отборною турецкою арміею. Бой кипѣлъ на высотахъ уже вторыя сутки. Масса раненыхъ русскихъ и болгаръ-ополченцевъ наполнила городъ. То и дѣло доходили сверху вѣсти, что турки яростно и по нѣсколько разъ лѣзутъ на высоты, что нѣкоторыя высоты уже заняты ими, что гора Св. Николая съ трудомъ удерживается нашими.

Надо отдать справедливость гражданской власти Габровскаго округа. Маіоръ Масловъ, начальникъ этого округа, опытный, хотя и молодой туркестанскій офицеръ, отнесся къ дѣлу съ полнымъ хладнокровіемъ. Убѣждая населеніе не волноваться, онъ распорядился поставить въ многолюдной части города хоръ военной музыки... Маршъ, наигрываемый этимъ хоромъ, сливался съ гуломъ выстрѣловъ, которые доносились съ Балканъ, занятыхъ нашими и турками. Полиція была поднята на ноги и дѣятельными распоряженіями исполняла малѣйшее требованіе войскъ. Потребовали воды на перевалъ— немедленно были собраны боченки, и болгары отправлены съ водой. Требовали хлѣба—хлѣбъ черезъ нѣсколько часовъ посылался на верхъ. Почти тысяча болгаръ была выслана за Габрово чинить мосты и исправлять дорогу, которая вела изъ города къ перевалу. Собраны цѣлые транспорты воловьихъ подводъ... Агенты товарищества по довольствію арміи, дѣятельно собиравшіе запасы въ Габрово, бѣжали до одного изъ города, какъ только Сулейманъ повелъ свои атаки на перевалъ. Къ собраннымъ товариществомъ запасамъ начальникъ округа поставилъ караулъ. Запасы выдавались войскамъ подъ росписки.

Какъ только въ Габрово хлынули забалканскіе болгары, начальникъ округа распорядился часть ихъ направить за городъ, часть размѣстить въ городѣ. Чрезъ нѣсколько дней въ городѣ былъ основанъ пріютъ, въ который помѣщены малолѣтніе сироты. Бѣженцамъ ежедневно давался хлѣбъ и соль...

Въ ночь съ 10-го на 11-е Августа около двухъ часовъ

подошла къ Габрову четвертая стрѣлковая бригада; къ семи часамъ утра 11-го — вторая бригада 14-й дивизіи. Еще въ Дряновѣ генералъ Радецкій полагалъ, что мы на слѣдующій день къ полудню подоспѣемъ на перевалъ. Теперь объ этомъ нельзя было и думать. Люди были крайне утомлены. Съ Шипки были получены извѣстія, что все 10-е число прошло въ горячей перестрѣлкѣ, что штурмы батарей и траншей турками не повторялись... Въ виду этого обстоятельства и утомленія войскъ положено было начать выступленіе изъ Габрова не ранѣе 6 часовъ пополудни того же 11-го Августа. Ожидали, что въ теченіе дня 11-го изъ Сельви прибудетъ Волынскій полкъ, пришелъ же онъ къ вечеру: и ему удушливая жара ставила на каждомъ шагу препятствіе.

Военная исторія оцѣнитъ по достоинству замѣчательный маршъ Радецкаго на выручку Шипки... Замѣтимъ здѣсь, что 4-я стрѣлковая бригада въ теченіи десятаго Августа сдѣлала сорокъ верстъ, 2-я бригада дивизіи генерала Драгомирова—56. Трудно себѣ представить болѣе тяжелыя условія похода. Удушливая жара, крутые и длинные подъемы — затрудняли движеніе до неимовѣрной степени. Да къ тому еще пыль стояла мѣстами словно туманъ, безъ всякаго движенія.

Первый актъ великаго дѣла—выручки своихъ — былъ исполненъ. Оставалось до перевала 12 верстъ, не болѣе... Но эти версты были самыя трудныя.

Войска погрузились въ глубокій сонъ. Легли, какъ пришли.

Генералъ Радецкій всталъ рано утромъ. Генералъ Драгомировъ поздно ночью пріѣхалъ къ ставкѣ корпуснаго командира.

Солдаты крѣпко спали, офицеры-начальники почти не смыкали глазъ, понимая всю важность предстоящаго дѣла и всю его опасность. Многіе подробно ознакомились съ положеніемъ дѣлъ на Шипкѣ, многіе, въ этомъ надо сознаться, боялись не поздно-ли подошла выручка.

Еще до разсвѣта 11-го Августа съ непріятельской позиціи раздались залпы. Наши орудія имъ отвѣчали. Хорошо неизвѣстно было, что означала эта артиллерійская пальба. Была-ли это просто перестрѣлка, или турки снова полѣзли на штурмъ.

Съ балконовъ Габровскихъ домовъ, расположенныхъ на Янтрѣ, ясно были видны клубы дыма, вылетавшіе изъ артиллерійскихъ орудій. Сердце замирало отъ неизвѣстности. Какое-то внутреннее необъяснимое чувство говорило: «иди, иди, торопись, выручай своихъ, на тебя надѣются, тебя ждутъ какъ роднаго отца». Иногда приходиловъ голову: неужели тутъ рѣшится честь нашего оружія, быть можетъ судьба войны!? Ну, а если?.. Но это было одно мгновенье!

Часу въ седьмомъ утра къ корпусному командиру по его требованію съ перевала явился генералъ Дерожинскій. Какая-то особая тѣнь, какъ-бы предчувствіе чего-то очень недобраго видно были на его смугломъ серьозномъ лицѣ.

Генералъ Дерожинскій доложилъ о положеніи перевала... Небывалая, геройская защита перевала 9-го числа выказала необычайную стойкость Орловскаго полка и молодаго Болгарскаго ополченія. Тутъ, на высяхъ Балканъ, болгары побратались съ русскими войсками. Положеніе защитниковъ было критическое. Не было мѣста, которое-бы не обстрѣливалось съ двухъ или съ трехъ сторонъ непріятелемъ. Турки обходили нашу позицію. 10-е прошло въ страшной перестрѣлкѣ. Съ утра 11-го турки начали настойчивые приступы. Положеніе защитниковъ было настолько тяжелое и опасное, что требовало немедленной отправки свѣжихъ силъ. Генералъ Радецкій, выслушавъ докладъ, приказалъ Дерожинскому немедленно ѣхать на перевалъ и объявить войскамъ, защищавшимъ его, что онъ вскорѣ выступаетъ на Шипку. Уже былъ девятый часъ утра. Въ частяхъ варили обѣдъ.

Ровно въ девять часовъ прискакиваетъ съ перевала ротмистръ Драгунскаго полка, прикомандированный къ дружинамъ Болгарскаго ополченія.

— Ну, что? спросилъ его спокойно Радецкій.

— Дѣла весьма плохи; турки настойчиво атакуютъ шоссе; нашъ тылъ обстрѣливается уже на двѣ версты отъ тыльной батареи; на позицію надо входить подъ сильными выстрѣлами... отвѣтилъ ротмистръ.

— Я скоро выступлю... До прихода продержитесь?

— Трудно ручаться...

Корпусный командиръ послалъ его на Шипку и отдалъ приказаніе 4-й стрѣлковой бригадѣ и части 14-й пѣхотной дивизіи готовиться къ выступленію. Приказано одѣть мундиры, оставивъ шинели въ Габровѣ.

Люди закопошились.

Ровно въ 10 часовъ съ позиціи прискакалъ полковникъ Депрерадовичъ. Любо было смотрѣть на его молодцоватый и спокойный видъ.

— Ну, что? спросилъ его Радецкій.

— Идите скорѣе, ваше превосходительство... Войска на Шипкѣ третій день ѣдятъ только сухари... Люди измучились... Патроны выходятъ... Турки яростно лѣзутъ на высоты!..

— Наши конечно продержатся до моего прихода? спросилъ Радецкій.

— Продержатся, за это ручаюсь!

— Ну, вотъ — это хорошо!

На лицѣ генерала Радецкаго появилась какая-то мягкая улыбка. Онъ очевидно былъ доволенъ отвѣтомъ полковника Депрерадовича. Это былъ чуть-ли не единственный отвѣтъ, утѣшавшій и обнадеживавшій.

— Поѣзжайте наверхъ, сказалъ ему Радецкій, и скажите, что черезъ полчаса я выступаю.

Депрерадовичъ поскакалъ на позицію.

Стрѣлки должны были выступить въ 11 часовъ дня, за ними въ шесть часовъ пополудни выступали полки 14-й дивизіи.

Самъ Радецкій назначилъ свой выѣздъ въ часъ дня. Кто-то замѣтилъ, что не лучше-ли послать кого нибудь изъ генераловъ на Шипку съ головными частями подкрѣпленія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ генералъ Радецкій, ужь лучше я самъ пойду со стрѣлками.

Стрѣлки двигались чрезвычайно медленно, и уже на второй верстѣ многіе до того устали, что садились по сторонамъ шоссе. Усиленные переходы въ ночь съ 7-го на 8-е число, движеніе 9-го Августа, а особенно трудный маршъ отъ Присова на Шипку въ знойный день, обезсилили людей. Еще болѣе досталось частямъ 14-й дивизіи.

До подъема, который начинается на седьмой верстѣ отъ Габрова, дорога идетъ по ущелью, по которому протекаетъ рѣка Янтра. Черезъ Янтру перекинуты довольно прочные каменные мосты. Балканы круто подымаются надъ ущельемъ, горы поросли лѣсомъ, лишь мѣстами довольно густымъ.

День былъ жаркій, подобно кануну. Солнце ярко блестѣло на небѣ; на всемъ видимомъ пространствѣ неба не было даже малѣйшаго облачка. Казалось, было жарче вчерашняго дня. Скалы, окаймляющія ущелье, накалились и увеличивали жару. Три часа употребили стрѣлки, чтобы пройти это ущелье. Въ ущельи тѣснились бѣженцы-болгары. Женщины, дѣти, волы, буйволы, лошади, ослы, повозки — все это помѣщалось на свободныхъ клочкахъ узкой долины Янтры и горахъ. Мужчинъ было видно очень мало. Мѣстами разложены были костры — вѣроятно бѣженцы варили себѣ пищу. Какъ только кончилось ущелье, передъ нами открылся подъемъ на Шипку, подъемъ крутой и тяжелый. Вправо проходила дорога на село Зелено-Древо, впереди котораго къ Иметлійскому перевалу была выставлена команда Болгарскаго ополченія, охранявшая путь на Габрово отъ обхода непріятеля.

У конца ущелья всѣ стрѣлки полегли; усталость была общая.

Было два часа пополудни; къ головной части стрѣлковъ подъѣхалъ генералъ Радецкій.

— Ну, съ Богомъ! сказалъ онъ стрѣлкамъ.

Люди начали вставать и шагъ за шагомъ пошли на подъемъ.

Вправо отъ насъ, у самаго шоссе стояла повозка, близь которой нѣсколько болгарскихъ женщинъ возились около какого-то трупа. Это былъ одинъ изъ раненыхъ орловцевъ; раненъ онъ былъ пулею въ голову и кое-какъ доплелся съ перевала, но тутъ упалъ безъ чувствъ. Болгарки мокрою тряпкою мочили его рану. Человѣка три изъ штаба корпуснаго командира подъѣхали къ повозкѣ. Перевязавъ наскоро рану, изъ которой медленно сочилась кровь, вливъ въ ротъ раненаго небольшое количество воды, мы услышали глухіе стоны. Раненый былъ отправленъ съ казакомъ на повозкѣ въ Габрово.

Отъ самаго города мы встрѣчали раненыхъ. Тутъ число ихъ съ каждымъ шагомъ увеличивалось все болѣе и болѣе. Многіе изъ нихъ шли сами, нѣкоторые несли съ собой ружья.

— Ну, что тамъ дѣлается? спросилъ кто-то молодаго солдата, раненаго въ правую руку.

— Ничего, ловко досталось подлецамъ, отвѣтилъ онъ: да вотъ меня зацѣпили въ правую.

— Ну, а что, продержатся наши?

— Наши-то? Продержатся... Только турковъ больно много!

Большая часть раненыхъ шла въ сопровожденіи людей, совершенно здоровыхъ. Нѣкоторыхъ несли на носилкахъ.

Встрѣчались люди, шедшіе съ позицій и совершенно здоровые. Многіе шли безъ всякаго дѣла.

— Ты куда? спросилъ одного изъ такихъ генералъ Радецкій.

— Патроновъ нѣтъ, ваше превосходительство...

— Ступай назадъ!

Тяжко, невообразимо тяжко было взбираться на подъемъ. Люди садились и ложились, пройдя какихъ нибудь сорокъ-пятьдесятъ шаговъ.

На камнѣ, подъ тѣнью небольшаго дерева, пріютился стрѣлокъ; силъ не хватало у него взбираться въ гору. Ружье свое онъ прислонилъ къ дереву. Загорѣлое лицо его покрыто потомъ, глаза тусклые. Вся фигура представляетъ полное физическое утомленіе и полное равнодушіе рѣшительно ко всему, что его окружало. Тамъ, на высотахъ, всего въ какихъ-нибудь четырехъ-пяти верстахъ турки яростно бьются съ горстью русскихъ; грохотъ артиллерійскихъ орудій явственно слышенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ расположился стрѣлокъ; какой-то неопредѣленный шумъ, не то залпы тысячи ружей, не то крики тысячи людей доносятся до стрѣлка—и до всего этого ему точно нѣтъ никакого дѣла... Проѣзжаетъ мимо него командиръ баталіона, не сказалъ ни слова, а только посмотрѣлъ на него— и онъ не пошевельнулся. Проѣзжаетъ бригадный, проѣзжаетъ корпусный командиръ со своимъ штабомъ, — стрѣлокъ мелькомъ взглянулъ на все это начальство и только ниже опустилъ свою голову. Видно очень усталъ онъ, и ноги отказываютъ ему двигаться. Подходитъ къ нему молодой офицеръ, беретъ его ружье и идетъ далѣе. Стрѣлокъ встрепенулся и вскочилъ на ноги...

— Ваше благородіе! говоритъ онъ.

Офицеръ, не оборачиваясь, отвѣчаетъ: — Тяжело ружье нести, я его понесу.

— Ужь позвольте... я самъ... перемогусь какъ нибудь.

И пошелъ стрѣлокъ тихимъ шагомъ, точно ему стало легче.

Стрѣлки тяжело работали ногами; шапки на бекрень; потъ градомъ лился съ загорѣлыхъ, измученныхъ лицъ... Мундиры всѣ разстегнуты... Груди обнаженныя и покрытыя каплями крупнаго пота... Утомленіе было страшное, но по мѣрѣ приближенія къ перевалу, по мѣрѣ того, какъ выстрѣлы съ пози-

ціи доносились все явственнѣе и явственнѣе, лица стрѣлковъ принимали все болѣе и болѣе выразительное выраженіе... На многихъ можно было подмѣтить злобу — она относилась къ тому врагу, котораго уже знали люди 4-й стрѣлковой бригады...

— Данилычъ, а, Данилычъ, кричитъ молодой солдатъ усатому унтеру, его односельчанину, — никакъ ноги отвалились, чего разсѣлся...

— Силъ нѣтъ...

— Вставай, не будь баба: слышишь турки насъ кличутъ... Ишь-ты, проклятые, какъ разыгрались... чтобъ имъ...

И Данилычъ встаетъ и идетъ далѣе.

Между тѣмъ было уже четыре часа. До позиціи оставалось всего четыре версты. Мы уже ясно видѣли артиллерійскій огонь, стали слышаться и ружейные залпы.

— Иди, иди, братцы... обращается къ людямъ Радецкій— сегодня будетъ того, смотрите!

Тутъ мы получили между прочимъ извѣстіе, что съ командиромъ 2-й бригады 14 дивизіи былъ солнечный ударъ. Не задумался генералъ Петрушевскій и пошелъ подъ фонтанъ, изъ котораго текла холодная вода—этимъ только и спасся.

Наконецъ мы достигли турецкой караулки. Тутъ на небольшомъ плато стояла часть войсковаго обоза и было расположено до двухсотъ обозныхъ лошадей. Стрѣлки, сдѣлавъ геройское усиліе, окончательно пришли въ изнеможеніе. Жара какъ-бы нарочно терзала людей. Было безъ двадцати минутъ шесть.

Вдругъ, съ высотъ перевала, на шоссе показался скачущій всадникъ. Всѣ обратили на него вниманіе, ожидая съ замираніемъ сердца, что онъ повѣдаетъ...

Минутъ черезъ пятнадцать всадникъ поравнялся съ корпуснымъ командиромъ. Это былъ храбрый и распорядительный маіоръ Поповъ, прикомандированный къ Болгарскому ополченію.

— Ради Бога спѣшите! почти крикнулъ онъ.

— Ну, что? спросилъ его генералъ Радецкій.

— Очень тяжелое положеніе, запыхавшись объяснилъ маіоръ Поповъ.—Люди въ отчаяніи, что помощь не идетъ.

— До вечера продержитесь? спросилъ корпусный командиръ.

— Трудно ручаться, отвѣтилъ почти съ отчаяніемъ Поповъ,—турки заняли обѣ Лысыя высоты и спускаются на самую *нашу позицію*; гора Николай легко можетъ быть отрѣзана...

Генералъ Радецкій сдѣлался очень серьозенъ. Положеніе было почти, какъ казалось, безвыходное. Тамъ, на перевалѣ, несомнѣнно было очень тяжело; здѣсь тоже не легче. Изъ всего что шло на выручку Шипки, наверхъ можно было направить двѣ сотни казаковъ; другія части были не въ состояніи немедленно явиться на перевалъ, а между тѣмъ оставалось всего какихъ нибудь четыре версты.

Блестящая мысль вдругъ мелькнула въ голову. Найденъ исходъ...

Генералъ Радецкій приказалъ стрѣлковъ посадить на коней, для чего было велѣно взять стоявшихъ поблизости подъемныхъ лошадей.

Мгновенно мысль о посадкѣ людей на коней сдѣлалась всѣмъ извѣстна.

Офицеры начали исполнять приказаніе. Стрѣлки пошли къ лошадямъ.

— Слышите, братцы: велѣно на коней садиться,—кто-то крикнулъ.

— А гдѣ-же кони?

— А вотъ обозные стоятъ!

— Садиться по-двое на одну!

Радостное чувство охватило стрѣлковъ. Начали разбирать лошадей и садиться.

— Да ты полѣзай сбоку! Что-же ты на морду ей что-ли хочешь сѣсть?..

— Плотнѣе ко мнѣ... Хватайся за бока, а я управлюсь, меринъ добрый!..

— Ну, теперь туркамъ не сдобровать, братцы, коли стрѣлковъ въ кавалерію обратили!..

Усталь и уныніе—какъ не бывали. Пошли разныя шутки... И досталось-же этимъ проклятымъ туркамъ.

За 16-мъ стрѣлковымъ баталіономъ двигалась горная батарея, она ничуть не отставала отъ пѣхоты. Часть стрѣлковъ пошла далѣе—это были отборные ходаки.

Нельзя не замѣтить здѣсь о той энергіи и дѣятельности генералъ-лейтенанта Кренке, которыми онъ заявилъ себя на Шипкѣ. Подъемъ на самый перевалъ прекрасно разработанъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и обращенъ въ широкое шоссе, облегчавшее сообщеніе съ Габровомъ. Въ самомъ бою девятаго и десятаго генералъ Кренке хотя и не командовалъ войсками, оставался на позиціи подъ огнемъ. Присутствіе среди славныхъ защитниковъ стараго семидесятилѣтняго генерала производило особое нравственное вліяніе. Къ нему многіе обращались—и онъ всегда давалъ совѣты и вселялъ мужество.

Кстати добавимъ, что первоначальныя укрѣпленія на перевалѣ сдѣланы подъ руководствомъ инженера полковника Ласковскаго, адъютанта Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго дѣйствующею арміею.

Генералъ Радецкій съ штабомъ поѣхалъ впередъ. Казакамъ приказано двигаться,—горной батареѣ подтягиваться за казаками.

Въ полуверстѣ отъ караулки, мимо нашихъ головъ пролетѣла первая непріятельская пуля; затѣмъ вторая, третья... И пошли онѣ посвистывать и жужжать, словно мухи. Мы по-

пали въ сферу огня... Пули летѣли справа, и вѣроятно издалека, почти всѣ выше головъ, рѣдкая падала на шоссе.

Съ версту мы проѣхали подъ боковыми выстрѣлами. Оглянувшись, мы увидѣли стрѣлковъ, ѣдущихъ на лошадяхъ.

Между тѣмъ, двѣ казачьи сотни, спѣшившись, засѣли въ кусты, влѣво отъ шоссе, совершенно въ противную сторону отъ непріятеля.

Начальникъ штаба корпуса генералъ Дмитровскій перевелъ людей вправо шоссе, а затѣмъ было приказано казакамъ подвозить стрѣлковъ на позицію... Дѣло это исполнялось превосходно. Часть-же казаковъ была оставлена въ цѣпи безъ лошадей.

Въ верстѣ отъ позиціи, то есть отъ тыльной батареи, называвшейся впослѣдствіи Драгомировской, генералъ Радецкій въѣхалъ на небольшую высоту вправо. Мы тотчасъ-же были осыпаны градомъ пуль, что заставило насъ разомкнуться. Мы были верхомъ. Впереди насъ пролегалъ глубокій лѣсистый оврагъ, а за нимъ тянулись лѣсистыя-же высоты, занятыя турками. Эти высоты шли почти параллельно шоссе и заходили за тылъ позиціи; съ нихъ-то и обстрѣливались подступы къ перевалу. Такимъ образомъ первое соображеніе, представившееся намъ по осмотрѣ этой части позиціи, заключалось въ слѣдующемъ: турки загибаютъ постепенно свой лѣвый флангъ, обошли нашъ правый флангъ и угрожаютъ тылу. Это было ясно, какъ Божій день. Спѣшеннымъ по близости казакамъ приказано было стрѣлять по огню непріятеля.

Нѣкоторые изъ насъ увидѣли одинокихъ турокъ, повидимому спускавшихся въ оврагъ.

Въ половинѣ шестаго мы остановились на одной высотѣ, расположенной всего въ полуверстѣ отъ тыльной батареи... Уже съ часъ эта послѣдняя прекратила артиллерійскій огонь, такъ какъ вышли всѣ снаряды.

Съ тыльной батареи орудія снимались и свозились внизъ, въ направленіи къ намъ. Къ намъ-же двигались какія-то

повозки. Вдругъ мы увидѣли бѣгущихъ людей! Одинъ ужь пробѣжалъ мимо насъ.

— Ты куда идешь? спросили его.

— Патроновъ нѣтъ, ружье испорчено.

Число уходившихъ съ позиціи людей все увеличивалось и увеличивалось... Ихъ столпилось у тыльной батареи болѣе полутороста человѣкъ... Казалось-же ихъ гораздо болѣе... Многимъ мелькнуло въ голову: на позиціи распространяется паника; турки окончательно одолѣваютъ, наши сдаютъ... Ружейные залпы были слышны отчетливо, громъ орудій былъ ужасный: точно горы заговорили, эхо разносило звукъ по высотамъ и долинамъ... На позиціи былъ шумъ невообразимый: казалось будто тысячи людей издаютъ какой-то пронзительный, зовущій голосъ, иногда—голосъ отчаянія, а затѣмъ точно изъ тысячи грудей вырвалось русское «ура»... Вѣроятно наши пошли въ штыки.

Генералъ Радецкій оставался невозмутимымъ, и въ бинокль смотрѣлъ вправо; онъ наблюдалъ за непріятелемъ. По всему было видно, что онъ уже зналъ въ чемъ дѣло, и хорошо зналъ, что надо было дѣлать. Кавказскій герой, опытный въ горной войнѣ, онъ уже оцѣнилъ взаимное положеніе борющихся, и сталъ увѣренъ, что наша возьметъ. На позиціи нашей оставалось болѣе пяти тысячъ людей: полки Орловскій, Брянскій и дружины Болгарскаго ополченія. Помощь подоспѣла; менѣе чѣмъ черезъ часъ стрѣлковый баталіонъ долженъ былъ быть на позиціи, за нимъ шли остальные три баталіона бригады, а затѣмъ спѣшили драгомировцы.

Мы спустились на шоссе. Пули осыпали насъ; большая ихъ часть проносилась надъ головами...

Четверо санитаровъ несли на носилкахъ тяжело раненаго, совсѣмъ еще юнаго офицера.

Увидавъ кучку конныхъ людей, офицеръ спросилъ: «кто это?».

— Корпусный командиръ!

Юноша посмотрѣлъ на корпуснаго какъ-то особенно нѣжно и слабымъ голосомъ проговорилъ: «поздно пришли».

Раненый въ ногу и руку, усатый солдатъ, кое-какъ шедшій, опираясь на плечо товарища, обращаясь къ намъ сказалъ «кабы полчаса раньше!»

Изъ-за тыльной батареи скачетъ на турецкомъ конѣ офицеръ и проскакиваетъ мимо насъ.

— Вы куда? крикнулъ ему генералъ Радецкій.

Офицеръ, не отвѣчая ни слова, повернулъ своего коня налѣво кругомъ, и мы увидѣли его окровавленную ногу. Это былъ подпоручикъ Орловскаго полка Чертковъ, служившій на Кавказѣ, затѣмъ долго бывшій въ отставкѣ и пріѣхавшій въ дѣйствующую армію уже изъ Туркестана.

Между тѣмъ стрѣльба со стороны турокъ приняла яростный, бѣшеный характеръ. Они стрѣляли со всѣхъ батарей безъ умолку. Ружейные залпы безъ перерыва слѣдовали одинъ за другимъ

Турки дѣлали послѣднія свои бѣшеныя усилія.

Позиція была скрыта тыльной батареей. Тысячи пуль были направлены на насъ: турки ясно завидѣли подоспѣвшую помощь.

Еще было очень жарко. Въ воздухѣ было совершенно тихо: точно природа умолкла, чтобы посмотрѣть хорошенько какъ рѣшится роковой вопросъ.

Позиціи турокъ были въ лѣсу. Огонь ихъ обозначался дымками, появляющимися по горамъ въ нѣсколько ярусовъ.

Въ это время непріятель, какъ мы вскорѣ узнали, производилъ отчаянныя усилія штурмомъ овладѣть переваломъ.

Эта минута была дѣйствительно критическая.

Вдругъ у тыльной батареи показался скачущій всадникъ... Солдаты массами начали отходить внизъ... Сердце замерло:

«неужели и правда мы запоздали? Неужели все потеряно? Неужели на позиціи паника? Самое ужасное явленіе войны— это паника.

Скакавшій всадникъ былъ военный чиновникъ; шагахъ въ двухстахъ отъ насъ онъ остановился и что-то сказалъ бѣжавшему рядомъ съ нимъ солдату... Черезъ нѣсколько секундъ мы услышали кавалерійскій сигналъ: «маршъ-маршъ».

Намъ показалось, что вслѣдъ за этимъ сигналомъ толпа повалила внизъ еще шибче.

Генералъ Радецкій остановилъ проѣхавшаго было мимо чиновника.

— Позвольте, въ чемъ дѣло? спросилъ Радецкій.

Чиновникъ имѣлъ растерянный видъ.

— Все потеряно, наши бѣгутъ... проговорилъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Произошла пауза. Пули свистѣли мимо ушей...

Генералъ Радецкій замѣтилъ:

— Напрасно тревожитесь: дастъ Богъ все будетъ хорошо... Въ этомъ дѣлѣ первое—спокойствіе.

Произошла новая пауза. Пуля легла недалеко отъ лошади чиновника.

— А зачѣмъ горнистъ трубилъ въ карьеръ? спросилъ его Радецкій.

— Это по приказанію Столѣтова, чтобы стрѣлки шли скорѣе...

— Напрасно, сказалъ Радецкій:—торопиться некуда, поспѣемъ... Да горнистъ въ карьеръ и трубить-то не умѣетъ.

Произошла третья пауза. Чиновнику становилось неловко; а тутъ какъ на грѣхъ турки пристрѣлялись къ нашему мѣсту.

— Ну, теперь ступайте въ Габрово, добродушно замѣтилъ Радецкій:—тамъ ваше присутствіе будетъ болѣе полезно.

Сцена эта происходила на глазахъ всего штаба корпуснаго командира; какое-то особое успокоительное чувство она про-

извела на насъ; какую пользу, по всей вѣроятности, принесла она тому, кто былъ причиною ея! А между тѣмъ какой былъ прекрасный случай для начальника—чѣмъ многіе и пользовались—поглумиться надъ растерянным человѣкомъ, да пожалуй описать его въ приказѣ, въ назиданіе другимъ... Да, и подъ пулями, для которыхъ нѣтъ между прочимъ различія между нижнимъ чиномъ и начальникомъ, если этотъ послѣдній въ огнѣ сохраняетъ самообладаніе, всегда отрадно видѣть гуманность... Поученіе генерала, безъ сомнѣнія, останется памятнымъ на всю жизнь тому, къ кому оно было обращено. Такія вещи глубоко засѣдаютъ въ сердцѣ, не раздражаютъ, а скорѣе успокаиваютъ... Оборвать же подчиненнаго — вещь самая безхитростная.

Въ это самое время стрѣлки подъѣзжали къ тыльной батареѣ и вскорѣ скрылись за нею на позиціи.

Сердце отлегло... Уходившіе было съ позиціи люди остановились, и видя прибывшую помощь, вновь пошли наверхъ.

Въ это время подтянулись два горныхъ орудія, поставленныя генераломъ Радецкимъ вправо отъ шоссе, на небольшой высотѣ. Орудія были втащены на высоту людьми, и черезъ минуту уже обстрѣливали доступы къ тыльной батареѣ.

Генералъ Радецкій съ небольшою свитою проѣхалъ къ тыльной батареѣ; оставивъ лошадей, мы съ трудомъ взобрались на нее.

Было уже половина седьмаго вечера. Батарея была осыпаема пулями; непріятельскіе снаряды въ нее не ложились, а пролетали влѣво. На батареѣ была расположена сводная команда изъ орловцевъ и брянцевъ; эти послѣдніе явились на позицію десятаго августа. Людей было до двухъ сотъ; они были прикрыты небольшою траншеею. Взобравшись на батарею, мы присѣли.

Намъ были видны часть нашей позиціи и лѣвый флангъ турокъ.

Позиція наша состояла изъ шоссе, по сторонамъ котораго было нѣсколько высотъ; надъ всѣми этими высотами господствовала скала Св. Николая; на одномъ лишь мѣстѣ позиціи, между Николаемъ и центральною батареею, была небольшая площадка, сѣдловина, соединяющая совершенно удобно нашу позицію съ Лысыми горами, уже занятыми непріятелемъ. Затѣмъ остальныя части нашей позиціи, какъ справа, такъ и слѣва, были ограждены отъ турокъ большими оврагами, мѣстами весьма крутыми. Ни одного деревца, даже кустика мы не видѣли на нашей позиціи. Лишь тамъ, гдѣ были расположены дружины Болгарскаго ополченія были деревья и кусты, но позиція болгаръ съ тыльной батареи не была видна.

За то позиція турокъ и на западѣ и на востокѣ была сплошь покрыта лѣсомъ, отлично укрывавшемъ ихъ. Лишь первая высота Лысыхъ горъ была безъ лѣса, за что получила отъ нашихъ свое прозваніе. Высоты занятыя турками командовали нашею позиціею. Намъ казалось однако, что Св. Николай возвышался надъ непріятельскими позиціями, но это только казалось, на самомъ-же дѣлѣ гора Николай была ниже нѣкоторыхъ непріятельскихъ высотъ, на коихъ турки расположили свои дальнобойныя орудія.

Сборная команда тыльной батареи была силою съ роту. Командиръ ея, молодой оберъ-офицеръ, стоя у траншеи и разсматривая движеніе непріятеля, четыре раза подрядъ командовалъ: «пальба залпами».

Корпусный командиръ ему замѣтилъ: «Что вы все залпами стрѣляете... только патроны выходятъ».

Ротный командиръ, приложивъ руку къ козырьку, доложилъ:

— Турецкія колонны лѣзутъ, ваше превосходительство!

Мы встали и посмотрѣли внизъ, и вотъ что увидѣли: шагахъ въ восьмистахъ, а быть можетъ и ближе, подымались къ нашей батареѣ нѣсколько цѣпей турецкихъ стрѣлковъ, а за ними ша-

гахъ въ двухстахъ шли шесть колоннъ пѣхоты,—таборы-ли это были или меньшія части—трудно было разобрать. Турки шли въ порядкѣ — это были вполнѣ регулярныя части. Значитъ дѣло дѣйствительно было серьозное...

— Стрѣляйте залпами! приказалъ корпусный командиръ.

Вправо по скату въ небольшихъ ложементахъ были поставлены стрѣлки, а два горныхъ орудія, расположенныя нѣсколько позади батареи, стрѣляли во флангъ наступающимъ. Турки не выдержали сосредоточеннаго сильнаго огня, дрогнули и, оставивъ ряды убитыхъ и раненыхъ, отошли далѣе въ лѣсъ. Мѣсто, на которомъ мы сидѣли, было чрезвычайно важно—это былъ стратегическій ключъ позиціи. Если-бы его заняли турки, то вся позиція наша была бы отрѣзана, и батарею пришлось бы атаковать съ фронта свѣжими силами.

Вдругъ на всей нашей позиціи сдѣлалась тишина; вслѣдъ за симъ геройскіе защитники Шипки дружно, всею грудью прокричали громкое ура. Ура это было привѣтствіемъ подошедшей помощи. Дѣло было спасено—значитъ наша взяла и турки отбиты. Эта минута была настолько торжественна, такъ величава, что несомнѣнно останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній для всѣхъ, кто ее пережилъ.

Въ семь часовъ уже значительно смерклось. Мы спустились внизъ и сѣли подъ батареею. Пальба начинала ослабѣвать. Стрѣлковая бригада почти вся уже была на позиціи. Солдаты, чрезвычайно утомленные, шли по позиціи стройно и молодцами. Одинъ изъ баталіоновъ былъ остановленъ тутъ же около насъ. Рѣдкія пули падали на шоссе; большая часть пролетала надъ головами.

Защитникъ позиціи, генералъ-маіоръ Столѣтовъ, начальникъ Болгарскаго ополченія, встрѣтилъ генерала Радецкаго у самой тыльной батареи еще въ шесть часовъ, объяснилъ значеніе разныхъ пунктовъ позиціи, и разсказалъ ходъ защиты перевала 9, 10 и 11 Августа.

Въ исходѣ седьмаго часа на позицію подоспѣли габровскіе болгары, принесшіе изъ города воду, 50 ведеръ мѣстнаго краснаго вина и табаку.

Увидавъ это, генералъ Столѣтовъ какъ бы шепотомъ замѣтилъ: «это очень хорошо, знаете... Мы, знаете, посылали за водою все равно, что на разстрѣляніе!

Безъ четверти въ восемь часовъ вечера генералъ Радецкій поѣхалъ верхомъ по позиціи. Почти совсѣмъ стемнѣло. Столѣтовъ сопровождалъ насъ пѣшкомъ.

— Тише, тише, замѣтилъ онъ намъ... Тутъ раненые лежатъ... некогда было ихъ убрать!

Мы миновали нѣсколько раненыхъ, лежавшихъ на самомъ шоссе и подъ выстрѣлами непріятеля.

Сдѣлавъ около 200—300 шаговъ, мы очутились на узкомъ перешейкѣ, гдѣ позиція наша съуживалась до ста шаговъ. И справа и слѣва турки производили мѣткій ружейный огонь.

— Поѣзжайте рысью! крикнулъ Столѣтовъ:—здѣсь очень опасное мѣсто...

Дѣйствительно, пули съ особой быстротой летали вокругъ насъ и ложились на шоссе; по всему было видно, что непріятельскіе стрѣлки расположились по близости.

Генералъ Радецкій остановился.

— Подлецы—скверно стрѣляютъ! замѣтилъ онъ.

Вдругъ за нимъ, шагахъ въ двадцати, упало что-то тяжелое—то была турецкая граната; она скатилась внизъ, въ оврагъ.

Каждый выстрѣлъ означался въ лѣсу огонькомъ, турки замѣтно ослабили огонь... Повидимому они уже сознавались въ своемъ пораженіи и нашемъ торжествѣ.

На позицію полковника Липинскаго, командира Брянскаго полка, генералъ Радецкій прибылъ безъ четверти девять часовъ. Луна показалась изъ-за Бедека и блѣдными лучами освѣтила мрачную картину...

Въ это время къ корпусному командиру верхомъ подъѣхалъ флигель-адъютантъ Его Величества, полковникъ графъ Толстой, командовавшій во всѣ дни геройской обороной фронта. Съ нимъ же подъѣхалъ уполномоченный Краснаго Креста, В. П. Глѣбовъ, уже болѣе двухъ часовъ подъ огнемъ непріятеля заботившійся объ уборкѣ и перевязкѣ раненыхъ.

Спустя минутъ пять, графъ Толстой, указывая на гору *), доложилъ корпусному командиру слѣдующее:

— Сегодня почти весь день, ваше высокопревосходительство, мы боролись съ турками за эту гору. Высота эта теперь въ ихъ рукахъ... Она представляетъ большія выгоды непріятелю... Надо ее занять...

— Отлично, сказалъ генералъ Радецкій:—мы ее займемъ...

Немедленно приказано было ротамъ 16-го стрѣлковаго баталіона придвинуться къ сѣдловинѣ и занять штурмомъ высоту.

Было довольно темно, луна какъ-то вяло освѣщала землю... Роты отправились.

— Куда вы идете? вдругъ кто-то закричалъ.

— Атаковать гору! былъ отвѣтъ.

— Вы навели баталіонъ на наши мины!..

— Стой! скомандовали баталіону. Почему же здѣсь нѣтъ караула?

— Какой тутъ караулъ:—идите, я васъ проведу.

Къ лѣвому флангу стрѣлковъ была присоединена 11-я рота Брянскаго полка.

Разсыпали цѣпь, за нею шли небольшія сомкнутыя части. Начали тихо, безъ выстрѣла, взбираться въ гору. Прошли минутъ пять; вдругъ раздался залпъ нашей цѣпи и крики «ура!» Турки открыли сильный огонь и осыпали насъ пулями... Ми-

*) Гора эта составляла передовую высоту Лысыхъ и впослѣдствіи прозывалась Волынской.

нутъ черезъ десять стрѣлки дали вторичный залпъ уже на полугорѣ, и опять «ура!»... Еще черезъ десять минутъ наши дали третій залпъ почти уже на вершинѣ горы, и затѣмъ пошла бѣглая, усиленная перестрѣлка. Не прошло и сорока минутъ—первая высота Лысыхъ горъ была въ нашихъ рукахъ... Во время нашей атаки этой высоты турки подавали непрестанные пронзительные сигналы къ атакѣ...

Генералъ Радецкій поѣхалъ вдоль траншей; у подошвы горы Св. Николая шагахъ въ пятидесяти отъ стальной батареи, по настоянію полковника графа Толстаго мы слѣзли съ коней.

На стальной батареѣ, игравшей видную роль въ достопамятные дни обороны и вооруженной между прочимъ турецкими стальными дальнобойными орудіями, насъ встрѣтилъ молодой артиллерійскій подпоручикъ. На немъ былъ надѣтъ мундиръ, штаны были изорваны, голова была обнажена, на одной ногѣ туфля.

— Ну, что у васъ, какъ тутъ? спросилъ генералъ Радецкій.

— Очень много убитыхъ! отвѣчалъ подпоручикъ.

Близь самой батареи, почти параллельно расположенію орудій, на землѣ лежало человѣкъ двадцать артиллеристовъ. Можно было думать, что люди эти, истомившись, отдыхали...

— Устали, люди? кто-то замѣтилъ.

— Эти семнадцать человѣкъ, отвѣтилъ офицеръ указывая на лежащихъ,—убиты подъ-вечеръ всѣ были у меня наводчиками...

Мы подошли къ убитымъ. Большая часть изъ нихъ была ранена въ голову. Смерть вѣроятно у всѣхъ у нихъ была мгновенная; предсмертныя судороги поразительно были одинаковы: почти всѣ убитые лежали съ одинаково скорченными ногами и руками.

Передъ батареей въ ста пятидесяти шагахъ не болѣе, по шоссе, ведущему съ перевала внизъ, къ селенію Шипкѣ, была расположена турецкая траншея, изъ которой почти на выборъ били прислугу орудій стальной батареи.

Мы оглянулись на Лысую: перестрѣлка почти умолкла; на всей позиціи начала водворяться мертвая тишина; луна начала тускло свѣтить.

Сомнѣній не было: побѣда осталась на русской сторонѣ. Мы *торжествовали* — турки потерпѣли страшное пораженіе.

На стальной батареѣ, ровно въ десять часовъ ночи, когда смолкъ послѣдній выстрѣлъ и когда начиналось полное лунное затмѣніе, генералъ Радецкій приказалъ одному изъ состоявшихъ при немъ вынуть записную книжку и писать подъ его диктовку. Книжка была положена на казенную часть стальнаго орудія. Генералъ продиктовалъ депешу Его Императорскому Высочеству, Главнокомандующему дѣйствующею арміею:

Горный Студень.

Его Высочеству Главнокомандующему.

«Сегодня съ ранняго утра Шипкинская позиція подверглась атакамъ съ трехъ сторонъ. Атаки эти были чрезвычайно настойчивы и сопровождались самымъ адскимъ огнемъ. Съ ранняго утра я получалъ настоятельныя просьбы о подкрѣпленіи, такъ что долженъ былъ послать Стрѣлковую бригаду въ одиннадцать часовъ дня. Бригада прибыла на позицію въ шесть часовъ вечера, тотчасъ же вступила въ бой, воодушевивъ геройскихъ защитниковъ. Въ настоящее время бригада заняла позицію совмѣстно съ стоявшими тутъ войсками. Въ девять часовъ вечера 16-й стрѣлковый баталіонъ съ боя занялъ высоту передъ правымъ флангомъ позиціи».

Такъ кончился славный день одиннадцатаго августа! Еще разъ въ лѣтописи доблестной русской арміи будетъ занесена знаменательная побѣда надъ многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ врагомъ.

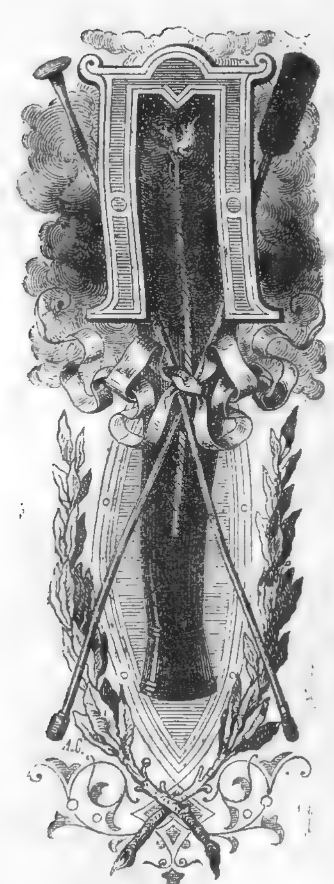
Л. Соболевъ.

1 Ноября, 1878.
С.-Петербургъ.

Изъ дневника артиллериста.

Журжа. Мая 30-го.

ришелъ желанный часъ: наконецъ я въ виду непріятеля, въ районѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Обстановка совершенно новая, впервые испытываемая, чувствуешь что-то совсѣмъ иное, чѣмъ, напр., въ Плоешти, хотя и тамъ приходилось на каждомъ шагу встрѣчаться со всѣми элементами похода. Здѣсь, въ Журжѣ, непріятель всего въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ; насъ отъ турокъ отдѣляетъ только Дунай.

Я пріѣхалъ въ Журжу поздно вечеромъ; раздобывъ себѣ возницу, мы двинулись по городу къ Дунаю, почти на самомъ берегу котораго находилась квартира генерала Моллера, начальника осадной артиллеріи, любезно предложившаго намъ у себя пристанище. При проѣздѣ по слабо освѣщеннымъ улицамъ, ничто не напоминало о серьозности положенія Журжи, какъ пункта уже подвергшагося восемь дней тому назадъ обстрѣливанію со стороны своего грознаго зарѣчнаго сосѣда—Рущука; не смотря на позднее время, въ гостиницахъ

и кабакахъ свѣтъ, въ нѣкоторыхъ слышна музыка, на улицахъ толпятся разныя подозрительныя личности, при видѣ которыхъ невольно вспоминались всѣ многочисленныя слышанныя уже ранѣе жалобы на обиліе турецкихъ шпіоновъ.

Вечеръ былъ чудесный, хотя и темный; изъ садика передъ окнами квартиры нашего хозяина врывались волны аромата душистыхъ цвѣтовъ; передъ окнами площадь, за которой уже Дунай. Площадь эта уже видѣла непріятельскіе снаряды; за недѣлю до нашего пріѣзда турки рано утромъ начали обстрѣливать Журжу, выпустивъ до 50 снарядовъ, причемъ большинство послѣднихъ не долетало и не рвалось, остальные-же, вслѣдствіе неудачно выбраннаго направленія, хотя и били въ одно мѣсто, но никакого вреда населенію не причинили; разсказывали, что жертвой турецкой стрѣльбы сдѣлалось всего одна какая-то несчастная курица, да еще бомба залетѣла въ пустую, стоявшую на берегу казарму, причемъ попала наискось въ двери, пробила уголъ стѣны и разорвалась подъ нарами. Когда я осмотрѣлъ это мѣсто, то оказалось, что бомба разнесла около квадратной сажени наръ, развалила стоявшую возлѣ печь и выбила въ комнатѣ всѣ стекла. На самой площади снаряды оставили нѣсколько глубокихъ рытвинъ, а въ садикѣ нашей квартиры былъ найденъ весьма солидный осколокъ бомбы, судя по которому калибръ ея былъ около 8 дюймовъ. Неразорвавшіеся снаряды отыскиваются и подбираются жителями, непонимающими всей опасности подобныхъ игрушекъ; а такихъ снарядовъ было довольно. Разсказывали, что процентъ неразрыва турецкихъ гранатъ прежде былъ еще болѣе, но мы-же сами обратили вниманіе турокъ на это обстоятельство, прокричавъ о немъ въ газетахъ и во всей Румыніи, вслѣдствіе чего, по слухамъ, турками была наряжена комиссія для изслѣдованія причинъ и ихъ устраненія. А казалось-бы для насъ-же лучше было помалчивать: — пусть-бы снаряды ихъ не разрывались!..

Напившись у нашего гостепріимнаго хозяина чаю, затѣяли было пройти на батареи, расположенныя по близости Журжи, но за темнотою ночи должны были отказаться отъ своего намѣренія. Весьма понятное чувство влекло насъ впередъ хоть на нѣсколько шаговъ ближе къ непріятелю, почему въ комнатахъ не сидѣлось. Мы вышли прогуляться къ берегу Дуная. Странное дѣло: когда темнота ночи окутала насъ на погруженной въ безмолвіе площади, всѣми овладѣло какое-то *особое чувство;* невольно даже говорить начали въ полголоса, до того впечатлѣніе сосѣдства съ непріятелемъ было еще ново. Для новичка, да еще ночью, подобная воспріимчивость вполнѣ понятна, почему всѣ невольно сдѣлались серьозны. Въ душу даже закрадывалось дѣтское желаніе, — ахъ, кабы турки выстрѣлили!..

Хозяинъ нашъ, уже знакомый съ мѣстностью, остановилъ насъ, объявивъ, что мы подошли къ берегу: мы дѣйствительно стояли уже у разлива Дуная. Вправо отъ насъ, гдѣ-то вдали, мерцалъ неопредѣленный свѣтъ. «Это огни въ Рущукѣ»—пояснилъ нашъ вожатый, и мы невольно съ напряженнымъ вниманіемъ обратились въ ту сторону, силясь разсмотрѣть что-нибудь, но ничего не было видно, и только въ наступившей на нѣсколько секундъ мертвой тишинѣ доносился изъ-за рѣки отдаленный слабый лай турецкихъ собакъ...

Любопытство не было удовлетворено, но въ душѣ пошевелилось многое. Мы вернулись домой.

Журжа. Мая 31-го.

Слободзея — незначительная деревушка, тянущаяся по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Журжи въ Турнъ, лежитъ отъ Журжи верстахъ въ четырехъ; обмазанные глиной домики, построенные, или, вѣрнѣе сказать, слѣпленные изъ самана и плетня, даютъ ей какой-то убогій видъ; въ серединѣ церковь

съ четыреугольной колоколенкой; жителей почти не видно. Какъ разъ противъ нея, на другомъ берегу Дуная, лежитъ одна изъ турецкихъ твердынь—крѣпость Рущукъ, минареты которой стройно выдѣляются изъ массы прочихъ строеній. Изъ Слободзеи Рущукъ весь какъ на ладони; слышны свистки локомотива турецкой желѣзной дороги, виденъ дымъ подходящаго поѣзда, а въ бинокль даже и нѣсколько болѣе крупныхъ вывѣсокъ въ городѣ, какъ напр. надъ гостиницей: «Grand Hotel», слышны даже сигналы турецкихъ горнистовъ во время ученья, хотя разстояніе все-таки около трехъ верстъ. Въ хорошую трубу мы могли слѣдить даже за движеніями одиночныхъ людей въ городѣ.

Во все это мы жадно всматривались сегодня утромъ, знакомясь съ расположеніемъ нашихъ батарей, строившихся впереди и по сторонамъ Слободзеи. Сооруженіе батарей производилось скрытно отъ непріятеля и большая часть ихъ была замаскирована; постройкой завѣдывалъ инженеръ-подполковникъ Плюцинскій. Всѣхъ батарей возводилось семь *); на вооруженіе ихъ предназначались пушки 6,03 дюйм. и 24 фунт., 8-ми и 6-ти дюйм. мортиры, всѣ конечно новѣйшей конструкціи, заряжающіяся съ казенной части. Не замѣчали-ли турки производившихся работъ, или не считали нужнымъ имъ препятствовать, но рущукскія батареи по рабочимъ ни разу не стрѣляли. Назначеніе нашихъ батарей у Слободзеи, какъ слышно, двоякое: часть изъ нихъ назначена служить для отвлеченія огня непріятельскихъ орудій и дѣйствія по самому Рущуку, другая—для обстрѣливанія турецкихъ фортовъ, расположенныхъ на высотахъ внѣ крѣпости. Изъ этихъ фортовъ сильнѣйшій называется Левантъ-Табія; тылъ его настолько

*) Впослѣдствіи число ихъ возрасло до пятнадцати; въ томъ числѣ на одной находилась восьми-дюймовая пушка, замѣчательная, какъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ проектовъ орудія, состоявшаго изъ отдѣльныхъ частей, собиравшихся по доставкѣ на мѣстѣ.

слабо дефилированъ отъ огня нашихъ батарей, что мы могли въ трубу разсматривать казарму внутри самаго форта. Подобное обстоятельство стараются не обнаруживать туркамъ, для чего собственно по фортамъ не предполагается и стрѣлять до того времени, когда начнется осада Рущука; это можетъ заставить непріятеля думать, что форты его недосягаемы для нашихъ выстрѣловъ изъ-за Дуная и не принять своевременныхъ мѣръ для ихъ дефилированія.

Кромѣ упомянутыхъ батарей, наши осадныя орудія стоятъ еще въ Рени (четыре пушки 8$^1/_2$ дюйм. калибра, двѣ—24-хъ фунт. и двѣ 8-ми дюйм. мортиры), въ Браиловѣ (четыре пушки 8$^1/_2$ дюйм., шесть—24-хъ фунт. и четыре 6-ти дюйм. мортиры), въ Карабіи (четыре пушки 6,03 дюйм. калибра) и въ Парапанѣ (четыре пушки 6,03 дюйм. и двѣ 6-ти дюйм. мортиры); въ послѣднихъ двухъ пунктахъ батареи назначены для защиты устраиваемыхъ минныхъ загражденій въ Дунаѣ. Наконецъ, противъ Никополя будутъ поставлены: восемь пушекъ 6,03 дюйм., четыре — 24-хъ фунт. и четыре мортиры 6-ти дюйм. калибра.

Недавно генераломъ Моллеромъ были получены подробности объ извѣстномъ уже случаѣ потопленія 29-го апрѣля турецкаго броненосца «Лютфи-Джелиль». Фактъ этотъ съ артиллерійской точки зрѣнія интересенъ еще и потому, что возбудилъ нескончаемые споры о томъ, которое изъ двухъ одновременно выстрѣлившихъ орудій (24-хъ фунт. пушка и 6-ти дюйм. мортира) было виновникомъ гибели броненосца?

Какъ извѣстно, большинство приписываетъ удачный и гибельный для турокъ выстрѣлъ 6-ти дюйм. мортирѣ; но да позволено будетъ высказать мое личное мнѣніе, какъ результатъ ближайшаго ознакомленія съ обстоятельствами происшедшей катастрофы, что на мой взглядъ вся честь потопленія броненосца принадлежитъ не мортирѣ, а 24-хъ фунт. пушкѣ.

Обстоятельства происшествія были слѣдующія:

Батареѣ № 4-й (командиръ поручикъ Самойло) уже до этого случая приходилось два раза открывать огонь по турецкимъ мониторамъ. 29-го апрѣля (день взрыва монитора) погода стояла ясная, при легкомъ, порывистомъ вѣтрѣ слѣва. Въ двѣнадцатомъ часу въ Мачинскомъ рукавѣ изъ-за поворота вышло небольшое судно и остановилось противъ батареи, бортомъ къ послѣдней. Къ часу прибыли броненосцы и стали за поворотомъ, но немного спустя одинъ изъ нихъ (Лютфи-Джелиль) вышелъ въ открытое устье Мачинскаго рукава, и сталъ къ батареѣ сначала бортомъ, а потомъ поворотилъ носомъ, причемъ приблизился къ лѣвому берегу Дуная. Батарея открыла огонь и сдѣлала четырнадцать выстрѣловъ изъ 6-ти дюйм. мортиры и девять—изъ 24-хъ фунтовой пушки. Дистанція оказалась около двухъ тысячъ саженъ.

Послѣдніе два выстрѣла случайно совпали—пушка и мортира выстрѣлили разомъ, изъ-за чего и произошелъ упомянутый выше споръ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ броненосецъ взлетѣлъ на воздухъ.

По разсказамъ очевидцевъ и самому ходу стрѣльбы видно, что всѣ снаряды изъ мортиры давали недолеты, слѣдовательно нѣтъ основанія думать, что и послѣдній выстрѣлъ, произведенный при тѣхъ-же условіяхъ, далъ-бы другой результатъ, между тѣмъ какъ три предпослѣднія бомбы, выпущенныя изъ 24-хъ фунт. пушки, легли у самаго монитора, а одна изъ нихъ даже повидимому задѣла его; слѣдовательно послѣдній выстрѣлъ, повторенный при тѣхъ-же благопріятныхъ по мѣткости условіяхъ, изъ 24-хъ фунт. пушки, болѣе чѣмъ вѣроятно и долженъ былъ быть тѣмъ роковымъ для турокъ перуномъ, который погубилъ броненосецъ; мортира-же, какъ видно, не могла и достать до цѣли, что впрочемъ нимало не умаляетъ всѣхъ достоинствъ этого прекраснаго орудія, отличающагося замѣчательною мѣткостью на соотвѣтствующихъ дистанціяхъ. Какъ извѣстно, стрѣльба изъ 24-хъ фунт. пушки на упомяну-

томъ разстояніи становится почти навѣсною, то есть снарядъ падаетъ подъ угломъ въ 29°; поэтому и взрывъ монитора отъ выстрѣловъ изъ пушки не представляетъ ничего невѣроятнаго. Причиной самаго взрыва послужило, какъ слышно, то обстоятельство, что бомба попала въ проходъ, ведшій въ пороховую камеру, и воспламенила находившіеся въ немъ заряды.

Сегодня ночью мнѣ впервые удалось услышать непріятельскіе выстрѣлы. Часовъ въ одиннадцать вечера мы уже улеглись было на покой, какъ вдругъ, среди всеобщей тишины, гдѣ-то не такъ далеко раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, потомъ прокатился ружейный залпъ и посыпалась дробь ружейныхъ выстрѣловъ... Одѣться и выскочить на улицу было для насъ дѣломъ одной минуты, но ничего однако не объяснилось, и только гдѣ-то внизъ по Дунаю отчетливо слышалась пальба; кругомъ все было закутано въ темноту. Удивительно, какъ дѣйствуютъ на новичка впервые слышимые непріятельскіе выстрѣлы: я былъ въ полномъ возбужденіи, сердце такъ и рвалось куда-то!.. Мы бросились къ дому начальника отряда въ Журжѣ,—генералъ Скобелевъ 1-й былъ уже на конѣ, окруженный конвоемъ и свитой; въ темнотѣ сновали казаки, пріѣзжая и уѣзжая откуда-то; но въ чемъ дѣло — никто не зналъ. Въ одномъ изъ сосѣднихъ переулковъ какой-то кавказецъ въ черкескѣ вслухъ проклиналъ свою оплошность, что позволилъ куда-то увести свою лошадь, теперь горевалъ, что безъ коня не попадетъ въ дѣло. Между тѣмъ выстрѣлы стали слышаться уже рѣже, и черезъ нѣсколько времени пальба стихла совершенно. На другой день все объяснилось:—верстахъ въ четырехъ внизъ по Дунаю лежитъ мѣстечко Малорушъ, гдѣ наши саперы рубили хворостъ и лѣсъ, а ночью пытались прибуксировать его лодками въ Журжу; находившійся по близости турецкій мониторъ, заслышавъ плескъ веселъ, далъ по лодкамъ залпъ изъ ружей; казаки съ нашего берега отвѣтили тѣмъ-же, затѣмъ турки открыли съ монитора огонь изъ

пушекъ, на рущукскомъ берегу загорѣлись сигналы, поднялась стрѣльба съ батарей, и началась перепалка. Все это производилось въ темнотѣ, палили почти наудачу, на выстрѣлъ, такъ что у насъ потерь никакихъ не было; у турокъ вѣроятно тоже.

Журжа. Іюня 2-го.

Сегодня мы совершили экскурсію въ вышеупомянутое мѣстечко Малорушъ, предполагая ознакомиться съ расположеніемъ турецкихъ батарей на противуположномъ берегу; такъ какъ послѣднія лежатъ довольно уединенно и вдали отъ Рущука, то среди насъ зародилась мысль—нельзя-ли покуситься на попытку захватить эти батареи и заклепать на нихъ орудія, переправившись какъ-нибудь черезъ Дунай. На нашемъ берегу въ этомъ пунктѣ ничего нѣтъ, кромѣ казачьихъ пикетовъ, такъ что оставалось темнымъ, почему турки сочли нужнымъ укрѣпиться на сторонѣ противуположной. Разсказывали, впрочемъ, будто здѣсь русскіе переходили черезъ Дунай въ 1829 году, что и вызвало постройку турецкихъ батарей въ настоящее время.

Мы отправились довольно поздно, часовъ въ пять вечера; тройка бойкихъ лошадокъ въ русской упряжи, съ бубенчиками, быстро пронесла нашу коляску по дорогѣ вдоль Дуная и свернула вблизи Малоруша въ сторону, къ казачьему лагерю, находившемуся верстахъ въ трехъ отъ берега. Прежде лагерь этотъ, состоявшій изъ одного донскаго полка и баталіона пластуновъ, былъ расположенъ гораздо ближе къ берегу, но снаряды съ турецкихъ батарей заставили его отодвинуться далѣе, несмотря на то, что и прежнее разстояніе было весьма значительно, принимая во вниманіе тогдашнее состояніе разлива Дуная, особенно для полевыхъ пушекъ, которыми дѣйствовали турки съ своихъ батарей. Здѣсь мы кажется впервые ознакомились съ турецкими орудіями дальняго боя. Близь

берега помѣщается наблюдательный казачій постъ, съ вышкой, на которой постоянно стоитъ часовой-казакъ; все пространство между лагеремъ и вышкой обстрѣливается непріятелемъ, не жалѣющимъ снарядовъ даже для стрѣльбы по отдѣльнымъ группамъ людей, приближающимся изъ лагеря. Такъ попалъ подъ огонь и генералъ Скобелевъ 1-й, когда онъ пріѣзжалъ на упомянутый пикетъ; стрѣляли турки не разъ и по самой вышкѣ, пытаясь сбить ее, но безуспѣшно.

Въ казачьемъ лагерѣ намъ показали нѣсколько неразорвавшихся турецкихъ снарядовъ, подобранныхъ казаками и оказавшихся весьма небольшаго калибра, менѣе нашего четырехфунтоваго; казачій офицеръ счелъ своею обязанностью предупредить, что въ насъ турки пустятъ такіе-же гостинцы, если мы отправимся на пикетъ, но конечно предостереженіе это не остановило насъ, да и странно было-бы двумъ артиллеристамъ отступить передъ турецкими гранатами, выпускаемыми за четыре версты; вѣроятности попаданія въ такую маленькую цѣль, какую представляли наши особы,—ни малѣйшей, развѣ несчастная слѣпая случайность, но гдѣ отъ послѣдней убережешься и кто на нее разсчитываетъ!..

Мы отправились на пикетъ. На половинѣ дороги, въ небольшой лощинкѣ лошадей и экипажъ пришлось оставить, такъ какъ жаль было ихъ подвергать случайности; мы вышли и пошли пѣшкомъ, ожидая каждую минуту турецкаго выстрѣла но предсказаніе казачьяго офицера не сбывалось,—турецкія батареи упорно молчали. Между тѣмъ хмурившееся давно уже небо окончательно заволоклось тучами, и начинало темнѣть. Мы пошли скорѣе, наконецъ вотъ и пикетъ. Какое-то старое земляное укрѣпленьице, въ немъ нѣсколько казаковъ, а въ сторонѣ вышка въ нѣсколько саженъ, устроенная изъ четырехъ пирамидально поставленныхъ стоймя бревенъ съ площадкой на верху; на одной сторонѣ для всхода наколочены между бревнами рѣдкія перекладины, вотъ и вся незамыслова-

тая ея конструкція. Бравый казакъ — урядникъ, начальникъ пикета, встрѣтилъ насъ, но на наши разспросы о бывшей третьяго дня перепалкѣ ничего не могъ передать, упоминая тодько, что было очень темно. Въ кого-же стрѣляли, когда такъ?—«Да видимъ палитъ оттуда, ну и мы по немъ, на огонь!» Выстрѣлы казаковъ конечно далеко и достигнуть не могли до непріятеля.

Я полѣзъ наверхъ. Съ вышки далеко можно было обозрѣвать окружающую мѣстность; но мой непривычный еще глазъ не могъ различить турецкихъ укрѣпленій на противуположномъ берегу рѣки, хотя я и силился разсмотрѣть ихъ въ хорошій бинокль. Казакъ-часовой на вышкѣ видѣлъ ихъ простыми глазами и указывалъ мнѣ, но я все-таки напрасно напрягалъ зрѣніе: очертаніе батарей совершенно сливалось съ темнымъ силуэтомъ берега, и я не могъ уловить ихъ, тѣмъ болѣе, что и свѣтъ уже быстро уступалъ мѣсто сумраку. Пришлось отказаться отъ главной цѣли поѣздки и торопиться до ночи попасть домой. Начиналъ накрапывать дождь; мы усердно зашагали назадъ, стараясь дойти скорѣе до нашей коляски, и скоро потеряли вышку изъ вида. Между тѣмъ окончательно стемнѣло, благодаря нависшимъ грозовымъ тучамъ; черезъ минуту ослѣпительная молнія прорѣзала горизонтъ, и начался ливень. Гроза разразилась во всей своей силѣ, и мы совершенно потерялись въ хлеставшихъ потокахъ дождя. По расчету времени мы уже должны были дойти до коляски, а ее нѣтъ какъ нѣтъ; пробовали кричать, — не отзовется-ли кучеръ, но что можно было услышать въ разбушевавшейся погодѣ!.. Подъ ногами оказывалась вязкая пахоть, а между тѣмъ припоминали, что на пикетъ шли по бурьяну, слѣдовательно окончательно сбились съ пути и заблудились. Положеніе выходило крайне непріятное; непромокаемое резиновое пальто оказывалось несостоятельнымъ, такъ какъ потоки ливня пробивали его, и наши кителя оказывались уже смокшими. Потерявъ надежду

найти экипажъ, я предложилъ вернуться опять на пикетъ, но гдѣ, въ какой сторонѣ искать его? Тщетно мы напрягали зрѣніе, усиливаясь разглядѣть вышку при свѣтѣ безпрерывно сверкавшей молніи, — глаза наши только ослѣплялись, но ничего замѣтить вдали не было возможности. Зашлепали опять по грязи, наудачу, впередъ или назадъ — неизвѣстно, наконецъ попали на межу пахоти и, придерживаясь послѣдней, выбрались на какую-то дорожку. Опять вопросъ—куда взять: *направо или налѣво?* Я вспомнилъ о своемъ маленькомъ компасѣ-брелокѣ на часахъ, но направленія стрѣлки разсмотрѣть было нельзя, почему надо было прибѣгнуть къ спичкамъ, но, къ несчастію, оказалось, что вся коробка ихъ уже размокла, плавая въ колодцѣ, который образовался въ карманѣ моего резиноваго пальто. Дѣлать нечего, пошли по дорогѣ наудачу. Вдругъ, при свѣтѣ блеснувшей молніи, впереди насъ по дорогѣ обрисовались силуэты нѣсколькихъ всадниковъ; мы машинально оба остановились, въ голову пришла мысль—кто впереди — свои или турки? Припомнились разсказы и слухи о бывавшихъ переправахъ непріятеля маленькими партіями на нашъ берегъ, почему не невозможнымъ казалось наткнуться на турокъ и въ настоящемъ случаѣ. Мы сошли съ дороги въ сторону и, остановившись въ высокомъ бурьянѣ, выжидали приближенія всадниковъ. Черная масса выдѣлилась изъ мрака ночи и, не доѣзжая до насъ нѣсколько шаговъ, вдругъ свернула въ сторону; всадниковъ оказалось чуть не цѣлый эскадронъ, изъ чего мы вывели заключеніе, что это вѣроятно наши, и рѣшились выйти изъ своей засады. Тутъ произошло обстоятельство довольно курьозное: мы разсчитывали, что сейчасъ-же будемъ замѣчены, что насъ окликнутъ, такъ какъ передъ нами по всей вѣроятности разъѣздъ, но ни чуть не бывало: мы наконецъ нарочно шумимъ, громко говоримъ, но на насъ никто не обращаетъ вниманія!.. Длинный рядъ кавалеристовъ продолжаетъ удаляться въ сторону, такъ что мы наконецъ, опа-

саясь потерять счастливую встрѣчу и снова остаться одни въ неизвѣстной для насъ мѣстности, рѣшились сами сдѣлать наступленіе на хвостъ удалявшагося разъѣзда, какъ оказалось — сотни донскихъ казаковъ. Остановивъ одного изъ послѣднихъ казаковъ, мы просили передать начальнику разъѣзда, что заблудились въ темнотѣ и просимъ дать провожатаго указать дорогу; черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ казакъ, и на наши разспросы заявилъ, что недалеко до мѣста нашей встрѣчи разъѣзду попалась стоящая на дорогѣ коляска съ тройкой лошадей. Можно себѣ представить нашу радость. Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ своемъ экипажѣ, гарантированные отъ всякихъ дальнѣйшихъ невзгодъ, и, двигаясь шагомъ домой, подсмѣивались надъ своими похожденіями. Мѣстами дорога шла у самаго обрыва въ Дунай; изъ-за кустовъ неожиданно выступала темная фигура, и часовой окликалъ насъ, требуя отзыва. Наконецъ часу въ одиннадцатомъ мы въѣхали въ Журжу, на улицахъ которой образовались цѣлыя озера по ступицу колесъ, и возвратились благополучно домой, гдѣ начинали уже безпокоиться о нашемъ продолжительномъ отсутствіи въ такую ужасную погоду.

Плоешты. Іюня 8-го.

Пришлось на нѣсколько дней снова вернуться въ Плоешты, гдѣ по прежнему городъ кишитъ русскими мундирами и русское золото широкой струей льется въ румынскіе карманы; наши союзники такъ разлакомились на поживу, что едва согласились принимать серебряный рубль за четыре лео или франка, желая получать наше серебро по особому курсу, между тѣмъ какъ оно было безъ малаго 84-й пробы, слѣдовательно ничѣмъ не хуже звонкой монеты румынъ; за бумажный нашъ рубль даютъ всего двѣсти шестьдесятъ сантимовъ, то есть чуть не половину нарицательной цѣны. Вообще отно-

шенія между нами и нашими союзниками устанавливаются далеко не тѣсныя, не искреннія, хотя дешевые или даже ничего не стоющіе знаки сочувствія можно встрѣтить на каждомъ шагу. Поклоны на улицахъ и всевозможныя прижимки или по крайней мѣрѣ полное невниманіе на желѣзныхъ дорогахъ; въ Браиловѣ, напримѣръ, приходили гладить и чуть не цѣловать орудіе потопившее турецкій мониторъ «Лютфи-Джелиль». Желѣзную дорогу приходится на всемъ протяженіи охранять русскими часовыми. Разсказывали весьма грандіозныя даже продѣлки нашихъ союзниковъ, что напримѣръ передъ заключеніемъ конвенціи желѣзно-дорожный тарифъ въ Румыніи былъ умышленно поднятъ, въ виду пункта конвенціи о пониженіи платы за перевозъ русскихъ войскъ съ ихъ грузами. Обиліе турецкихъ шпіоновъ въ Румыніи, также обстоятельство всѣмъ извѣстное, а между тѣмъ отъ нашихъ союзниковъ нельзя добиться объявленія осаднаго положенія въ Журжѣ, мѣры столь необходимой въ исключительныхъ случаяхъ, шпіонамъ открыта полная свобода дѣйствій, и говорятъ будто нашъ Главнокомандующій долженъ былъ заявить, что будетъ вынужденъ разстрѣливать наконецъ лазутчиковъ и безъ объявленія осаднаго положенія. Всѣ подобныя обстоятельства конечно не способствуютъ къ тѣсному сближенію нашему съ румынами, а хвастливость послѣднихъ подчасъ вызывала и наружу накопившіяся чувства неудовольствія. Офицерство наше относится къ румынамъ довольно пренебрежительно, разсказываются разные пасквильные анекдотцы, и пр.; дня два по всѣмъ кружкамъ ходилъ разсказъ о томъ, какъ одинъ румынъ вздумалъ успокоивать гдѣ-то въ вагонѣ нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ за ходъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, сказавъ, что: «не бойтесь, мы съ вами»—и получилъ въ отвѣтъ крѣпкое словечко, не понявъ котораго счелъ его за выраженіе одобренія со стороны своихъ слушателей и прелюбезно раскланялся!..

Относительно будущихъ военныхъ дѣйствій рѣшительно ничего неизвѣстно, все облечено въ глубочайшую тайну, доведенную даже до мелочности; въ принципѣ секретъ военныхъ операцій конечно дѣло первостепенной важности, но всему должны быть свои предѣлы; мы кажется въ этомъ отношеніи уже пересаливаемъ, по крайней мѣрѣ тщательно скрываемъ отъ своихъ то, что чужимъ извѣстно, распространяя таинственность даже на неимѣющія особаго значенія мелочи. Вся наша пресловутая таинственность не мѣшала, напр., разнымъ евреямъ, бывшимъ при арміи, знать многое, что тщательно скрывалось отъ насъ, русскихъ офицеровъ, такъ что въ этомъ случаѣ намъ не разъ случалось черпать новости изъ еврейскихъ источниковъ. Меня даже поразило, какъ однажды въ вагонѣ мой сосѣдъ-жидокъ назвалъ пунктъ предполагаемой переправы черезъ Дунай, то есть обнаружилъ знаніе тайны дѣйствительно огромной важности: онъ прямо заявилъ, что переправа имѣетъ быть у Турна-Магурелли, гдѣ дѣйствительно она и предполагалась!.. Съ другой стороны результатомъ утрированной таинственности являлись невольныя упущенія; напр. передавали случай, какъ двумъ нашимъ батальонамъ пришлось два дня поголодать въ Журжѣ, ради безъусловнаго секрета окружавшаго ихъ прибытіе и отправленіе, и незнанія мѣстъ расположенія магазиновъ... Сопоставляя подобныя обстоятельства, какъ не повторить старую истину, что все хорошо лишь въ мѣру.

Сколько охотниковъ является въ армію изъ разныхъ мѣстъ Россіи; при нашемъ полевомъ управленіи состоитъ генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, старый артиллеристъ, снова надѣвшій эполеты по случаю войны; сынъ его, камеръ-юнкеръ, поступилъ также въ ряды войскъ, но просто вольноопредѣляющимся въ одну изъ полевыхъ батарей; при мнѣ въ управленіе въ Плоешты явился еще доброволецъ, помѣщикъ Самарской

губерніи Миллеръ, проситься опредѣлить куда хотятъ, лишь-бы поближе къ туркамъ!..

Въ Бухарестѣ, на обратномъ пути, пришлось опять остановиться: приходящіе поѣзды регулярно опаздываютъ къ отбытію отходящихъ, почему и приходится отправляться въ гостиницу, а разъ вступили въ городъ — франки неудержимо сыплются изъ кармановъ. Вотъ напр. хорошій образчикъ: я съ полковниками Лѣсовымъ и Экстеномъ остановился въ гостиницѣ Grand hôtel de boulevard; въ занятомъ нами нумерѣ находилось двѣ кровати, за которыя, по утвержденной правительствомъ таксѣ, надлежало уплатить 12 франковъ, третій изъ насъ расположился на диванѣ; тѣмъ не менѣе при нашемъ отъѣздѣ черезъ сутки съ половиною, намъ подали счетъ въ 70 франковъ,—за одно помѣщеніе и чай, такъ какъ за обѣды мы заплатили отдѣльно!.. Это можетъ характеризовать размѣры эксплуатаціи румынами нашего офицерства.

Въ той-же гостиницѣ вмѣстѣ съ нами имѣлъ пребываніе и знаменитый скиталецъ донъ-Карлосъ, явившійся, какъ говорятъ, предложить свою шпагу въ распоряженіе нашего Главнокомандующаго.

Журжа. Іюня 10-го.

Со вчерашняго дня опять нахожусь въ Журжѣ. Во время моего отсутствія здѣсь въ окрестностяхъ произошла схватка съ турками, именно 6-го числа утромъ, о чемъ смутные слухи довелось слышать еще дорогой, возвращаясь изъ Бухареста. Въ вагонѣ, за нѣсколько станцій до Журжи, кто-то сообщилъ, что турки изъ Рущука бомбардировали Журжу, причемъ осколкомъ снаряда тяжело раненъ нашъ художникъ Верещагинъ; дѣло, однако, происходило, какъ оказалось, совсѣмъ иначе, а именно — завязалось по поводу устройства въ Парапанѣ, верстахъ въ пятнадцати выше Журжи, минныхъ загraж-

деній на Дунаѣ. Какъ мнѣ передали, оно происходило такъ: 8-го іюня, на разсвѣтѣ, наши моряки приступили къ погруженію минъ у селенія Парапана, причемъ одна миноносная шлюпка, которою командовалъ лейтенантъ Скрыдловъ, предназначена была встрѣтить и атаковать турецкій пароходъ, если бы онъ вздумалъ оказать противодѣйствіе. На упомянутой шлюпкѣ находился и Верещагинъ. Работа погруженія минъ началась около 4-хъ часовъ утра, и, какъ ожидали, турецкій пароходъ не замедлилъ приблизиться и открылъ огонь по нашимъ морякамъ. Скрыдловъ, согласно условію, атаковалъ его на своей миноноскѣ и, не взирая на ружейный огонь парохода, подошелъ къ послѣднему и подвелъ мину ему подъ корму. Турки, еще не забывшіе взрыва своего броненосца въ Браиловѣ Дубасовымъ и Шестаковымъ, въ ужасѣ кинулись прочь съ кормы, испуская крики, и самъ капитанъ парохода бросился долой съ своего мостика. Подведенная мина была изъ числа воспламеняемыхъ электрически, такъ что Скрыдлову оставалось только сомкнуть цѣпь, соединивъ концы электрическихъ проводниковъ, но счастливый для турокъ случай спасъ пароходъ... Моментъ взрыва былъ такъ близокъ, что механикъ на миноноскѣ вынулъ часы, чтобы замѣтить секунды времени, какъ вдругъ раздался еще ружейный залпъ, и шальная пуля перебила оба электрическіе проводника!.. Взрывъ мины оказался невозможнымъ, и нашей шлюпкѣ оставалось только отступить, такъ какъ другой, запасной мины на ней не было. Осыпаемые ружейнымъ огнемъ, наши моряки пустились назадъ, и въ это время самъ Скрыдловъ и съ нимъ Верещагинъ были ранены пулями, первый въ обѣ ноги, а послѣдній въ мягкія части. Разсказывали, что шапка на рулевомъ, стоявшемъ рядомъ съ Скрыдловымъ, оказалась вся въ клочьяхъ отъ пуль, самъ-же рулевой не получилъ ни царапины; остальная часть команды на шлюпкѣ болѣе или менѣе защищена отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ происходившемъ дѣлѣ принялъ участіе и нахо-

дившійся недалеко турецкій броненосецъ, давшій нѣсколько залповъ по нашимъ передовымъ цѣпямъ, занявшимъ островъ на Дунаѣ, но потеря, имъ причиненная, состояла всего въ одномъ казакѣ, убитомъ наповалъ осколкомъ бомбы въ лобъ. Кромѣ того, съ непріятельскаго берега дѣйствовала турецкая полевая батарея, а съ нашего—батарея изъ осадныхъ орудій, стоящая у самаго Парапана.

При посѣщеніи нами сегодня утромъ послѣдней, выяснились еще нѣкоторыя подробности происходившаго восьмаго числа дѣла. Мониторъ находился отъ батареи въ разстояніи около четырехъ верстъ, судя по высотѣ прицѣла, но о попадавшихъ снарядахъ можно было съ батареи судить по появлявшимся на корпусѣ монитора огненнымъ точкамъ, происходившимъ отъ накаливанія снаряда при ударѣ въ броню. Такихъ блестящихъ точекъ было замѣчено двѣ или три, но вообще о паденіи нашихъ снарядовъ точно судить было невозможно, такъ какъ снаряды были безъ разрыва, а дистанція огромная; впрочемъ офицеры, находившіеся въ цѣпи, на вышеупоминавшемся островѣ, и бывшіе довольно близко отъ монитора, передавали, что паденіе снарядовъ въ недолетахъ и перелетахъ было удовлетворительно, а направленіе выстрѣловъ вполнѣ желаемое нами. Всего было выпущено 78 бомбъ, частью разрывныхъ, которыми дѣйствовали по непріятельскимъ стрѣлкамъ и коннымъ партіямъ на противоположномъ берегу Дуная, а также и по турецкой батареѣ; послѣдняя три раза мѣняла свою позицію, и кромѣ того на ней, повидимому, былъ взорванъ зарядный ящикъ. Съ непріятельской стороны выпущено было до двухъсотъ снарядовъ, изъ которыхъ брошенные мониторомъ не долетали до батареи саженъ на триста, а выстрѣленные съ противнаго берега всѣ дали перелетъ около ста саженъ. Перестрѣлка окончилась лишь около шести часовъ вечера. Потерь [на нашей батареѣ никакихъ не было.

Самое селеніе Парапанъ довольно порядочное, значительно больше Слободзеи. Въ центрѣ находится хорошій двухъ-этажный домъ, который годился-бы въ любой румынскій городъ; домъ этотъ занятъ полковникомъ Вульфертомъ, начальникомъ нашего отряда, здѣсь расположеннаго. Недалеко отъ Парапана, за мыскомъ, образованнымъ разливомъ Дуная, стоитъ, притаившись, небольшая флотилія нашихъ шлюпокъ и миноносокъ, совершенно скрытая отъ непріятеля; съ помощью этихъ лодочекъ мы постепенно овладѣваемъ рѣкою, не смотря на турецкую броненосную флотилію, части которой уже разобщены между собой опущенными въ Дунай минами у Парапана, такъ что близь Рущука остался теперь одинъ броненосецъ, которому путь вверхъ по теченію прегражденъ. Подъ Никополемъ, какъ слышно, ихъ находится еще два.

Журжа. Іюня 12-го.

Сегоднишній день останется надолго памятнымъ для журжевскихъ обывателей, такъ какъ наши батареи у Слободзеи начали дѣйствовать, а вслѣдствіе этого турки принялись громить ни въ чемъ неповинный городъ. Открытіе огня съ нашей стороны произошло, по совершенно независящимъ причинамъ, гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось, такъ какъ распоряженія объ этомъ ожидали 15-го числа, вѣроятно въ связи съ назначеніемъ дня совершенія переправы черезъ Дунай нашими войсками. Наканунѣ, т. е. 11-го іюня, наши батареи еще стояли безъ вооруженія, которое имѣло послѣдовать въ теченіе вчерашней ночи, а къ утру уже всѣ орудія были установлены и готовы открыть огонь, т. е. весьма быстро были произведены работы очень тяжелыя, такъ какъ орудія всѣ большихъ калибровъ, требующія употребленія подъемныхъ машинъ, да къ тому-же еще и работа производилась въ темнотѣ, ночью; не смотря однако на подобныя невыгодныя усло-

вія, при вооруженіи, не произошло даже ни одного несчастнаго случая, никого не придавило, не ушибло, хотя приходилось ворочать, двигать и поднимать на воздухъ орудія отъ 150 до 200 пудовъ вѣсомъ.

Вечеромъ, въ сумерки 11-го числа, когда должно было начаться вооруженіе батарей, Моллеръ отправился на работы и я присоединился къ нему. Уже совсѣмъ смерклось, стемнѣло, когда мы пріѣхали въ Слободзею; по дорогѣ неизбѣжныя остановки часовыми, требовавшими пропускъ и видимо еще неосвоившимися какъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ своихъ обязанностей, такъ и съ порядками ихъ отправленія:—шагахъ въ двадцати раздается обычное: «стой,—что пропускъ?» Моллеръ выходитъ изъ экипажа и направляется къ караульному, чтобы сообщить въ полголоса требуемое; солдатикъ видимо съ недовѣріемъ смотритъ на его приближеніе и намѣреніе сказать тихо пропускъ, но наконецъ послѣ замѣтнаго колебанія подставляетъ свое ухо... «Не такъ» — вдругъ произноситъ онъ,—«пропускъ не это!..» Является недоразумѣніе; мы стоимъ на своемъ, онъ не уступаетъ, но наконецъ приходитъ къ наивному рѣшенію, что необходимо позвать «старшаго» и отправляется за нимъ самъ!.. Мы остались одни, и конечно, если-бы хотѣли, то могли десять разъ скрыться. Наконецъ является унтеръ-офицеръ и дѣло разъясняется: мы знали пропускъ, отданный вновь съ вечера, а часовой, которому предстояла въ скорости смѣна, владѣлъ только тайною пропуска предшествовавшаго, отданнаго наканунѣ!

Около Слободзеи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли еще орудія, не подвезенныя къ самымъ батареямъ; въ другихъ-же пунктахъ въ темнотѣ откуда-то съ берега доносился сдержанный людской говоръ, сопровождаемый скрипомъ и визгомъ блоковъ подъемныхъ машинъ и домкратовъ; здѣсь работа уже началась, и хотя прилагались всѣ старанія не дѣлать шума, но въ ночной темнотѣ онъ все-таки слышался довольно далеко,

да впрочемъ невозможно и обойтись безъ этого: опасность заключалась въ томъ, чтобы не навлечь на работы огня турокъ, но легкій вѣтеръ дулъ въ нашу сторону и относилъ звуки отъ непріятеля, который повидимому ничего не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла.

Часу въ двѣнадцатомъ Моллеру вдругъ приносятъ депешу: — въ ней заключалась неожиданная новость, — начать на слѣдующій день въ три часа пополудни канонаду по рущукскимъ батареямъ. Лучшаго сюрприза намъ нельзя было сдѣлать, — черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ участвовать въ бою, участвовать въ первый разъ; поединокъ будетъ чисто артиллерійскій. Всѣмъ полученное приказаніе было какъ нельзя болѣе по сердцу, такъ какъ до сихъ поръ турки хозяйничали на томъ берегу совершенно свободно, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ въ Журжѣ,—водили, напр., совершенно открыто своихъ лошадей на водопой, и т. п., къ чему конечно ихъ ободряло наше полное молчаніе. Съ завтрашняго дня они уже не рискнутъ повторить тоже самое, зная, что съ нашего берега не замедлятъ послать имъ бомбу.

Получивъ отъ Моллера порученіе — передать немедленно содержаніе депеши начальнику отряда въ Журжѣ для соотвѣтственныхъ распоряженій, я отправился назадъ въ городъ. Генералъ Аллеръ, замѣнившій Скобелева, еще не спалъ, когда я пріѣхалъ, и былъ также удивленъ привезенной мною новостью; очевидно, предстоявшая канонада имѣла свое скрытое значеніе и находилась въ связи съ началомъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій нашей сосредоточенной на Дунаѣ арміи; быть можетъ насталъ часъ переправы, этого перваго акта грядущей военной драмы,—дѣйствительно есть отъ чего взволноваться.

Необходимыя распоряженія о размѣщеніи перевязочныхъ пунктовъ и проч. были тотчасъ-же сдѣланы, и я отправился назадъ, завернулъ предварительно на нашу квартиру, чтобы

приказать людямъ утромъ ее очистить и перевозить наши вещи на такъ называвшійся уланскій пикетъ, около Слободзеи, потому что домъ занимаемый Моллеромъ неминуемо долженъ былъ попасть подъ турецкія бомбы при имѣвшей начаться завтра канонадѣ.

Ночь мы провели на упомянутомъ пикетѣ, занимавшемъ старый турецкій люнетъ, уцѣлѣвшій отъ войны 1828 года; на валу торчало три сигнальныхъ шеста, оберченные соломой и смоленымъ тряпьемъ, которые, въ случаѣ тревоги, зажигались; пикетъ, кромѣ постовой службы, составлялъ еще вмѣстѣ съ тѣмъ родъ станціи для передачи привозимыхъ приказаній на слѣдующіе посты, расположенные вдоль по Дунаю. Служба уланъ однако вѣроятно не легка, такъ какъ и на люнетѣ и кругомъ не было ни одного деревца, ни однаго кустика, чтобы скрыться отъ дневной жары, а ночью никакой защиты отъ весьма чувствительной прохлады и сырости; кромѣ того и гоньба съ передачей приказаній порядочная.

Ночь мы проспали просто на землѣ, и къ разсвѣту всѣ порядочно продрогли, но жаркіе лучи взошедшаго солнца поправили дѣло. Утромъ къ намъ прибыло еще нѣсколько офицеровъ. Полковникъ Безобразовъ, севастопольскій георгіевскій кавалеръ, капитанъ Степановъ — изъ Петербурга и штабсъ-капитанъ графъ Стенбокъ изъ Плоештъ—всѣ расположались тутъ-же. У Безобразова, какъ человѣка бывалаго, немедленно явился откуда-то небольшой навѣсъ и самоваръ, съ нимъ былъ и человѣкъ—его поваръ, но затѣянный было нами проектъ на счетъ устройства обѣда не могъ состояться, за неимѣніемъ никакой провизіи, а между тѣмъ, не смотря на жару, аппетитъ все настойчивѣе и настойчивѣе требовалъ удовлетворенія. Моллеръ, какъ начальникъ осадной артиллеріи, былъ весь поглощенъ предстоящей бомбардировкой и заботами о своихъ батареяхъ; другіе удовольствовались чаемъ, но я, какъ волонтеръ, въ виду еще нѣсколькихъ часовъ ожиданія начала от-

крытія огня, рѣшился совершить путешествіе въ Журжу, чтобы запастись тамъ чѣмъ нибудь и пообѣдать. Это былъ въ нѣкоторомъ родѣ подвигъ, такъ какъ предстояло протащиться пѣшкомъ въ оба конца восемь верстъ при ужаснѣйшей жарѣ, отъ которой и находясь на мѣстѣ не зналъ куда дѣваться. Терять времени было нечего, такъ какъ былъ уже близко полдень, и я отправился. Въ Журжѣ повидимому уже было извѣстно о предстоящей бомбардировкѣ; на улицахъ царствовала необычная пустота, многіе изъ жителей уже выбирались изъ города, по дорогѣ въ Александрію тянулись повозки, и вообще было замѣтно всеобщее ожиданіе чего-то особеннаго. Европейская гостиница, въ которой мы всегда обѣдали, оказалась пуста, хотя обыкновенно въ ея садикѣ бывало довольно народа, тѣмъ болѣе въ обѣденное время. Какъ я ни торопился, а все-таки когда пришелъ, то было уже около часу пополудни,—времени оставалось очень немного, а впереди перспектива обратнаго пути, и притомъ, въ случаѣ запозданія, являлась возможность быть подстрѣленнымъ по дорогѣ, такъ какъ послѣдняя пролегала за линіей батареи и слѣдовательно шла подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій; на нее должна была падать значительная часть турецкихъ снарядовъ, въ случаѣ перелета ихъ черезъ наши батареи, подвернуться-же подъ гранату, не находясь на самой позиціи, было-бы очень печально!..

Пообѣдавъ наскоро, я пустился въ обратный путь; приходилось почти бѣжать, такъ какъ оставалось менѣе часа времени до начала канонады, а на небѣ, какъ на зло, ни одного облака, солнце печетъ немилосердно. Задыхаясь отъ жары, я проклиналъ затѣянное мною путешествіе, не надѣясь поспѣть во-время на батареи; но вдругъ, о счастье, —нагоняетъ извощикъ изъ Журжи, и въ колясочкѣ оказывается штабсъ-капитанъ Андріевскій, ординарецъ Главнокомандующаго, присланный присутствовать при бомбардировкѣ, съ тѣмъ чтобы при-

везти Великому Князю точное донесеніе о послѣдующемъ. Мы поѣхали вмѣстѣ. До трехъ часовъ оставалось нѣсколько минутъ, когда мы добрались до деревни, на краю которой бросивъ лошадей и посовѣтовавъ нашему возницѣ хорошенько спрятаться гдѣ-нибудь за домами, побѣжали на ближайшую батарею. Но вотъ передъ нашими глазами густой клубъ бѣлаго дыма, стремительно взвившись кверху, началъ плавно разстилаться въ воздухѣ, грянулъ выстрѣлъ изъ 8-ми дюйм. мортиры, черезъ нѣсколько секундъ на послѣдней батареѣ раздался другой, за нимъ третій—и канонада загремѣла по всей линіи. Мы крикнули ура и замахали шапками, привѣтствуя эти первыя, посланныя туркамъ изъ Журжи бомбы. Нѣсколько минутъ непріятельскія орудія молчали, такъ какъ внезапное открытіе огня, по всей вѣроятности, застало ихъ неожиданно, но надо отдать справедливость—молчаніе ихъ продолжалось недолго, и съ того берега на насъ въ свою очередь понеслись снаряды. Большинство ихъ давало перелеты, хотя очень часто весьма незначительные, такъ что они разрывались при паденіи всего въ нѣсколькихъ шагахъ за батареею, другіе-же ложились прямо въ бывшую сзади насъ Слободзею. Перелеты эти конечно не представляли для насъ особой опасности, такъ какъ осколки разорвавшагося снаряда продолжаютъ летѣть впередъ, но въ первые разы гулъ разрыва сзади, особенно если снаряды падали близко, невольно заставлялъ оборачиваться назадъ, тѣмъ болѣе, что визгъ удаляющихся осколковъ чрезвычайно характеренъ, особенно для непривыкшаго еще уха; снарядъ при паденіи разрывается на черепки весьма разнообразной величины и формы, и такъ какъ каждый изъ послѣднихъ летитъ далѣе отдѣльно, то онъ издаетъ, разсѣкая воздухъ, свою особую ноту; такимъ образомъ совокупность летящихъ осколковъ составляетъ какой-то вой, возбудительно дѣйствующій на нервы. Вообще первые снаряды, пронесшіеся надъ нашими головами, произвели какое-то новое, неподдающееся моему

перу впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ на меня лично — новичка еще въ бою. Я не могу назвать его страхомъ, потому что при той экзальтаціи, которая всѣми нами овладѣла въ началѣ канонады, сознаніе опасности даже еще не вступило въ свои права, но приходилось испытывать чувство всѣмъ новое, неизвѣданное, что-то похожее на сожалѣніе о находящихся далеко родныхъ, о семьѣ своей, сожалѣніе, что быть можетъ болѣе никого изъ нихъ не увидишь!.. Пусть тотъ, у кого свѣжи впечатлѣнія перваго боя съ непріятелемъ, поанализируетъ себя—быть можетъ онъ и согласится со мной. Надо прибавить впрочемъ, что и упомянутое чувство не замедлило притупиться вслѣдствіе частаго повторенія одного и того-же явленія, т. е. близкаго пролета и паденія непріятельскихъ снарядовъ, тѣмъ болѣе, что и самый огонь турокъ не причинялъ пока вреда на батареяхъ, такъ что въ дальнѣйшемъ развитіи канонады на снаряды, падавшіе не очень близко, никто даже не обращалъ и вниманія. За то, что бы ни говорили объ абсолютномъ самообладаніи подъ выстрѣлами, т. е. о сохраненіи полнѣйшей индифферентности къ снарядамъ, какъ-бы близко надъ головой они ни пролетали, индифферентности, выражающейся въ отсутствіи всякаго непроизвольнаго даже движенія въ подобныхъ случаяхъ, — съ этимъ нельзя согласиться: снарядъ прогудѣвшій около, на разстояніи даже напримѣръ въ одну сажень, естественно вызываетъ движеніе головой, чисто рефлективное, непроизвольное; здѣсь дѣйствуетъ чисто безотчетный инстинктъ самосохраненія, выражающійся напримѣръ точно также невольнымъ движеніемъ головы, если махнуть быстро рукой мимо лица; притупить получаемое въ подобныхъ случаяхъ впечатлѣніе можетъ развѣ только долгая практика, а между тѣмъ подобныя случайности не бываютъ слишкомъ частыми. Отъ этого, конечно, еще далеко, до извѣстныхъ поклоновъ пролетающимъ мимо пулямъ или гранатамъ на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, фактовъ, надъ которыми обыкновенно и подсмѣи-

ваются, но утверждать абсолютное самообладанiе во всѣхъ случаяхъ мнѣ кажется не болѣе какъ небольшимъ хвастовствомъ.

Какъ-бы то ни было, но общая картина происходившаго артиллерiйскаго боя между противниками, раздѣленными рѣкою, представляла довольно грандiозное зрѣлище. Неумолкаемый громъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ стоялъ надъ батареями, окутанными дымомъ, который едва разносился слабымъ теченiемъ воздуха; гулъ своихъ выстрѣловъ сливался съ трескомъ разрыва снарядовъ непрiятеля, а выше всего сiяло солнце, обливая яркимъ освѣщенiемъ бѣловатые клубы пороховаго дыма и обдавая своими жаркими лучами и безъ того уже нестерпимо знойный воздухъ.

Каждая батарея имѣла свою опредѣленную цѣль, имѣла своего противника, по которому дѣйствовала, такъ что вскорѣ направленiе непрiятельскихъ выстрѣловъ, въ свою очередь, уже выслѣдилось настолько, что при появленiи клуба дыма на одной изъ батарей противоположнаго берега наши батареи знали кому изъ насъ посылается бомба, и слѣдовало предупрежденiе—«къ намъ!» На пѣхотныхъ солдатикахъ сила впечатлѣнiя канонады была весьма замѣтна: проходя по батареямъ въ началѣ огня, я на одной изъ нихъ натыкаюсь на значительную кучу санитаровъ съ носилками, что невольно обратило мое вниманiе и вызвало на объясненiя, такъ какъ подобное скопленiе ихъ на одномъ пунктѣ являлось чѣмъ-то страннымъ. Я обратился къ нимъ съ вопросомъ— что они тутъ дѣлаютъ? Оказалось—не рѣшаются идти далѣе, такъ какъ до слѣдующей батареи надобно было миновать совершенно открытое мѣсто. «Никакъ нельзя пройти, ваше выс—дiе»—отвѣтилъ на мой вопросъ унтеръ-офицеръ — «мѣтко стрѣляютъ, убьютъ!..» Я отпустилъ нѣсколько насмѣшекъ на ихъ счетъ, и взявъ за конецъ первыя попавшiяся подъ руку носилки позвалъ желающихъ идти вмѣстѣ со мною. Солдатики видимо сконфузились:—«Пой-

демъ, пойдемъ, ребята», заговорили въ кучѣ, и унтеръ-офицеръ первый двинулся впередъ, а за нимъ гуськомъ и остальные. Половину дороги прошли шагомъ, но ударившая гдѣ-то недалеко бомба заставила переднихъ все-таки броситься далѣе бѣгомъ... Пѣхотнымъ солдатикамъ знакомство съ бомбами видимо доставалось нелегко, такъ какъ многіе изъ нихъ никогда и не слыхали вблизи выстрѣловъ изъ орудій, а тутъ все сразу: гудитъ снарядъ летящій цѣликомъ надъ головою, завываютъ и осколки мимо несущіеся, раздается трескъ лопающихся на землѣ бомбъ и оглушительный гулъ выстрѣловъ нашихъ-же орудій. Нѣкоторые солдатики, сидя въ началѣ канонады въ глубокой траншеѣ, не привыкли даже отличать еще своихъ выстрѣловъ отъ непріятельскихъ, и пригибались при тѣхъ и другихъ... Впрочемъ, безъ этихъ явленій едва-ли и обойтись можно съ людьми еще впервые стоявшими подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Удушливая жара становилась просто невыносимою: въ воздухѣ парило какъ въ банѣ; я сбросилъ съ себя сюртукъ, чтобы немного прохладиться, о чемъ упоминаю въ виду того обстоятельства, чтобы показать, насколько турки внимательно слѣдили съ своего берега за всѣмъ у насъ происходившимъ, несмотря на значительную дальность разстоянія. Дѣло въ томъ, что желая исполнить желаніе капитана Жуковскаго, командовавшаго батареей изъ шести 24-хъ фунтовыхъ пушекъ и просившаго передать Моллеру, что батарея противника, по которой стрѣлялъ Жуковскій, замолчала, я отправился на правый флангъ боевой линіи, откуда Моллеръ наблюдалъ за ходомъ канонады. Около этого времени въ воздухѣ начали появляться небольшія отдѣльныя облачка, указывавшія, что непріятель пустилъ въ ходъ картечныя гранаты. Прихожу на правый флангъ и застаю присѣвшихъ за какимъ-то маленькимъ валикомъ Моллера, Стенбока и Андріевскаго въ какихъ-то оригинальныхъ кожаныхъ колпакахъ, образовавшихся изъ выверну-

тыхъ на изнанку фуражекъ. На мой вопросъ — что означаетъ сей маскарадъ? они объяснили, что турки замѣтили ихъ бѣлыя фуражки и начали было стрѣлять по нимъ картечными гранатами. Видя меня стоящаго открыто, безъ сюртука и въ бѣлой шапкѣ, Моллеръ торопливо предупредилъ, чтобы я скорѣе присѣлъ за валики, а не то послужу цѣлью для турецкой гранаты. Я было усумнился, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей надъ нами и впереди ярко обрисовалось на солнцѣ круглое бѣлое облачко, и черезъ нѣсколько секундъ три или четыре пули глухо стукнули о землю около нашихъ ногъ, а одна ударила въ какомъ нибудь полуаршинѣ отъ Моллера... У меня до сихъ поръ передъ глазами этотъ моментъ, — какъ Моллеръ при видѣ появившагося облачка быстро указалъ на него рукой, и какъ затѣмъ мы замолкли, а черезъ секунду что-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ зашлепало рядомъ съ нами... «Видите»—сказалъ Моллеръ, и въ голосѣ его слышалась нотка упрека, упрека, конечно, справедливаго за мою неосторожность, подвергнувшую напрасной опасности всѣхъ насъ. Я не возражалъ и поспѣшилъ на поиски своего сюртука, брошеннаго гдѣ-то на траверсѣ. Канонада между тѣмъ продолжалась въ полномъ разгарѣ; со стороны турокъ сыпались всевозможные снаряды, начиная съ прежнихъ сферическихъ и кончая новѣйшими двухстѣнными гранатами, нѣсколько осколковъ которыхъ было найдено нами на батареяхъ. Точно также разнообразны были и калибры. Съ нашего берега ясно видна была дорога, поднимавшаяся въ гору за Рущукомъ; на этой дорогѣ въ бинокль можно было разсмотрѣть два темныхъ пятнышка, надъ которыми иногда взвивался дымокъ—это были два полевыя орудія дальняго боя, стрѣлявшія въ насъ, я думаю, тысячи за три саженъ, но снаряды ихъ не представляли особой опасности, такъ какъ падали подъ очень большими углами и зарывались въ землю, вслѣдствіе чего осколки гранатъ не имѣли силы, и едва только разбрасывали въ стороны комья земли. Въ Сло-

бодзеѣ, между тѣмъ, показался клубъ пламени и повалилъ дымъ, но какъ оказалось впослѣдствіи—загорѣлся не болѣе какъ стогъ сѣна, въ которомъ разорвалась какая-то шальная граната, и огонь вскорѣ угасъ самъ собою.

Среди всего этого дыма и грома, три часа пролетѣли совершенно незамѣтно; солнце было уже низко, наступилъ седьмой часъ. До сихъ поръ у насъ все обстояло вполнѣ благополучно, ни одного убитаго, ни одного раненаго, хотя на тѣхъ трехъ батареяхъ, гдѣ я большею частью находился, никто даже не прятался отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, не говоря уже объ офицерахъ, командовавшихъ батареями. Пріятно было видѣть энергію офицеровъ, какъ напр. браваго молодаго командира фланговой восьми-дюймовой мортирной батареи, подпоручика Лезедова, почти не сходившаго съ траверса, гдѣ, будучи совершенно открытымъ, онъ наблюдалъ въ бинокль за паденіемъ своихъ снарядовъ. Спокойный, симпатичный Сергѣй Самойло, потопившій уже турецкій мониторъ въ Браиловѣ, методически, несуетливо работалъ изъ своихъ стальныхъ 6,03 дюймовыхъ орудій и невольно внушалъ полное довѣріе къ своимъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, несправедливо упоминать отдѣльныя личности, когда всѣ офицеры дѣйствовали съ полнымъ самоотверженіемъ, не смотря на то, что большинство изъ нихъ впервые стояли подъ огнемъ непріятеля. Отсутствіе потерь у насъ при такой массѣ выпущенныхъ турками снарядовъ, которыхъ они бросили болѣе тысячи, просто было невѣроятно, и притомъ нельзя сказать, чтобы непріятель стрѣлялъ дурно, такъ какъ многіе снаряды рвались чуть не на самыхъ платформахъ, несмотря на значительность дистанцій — около тысячи пятисотъ саженъ. Это наводитъ на мысль вообще о малой дѣйствительности артиллерійскаго огня на подобныхъ разстояніяхъ; съ другой стороны нельзя не признать и извѣстной доли счастья въ итогѣ многихъ случайностей, сопровождавшихъ канонаду. Въ моихъ глазахъ, напр., раза два разрывались сферическія бомбы на

такихъ близкихъ разстояніяхъ, что обдавало комьями взброшенной земли, но ни разу никто не былъ задѣтъ осколками. Помню, напр., еще такой выдающійся случай: часовъ около семи, когда канонада стала уже ослабѣвать, и орудія съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались выстрѣлами все рѣже и рѣже, на батареѣ у Самойлы сошлось насъ человѣка четыре. Присѣли на платформѣ у одной пушки, какъ сосѣднее орудіе сдѣлало очередной выстрѣлъ. Черезъ минуту съ турецкой стороны въ отвѣтъ грянуло два, и огромная бомба ударила всего саженяхъ въ трехъ или четырехъ отъ нашей группы, прямо въ насыпь надъ пороховымъ погребкомъ: разрывъ снаряда снесъ уголъ насыпи и взбросилъ цѣлую кучу земли, но опять никто не пострадалъ... Счастливая случайность:—возьми бомба сажени двѣ правѣе, и, быть можетъ, никто-бы изъ насъ четверыхъ не остался цѣлъ. Судьба какъ будто щадила всѣхъ участниковъ вчерашней бомбардировки. Не знаю, что причинили мы нашему непріятелю, но двѣ батареи его были вынуждены замолчать, и во всякомъ случаѣ Рущуку досталось порядкомъ, такъ какъ турецкія батареи лежали передъ нимъ непосредственно, и слѣдовательно перелеты нашихъ снарядовъ не пропадали даромъ, а били по городу, хотя собственно этого мы и не имѣли въ виду. Вообще, при большой величинѣ дистанцій и массѣ выстрѣловъ, не было возможности услѣдить за дѣйствіемъ всѣхъ нашихъ снарядовъ, но при паденіи и разрывѣ многихъ были огромныя массы земли, взбрасываемыя на непріятельскихъ батареяхъ. Съ нашей стороны было выпущено около семисотъ двадцати бомбъ, съ турецкой-же — гораздо болѣе, такъ какъ огонь непріятеля былъ значительно чаще нашего.

Къ восьми часамъ канонада съ обѣихъ сторонъ окончательно замолкла; наступилъ прохладный вечеръ, и мы всѣ опять собрались на уланскомъ пикетѣ; закипѣли самовары, и долго еще, при свѣтѣ взошедшей луны, велись оживленные разсказы о событіяхъ минувшаго дня. Всѣ были веселы и

усердно опоражнивали стаканы съ чаемъ; ночевали въ повалку на землѣ, тутъ-же, и никогда не спалось такъ крѣпко и хорошо, несмотря на отсутствіе всякаго комфорта. Завтра утромъ собираюсь ѣхать въ Турнъ-Магурелли.

Турнъ-Магурелли, 17-го іюня.

Утромъ, на другой день послѣ первой бомбардировки Рущука, мнѣ пришлось распроститься съ нашими артиллеристами и вернуться въ Журжу, чтобы черезъ Бухарестъ добраться въ Турнъ, такъ какъ нанять лошадей прямо изъ Журжи не представлялось возможности: все разбѣжалось или по крайней мѣрѣ попряталось по случаю канонады 12-го числа, и по неволѣ приходилось отправиться въ Бухарестъ по желѣзной дорогѣ. Журжа представилась совершенно запустѣлою даже въ той части, которая осталась въ сторонѣ отъ направленія турецкихъ выстрѣловъ. Въ городѣ царствовала какая-то тишина, производившая странное съ перваго раза впечатлѣніе; мелкіе дома на окраинахъ почти всѣ закрыты, окна заставлены ставнями, лавки заперты; кое-гдѣ развѣ попадалось живое существо у воротъ дома и, какъ рѣдкость, настолько бросалось въ глаза, что по неволѣ привлекало на себя вниманіе. Ближе къ центру уже встрѣчаются слѣды бомбъ, разбитыя стекла, кучи мусора, и т. п. Еще далѣе, и передъ глазами уже картины настоящаго разрушенія, полоса котораго довольно знаменательна:—направленіе ея идетъ къ красивому каменному зданію, надъ которымъ развѣвается русскій красный крестъ, хорошо видимый изъ Рущука. Очевидно турецкій огонь былъ направленъ сюда, здѣсь сосредоточено наибольшее разрушеніе, и фасадъ самаго зданія испещренъ пробоинами, которыхъ я насчиталъ 22; слѣдовательно, турки не только не соблюдали святости краснаго креста, но еще спеціально въ него били!.. Въ сущности впрочемъ я ожидалъ встрѣтить болѣе грандіоз-

ные слѣды разрушенія, но ожиданія мои не оправдались, такъ какъ по крайней мѣрѣ внѣшность домовъ, пораженныхъ снарядами, не производила особенно подавляющаго впечатлѣнія. Жертвъ бомбардировки изъ обывателей города почти не было: передавали, что былъ убитъ всего лишь одинъ какой-то румынъ, да еще осколокъ бомбы поразилъ груднаго ребенка на рукахъ у матери. Въ разныхъ мѣстахъ съ улицы видны были однако развороченныя крыши домовъ и зіяющія расщепленныя пробоины, осколки бомбъ, раздробленныя ставни въ окнахъ и т. п. Внутрь домовъ я не заглядывалъ, такъ какъ большею частью они были заколочены, и изъ нѣкоторыхъ доносился только жалобный вой запертыхъ въ нихъ собакъ. Наша прежняя квартира также подвергалась дѣйствію турецкихъ снарядовъ, хозяева дома куда-то исчезли, и въ немъ не было ни души; мнѣ передавали потомъ, что въ комнатѣ, гдѣ прежде была спальня Моллера, лопнула бомба, причемъ замѣчательно, что стоявшее въ ней піанино осталось цѣло, хотя чѣмъ-то и было сдвинуто съ своего мѣста.

Въ Европейскую гостиницу, гдѣ мы обѣдали еще наканунѣ, также попало нѣсколько снарядовъ, теперь она была пуста и въ камерахъ царствовалъ полный хаосъ, какихъ-то два солдата разбирали нагроможденныя въ нѣсколькихъ комнатахъ стулья, приготовляя мебель къ перевозкѣ по порученію хозяевъ; достать что нибудь перекусить, какъ сначала я надѣялся, конечно не удалось, и пришлось отправляться далѣе съ измучившимися отъ жары солдатами, несшими мои вещи. На городской площади однако оказалась храбрая гостиница Hôtel de St.-Pétersbourg, которая не закрыла торговли несмотря на турецкія бомбы, и въ ней изъ посѣтителей оказалось лишь нѣсколько корреспондентовъ, изъ которыхъ двое англичанъ Каррикъ и Бреккенбери. Послѣднимъ русскія власти оказываютъ вѣжливое вниманіе, но и только, а въ то же время за ними усердно приглядываютъ и подъ разными гладкими предлогами

уклоняются отъ удовлетворенія ихъ любопытства относительно напр. посѣщенія батарей, и т. п. При мнѣ прибылъ еще третій англичанинъ, какой-то юноша — корреспондентъ одной изъ лондонскихъ иллюстрацій. Каррика я зналъ еще въ Петербургѣ, а черезъ него пришлось познакомиться и съ Брекенбери, оказавшимся англійскимъ подполковникомъ англійской службы, которому очень хотѣлось получить отъ меня разныя свѣдѣнія о нашихъ батареяхъ, орудіяхъ, и проч., но я по весьма понятному чувству къ нашимъ «благопріятелямъ» находилъ для себя даже нѣкоторое удовольствіе отдѣлываться незнаніемъ отъ вопросовъ англичанина, и отказался даже отъ весьма соблазнительнаго предложенія—ѣхать съ ними вмѣстѣ въ ихъ экипажѣ въ Александрію, хотя и отправлялся въ Бухарестъ единственно чтобы найти лошадей туда же.

На станціи желѣзной дороги я засталъ большое общество, обѣдавшее на платформѣ; это былъ штабъ 11-го корпуса и самъ командиръ послѣдняго — князь Шаховской, прибывшій вслѣдствіе происходившей наканунѣ канонады. Вновь полученная депеша изъ штаба Главнокомандующаго ставила всѣхъ въ тупикъ: первое бомбардированіе Рущука предписывалось ею начать 13-го числа, а между тѣмъ оно уже произошло наканунѣ, вслѣдствіе депеши-же, полученной въ ночь на 12-е число!.. Видимо произошло какое-то недоразумѣніе. Тѣмъ не менѣе, около 6 часовъ канонада возобновилась снова со всѣхъ батарей, и долго слышался гулъ выстрѣловъ далеко за Журжей, на поѣздѣ желѣзной дороги, мчавшемъ меня въ Бухарестъ...

Въ Бухарестѣ за фургонъ въ четверку до Турна-Магурелли едва-едва согласились взять семь полуимперіаловъ, и это я счелъ благополучіемъ, такъ какъ другіе платили гораздо дороже. Рано утромъ 15-го числа мой возница дотащилъ меня до Александріи; здѣсь ходили уже какіе-то слухи о начавшейся переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Часовъ въ 9 утра

мое вниманіе привлекли доносившіеся издали выстрѣлы и отдаленные клубы дыма: очевидно происходила канонада у Никополя. Не доѣзжая Турна, влѣво отъ дороги открылся вдали холмъ, усѣянный массой народа, а по близости множество экипажей; я остановился и направился пѣшкомъ туда же, оказалось, что тамъ Государь со своей свитой. Его Величество сидѣлъ на вершинѣ холма, на складномъ табуретѣ, около Него находился Военный Министръ, а ниже пестрѣла масса всевозможныхъ мундировъ свиты, окружавшей холмъ; съ вершины послѣдняго открывалось эффектное зрѣлище: вдали баттареи наши, расположенныя правѣе и лѣвѣе Турна, громили лежавшій на противуположномъ берегу Никополь, откуда турки въ свою очередь били по нашимъ орудіямъ. На самомъ берегу, на той сторонѣ, ярко взвивался огромный снопъ пламени,—горѣли турецкіе склады, зажженные нашими снарядами; гулъ канонады раздавался неумолкаемо; клубы пороховаго дыма расплывались по воздуху, а выше всего, на безоблачномъ небѣ, ярко сіяло солнце, обливая горячими лучами всю грандіозную картину боя... Кругомъ блестящіе мундиры, лошади, берейторы, коляски, неизбѣжный французскій языкъ... Тутъ-же по близости карета военно-походнаго телеграфа съ кучкой офицеровъ у дверецъ, въ каретѣ помощникъ начальника штаба; всѣ ловятъ на лету новости, приносимыя внутрь кареты телеграфной проволокой, а новости должны быть весьма жгучаго интереса: — въ Зимницѣ, какъ слышно, давно ожидаемая переправа.

Протащившись еще версты три, я добрался наконецъ до деревушки Магурелли, составляющей какъ-бы предмѣстье Турна; низкія, покрытыя глиной крыши убогихъ смазанныхъ домовъ деревни были усѣяны зрителями, слѣдившими за канонадой и дѣлавшими свои замѣчанія о направленіи нашихъ выстрѣловъ. Въ одной изъ группъ толковали потурецки, и когда я подошелъ къ разговаривавшимъ, то одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ и началъ что-то объяснять, указывая рукой на

Никополь. Призвавъ на память весь скудный остатокъ свѣдѣній въ восточныхъ языкахъ, вынесенныхъ мною изъ университета, я наконецъ уразумѣлъ, что мой собесѣдникъ толковалъ о мѣстѣ расположенія пороховыхъ складовъ въ Никополѣ, куда, по его мнѣнію, нужно стрѣлять нашимъ. Не знаю, насколько онъ былъ правъ и точенъ въ своихъ указаніяхъ, но, казалось бы, вообще не слѣдовало пренебрегать вполнѣ подобными сообщеніями.

Надо было однако озаботиться найти себѣ пристанище. и я вернулся къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ стоять мой возница, но къ удивленію онъ уже исчезъ. Предполагая, что я запутался въ кривыхъ переулкахъ деревни и вышелъ не туда, гдѣ остался фургонъ, я отправился на поиски, но всѣ распросы были тщетны — возница исчезъ окончательно, такъ что наконецъ измучившись ходьбой подъ палящимъ солнцемъ, пришлось идти въ городъ одному. Въ одной изъ улицъ натыкаюсь наконецъ у какого-то трактира на брошенный на произволъ судьбы фургонъ со всѣми моими вещами, безъ всякаго присмотра, хотя на улицахъ толпилась масса всякаго народа, солдатъ, жидовъ, и т. д. Оказалось, что мой возница не нашелъ нужнымъ ждать меня и уѣхалъ въ городъ, а здѣсь выпрягъ лошадей и отправился съ ними куда-то на водопой, предоставивъ вещи охранѣ судьбы. Это меня взбѣсило, и я въ свою очередь нанялъ перваго попавшагося извощика, забралъ свои пожитки и подралъ въ гостиницу, не сказавъ никому ни слова—пускай-же наищется меня молдаванинъ въ свою очередь. Однако не успѣлъ я еще потерять изъ виду фургона, какъ сзади раздался нагоняющій конскій топотъ, и мой молдаванинъ выросъ какъ изъ земли, со всей своей четверкой, такъ что мой замыселъ поучить его не удался, а ко всей моей брани онъ отнесся самымъ стоическимъ образомъ, тѣмъ болѣе что и не могъ понять изъ нея ни слова.

Въ отелѣ Реймонъ, гдѣ я остановился, помѣщеніе оказалось весьма порядочное, комнаты высокія и чистыя, прямо

съ улицы большая зала съ билліардомъ; противъ оконъ городской садъ. Вообще Турнъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, дома довольно хорошіе, каменные, на главной улицѣ множество лавокъ, магазиновъ и ресторановъ, все это придавало городу весьма оживленный видъ. Недалеко отъ упомянутой гостиницы начиналась длинная дамба, далеко врѣзавшаяся въ Дунай, а правѣе ея виднѣлись виноградники, въ которыхъ были расположены наши батареи. Ходить по дамбѣ днемъ было опасно, такъ какъ она обстрѣливалась турками. Наши батареи въ виноградникахъ подвергались даже ружейному огню съ противуположнаго берега, и хотя разстояніе было все-таки весьма значительное, едва-ли допускавшее правильную прицѣльную стрѣльбу, тѣмъ не менѣе на батареяхъ были убитые пулями. Насколько крута бывала при этомъ траекторія послѣднихъ, можетъ указывать напр. такой случай, что одинъ солдатикъ былъ пораженъ пулей въ голову, сидя повидимому въ самомъ безопасномъ мѣстѣ—за внутреннимъ скатомъ траверса между орудіями; пуля сразила бѣднягу наповалъ. Отъ артиллерійскаго огня турокъ также было уже нѣсколько жертвъ, въ числѣ которыхъ замѣчательна смерть одного фейерверкера, котораго турецкая граната поразила цѣликомъ въ грудь и разорвалась, истерзавъ несчастнаго; его тутъ же и закопали въ землю. Въ виноградникахъ для нашихъ артиллеристовъ было вообще самое опасное мѣсто; начальникомъ тамъ былъ полковникъ Лѣсовой, мой старый знакомый, человѣкъ, какъ его знавалъ прежде—весьма мирный, а между тѣмъ оказавшій и теперь и впослѣдствіи весьма воинственныя наклонности. Странною иногда является человѣческая натура: этотъ же Лѣсовой вѣчно носился со своей гомеопатической аптечкой, преслѣдуя ея крупинками и каплями свои, быть можетъ, на дѣлѣ и несуществовавшіе недуги (надѣюсь, что Иванъ Мартыновичъ не вознегодуетъ на меня прочтя эти строки) и слѣдовательно проявлялъ свою долю извѣстной мнительности, и

этотъ же Лѣсовой оказался однимъ изъ храбрѣйшихъ и хладнокровнѣйшихъ подъ огнемъ непріятеля офицеровъ; онъ удостоился быть представленнымъ недавно къ самой лестной для военнаго наградѣ—къ Георгіевскому кресту, за мужество и распорядительность, выказанныя имъ подъ сосредоточеннымъ огнемъ турокъ въ одну изъ критическихъ минутъ горячей перестрѣлки съ турецкими стрѣлками и орудіями въ упомянутыхъ выше виноградникахъ. Справедливость требуетъ при этомъ упомянуть и о другомъ участникѣ того-же дѣла, о командирѣ батареи, штабсъ-капитанѣ Столѣтовѣ, раздѣлявшемъ вполнѣ всю активность дѣйствія и опасность положенія съ г. Лѣсовымъ и заслужившимъ казалось-бы ту-же награду, но нашли что за одно и то-же Георгія двоимъ дать нельзя, и Столѣтова наградили Владиміромъ съ мечами! Не мнѣ разсуждать о томъ насколько въ одномъ и томъ-же подвигѣ можетъ одновременно участвовать нѣсколько лицъ, но вѣдь лѣтописи нашихъ славныхъ моряковъ представляютъ-же много примѣровъ подобныхъ случаевъ, почему-же артиллеристы должны составлять исключеніе?..

Въ Турнѣ въ артиллерійскомъ кружкѣ живется хорошо. Общее начальство надъ всѣмъ здѣшнимъ отрядомъ осадной артиллеріи ввѣрено полковнику Анчутину, помощнику генерала Моллера; у Анчутина заведенъ общій столъ—обстоятельство весьма важное въ военномъ бытѣ. Тутъ сходятся офицеры, дѣлаются распоряженія, передаются новости и разсказы о событіяхъ дня, сплачиваются личности въ нѣчто общее, и за незатѣйливымъ, вкуснымъ и сытнымъ столомъ льется дружеская, веселая бесѣда, въ которой между начальникомъ и подчиненнымъ устанавливается внутренняя связь, независимо отъ внѣшнихъ служебныхъ ихъ отношеній. Вообще въ Турнѣ походная жизнь представляла свои особенности, такъ какъ боевая сторона ея не исключала возможности пользованія житейскимъ комфортомъ, по крайней мѣрѣ для многихъ, не-

прикованныхъ своими обязанностями къ безотлучному пребыванію подъ непріятельскими выстрѣлами; но и для послѣднихъ служба облегчалась отсутствіемъ недостатка въ чемъ либо, такъ какъ рядомъ же въ городѣ можно было достать все, что угодно, и притомъ безъ монополіи евреевъ-маркитантовъ. Прекрасные извощичьи фаэтоны парою лошадей были всегда къ услугамъ желающихъ за умѣренную плату; въ нихъ можно было посѣщать батареи, оставляя гдѣ нибудь экипажъ по близости въ безопасномъ мѣстѣ, а затѣмъ вечеромъ вы быстро переносились опять въ ярко-освѣщенную залу отеля, наполненную посѣтителями, преимущественно военнымъ элементомъ, и здѣсь франка за два могли поужинать съ аппетитомъ, прислушиваясь къ говору веселаго и довольнаго окружающаго васъ люда и съ удовольствіемъ помышляя объ ожидающей васъ чистой и мягкой постели. Для любителей имѣлось въ городѣ даже нѣчто въ родѣ кафе-шантана, въ которомъ также собиралось немало народа, распивавшаго пиво и недорогое мѣстное вино, подъ звуки жиденькаго румынскаго оркестра. Въ этомъ садикѣ можно было впрочемъ встрѣтить и не одну безшабашную военную молодежь: его посѣщали и лица изъ высокопоставленныхъ, а также встрѣчались и такіе политическіе бездомники, какъ Донъ-Карлосъ со своими адъютантами...

Въ Турнѣ я снова встрѣтился съ Моллеромъ, вмѣстѣ съ которымъ мы объѣзжали здѣшнія батареи. Наиболѣе удаленная находится близь деревушки Фламунды, верстахъ въ пяти отъ города; ею командуетъ князь Вадбольскій, человѣкъ уже въ лѣтахъ, старый артиллеристъ, поступившій вновь на службу съ началала войны, послѣ семилѣтней отставки. На долю этого офицера выпало въ своемъ родѣ заточеніе, такъ какъ будучи одинъ на батареѣ, изолированной отъ прочихъ, онъ былъ осужденъ на полное одиночество и скучное однообразіе. Мы посѣтили эту батарею уже подвечеръ; возвышенности противуположнаго берега отчетливо обрисовывались въ лучахъ за-

ходящаго солнца, вся мѣстность казалась совершенно пустою, и только какой-то уединенный домикъ одиноко торчалъ за синевой Дуная. Мы уже собрались было назадъ, какъ вдругъ одинъ изъ нумеровъ орудiйной прислуги заявилъ, что тамъ на горѣ ходятъ люди. Я было усумнился въ возможности разглядѣть что нибудь подобное въ такомъ отдаленiи, но хорошiй бинокль подтвердилъ показанiе простаго солдатскаго глаза, приглядѣвшагося ко всѣмъ подробностямъ лежавшей впереди мѣстности. Дѣйствительно, на чернѣвшемся въ воздухѣ абрисѣ возвышенности двигалось нѣсколько точекъ: въ бинокль можно было даже разсмотрѣть какую-то фигуру въ шляпѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ — нарядъ очевидно не турецкiй. Вѣрно англичанинъ — вырвалось невольно у насъ, и какъ отказать себѣ въ удовольствiи пустить бомбу въ такого «благопрiятеля», хоть очень далеко, да авось осколокъ найдетъ виноватаго; орудiе въ распоряженiи солидное — пушка въ 6,03 дюйма. Навели, раздался выстрѣлъ, — большой недолетъ, — зонтикъ продолжаетъ свои экскурсiи. Прибавили возвышенiе, — новый выстрѣлъ, тоже самое. Еще разъ — и зонтикъ болѣе не показывался, силуэтъ горы опустѣлъ и на противоположномъ берегу не видно было ни малѣйшихъ признаковъ обитаемости. «Небось, удралъ, рыжiй», приговаривали солдаты, баня орудiе.

На дорогѣ въ тылу батареи показался экипажъ, изъ котораго вышли двое и приближались къ намъ, привлеченные выстрѣлами. Прислуга при орудiяхъ стала «смирно»; оказалось, что идетъ корпусный командиръ — генералъ Криденеръ. Когда-то въ Ямбургѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, я видѣлъ генерала послѣднiй разъ, когда онъ командовалъ австрiйскимъ полкомъ, и еще танцовалъ въ офицерскомъ собранiи; теперь-же, когда бремя лѣтъ уже сильно согнуло его высокую фигуру, ходъ событiй увлекъ его на поле брани, и онъ тяжело переступалъ, входя на батарею. Криденеръ поздоровался съ людьми и выразилъ желанiе ознакомиться съ нашей «новой» артиллерiей и

ея дѣйствіями; зарядили орудіе и сдѣлали два выстрѣла по чуть виднѣвшемуся на турецкомъ берегу человѣку, послѣднюю бомбу разорвало какъ разъ передъ цѣлью, закрывъ ее облакомъ пыли и дыма: генералъ остался доволенъ.

Уже стемнѣло, когда мы возвратились въ Турнъ; подъѣзжая къ городу пришлось остановиться: ослѣпительная полоса бѣлаго свѣта изливалась расходящимся снопомъ на Никополь изъ какого-то уголка деревушки Магурелли. Оказалось, что производилась проба освѣщенія непріятеля электрическимъ фонаремъ, привезеннымъ капитаномъ Жиляемъ. Картина была очень эффектная. Локомобиль громко пыхтѣлъ извергая облака дыма; миріады мошекъ и ночныхъ бабочекъ непрерывной струей стремились къ центру ослѣпительнаго зеркала, и падали тутъ-же, устилая землю бѣлымъ покровомъ; Никопольскія батареи однако не были видны:—фонарь не оказывался достаточно сильнымъ, и только дома турецкаго города на томъ берегу выдѣлялись въ полосѣ направляемаго туда свѣта, чего конечно еще было мало.

Едва мы возвратились домой, какъ въ Никополѣ загремѣли турецкія орудія. Залы отеля мгновенно опустѣли, и мы также бросились къ Дунаю узнать о причинѣ канонады. Кругомъ было темно, по небу бѣжали облака, за которыми то пряталась, то показывалась луна, освѣщая по временамъ группы зрителей на берегу. На противоположной сторонѣ рѣки надъ Никополемъ стояло зарево и колыхалось пламя догоравшаго пожарища, а правѣе, откуда-то изъ темноты, ежеминутно вырывались огненные снопы орудійныхъ выстрѣловъ... Не плывутъ-ли наши плоты по Дунаю?—спросилъ кто-то изъ насъ, и дѣйствительно все этимъ объяснилось. Выше Турна въ Дунай впадаетъ рѣка Ольта, въ которой производилось заготовленіе и сборка плотовъ, сплавлявшихся потомъ внизъ по теченію въ Дунай и затѣмъ по послѣднему къ пункту переправы. Выходъ изъ устья Ольты въ Дунай и минованіе Никополя, мимо котораго пло-

тамъ приходилось плыть, приближаясь въ одномъ мѣстѣ всего сажень на сорокъ къ турецкой крѣпости. составляли самыя опасныя минуты въ этихъ экспедиціяхъ, такъ какъ пройти незамѣченными едва-ли представлялась возможность, и слѣдовательно приходилось, такъ сказать, прорываться сквозь огонь непріятельскихъ орудій. Сегодняшняя темная ночь благопріятствовала было проводу плотовъ, но какъ на зло,—лишь они показались у входа въ Дунай, луна вышла изъ-за облаковъ и предательски освѣтила поверхность рѣки. Жутко становилось намъ, постороннимъ зрителямъ, за пловцовъ, увлекаемыхъ теченіемъ Дуная, при видѣ канонады, поднятой турками. На томъ берегу началась такая трескотня, какъ будто шло цѣлое сраженіе; въ темнотѣ вспыхивали и гасли, прихотливо извиваясь, ленты изъ огненныхъ точекъ, производимыя турецкими стрѣлками, открывшими ружейный огонь изъ своихъ прибрежныхъ ложементовъ; выстрѣлы изъ орудій слѣдовали одинъ за другимъ, и, казалось, при видѣ всего этого, что пловцамъ нашимъ нѣтъ спасенья; не вѣрилось, чтобы плоты могли остаться цѣлы; въ сущности-же оказалось, что еще неизвѣстно, кому канонада обходилась дороже—намъ или туркамъ, такъ какъ въ отвѣтъ на нее начинали дѣйствовать и наши батареи по непріятелю. Я стоялъ рядомъ съ Моллеромъ, который уже начиналъ сердиться, зачѣмъ молчатъ наши орудія; но вотъ лѣвѣе насъ, откуда-то снизу, изъ тьмы вырвался клубъ пламени: грянулъ выстрѣлъ, послышалось въ воздухѣ шипѣніе летящаго снаряда и затѣмъ огненный отблескъ разорвавшейся на томъ берегу бомбы... Второй, третій выстрѣлъ, — магурельскія батареи заговорили. Мелькнуло еще далѣе внизу на Дунаѣ что-то въ родѣ зарницы, опять шипѣніе снаряда и разрывъ: — начала дѣйствовать и батарея у Фламунды... Кучки зрителей въ разныхъ мѣстахъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нашими выстрѣлами, выражая по временамъ одобрительными восклицаніями свое удовольствіе, при видѣ предполагаемаг оудачнаго

разрыва бомбы; но, воображаю, какъ-бы всѣ они бросились вразсыпную, если-бы хоть одна турецкая граната просвистала надъ ними... Въ общемъ все это представляло въ высшей степени живописное зрѣлище. и если прибавить сюда еще прихотливое освѣщеніе луны, бѣжавшей за разорванными, клочковатыми облаками, да гигантское багровое зарево никопольскаго пожарища на томъ берегу, то составлялась чудная картина, такъ и просившаяся на полотно!.. Отъ души пришлось пожалѣть, что я не художникъ.

Все это продолжалось однако не долго: канонада какъ быстро началась, такъ-же быстро и стихла; плоты, какъ оказалось послѣ, прошли благополучно, ни убитыхъ, ни раненыхъ не было. Обошлись-ли только также дешево и наши выстрѣлы туркамъ?..

Въ Никополѣ теперь стоитъ два турецкихъ монитора, осужденныхъ на заключеніе, такъ какъ выше и ниже Дунай перерѣзанъ минными загражденіями, а въ этомъ районѣ ихъ стерегутъ батареи и миноносныя шлюпки, почему броненосцы стоятъ въ бездѣйствіи, притаившись за какимъ-то островкомъ на противоположной сторонѣ. Чуть виднѣются только ихъ трубы съ нашего берега: но это не спасаетъ ихъ отъ нашихъ выстрѣловъ, и если броненосцы не разстрѣляны еще окончательно, то развѣ въ виду надежды захватить плѣнниковъ, такъ сказать, живьемъ. Съ нихъ повидимому сведены уже и люди и свезены орудія, подступъ-же къ нимъ загражденъ какими-то поставленными поперекъ дунайскаго рукава баржами. Морскіе офицеры смотрятъ на эти мониторы уже какъ на будущую часть своей флотиліи; говорятъ, что Главнокомандующій, шутя, выразился, что онъ даритъ ихъ морякамъ, почему послѣдніе и приняли ихъ подъ свое покровительство относительно охраны отъ дальнѣйшихъ поврежденій артиллерійскими снарядами.

Два дня, проведенные мною въ Турнѣ, прошли какъ одинъ часъ, благодаря удобствамъ и новизнѣ тамошней обстановки. Сколько мелкихъ подробностей передавалось ежедневно за

*

общимъ столомъ въ кружкѣ артиллеристовъ, въ которомъ роль хозяйки занималъ докторъ Савойскій, принявшій на себя эту хлопотливую и неблагодарную обязанность. Изъ подобныхъ разсказовъ могла-бы выйти любопытная хроника, если-бы кто нибудь своевременно взялъ на себя трудъ ихъ записывать. Напримѣръ, много смѣха возбудилъ разсказъ Лѣсоваго, какъ изъ нашихъ аванпостовъ, бывшихъ въ упомянутыхъ выше виноградникахъ, ночью вдругъ послѣдовало донесеніе о туркахъ, переправляющихся яко-бы на нашъ берегъ, на дѣлѣ-же оказалось, что въ ошибку ввели наши-же понтоны, по которымъ однако чуть не открыли огонь... Про солдатъ на батареяхъ можно сказать, что ѣдятъ хорошо, и больныхъ мало, а это, какъ извѣстно, главное; есть впрочемъ еще врагъ на батареяхъ, врагъ хотя и микроскопическій, но тѣмъ не менѣе крайне надоѣдливый — это масса мошекъ и комаровъ близь рѣки, не дававшихъ покоя, такъ что нѣкоторые офицеры устраивали себѣ ночлегъ на верхушкахъ траверзовъ между орудіями, чтобы хоть сколько нибудь избавиться отъ нападенія этихъ докучливыхъ непріятелей.

Въ Турнѣ уже окончательно подтвердились слухи о переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, совершившейся въ ночь съ 14-го на 15-е іюня; передаютъ множество кровавыхъ подробностей, но за достовѣрность ихъ еще трудно ручаться. Сегодня отправляюсь къ мѣсту самой переправы, въ Зимницу.

Зимница. 24 Іюня.

Какая разница между этимъ несчастнымъ мѣстечкомъ — городомъ назвать его слишкомъ много—и Турномъ. Насколько въ послѣднемъ было удобствъ во всѣхъ отношеніяхъ, настолько въ первой рѣшительно никакихъ. Я пріѣхалъ въ Зимницу поздно вечеромъ, и проспалъ ночь лежа подъ заборомъ, на дворѣ гостиницы, набитомъ лошадьми и экипажами, такъ какъ

внутри все оказалось переполненнымъ. Немногимъ лучше оказался и слѣдующій день, проведенный на грязномъ полу въ другомъ, лежавшемъ напротивъ трактирѣ, или, вѣрнѣе сказать, большомъ кабакѣ. Наконецъ на третій день здѣсь-же освободилась одна изъ трехъ отвратительныхъ постелей въ нумерѣ, и я водворился по крайней мѣрѣ хоть въ комнатѣ, обязавшись уплачивать за свой уголъ по два франка въ сутки. Къ сторонѣ гостиницы, обращенной къ Дунаю, примыкала открытая галерея, съ которой открывался очень хорошій видъ на Систово и всю ширину разлива Дуная въ томъ мѣстѣ, гдѣ производилась переправа. На этой галереѣ постоянно толпилось и сидѣло множество народа, полнѣйшая смѣсь одеждъ, нарѣчій, состояній... Проголодавшееся офицерство, приходившее сюда изъ лагеря съ самыми невзыскательными требованіями, уничтожало разную гадость, подававшуюся подъ видомъ суповъ, барановъ, изъ грязнѣйшей находившейся внизу кухни еще болѣе грязнымъ, босоногимъ румыномъ, и запивало какою-то мутной кислятиной, неизвѣстно почему носившей названіе вина. Здѣсь-же можно было встрѣтить евреевъ и румынъ, агентовъ различныхъ профессій, корреспондентовъ всѣхъ націй; сюда-же зачастую заходили поѣсть конвойные казаки и кучера изъ главной квартиры, такъ что картина выходила самая пестрая. Пришлось и мнѣ нѣсколько разъ вкусить отъ трапезы этой несчастной гостиницы, пока какой-то французъ, съ которымъ я разговорился, не сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, и то потому только, что самъ уѣзжалъ уже, что на той-же улицѣ въ садикѣ существуетъ маленькій ресторанъ, гдѣ можно пообѣдать несравненно лучше, и что всѣ тѣ немногіе, кто тамъ ѣстъ, стараются держать въ секретѣ свое пристанище, чтобы не привлечь туда массы народа, которая бы съ утра уничтожила тамъ всю провизію. Подобный эгоизмъ былъ отчасти понятенъ при видѣ той разношерстной толпы, которая кишѣла въ Зимницѣ на главной улицѣ; въ концѣ послѣдней за городомъ былъ располо-

женъ огромный лагерь войскъ, ожидавшихъ своей очереди идти на переправу; впереди города близь переправы, на островѣ, также масса войска — все это искало себѣ горячей пищи въ Зимницѣ. При главной квартирѣ хотя и былъ маркитантъ, извѣстный Брофти изъ Бухареста, но онъ держалъ только напитки и консервы, при томъ-же и цѣны были у него непомѣрныя; такъ напримѣръ за порцію какой-то холодной солонины я заплатилъ три франка.

Главная квартира расположилась бивуакомъ въ саду на берегу Дуная; по сосѣдству съ нею находился хорошій каменный домъ, отведенный подъ помѣщеніе Государя Императора, прибывшаго сюда на дняхъ, а напротивъ наискось госпиталь Краснаго Креста, уже начавшій свои заботы по уходу за ранеными.

По главной улицѣ Зимницы, упиравшейся въ Дунай, ежедневно тянулись войска на переправу; время стояло сухое; о мостовыхъ въ городѣ знали только по наслышкѣ, почему при небольшомъ даже вѣтрѣ въ воздухѣ стояли цѣлыя облака пыли. Такой пыли, какъ здѣсь, я не видалъ нигдѣ:—если проѣзжала повозка, то надо было прятаться въ первый попавшійся переулокъ, чтобы укрыться отъ густыхъ клубовъ, засыпавшихъ все кругомъ; можно себѣ представить, что происходило на улицѣ при движеніи по ней войскъ, и особенно кавалеріи! Все кругомъ исчезало въ густыхъ тучахъ, сплошной пеленой застилавшихъ дома, лошадей, людей, и закрывавшихъ жаркое солнце. Какова здѣсь за то должна быть и грязь въ дождливую пору!.. Пыль толстымъ слоемъ покрывала вспотѣвшія лица слѣдовавшей на переправу пѣхоты; солдаты шли молча, пѣсенъ не слыхать; кавалерія-же, напротивъ, проходила постоянно съ бубнами и музыкой: кавалеристамъ, очевидно, было полегче.

Наше артиллерійское управленіе также теперь въ Зимницѣ, и расположилось на какомъ-то дворѣ бивуакомъ въ палаткахъ. Переходъ черезъ Дунай ему предстоитъ завтра, 25-го іюня.

Галерея моей гостиницы биткомъ набита народомъ; у

всѣхъ на языкѣ толки о переправѣ, повторяемые на всевозможные лады, и конечно тѣмъ болѣе искажаемые, чѣмъ далѣе переносились отъ своего первоначальнаго источника, почему истинѣ разсказовъ можно вѣрить лишь изъ устъ очевидцевъ самой переправы, а доходящіе изъ третьихъ и далѣе рукъ относятся уже болѣе къ области анекдотической. Я впрочемъ и не задаюсь въ своемъ дневникѣ намѣреніемъ воспроизвести весь процессъ и всѣ обстоятельства трудной задачи, выполненной нашими войсками въ ночь на пятнадцатое іюня, такъ какъ ходъ переправы будетъ, безъ сомнѣнія, изложенъ гораздо достовѣрнѣе и точнѣе въ будущихъ донесеніяхъ и описаніяхъ, но записываю лишь нѣкоторые эпизоды и данныя, какъ часть дополнительныхъ деталей къ общей картинѣ этого событія.

Я имѣлъ случай говорить съ нѣсколькими солдатами Волынскаго полка, бывшими, какъ извѣстно, во главѣ переправы, и простой безыскусственный разсказъ которыхъ дышалъ правдою, чуждой малѣйшаго желанія порисоваться перенесенными опасностями. Двое изъ нихъ были 3-й стрѣлковой роты, которою командовалъ храбрый капитанъ Фокъ, и которая была вынуждена держаться противъ цѣлаго баталіона турокъ, пока ее не выручилъ подоспѣвшій гвардейскій конвой. Они передавали, что были встрѣчены турецкими выстрѣлами шаговъ за сто отъ берега, но пули летѣли мимо; берегъ представлялъ настолько крутой обрывъ, что первыхъ солдатъ, полѣзшихъ наверхъ, пришлось подсаживать прикладами ружей и веревками, пока они не успѣли, взобравшись, облегчить нѣсколько подъемъ захваченными съ собой лопатами. Мѣстность была вся въ кустахъ, такъ что наши почти совсѣмъ не стрѣляли (изъ двоихъ разсказчиковъ одинъ во все время выпустилъ всего десять патроновъ, другой только три), а бросились въ штыки, чего турки не выдержали и отступили; въ подтвержденіе послѣдняго солдатики приводили, что въ пѣхотѣ нѣтъ раненыхъ штыками, кромѣ двухъ случаевъ: одному турокъ разор-

валъ штыкомъ платье, а другой былъ найденъ рядомъ съ убитымъ имъ непріятелемъ, причемъ оба лежали всадивъ другъ въ друга свое смертоносное лезвіе. Свойства мѣстности давали широкій просторъ собственной находчивости нашихъ солдатъ: имъ приходилось въ большинствѣ случаевъ дѣйствовать самостоятельно, отдѣльными кучками, безъ руководства офицеровъ; самыя кучки составлялись зачастую не только изъ солдатъ разныхъ ротъ, но даже полковъ,—волынцы перемѣшались съ минцами, вступившими на непріятельскій берегъ вслѣдъ за ними, и бросились въ штыки вмѣстѣ. Солдатики съ признательностью вспоминали о своемъ храбромъ ротномъ командирѣ, капитанѣ Фокѣ, и младшемъ офицерѣ роты, сожалѣя о послѣднемъ, который былъ убитъ на ихъ глазахъ. Одинъ изъ разсказчиковъ, Антонъ Джусъ, говорилъ, что онъ съ товарищемъ закололъ троихъ турокъ.—«Я наскочилъ на турку», передавалъ онъ между прочимъ, «и ухватилъ его за ружье, а онъ, проклятый, хвать за мое: ну и дергаемъ другъ у дружки, да подскочилъ товарищъ и положилъ его. А вотъ онъ»,—прибавилъ Джусъ, указывая на другаго своего товарища (по фамиліи Однороба), — «одинъ закололъ троихъ!» Разсказывали стрѣлки Волынскаго полка и то обстоятельство, что нѣсколько разъ въ нихъ летали и свои пули линейныхъ ротъ, причиной чему были красные околыши ихъ шапокъ, которые въ кустарникѣ принимались за турецкія фески. Всей потери въ 3-й стрѣлковой ротѣ было тридцать человѣкъ.

Въ томъ же родѣ передавалъ мнѣ подробности и одинъ волынецъ 3-й линейной роты. На понтонѣ, на которомъ переправлялся разсказчикъ, находилось 48 солдатъ при знамени; берегъ, гдѣ пришлось имъ высадиться, былъ страшно крутъ, такъ что лѣзли на него взаимно помогая другъ другу: подсадятъ одного, онъ утвердится на скалѣ уцѣпившись за кусты, и пособляетъ другому лѣзть выше. Собралось такимъ образомъ на гребнѣ человѣкъ тридцать, и бросились

впередъ. Горную пушечку втаскивали людьми, которые, держась другъ за друга руками, образовали изъ себя внизъ по обрыву живую цѣпь, и такимъ образомъ тянули орудіе; лошади съ вьючными ящиками для снарядовъ обрывались и падали; одна изъ нихъ кубаремъ слетѣла съ верха кручи и нѣсколько разъ перевернулась во время паденія, но однако не убилась и, вставъ на ноги, пошла снова. Чаща кустовъ была такая, что люди не могли собраться въ свои роты до вечера; скатанныя шинели и мѣшки съ провіантомъ бросались на берегу, такъ что цѣлый день солдаты питались только кое-какой находимой зеленью и недозрѣлыми еще фруктами, а два слѣдующіе дня ѣли одни галеты. Въ чащѣ кустовъ разсыпанные солдаты формировались въ кучки, а гдѣ людей оказывалось слишкомъ мало, то кричали: «сюда, сюда», призывали вновь прибывавшихъ на лодкахъ солдатъ, и затѣмъ бросались впередъ «на ура», котораго непріятель не выдерживалъ и уходилъ вспять. Огонь турокъ былъ очень частый, но стрѣльба производилась ими почти безъ прицѣла, на воздухъ. «Сидитъ за кустомъ» — передавалъ мнѣ разсказчикъ — «передъ нимъ куча патроновъ, и палитъ, не вздымая ружья въ плечо». Нѣсколько случаевъ предательскаго характера со стороны непріятеля ожесточили нашихъ, напр.: одинъ турокъ, видя что его настигаютъ нѣсколько солдатъ, бросилъ ружье и, остановившись, поднялъ обѣ руки кверху, въ знакъ того, что сдается; унтеръ-офицеръ, опередившій другихъ, подскочилъ было къ нему, какъ вдругъ турокъ неожиданно выхватилъ у него ружье и нанесъ ему рану штыкомъ. Подобные случаи, въ связи съ самымъ характеромъ боя, почти одиночнаго, въ чащѣ сплошнаго кустарника, откуда сыпался градъ пуль, естественно вызывали ожесточеніе, и находимыхъ раненыхъ турокъ спасало только присутствіе начальниковъ. Проявлялась и извѣстная черта нашего солдата — желаніе подшутить даже и въ роковыя минуты: попался къ намъ въ руки турокъ, на головѣ котораго была

надѣта «кепка» Волынскаго полка, снятая вѣроятно съ одного изъ нашихъ раненыхъ; турка повели къ офицеру — «показать-молъ новаго къ намъ вольноопредѣляющагo», какъ съ улыбкой передавалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ мой разсказчикъ. Подобный случай надѣванія турками нашихъ шапокъ и даже мундировъ былъ не единственный; по словамъ солдатика, передававшаго мнѣ приводимыя подробности, поймали одного турка въ русскомъ мундирѣ и штанахъ; но онъ былъ сейчасъ же узнанъ по бритой головѣ и также отведенъ къ начальству; еще разсказывалъ онъ же, какъ изъ-за кустовъ кто-то впереди махалъ бѣлымъ кепи, чтобы наши не стрѣляли; но пластуны разсмотрѣли, что это былъ турецкій офицеръ, и подстрѣлили его. Не обошлось однако и безъ роковыхъ ошибокъ: солдатики признавались, что такъ какъ высаженный на турецкій берегъ десантъ не былъ одѣтъ одинаково, такъ напримѣръ одни были въ бѣлыхъ шапкахъ, другіе въ черныхъ, и т. п., да кромѣ того они не знали о присутствіи въ десантѣ пластуновъ, смахивающихъ своимъ обмундированіемъ на черкесовъ, то и произошло нѣсколько случаевъ прискорбнаго недоразумѣнія, въ родѣ того, что красные околыши бывшихъ впереди волынскихъ стрѣлковъ, мелькавшихъ вразсыпную въ густой чаще кустовъ, принимались за турецкія фески, или мѣховыя шапки пластуновъ за черкесскія. Впрочемъ, по поводу этого надо припомнить, что обходилась-ли хоть одна кампанія европейскихъ войскъ безъ подобныхъ прискорбныхъ случаевъ!.. Вездѣ они имѣли свое мѣсто, а здѣсь обстоятельства дѣла и мѣстность еще болѣе имъ благопріятствовали.

Что касается до переправы черезъ Дунай нашей артиллеріи, то, какъ извѣстно, она сопровождалась катастрофой, вслѣдствіе которой цѣлый взводъ конно-горной батареи погибъ въ волнахъ Дуная; при этомъ утонули: командиръ батареи Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ и гвардейской артиллеріи подпоручикъ Тюрбертъ. Причиной катастрофы, какъ пе-

редаютъ, было то, что паромъ, на которомъ упомянутый взводъ переѣзжалъ черезъ рѣку, будучи пробитъ пулями или осколками турецкой гранаты, сталъ тонуть: люди начали бросаться въ воду, сталкивать съ парома лошадей, однимъ словомъ поднялась полная суета, во время которой паромъ накренился и окончательно исчезъ въ волнахъ. Третьяго дня здѣсь хоронили тѣло Тюрберта, которое вытащили наконецъ изъ воды, или оно само всплыло,—не знаю, но Стрѣльбицкій остался на днѣ Дуная; говорятъ, что во время переправы на немъ была сумка съ принятымъ на батарею золотомъ на довольно значительную сумму, тысячъ до трехъ, что составляетъ порядочную тяжесть, вѣроятно и не позволяющую всплыть тѣлу покойника. Эти подробности сообщены, какъ передаютъ, однимъ спасеннымъ изъ числа погибшей команды солдатомъ: четверо изъ нихъ, попавъ въ воду, уцѣпились за какую-то доску, и ихъ понесло теченіемъ; но трое во время этого были убиты турецкими пулями, а четвертаго теченіемъ прибило къ какому-то ближайшему островку; солдатикъ сильно иззябъ и, желая согрѣться, началъ бѣгать, какъ вдругъ, къ ужасу своему, замѣтилъ турокъ, бывшихъ на томъ-же островкѣ, вслѣдствіе чего бросился въ кусты и пролежалъ въ нихъ до утра, когда наконецъ увидѣлъ лодку съ нашими и былъ свезенъ на берегъ.

Эти эпизоды составляютъ конечно лишь малую частицу всѣхъ происшествій достопамятной ночи на 15 іюня; а сколько подвиговъ геройства нашихъ солдатъ останутся навсегда неизвѣстными; сколько героическихъ эпизодовъ совсѣмъ не имѣли свидѣтелей! На дняхъ мимо моихъ оконъ пронесли матроса Лопатина, найденнаго только теперь, гдѣ-то въ кустахъ около переправы: бѣдняга имѣлъ нѣсколько ранъ и шесть дней оставался безъ пищи, но, не смотря на это, еще живъ, и даже надѣются спасти его. (Онъ скончался послѣ).

Въ день моего пріѣзда въ Зимницу, т. е. 18-го числа, мостъ черезъ Дунай еще не былъ оконченъ, такъ что пере-

права производилась на лодкахъ и понтонахъ. Первый разъ я попалъ въ Систово только 20-го іюня, т. е. уже черезъ пять дней по занятіи его нашими войсками, и притомъ пришлось отправиться пѣшкомъ, такъ какъ на мосту предупредили, какъ объ обстоятельствѣ болѣе чѣмъ вѣроятномъ, что повозка съ лошадьми обратно пропущена не будетъ вслѣдствіе огромнаго и непрерывнаго движенія обозовъ на ту сторону, пока это движеніе не прекратится; а окончанія его нельзя было и предвидѣть, до такой степени большой островъ, отъ котораго начинался понтонный мостъ, былъ заставленъ фурами, повозками и проч. обозомъ, ожидавшимъ очереди вступить на переправу. Чтобы добраться собственно до послѣдней, надобно было сначала миновать два небольшихъ моста на прочныхъ козлахъ, сваяхъ и частью на парусинныхъ понтонахъ, перекинутыхъ чрезъ два протока дунайскаго разлива; затѣмъ слѣдовалъ большой топкій островъ, по которому большимъ зигзагомъ проходилъ проѣзжій путь и отъ котораго начинался уже настоящій плавучій понтонный мостъ до слѣдующаго острова, лежавшаго уже ближе къ турецкому берегу и соединеннаго съ послѣднимъ вторымъ мостомъ на понтонахъ же. Эти два острова повидимому еще только недавно освободились изъ-подъ воды, на что ясно указывали мокрый песчаный грунтъ и мѣстами топкія болота; около начала моста все видимое кругомъ пространство было занято распряженнымъ обозомъ, войсками, палатками, волами съ погонщиками, и т. п., а на самомъ берегу стояла въ боевомъ порядкѣ снятая съ передковъ батарея 9 фн. пушекъ, обращенная дулами вверхъ по теченію Дуная; у входа на мостъ распоряжался начальникъ переправы, генералъ-маіоръ Рихтеръ, пропускавшій нескончаемую вереницу всевозможныхъ нагруженныхъ повозокъ, безконечной лентой тянувшихся до противоположнаго берега и спѣшившихъ на присоединеніе къ перешедшимъ уже Дунай частямъ нашей арміи. Этотъ мостъ съ его шумнымъ кипучимъ движеніемъ предста-

влялъ огромную артерію, питавшую сложный организмъ вступившей на тотъ берегъ арміи, единственный узкій путь, связывавшій ее со всѣмъ, что осталось за Дунаемъ, и не мудрено, что генералъ Рихтеръ, которому Главнокомандующій ввѣрилъ безопасность и охраненіе этого пути, не могъ даже ночью находить покоя среди заботъ и тревогъ о сбереженіи и цѣлости порученной ему переправы. Понтоны наведены на протяженіи около 650 сажень, между ними несутся и плещутся мутноватыя волны Дуная даже и въ тихую погоду, такъ что не вѣрится, чтобы мостъ могъ выдержать приступъ бури, даже и не особенно сильной. Ширина моста весьма небольшая, — при встрѣчѣ съ телѣгой въ тройку нужно прижиматься къ веревочнымъ периламъ, чтобъ пропустить ее, разъѣхаться же встрѣчнымъ повозкамъ, хотя-бы въ одну лошадь, нечего и думать. По мосту проходитъ телеграфная проволока, сигналы же по управленію переправой передаются съ конца въ конецъ цвѣтными флагами, а ночью—фонарями.

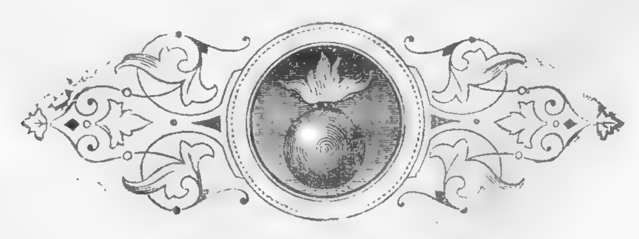
На переходъ съ одного берега Дуная на другой я употребилъ почти часъ времени, и вотъ наконецъ нога моя ступила на турецкую землю. Почти отвѣсная круча, сажень въ десять вышиною, возвышалась у самаго берега: не вѣрилось глазамъ, чтобы на подобную крутизну могли карабкаться наши солдаты, а между тѣмъ весь берегъ таковъ, за исключеніемъ лишь небольшой лощины, спускавшейся къ Дунаю лѣвѣе моста, у ручья Текоръ-Дере, которою воспользовались части войскъ, ближе къ ней высадившіяся. Скаты крутаго берега были усѣяны любопытными болгарами, зѣвавшими на пестрѣвшее по мосту движеніе. Въ Систово можно было пройти или самымъ берегомъ, и тогда выйти въ нижнюю приречную часть города, къ пристани, или подняться на горы, свернувъ влѣво, и тогда попасть сначала въ турецкій кварталъ, т. е. въ сторону ближайшую къ мѣсту боя; я избралъ послѣдній путь, и принялся съ усиліемъ шагать по круто извивавшейся кверху тропинкѣ.

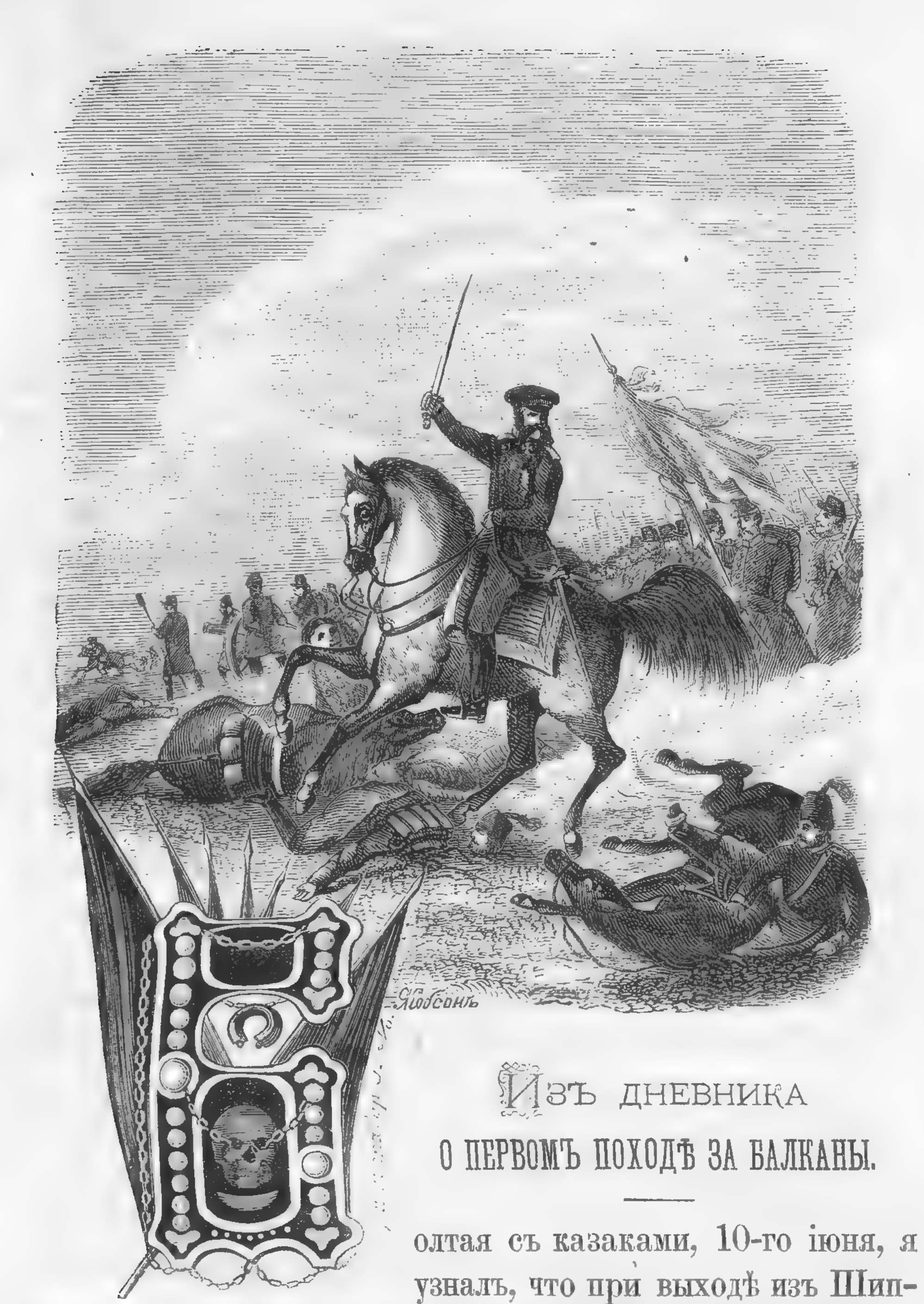
Добрыхъ полчаса пришлось тащиться, но вотъ наконецъ высунулись какія-то убогія мазанки,—я вступаю въ городъ.

Поднявшись налѣво по переулку, какіе можно встрѣтить только въ турецкихъ городахъ, переулку буквально шириною въ одну сажень, извивавшемуся круто вверхъ между каменныхъ стѣнъ, я выбрался на главную улицу Систова, тянувшуюся параллельно Дунаю, постепенно подымаясь въ гору. Большинство домовъ на ней было заперто, лавки въ нижнихъ этажахъ закрыты, и только вездѣ бросались въ глаза начерченные мѣломъ кресты съ надписью порусски—«Булгаръ». По улицѣ взадъ и впередъ сновала масса народа,—болгаръ, солдатъ и офицеровъ. Бѣлые и зеленые кресты, нашитые на одеждѣ и шапкахъ мѣстныхъ жителей, такъ и мелькали передъ глазами: бѣлые обозначали собой, что носившій ихъ христіанинъ, зелеными отличались чины мѣстной полиціи, сформированной по занятіи нами города. Я заглянулъ въ соборъ, въ которомъ было молебствіе на другой день послѣ переправы, и былъ встрѣченъ болгарскимъ священникомъ; понять другъ друга мы не могли, хотя священникъ свободно прочиталъ нѣсколько строкъ изъ лежавшаго на аналоѣ раскрытымъ славянскаго евангелія.

Самый городъ не представлялъ ничего интереснаго: узкія, кривыя улицы, неказистые дома, отчаянная мостовая съ грязными потоками по серединѣ, мѣстами на перекресткахъ удушливая зловонная атмосфера, однимъ словомъ—вся обстановка города восточнаго. Долго оставаться не представляло интереса, а назадъ идти далеко, и солнце было уже низко; я отправился въ обратный путь.

(Продолженіе будетъ).

Изъ дневника
о первомъ походѣ за Балканы.

Болтая съ казаками, 10-го іюня, я узналъ, что при выходѣ изъ Шипкинскаго горнаго прохода расположены Сѣвскій и Елецкій полки съ своей артиллеріей, но про ополченіе ничего добиться не могъ. Весь переходъ отъ Плаково до Хаинкіоя долженъ быть верстъ до сорока пяти, такъ какъ въ долину къ мѣсту расположенія Сѣвскаго полка спустились мы передъ вечеромъ, а въ деревню Хаинкіой въѣхали сумерками. На наше счастье при самомъ въѣздѣ въ селеніе наткнулись мы на всадника въ бол-

гарскомъ костюмѣ при саблѣ, который и не замедлилъ справиться: кто мы, откуда и куда? Узнавъ отъ меня о цѣли нашего путешествія, болгаринъ отрекомендовался намъ воеводой Панаіотомъ, и очень любезно предложилъ свои услуги къ отысканію ночлега.—«Лучше всего будетъ вамъ помѣститься у нашего священника»—заключилъ Панаіотъ; сказано—сдѣлано: отправились къ священнику. Священникъ—человѣкъ, какъ видно, очень небогатый, помѣщается въ небольшомъ домѣ изъ двухъ комнатъ и небольшой кладовой, игравшей тоже роль помѣщенія, такъ какъ оказалось, что кромѣ насъ у священника былъ уже квартирантъ въ лицѣ интендантскаго капитана. Капитана не было дома, онъ хлопоталъ о добычѣ хлѣба для Сѣвскаго и Елецкаго полковъ, и мы, чтобы никого не стѣснять, расположились на галереѣ. При домѣ довольно большой фруктовый садъ и чистенькій дворъ хорошо огороженный, но безъ всякихъ признаковъ сельскаго благосостоянія, даже коровы нѣтъ у бѣднаго священника. Познакомивъ насъ съ хозяевами, Панаіотъ обѣщалъ быть завтра рано утромъ и дать намъ проводника на Казанлыкъ, такъ какъ ополченіе еще два дня тому назадъ выступило по этой дорогѣ. — «Впрочемъ», прибавилъ Панаіотъ—«можетъ быть вы и въ Казанлыкѣ не догоните ополченія, такъ какъ генералъ Гурко двигается очень быстро». Панаіотъ изрядно объясняется порусски. День смѣнился чудною звѣздною ночью: только на югѣ могутъ быть такія, къ нѣгѣ располагающія, темныя и вмѣстѣ съ тѣмъ ясныя ночи; полной грудью дышали мы влажнымъ ароматнымъ воздухомъ, и чувствовали себя вполнѣ вознагражденными за тяжелое десятичасовое путешествіе подъ палящими солнечными лучами. При усталости и голодъ какъ-то не чувствуется; отдохнуть хотѣлось; но... въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ; засуетилась попадья (недурная изъ себя худощавая бабенка), забѣгала гостья-монашенка, прибывшая въ Хаинкіой изъ сосѣдняго женскаго монастыря, затрещали въ печкѣ дрова, заши-

пѣла сковорода... Стало однимъ словомъ ясно, что насъ хотятъ накормить, а тутъ и капитанъ подъѣхалъ и сталъ еще изъ-за калитки громогласно отдавать приказанія своимъ казакамъ. Съ капитаномъ, какъ водится, сошлись мы довольно быстро, тѣмъ болѣе, что онъ оказался изъ болтливыхъ; въ полчаса времени познакомилъ онъ насъ съ своей біографіей и затѣмъ съ настоящей дѣятельностью; еслибы не онъ, то, по его словамъ, весь Забалканскій отрядъ умеръ бы съ голоду: пренебрегая опасностью,—такъ какъ по дорогамъ шныряютъ баши-бузуки,—онъ посѣщаетъ села, отстоящія отъ Хаинкіоя верстъ на восемъдесять, дружитъ съ болгарами, уговариватъ ихъ гарманить хлѣбъ и отдавать его за сходныя цѣны войскамъ, однимъ словомъ много, много онъ дѣлаетъ, такъ что и ужинъ поспѣлъ прежде чѣмъ намъ привелось услышать о его послѣднемъ подвигѣ. Ужинъ устроили на галлереѣ, тишина такая, что свѣчи горятъ какъ въ комнатѣ; хозяйка поставила круглый столъ на коротенькихъ ножкахъ, а ужинающіе разсѣлись кругомъ поджавъ подъ себя ноги. Кромѣ насъ и священника участіе въ трапезѣ принялъ старикъ монахъ съ Аѳонской горы: онъ прибылъ въ Болгарію въ началѣ прошлогодней рѣзни, а въ настоящее время возвратиться на Аѳонъ считалъ неудобнымъ. и хотѣлъ пристроиться къ какому нибудь изъ мѣстныхъ монастырей. Женщины съ нами не ужинали, но прислуживали и очень усердно уговаривали откушать то того, то другаго блюда, состряпаннаго по національному: была тутъ и яичница съ саломъ, была тутъ и баранина съ перцемъ, и простокваша, наконецъ и кокошка (тоже съ перцемъ). Словомъ ужинъ на славу! Священникъ-хозяинъ добылъ хорошаго мѣстнаго вина, которое отцу съ Аѳона быстро развязало языкъ, и пошелъ онъ разсказывать про грустное житье-бытье на Аѳонѣ, про неистовства турокъ, про бѣдственное положеніе страны, про радость, съ которою населеніе края встрѣтило извѣстіе о переходѣ русскихъ черезъ Балканы...

— Только мало васъ что-то, прибавилъ монахъ, — а намъ извѣстно, что турки собираются въ большихъ силахъ, извѣстно, что большой отрядъ занялъ городъ Ени-Загру и, говорятъ, жителей вырѣзалъ... грустно кончилъ старикъ.

— А что за воевода за такой Панаіотъ? обратился къ хозяину полковникъ.

— О, это юнакъ, большой юнакъ! отвѣчалъ священникъ.—Вотъ уже лѣтъ двадцать что онъ воюетъ съ турецкимъ правительствомъ. Балканы знаетъ какъ свою собственную усадьбу, ни одной почтѣ спокойно переѣхать не дастъ, и ничего не могутъ съ нимъ турки подѣлать. Теперь набралъ человѣкъ полтораста такихъ-же юнаковъ и ведетъ партизанскую войну. Онъ и вашему генералу Столѣтову представлялся.

Право, сидѣлъ я и слушалъ всѣ эти разсказы, какъ сказки изъ Шехеразады.

11-го Іюля. Встали довольно рано, но въ путь мы не особенно торопились, такъ какъ дороги предстояло всего шесть часовъ, и дороги, по словамъ хозяевъ, хорошей и ровной. Да кромѣ того и Панаіота съ проводникомъ подождать нужно было. Только что приступили къ закускѣ, какъ прибѣжала во дворъ растрепанная, заплаканная старуха и съ раздирающими душу воплями стала разсказывать, что турецкій отрядъ прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Ени-Загру, что всѣхъ жителей согнали на площадь и стали истреблять какъ-бы за измѣну; перевѣшали всѣхъ священниковъ, а затѣмъ принялись и за жителей, причемъ во время избіенія играла турецкая военная музыка, а офицеры поощряли солдатъ къ убійствамъ и сами прехладнокровно курили сигары; городъ горитъ, и мало кому изъ жителей удалось спастись; у нея, старухи, былъ хорошій домъ, большая семья, были и деньги: все забрали, дѣтей перебили, а дочь-невѣсту изнасиловали и потомъ зарѣзали. Признаюсь, слушалось и не вѣрилось. Я былъ внѣ себя отъ бѣшен-

ства, и клялся при случаѣ чинить безпощадную расправу съ злодѣями. Пришелъ Панаіотъ, послушалъ, и зло улыбнулся: должно быть тоже на свой длинный усъ намоталъ.

— Поѣзжайте,—обратился онъ къ полковнику, — сами увидите: — вотъ вамъ и проводникъ, онъ будетъ вамъ нуженъ только до большой дороги на Казанлыкъ, а тамъ путь одинъ, не собьетесь.

. . . .

Въ Казанлыкѣ, по наведеннымъ у маіора Попова справкамъ, оказалось, что ополченіе третій день какъ оставило Казанлыкъ и перешло къ переправѣ черезъ Тунджу, на полверсты пути слѣдованія въ Ески-Загру; генералъ Гурко съ кавалеріей уже дня два какъ занялъ Ески-Загру, оставивъ за себя въ Казанлыкѣ генерала Рауха, къ которому комендантъ Поповъ и посовѣтовалъ мнѣ обратиться. Въ Казанлыкѣ учреждено нѣчто въ родѣ самоуправленія подъ громкимъ названіемъ «городскаго совѣта»; членами совѣта состоятъ наиболѣе зажиточные и именитые горожане-болгары, и какъ представители интересовъ мусульманскаго населенія—двое турецкихъ сановниковъ, одинъ изъ нихъ съ весьма пріятной наружностью. Весь персоналъ держитъ себя съ достоинствомъ; русскій комендантъ играетъ какъ кажется роль наставника - наблюдателя. Комендантъ жаловался на хлопотливую должность, сопряженную съ непріятною иногда обязанностью чинить расправу надъ баши-бузуками, приговоренными за убійство и грабежи къ смертной казни. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что турки умираютъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

На другой день (12-го іюля) утромъ представился генералу Рауху и заявилъ ему о своемъ желаніи ѣхать дальше въ Ески-Загру; генералъ посовѣтовалъ выждать къ тому удобнаго случая, такъ какъ дороги не безопасны отъ отдѣльныхъ мелкихъ партій баши-бузуковъ, причемъ сообщилъ что два - три дня тому назадъ подъ самымъ Казанлыкомъ убитъ баши-бузуками

полковникъ графъ Роникеръ, ѣхавшій съ незначительнымъ казачьимъ конвоемъ. «Это была его мысль»—прибавилъ генералъ—«поставить столбъ на Балканахъ: вотъ онъ памятникъ себѣ и поставилъ!» Впрочемъ, въ концѣ концовъ мнѣ разрѣшено было взять двухъ казаковъ и ѣхать дальше. Поѣхать дальше мы не замедлили, но казаковъ не взяли, такъ какъ жители единогласно утверждали, что въ настоящее время путь къЕски-Загрѣ свободенъ и что всякій день возвращаются этимъ путемъ партіи рабочихъ, бывшихъ при уборкѣ хлѣба за Малыми Балканами. Да и наконецъ врядъ-ли стали бы спасать насъ быстроногіе казаки.

Подъѣзжая къ Ески-Загрѣ мы переправились и поѣхали правымъ берегомъ рѣчки, оставляя влѣво большіе богатые виноградники и табачныя плантаціи; здѣсь-же наткнулись на второй пикетъ отъ Кіевскаго гусарскаго полка. У самаго города стоялъ постъ казаковъ. Зная сколько всегда хлопотъ съ отводомъ частной квартиры, рѣшился остановиться въ какомъ-нибудь ханѣ, но предварительно заѣхалъ въ конакъ (полицейское управленіе), чтобы узнать гдѣ расположены дружины и гдѣ живетъ генералъ Столѣтовъ.

Отъ содержателя хана узнали, что здѣсь кромѣ ген. Гурко и Столѣтова находятся Князья Лейхтенбергскіе, что въ городѣ пока спокойно, но окрестности разграблены шайками черкесовъ и баши-бузуковъ, нахальство которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что почти ежедневно происходятъ у нихъ стычки съ нашими разъѣздами, но это ни къ чему не ведетъ и дерзости ихъ не уменьшаются. Трактирщикъ освѣдомлялся въ свою очередь скоро-ли подойдутъ къ намъ подкрѣпленія: а то турки, какъ слышно, собираются къ Карабунару! Самого Сулеймана-пашу ждутъ!—заключилъ «Дачу».

Во дворъ хана зашелъ между прочимъ солдатъ Кіевскаго гусарскаго полка, изъ словъ котораго можно было заключить, что положеніе нашей кавалеріи далеко незавидное.

— Кони совсѣмъ изъ силъ повыбились, говорилъ гусаръ. Вотъ намедни унтеръ-офицерскій разъѣздъ наткнулся на башибузуковъ, такъ насилу отъ нихъ ушелъ, а одинъ солдатикъ такъ-таки и остался: лошадь больно заморена была! Да коли отдыху не дадутъ, такъ и совсѣмъ безъ лошадей будемъ, ужь и теперь корму почитай что не ѣдятъ!

Такъ что неудержимая быстрота въ переходахъ имѣетъ и свои невыгодныя стороны, могущія свести на нѣтъ кажущіеся блистательные успѣхи.

13-го рано утромъ я поѣхалъ являться начальству и начальнику ополченія.

При мнѣ пришелъ къ генералу Гурко казачій сотникъ доложить о происшествіи въ городѣ.

— Поручикъ Сухановъ—возьмите казаковъ, отправьтесь съ сотникомъ, оцѣпите домъ, изъ котораго стрѣляли, и всѣхъ тамъ находящихся мужчинъ переколоть! распорядился генералъ обращаясь къ одному изъ своихъ ординарцевъ.

У меня генералъ освѣдомился только о томъ, на своихъ-ли мѣстахъ находятся пикеты и посты отъ Кіевскаго гусарскаго полка между Банями и Ески-Загрой. Весь передовой отрядъ генерала Гурко, такъ далеко выдвинувшійся и отдѣлившійся отъ главныхъ силъ, состоялъ изъ четырехъ дружинъ Болгарскаго ополченія*), изъ драгунской бригады**), Кіевскаго гусарскаго полка, четырехфунтовой конной батареи, двухъ орудій Донской казачьей конной батареи, четырехъ горныхъ орудій 2-й конной батареи и 300 — 400 казаковъ полковника Краснова. И съ этими-то силами, не превышавшими въ общей сложности четырехъ тысячъ человѣкъ, мы находились въ Ески-Загрѣ, имѣя на лѣвомъ нашемъ флангѣ Ени-Загру, занятую турецкимъ отрядомъ, а съ фронта и съ праваго фланга открытые движенію турецкихъ войскъ пути отъ

*) 1, 2, 3 и 5-й.
**) Казанскій и Астраханскій полки.

Адріанополя и Черпана (по Филиппопольской дорогѣ); затѣмъ въ самомъ городѣ озлобленное турецкое населеніе припрятало имѣвшееся оружіе и выжидало только случая отмстить намъ и болгарамъ за временную необходимость покориться, сказать правду, довольно суровому въ военное время суду и расправѣ. Единственная дорога, находившаяся у насъ въ рукахъ, была дорога на Казанлыкъ, и то слѣдовательно только путь отступленія, а объ отступленіи даже въ виду нападенія несоразмѣрно высокихъ силъ непріятеля совѣстно было и думать, такъ какъ съ нашимъ отступленіемъ неразрывно связано было окончательное разореніе окрестностей, сожженіе Ески-Загры и истребленіе ея жителей, которые приняли насъ какъ братьевъ-побѣдителей, съ колокольнымъ звономъ, букетами цвѣтовъ и полнымъ славянскимъ радушіемъ.

— Если на насъ нападетъ непріятель въ значительныхъ силахъ, мы должны или отстоять во что бы то ни стало городъ, или умереть защищая жителей!—говорилъ мнѣ генералъ Столѣтовъ въ первый же день знакомства.

Начальникомъ штаба Болгарскаго ополченія былъ молодой и весьма симпатичный подполковникъ Рынкевичъ, затѣмъ при штабѣ состояло два старшихъ адъютанта и четыре ординарца-кавалериста, прибывшихъ, первоначально для сформированія и командованія конными болгарскими сотнями, но формированіе кавалеріи вслѣдствіе того, что ополченіе оказалось въ авангардѣ, пріостановилось пока на десяткѣ конныхъ волонтеровъ.

Вечеромъ генералъ Гурко въ сопровожденіи штаба и полусотни казаковъ выѣхалъ изъ Ески-Загры на Казанлыкъ, поручивъ командованіе отрядомъ Герцогу Николаю Максиміановичу Лейхтенбергскому.

Въ городѣ растетъ безпокойство вслѣдствіе весьма неблагопріятныхъ для насъ свѣдѣній доставленныхъ бѣглецами-болгарами. Увѣряютъ, что турки грозятъ намъ со всѣхъ сторонъ;

Сулейманъ-паша высадился съ своимъ корпусомъ въ Деде-Агачъ; Ени-Загра получила подкрѣпленія, въ Филиппополѣ собираются значительные отряды, а полчища баши-бузуковъ грабятъ окрестности Черпана. Предсѣдатель городскаго совѣта Славейковъ убѣдительно просить оружія на 350 человѣкъ охотниковъ, но къ сожалѣнію удовлетворить эту просьбу нельзя, нечѣмъ! Ночью объѣзжалъ городъ и повѣрялъ караулы, учрежденные отъ милиціи: вездѣ стоятъ хорошо и не дремлютъ; по Филиппопольской дорогѣ выставленъ взводъ отъ караульной роты ополченія, находящейся въ конакѣ.

16-го Іюля, утромъ, арестовано еще нѣсколько турокъ, которыхъ подозрѣвали въ сношеніяхъ, установившихся между ними и начальниками разбойничьихъ шаекъ внѣ города. Славейковъ получилъ донесеніе отъ сотни болгарскихъ охотниковъ-милиціонеровъ, дѣйствовавшихъ на дорогѣ къ Черпану, что имъ пришлось выдержать стычку съ значительной шайкой баши-бузуковъ, которые и отброшены съ урономъ. Трое баши-бузуковъ убито; Славейкова поздравляютъ съ побѣдой, а тутъ бѣда на носу!

Извѣстія о движеніяхъ къ Ески-Загрѣ различныхъ непріятельскихъ отрядовъ подтверждаются чуть что не ежечасно; вмѣстѣ съ тѣмъ толпами бѣглецовъ приносятся слухи о новыхъ звѣрствахъ, совершаемыхъ иррегулярными турецкими войсками уже въ близь лежащихъ къ городу селеніяхъ. Такъ напримѣръ въ селеніи Гюнелійска-Магала, что по Ени-Загрской дорогѣ, собрались жители семи окрестныхъ деревень, причемъ кое-какъ вооруженное мужское населеніе рѣшилось дать отпоръ скопищамъ баши-бузуковъ и пасть до послѣдняго человѣка, защищая свои семьи. Турки (въ томъ числѣ, какъ увѣряютъ, регулярныя войска) прибыли по желѣзной дорогѣ въ превосходныхъ силахъ, атаковали селеніе, и взявъ его съ потерею 18—20 человѣкъ истребили и вырѣзали до четырехъ тысячъ

жителей, въ томъ числѣ, конечно, массу женщинъ и дѣтей. Вѣсть эта мгновенно облетѣла городъ, и возбудивъ всеобщее негодованіе, вызвала единодушное желаніе молодежи немедленно же подать руку помощи страдальцамъ. Все,—что только имѣло не скажу даже оружія, а подобіе ружья, явилось къ конаку и требовало разрѣшенія выступить въ окрестныя селенія, съ тѣмъ чтобы разгонять мелкія шайки баши-бузуковъ, хоронить умершихъ и спасать раненыхъ, брошенныхъ безъ всякаго призрѣнія. Въ числѣ вызвавшихся на этотъ по истинѣ прекрасный подвигъ было 96 человѣкъ молодыхъ людей, болѣе достаточныхъ, имѣвшихъ собственныхъ лошадей и составившихъ нѣчто въ родѣ конной сотни, остальные же охотники составили пѣшую дружину. Сознавая свою неумѣлость, а главное, чтобы придать общность дѣйствіямъ отряда и въ видахъ предупрежденія раздоровъ въ собственной средѣ, охотники просили придать имъ русскаго офицера и съ десятокъ кавалерійскихъ солдатъ. Я отправился доложить Герцогу Николаю Максимиліановичу о намѣреніи населенія, и получилъ на то не только разрѣшеніе, но Его Высочество пожелалъ лично видѣть и поблагодарить охотниковъ за такое похвальное самопожертвованіе; въ руководители назначено было десять человѣкъ Астраханскаго драгунскаго полка. Немедленно же по разрѣшеніи приступлено было къ сборамъ, а къ пятому часу пополудни противъ дома Князя выстроился импровизированный отрядъ изо ста человѣкъ кавалеріи и двухсотъ человѣкъ пѣхоты.

Изъ всего того, что мнѣ привелось слышать отъ очевидцевъ со дня пріѣзда въ Болгарію, изъ всего того, что пришлось затѣмъ наблюдать и видѣть лично, я вынесъ самое пріятное впечатлѣніе о національномъ характерѣ болгарина.

Честный, трудолюбивый, чрезвычайно способный и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный семьянинъ и хозяинъ, болгаринъ представляетъ намъ положительно идеальный типъ сельскаго жителя; прибавьте къ этому трезвость и бережливость, присущія

этой національности, и васъ не будетъ удивлять видимое, на первыхъ порахъ поражающее благосостояніе тѣхъ мѣстностей, которыхъ не коснулись бѣдствія военнаго времени. Совокупите же теперь всѣ эти качества съ чувствомъ глубокаго, безавѣтнаго патріотизма, которое составляетъ высокую духовную сторону этого замѣчательнаго характера, и вы по неволѣ должны преклониться и воздать должное, заслуженное уваженіе.

Тѣмъ досаднѣе бывало иногда слушать легкомысленныя подъ первымъ впечатлѣніемъ составившіяся мнѣнія и отзывы о характерѣ и недостаткахъ «братушекъ», мнѣнія, составившіяся преимущественно у тѣхъ русскихъ спасителей края, которые не давали себѣ труда вникнуть въ подробности и разобрать причины, вслѣдствіе которыхъ зараждались тѣ или другія къ намъ отношенія населенія. Такъ и тутъ, въ Ески-Загрѣ: были офицеры, находившіе турокъ не въ примѣръ симпатичнѣе болгаръ, и считавшіе своимъ долгомъ оказывать первымъ видимое предпочтеніе; нашелся даже и такой русскій N... который увлекся туркофильствомъ до того, что въ присутствіи всей толпы, собравшейся у дома Князя Николая Максимиліановича, отхлесталъ нагайкой болгарина за то, что тотъ ударилъ турка.

Спрашивается, гдѣ же тутъ здравый смыслъ?

Привозятъ изъ окрестныхъ селеній разомъ по четырнадцати возовъ изуродованныхъ женщинъ, дѣтей, стариковъ, ежечасно приносятся невыносимыя вѣсти о невѣроятныхъ ужасахъ, совершаемыхъ баши-бузуками почти въ виду безпомощнаго по малочисленности русскаго отряда; лучшая часть населенія, сознавая эту безпомощность, жертвуетъ собой и идетъ почти на вѣрную лютую смерть ради спасенія десятковъ и сотенъ умирающихъ страдальцевъ, а русскій ротмистръ въ присутствіи этихъ героевъ-людей хлещетъ нагайкой болгарина за то, что тотъ (и вѣроятно не безъ причины) ударилъ турка... Признаюсь!.. Посудите сами, каково было впечатлѣніе, произве-

денное этой возмутительной сценой на тѣхъ, которые шли хоронить трупы убитыхъ и подбирать раненыхъ родичей.

Передъ вечеромъ прибѣжали двое молодыхъ болгаръ изъ Карабунара и увѣдомили, что туда прибыли регулярныя войска въ количествѣ 20,000 человѣкъ и тысячъ до трехъ черкесовъ и баши-бузуковъ; болгары эти ѣхали подъ видомъ рабочихъ съ военнымъ поѣздомъ изъ Адріанополя, и увѣряютъ, что при прибывшемъ въ Карабунаръ корпусѣ находится самъ Сулейманъ-паша. Болгарскія селенія за 12 — 10 верстъ отъ города преданы пламени; очевидно, что не сегодня-завтра нашъ отрядъ будетъ атакованъ и не въ состояніи будетъ выдержать натиска въ шесть разъ сильнѣйшаго непріятеля. При вечернемъ докладѣ Князю я просилъ, чтобы на случай боя меня не оставляли комендантомъ, а дали бы возможность принять участіе въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Поздно вечеромъ вернулся изъ рекогносцировки состоящій при штабѣ ополченія бывшій конно-гренадеръ Челяевъ: дня за два передъ тѣмъ ему дано было порученіе раскрыть силы непріятеля и буде возможно испортить желѣзную дорогу. Число турокъ, арестованныхъ по подозрѣніямъ въ убійствахъ, увеличивается каждодневно и требуетъ усиленнаго надзора, что при малочисленности нашего отряда составляетъ не малое затрудненіе. Сегодня состояло: низаму 27 человѣкъ, жандармовъ 38 человѣкъ и 6 баши-бузуковъ-убійцъ, казни которыхъ требовало населеніе, всего же 152 человѣка кромѣ аманатовъ.

17-го Іюля. Утромъ сдѣлалось извѣстно, что передовой отрядъ Герцога Лейхтенбергскаго долженъ выступить на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко къ Ени-Зарѣ.

Гурко, имѣя въ своемъ распоряженіи стрѣлковую бригаду, Сѣвскій и Елецкій полки съ соотвѣтствующей артиллеріею, пройдя Хаинкіойскимъ проходомъ, долженъ былъ атаковать Ени-Загру съ сѣвера, а нашъ отрядъ, подойдя къ Ени-Загрѣ съ

разсвѣтомъ 18-го числа, долженъ былъ поддержать атаку главныхъ силъ.

Придумано хорошо, да выполнить не удалось!

Выступленіе назначено въ два часа пополудни. Меня смѣнилъ вновь прибывшій капитанъ Е... Двинулись къ Ени-Загрѣ имѣя казаковъ и кавалерію во главѣ колонны; часа черезъ два ходу у небольшаго мутнаго ручья, не доходя до селенія Дельбока, получено донесеніе изъ Ивангорда, что непріятельская кавалерія, а затѣмъ и колонны пѣхоты показались вправо отъ дороги; по непродолжительномъ совѣщаніи со своимъ штабомъ и генераломъ Столѣтовымъ, Николай Максиміліановичъ приказалъ отряду, развернувшись въ боевой порядокъ, слѣдовать далѣе; прошли не болѣе двухъ верстъ, и были встрѣчены залпомъ орудій непріятельскихъ батарей отъ селенія Джуранли. Въ первую нашу линію вошла четырехфунтовая батарея подполковника Ореуса, и немедленно же открыла отвѣтный огонь по Джуранли; отрядъ остановился; чтобы раскрыть силы непріятеля, отъ перваго нашего фланга былъ посланъ Астраханскій драгунскій полкъ, но, наткнувшись кромѣ кавалеріи на значительныя, колонны пѣхоты, Астраханскій полкъ не въ силахъ былъ атаковать непріятеля, который въ свою очередь въ наступленіе не переходилъ; на лѣвомъ флангѣ завязалась между нашей цѣпью и смѣльчаками черкесами незначительная ружейная перестрѣлка. Наша четырехфунтовая батарея продолжала отвѣчать на выстрѣлы турецкихъ батарей, которыя снарядовъ не жалѣли; но на счастье турецкія гранаты вреда не наносили частію отъ недолета, а частію и отъ того, что многія изъ нихъ не разрывало. Что касается до нашего артиллерійскаго огня, то онъ былъ, по всей вѣроятности, и еще того безвреднѣе, такъ какъ разстояніе турецкихъ батарей было нашимъ четырехфунтовымъ орудіямъ врядъ ли досягаемо. Такъ простояли другъ противъ друга до сумерокъ, а затѣмъ отряду приказано было отступать; отступили къ ручью, у котораго до встрѣчи съ

непріятелемъ имѣли небольшой отдыхъ. Селеніе Дельбокъ запылало. Никто изъ насъ не зналъ, что послѣдуетъ дальше; приказано расположиться на ночлегъ, но огней не разводить. Поздно вечеромъ у Герцога собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились: генералъ Столѣтовъ настаивалъ на необходимости продолжать движеніе къ Ени-Загрѣ, того же мнѣнія держался и полковникъ генеральнаго штаба Фрезе, но большинство признало фланговое движеніе въ виду сильнѣйшаго непріятеля черезъ-чуръ рискованнымъ—и Герцогъ уступилъ большинству; рѣшено было отступить къ Эски-Загрѣ и занять на близъ лежащихъ высотахъ сильную позицію, которую и защищать до послѣдней крайности, если непріятель перейдетъ въ наступленіе. Ночью запылали одно за другимъ сосѣднія съ турецкими позиціями селенія. Казаки, зарвавшіеся было при перестрѣлкѣ съ черкесами въ селеніе Дельбокъ, увѣряли, что видѣли болгаръ жителей, привязанныхъ къ деревьямъ внизъ головой надъ пылающими кострами.

18-го Іюля. На разсвѣтѣ двинулись обратно къ Эски-Загрѣ и пріостановились версты три не доходя города; здѣсь предполагался обѣдъ и отдыхъ, но вѣроятно желаніе выполнить приказаніе генерала Гурко буквально—восторжествовало. Князь рѣшился на новую попытку: прорваться у Джуранли; и опять тщетно: отрядъ встрѣтилъ непріятеля на тѣхъ же позиціяхъ, и, послѣ непродолжительной перестрѣлки, долженъ былъ вторично отступить, обнаруживъ только этимъ вторымъ неудачнымъ покушеніемъ свою несомнѣнную слабость. Возвратившись къ Эски-Загрѣ, выбрали для позиціи высоты верстахъ въ двухъ съ половиною отъ города, представлявшія извѣстныя выгоды для обороны въ случаѣ нападенія отъ Джуранли; въ случаѣ же нападенія на городъ съ юга, можно было измѣнить фронтъ позиціи, занявъ высоты Муратъ-ли по Адріанопольской дорогѣ. Во время движеній

17-го и 18-го числа для поддержанія порядка въ городѣ были оставлены двѣ роты ополченія и казаки полковника Краснова. Передъ вечеромъ явились на позицію какъ полковникъ Красновъ, такъ и исправлявшій обязанности коменданта, капитанъ Ефремовъ; въ городѣ паническій страхъ, жители уложили вещи на повозки и готовы при малѣйшей опасности бросить дома и потянуться за Балканы. Многіе изъ горожанъ, а въ томъ числѣ и хозяинъ дома, въ которомъ жилъ генералъ Столѣтовъ, пріѣхали просить совѣта, какъ поступить; жаль имъ было бросить свои хозяйства, но пылающія деревни напоминали грозную дѣйствительность и заставляли призадумываться самыхъ безстрашныхъ. На наше общее несчастье, передъ вечеромъ же 18-го, получено извѣстіе отъ генерала Гурко, что городъ Ени-Загра взятъ съ бою, и что онъ, Гурко, на разсвѣтѣ 19-го выступаетъ на соединеніе съ нами. Радость всеобщая. Герцогъ меня призываетъ и приказываетъ вторично вступить въ должность коменданта Ески-Загры, приказываетъ успокоить жителей и возвратить порядокъ, поколебленный было какъ паникой обуявшей болгаръ, такъ и буйными выходками мирныхъ турокъ (за которыхъ такъ горячо заступались нѣкоторые дальновидные политики), дошедшихъ до такой дерзости, что проходившій какъ-то турецкимъ кварталомъ драгунъ едва спасся отъ бросившейся на него толпы.

По возвращеніи въ городъ я взялъ роту 2-й дружины и приказалъ двумъ взводамъ содержать патрули на улицахъ, и два взвода при ротномъ командирѣ Волгинѣ поставилъ на Черпанской дорогѣ въ предупрежденіе нечаяннаго нападенія по Филиппопольской дорогѣ. Затѣмъ ночью же собралъ городской совѣтъ, съ тѣмъ чтобы оповѣстить какъ членовъ совѣта, такъ затѣмъ и жителей о томъ, что всякая опасность миновала, что Ени-Загра взята Гурко, и что сильный отрядъ этого генерала идетъ къ намъ на выручку.

Но наступило злополучное 19-е іюля.

Городской совѣтъ не расходился съ самаго разсвѣта; рано утромъ комендантъ приказалъ совершить расправу съ убійцами-баши-бузуками; при казни должны были присутствовать жители турецкихъ кварталовъ; въ соборѣ отслужено торжественное молебствіе по случаю взятія генераломъ Гурко города Ени-Загры; большинство жителей рѣшилось выжидать послѣдующихъ событій. Затѣмъ въ конакѣ приступили было къ обычнымъ занятіямъ, но уже въ 9-мъ часу изъ залы засѣданій совѣта замѣчено было движеніе войскъ съ южной стороны города; нужно при этомъ замѣтить, что конакъ самое высокое зданіе въ этой части города, такъ что изъ втораго его этажа отлично видны окрестныя мѣстности, прилегающія къ Адріанопольской дорогѣ; тутъ же въ конакѣ появилась довольно сносная подзорная труба, переходившая изъ рукъ въ руки взволнованныхъ членовъ совѣта. «Это турки!» говоритъ Славейковъ; «турки, турки!» повторяютъ остальные, «и посмотрите, въ какихъ массахъ!» Одинъ я вѣрить не хотѣлъ, все лишь чудится и страстно того хочется, чтобы это были не турки, а отрядъ Гурко; хочется не потому, чтобы не хотѣлось боя, а потому, что при одной мысли о послѣдствіяхъ неудачи, сердце обливается кровью, чувствуется, что каждый волосъ на головѣ приподнимается отдѣльно.

А роковая дѣйствительность съ каждой минутой становится яснѣе и яснѣе; во первыхъ и Гурко съ этой стороны ждать не приходится, да и отрядъ для Гурко слишкомъ великъ. Вотъ вся двигавшаяся параллельно городу масса какъ будто пріостановилась; фланговое движеніе ея смѣнилось новымъ движеніемъ по направленію къ городу; близь лежащіе курганы заняты группами людей, между которыми легко различить отдѣльныхъ всадниковъ; вотъ, наконецъ, съ ближайшаго курганчика показался знакомый дымокъ, и первая граната заунывно пропѣла къ восточной окраинѣ города. Почти одновременно прискакалъ къ конаку ординарецъ Кіевскаго

Гусарскаго полка съ приказаніемъ мнѣ отъ генерала Столѣтова слѣдующаго содержанія: «Турки наступаютъ съ южной стороны города; вы назначаетесь командиромъ праваго фланга обороны. Вамъ посылается 5-я дружина ополченія, Казанскій драгунскій полкъ, и къ имѣющимся уже двумъ горнымъ орудіямъ еще два орудія той же батареи». Я вскочилъ на коня и ускакалъ къ новому посту, оставивъ за коменданта, всего при ополченцахъ пѣхоты своего помощника Е... Члены правленія остались сначала въ конакѣ и продолжали съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдить за разгоравшимся боемъ; чаще и чаще вспыхиваютъ огоньки на курганахъ, явственнѣе и явственнѣе отдается гулъ каждаго отдѣльнаго орудійнаго выстрѣла, а вотъ лѣвѣе къ Ени-Загрской дорогѣ послышалась и трескотня ружейной перестрѣлки; турки стало быть наступаютъ. За дорогой, огибающей южную часть города и соединяющей пути отъ Черпана и Ени-Загры, устроенъ небольшой валъ, отдѣляющій отъ города густые прекрасные виноградники; здѣсь почти на крайнемъ правомъ флангѣ расположена была вторая дружина (подполковника Куртьянова) при двухъ горныхъ орудіяхъ (поручика Гофмейстера), дружина выслала отъ себя сильную густую цѣпь въ виноградники. Между правымъ флангомъ дружины и ротой Волгина, расположенной еще съ вечера по Черпанской дорогѣ, оставалось на первыхъ порахъ незанятое пространство, которое начальникъ обороны хотѣлъ пополнить спѣшенными драгунами N полка; но полкъ, неизвѣстно, по чьему приказанію, отходилъ въ гору къ Казанлыкской дорогѣ. Два раза я посылалъ за командиромъ, но безуспѣшно, и только по третьему энергичному именемъ Его Высочества требованію прибылъ полковой командиръ и заявилъ, что удивляется «какимъ образомъ кавалерія можетъ защищать городъ?» Я указалъ тогда на незанятое уже внѣ городской черты пространство и предложилъ занять его спѣшенными драгунами. Лѣвѣе второй дружины помѣщались

спѣшенные казаки полковника Краснова и 5-я дружина, имѣвшая на лѣвомъ своемъ флангѣ два горныхъ орудія капитана Константинова. Вотъ и вся линія прикрытія южной городской черты или обороны праваго фланга. Далѣе расположены были 1-я и 3-я дружины ополченія, два орудія Донской артиллеріи и Астраханскій драгунскій и Кіевскій гусарскій полки при конной четырехфунтовой батареѣ подполковника Ореуса. Вся линія обороны растянута и далеко не соотвѣтствовала слабымъ силамъ отряда. Находясь на правомъ флангѣ, мы только по непрерывно усиливавшейся къ центру и далѣе ружейной перестрѣлкѣ заключали, что турки ведутъ атаку преимущественно на нашъ центръ и лѣвый флангъ, къ которому слѣдовало намъ примкнуть въ случаѣ весьма вѣроятнаго отступленія (конечно, если отрядъ Гурко опоздаетъ).

Съ 12-ти часовъ дня ружейный огонь сообщился и правому флангу; два орудія Константинова работали шрапнелью подъ градомъ непріятельскихъ пуль; замѣчательный своимъ хладнокровіемъ и полнымъ презрѣніемъ къ опасности, капитанъ Константиновъ перебѣгалъ отъ орудія къ орудію, самъ направлялъ выстрѣлы и тутъ же дѣлалъ необходимыя вычисленія. Пятая дружина оказалась тоже въ сферѣ сильнаго огня, около полудня загорѣлся отъ гранатъ первый домъ въ тылу ея расположенія. Въ цѣпи второй дружины послышалась перестрѣлка; атака становилась общею; я приказалъ было двумъ орудіямъ Гофмейстера открыть огонь, но здѣсь разстояніе до турецкихъ батарей оказалось для нашихъ горныхъ орудій недосягаемымъ, а выстрѣлы привлекли весьма энергичный и мѣткій отвѣтъ непріятеля. Нѣсколько гранатъ одна за другой легли въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ за резервами второй дружины, а одна шлепнула и зарылась въ копнѣ сѣна на окраинѣ города, но не разорвавшись, вреда не причинила.

Почти одновременно группы турецкой кавалеріи стали охватывать нашъ правый флангъ съ очевидною цѣлью отрѣзать

намъ путь къ отступленію по верхней Казанлыкской дорогѣ. Положеніе становилось критическимъ. Дабы предупредить обходъ. я приказалъ Гофмейстеру при взводѣ драгунъ перейти къ Казанлыкской дорогѣ и открыть огонь по непріятельской конницѣ, а самъ послалъ донесеніе Князю (кажется не дошедшее по назначенію): «Турки наступаютъ всѣмъ флангомъ; нельзя-ли подкрѣпить!» Почти одновременно прискакалъ ко 2-й дружинѣ ординарецъ съ приказаніемъ держаться во что бы то ни стало: «Гурко черезъ полчаса будетъ!»—Между тѣмъ съ каждой минутой становилось очевиднѣе, что дѣло проиграно, что удержаться горсти людей противъ непріятельскихъ полчищъ рѣшительно невозможно. Живая ружейная трескотня въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ стала слабѣть, все рѣже и рѣже слышались выстрѣлы Константинова. Спѣшенные казаки отступили и бросились къ лошадямъ.

— Пора отступать и соединиться съ главнымъ отрядомъ!.. сказалъ подъѣхавшій къ начальнику обороны полковникъ Красновъ. — Сила солому ломитъ:—видите какія ихъ массы!..

Самъ хорошо понимая, что дѣло потеряно, я все еще медлилъ и разсчитывалъ, что вотъ-вотъ Гурко ударитъ во флангъ наступающему непріятелю, и дѣло мгновенно измѣнится въ нашу пользу. А городъ горитъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ, слышатся за спиной отдѣльные зловѣщіе выстрѣлы; голосъ благоразумія заставляетъ послушаться совѣтовъ полковника Краснова. 2-й дружинѣ приказано отступить окраиной города къ лѣвому флангу, Казанскимъ драгунамъ—прямо къ коноводамъ, находившимся по-за городомъ у верхней дороги на Казанлыкъ. Къ ротѣ Волгина посланъ съ таковымъ же приказаніемъ казакъ. Турки, замѣтивъ отступленіе, стали насѣдать густою цѣпью, такъ что 2-я дружина, не имѣвшая потерь во время самаго дѣла, потеряла при отступленіи 37 человѣкъ убитыми и ранеными: изъ послѣднихъ спаслись только тѣ, которые были легко ранены и сами дошли. Къ сожалѣнію, во время дѣла,

начальникъ обороны праваго фланга не имѣлъ ровно никакихъ извѣстій о томъ, что дѣлается лѣвѣе; а между тѣмъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ разрѣшалось грозное «быть или не быть». Турки яростно атаковали находившіяся здѣсь 3-ю и 1-ю дружины, которыя стойко отражали всѣ удары непріятеля направленные къ тому, чтобы прорвать нашу линію. Слишкомъ три часа длился неравный бой. Поддерживаемые въ началѣ боя Астраханскими драгунами и мѣткимъ огнемъ двухъ донскихъ орудій, наши молодецкія дружины уже къ 11-ти часамъ лишились и этой поддержки. Притянутые къ лѣвому флангу позиціи—мѣсту расположенія четырехфунтовой конной батареи Ореуса—драгуны вмѣстѣ съ Кіевскими гусарами и при прикрываемой ими батареѣ тронулись по Ени-Загрской дорогѣ на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко. Въ это время дружины изнемогали въ непосильной борьбѣ; командиръ 3-й дружины полковникъ Калитинъ бросается въ атаку на непріятеля и возобновляетъ ее два раза, увлекая своимъ геройскимъ примѣромъ всѣхъ окружающихъ. Люди идутъ на непріятеля съ національными побѣдными пѣснями, полковникъ гр. Толстой приказываетъ трубить наступленіе и во главѣ 1-й дружины съ командиромъ ея, полковникомъ Кесяковымъ, поддерживаетъ атаку 3-й дружины. Удивленный непріятель, смѣшавшись отъ неожиданности, пріостанавливается, но вскорѣ возобновляетъ наступленіе и тѣснитъ горсть уцѣлѣвшихъ смѣльчаковъ. Много храбрыхъ заплатили своею жизнью за это удальство. Во время атаки падаетъ знаменщикъ 3-й дружины, полковникъ Калитинъ схватываетъ знамя, и въ свою очередь падаетъ пронизанный нѣсколькими пулями, за нимъ гибнутъ одинъ за другимъ почти всѣ офицеры дружины: поручикъ Усовъ, поручикъ Поповъ, (тяжело раненъ) капитанъ Ѳедоровъ. Но знамя, а съ нимъ честь ополченія спасены!

Когда упалъ раненый капитанъ Ѳедоровъ, то къ нему бросился было товарищъ, поручикъ Живаревъ, и взваливъ на себя

потащилъ, но въ это время самъ былъ раненъ въ ногу, и видя, что бремя ему не по силамъ, долженъ былъ оставить умирающаго Федорова. Самоотверженіе едва не погубило самаго Живарева: онъ очутился за отступившей уже цѣпью въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ непріятельской, и слышалъ грозные крики: урусъ! урусъ! Перспектива мучительной смерти придала ему сверхъестественныя силы, и онъ, изнемогавшій отъ усталости, успѣлъ присоединиться къ своимъ. Тяжело раненный Поповъ, чувствуя приближеніе смерти просилъ, чтобы его оставили; впрочемъ съ самаго поля сраженія Попова успѣли таки унести и скрыли въ ущельи, прикрывъ древесными листьями. Другой Поповъ (Николай) раненый въ ногу (впрочемъ легко) до конца дѣла не оставлялъ своей части. Генералъ Столѣтовъ находившійся въ началѣ боя со своимъ штабомъ и ординарцами именно при 1-й и 3-й дружинѣ лично руководилъ огнемъ двухъ донскихъ четырехфунтовыхъ орудій, и немало вредилъ наступавшимъ колоннамъ непріятеля; при отступленіи-же желая облегчить положеніе отступавшихъ, и удержать натискъ непріятеля, онъ отдѣлился съ двумя орудіями для выбора новой для нихъ позиціи, но былъ отъ дружинъ отрѣзанъ, вслѣдствіе чего бросился по Ени-Загрской дорогѣ вслѣдъ за отступившимъ уже на соединеніе съ Гурко кавалерійскимъ полкомъ *). При этомъ генералъ Столѣтовъ, имѣя въ прикрытіе къ орудіямъ только своихъ ординарцевъ и конниковъ, едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его черкесовъ и баши-бузуковъ.

Полагая, что отступленіе совершается въ возможномъ порядкѣ, я рѣшился проѣхать городомъ и заѣхать въ конакъ, чтобы взять оставленный тамъ взводъ ополченія; вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ лично предупредить жителей, что дѣло потеряно, что нужно спасаться. Впрочемъ трудъ этотъ былъ напрасенъ: муж-

*) Астраханскимъ драгунскимъ, Кіевскимъ гусарскимъ и четырехфунт. конною батареею Ореуса.

*

ское населеніе еще въ началѣ боя вооружившись кто чѣмъ могъ (многіе просто пиками), заняли всѣ выходы изъ улицы къ околицѣ города, гдѣ расположена была линія нашихъ резервовъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ улицы загородили арбами. Между группами мужчинъ видны были и женщины, многія съ дѣтьми на рукахъ. По всему было видно, что населеніе вѣрило въ возможность побѣды, вѣрило въ наши обѣщанія, убѣждено было, что мы ляжемъ до послѣдняго человѣка, но города не сдадимъ. Каково-же было разочарованіе и ужасъ, когда дѣло было потеряно, когда гибель сдѣлалась неизбѣжной; все бросилось къ конаку; храбрый и благородный полковникъ Бѣлогрудовъ не захотѣлъ оставить меня однаго, и направился вмѣстѣ съ нами къ конаку-же, имѣя при себѣ съ десятокъ спѣшенныхъ драгунъ. Толпы женщинъ съ грудными дѣтьми окружали обоихъ офицеровъ, хватались за стремена, держались за ноги всадниковъ и молили о спасеніи. «Ребенка моего, ребенка моего возьмите: что съ нимъ будетъ?!..» раздирающимъ душу голосомъ молила молодая женщина, не думая уже о собственномъ спасеніи. Здоровый парень болгаринъ протащилъ на плечахъ дряхлаго старика-отца. Большинство-же бѣжало съ выраженіемъ безотчетнаго страха на искаженныхъ лицахъ, бѣжало бросая дѣтей, руководясь единственнымъ въ то время чувствомъ и желаніемъ спастись отъ преслѣдованія неистоваго, кровожаднаго врага, отъ предстоящихъ истязаній и мучительной смерти; а городъ горитъ, и пули разсѣкая во всѣхъ направленіяхъ воздухъ своимъ рѣзкимъ пѣніемъ довершаютъ ужасъ несчастной безпомощной толпы.

Во дворѣ конака тѣ-же сцены безумнаго отчаянія, тѣ-же мольбы о спасеніи, плачъ, крики дѣтей и глухой ропотъ собравшагося здѣсь мужскаго населенія, большею частью вооруженнаго и рѣшившагося дорого продать свою жизнь. Бывшій въ караулѣ взводъ ополченія выступилъ раньше, передавъ надзоръ за аманатами и плѣнными городской милиціи. «Что съ

ними дѣлать?» обратились милиціонеры къ бывшему своему коменданту, я махнулъ рукой и выѣхалъ изъ конака. У воротъ встрѣтилъ меня командиръ 1-й роты 2-й дружины капитанъ Медынскій; оказалось, что рота бывшая въ цѣпи не успѣла присоединиться къ дружинѣ и отступила черезъ городъ. «Двигайтесь за мной!» приказалъ я, и направился съ Бѣлогрудовымъ по опустѣвшимъ улицамъ города къ Ени-Загрской дорогѣ. Изъ оконъ сосѣднихъ съ главной мечетью домовъ послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, на что горсть спѣшенныхъ драгунъ отвѣчала тѣмъ-же. При самомъ выѣздѣ изъ города пришлось круто свернуть въ виноградники и пробираться къ Казанлыкскому ущелью вверхъ по теченію ручья, такъ какъ всѣ наши лѣвофланговыя позиціи были уже рукахъ турокъ, и 1-я рота 2-й дружины отступала послѣдней. Здѣсь-же у ручья недалеко отъ городской черты стоитъ небольшая фермочка, занятая въ ту пору или ворвавшимися впередъ непріятельскими стрѣлками или мирными турецкими жителями, такъ какъ изъ-за каждаго дерева, изъ-за каждаго куста по отступающимъ былъ открытъ частый ружейный огонь; около Бѣлогрудова ранило лошадь трубача. Дорогу виноградниками никто изъ отступавшихъ незналъ, и только счастливая случайность помогла намъ втянуться въ ущелье гдѣ собирался разстроенный отрядъ. Насъ обогнало двое болгаръ верхомъ на одной лошади (на крупѣ старикъ), спасавшіеся изъЕски-Загры: они-то и указали мнѣ направленіе, которымъ слѣдовало продолжать путь. Пройдя подъ мостомъ, соединяющимъ оба берега оврага, мы присоединились къ хвосту колонны, и предполагали нѣсколько оправиться и освѣжиться прекрасной ключевой водой, но черкесы, налетѣвшіе на послѣдніе наши ряды, произвели новое замѣшательство. Впрочемъ дружный ружейный огонь заставилъ удальцовъ-джигитовъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе. Этимъ послѣднимъ актомъ завершился неудачный для насъЕски-Загрскій бой.

При самомъ входѣ въ ущелье нагнали генерала Рауха, а вмѣстѣ съ нимъ и полковника Фрезе, причемъ узнали, что Гурко на соединенiе съ нами не пришелъ, и что генералъ Столѣтовъ остался неизвѣстно гдѣ (были даже предположенiя, что послѣднiй попалъ въ руки непрiятеля). Подъѣхалъ и начальникъ штаба Болгарскаго ополченiя, подполковникъ Рынкевичъ, бывшiй съ самаго начала и почти до конца боя при генералѣ, но тоже не умѣвшiй опредѣлить, что съ нимъ сталось. Временно я принялъ командованiе надъ ополченiемъ. Генералъ Раухъ имѣлъ было въ виду выбрать на пути отступленiя въ самомъ ущельѣ выгодную позицiю, съ цѣлью собрать разстроившiяся дружины и дать отпоръ непрiятелю въ случаѣ преслѣдованiя, но Казанскiе драгуны такъ далеко опередили остальныя части, а самыя дружины такъ растянулись, что пришлось намѣренiе это оставить и слѣдовать вплоть до долины Тунджи. Здѣсь только перейдя самую рѣку, выбрана была позицiя и стали приводить въ порядокъ остатки отряда *).

Не дай Богъ никому видѣть такой грустной картины отступленiя, какъ отступленiе отъ Ески-Загры къ долинѣ Тунджи: неширокая горная дорога была буквально запружена бѣжавшими жителями, препятствовавшими немедленному-же сбору и правильному движенiю войска. Жители оставившiе городъ наканунѣ имѣли еще возможность свободно миновать ущелье, эти увезли на подводахъ и часть имущества, но горько

*) Говорятъ, иная неудача стоитъ побѣды, такъ и въ данномъ случаѣ: Ески-Загрскiй погромъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ высокой нравственной побѣдой, которую одержало молодое Болгарское войско, игравшее до той поры самую незавидную роль въ отрядѣ генерала Гурко. Раздѣляя всѣ трудности стремительнаго похода, перетаскивая на своихъ плечахъ чрезъ горныя выси артиллерiю и тяжести, занимаясь транспортировкой раненыхъ, ополченiе въ дѣло не вводилось (по недовѣрiю къ его боевымъ качествамъ), и въ бою подъ Казанлыкомъ, напримѣръ, на долю его выпала скромная роль уборки раненыхъ подъ огнемъ непрiятеля. Ески-Загра указала на то, что ко всѣмъ присущимъ болгарину хорошимъ качествамъ онъ обладаетъ еще мужествомъ и стойкостью, въ которыхъ не уступаетъ русскому солдату.

пришлось тѣмъ, которые имѣли неосторожность остаться въ городѣ до роковаго 19-го числа и обратились въ бѣгство во время самаго боя: большинство изъ нихъ плелось пѣшкомъ навьюченное различнымъ домашнимъ скарбомъ; по самой ношѣ можно было видѣть, въ какой мѣрѣ поразила несчастныхъ неожиданность нашего отступленія: изнемогая подъ тяжестью различныхъ совершенно ненужныхъ вещей, многіе забыли захватить хлѣба. Смятеніе ужасное: здѣсь вы видите мать, выбившуюся изъ силъ и бросившую груднаго ребенка; тамъ— дряхлый старикъ, теряя силы, опускается на дорогѣ и отдаетъ себя на произволъ судьбы; обезумѣвшая старуха мечется и требуетъ, чтобы ей отдали единственнаго сына; здѣсь бѣгутъ ребятишки, и съ воплями отыскиваютъ можетъ быть навсегда потерянныхъ родителей: все это сбилось въ общую, безпомощную, рыдающую толпу, и перемѣшалось съ отрядомъ, все это бѣжитъ въ тупомъ, безумномъ отчаяніи, стараясь опередить войска, только въ войскахъ видя и отыскивая спасеніе. Старались облегчить чѣмъ могли: люди брали и несли на рукахъ маленькихъ дѣтей, брошенныхъ матерями, поддерживали и помогали продолжать путь выбившимся изъ силъ женщинамъ, ободряли мужчинъ. Только тяжело раненыхъ ополченцевъ везли на подводахъ, легко раненые плелись пѣшкомъ, да и тутъ многіе падали, и тогда сколько хлопотъ и уговоровъ стоило остановить подводу и уложить на нее несчастливца.

Я никогда не забуду окрававленной фигуры юнкера Кондырева *): очевидно, что онъ сползъ къ ручью, чтобы освѣжиться водой, но здѣсь силы его оставили и подняться онъ уже больше не могъ, а отрядъ проходитъ и никто его не беретъ; завидѣвъ меня Кондыревъ собрался съ послѣдними силами и простоналъ, «не оставляйте меня, вы меня по Сербіи знали!...»

---

*) Впрочемъ, это было при самомъ входѣ въ ущелье, когда черкесы открыли огонь по послѣднимъ рядамъ.

Кондыревъ спасенъ, живъ и въ настоящее время, не смотря на опасныя раны, совершенно здоровъ. Къ сожалѣнію многіе и стонать не могли, а одинъ раненый кадровый унтеръ-офицеръ, котораго везли на подводѣ, убѣдительно просилъ, чтобъ его сняли и гдѣ нибудь положили: «все равно не довезете, умру... а мнѣ одно мученье!» Дѣйствительно, малѣйшій толчокъ причинялъ несчастному невыразимыя страданія, онъ былъ раненъ на вылетъ въ животъ. Офицеры, подававшіе въ бою примѣръ полнаго самоотверженія и презрѣнія къ смерти, и здѣсь, при отступленіи, служили для людей примѣромъ образцоваго терпѣнія. Обгоняемъ мы, напримѣръ, поручика Живарева, раненнаго въ ногу, только прихрамываетъ молодецъ: «Да, что-жъ это: вы хоть бы лошадь взяли или на телѣгу сѣли?!»—предлагаетъ ему полковникъ:—«Нѣтъ, моя рана легкая, и такъ добреду!» А тамъ смотришь ѣдетъ Николай Поповъ верхомъ, тоже раненный въ ногу, и узнаемъ, что съ трудомъ уговорили его верхомъ сѣсть. Трудно и перечислить всѣ примѣры личнаго мужества нашихъ удальцевъ, но въ общемъ дѣло отъ того не выиграло: «сила солому ломитъ!» и добрели мы до Тунджи.

Здѣсь стали считать и не досчитываться то того, то другаго, да и трудная это на первыхъ порахъ задача опредѣлить дѣйствительную потерю людей, особенно послѣ дѣла, сопряженнаго съ отступленіемъ: начальнику части въ бою, несмотря на всю его бдительность, нѣтъ возможности опредѣлить что дѣлается въ томъ или иномъ пунктѣ линіи ввѣренной ему обороны, а при отступленіи случается, что цѣлыя группы людей отбившіяся отъ частей во время боя присоединяются на другой и на третій день. Такъ и въ данномъ случаѣ: потеря дружинъ казалась на первыхъ порахъ значительно выше дѣйствительной, мы считали ее въ одну третью часть всего боеваго состава. Потеря офицерами убитыми и раненными опредѣлилась правильно и состояла изъ 23 человѣкъ (всѣхъ было 55). Въ числѣ прочихъ раненъ командиръ 5-й дружины подполковникъ Нищенко въ

ногу и руку на вылетъ; онъ былъ тутъ же при отрядѣ, но рѣшено было всѣхъ раненыхъ отправить не медля же далѣе на Казанлыкъ.

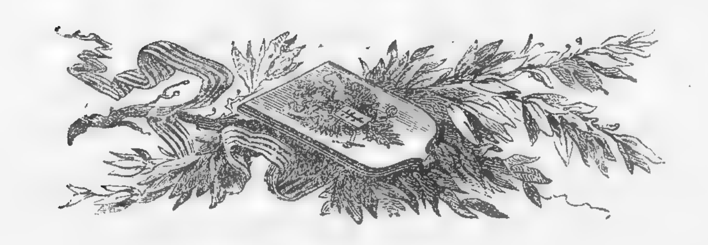
Николай Максимиліановичъ приказалъ выстроить дружины, и горячо благодарилъ ихъ за отличное поведеніе въ бою: «вы ничѣмъ не уступаете старымъ солдатамъ!» говорилъ Князь: рѣчь переведена была командиромъ 1-й дружины подполковникомъ Кесяковымъ, болгариномъ по происхожденію *).

Затѣмъ приступили къ обсужденію вопроса, что дѣлать? Недостатка въ офицерахъ генеральнаго штаба не было (хоть человѣкъ я и не компетентный въ военномъ дѣлѣ, но мнѣ казалось, что ихъ даже слишкомъ много было). Прежде все слѣдовало выяснить вопросъ, что сталось съ главнымъ отрядомъ генерала Гурко, а затѣмъ что предпринять? Оставаться-ли въ выжидательномъ положеніи до полученія желаемыхъ свѣдѣній, или же, имѣя въ виду малочисленность отряда и невозможность удержаться на вновь выбранной позиціи, отступать на Казанлыкъ немедленно-же. Для разрѣшенія перваго вопроса рѣшено было вызвать охотниковъ изъ конниковъ Болгарскаго ополченія, которые взялись бы пробраться къ отряду генерала Гурко (конечно съ рискомъ живымъ попасть въ руки непріятеля); второй же вопросъ рѣшенъ былъ категорически: то есть генералъ Раухъ, принявшій отъ Николая Максимилліоновича командованіе отрядомъ, приказалъ поднять людей около 3 часовъ пополуночи для дальнѣйшаго отступленія къ Казанлыку. Охотники по первому предпріятію нашлись немедленно же, и невольно заглядывался я на молодецкія фигуры людей, отдававшихъ себя на произволъ полнѣйшей неизвѣстности. Поскакали охотники, а офицеры генеральнаго штаба усѣлись стряпать реляцію, а стряпня была мудреная, такъ какъ дѣло молодецкое,

*) Урожденецъ города Филиппополя кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ.

скажемъ, но неудачное. Поставивъ отрядъ боевымъ порядкомъ, и выславъ разъѣзды отъ Казанскихъ драгунъ на Эски-Загрскую дорогу, позволили наконецъ отдохнуть утомившимся людямъ. Стало смеркаться; на темномъ небосклонѣ разлилось зарево пожара надъ несчастнымъ оставленнымъ городомъ, чудились какъ бы отдаленные глухіе выстрѣлы, и неотвязчивая мысль о судьбѣ несчастныхъ страдальцевъ, которые такъ тяжело поплатились за свое довѣріе, и можетъ быть цѣлыми сотнями, тысячами гибли въ ту минуту подъ ударами разсвирѣпившихъ злодѣевъ, не давала покоя возбужденному воображенію, и мѣшала воспользоваться нѣсколькими минутами отдыха, въ которомъ такъ нуждался нашъ усталый, разбитый организмъ.

N. N.

Отдѣлъ Второй.

Съ Кавказа.

Бой за Кизилъ-Тапу

13-го Августа.

ного писали и того больше говорили о различныхъ дѣлахъ на Кавказскомъ театрѣ войны, но о сраженіи 13-го августа мнѣ не удавалось читать болѣе или менѣе хорошее описаніе этого боя; между тѣмъ этотъ бой имѣлъ сильное вліяніе на послѣдующій ходъ событій въ Малой Азіи.

Вообще надо замѣтить, что дѣла, окончившіяся не блистательно для нашего оружія, у насъ какъ-то игнорируются, о нихъ мало пишутъ, да и мало интересуются ими; между тѣмъ дѣла дурно окончившіяся для насъ лучше указываютъ намъ наши недостатки и промахи, чѣмъ дѣла блистательныя, потому что эти послѣднія бываютъ очень часто чисто дѣломъ случая, а не глубокихъ соображеній. Возьмите хоть разбитіе Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ, или штурмъ

Карса, развѣ тутъ не было случая, развѣ нашъ успѣхъ не зависѣлъ отъ нашихъ первыхъ неудачъ. послужившихъ намъ урокомъ, и очень много отъ ошибокъ противника? Не очисти Мухтаръ-паша своей передовой позиціи Кизилъ-Тапы, невозможенъ былъ-бы обходъ съ такими небольшими силами, защити онъ хорошенько Базарджикъ и окружающія высоты, пошли онъ туда достаточное количество войскъ, наши ничего-бы не могли сдѣлать въ этой дьявольской мѣстности. Про штурмъ Карса нечего и говорить, ибо даже въ оффиціальныхъ реляціяхъ было писано про случайное занятіе форта Карадагъ полковникомъ Ѳадеевымъ, который, сбившись съ пути. попалъ не туда, куда слѣдовало. Конечно, было-бы смѣшно утверждать, что успѣхъ сраженія зависитъ исключительно отъ счастія, отъ случая, напротивъ, и расчетъ сильно вліяетъ на успѣхъ задуманнаго дѣла: одинъ какой нибудь невѣрный шагъ, одно неумѣлое приказаніе—и все дѣло испорчено; искусство главнокомандующаго и состоитъ въ томъ, чтобы меньше шансовъ оставить на долю случая, и возможно больше подчинить строгому расчету.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что превосходно составленные планы часто разлетаются въ дребезги о какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство, которое иногда даже не входитъ въ расчеты противника; такъ напр. подъ Церковной Али-паша почти уже совсѣмъ разбилъ русскихъ, но случайное появленіе на одномъ флангѣ полка пѣхоты съ батареей, а на другомъ одной полубатареи измѣняетъ совершенно ходъ дѣла, и Али-паша съ своимъ превосходнымъ планомъ былъ разбитъ на голову.

Послѣ сраженія 6-го августа, не добившись никакихъ результатовъ, мы отступили на прежнія позиціи, и стали лагеремъ, какъ и прежде, погрузившись по русскому обычаю въ апатію и сонливое ничего недѣланіе. Сторожевая служба у насъ велась крайне небрежно: въ цѣпь высылались Дагестанскіе

наѣздники-мусульмане, на вѣрность которыхъ трудно было расчитывать; передовые посты занимались крайне слабыми частями, и вообще во всемъ видно было какое-то странное пренебреженіе къ силамъ и находчивости турокъ; все было основано на русскомъ авось; потомъ впрочемъ хватились за умъ, да поздно; вотъ гдѣ блистательно оправдалась пословица: «громъ не грянетъ, русскій мужикъ не перекрестится». Впрочемъ повторяю, всякая неудача, всякое пораженіе служитъ вообще въ пользу, научая уму-разуму и заставляя дѣйствовать нѣсколько осторожнѣе, нѣсколько осмотрительнѣе, заставляетъ относиться съ уваженіемъ къ силамъ и энергіи врага, и прекращаетъ назойливые, глупые крики: «мы-де, молъ, ихъ того...» Это странное пренебреженіе къ врагу было главной причиной нашихъ пораженій въ началѣ кампаніи на обоихъ театрахъ войны.

Какъ извѣстно, турки до 13-го августа стояли лагеремъ на Аладжинскихъ высотахъ, и лѣтомъ имъ тамъ было, конечно, очень хорошо, но когда стала приближаться осень съ ея холодными ночами, особенно на горахъ, то турки естественно начали подумывать о томъ, какъ-бы хорошо было спуститься съ горъ внизъ. Этого нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ рукахъ оставалась гора Кизилъ-Тапа, откуда съ удобствомъ можно было-бы обстрѣливать турецкій лагерь; турки рѣшились взять у насъ эту гору во что бы то ни стало, что, какъ извѣстно, они отлично исполнили 13-го Августа, и притомъ безъ особенныхъ потерь. Съ нашей стороны очевидно надо было укрѣпить эту злополучную Кизилъ-Тапу, дабы обезпечить ее за собой; между тѣмъ мы ограничивались постановкой туда одного батальона пѣхоты, отъ котораго еще выставлялась пѣхотная аванпостная цѣпь.

Еще дня за два до сраженія начали ходить темные слухи о готовящемся нападеніи турокъ на насъ, но этому мало кто вѣрилъ, и рѣшительно никто этого не боялся по той простой

причинѣ, что турки не особенно большіе охотники атаковывать; но на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ.

Накануне сраженія начались сильныя передвиженія войскъ: два полка и одна батарея подъ начальствомъ генерала Девеля отправились къ селенію Кигачъ для защиты переправы на нашу территорію черезъ пограничную рѣчку Арпачай. Затѣмъ, почти всѣ остальныя силы изъ Башъ-Кадыкларскаго отряда двинуты были къ деревнямъ Полдырванъ и Джемусли на нашъ правый флангъ и въ тылъ, а въ Башъ-Кадыкларѣ остались только два полка пѣхоты: Владикавказскій и Имеретинскій, первая батарея 40-й артиллерійской бригады и 3-я батарея 39-й артиллерійской бригады; затѣмъ здѣсь-же осталась кавалерія съ казачьей артиллеріей подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе. Все было-бы хорошо, еслибы это дѣлалось скрытно, а между тѣмъ войска днемъ съ трубными звуками, съ барабаннымъ боемъ уходили назадъ, на правый флангъ, что, конечно, прекрасно было видно туркамъ съ ихъ горъ. Они видѣли хорошо, что мы сосредоточили войска противъ обхода нашего праваго фланга, и фронтъ оставили совершенно слабымъ; на него-то они и ударили.

Потомъ ходили слухи, что Мухтаръ-паша подослалъ нарочно ложныхъ лазутчиковъ, которые увѣряли, что турки намѣрены насъ обойти, и именно съ праваго фланга, а на самомъ-то дѣлѣ его цѣль была, какъ мнѣ кажется, гора Кизилъ-Тапа, нужная ему, какъ я раньше объяснилъ, для того, чтобы спуститься съ горъ. Да! онъ сыгралъ тогда съ нами прескверную штуку и тѣмъ отсрочилъ на нѣсколько мѣсяцевъ свое пораженіе.

Грустно, очень грустно было оставаться на позиціи съ такими ничтожными силами противъ цѣлой арміи Мухтаръ-паши; но что же дѣлать! Для занятія Кизилъ-Тапы былъ назначенъ первый баталіонъ Имеретинскаго полка, который отъ себя-же долженъ былъ выставить аванпостную цѣпь впереди горы, далѣе кавалерійскую аванпостную цѣпь занимали всадники Да-

гестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Для болѣе прочнаго занятія горы Кизилъ-Тапы была назначена первая батарея 40-й артиллерійской бригады, но она не могла туда стать на томъ основаніи, что укрѣпленія, построенныя для нея, были сдѣланы самымъ небрежнымъ и безтолковымъ образомъ, кромѣ того втащить 9-ти фунтовыя пушки на эту гору требовалось громадныхъ усилій, такъ какъ ея скаты очень круты и обрывисты. Словомъ, гору занималъ одинъ батальонъ Имеретинскаго полка, батальонъ, который, надо замѣтить, работалъ цѣлый день вышеупомянутыя укрѣпленія. Особенныхъ передвиженій въ составѣ войскъ не было, такъ что они вообще были разбросаны на довольно значительномъ протяженіи.

Вотъ прозвучала повѣстка, затѣмъ полились торжественные звуки зари; солдатики, крестясь стали ложиться спать, или садились въ кружокъ, бесѣдуя, или разсказывая другъ другу сказки. Изъ кавалерійскаго лагеря время отъ времени доносились звуки военной музыки, игравшей тушъ, слышалось громкое, радостное ура, разносимое прихотливымъ вечернимъ вѣтеркомъ. Мрачные силуэты горъ тамъ и сямъ стали закутываться тѣнью торжественной южной ночи. Голубое небо своими миріадами звѣздъ привѣтливо смотритъ на этихъ мирно почивающихъ людей, оторванныхъ отъ семьи, отъ роднаго очага, заброшенныхъ сюда неумолимой судьбой для истребленія себѣ подобныхъ. Взошедшая луна придала всей этой картинѣ болѣе рѣзкій оттѣнокъ, болѣе фантастическій видъ.

Тамъ и сямъ раскинулись бѣлыя палатки, отбрасывающія длинныя коническія тѣни, между ними ряды ружей въ правильныхъ пирамидахъ грозно выставляютъ вверхъ свои блестящіе штыки; тамъ, дальше темная масса артиллеріи, коновязь, обозъ, паркъ со своими мѣдными орудіями, зловѣще освѣщенными причудливымъ луннымъ свѣтомъ. Часовой, понуря голову, задумчиво бродитъ вдоль длинной линіи пушекъ, время отъ времени мечтательно останавливаясь и вѣроятно перебирая

старыя, счастливо пережитыя минуты, отрадныя воспоминанія. Все тихо; даже въ кавалерійскомъ лагерѣ шумное веселье и музыка давно прекратились, и наступила всеобщая тишина. Кто-то вдали отъ меня запѣлъ, я даже вздрогнулъ: тихо и величественно неслись торжественные звуки родимой пѣсни, звуки, хватающіе прямо за душу и такъ прекрасно гармонировавшіе съ окружающей обстановкой. Но вотъ онъ кончилъ и какъ-то сразу оборвалъ, вѣроятно подъ напоромъ невеселыхъ воспоминаній. Кругомъ все молчитъ освѣщенное мрачнымъ свѣтомъ луны; впереди лежащія горы, подернутыя какъ-бы туманной дымкой, отбрасываютъ длинныя причудливыя тѣни. Чу! Выстрѣлъ; рѣзкій звукъ его пронесся по воздуху, отразившись нѣсколько разъ отъ окружающихъ высотъ; что это такое? Но вотъ второй, третій выстрѣлъ и пошла потѣха; вся Кизилъ-Тапа какъ въ огнѣ горитъ зловѣщими красными огоньками, быстро бѣгающими по всему ея гребню; стрѣльба ежеминутно усиливается, и вскорѣ превращается въ одинъ общій, несмолкаемый гулъ адской ружейной пальбы. Изъ всѣхъ палатокъ выскакиваютъ полураздѣтые люди, тщетно стараясь уяснить себѣ, что такое происходитъ; ружейный трескъ на Кизилъ-Тапѣ немного стихъ, но взамѣнъ того заговорили турецкія орудія, и первая граната съ зловѣщимъ шипѣніемъ упала къ намъ на батарею; съ этихъ поръ все стало ясно. Турки захватили Кизилъ-Тапу и напали теперь на насъ. Съ удвоенной энергіей солдатики стали одѣваться.

— Запрягать лошадей! Прислуга къ орудіямъ! пронеслась звонкая команда батарейнаго.

Солдаты выбѣгаютъ изъ палатокъ, на ходу подвязывая сабли, живо запрягаютъ лошадей, и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ батарея готова къ бою, готова встрѣтить всякую опасность. Между тѣмъ турки усердно посылаютъ къ намъ снарядъ за снарядомъ, и притомъ съ замѣчательной мѣткостью, тѣмъ болѣе, что стрѣльба производилась ночью: гранаты со

страшнымъ свистомъ падали на батарею, но не причиняли почти никакого вреда. Нравственное дѣйствіе снарядовъ было тѣмъ сильнѣе, что пламя обыкновенно невидимое днемъ, тогда напротивъ производило непріятное, потрясающее впечатлѣніе. Въ пѣхотномъ лагерѣ солдатики быстро выскакиваютъ изъ палатокъ, на бѣгу одѣваясь, и спѣшатъ въ строй. Вотъ нѣсколько человѣкъ съ ружьями на перевѣсъ бѣгутъ, обгоняя одинъ другаго; вдругъ граната, прорѣзавъ воздухъ, ложится среди нихъ; красное пламя при разрывѣ на мигъ освѣщаетъ эти суровыя лица, двое изъ нихъ съ проклятіями и стономъ валятся на землю. «Носилки! Носилки!» — кричитъ какой-то хриплый голосъ. Подъѣзжаетъ къ нашей батареѣ полковникъ Карасевъ, командиръ Имеретинскаго полка, и приказываетъ открыть пальбу. Мы выѣхали немного впередъ на позицію и открыли огонь по турецкой батареѣ; полковникъ Карасевъ съ имеретинцами повелъ наступленіе. Турецкая батарея прекратила стрѣльбу по нашему лагерю, и вскорѣ совсѣмъ ретировалась назадъ.

Что намъ теперь дѣлать?

Правда-ли, что турки на Кизилъ-Тапѣ? А можетъ быть тамъ еще наши? Стрѣлять или нѣтъ? Ничего неизвѣстно. Мы подвинулись еще на нѣсколько десятковъ саженъ впередъ, и наконецъ открыли пальбу по Кизилъ-Тапѣ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ турки съумѣли такъ ловко захватить нашу передовую позицію.

Какъ я уже раньше сказалъ, для защиты Кизилъ-Тапы былъ назначенъ одинъ батальонъ Имеретинскаго полка, батальонъ, который весь день на страшной жарѣ долженъ былъ рыть укрѣпленія (какъ будто ихъ нельзя было построить раньше). Не говоря уже о недостаточности одного батальона для защиты такой большой позиціи, я долженъ присовокупить, что не было сдѣлано ничего на случай необходимости поддержать этотъ батальонъ, потому что ближайшія пѣхотныя части

были расположены по крайней мѣрѣ въ двухъ верстахъ отъ него; слѣдовало придвинуть всѣ оставшіяся наличныя силы ближе къ Кизилъ-тапѣ, и тогда турки вмѣсто побѣды понесли-бы полнѣйшее пораженіе на томъ основаніи, что отбить эту Кизилъ-тапу нечаянно было-бы нельзя, а открытой силой они тоже ничего-бы не сдѣлали.

Часовъ въ одиннадцать вечера, маіору Миллеру, командиру этого баталіона, докладываютъ, что сотня Дагестанскихъ наѣздниковъ проситъ пропуска въ передовую кавалерійскую цѣпь; пароль, отзывъ все было сказано. и ихъ пропустили; между тѣмъ смѣнившіяся части не возвращались назадъ; они явились впрочемъ потомъ, но только... вмѣстѣ съ турками.

Часа въ три ночи показались какіе-то кавалеристы, и такъ какъ впереди была наша Дагестанская аванпостная цѣпь, то не было никакого повода къ подозрѣнію: всѣ думали, что наши кавалеристы смѣняются и поэтому ихъ подпустили довольно близко—шаговъ на двѣсти; но вотъ всадники начинаютъ быстро наступать, стрѣляя съ лошадей; за кавалеріей бѣглымъ шагомъ слѣдуютъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Наша цѣпь успѣла дать только одинъ залпъ, какъ на нее налетѣли кавалеристы; не выдержавъ напора, цѣпь въ разсыпную бросилась на гору, тѣмъ болѣе, что командиръ роты былъ смертельно раненъ. Турки какъ ураганъ кинулись на имеретинцевъ, но отбитые дружными, выдержанными залпами, разсыпаются въ разныя стороны; тутъ выступаетъ на сцену турецкая пѣхота въ составѣ пяти арабистанстанскихъ баталіоновъ; турки, какъ бѣшеные, полѣзли на приступъ, презирая опасность и играя жизнію какъ мячикомъ; наши дѣлаютъ дружные, ровные залпы, наконецъ бросаются въ штыки, но все напрасно,—сила солому ломитъ; солдаты разсказывали потомъ, что одного, говоритъ, колешь, а трое за штыкъ хватаютъ, до того былъ великъ численный перевѣсъ непріятеля. Турки, какъ дикіе звѣри, кидаются на нашихъ, наконецъ овладѣваютъ знаменемъ. Пра-

порщикъ Петропавловскій бросается въ толпу, саблей разчищая дорогу, но, не будучи въ силахъ вырвать всего знамени, отрываетъ полотнище и бросаетъ къ нашимъ; онъ моментально поднятъ на штыки: миръ праху твоему, славный, неизвѣстный боецъ за святое дѣло! Баталіонъ, на половину перерѣзанный, оставивъ на мѣстѣ семь офицеровъ и нѣсколько сотъ солдатъ, сбившись въ одну кучу, отступаетъ шагъ за шагомъ, а башибузуки, черкесы и подобная сволочь со всѣхъ сторонъ налетаютъ, стрѣляютъ и рубятъ кого возможно. Офицеры этого баталіона, оставшіеся въ живыхъ, утверждали потомъ, что турки были напоены опіумомъ, на томъ основаніи, что нѣкоторые раненые, взятые въ плѣнъ, находились въ какомъ-то блаженномъ состояніи: съ блуждающими взорами они улыбались, и повидимому не ощущали никакой боли при самыхъ страшныхъ операціяхъ.

Для штурма Кизилъ-Тапы Мухтаръ выбралъ самые лучшіе арабистанскіе баталіоны и кромѣ того всю свою наличную кавалерію подъ начальствомъ Кази-Магомы. Разбитые остатки баталіона присоединились къ своему полку и утомленные стали въ резервѣ.

Уже начинаетъ свѣтать. Бой идетъ довольно оживленно. Турки быстро втащили на гору свои горныя орудія, и по своему обыкновенію тотчасъ-же начали окапываться. Боевая линія наша была усилена Владикавказскимъ полкомъ и 3-ю батареею 9-й артиллерійской бригады. Кавалерія наша дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ.

Часовъ въ семь утра пріѣзжаетъ на батарею начальникъ оставшагося отряда, князь Чавчавадзе, храбрый генералъ, старый рубака, и приказываетъ произвести наступленіе. Наша первая полубатарея, взявъ на передки, начинаетъ наступать, сопровождаемая цѣпью стрѣлковъ Имеретинскаго полка. Полковникъ Карасевъ, командиръ этого полка, самъ управляетъ наступленіемъ. Турки стрѣляютъ довольно вяло,

хотя мы вошли въ сферу ружейнаго огня. Саженъ на триста полубатарея останавливается и открываетъ пальбу картечными гранатами. Какъ только орудія были сняты съ передковъ, турки открыли убійственный ружейный и орудійный огонь, направляя его на артиллерію и прикрывающую цѣпь, которая залегла немного впереди орудій. Въ какихъ нибудь десять минутъ половина людей и лошадей выбита изъ строя, подбиты ящикъ и передокъ; фейерверкеръ скачетъ за запаснымъ передкомъ, чтобы можно было увезти орудіе вслучаѣ отступленія. Вотъ въ первомъ орудіи стоитъ молодецъ-солдатъ и хочетъ ставить трубку, чтобы произвести выстрѣлъ, какъ шальная пуля ранитъ его въ руку. Онъ съ пронзительнымъ крикомъ бросается бѣжать; въ это время другая пуля нагоняетъ несчастнаго и пронизываетъ его насквозь; онъ клюнулъ въ землю, завозился, захрипѣлъ и вытянулся: вѣчная память тебѣ, честный боецъ! Пули какъ ураганъ несутся около ушей, то съ рѣзкимъ свистомъ, то съ нѣкоторымъ фырчаніемъ—это съ рикошета; здѣсь-же можно видѣть и разрывныя пули; вонъ она ударилась о землю и произвела небольшую вспышку, — ужасная, варварская вещь: самая ничтожная рана этой пулей причиняетъ невыносимыя муки; но, говорятъ, турки употребляютъ ихъ только для пристрѣлки, чтобы лучше видѣть паденіе пули и черезъ это лучше управлять стрѣльбой; однако мнѣ приходилось видѣть множество раненыхъ именно этими пулями. Вонъ граната ударила въ бокъ лошади, и всю разнесла; сосѣдняя лошадь съ перебитой ногой, прыгая, силится вырваться изъ упряжи; ѣздовой отдѣлался легкимъ ушибомъ при паденіи. Вонъ фейерверкера убили; а тамъ банникъ валится, хватаясь за щеку и обливаясь кровью. «Носилки! Санитаровъ!» слышенъ крикъ;—нѣтъ ни того, ни другаго. Раненые валяются по землѣ, нѣкоторые въ предсмертной агоніи; а вонъ тотъ ѣздовой, пробитый насквозь въ животъ осколкомъ гранаты, подбираетъ кишки и проситъ зашить животъ: «Братцы, у меня иголка въ

шапкѣ: зашейте животъ, ради Христа». Не стану описывать дальнѣйшихъ картинъ, и этихъ достаточно.

Казачья батарея, стоявшая нѣсколько вправо отъ насъ, взяла на задки и уѣхала; положеніе стало еще хуже; еще нѣсколько минутъ, и полубатарея наша не будетъ въ состояніи отступить.

Въ это время прискакалъ адъютантъ съ приказаніемъ отступать; это спасло всѣхъ отъ неминуемой гибели. Подбитые ящикъ и передокъ брошены. Нѣкоторые убитые остаются еще на мѣстѣ—не хватаетъ носилокъ, да и санитары боятся идти: вѣдь турки имѣютъ прекрасное обыкновеніе стрѣлять по санитарамъ. Генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе, подъѣзжая къ нашей батареѣ, былъ раненъ очень сильно пулею въ голову, и общаго начальника не стало.

Въ это время стали подходить подкрѣпленія съ праваго фланга и съ тылу, наканунѣ отправленныя туда. Генералъ Комаровъ развертываетъ въ боевую линію свой маленькій отрядъ и дѣлаетъ наступленіе подъ личнымъ начальствомъ на одну изъ турецкихъ батарей. Турки до невозможности усиливаютъ свой огонь; половина баталіона, шедшаго въ атаку, легла на мѣстѣ, самъ Комаровъ раненъ въ бокъ, и изъ всего баталіона возвращается едва одна треть людей. Какъ видите, здѣсь не было общаго руководителя, и каждый отдѣльный начальникъ атаковалъ, когда находилъ нужнымъ; все дѣлалось врознь, и поэтому вмѣсто общей сильной атаки происходили частныя попытки переходить въ наступленіе; одинъ атаковалъ, другой отступалъ, а третій, ничего не дѣлая, смотрѣлъ на нихъ обоихъ.

Турки дѣйствительно начинаютъ обходить насъ съ праваго фланга и производятъ по всей линіи рядъ сильныхъ наступательныхъ движеній. Завязывается жестокій бой на нашемъ правомъ флангѣ; наши не уступаютъ ни на шагъ, и хладнокровно отбиваютъ всѣ бѣшеныя атаки турецкой пѣхоты.

Еще при началѣ нападенія турокъ, въ обозѣ нашихъ глав-

ныхъ силъ распространился слухъ, будто нѣсколько тысячъ баши-бузуковъ обходятъ насъ съ тыла. Армяне-торговцы и маркитанты въ паническомъ страхѣ, бросая свои лавочки и и припасы, кидаются по дорогѣ въ Александрополь, а тутъ безъ нихъ наши милиціонеры грабятъ что попало; одинъ тащитъ ящикъ съ кишмишемъ, другой бурдюкъ съ водкой, третій бурку, шашку, словомъ что попало.

Въ подкрѣпленіе къ нашему отряду приходитъ ускореннымъ маршемъ Мингрельскій полкъ Кавказской гренадерской дивизіи, и вмѣстѣ съ владикавказцами атакуютъ Кизилъ-Тапу съ лѣваго фланга. Храбро идутъ эти боевые полки, презирая всякую опасность, и съ неимовѣрными усиліями занимаютъ часть горы; нѣсколько разъ отбитые, они наконецъ прочно утверждаются тамъ за камнями; между тѣмъ силы турокъ растутъ непомѣрно; они посылаютъ на угрожаемый пунктъ роту за ротою и, какъ видно, ни за что не хотятъ отдать обратно эту гору. Всѣ ихъ подкрѣпленія должны были проходить по одной лощинѣ, которая отлично обстрѣливалась съ нашей батареи и съ позиціи 3-й батареи 39-й артиллерійской бригады; нѣсколько турецкихъ колоннъ такъ и не прошли куда слѣдовало, остановленныя огнемъ шестнадцати орудій. Бой въ самомъ разгарѣ. Вдругъ одинъ турецкій ящикъ взорванъ нашими выстрѣлами: бѣлый громадный столбъ дыму поднимается кверху, и вся наша боевая линія оглашается радостнымъ торжествующимъ крикомъ «ура!» У турокъ видимо переполохъ. Въ свою очередь турецкая граната попадаетъ въ переднюю сторону нашего ящика и, разорвавшись, зажигаетъ паклю, которою обиваются снаряды; въ ящикѣ два съ половиною пуда пороху, и взрывъ кажется неминуемъ; всѣ въ ужасѣ сторонятся отъ ящика, но въ это время, перекрестившись, къ нему бросается канониръ Ефимъ Колесниковъ, и одинъ за другимъ выбрасываетъ всѣ девять мѣшковъ съ зарядами; тутъ уже быстро явилась вода и ящикъ былъ спасенъ.

На лѣвомъ флангѣ турки тоже энергически наступаютъ на нашу кавалерію, которая, смѣшавшись, старается удержаться, но неравенство силъ велико и турки мало по малу начинаютъ тѣснить ихъ.

Къ счастью, въ это время генералъ Девель, наканунѣ отправленный къ селенію Кигачъ для защиты переправы, съ двумя полками и одной батареей сильно атакуетъ турокъ во флангѣ и заставляетъ ихъ отступить назадъ. Къ тремъ часамъ дня бой затихъ; приказано было отступить на дальнія позиціи и ждать особыхъ приказаній; ждали генерала Девеля, чтобы произвести одновременное наступленіе съ двухъ сторонъ, и такимъ образомъ вырвать у турокъ эту злосчастную Кизилъ-тапу; но не знаю почему это не состоялось. Отступая, пришлось мнѣ быть зрителемъ трагедіи разыгрывавшейся на перевязочныхъ пунктахъ. Главное дѣйствующее лицо—докторъ, съ разстегнутымъ воротникомъ, съ руками запачканными въ человѣческой крови, копается въ ранахъ со своимъ ланцетомъ или съ зондомъ; скрежетъ, крикъ и стонъ! Нѣсколько раненыхъ на окровавленныхъ носилкахъ корчатся, стонутъ и просятъ скорѣе перевязать ихъ; тамъ смертельно раненый въ грудь разрывной пулей: надъ нимъ священникъ со крестомъ и евангеліемъ, исповѣдуетъ его, накрывая епитрахилью, раненый смотритъ оловянными, помутившимися глазами и тяжело дышетъ: рядомъ съ нимъ молодой красивый солдатикъ, съ русой бородкой клиномъ, корчится въ предсмертныхъ судорогахъ, хватаясь за животъ: вотъ онъ вытянулся, захрипѣлъ и закрылъ глаза. Ужасная, раздирающая сцена! Увидѣвъ это, человѣкъ становится не такимъ удалымъ и безшабашнымъ, имѣя передъ собою послѣдствія боя и сопряженныя съ ними страданія и ужасы.

Вечеромъ, когда стало уже темнѣть, мы окончательно отступили на другія позиціи и заняли линію Караялъ-Огузлы-Байрахтаръ и Уч-Тапа. Этотъ бой не прошелъ для насъ безполезно, научивъ насъ быть не такими самонадѣянными; слѣд-

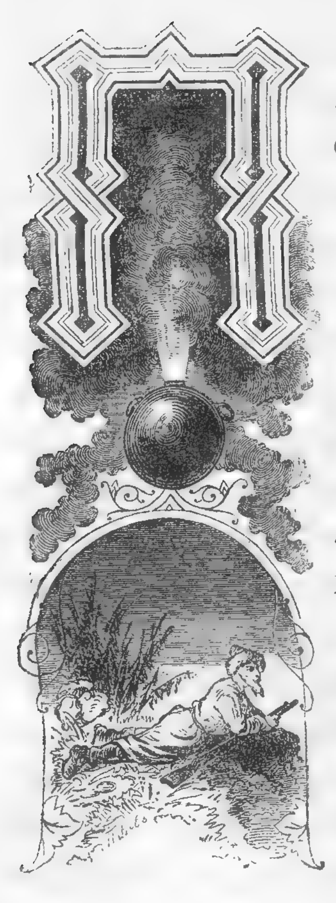
ствіемъ этого было то, что мы укрѣпили свою позицію рядомъ траншей и батарей, и зорко слѣдили за правильнымъ отбываніемъ аванпостной службы.

Не могу пройти молчаніемъ того, какъ глупо турки вели бой въ тотъ день. Когда они захватили Кизилъ-Тапу, передъ ними были только два полка пѣхоты и двѣ батареи, кромѣ кавалеріи, которой было очень немного; если-бы они сдѣлали серьозное наступленіе, то могли-бы истребить эти два полка и двѣ батареи, тѣмъ болѣе, что на пути нашего отступленія былъ почти непроходимый оврагъ, такъ что мы оказались-бы припертыми тыломъ къ оврагу; но Мухтаръ-паша не рѣшился это сдѣлать, хотя, какъ потомъ оказалось, всѣ его генералы настаивали на томъ, чтобы продолжать наступленіе, такъ удачно начатое. Кромѣ того, туркамъ слѣдовало насъ обходить не съ праваго фланга, а съ лѣваго, который у насъ совершенно не былъ укрѣпленъ, именно они должны были занять Уч-Тапу и утвердиться на ней, что они могли-бы прекрасно сдѣлать, такъ какъ въ этомъ направленіи, какъ я уже сказалъ, дѣйствовала только одна наша кавалерія. Мухтаръ-паша, впрочемъ, это въ концѣ понялъ, и ходили слухи, что 16-го Августа, т. е. на третій день послѣ описаннаго боя, онъ намѣренъ былъ насъ снова атаковать, и именно Уч-Тапу, но, узнавши, что она прочно занята нами, не рѣшился на это. Какъ-бы то ни было, турки могли изъ этого дѣла, начавшагося такъ удачно для нихъ, извлечь гораздо большія выгоды, если-бы они продолжали наступать на насъ не давая намъ опомниться. И дѣйствительно, у насъ послѣ этого боя былъ страшный безпорядокъ въ отрядѣ, но впрочемъ духъ войска ничуть не перемѣнился: русскій солдатъ въ бѣдѣ не унываетъ, ни робѣетъ, напротивъ, прямо смотритъ въ глаза грозящей опасности; въ этомъ ему и враги не откажутъ.

В. М.-Ж.

Бой 20, 21 и 22-го Сентября.

Потерпѣвшіе неудачу въ сраженіи 13-го августа у Кизилъ-Тапы, мы принуждены были отступить на другія, болѣе выгодныя позиціи, и занять линію отъ Караяла до Уч-тапы. Вначалѣ, когда еще были свѣжи впечатлѣнія минувшаго неудачнаго боя, укрѣпленія дѣлались съ какою-то лихорадочною поспѣшностью и безъ опредѣленнаго плана, тѣмъ болѣе, что со дня на день ждали вторичнаго нападенія турокъ. Впрочемъ этотъ переполохъ мало по малу улегся, все приняло свой обычный видъ, и тогда началось раціональное и прочное укрѣпленіе нашей позиціи. Повсюду появились хорошія батареи, траншеи для стрѣлковъ и даже отдѣльныя сомкнутыя укрѣпленія. Два фланговыхъ пункта: Караялъ и Уч-тапа были особенно хорошо заняты и укрѣплены, такъ что очевидно турки ничего не могли предпринять, не могли повторить нападенія, ибо навѣрное потерпѣли-бы рѣшительную неудачу. Аванпостная служба была поставлена на болѣе правильныхъ началахъ: въ цѣпь высылались сильные отряды кавалеріи и пѣхоты, иногда съ артиллеріей, назнача-

лись дежурныя части на самой позиціи, а главное не стали пускать въ аванпостную цѣпь однихъ дагестанцевъ, а непремѣнно съ казаками или драгунами.

Вообще надо замѣтить, что бой 13-го августа былъ такимъ моментомъ, съ котораго, если такъ можно выразиться, началась новая эра, когда мы хватились за умъ и начали вести дѣла осторожнѣе, осмотрительнѣе, когда наконецъ мы увидѣли, что съ турками шутки въ сторону, что когда имъ представится случай, то и они съумѣютъ имъ воспользоваться.

Унылый и угрюмый видъ нашего лагеря мало по малу сталъ оживляться; вечеромъ, послѣ дневнаго зноя, слышалась веселая полковая музыка, тамъ и сямъ ухорски откалывали трепака, гремѣли живые солдатскіе хоры съ ихъ постоянными выкрикиваніями, словомъ все приняло обычную физіономію и развеселая, удалая жизнь опять вступила въ свои права. Снова открылось множество ресторановъ, большихъ и малыхъ, трактировъ и простыхъ духановъ (въ родѣ нашихъ кабачковъ).

Рѣкой льются вино и водка, а взамѣнъ того русскія деньги льются въ тугонабитые кошельки торговцевъ, маркитантовъ, духанщиковъ - армянъ и т. п. отрядныхъ пьявокъ. Неудачный исходъ боя 13-го августа приписывали отчасти несогласіямъ нашихъ генераловъ и, какъ говорили, для прекращенія ихъ въ отрядъ пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и принялъ лично командованіе отрядомъ; незнаю, несогласія ихъ прекратились или нѣтъ, но порядку въ отрядѣ стало гораздо больше.

По мѣрѣ того какъ укрѣплялась наша позиція, мы опять стали надоѣдать туркамъ безпрерывными нападеніями на ихъ аванпостную цѣпь, стали все сильнѣе и сильнѣе безпокоить, и по преимуществу ихъ правый флангъ.

Были образованы особыя команды охотниковъ, спеціальнымъ занятіемъ которыхъ было систематически безпокоить турокъ и привлекать ихъ вниманіе на правый флангъ съ тою

цѣлью, чтобы они не такъ зорко слѣдили за лѣвымъ флангомъ, гдѣ собственно и находился ключъ всей позиціи, гора Авліаръ. Не проходило ни одного дня, чтобы охотники чего нибудь не выкинули: то вырѣжутъ нѣсколько кавалерійскихъ постовъ; то ворвутся чуть не въ лагерь къ туркамъ и надѣлаютъ тамъ страшную суматоху; то нападутъ на сомкнутыя части, служащія поддержками кавалерійской или пѣхотной цѣпи, словомъ не давали туркамъ покою ни днемъ, ни ночью; они однажды вырѣзали сплошь цѣлую турецкую роту, сами не потерявъ ни одного человѣка. При этихъ ночныхъ нападеніяхъ самое дѣятельное участіе принимали дагестанскіе всадники—лихіе наѣздники и головорѣзы; вмѣстѣ съ казаками или драгунами, незамѣтно подобравшись поближе къ туркамъ, съ дикимъ, страшнымъ гиканьемъ стремглавъ кидаются они въ шашки, начинается жестокая рукопашная свалка, потомъ горячее преслѣдованіе и грабежъ. При этомъ бываютъ иногда презабавныя сцены; такъ однажды въ подобномъ нападеніи, когда наши налетѣли какъ ураганъ, турки поспѣшно дали тягу, только одинъ изъ нихъ, растерявшись совершенно, вскочилъ на лошадь, которая была привязана къ колу, и сталъ кружиться, воображая, что онъ скачетъ.

Не могу пройти молчаніемъ объ одной командѣ охотниковъ подъ начальствомъ извѣстнаго Саматъ-аги. Этотъ Саматъ родомъ Бурчалинскій татаринъ *), смѣлый и предпріимчивый человѣкъ, прежде былъ страшнымъ разбойникомъ, и со своей шайкой свирѣпствовалъ и наводилъ ужасъ во всемъ Закавказьи; два раза онъ былъ ссылаемъ въ каторжную работу, и два раза бѣгалъ оттуда; наконецъ, отправившись въ Турцію, ограбилъ тамъ почту и попался опять, былъ посаженъ въ тюрьму и бѣжалъ оттуда къ намъ, въ Россію; тутъ открылась минувшая война, и онъ, явившись съ повинною, просилъ, чтобы ему

*) Около Тифлиса есть одинъ татарскій округъ, подъ названіемъ Бурчала.

позволено было искупить на войнѣ свои прежніе грабежи и разбои. Онъ со своими неустрашимыми сподвижниками дѣйствительно хорошо послужилъ нашему оружію и совершалъ часто подвиги. по истинѣ достойные удивленія. Не было такого дѣла, не было такого предпріятія, на которае не рѣшился-бы Саматъ; при томъ надо замѣтить, что ему, какъ человѣку умному, твердому, неустрашимому, почти всегда все удавалось. Средняго росту, коренастый, съ умнымъ и энергическимъ профилемъ, онъ сразу производилъ хорошее впечатлѣніе, сразу видно было, что у этого человѣка желѣзная воля и характеръ, что онъ умѣетъ подчинять окружающихъ и что на него смѣло можно положиться. Отъ Саматъ-аги и его шайки никогда ни днемъ, ни ночью туркамъ не было покою; гдѣ что разъузнать, вырѣзать-ли нѣсколько кавалерійскихъ постовъ, произвести-ли тревогу, или отвлечь вниманіе на другой пунктъ—все это самымъ прекраснымъ образомъ, умно и смѣло совершалъ Саматъ; нѣсколько разъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей пробирался онъ сначала черезъ кавалерійскую, потомъ пѣхотную цѣпь, забирался въ самый лагерь турокъ, рѣзалъ, убивалъ и грабилъ; голова его не разъ оцѣнена была въ турецкомъ лагерѣ, до того онъ имъ насолилъ. Однажды онъ забрался за главную турецкую позицію, за Аладжу, и сжегъ тамъ склады фуража и провіанта. словомъ Саматъ былъ неоцѣнимый человѣкъ для нашего отряда. и его умѣли цѣнить: онъ получилъ всѣ четыре георгіевскихъ солдатскихъ креста, нѣсколько разъ получалъ денежныя награды, наконецъ за свои заслуги былъ произведенъ въ прапорщики милиціи, а впослѣдствіи получилъ офицерскій георгіевскій крестъ. Онъ былъ разъ двадцать раненъ, но при его сумашедшемъ счастіи отдѣлывался легкими ранами; онъ никогда не ходилъ въ госпиталь для перевязокъ, а употреблялъ свои доморощенныя средства, и его живучая, здоровая натура легко переносила всѣ невзгоды, сопряженныя съ его бурной и неутомимой дѣятельностью.

И у турокъ былъ свой Саматъ, не менѣе лихой и предпріимчивый наѣздникъ, по имени Михрали: онъ со своей шайкой дѣйствовалъ по преимуществу около Ардагана, набиралъ тамъ кавалеристовъ для турецкой арміи, и не разъ давалъ правильныя сраженія нашему Ардаганскому отряду.

Цѣлый рядъ нападеній, иногда очень сильныхъ, имѣлъ цѣлью мало по малу привлечь большую часть турецкихъ силъ на ихъ правый флангъ и тѣмъ ослабить лѣвый, гдѣ находился путь отступленія къ Карсу. Такъ 1-го сентября завязалось довольно сильное дѣло, въ которомъ участвовали два нашихъ полка, батарея и нѣсколько полковъ казаковъ и драгунъ. Двѣ турецкія полевыя батареи, сопровождаемыя густыми стрѣлковыми цѣпями, лихо наступали на наши ряды, но, отбитыя и преслѣдуемыя, они опять отступали подъ прикрытіе орудій, расположенныхъ на окружающихъ высотахъ. Наши, достаточно напугавъ турокъ, отступили назадъ на свои позиціи.

Жизнь текла своимъ чередомъ, мирно, спокойно, безъ особенныхъ треволненій, къ намъ подходили мало по малу полки 1-й гренадерской московской дивизіи; мы очевидно собирались съ силами, чтобы дать туркамъ рѣшительный бой. Однажды мы были сильно удивлены орудійными выстрѣлами въ турецкомъ лагерѣ; присмотрѣвшись хорошенько, можно было убѣдиться въ томъ, что турки стрѣляютъ не холостыми зарядами; потомъ говорили, что Мухтаръ-паша приказалъ усмирить баши-бузуковъ и черкесовъ, которые взбунтовались и требовали выдачи жалованья.

Еще дня за два или за три до 20-го сентября, когда состоялся рѣшительный бой, стали ходить темные слухи о скоромъ нападеніи на турокъ, которые, спустившись со своихъ горъ, раскинули лагерь въ трехъ пунктахъ: около Большихъ Ягновъ на лѣвомъ флангѣ, за Кизилъ-Тапой—въ центрѣ и у горы Инахъ—на правомъ флангѣ; они хорошо вооружили и укрѣпили Кизилъ-Тапу, поставивъ туда орудія большихъ калибровъ

и изрывъ всю вдоль и поперекъ прекрасными стрѣлковыми траншеями. Вообще позиція турокъ была отлично укрѣплена, но главный ея недостатокъ, который и былъ причиной катастрофы 3-го октября, это слишкомъ большая растянутость, вслѣдствіе чего въ каждомъ пунктѣ можно было ее прорвать, направивъ туда достаточное количество силъ.

19-го числа, т. е. наканунѣ боя, пришло приказаніе приготовить трехдневный запасъ сухарей, мяса и фуража, и ждать особыхъ приказаній.

Весь отрядъ нашъ раздѣленъ былъ на четыре части, изъ которыхъ колонна полковника Шелковникова должна была идти въ обходъ турецкой позиціи и ударить съ тылу; вторая колонна, полковника Амираджибова, состоявшая изъ двухъ полковъ и двухъ батарей, должна была демонстрировать противъ Кизилъ-Тапы и отвлекать туда возможно больше силъ; третья колонна, самая главная, состоявшая подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, взявши Большія-Ягны, должна была ударить на главный турецкій пунктъ — гору Авліаръ, и тѣмъ рѣшить ходъ боя; наконецъ четвертая колонна, генерала Комарова, атаковала гору Малыя-Ягны, самую близкую къ Карсу и очень сильно укрѣпленную. Общій резервъ состоялъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шатилова; всѣмъ лѣвымъ крыломъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, а правымъ генералъ-лейтенантъ Роопъ.

Рядомъ постоянныхъ нападеній на правый турецкій флангъ мы дѣйствительно успѣли обмануть турокъ и сосредоточить ихъ силы преимущественно около Кизилъ-Тапы, но съ другой стороны сдѣлали большую ошибку, пославъ въ обходъ только пять баталіоновъ пѣхоты. Ну что могла сдѣлать эта ничтожная горсть людей, совершенно отрѣзанныхъ отъ главныхъ силъ, въ тылу такой громадной арміи, которою располагалъ Мухтаръ-паша? Кромѣ того, не были приняты мѣры для обезпеченія людей отъ жажды, ибо большая часть мѣстности, на

которой приходилось дѣйствовать и вести бой, совершенно лишена воды. Вечеромъ, когда стемнѣло, приказано было валить палатки, укладывать обозъ и выступать въ предназначенные пункты. Нашей батареѣ пришлось дѣйствовать въ отрядѣ полковника Амираджибова.

Для охраны нашего лѣваго фланга служила гора Уч-тапа, очень сильно укрѣпленная и прочно занятая нашими войсками. Всѣ остальныя силы потянулись ночью на правый нашъ флангъ, чтобы къ разсвѣту сосредоточиться и ударить на турокъ. Уходя съ позиціи велѣно было зажечь костры съ цѣлью замаскировать нашъ уходъ и не дать возможности догадаться о нашемъ наступленіи по внезапному исчезновенію свѣта.

Подъ покровомъ темной южной ночи производилась усиленная дѣятельность: батареи, сопровождаемыя пѣхотой и кавалеріей, глухо гремѣли своими громадными колесами по каменистой мѣстности, тамъ и сямъ хлопотали надъ укладкой обозовъ, лазаретные фургоны съ красными крестами на бѣломъ фонѣ мрачно слѣдовали за войсками, отдѣльные всадники-адъютанты и ординарцы шныряли во всѣ стороны, развозя приказанія; вся эта лихорадочная поспѣшная дѣятельность слабо освѣщалась мерцающимъ свѣтомъ разведенныхъ костровъ. Всѣ разговоры ведутся шепотомъ, хотя въ томъ нѣтъ никакой надобности, вездѣ видно напряженное состояніе нервовъ, вездѣ ожиданіе близкаго кроваваго боя.

Такимъ образомъ мы шли почти цѣлую ночь, и только къ разсвѣту стали подходить къ Кизилъ-Тапѣ со стороны Караяла. Приходилось двигаться по мѣстности сплошь усѣянной камнями. Турки упорно молчатъ, хотя мы въ сферѣ ихъ орудійнаго огня. Первый выстрѣлъ послѣдовалъ съ Малыхъ Ягновъ по войскамъ генерала Комарова. Мы уже встали на позицію, а турки все молчатъ; на батарею пріѣзжаетъ командиръ 40-й артиллерійской бригады полковникъ Вейсфлогъ и поговоривши съ начальникомъ отряда, приказываетъ опять взять

на передки и съ посаженной прислугой выѣхать рысью на болѣе близкую дистанцію.

Наша стрѣлковая цѣпь медленно наступаетъ, и мы, ставъ на новую позицію, оказались шаговъ на полтораста впереди ея. Вдругъ внезапно, какъ изъ воды вынырнувши, явились турки, и съ неистовымъ крикомъ «Алла! Алла!» бросились на батарею, на бѣгу стрѣляя, не цѣлясь.

— Орудіе заряжай картечью! пронеслась громкая, спокойная команда полковника Вейсфлога. Живо все было сдѣлано, и картечь съ визгомъ и урчаніемъ полетѣла къ туркамъ, рикошетируя и поднимая пыль. Какъ видно, это имъ не особенно, понравилось, они на мигъ остановились, но потомъ опять бросились къ намъ; въ это время наша стрѣлковая цѣпь съ громкими криками ура кидается на выручку. Турки поспѣшно отступаютъ. По всей вѣроятности это была какая-нибудь рота, составлявшая резервъ аванпостовъ; увидя одинокую совершенно беззащитную батарею, она хотѣла воспользоваться случаемъ; но эта излишняя предпріимчивость для нихъ кончилась печально, ибо они принуждены были поспѣшно убраться, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Послѣ этого мы уже спокойно стояли на позиціи, обстрѣливая Кизилъ-Тапу и близь лежащія укрѣпленія.

Въ то-же время отрядъ генералъ-лейтенанта Геймана наступалъ на Большія-Ягны, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ взялъ таки наконецъ приступомъ эту гору. Уже въ это время турки догадались, что главная наша атака направлена не на Кизилъ-Тапу, а скорѣе на лѣвый флангъ и на гору Авліаръ. Видя, что отрядъ генералъ-лейтенанта Геймана угрожаетъ главному ключу всей ихъ позиціи, турки быстро стали стягивать свои силы къ этому пункту; цѣлыя батареи карьеромъ и баталіоны бѣглымъ шагомъ отъ Кизилъ-Тапы стремились къ Авліару, стараясь занять его до прихода нашихъ главныхъ силъ. Между тѣмъ наши войска, утомленныя только

что бывшимъ штурмомъ, страдающія отъ жажды въ этой совершенно безводной мѣстности, съ трудомъ подвигались впередъ, тѣмъ болѣе, что надо было спускаться и подниматься на крутыя горы, и кромѣ того выбивать непріятеля изъ его многочисленныхъ окоповъ. Генералъ - лейтенантъ Гейманъ приказалъ наконецъ остановить наступленіе, и послалъ извѣстіе къ Главнокомандующему о томъ, что войска просто умираютъ отъ жажды, и просилъ распоряженія о доставкѣ воды на позицію. Отъ сильной жажды на страшномъ солнцепекѣ люди часто падали въ обморокъ и нѣкоторые умирали, особенно сильно пострадали солдаты 1-й гренадерской московской дивизіи, такъ какъ эти люди, пришедшіе прямо изъ Москвы, изъ своихъ хорошо, даже отлично, устроенныхъ казармъ, не выдерживали всѣхъ лишеній суровой боевой дѣятельности. Тотчасъ-же было сдѣлано распоряженіе доставить войскамъ воду въ громадныхъ бочкахъ и бурдюкахъ; но моментъ уже былъ пропущенъ, и съ этихъ поръ стало ясно, что наше дѣло проиграно! Турки успѣли предупредить насъ и крѣпко засѣли въ своихъ неприступныхъ позиціяхъ.

Также неудачна была попытка атаковать Малыя-Ягны. Еще съ разсвѣтомъ наши войска пошли на штурмъ, но всѣ попытки ихъ были тщетны, такъ какъ эта гора была прекрасно укрѣплена и занята многочисленнымъ и храбрымъ гарнизономъ, кромѣ того атакѣ сильно мѣшали вылазки изъ Карса, которыя дѣйствовали намъ во флангъ. Три раза наши войска ходили на штурмъ, и приближались чуть не на пятьдесятъ шаговъ, но каждый разъ были отбиваемы страшнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Впрочемъ главной причиной нашей неудачи на этомъ пунктѣ было то, что войска были посланы на приступъ прежде чѣмъ артиллерія могла хорошо обстрѣлять позицію; это элементарное правило тактики было забыто и слѣдствіемъ этого произошла неудача. Вообще надо сказать, что на артилле-

рію мало обращали вниманія, не массировали, а разбивали ее по-батарейно, или даже и по-взводно. Тамъ, гдѣ артиллерія была массирована, какъ напримѣръ 3-го октября, мы получали прекрасные результаты и успѣхъ былъ гарантированъ.

Часовъ въ одиннадцать утра на самой верхушкѣ Аладжи показался дымъ, и тамъ завязался бой,—это отрядъ турецкой позиціи. Оправившись отъ перваго переполоха, и обезпечивъ главный свой пунктъ, турки выслали противъ Шелковникова значительныя силы и начали тѣснить его. Отчаянно защищаясь, эта горсть людей отступаетъ шагъ за шагомъ, обливая кровью каждый клочекъ уступаемой земли. Ужасающее неравенство силъ было до того велико, атаки турокъ были до того стремительны, что наши не успѣвали подбирать убитыхъ и раненыхъ, а баши-бузуки и черкесы налетали, и здѣсь-же на глазахъ у всѣхъ рѣзали, добивали и грабили нашихъ раненыхъ героевъ. При всемъ численномъ превосходствѣ, турки не рѣшались ударить въ штыки, и преслѣдовали только убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Потерявъ болѣе двухъ третей своего состава, этотъ отрядъ, ничего не сдѣлавъ, принужденъ былъ возвратиться назадъ, и еще хорошо, что онъ съумѣлъ выбраться изъ такого критическаго положенія. Согласитесь, посылать пять баталіоновъ въ обходъ страшной непріятельской позиціи, на которой засѣло до пятидесяти тысячъ непріятеля, было неосторожно, между тѣмъ это было сдѣлано, и только благодаря нерѣшительности турокъ, благодаря нашему герою-солдату, нашъ отрядъ могъ уплести ноги, хотя и съ большими потерями.

Къ полудню стало ясно, что наше дѣло проиграно, что турки успѣли предупредить рѣшительный моментъ и, совершенно оправившись, ждали нашего наступленія; благоразуміе заставляло отложить рѣшительныя дѣйствія, и выбрать другое болѣе благопріятное время для повторенія боя.

Между тѣмъ войска генералъ-лейтенанта Геймана, подъ личнымъ начальствомъ этого храбреца, производили отчаянныя атаки на Субботанъ и Хадживали; завязался упорный, страшный бой за обладанie этими аулами, наши войска съ безпримѣрнымъ самоотверженiемъ и мужествомъ, какъ бѣшеные, рвались впередъ, но не имѣя за собой поддержекъ и встрѣчаемые адскимъ огнемъ, устилали всю мѣстность своими трупами. Турки не выходили изъ своихъ окоповъ, а поддерживали только безпрерывный огонь изъ своихъ Пибоди. Утомленные рядомъ страшныхъ приступовъ, войска наши отступили, завязавъ перестрѣлку съ турецкой цѣпью. То-же происходило и съ отрядомъ генерала Комарова.

Ободренные нашими неудачными приступами, турки мало-по-малу стали переходить въ наступленie отъ Кизилъ-Тапы на отрядъ полковника Амираджибова и во флангъ войскамъ генералъ-лейтенанта Геймана. Густая турецкая цѣпь въ два ряда показалась изъ-за Кизилъ-Тапы и поддерживаемая нѣсколькими турецкими батареями, начала быстро наступать.

Двѣ батареи въ отрядѣ полковника Амираджибова открыли огонь картечными гранатами; ихъ частый и мѣткiй огонь видимо произвелъ сильное замѣшательство въ рядахъ непрiятеля; второй рядъ стрѣлковъ куда-то совсѣмъ сократился, центръ турецкой цѣни, на который по преимуществу и былъ направленъ огонь, разорвался, многie бросились назадъ; нѣсколько офицеровъ, управлявшихъ наступленiемъ, съ саблями на голо старались удержать бѣгущихъ; въ бинокль при отличномъ солнечномъ освѣщенiи все это прекрасно было видно. Лѣвый флангъ турецкой цѣпи поспѣшно бросился впередъ и занялъ оврагъ впереди Кизилъ-Тапы около аула Кюльверанъ; началась сильная перестрѣлка съ нашей цѣпью; правый флангъ наступавшей цѣпи былъ окончательно остановленъ и разсѣянъ, прежде чѣмъ могъ что нибудь сдѣлать. Положенie нашей батареи стало несравненно хуже, потому что до того времени

намъ приходилось считаться только съ турецкими батареями, а теперь къ намъ полетѣла цѣлая масса пуль, производившихъ большія потери въ людяхъ и лошадяхъ.

Мѣстность, на которой мы стояли, была совершенно открыта, такъ что турки стрѣляли просто на выборъ въ отдѣльныхъ людей; подойдемъ къ орудію повѣрять наводку, и солдаты увѣряютъ, что пули сильнѣе летятъ, такъ какъ турки мѣтятъ въ офицеровъ. Пули съ рѣзкимъ свистомъ и шипѣньемъ, какъ шмели, несутся около ушей, и удивляешся, какъ это ни одна изъ нихъ не задѣнетъ тебя. Вотъ солдатикъ усталый и вспотѣлый, подноситъ снарядъ къ орудію, но, вдругъ, вскрикнувъ, падаетъ на колѣни, пораженный на вылетъ въ грудь: онъ тяжело дышетъ, что-то силится сказать и, наконецъ захрипѣвъ и вытянувшись, валится окончательно. Около него другой, впрочемъ легко раненный въ ногу, прыгаетъ на одной ногѣ, неистово взывая о помощи. Тамъ, дальше, фейерверкъ съ оторваннымъ плечомъ, какъ снопъ рухнулъ навзничь: онъ возится, стонетъ и какъ-то вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Часамъ къ четыремъ вечера бой значительно стихъ, и только иногда слышались глухіе перекаты орудійныхъ выстрѣловъ и рѣдкая дробь ружейной пальбы. Мы остались на своихъ позиціяхъ и не отступили ни на шагъ. Красный дискъ заходящаго солнца своими косыми лучами освѣщаетъ эту величественную картину. Высокія горы отбрасываютъ длинныя, рѣзкія тѣни, и все мало-по-малу закутывается быстро наступающею южной ночью.

Въ то время, пока все отдыхаетъ утомленное недавнимъ боемъ, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу нашего и турецкаго вооруженія, конечно не вдаваясь въ большія подробности. Вообще надо сказать, что самыя большія потери происходятъ отъ ружейнаго, а не отъ артиллерійскаго огня: этотъ послѣдній имѣетъ больше моральное значеніе. Турки обладая прекрасными

ружьями системы Пибоди, обыкновенно засыпали насъ пулями и тѣмъ причиняли громадныя потери, хотя они и плохо цѣлятъ. Конечно, ружья, которыми была вооружена наша пѣхота, не могли соперничать съ турецкими ружьями, потому что изъ нашихъ стрѣлять можно было только на 600 шаговъ, тогда какъ изъ Пибоди болѣе чѣмъ на 2,000 шаговъ. Скорость заряжанія, дальность, мѣткость, простота устройства доведены въ этихъ ружьяхъ до высокой степени совершенства. Единственный недостатокъ этихъ ружей состоитъ въ слѣдующемъ: стрѣльба въ цѣпи, какъ извѣстно, производится лежа; стрѣлокъ старается укрыть себя за мѣстными закрытіями, за камнями и вообще не показываться непріятелю, между тѣмъ, при отпираніи замка Пибоди, необходимо скобу оттянуть внизъ довольно значительно, слѣдовательно ему необходимо все ружье приподнять и тѣмъ обнаружить себя; совершенно другое въ нашихъ берданкахъ: тамъ затворъ скользитъ, и нѣтъ надобности приподнимать ружье при заряжаніи; этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняются отчасти тѣ громадныя потери, которыя турки обыкновенно несли въ открытомъ бою съ нашими войсками. Наши ружья Крынка до того плохи сравнительно съ ружьями Пибоди, что иногда войска шли на штурмъ не стрѣляя (это было при взятіи Карса); къ этому надо прибавить, что турки расходовали свои патроны въ неограниченномъ количествѣ, тогда какъ нашему солдату на весь бой давалось опредѣленное, и притомъ весьма ограниченное число ихъ; доставка въ цѣпь патроновъ тоже весьма неудовлетворительна, ибо патронные ящики, представляя большую цѣль, почти никогда не доходили до цѣпи, и патроны приходилось доставлять въ небольшомъ числѣ въ мѣшкахъ; у турокъ патроны доставлялись на вьюкахъ, что конечно гораздо практичнѣе. Характеръ нынѣшнихъ войнъ таковъ, что все дѣло зависитъ отъ массы огня, сосредоточеннаго въ данное время на данномъ пунктѣ; и чѣмъ больше эта масса огня, тѣмъ успѣхъ вѣроятнѣе; это

отлично понимали турки и дѣйствовали сообразно съ этимъ принципомъ, чѣмъ и объясняются наши чудовищныя потери подъ Плевной.

Кстати здѣсь-же скажу нѣчто о нашихъ орудіяхъ. Мое мнѣніе таково, что наша 9-ти фунтовая пушка ничѣмъ не уступаетъ турецкимъ дальнобойнымъ орудіямъ въ мѣткости, настильности и дальности стрѣльбы. Но она имѣетъ большой недостатокъ, состоящій въ томъ, что она очень сильно портится отъ собственныхъ выстрѣловъ; такъ напримѣръ въ бою 13-го августа въ нашей батареѣ испорчено было четыре орудія, а послѣ 21-го сентября еще три, такъ что въ два боя перемѣнились почти всѣ орудія батареи, не выпустивъ и двухсотъ снарядовъ на каждое жерло. Это особенно относится къ орудіямъ Брянскаго арсенала. Упомяну здѣсь-же, что пули въ нашихъ картечныхъ гранатахъ слишкомъ малы и не производятъ почти никакого дѣйствія на большихъ дистанціяхъ. Послѣ разбитія арміи Мухтара-паши мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ турецкимъ офицеромъ, бывшимъ во время боя 20-го сентября на Кизилъ-Тапѣ; мы стрѣляли по этой горѣ съ разстоянія около полуторы тысячи саженей, и, по его словамъ, пули не производили почти никакого дѣйствія; если пуля попадетъ въ физіономію, тогда, конечно, немного попортитъ ее, но вообще пули были недѣйствительны, особенно при высокихъ разрывахъ.

Ночь прошла совершенно спокойно; обѣ стороны сильно утомились и понесли значительныя потери; у насъ тогда въ одинъ день выбыло изъ строя около трехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Если принять во вниманіе незначительность всего нашего отряда, то эта цифра окажется въ дѣйствительности не такъ мала, какъ это съ перваго раза кажется.

Вотъ уже семь часовъ, уже совершенно свѣтло, а бой все еще не начинается; противники стоятъ лицомъ къ лицу въ напряженномъ состояніи съ оружіемъ въ рукахъ, и не рѣшаются

что нибудь предпринять. Все тихо, совершенно тихо. Но вдругъ раздается гдѣ-то выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и пошла потѣха: какъ будто плотину прорвало. Несмолкая, адская дробь бѣшеной ружейной пальбы, время отъ времени прерываемая глухими раскатами орудійныхъ выстрѣловъ, разлилась по всей линіи. Турки въ этотъ день гораздо смѣлѣе и предпріимчивѣе. Около полудня большія непріятельскія колонны стали собираться въ центрѣ около ауловъ Субботанъ и Хадживали и, сопровождаемыя густыми стрѣлковыми цѣпями, начали наступать на отрядъ генералъ-лейтенанта Геймана. Наши войска, передъ тѣмъ усиленныя нѣсколькими баталіонами и батареями, стойко встрѣтили стремительный натискъ турецкой пѣхоты; дружные, выдержанные залпы съ близкихъ дистанцій видимо разстроили турокъ и заставили ихъ обратиться въ поспѣшное бѣгство; наши яростно преслѣдовали почти до самыхъ окоповъ; все поле было усѣяно турецкими трупами, и вообще эта дерзкая попытка стоила имъ очень дорого. Испытавъ неудачу въ центрѣ, они попробовали счастья въ другомъ мѣстѣ. Уже сильно вечерѣло, когда замѣтили значительныя массы турокъ за Кизилъ-Тапой; во всѣ концы къ начальникамъ полетѣли ординарцы съ извѣстіемъ объ угрожающемъ положеніи на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Этотъ флангъ былъ слабѣйшій въ нашей линіи, и если-бы наступленіе турокъ не было замѣчено, то Богъ вѣсть чѣмъ все это кончилось-бы для насъ. Но къ счастью были сдѣланы быстрыя и энергическія распоряженія о присылкѣ подкрѣпленій и объ отпарированіи этого новаго удара. Нѣсколько баталіоновъ пѣхоты усиленнымъ маршемъ незамѣтно подошли къ намъ и расположились за нашими двумя батареями, выславъ впередъ стрѣлковъ для усиленія цѣпи. Турецкая пѣхота густыми массами стала наступать, поддерживая бѣглый и живой огонь изъ своихъ Пибоди. Правый ихъ флангъ бѣгомъ огибалъ насъ и старался взять во флангъ. Наша пѣхота лежитъ впереди, не производя ни одного

выстрѣла; мы усиленно стрѣляемъ картечными гранатами. Турки уже близко, уже отчетливо видны отдѣльныя фигуры, еще минута, и они съ крикомъ «Алла! Алла!» бросаются въ атаку. Вдругъ наша цѣпь, какъ по мановенію волшебнаго жезла, даетъ убійственный залпъ, потомъ второй, третій; турки останавливаются, многіе изъ нихъ бѣгутъ назадъ; наша цѣпь съ громкими криками «ура» бросается въ штыки, вся линія турокъ въ смятеніи поворачиваетъ назадъ; ихъ офицеры, верхомъ, съ саблями на-голо, стараются удержать бѣгущихъ, но все напрасно: все въ разсыпную, бросая ружья, кидается на утекъ; наши съ яростью и остервѣненіемъ стрѣляютъ и колютъ кого возможно; пощады тутъ нѣтъ; и дѣйствительно, вся впереди лежащая мѣстность сплошь покрыта убитыми и ранеными. Съ трудомъ могли отозвать назадъ войска, остервѣненныя преслѣдованіемъ, разгоряченныя этимъ кровавымъ пиромъ, гдѣ смерть гуляетъ, съ адскимъ хохотомъ забирая тысячи жертвъ.

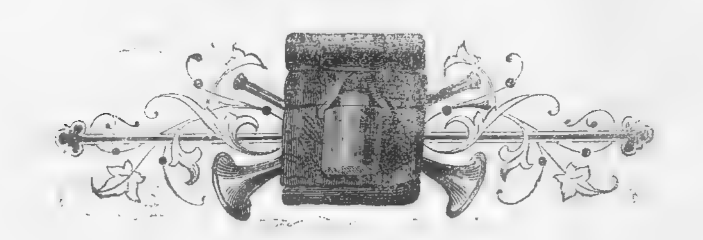
Мнѣ не разъ случалось читать такого рода разсужденія, что солдатъ, бросаясь въ атаку и наконецъ схватываясь въ рукопашную съ непріятелемъ, убиваетъ и колетъ его съ нѣкоторымъ отвращеніемъ и исполняетъ, это потому лишь, что это его прямая обязанность и долгъ. Такія разсужденія я помню высказывалъ какой-то офицеръ, участвовавшій при взятіи Горнаго-Дубняка. По моему мнѣнію, такой взглядъ на это показываетъ, что писавшій или никогда близко не видѣлъ атаки, или совершенно не понимаетъ человѣческой натуры. Солдатъ еще до рукопашнаго боя подвергаетъ ежеминутно свою жизнь опасности, рискуетъ быть убитымъ или раненнымъ, и еще до атаки обыкновенно страшно озлобляется; но вотъ онъ съ крикомъ ура бросается въ штыки; тутъ одинъ выборъ: иль побѣдишь, или самъ будешь побѣжденъ, иль со щитомъ, или на щитѣ; наконецъ, вотъ онъ! — недругъ, вотъ онъ! — душегубъ, начинается рукопашная бойня, съ обѣихъ сторонъ

употребляются нечеловѣческія усилія, чтобы побѣдить: руки, ноги, зубы—все пускается въ ходъ, и вотъ врагъ оплошалъ, его можно заколоть, или разможжить голову прикладомъ... И это ли онъ будетъ дѣлать съ отвращеніемъ⁈

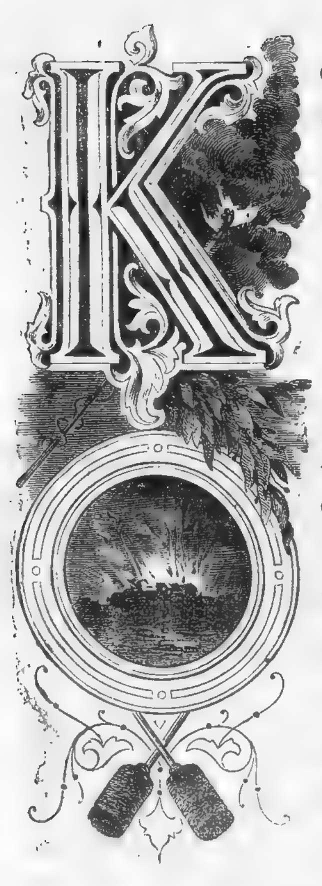
По моему мнѣнію, солдатъ, дорвавшись до непріятеля, становится кровожаднымъ, дикимъ звѣремъ, становится жестокъ, свирѣпъ и неумолимъ потому, что иначе и быть не можетъ...

Ночь прошла опять совершенно спокойно, опять мы оставались на своихъ позиціяхъ, а съ разсвѣтомъ затѣяли новый бой; но тутъ ничего замѣчательнаго не было, и мы вскорѣ окончательно отступили, не добившись никакихъ результатовъ въ продолженіи трехъ дней безпрерывнаго боя.

N.

Смерть графа Граббе.

Когда трепетъ предчувствія войны сталъ всеобщимъ чувствомъ въ Россіи, тогда всѣ когда-нибудь носившіе военный мундиръ бросили мирный очагъ и тихую жизнь отставки, чтобы снова вступить въ ряды войска.

Кому какъ не сыну знаменитаго атамана графа Павла Христофоровича Граббе, приходилось откликнуться въ числѣ первыхъ на призывъ Отечества подъ ружье? *И онъ* откликнулся однимъ изъ первыхъ.

Графъ Михаилъ Павловичъ Граббе жилъ въ кругу семьи, въ отставкѣ, и мирно занимался хозяйствомъ въ своемъ имѣніи, если не ошибаюсь, въ Тульской губерніи. Въ прошедшемъ у него была военная служба на Кавказѣ, гдѣ имя его связалось съ именами его двухъ братьевъ, графа Николая Павловича, имѣвшаго честь командовать Нижегородскими драгунами въ славные дни Кавказа, и младшаго брата, начавшаго тамъ службу, и геройски убитаго въ 1863 году, на зарѣ своей жизни, въ войнѣ съ инсургентами въ Царствѣ Польскомъ.

Какъ старый кавказецъ, графъ Михаилъ Павловичъ, вступивъ на случай войны вновь въ военную службу, отправился разумѣется на Кавказъ. Уѣзжая изъ деревни и прощаясь съ семьею, съ дорогою женою (дочерью знаменитаго Хомякова) и малолѣтными дѣтьми, графъ носилъ на лицѣ отпечатокъ одной изъ тѣхъ роковыхъ печалей, которыя подъ насильственною улыбкою и принужденнымъ видомъ спокойствія еще рельефнѣе и сильнѣе выступаютъ наружу, и нѣмою рѣчью говорятъ громче и зловѣщѣе всякихъ словъ. Онъ именно вырвался изъ объятій тихой и безоблачной жизни — какъ будто-бы видя предъ собою темную и грозовую даль.

Таковы были его чувства, и таковы были чувства его семьи. Но графъ Граббе не зналъ никогда, что значитъ колебаніе и уныніе. Онъ поѣхалъ на Кавказъ, и прибылъ въ Тифлисъ еще до открытія военныхъ дѣйствій.

По прибытіи на Кавказъ графъ Михаилъ Павловичъ въ чинѣ полковника получилъ немедленно назначеніе. Назначеніе это было скромно, но отказываться отъ него онъ не считалъ себя въ правѣ. На мѣсто одного изъ доблестныхъ кавказскихъ офицеровъ, Амилахвари, графъ Граббе въ апрѣлѣ былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда въ Кульпахъ, при сліяніи рѣки Араксы съ Арпачаемъ. Цѣль этого отряда должна была заключаться въ поддержаній сношеній при открытіи военныхъ дѣйствій между Александрополемъ и Эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова.

Тутъ графъ Граббе оставался до конца апрѣля. По полученіи приказанія отъ генерала Лорисъ-Меликова, графъ Граббе съ Кавказскимъ полкомъ занялъ безъ боя турецкій городъ Кыгызманъ, и затѣмъ снова вернулся въ Кульпы. Здѣсь онъ оставался недолго. Вскорѣ затѣмъ онъ отправился къ Баязету, а Кавказскій полкъ присоединенъ былъ къ главному дѣйствующему отряду Лорисъ-Меликова. Затѣмъ оставшись безъ дѣла, графъ Граббе передалъ себя въ распоряженіе

командира дѣйствующаго корпуса, и получалъ отъ него незначительныя порученія.

Когда предпринята была первая осада Карса, графъ Граббе назначенъ былъ траншей-маіоромъ, и пробылъ въ этой должности двадцать четыре дня, и за отличную распорядительность получилъ Владиміра 3-й степени, а за Граббевскую храбрость Георгія 4-й степени.

Въ несчастную эпоху Кавказской кампаніи лѣтомъ 1877 года графъ Граббе завѣдывалъ всею аванпостною линіею главнаго дѣйствующаго отряда; 30-го августа онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, и по прибытіи Московской гренадерской дивизіи назначенъ начальникомъ второй ея бригады, въ составъ которой входили полки Пермскій и Несвижскій.

Въ злополучные дни 20 и 21-го сентября на долю графа Граббе выпала одна изъ труднѣйшихъ задачъ. Получивъ командованіе отдѣльною колонною, графъ Граббе, долженъ былъ аттаковать Малыя-Ягны, и то же время воспрепятствовать турецкимъ отрядамъ получить подкрѣпленія изъ Карса. Насколько ему позволилъ общій ходъ дѣйствій этихъ двухъ дней на разныхъ пунктахъ и въ разныхъ отрядахъ, графъ Граббе блестящимъ образомъ исполнилъ свою задачу. Турецкій отрядъ выступившій изъ Карса былъ отброшенъ колонною графа Граббе, но Малыя-Ягны не могли быть взяты по причинамъ независившимъ, увы, отъ храбрыхъ войскъ графа Граббе, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ графъ Граббе зависилъ отъ тѣхъ начальствующихъ лицъ и тѣхъ отрядовъ, которые должны были дѣйствовать съ нимъ совмѣстно.

3-го октября, въ день блестящаго сраженія на Аладжинскихъ высотахъ и Авліара, графу Граббе пришлось быть въ резервѣ, и слѣдовательно почти въ бездѣйствіи.

Когда рѣшено было приступить къ осадѣ Карса вторично, и вопросъ о штурмѣ Карса самъ собою явился на очереди, что-то

странное произошло въ духовной жизни графа Граббе. Страшно мучительныя минуты злаго предчувствія, при которыхъ онъ прощался съ семьей въ деревнѣ, вернулись съ большею какъ будто силою. Мысль о штурмѣ Карса, какъ разсказывали близкіе графа, приводила его въ раздраженіе, и по выраженію одного изъ бывшихъ при немъ офицеровъ, онъ возненавидѣлъ эту мысль, и чѣмъ дальше онъ ее гналъ отъ себя, тѣмъ чаще онъ говорилъ о ней, и тѣмъ чаще повторялъ: «а все-таки я хочу идти на этотъ штурмъ». Настала эта роковая, ненавистная для графа Граббе минута. Какъ только рѣшено было штурмовать Карсъ, графъ Михаилъ Павловичъ опять таки съ улыбкою на лицѣ и съ безусловнымъ спокойствіемъ попросилъ себѣ одну изъ штурмовыхъ колоннъ.

Разумѣется онъ сейчасъ-же получилъ ее. Любовь и довѣріе къ нему солдатъ стали уже извѣстны по всему Кавказу, и вотъ съ какимъ-то лихорадочнымъ порывомъ восторга графъ Граббе приступилъ къ своему дѣлу. Уже 2-го ноября состоялось назначеніе штурмовыхъ колоннъ. Коллоннѣ графа Граббе назначено было штурмовать сперва Хафизъ а потомъ фортъ Канлы.

Въ составъ его колонны вошли: Перновскій полкъ Московской гренадерской дивизіи, Севастопольскій полкъ 19-й дивизіи и знаменитый первый Кавказскій стрѣлковый баталіонъ. Колонна эта раздѣлена была на два отряда: одинъ отрядъ долженъ былъ повести генералъ Вождакинъ, другой—самъ графъ Граббе.

Наканунѣ штурма графъ Граббе не разъ повторялъ: «ахъ, этотъ штурмъ: не сдобровать мнѣ съ нимъ, я это чувствую»,—и состоявшему при немъ адъютанту, офицеру Перновскаго полка Кедрову, далъ нѣсколько приказаній на случай своей смерти.

Въ девятомъ часу вечера 5-го ноября, въ свѣтлую, лунную, морозную ночь, графъ Граббе вышелъ изъ своего бивуака въ Кара-Джуранъ, и повелъ свою колонну быстрымъ шагомъ въ безусловной тишинѣ.

Графъ Михаилъ Павловичъ былъ на видъ веселъ и спокоенъ. Сбивши турецкіе аванпосты, войска храбро шли впередъ, но вмѣсто того, чтобы идти на укрѣпленіе Канлы, они взяли лѣвѣе, и въ скоромъ времени оказалось, что головная часть отряда графа Граббе, хотя и шедшая на огонь, но не на свой, соединялась съ войсками отряда штурмовавшаго Сувари. Немедленно графъ Граббе велѣлъ повернуть своимъ войскамъ и направился правѣе, подъ перекрестнымъ огнемъ изъ Канловъ направо и изъ Сувари въ тылъ—на Канлы.

Несмотря на этотъ убійственный огонь, войска быстро, весело и твердо пошли по новому направленію, и дойдя до первыхъ ложементовъ взяли ихъ штурмомъ на «ура»; графъ Граббе видя успѣхъ первыхъ дѣйствій своихъ молодцовъ, совсѣмъ повеселѣлъ и какъ будто позабылъ о своихъ предчувствіяхъ. Но, увы, не долго длились эти минуты. Взявши первые ложементы, войска очутились подъ страшнымъ съ обоихъ фланговъ огнемъ главныхъ фортовъ. Явилось нѣчто въ родѣ недоумѣнія: куда идти, что брать? Впереди страшное укрѣпленіе и сзади жарятъ въ штурмующихъ. Моментъ этотъ всегда страшенъ при штурмѣ, ибо если дать этому недоумѣнію продлиться, оно можетъ быстро перейти въ смущеніе, а затѣмъ въ панику, и тогда все пропало. Графъ Граббе замѣтилъ этотъ моментъ недоумѣнія, и въ одинъ мигъ бросился впередъ передъ своими солдатами, крикнулъ «ура», и указывая на залитое огнями выстрѣловъ укрѣпленіе, направился прямо къ главнымъ воротамъ.

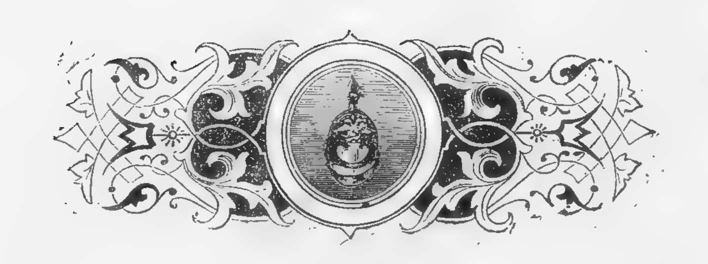
Войска мигомъ бросились за своимъ храбрымъ командиромъ... Но секунды двѣ-три спустя, ѣхавшій рядомъ съ графомъ офицеръ видитъ, какъ весь освѣщенный мѣсяцемъ графъ Граббе вдругъ дрогнулъ, поднялась какъ будто рука, чтобы тронуть грудь, но такъ и опустилась, и какъ тотчасъ-же затѣмъ онъ валится съ лошади... Къ нему бросились, но жизни уже не было. Роковое предчувствіе сбылось, и пока раздава-

лось первое побѣдоносное «ура» штурмующихъ колоннъ, подъ эти радостныя ура тихо замирали послѣднія хрипѣнія пробитой груди храбраго генерала...

Нужно-ли прибавить, что его славная смерть была оплакана кавказскимъ войскомъ? Да, именно кавказскія войска оплакали эту невознаградимую для нихъ потерю.

— Смерть такого генерала, какъ Граббе, затмила для Меня грустью весь праздникъ взятія Карса, сказалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и Я убѣжденъ, что всѣ его бывшіе солдаты и офицеры испытали то же чувство, какъ и Я.

В.

Двадцати-трехъ дневная оборона

Баязетской цитадели.

Рапортъ

Коменданта города Баязета Командующему Эриванскимъ отрядомъ на турецко-Кавказской границѣ. Сел. Игдыръ, 8 Іюля.

Сего іюня 5-го дня, послѣ отбитія наканунѣ куртинами до 1,000 головъ скота у жителей города Баязета, командующій войсками Баязетскаго округа потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ дать ему одну изъ ротъ гарнизона. 7-я рота 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, вмѣстѣ со 2-мъ баталіономъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка и тремя сотнями казаковъ, состоящихъ въ его распоряженіи, должны были отправиться съ нимъ 6-го числа въ 5 часовъ утра на рекогносцировку. Я противился назначенію этой роты, потому что гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ, изъ коихъ одна давала три взвода въ караулъ внѣ крѣпости, а одинъ взводъ выходилъ въ крѣпостной караулъ;

но подполковникъ Пацевичъ приказалъ этой ротѣ слѣдовать за нимъ на рекогносцировку. Получивши опять подобное приказаніе, я приказалъ командиру 7-й роты 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка капитану Лебедеву присоединиться къ колоннѣ подполковника Пацевича, въ полное его распоряженіе.

6-го іюня, въ 11 часовъ утра, была услышана за горой, въ сторонѣ Вана, дальняя перестрѣлка, а вскорѣ на гребнѣ горы показались казачьи коноводы, ведущіе лошадей спѣшенныхъ казаковъ, а вслѣдъ за ними быстро отступающая густая цѣпь стрѣлковъ, единовременно съ обоихъ фланговъ; шагахъ въ восьмистахъ отъ нихъ появилась непріятельская конница; я немедленно приказалъ полковнику Измаилъ-хану Нахичеванскому, прибывшему въ Баязетъ того-же дня въ 10 часовъ, съ тремя сотнями своего Эриванскаго конно-иррегулярнаго полка, отправиться по оврагу на поддержку нашего лѣваго фланга и для атаки праваго фланга противника во флангъ, что мѣстность позволяла сдѣлать почти незамѣтно для противника. При отступленіи цѣпи, появившейся на флангѣ, непріятель остался на тѣхъ-же мѣстахъ, не спускаясь ниже; едва цѣпь спустилась шаговъ на триста, какъ весь гребень горы на протяженіи до двухъ верстъ былъ усѣянъ густыми толпами непріятельской конницы, изъ которой одни пускали въ нашихъ градъ пуль, а другіе по-одиночкѣ подскакивали почти до самой цѣпи и, стрѣляя почти въ упоръ, удалялись обратно. Цѣпь наша быстро отступала, имѣя загнутые фланги. По мѣрѣ того, какъ цѣпь начала спускаться, непріятель сталъ сильно насѣдать, и уже не одиночными людьми, а массами; но въ то-же время непріятель приблизился на разстояніе нашего орудійнаго выстрѣла; первая-же граната, пущенная изъ нашего орудія, упала въ густую толпу непріятеля, и тамъ разорвалась; немедленно-же изъ другаго орудія была пущена граната, разорвавшаяся немного впереди другой толпы; двѣ эти гранаты сразу отбросили противника снова на самый гребень горы, и это дало воз-

можность нашей цѣпи остановиться и, примѣняясь къ мѣстности, отступать болѣе спокойно и съ болѣе мѣткимъ огнемъ. Меня начало удивлять; почему Измаилъ-ханъ не появляется на нашемъ лѣвомъ флангѣ, какъ тутъ же получаю донесеніе, что противникъ въ числѣ тысячъ до семи дѣлаетъ обходное движеніе по гребню Кизилъ-дага, дабы отрѣзать нашимъ отступленіе въ городъ. Измаилъ-ханъ сдѣлалъ быстрое передвиженіе влѣво, спѣшилъ свои сотни и, занявши хорошую позицію, мѣткимъ огнемъ пріостановилъ обходное движеніе непріятеля и удерживалъ его часа два на томъ-же мѣстѣ, и тѣмъ далъ возможность прибывшимъ и отдохнувшимъ ротамъ занять позицію на гребнѣ Кизилъ-дага и такимъ образомъ отступить въ крѣпость остальнымъ частямъ, которыя имѣли-бы возможность съ крѣпостныхъ стѣнъ прикрывать отступленіе ихъ. Крѣпостной караулъ, занятый 8-ю ротою Крымскаго полка, былъ немедленно, послѣ услышанной мною еще далеко перестрѣлки, замѣненъ вооруженною пересыльною частью, а этотъ взводъ посланъ на усиленіе цѣпи, стоящей ежедневно за городомъ, къ сторонѣ Вана; подъ прикрытіемъ этой цѣпи и нашихъ снарядовъ всѣ части прибыли въ крѣпость, и послѣ небольшаго отдыха были мною отсылаемы въ подкрѣпленіе частей, занимавшихъ вершины Кизилъ-дага и персидскія границы. Въ крѣпости оставлены были мною три роты и расположены на крѣпостныхъ стѣнахъ и по окнамъ для прикрытія отступающихъ съ послѣдней позиціи; орудія были расположены такъ, что обстрѣливали ванскую и персидскія дороги. Послѣднюю позицію наши удерживали три часа, и будучи обойдены слѣва еще не бывшей до сего времени въ дѣлѣ турецкою пѣхотой, въ количествѣ болѣе трехъ баталіоновъ, должны были отступить, что и сдѣлано было шагъ за шагомъ, и спокойно, часть за частью, вступили въ крѣпость, подъ прикрытіемъ находящихся на крѣпостныхъ стѣнахъ стрѣлковъ, мѣткіе выстрѣлы которыхъ заставили непріятеля остановиться внѣ выстрѣла.

Во время отступленія съ послѣдней позиціи по насъ дѣлаемы были выстрѣлы изъ домовъ части города куртинскаго населенія; выстрѣлы эти были дѣлаемы не только мужчинами, но даже и женщинами. До самой ночи 6-го числа внутри двора крѣпости мы были обстрѣливаемы съ окружающихъ высотъ. Ночью была поражающая картина, видя которую солдаты заплакали: рѣзали мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и еще живыми кидали ихъ въ огонь; весь городъ былъ объятъ пламенемъ, вездѣ раздавались крики, рыданія и стоны—это продолжалось три ночи; первую ночь свирѣпствовали куртины, но остальныя двѣ ночи свирѣпствовали вмѣстѣ съ куртинами и регулярная пѣхота, и кавалерія, и куртинскія женщины.

8-го іюня, съ появленіемъ у непріятеля артиллеріи, онъ бросился на штурмъ, но встрѣченъ былъ дружно и стойко, такъ что къ концу 2-го часа орудія наши перешли отъ картечи къ обыкновеннымъ гранатамъ. Послѣ отступленія штурмующихъ, осталось около крѣпости до 300 неподобранныхъ тѣлъ; двѣ ночи порывались подобрать ихъ турки и оставляли новыя жертвы; на 3-й день я письмомъ объявилъ непріятелю, что во время подборки тѣлъ по нимъ не будетъ сдѣлано ни одного выстрѣла.

Всѣ дни осады были похожи одинъ на другой. Цѣлый день съ высотъ, окружающихъ крѣпость съ трехъ сторонъ, сыпались пули, а съ 8-го іюня ежедневно отъ 40 до 80 орудійныхъ снарядовъ. Первые четыре дня дѣйствовали горныя орудія, остальное-же время—полевыя шести-фунтовыя. Сначала артиллерія противника не могла избрать себѣ позиціи, потому что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ должна была сниматься съ одной позиціи на другую, по причинѣ мѣткости нашихъ орудійныхъ выстрѣловъ; такъ продолжалось четыре дня, пока въ ночь на пятый день они не выбрали себѣ окончательно трехъ позицій, на высотахъ съ трехъ сторонъ крѣпости, изъ которыхъ одна позиція, съ которой обстрѣливался передній фасъ крѣпости, была недоступна нашимъ орудійнымъ выстрѣламъ; на этой батарейкѣ

было два орудія, изъ коихъ одно полевое шести-фунтовое, а другое горное; на высотахъ-же, съ праваго и лѣваго фаса крѣпости, устроены были батарейки на одно горное. Такъ какъ важнѣе всѣхъ для насъ была батарея съ фронта, то ночью этого же дня я приказалъ одно изъ нашихъ орудій разобрать по частямъ и внести въ комнату верхняго этажа, для чего въ соотвѣтствующей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ приказалъ сдѣлать частыя подпорки; окно, выходящее какъ разъ противъ этой батареи, послужило намъ амбразурою, и этимъ мы не разъ заставляли замолкать на время эту батарею. Во время ежедневной канонады, которую непріятель открывалъ по сигналу съ высотъ и городскихъ домовъ, во внутренніе дворы крѣпости, во всѣ окна и отверстія сыпался положительно градъ пуль; это дѣлали они для того, чтобы сберечь орудійную прислугу, которая страдала отъ рѣдкихъ, но мѣткихъ выстрѣловъ нашихъ стрѣлковъ; по прекращеніи канонады не прекращался ружейный огонь, обстрѣливавшій всѣ выходы изъ крѣпостныхъ строеній въ дворы даже ночью; вѣроятно у нихъ были для этого караулы; обстрѣливались два главныхъ выхода. Къ орудійнымъ снарядамъ противника гарнизонъ скоро привыкъ, и даже, когда ихъ снаряды пролетали мимо, то нѣкоторые изъ солдатъ, смѣясь, говорили: «что мимо, то спасибо»; солдаты положительно полюбили орудіе, которое было внесено въ комнату и которое прозвали они «старушкой», и когда открывалась канонада, то нѣкоторые весело говорили: «постой, кашлянетъ наша старушка, такъ тебѣ, османъ, не поздоровается». Это орудіе непріятельской гранатой нѣсколько попорчено, и едва не было совсѣмъ подбито.

Положеніе больныхъ во время осады было самое жалкое: по недостаточности помѣщенія для прибавляющихся ежедневно и прибавившихся въ большомъ количествѣ 6-го числа раненыхъ, была тѣснота; при недостаткѣ воды, больные не всегда имѣли горячую пищу, раны промывались

только первые два дня; бинты, по невозможности ихъ мыть, перемѣнялись рѣже, чѣмъ слѣдовало; но при всемъ томъ заботливость докторовъ и чиновъ госпиталя изобрѣтала средства замѣнять недостатокъ въ пищѣ, подкрѣпляла больныхъ разными средствами, и вслѣдствіе этого устранила могшую развиться какую-либо эпидемію; и при всемъ томъ, за всѣ двадцать три дня осады открылась гангрена только у четырехъ человѣкъ.

Такъ какъ гарнизонъ до осады довольствовали сухарями двое подрядчиковъ отъ интендантства, и сухарей этихъ хватило едва на довольствіе гарнизона, то я едва ко дню осады набралъ до 300 пудовъ сухарей, которые и сложилъ въ крѣпости и расходъ коихъ былъ отъ одного до четверти фунта на человѣка; но и этотъ запасъ за два дня до освобожденія истощился и на довольствіе гарнизона осталось 30 пудовъ ячменя, оставшагося отъ довольствія павшихъ артиллерійскихъ лошадей и отъ пяти-шести оставшихся въ живыхъ лошадей.

Сильнѣе всего ощущался недостатокъ воды: запаса, сдѣланнаго мною, хватило только на 5—6 дней. выдавая людямъ ва дня по крышкѣ, а четыре—по половинѣ крышки въ день; на больныхъ-же двѣ крышки въ день. При вылазкахъ, дѣлаемыхъ за водой, приносимое небольшое количество воды обходилось каждый разъ отъ 5 до 20 челов. ранеными и убитыми; вода-же, добываемая изъ текущаго въ трехстахъ шагахъ отъ крѣпости ручейка, въ первый день имѣла особый пріятный вкусъ, а на другой день имѣла запахъ разлагающагося мертваго тѣла; по выходѣ изъ крѣпости я могъ убѣдиться лично, что поперекъ этого ручья положено было непріятелемъ нѣсколько мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ и дохлаго рогатаго скота.

За все время осады мнѣ было сдѣлано восемь предложеній о сдачѣ: въ первыхъ трехъ письмахъ, въ случаѣ отказа, обѣщаніе уничтожить насъ, не щадя никого, а въ послѣднихъ были все мягче и мягче, но во всѣхъ требовали сложить оружіе. На

первое предложенiе я отвѣчалъ письменно только позволенiемъ убрать ихъ мертвыя тѣла; на второе и третье отвѣчалъ вѣжливымъ поклономъ пашѣ; на четвертое письмо я не отвѣчалъ вовсе и повѣсилъ переговорщика, такъ какъ это оказался бывшiй на жалованьи у прежняго коменданта, подполковника Ковалевскаго, лазутчикъ. На четыре слѣдующiя предложенiя я тоже отвѣчалъ поклономъ пашѣ, съ просьбой не безпокоиться о насъ; на послѣднее, самое выгодное предложенiе, я отвѣчалъ письменно:

«Если вы такъ сильно желаете взять крѣпость, берите насъ силою. *Русскiе живыми не сдаются.* По первому же высланному переговорщику прикажу стрѣлять».

Предложенiя эти о сдачѣ были подписаны: нѣкоторыя пашой Шейхъ-али и другими начальниками, одно безъимянное, одно подписано губернаторомъ Эрзерумскаго вилайета, Измаилъ-пашей, послѣднiя два предложенiя были подписаны Кази-Магома-Шамилемъ Дагестанскимъ.

Гарнизонъ, 6-го числа, до вступленiя въ крѣпость состоялъ изъ 5 штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ, 126 унтеръ-офицеровъ и 1461 рядоваго. Выбыло изъ строя съ 6-го по 29-е iюня: убитыми: 2 штабъ-офицера, 9 унтеръ-офицеровъ, 108 рядовыхъ. Ранеными: 8 оберъ-офицеровъ, 17 унтеръ-офицеровъ, 142 рядовыхъ. Осталось въ строю: 3 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 100 унтеръ-офицеровъ, 1211 рядовыхъ.

Убитые: 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка подполковникъ Пацевичъ, 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка капитаны: Гидуляновъ и Колоссовскiй, подпоручики: Терехинъ и Соколовскiй; 2-го Хоперскаго казачьяго полка сотникъ Бѣлый, 1-го Уманскаго казачьяго полка хорунжiй князь Джоржадзе, Эриванскаго конно-иррегулярнаго полка корнетъ Аманъ-ханъ-Нахичеванскiй и Елисаветпольскаго конно-иррегулярнаго полка прапорщикъ Богдасаровъ.

Приказы

по гарнизону крѣпости Баязета.

№ 1-й. 4-го іюня 1877 года. § 1. Въ виду могущей случиться осады крѣпости Баязета и отнятія воды изъ текущаго въ крѣпости родника, предлагаю смотрителю кавказскаго военно-временнаго № 11 госпиталя наполнять всю имѣющуюся у него свободную посуду, какъ-то: бочки, ванны, бадьи, котлы, и тому подобное, водою изъ крѣпостнаго родника, которую мѣнять чрезъ два дня; а командирамъ ротъ 7-й и 8-й 74-го пѣхотнаго Крымскаго полка предлагаю обязательно наполнять по вечерамъ всѣ солдатскіе котелки и ротные котлы водою, которую выливать по утрамъ. § 2. Предлагаю смотрителю того-же госпиталя вооружить ввѣренную ему госпитальную команду ружьями, состоящими при больныхъ, и въ случаѣ выхода, по мѣрѣ надобности, гарнизона, составлять прикрытіе артиллеріи и находиться на крѣпостныхъ стѣнахъ для прикрытія отступленія входящихъ въ крѣпость частей; а завѣдывающему двумя ротами 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка предлагаю вооружить, для той-же цѣли, имѣющихся въ его распоряженіи 50 человѣкъ пересыльныхъ нижнихъ чиновъ, для чего получить изъ склада двѣнадцать скорострѣльныхъ турецкихъ ружей и по 60 на нихъ патроновъ, а на остальныхъ взять оставшіяся лишнія ружья у смотрителя № 11 госпиталя. § 3. Предлагаю начальникамъ частей, находящихся въ гарнизонѣ города Баязета, приказать заложить всѣ окна камнями, оставить бойницы для ружей, и на крѣпостныхъ стѣнахъ наложить изъ камней закрытіе для стрѣлковъ. Командиру артиллерійскаго взвода сдѣлать изъ мѣшковъ, насыпанныхъ землею, закрытіе орудія, а прислугѣ мѣшки получить изъ склада.

№ 2. Іюня 6-го. § 1. На первомъ дворѣ располагается 2-й баталіонъ 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка, на второмъ

дворѣ располагаются двѣ роты 73 пѣхотнаго Крымскаго полка. три казачьи сотни и часть Эриванской милиціи. § 2. Караулы перваго двора на крѣпостныхъ стѣнахъ, у оконъ отхожаго мѣста и подваловъ, у воды и знамени 2-го баталіона занимаетъ дежурная рота Ставропольскаго полка. Караулы втораго двора на крѣпостныхъ веркахъ, у флага, у подвальныхъ оконъ и арестованныхъ занимаетъ дежурная рота Крымскаго полка; дежурная-же казачья сотня занимаетъ караулы по окнамъ надъ крѣпостными верками, въ мечети, въ минаретѣ, и вообще верхнія окна втораго двора, казачьи части даютъ по шести человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ отъ каждой сотни — 18 человѣкъ. которые добавляются къ караулу надъ воротами и ночью дѣлятся на три смѣны. § 3. За правильностью очереди караульныхъ частей Ставропольскаго полка наблюдать капитану Лебедеву, а казачьихъ частей — войсковому старшинѣ Кванину. § 4. Всѣмъ гг. офицерамъ дежурныхъ частей предлагаю находиться неотступно при своихъ частяхъ и какъ можно чаще провѣрять караулы. § 5. Всѣмъ частямъ денно и нощно быть расположенными на крѣпостныхъ дворахъ, на указанныхъ для этого мѣстахъ; частямъ-же, расположеннымъ на мѣстахъ, подверженныхъ ружейному и орудійному огню, уходить въ ближайшія, соотвѣтствующія размѣщенію казармы. Всѣмъ гг. офицерамъ расположиться при своихъ частяхъ, и быть при нихъ неотлучно какъ днемъ, такъ въ особенности ночью. § 6. Караулы, кромѣ крѣпостныхъ верковъ и у флага, смѣняются въ семь часовъ утра, а караулъ на крѣпостныхъ веркахъ, когда стемнѣетъ; гг. дежурнымъ являться ко мнѣ послѣ смѣны и когда стемнѣетъ. § 7. По случаю смерти подполковника Ковалевскаго отъ полученныхъ имъ сего числа ранъ, предлагаю принять завѣдываніе 2-мъ баталіономъ 74 Ставропольскаго полка капитану Гидулянову, а сему передать ввѣренную ему 5-ю роту для завѣдыванія въ строевомъ отношеніи капитану сего-же полка Колоссовскому. § 8. Въ виду неизвѣстности

продолжительности осады, и такъ какъ ни въ одной части нѣтъ восьмидневнаго сухарнаго запаса, уменьшаю дневную дачу сухарей на одинъ фунтъ, который получать изъ сдѣланнаго въ крѣпости запаса; а 2-му баталіону Ставропольскаго полка, имѣющему дачу сухарей по 7-е число сего мѣсяца, продлить по 9-е, съ котораго числа и начать получку сухарей изъ сдѣланнаго запаса. § 9. Такъ какъ, имѣвшійся въ крѣпости, родникъ воды забитъ (отнятъ) непріятелемъ, имѣющійся запасъ воды не слишкомъ великъ, прекращаю варку горячей пищи всѣмъ частямъ, кромѣ госпиталя, въ которомъ для этого сдѣланъ свой запасъ воды. Дача воды въ сутки по крышкѣ въ день на человѣка. § 10. Всѣ гг. офицеры и чиновники, находящіеся въ крѣпости, по неимѣнію запасовъ въ пищѣ, поступаютъ на сухарное и водяное довольствіе наравнѣ съ нижними чинами. § 11. Предлагаю всѣмъ начальникамъ частей доставить мнѣ наивѣрнѣйшія свѣдѣнія о числѣ раненыхъ и убитыхъ сего числа людей и казенно-подъемныхъ ротныхъ верховыхъ и собственныхъ офицерскихъ лошадей, и подобныя свѣдѣнія подавать ежедневно. § 12. Такъ какъ крѣпостныя ворота по ветхости своей пробиваемы пулями, а тѣмъ болѣе будутъ пробиваемы артиллерійскими снарядами, то для обезпеченія гарнизона отъ потери людей, приказываю съ завтрашняго числа заложить ворота камнями, для чего назначить отъ каждой части по десяти человѣкъ рабочихъ.

№ 3. Того же числа. Славные русскіе воины! Двадцатипяти-тысячный непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ и лишилъ насъ возможности сообщаться со своими, т. е. держитъ насъ въ осадѣ. Всякая выдержанная стойко, съ перенесеніемъ всякихъ трудовъ и лишеній, осада прославляетъ наше отечество, вѣру и оружіе, и въ особенности радуетъ нашего Батюшку-Государя, который никогда не забываетъ героевъ. Вы-же, выдержавши эту осаду, будете истинными героями, прославляемыми всею Россіей, потому что стойко держась въ

этой крѣпости, удерживаете хищническія толпы варваровъ непріятеля отъ вторженія въ предѣлы Эриванской губерніи, гдѣ онъ, въ случаѣ взятія крѣпости, предавалъ-бы все огню и мечу, не жалѣя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. По полученнымъ прежде свѣдѣніямъ, вся цѣль этой хищнической орды была: взять крѣпость Баязетъ и двинуться грабить Эриванскую губернію, которая осталась почти безъ войскъ, и вышло-бы то, что другіе отряды наши одерживаютъ блистательныя побѣды, а мы-бы, напротивъ, посрамились на вѣки, допустивши этихъ хищниковъ въ предѣлы нашего Отечества. Не забудьте и того, солдаты, что въ 1828 году дѣды ваши защищали эту же самую крѣпость двѣнадцать дней, перенося геройски всѣ труды и лишенія; память о нихъ не умерла и не умретъ на вѣки.

№ 4. Іюня 7. § 1. Убитыхъ вчерашняго числа на крѣпостныхъ дворахъ лошадей сбросить съ крѣпостныхъ стѣнъ, для чего дежурные по дворамъ должны назначить рабочихъ по своему усмотрѣнію; на будущее время предоставляю заботиться объ этомъ дежурнымъ по дворамъ. § 2. По невозможности довольствовать госпитальныхъ больныхъ, состоящихъ на 1-й ординарной порціи, хлѣбомъ, такъ какъ запасъ сдѣланъ только сухарями, предлагаю смотрителю военно-временнаго № 11 госпиталя довольствовать всѣхъ больныхъ бѣлымъ хлѣбомъ изъ заготовленной имъ для госпиталя муки и выдавать на больныхъ по полтора фунта въ день.

№ 5. Іюня 8. Могилы убитымъ и умершимъ отъ ранъ дѣлать въ подвалахъ, для чего дѣлать общую могилу, но копать ее глубиною въ двѣ сажени, послѣ-же опущенія тѣлъ, засыпанную землю утрамбовывать.

№ 6. Іюня 9. § 1. Приношу искреннюю мою благодарность гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ за геройски отбитый вчерашняго числа штурмъ. § 2. Порція воды уменьшается до половины крышки, такъ какъ запасъ воды быстро истощается,

а осада можетъ продлиться долго. § 3. Сего числа предать землѣ тѣло убитаго въ дѣлѣ 6 числа подполковника Ковалевскаго, могилу вырыть въ томъ-же подвалѣ, который отведенъ для похоронъ убитыхъ и умершихъ. § 4. Военный совѣтъ постановилъ: Для пополненія запаса воды сдѣлать сего числа ночью траншею отъ отхожаго мѣста до оврага, гдѣ протекаетъ ручей, для чего назначить прикрытіе отъ казачьихъ частей въ числѣ двадцати пяти человѣкъ, при урядникѣ, подъ командой офицера, а рабочихъ для рытья траншей отъ пѣхотныхъ частей по два человѣка отъ роты; завѣдывать работами по продѣланію траншеи поручаю капитану Гидулянову, коему явиться ко мнѣ для полученія инструкціи. Рабочіе для носки воды должны быть готовы и ожидать окончанія траншеи, чтобы приступить къ работѣ; имѣть при себѣ только такую посуду, которая не производила-бы шума, т. е. деревянныя ведра, бурдюки, желѣзныя ведра по одному на человѣка, но солдатскіе котелки строго воспрещаются.

№ 7. Іюня 10. § 1. При вчерашней ночной вылазкѣ за водой рабочіе производили много шума, чѣмъ привлекли непріятеля, который своими выстрѣлами изъ домовъ прекратилъ вскорѣ носку воды; поэтому предлагаю начальникамъ частей внушить людямъ, что чѣмъ это будетъ дѣлаться тише, тѣмъ дѣло будетъ идти успѣшнѣе. § 2. Такъ какъ запасъ воды въ госпиталѣ уничтожился, то раненые и больные поступаютъ на довольствіе водой изъ запаса, сдѣланнаго для гарнизона, и получаютъ утромъ и вечеромъ по одной крышкѣ на человѣка, всего двѣ крышки. § 3. Дневная дача сухарей уменьшается на полфунта.

№ 8. Іюня 11. § 1. Вчерашняго числа ночная вылазка за водою опять была неудачна, по причинѣ перекрестнаго обстрѣла траншеи непріятельскимъ огнемъ. Собранный военный совѣтъ предлагаетъ начальникамъ частей выбрать охотниковъ и сдѣлать сего числа дневную вылазку въ 5 часовъ пополудни,

для того чтобы прогнать засѣвшаго въ ближайшихъ къ ручью домахъ непріятеля, который уже два дня почти не показывается и два дня какъ прекратилъ артиллерійскій огонь. Вылазкой этой управлять войсковому старшинѣ Кванину.

№ 9. Іюня 12. § 1. Объявляю искреннюю мою благодарность гг. офицерамъ: сотнику Гвоздику, подпоручику Бассину и прапорщикамъ Латышеву и Волкову, участвовавшимъ во вчерашней вылазкѣ, нижнимъ чинамъ, охотникамъ и вообще всѣмъ начальникамъ частей. § 2. Изъ принесенной при вчерашней вылазкѣ воды выдать для больныхъ и раненыхъ для варки горячей пищи и для печенія хлѣба.

№ 10. Іюня 14. § 1. Дневная дача сухарей уменьшается съ завтрашняго числа на четверть фунта. § 2. Выдать госпиталю воды для варки пищи и печенія хлѣба для больныхъ и раненыхъ.

№ 11. Іюня 16. По случаю удачной вылазки за водой, выдать госпиталю на варку пищи и печенія хлѣба для раненыхъ и больныхъ.

№ 12. Іюня 17. § 1. Для описи оставшихся послѣ смерти отъ ранъ подполковника Пацевича вещей, назначается коммисія подъ предсѣдательствомъ войсковаго старшины Булавинова и членовъ: штабсъ-капитана Анопкина и поручиковъ Томашевскаго и Гапонова. § 2. Для сбереженія запаса сухарей на болѣе продолжительное время, единовременно съ вылазкою за водой назначить по нѣсколько человѣкъ отъ каждой части, для принесенія изъ оставленныхъ жителями домовъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, а потому обыкновенное прикрытіе изъ двадцати пяти человѣхъ увеличить до пятидесяти.

№ 13. Іюня 18. § 1. Сего числа похоронить въ подвалѣ, отведенномъ для этой цѣли, тѣло умершаго отъ ранъ 16 сего іюня подполковника Пацевича. § 2. По причинѣ удачной вылазки вчерашняго числа за водой и съѣстными припасами, дача сухарей на сей день отмѣняется. Нижнимъ чинамъ варить горя-

чую пищу изъ принесенныхъ припасовъ. Сего числа повторить вылазку съ цѣлью добыть съѣстныхъ припасовъ. § 3. Выдать воды госпиталю на варку пищи и печенiе хлѣба.

№ 14. Iюня 19. § 1. По случаю удачной вылазки вчерашняго числа за съѣстными припасами, дача сухарей на сей день не выдается; людямъ варить горячую пищу. § 2. Для госпиталя выдать воды на горячую пищу.

№ 15. Iюня 20. § 1. Прапорщикъ 73 пѣхотнаго Крымскаго полка арестовывается мною на трое сутокъ за нерадивое выполненiе своей обязанности какъ субалтернъ-офицера. § 2. Предупреждаю всѣхъ гг. офицеровъ, что каждый офицеръ, а въ особенности офицеры дежурной части должны быть самыми дѣятельными помощниками своихъ ротныхъ и сотенныхъ командировъ, и повиноваться безпрекословно всѣмъ ихъ приказанiямъ, въ противномъ случаѣ офицеръ, ослушавшiйся или нехотя выполнившiй приказанiе, будетъ преданъ суду. § 3. Для приведенiя въ извѣстность убитыхъ и павшихъ казенныхъ и собственныхъ офицерскихъ лошадей, а также утеряннаго и испорченнаго во время осады казеннаго имущества назначается коммисiя подъ начальствомъ полковника Измаилъ-хана Нахичеванскаго и членовъ: войсковаго старшины Кванина, капитана Гидулянова, капитана Лебедева, поручиковъ: Томашевскаго и Чикоидзе, сотника Гвоздика, поручика Горбакани и сотеннаго командира Эриванскаго конно-иррегулярнаго полка корнета Мамметъ-хана Нахичеванскаго и прапорщика Соколовскаго. Коммисiи этой приступить немедленно къ дѣлу и составить акты за прошедшее время, быть безъ перемѣны состава для той-же цѣли на будущее. § 4. Хотя вылазка вчерашняго числа была прекращена турецкой цѣпью, сухарная дача не выдается сего числа, по случаю имѣнiя въ частяхъ съѣстнаго запаса на сей день.

№ 16. Iюня 21. § 1. По случаю прекращенiя вчерашняго числа въ самомъ началѣ вылазки за водою и съѣстными при-

пасами, выдать гарнизону восьмую фунта сухарей. Больнымъ варить горячую пищу. § 2. Объявляю всему гарнизону, что сего числа я получилъ сообщеніе отъ начальника штаба Эриванскаго отряда о спѣшащей къ намъ помощи, которая поспѣетъ къ намъ не позже завтрашняго числа. § 3. Въ виду подобнаго сообщенія, предлагаю начальникамъ частей быть какъ можно бдительнѣе и осторожнѣе, и постоянно имѣть людей въ готовности. Офицерамъ дежурныхъ частей повѣрять какъ можно чаще караулы и находиться неотлучно при дежурныхъ частяхъ. § 4. Изъ произведеннаго дознанія о поступкѣ унтеръ-офицера 8-й роты 73 пѣхотнаго Крымскаго полка Петра Невинскаго, онъ оказался виновнымъ въ роспускѣ, по своей надобности, части караула, а потому, на основаніи предоставленной мнѣ власти, ст. 183, III части XXII кн. свода военныхъ постановленій, изд. 1869 года, разжаловываю названнаго унтеръ-офицера въ рядовые. Приказъ этотъ прочитать во всѣхъ частяхъ.

№ 17. Іюня 22. § 1. Замѣчено мною, что нѣкоторые изъ гг. офицеровъ ходятъ безъ оружія, и этимъ подаютъ дурной примѣръ нижнимъ чинамъ, потому, какъ тоже мною замѣчено, нѣкоторые нижніе чины переходятъ со двора на дворъ безъ ружей, а другіе даже и безъ подсумокъ. За подобное нерадѣніе я буду строго взыскивать. § 2. Вслѣдствіе рапорта смотрителя военно-временнаго № 11 госпиталя, старшій писарь Петръ Рыбчиновскій производится мною, на основаніи 183 ст. III части XXII книги, с. в. п., изд. 1869 года, въ унтеръ-офицерское званіе за его дѣйствительно усердную службу. Справка: Рапортъ смотрителя военно-временнаго № 11 госпиталя за № 431. § 3. По случаю пораненія хорунжаго 2-го Кавказскаго полка, князя Джорджадзе, команда его, состоящая изъ 24 казаковъ, прикомандировывается къ 1-й сотнѣ 2-го Хоперскаго полка.

№ 18. Іюня 23. По случаю неудавшейся вылазки за водой, выдать больнымъ по крышкѣ воды, а на остальной гарнизонъ по четверти крышки.

№ 19. Іюня 24. § 1. По случаю неудавшейся вчерашняго числа вылазки за водой, выдать больнымъ по крышкѣ воды, а остальнымъ по ложкѣ. § 2. Такъ какъ въ госпиталѣ нѣтъ печенаго хлѣба, по недостатку воды на печеніе онаго, выдать на каждаго больнаго по ¼ фунта сухарей, а для продовольствія гарнизона зарѣзать мою и и. д. плацъ-адъютанта подпоручика Ягніотковскаго лошадь, такъ какъ оставшееся небольшое количество сухарей необходимо для больныхъ. § 3. Баязетскіе герои! Вы достойны этого названія, потому что до сихъ поръ твердо и безропотно переносите всѣ лишенія, кои вы претерпѣваете, будучи заключены въ эту крѣпость. Крѣпитесь, друзья, крѣпитесь на будущія лишенія; предстоятъ еще большія; при томъ не теряйте надежды на освобожденіе; будьте увѣрены, что къ намъ спѣшатъ на выручку, но что непредвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ нашихъ освободителей. Во всякомъ случаѣ помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава нашего Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ, а не поддадимся на всѣ ухищренія нашего противника, предлагающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните, друзья, что Богъ насъ видитъ и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей Его, а потому Онъ насъ не оставитъ.

№ 20. Іюня 25. § 1. По случаю бывшаго ночью проливнаго дождя, набрана вся какая только была посуда водой, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ частяхъ, а потому на госпиталь получить сего числа по ¼ фунта сухарей и варить горячую пищу; въ части-же выдать по ½ пуда ячменя, истолочь его, сварить сего числа горячую пищу, зарѣзать для гарнизона одну изъ оставшихся живыхъ 4-хъ артиллерійскихъ лошадей. § 2. Сего числа вылазки за водой не дѣлать, что можетъ ослабить бдительность непріятеля и, благодаря вчерашней благодати Господней, избавить насъ отъ пролитія нашей крови, которою оплачивается каждая носка воды.

№ 21. Іюня 26. § 1. Больнымъ варить горячую пищу, выдать въ части по 1 пуду ячменя и зарѣзать артиллерійскую лошадь и тоже варить горячую пищу. § 2. Хотя есть небольшой запасъ воды, но для пополненія онаго сдѣлать сего числа вылазку за водой, но не по обыкновенію въ 9 часовъ, а въ 11. чѣмъ отвлечемъ вниманіе непріятеля.

№ 22. Іюня 27. § 1. Сего числа вылазку за водой сдѣлать опять въ 11 часовъ ночи. § 2. Госпиталю варить горячую пищу, для гарнизона зарѣзать обѣихъ оставшихся въ живыхъ артиллерійскихъ лошадей, и мясо это жарить, оставивъ имѣющуюся воду для питья.

№ 23. Іюня 28. § 1. При приближеніи прибывшихъ вчера нашихъ освободителей, выставить около флага знамя 2-го баталіона 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка и значки казачьихъ сотенъ. Всѣмъ частямъ, расположеннымъ на второмъ дворѣ, быть выстроеннымъ на крѣпостныхъ веркахъ; около флага пропѣть: «Боже, Царя храни», прокричать «ура». § 2. Объявляю душевную мою благодарность всѣмъ начальникамъ частей и гг. офицерамъ, а также и нижнимъ чинамъ за порядокъ, стойкость и безропотность во все время осады, а въ особенности я долженъ поблагодарить за неусыпную бдительность, труды и распорядительность завѣдывающаго 2-мъ баталіономъ 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка, капитана Гидулянова, который, будучи раненъ осколкомъ гранаты въ голову, оставался на своемъ посту; командира 2-й сотни 1-го Уманскаго казачьяго полка; войсковаго старшину Булавинова, и. д. плацъ-адъютанта поручика 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка Ягніотковскаго; командира 4 взвода, 4-й батареи, 19 артиллерійской бригады поручика Томашевскаго и адъютанта 2-го баталіона 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка подпоручика Соколовскаго. Не могу не высказать искреннѣйшую душевную благодарность смотрителю военно-временнаго № 11 госпиталя, штабсъ-капитону Анопкину, коммисару сего-же госпиталя поручику Горба-

кони, старшему врачу, коллежскому совѣтнику Сивицкому и прикомандированному къ сему госпиталю отъ 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка младшему врачу Китаевскому — за ихъ заботливость и уходъ за больными и ранеными, чѣмъ они и устраняли могущую случиться какую-либо эпидемію, такъ какъ больные находились при самыхъ наиневыгоднѣйшихъ условіяхъ. Также объявляю мою благодарность юнкеру 5-й сотни 1-го Уманскаго казачьяго полка Леониду Проскурѣ, завѣдывавшему сборными казачьими стрѣлками на самомъ слабомъ и опасномъ пунктѣ крѣпости и старшему фейерверкеру 4 взвода, 4-й батареи, 19-й артиллерійской бригады Якову Егорову и состоящему при мнѣ штатному переводчику Таги-бекъ Баграмбегову, которые во все время осады вели себя истинными героями.

Копіи.

№ 1.—Командующему въ Баазытской крѣпости.

Напосланное вамъ письмо до сихъ поръ никакого отвѣта неполучено, во время прежняго переговора а самъ здѣсь пріѣхалъ и узналъ о вашемъ положеніи и находящееся съ вами женщины тронуты человѣческимъ чувствомъ предлагаю вамъ изъ моей стороны во время сложенія оружія содержанія всѣхъ человѣческихъ условій и въ томъ не только изъ стороны правительства но и отъ сѣбя честнымъ моимъ словомъ увѣряю — время до завтра утра 7 часовъ извѣстія ожидаю. Генералъ Губернаторъ Ерзерумскаго Ваалета и Г: Камандиръ

Исмаилъ Паша.

24 іюня 1877.

№ 2.

Севодня и я присланы здѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта для увѣренія васъ что въ моей лично-

сти можетъ сложить оружіе и увѣряю васъ что вся ваша личность будетъ убезпечена и прежній поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительства срого поискиваетъ, и въ перодъ ничево подобнаго неповторится и я всѣ мои средства употреблю васъ честно сохранить отъ всѣхъ худыхъ послѣдствій если хотитѣ для переговора заутра пришлю моего родственика Собственнаго Его Величества конвоя адставной Ротмистеръ Даудиновъ объявитъ свое жиланіе заутра въ 7 часовъ утра. Генералъ Лейтенантъ Свиты Его Величества Султана.

Шамиль.

№ 3.

Отъ Главнаго Камандира разпоряженіе прислано еще разъ обратится къ Вамъ если оружіе сложитѣ мирно безъ бетъ Вамъ всѣмъ чесно по чинамъ забезпечено всѣ Ваши жиланіе,—

Вѣроятно вамъ извѣсно что не получитѣ никакой помощи. напрасно время не проводитѣ. мы знаемъ Ваши положеніе послѣ этого увѣряемъ Васъ что неостанется ни одного и послѣдствіе будетъ зависить отъ Васъ ожидаемъ отъ Васъ свѣденія до вечера находящися въ этой минутѣ и прислано для Вашего забезпеченія Полякъ Маіоръ I. Комеръ.

19 Іюля 1877.

Хотя нехотитѣ никакихъ условій однако моя обязаность еще разъ обращаюсь Вамъ, напрасно не ожидайте отъ своихъ ничего теперь а я имѣю разпоряженіе Васъ увѣрить отъ Правительства Турецкаго что вся вѣжливость будетъ сохранена.

Ахмедъ.

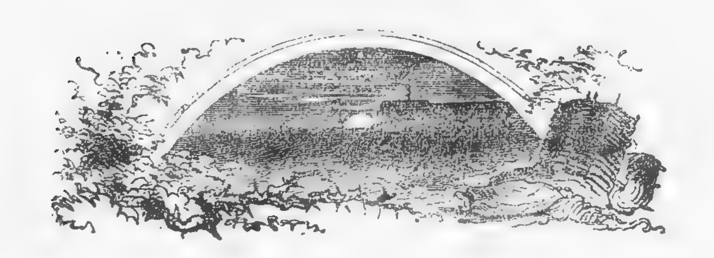
№ 4.

Вчера я Вамъ забылъ извѣстить о положеніи Закавказскаго войска Ге: Лорисъ Меликовъ имѣя желаніе свои войска соединить изъ Генераломъ Тергукасовымъ въ Ерзерумѣ

будучи побиты въ сраженіи Сованлы дагъ вернулся назадъ и одступилъ отъ Карса — какъ Г. Тергукасовъ въ будучи въ несколько сраженіи побѣденъ съ потерою около семи тысячи въ среду перешелъ границу—остались только вы въ этой крѣпости по тому я обращаюсь къ вамъ изъ чувствомъ чисто человѣческимъ чтобъ васъ избавитъ отъ очевидной потери и потому этое извѣстіе вамъ посылаю какъ съ тѣмъ и моего родственника ротмистра Даудова для словесаго переговора и вашего забѣзпеченія—еще разъ совѣтую вамъ напрасно не продолжайтѣ времени и присылайтѣ свои условія или каво нибудь для переговора. Генералъ Лейтенантъ Его Величества Султана Свиты,

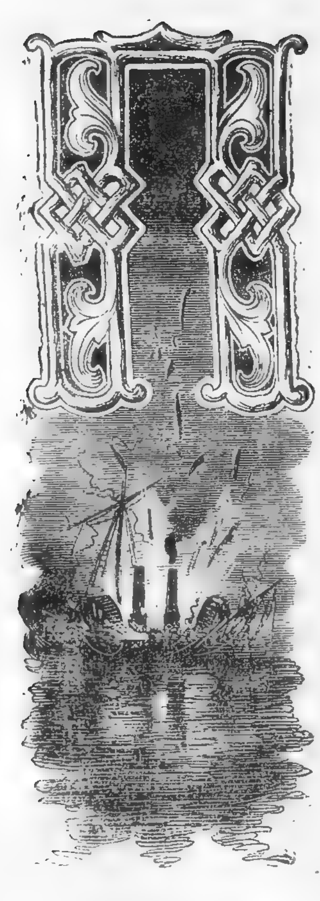
Шамиль.

25 Іюля 1877.
Баазытъ.

Морской Отдѣлъ.

Дѣло Дубасова и Шестакова.

одвигъ Дубасова и Шестакова кромѣ свѣтлаго историческаго значенія эпопеи, ознаменовавшей начало войны 1877 года, и примѣра беззавѣтной храбрости, озарившей славою нашихъ моряковъ—имѣетъ еще то важное историческое значеніе, что послужилъ вѣнцомъ дѣла, въ тишинѣ задуманнаго, скромно подготовленнаго нѣкоторыми изъ офицеровъ нашего флота, и торжественнымъ отвѣтомъ на вопросъ тогда, передъ началомъ кампаніи весьма спорный: можно-ли смиреннымъ катерамъ примѣнить мины къ битвѣ лицомъ къ лицу съ такими серьозными противниками, какъ турецкіе мониторы?

Въ Кишиневѣ и вокругъ него все кипѣло приготовленіями къ грозной войнѣ, ожидавшейся съ первыми лучами весенняго солнца.

Приготовленія эти посреди сосредоточенной полутораста-сысячной арміи были громадны: средства въ распоряженіи арміи для этихъ приготовленій были большія. Столь-же велики были и планы нетерпѣливо ожидавшейся кампаніи. Заряждаясь въ

кипѣвшей нетерпѣніемъ наконецъ-то сразиться съ турками молодой арміи, собранной во-едино, эти планы, это стремленіе не могли знать ни предѣловъ для своей предпріимчивости, ни границъ для своей грандіозности, ни мѣры для средствъ вести кампанію, и осуществить всѣ ея планы.

Нечто совсѣмъ иное представлять долженъ былъ міръ моряковъ.

Не широкъ былъ горизонтъ военной дѣятельности, не безпредѣльны могли быть ихъ планы, не свѣтла передъ войною и въ виду войны могла рисоваться передъ ними будущность, и нелегка могла казаться въ ней дорога къ славѣ.

Передъ ними рисовался громадный турецкій флотъ въ видѣ противника, а на вопросъ: что дѣлать въ случаѣ войны — могли только отвѣчать не какія нибудь общія стратегическія мѣры, не какой нибудь смѣлый и обширный планъ кампаніи цѣлой части войскъ, съ большими средствами подъ рукою, а только мечты одинокихъ такъ сказать мечтателей, строившихъ боевые планы съ характеромъ личныхъ воздушныхъ замковъ, личныхъ затѣй, носившихъ одинъ общій отпечатокъ и исходившихъ всѣ изъ одной главной мысли, изъ одного главнаго факта: неимѣнія флота. Были люди, но не было судовъ; а между тѣмъ бороться съ турецкимъ флотомъ было неизбѣжно, и необходимо, ибо для всѣхъ было ясно, что самый главный актъ войны—переправа черезъ Дунай, не могъ состояться безъ борьбы противъ турецкаго флота на Дунаѣ.

Этотъ міръ моряковъ, готовившійся къ войнѣ, представлялъ нѣсколько горстей людей и нѣсколько скромныхъ судовъ. Въ Одессѣ, Николаевѣ и Севастополѣ горсть Черноморскихъ моряковъ съ нѣсколькими судами въ распоряженіи жила такъ сказать двумя мыслями, или, вѣрнѣе, двумя мечтами. Представитель одной мечты, Барановъ, готовился съ хорошею артиллеріею на желѣзныхъ легкихъ судахъ идти въ одиночный бой съ броненосцами, при счастливой обстановкѣ одного къ

одному. Представитель другой мечты, Макаровъ самымъ усерднымъ образомъ разрабатывалъ минное дѣло, поставивъ себѣ задачею съ пароходомъ при миноносныхъ шлюпкахъ быть въ состояніи атаковать любое турецкое броненосное судно.

Другая горсть моряковъ была въ Кишиневѣ. и состояла изъ двухъ ротъ гвардейскаго экипажа и человѣкъ двухсотъ Черноморскаго отряда, призванныхъ въ распоряженіе Главнокомандующаго, съ спеціальнымъ назначеніемъ для Дунайскаго театра военныхъ операцій. Командиромъ одной изъ ротъ гвардейскаго экипажа былъ лейтенантъ Дубасовъ. И онъ, побывши не разъ въ школѣ Макарова, принадлежалъ къ числу одинокихъ мечтателей во флотѣ, посвятившихъ себя всецѣло идеѣ миноносной войны съ турецкимъ Дунайскимъ флотомъ. Въ распоряженіи своемъ эти двѣ роты гвардейскаго экипажа могли имѣть до тринадцати паровыхъ катеровъ; и вотъ, глядя на нихъ, и задавая себѣ вопросъ: можно ли, обративъ часть этихъ катеровъ въ миноноски, непосредственно атаковать турецкіе манниторы на Дунаѣ. кишиневскіе моряки сперва по одиночкѣ, а потомъ *сообща рѣшили* этотъ вопросъ такъ: *можно и должно.*

Но такого рода вопросы и такого рода отвѣты дѣлались почти въ тайнѣ, и не только не имѣли права претендовать на всеобщее къ нимъ вниманіе, но вызывали во многихъ улыбку, если не насмѣшки. то все-же сомнѣнія и сожалѣнія.

Оттого. какъ я говорилъ въ началѣ, рѣзокъ былъ контрастъ между готовившеюся къ войнѣ арміей и ея сложнымъ и безпредѣльно широко раскинутымъ міромъ заботъ, матеріальныхъ средствъ, приготовленій, съ ея отличными пушками, съ ея ружьями. въ которыя вѣра была всеобщая и твердая, въ особенности съ ея требованіями, получавшими немедленное удовлетвореніе, — гдѣ бы и кѣмъ они ни предъявлялись,—и между смиреннымъ и маленькимъ міромъ моряковъ, гдѣ каждая боевая идея, выходившая изъ предопредѣленной имъ за-

дачи служить для исполненія приказаній военно-сухопутнаго начальства, получала характеръ личной затѣи, идеи-fixe, и для осуществленія могла расчитывать на какія-нибудь экстраординарныя счастливыя случайности, и всегда налагала на представителя идеи крайне непріятную обязанность быть въ тягость тѣмъ, отъ которыхъ могло зависить выдавать средства на осуществленіе этой цѣли.

— А вы все съ вашими минами, говорили Макарову не безъ улыбки.

— А вы все съ вашими планами артиллерійскаго боя, говорили Баранову не безъ улыбки.

— А вы все съ вашими миноносными снарядами, говорили Дубасову не безъ улыбки...

Но само собою разумѣется, что чѣмъ менѣе могли моряки разсчитывать на всеобщее вниманіе и содѣйствіе къ тому, что называли ихъ затѣями, тѣмъ энергичнѣе они вырабатывали свои идеи, и тѣмъ цѣннѣе была для нихъ всякая помощь, случайно приходившая на выручку въ минуты затрудненій.

Помощь эту получилъ въ Кишиневѣ Дубасовъ непосредственно отъ Главнокомандующаго, послѣ краткой докладной записки, составленной Дубасовымъ, въ которой онъ указывалъ на необходимость имѣющіеся на лицо катера вооружить такъ, какъ ихъ вооружалъ въ Севастополѣ Макаровъ. Помощь, благосклонно оказанная Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, заключалась въ томъ, что Дубасову дали возможность приготовляться къ задуманному имъ дѣлу, и отпустили ему въ распоряженіе извѣстныя средства. Вслѣдствіе этого на первый разъ было вооружено и приготовлено изъ тринадцати катеровъ шесть; эти шесть катеровъ раздѣлены были на два отряда, по три въ каждомъ, съ спеціальною цѣлью немедленно по начатіи военныхъ дѣйствій быть спущенными на Дунай и оперировать съ минами. За тѣмъ, въ одинъ изъ вечеровъ, въ Кишиневѣ, Дубасовъ прочелъ въ частномъ домѣ

лекцію о минныхъ катерахъ въ примѣненіи къ атакѣ на мониторы, собралъ извѣстное количество слушателей изъ моряковъ-товарищей, и этимъ достигъ того, что однихъ сроднилъ со своею идеей, а для другихъ сдѣлалъ ту-же идею менѣе дикою, разъ что она высказана была громко и публично, и нашла себѣ большое число прозелитовъ.

Но вотъ наступила наконецъ нетерпѣливо жданная и всѣми желанная минута начала похода. Одними изъ первыхъ въ Апрѣлѣ двинуты были къ Дунаю, какъ самые нужные, моряки. Главнымъ и первоначальнымъ пунктомъ ихъ сосредоточенія стало прибрежье Нижняго-Дуная, противъ Силистріи, вокругъ Браилова.

Здѣсь весьма естественно идея о минахъ загорѣлась сильнѣе, какъ только запахло турецкимъ флотомъ, и дымки ихъ мониторовъ и пароходовъ стали видны на горизонтѣ. Тутъ-же Дубасовъ сошелся съ весьма горячимъ поклонникомъ той-же идеи—даровитымъ и молодымъ офицеромъ Балтійскаго флота Шестаковымъ, и съ этой минуты они дали слово во что бы то ни стало эту завѣтную идею осуществить, и при первомъ удобномъ случаѣ атаковать турецкій мониторъ съ тѣмъ чтобы взорвать его минами.

Удачный выстрѣлъ съ нашей береговой батареи въ Браиловѣ, затопившій 29-го апрѣля первый турецкій мониторъ, зажегъ, такъ сказать, рѣшимость въ морякахъ не только приступить къ дѣлу какъ можно скорѣе, но даже немедленно. Замѣчательно, что въ тотъ самый моментъ, когда первый турецкій мониторъ, въ глазахъ всего Браилова, взлеталъ на воздухъ отъ столь удачнаго выстрѣла мортирной батареи № 3, недалеко отъ тонувшаго монитора стояли и виднѣлись другія турецкія суда. Въ этотъ моментъ въ морякахъ родилась мысль немедленно на катерахъ атаковать эти турецкія суда, такъ какъ съ одной стороны впечатлѣніе паники и страха должно быть на турецкихъ судахъ громадное, а съ другой стороны,

часть команды этихъ судовъ была озабочена спасеніемъ команды взорваннаго монитора. Дубасовъ уже садился на свой катеръ, Шестаковъ прилеталъ тоже. Отовсюду слетались моряки. Первый катеръ уже отваливалъ, когда прискакалъ къ берегу казакъ и передалъ письменное приказаніе пріостановить задуманную атаку.

Дубасовъ снялъ флагъ съ тонувшаго турецкаго монитора. и не трудно понять, что этотъ флагъ въ рукахъ моряка жегъ ему руки, и страстнѣе чѣмъ когда-либо сдѣлалъ въ душѣ его рѣшимость такой-же флагъ сорвать съ монитора. имѣющаго тонуть отъ его рукъ, отъ его минъ.

Но и здѣсь надо сказать, пока у моряковъ эта рѣшимость и эта идея были. такъ сказать, главными заботами для окружавшаго ихъ міра. онѣ были весьма второстепенными и побочными. а для иныхъ продолжали быть предметомъ весьма искренняго сомнѣнія, и шепотомъ, то тамъ, то здѣсь доносились до Дубасова и Шестакова такіе толки, которые прямо заставляли предвидѣть, что нелегко имъ будетъ приступить даже къ попыткѣ осуществить свои боевые планы.

Едва моряки стали твердою ногою на Нижнемъ Дунаѣ, какъ, весьма понятно, главною задачею на нихъ возложенною было минное загражденіе Дуная вездѣ, гдѣ это было возможно. Само собою разумѣется, что въ жару первыхъ, такъ сказать. боевыхъ увлеченій. дѣло это сдѣлано было моряками какъ нельзя лучше, причемъ опасность орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ съ турецкаго берега, подъ которымъ эти минныя загражденія должны были дѣлаться, служила какъ будто приманкою и обольщеніемъ для усиленія въ морякахъ безстрашія и отваги.

Но въ тоже время именно это дѣло минныхъ загражденій совершенно неожиданно и случайно послужило. какъ мы увидимъ ниже, счастливымъ предлогомъ Дубасову и Шестакову

подъ страхомъ собственной отвѣтственности пуститься въ осуществленіе своихъ завѣтныхъ замысловъ.

Въ началѣ Мая, когда переправа черезъ Дунай стала входить уже въ область предстоящихъ военныхъ дѣйствій, однимъ изъ первыхъ условій для облегченія ея было парализовать Дунайскую турецкую флотилію настолько, чтобы она не могла мѣшать переправѣ войскъ непосредственно. Для этого надо было имъ уничтожить какъ можно болѣе турецкихъ судовъ или заперетъ ихъ минными загражденіями. О первомъ думали одинокіе *моряки, второе было признано, такъ сказать,* дѣломъ оффиціально возможнымъ.

На счетъ уничтоженія турецкихъ судовъ между моряками было два мнѣнія. Одни говорили, что всего проще и скорѣе прямо вступать съ каждымъ изъ турецкихъ мониторовъ въ бой поодиночно на абордажъ. Другіе, какъ Дубасовъ и Шестаковъ, были того мнѣнія, что надо взрывать турецкія суда минами. Между обѣими партіями одинаково нетерпѣливыхъ, одинаково доблестныхъ, одинаково беззавѣтно-храбрыхъ моряковъ происходили оживленные споры, и понятно, на товарищескихъ попойкахъ, пылавшія жаждою дѣйствовать, бесѣды не обходились и безъ колкостей, а колкости въ свою очередь подстрекали еще болѣе такихъ рѣшительныхъ моряковъ, какъ Дубасовъ и Шестаковъ, доказать, что они были правы.

Но все это были споры между буйными головами неукротимой молодежи. Люди, постарше чинами и лѣтами, смотрѣли на нихъ не иначе, какъ на молодежь и, какъ я сказалъ, далѣе минныхъ загражденій не велѣно было идти удали моряковъ.

Въ числѣ важнѣйшихъ загражденій, предстоявшихъ задачею для отряда моряковъ подъ руководствомъ капитана Рогули, въ которомъ находились лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ— былъ слѣдующій планъ: заградить Дунай сверху выше Браилова и снизу у Рени, и затѣмъ, для предупрежденія нападенія турецкой флотиліи со стороны Мачина, заградить Мачинскій рукавъ

противъ Браилова; сверхъ того, дополнительною задачей къ такому плану было, если возможно, запереть турецкую флотилію въ Мачинскомъ рукавѣ.

Для этой весьма трудной задачи, подъ командою самого капитана Рогули, была снаряжена въ Маѣ экспедиція съ лодкою «Николаемъ» и нѣсколькими катерами.

Войдя въ Мачинскій рукавъ, отрядъ Рогули очутился въ виду весьма почтеннаго противника: передъ нимъ стояли два турецкихъ монитора и три военныхъ парохода. Немедленно-же они открыли огонь. Самъ собою явился вопросъ: что дѣлать? Пытаться подъ носомъ такого отряда производить работу минныхъ загражденій было безполезно и безразсудно: пароходы и мониторы немедленно бы аттаковали катера, и кромѣ гибели людей, другаго результата предвидѣть было невозможно. Атаковать нашимъ катерамъ и несчастному одному пароходу турецкую эскадру было еще безумнѣе. Въ виду такого непредвидѣннаго обстоятельства рѣшено было возвратиться къ Браилову и отложить исполненіе задачи до болѣе удобнаго момента. Но такъ какъ съ другой стороны возвращеніе нашего отряда подъ командою капитана Рогули—къ Браилову, въ виду столь сильнаго непріятеля, сопряжено было съ серьозною опасностью, ибо непріятель могъ, раздѣливъ свою флотилію на два отряда, однимъ преслѣдовать его по пути отступленія, а другимъ. обойдя отрядъ Рогули, выйти къ нему на встрѣчу по другому пути, бывшему тогда судоходнымъ, вслѣдствіе мелководья, и такимъ образомъ нашъ отрядъ могъ-бы попасть между двумя отрядами непріятеля, то лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ получили предложеніе остаться съ своими катерами, съ тѣмъ чтобы стать по одиночкѣ на каждомъ изъ двухъ путей, и маскировать отступленіе отряда капитана Рогули.

Такъ и было сдѣлано. Отрядъ Рогули удалился и вернулся благополучно въ Браиловъ, а Дубасовъ и Шестаковъ остались.

Турецкая эскадра увидя ихъ приблизилась къ нимъ и стала поочередно съ каждаго судна давать въ нихъ залпы. Подъ этими залпами оба катера Дубасова и Шестакова преспокойно стояли отъ шести часовъ утра до одиннадцати. Въ одиннадцать часовъ утра непріятельская эскадра удалилась, а Дубасовъ и Шестаковъ вошли въ маленькій проливъ, гдѣ привязали катера къ берегу, расположились на немъ бивуакомъ и велѣли варить пищу для проголодавшейся команды. Тутъ они оставались до семи часовъ вечера, и затѣмъ отправились для ночевки въ деревню Яловицы. Съ разсвѣтомъ лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ отправились на мѣсто стоянки турецкихъ судовъ, задавшись новою задачею: поставить фальшивыя минныя загражденія на томъ мѣстѣ, гдѣ не удалось поставить настоящія, съ тѣмъ чтобы все-таки ввести въ заблужденіе турецкую флотилію и заставить ее думать, что она заперта минными загражденіями въ Мачинскомъ рукавѣ. Работа, заключавшаяся въ опусканіи ведеръ съ пескомъ въ воды Дуная, продолжалась съ четырехъ часовъ утра до семи, подъ выстрѣлами трехъ турецкихъ судовъ. Въ семь часовъ утра они прекратили пальбу, затѣмъ лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ вернулись на своихъ катерахъ благополучно къ Браилову, гдѣ застали всѣхъ подъ впечатлѣніемъ опасенія за ихъ участь.

Экспедиція эта, имѣвшая характеръ рекогносцировки въ пасти, такъ сказать, самого противника, и доказавшая все безсиліе турецкаго флота, не рѣшившагося выходить изъ дальней пальбы и атаковать несчастные катера, еще болѣе раздорило и раздразнило обоихъ лейтенантовъ. Нетерпѣніе усилилось, а съ другой стороны неудача въ дѣлѣ загражденія Мачинскаго рукава заставляла бояться, чтобы съ минуты на минуту турецкая эскадра, запуганная такими демонстраціями нашихъ моряковъ, не ушла изъ Мачинскаго рукава, и такимъ образомъ лишила бы моряковъ возможности осу-

ществить задуманную аттаку. А тутъ еще насмѣшки товарищей на тему: «гдѣ вамъ: только хвастаетесь; вамъ ничего не сдѣлать».

Вернувшись 12-го утромъ, лейтенанты рѣшились 12-го же ночью снова идти, и на этотъ разъ во чтобы то ни стало взорвать одинъ изъ мониторовъ. Наскоро устроилась цѣлая экспедиція въ слѣдующемъ составѣ: лейтенантъ Дубасовъ—начальникъ экспедиціи, помощникъ его—лейтенантъ Шестаковъ. При нихъ въ качествѣ охотниковъ: маіоръ румынской арміи Муржеско и лейтенантъ Петровъ, и затѣмъ въ виду конвоировъ при лейтенантахъ Дубасовѣ и Шестаковѣ—мичманы Баль и Персинъ. Лейтенантъ Дубасовъ вмѣстѣ съ охотникомъ Муржеско, взялъ румынскій паровой катеръ «Царевичъ», при немъ на катерѣ «Царевна» — мичманъ Баль; лейтенантъ Шестаковъ взялъ катеръ «Ксенія», при немъ на катерѣ охотникомъ лейтенантъ Петровъ, а конвоиромъ на катерѣ «Джигитъ»—мичманъ Персинъ.

Вышли они вечеромъ того дня, разсчитавъ прибыть къ мѣсту стоянки турецкаго флота къ часу ночи. Всѣ были веселы, бодры и горѣли нетерпѣніемъ... Но, увы, пришлось на первыхъ-же порахъ испытать горькое разочарованіе. На мѣстѣ, гдѣ должна была стоять турецкая эскадра — ея не оказалось. Дѣлать было нечего, пришлось идти за нею; понадобилось еще два часа хода; а тутъ ночь быстро проходитъ, и какъ разъ къ тому времени, когда подойдя къ мысу, за которымъ сквозь деревья они увидѣли силуэтъ турецкихъ судовъ—разсвѣло совсѣмъ, и весеннее утро уже сіяло во всей своей красѣ...

Вотъ огибаютъ они мысъ, и на всѣхъ парахъ входятъ подъ взоры и выстрѣлы турецкой флотиліи. Картина была слишкомъ соблазнительна. Дубасовъ хочетъ атаковать, но Шестаковъ ему говоритъ: — не лучше-ли отложить атаку до слѣдующей ночи, такъ какъ слишкомъ уже свѣтло, и на неожиданность нападенія разсчитывать нельзя.

— Хорошо, отвѣчаетъ Дубасовъ, — но тогда немедленно поворачивать, чтобы не дать турецкому флоту удовольствіе въ насъ стрѣлять.

Сказано—сдѣлано. Быстро повернувъ, экспедиція вернулась и прибыла вновь въ Браиловъ. Все отложено было на слѣдующую ночь. Кстати сказать, что оффиціально ими получено было предписаніе предпринять экспедицію и устроить минное загражденіе въ Мачинскомъ рукавѣ, воздерживаясь отъ нападенія на турецкіе мониторы, а на дѣлѣ и въ тайнѣ оба лейтенанта дали обѣтъ не вернуться иначе, какъ взорвавъ одинъ изъ мониторовъ. Въ семь часовъ вечера 13-го числа въ каютъ-компаніи канонирки «Николай» собралась та же компанія офицеровъ, поужинали, и чтобы не выходить 13-го числа, дождавшись двѣнадцати часовъ и четырехъ минутъ экспедиція отправилась въ путь 14-го мая заутра, а около половины третьяго утра прибыла на мѣсто стоянки турецкой флотиліи. Флотилія эта состояла изъ трехъ судовъ: двухъ мониторовъ и одного военнаго парохода. По срединѣ стоялъ самый большой мониторъ: его-то лейтенантъ Дубасовъ и рѣшилъ атаковать.

Катера стали подходить. Вездѣ все тихо и почти темно. «Царевичъ» подходитъ къ монитору. На немъ все спитъ. Часовой окликаетъ.

— Сизимъ-адамъ, отвѣчаетъ Дубасовъ, въ полной увѣренности, что это военный отзывъ на турецкомъ флотѣ, такъ какъ наканунѣ его въ томъ увѣрилъ русскій переводчикъ въ Браиловѣ.

Часовой вторично окликаетъ.

Дубасовъ предположивъ, что часовой не разслышалъ, повторяетъ громче: «сизимъ-адамъ». Тогда часовой выстрѣлилъ.

Въ одинъ мигъ на палубѣ вскочила команда, на сосѣднемъ суднѣ въ то же мгновеніе поднялась тоже тревога. Какъ оказа-

лось потомъ, турки ожидали нападенія, ибо всѣ команды при полномъ вооруженіи спали на верхней палубѣ.

— «Сизимъ-адамъ, сизимъ-адамъ», слышитъ Дубасовъ, какъ въ недоумѣніи повторяетъ часовой вслухъ, переговаривая съ матросами; а въ довершеніе комизма, пока Дубасовъ направлялъ свой катеръ и приготовлялся нанести ударъ миною, маіоръ Муржеско, по просьбѣ Дубасова, чтобы еще болѣе озадачить турокъ, кричитъ: «сизимъ-адамъ» во все горло, и не разъ, а десятокъ разъ, непрерывно.

Но вотъ они видятъ, какъ команда принимается за орудія. Слышны звуки заряжанія. «Тзынь»—выдвигается цилиндръ—осѣчка; второе «тзынь»—опять осѣчка, и третья осѣчка. Начинаются со всѣхъ сторонъ ружейные выстрѣлы, съ явными признаками суматохи. Тутъ Дубасовъ наноситъ ударъ въ лѣвый бортъ правою носовою миною выше лѣвой кормовой раковины, разсчитавъ, что взрывъ этой мины если и не потопитъ мониторъ, то прежде всего попортитъ въ немъ винтъ и лишитъ возможности уйти, такъ что вторую мину будетъ ужь въ состояніи пустить Шестаковъ, а въ случаѣ неудачи у Дубасова была готова вторая мина.

Отъ удара мониторъ покачнулся и кормовою частью слегка осѣлъ; страшный столбъ воды поднялся на воздухъ. Одинъ мигъ, стоящій вблизи Шестаковъ ничего не видитъ за этимъ громаднымъ фонтаномъ, и съ трепетомъ задаетъ себѣ вопросъ: не погибъ-ли Дубасовъ? Этотъ столбъ воды всею своею массою обратно падаетъ въ катеръ Дубасова. Катеръ начинаетъ опускаться.

— Я цѣлъ, кричитъ Дубасовъ, мониторъ еще не потонулъ: взрывайте если хотите.

Картина приняла между тѣмъ какой-то сверхъестественный, адскій характеръ. Пальба съ судовъ ружьями и изъ орудій такъ и трещитъ, дымъ страшный, турецкіе крики звучатъ чуть ли не громче выстрѣловъ, испуганныя птицы кружатся

стаями надъ головами... Вотъ раздается взрывъ, что-то сильно треснуло, мониторъ покачнулся сильно, и тонетъ: то лейтенантъ Петровъ на катерѣ Шестакова ударилъ его миною подъ самую средину. Крики усиливаются. На башню монитора сбѣгаются испуганные матросы и стрѣляютъ въ Шестакова чуть ли не въ упоръ. Шестаковъ хочетъ отходить: смотритъ, въ обломкахъ монитора запутался его винтъ: ему нельзя двигаться, онъ свиститъ, зоветъ на помощь катеръ Персина: его нѣтъ; катеръ Баля не можетъ двигаться, потому что катеръ Дубасова стоитъ все еще полный водою, и того и гляди затонетъ, а тутъ, въ довершеніе драматизма, Шестаковъ видитъ, какъ идетъ къ нему катеръ съ турецкими матросами...

Но, какъ оказалось послѣ, то были офицеры тонувшаго монитора, которые гостили ночью на другомъ мониторѣ и возвращались къ своему посту...

Куда же дѣвался Персинъ? Оказалось, что катеръ его получилъ пробоину отъ гранаты, пришлось ему идти къ берегу наскоро чиниться, да еще на бѣду застрясть винтомъ въ тростникѣ.

Среди адскаго шума онъ не слышитъ свистковъ условленнаго сигнала, но все же спѣшитъ, и чѣмъ болѣе спѣшитъ, тѣмъ болѣе запутывается. Наконецъ высвобождается, и можетъ двигаться.

Дубасовъ со своей стороны видитъ опасность Шестакова, и самъ, не будучи въ состояніи двигаться, ищетъ Персина и Баля, но сквозь дымъ ихъ не видитъ; усиліями онъ приводитъ въ движеніе свой катеръ, и направляется къ Шестакову: видитъ идущаго Персина, и кричитъ ему идти скорѣе къ Шестакову. Персинъ идетъ.

Все это длилось нѣсколько минутъ, но эти минуты показались для бѣднаго Шестакова вѣчностью; спасибо его товарищу, лейтенанту Петрову, который ни одной секунды не терялъ присутствія духа и энергіи, и въ самую критическую минуту для катера Шестакова съ ловкостью, мужествомъ и хладнокровіемъ, по истиннѣ изумительными, высвободилъ катеръ изъ засады.

Шестаковъ уже отходитъ отъ тонувшаго монитора, когда на встрѣчу ему приближался Персинъ; тутъ произошла сцена, характеризовавшая лучше всякаго описанія то страшное нервное состояніе, въ которомъ находился, благодаря этимъ нѣсколькимъ минутамъ, храбрый Шестаковъ.

Едва онъ увидѣлъ Персина, и тотъ спросилъ его: нѣтъ-ли раненыхъ, Шестаковъ сквозь болѣзненное рыданье крикнулъ ему: раненыхъ нѣтъ, но вы меня ранили въ сердце, и снова зарыдалъ.

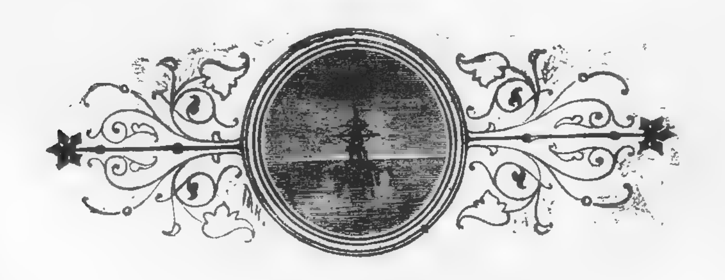
Что означали эти слова, понять было не трудно. Въ теченіи этихъ нѣсколькихъ минутъ, пока адъ длился для Шестакова, а адъ этотъ казался ему вѣчностью, нервы крѣпкаго Шестакова были натянуты до крайней степени: когда въ этомъ состояніи онъ далъ свистокъ по установленному заранѣе сигналу, то-есть позвалъ на помощь, и никто въ эти двѣ три минуты не явился, въ душѣ Шестакова, знавшаго, что всѣ его товарищи близко, не могло ничего другаго произойти, какъ взрывъ двухъ одинаково сильныхъ чувствъ, чувства, что онъ брошенъ и чувства негодованія, сильнаго и чисто безсознательнаго, такъ какъ онъ не могъ знать ни того, что приковывало къ мѣсту Дубасова съ Балемъ, ни того. что приковывало на мѣстѣ Персина, и все это именно въ тѣ минуты, когда онъ въ нихъ нуждался безусловно, и весь всецѣло жилъ только этимъ сознаніемъ въ нихъ нужды. Представивъ себя именно покинутымъ своимъ конвоиромъ Персинымъ, и покинутымъ въ самую критическую минуту, онъ вскрикнулъ эти слова Персину, такъ какъ они вырвались у него чувствомъ. Крики, плачъ, вопли тонущихъ турокъ, адская канонада со всѣхъ сторонъ, суматоха и спѣшность, потрясеніе отъ зрѣлища славной удачи — все это были слишкомъ сильные и необыкновенные двигатели нервовъ, чтобы можно было въ такую минуту дать мысли хладнокровную силу и время все передумать... Но когда потомъ всѣ они вышли изъ этого ада сильныхъ и потрясающихъ впечат-

ленiй и внезапности, и истина дала просторъ и мысли и созерцанiю такъ сказать самой сущности дѣла во всѣхъ его подробностяхъ, тогда Шестаковъ со слезами на глазахъ протянулъ объятiя Персину, и въ общемъ восторгѣ всѣхъ участниковъ этого удачнаго славно-счастливаго дѣла, не имѣвшаго ни одного раненаго, не осталось ничего, кромѣ безконечной и ничѣмъ не отуманенной радости.

Всѣ свое дѣло исполнили безгрѣшно, и когда, возвратившись къ Браилову, Дубасовъ и Шестаковъ привели въ порядокъ свои впечатлѣнiя, они прежде всего сказали себѣ: мечты и усилiя столькихъ дней наконецъ-то привели къ результату: не пропали даромъ ни наша настойчивость, ни наше терпѣнiе.

Результатъ этого дѣла былъ дѣйствительно громаденъ. Кромѣ того, что взрывался уже второй мониторъ изъ числа Дунайской флотилiи, страшная паника наводилась на этотъ флотъ, параличь на него, какъ на препятствiе для переправы нашихъ войскъ, былъ уже почти полный, и отнынѣ нападенiе мелкими катерами на турецкiе мониторы входило, благодаря успѣху, въ область оффицiальныхъ обязанностей моряковъ.

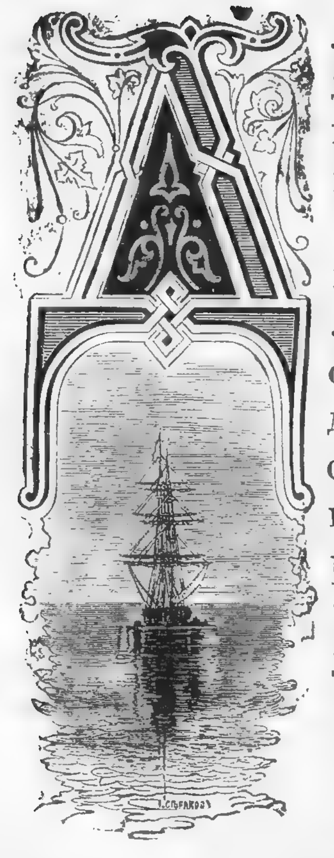
N. N.

Изъ воспоминаній.

Милостивый Государь,

Князь Владиміръ Петровичъ!

ля минувшей войны со стороны Россіи дѣйствовало свыше полумилліона ея населенія на сухомъ пути, и едва полторы тысячи на водѣ.

У первыхъ былъ блестящій генеральный штабъ, походная газета, цѣлая масса различныхъ корреспондентовъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ. Между корреспондентами этими, какъ русскими, такъ и иностранными, выдавались недюжинныя личности. Кромѣ того при арміи были иностранные военные агенты. Всѣ эти представители военной литературы одинъ передъ другимъ старались заносить на страницы своихъ отчетовъ все, что они могли видѣть и что могли они узнавать или чему догадываться. Словомъ, для исторіи минувшей войны въ матеріалахъ съ ея сухопутнаго театра дѣйствій недостатка нѣтъ.

Не въ томъ положеніи находился во время войны русскій флотъ, или такъ какъ флота не было, то русское южное море.

Странную картину представлялъ собою театръ войны. Правый флангъ имѣлъ своимъ операціоннымъ базисомъ Дунай, лѣвый флангъ—Закавказье, центръ—сѣверное прибрежье Чернаго моря. Если считать, какъ бы то слѣдовало, весь этотъ край—райономъ дѣйствія одной и той же арміи, то выходило дѣло необычайное. Фланги, дунайскій и кавказскій, были между собою раздѣлены непріятельскою территоріей.

На Черномъ морѣ могъ вполнѣ хозяйничать турецкій флотъ, и въ то время, когда фланги русской арміи вели войну наступательную, центръ—все русское черноморское побережье, могъ вести войну лишь оборонительную, пассивную. Въ то время, когда для поддержанія сообщеній Дунайской арміи съ Россіей войска наши двигались чрезъ Румынію, мы нуждались въ союзѣ съ нею и обогащали ее несмѣтными массами золота, и на русскія деньги проводились въ чужой землѣ желѣзныя и грунтовыя дороги; въ это-то время, свой, даровой естественный путь, наше южное море представляло намъ неудобство и было предметомъ опасеній, такъ какъ оно могло служить полемъ для турокъ, удобнымъ какъ для снабженій ихъ армій анатолійской и румелійской, такъ и для атакъ кавказской и крымской линій и одесскаго берега. Все это было благодаря тому, что у Россіи на Черномъ морѣ не было флота вовсе, а Балтійскаго флота, могущаго по примѣру Екатерининскихъ и Николаевскихъ войнъ придти на югъ для содѣйствія русской арміи, тоже не было...

Если не по характеру дѣйствія горсти русскихъ моряковъ, бывшихъ въ минувшую войну на Черномъ морѣ, то по одной стратегической важности значенія этой части театра войны, все тамъ происходившее имѣетъ интересъ и должно быть допущено въ составъ общей картины войны 1877 и 1878 годовъ.

О всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ съ самаго мѣста ихъ корреспонденцій почти не могло быть. Постоянныхъ корреспондентовъ на морѣ не было.

Война Россіи съ Турціей начата была и велась при такихъ неравныхъ силахъ на морѣ, какого неравенства не представляетъ намъ ни одна военная эпоха исторіи. Турки обладали могучимъ военнымъ флотомъ, какъ броненоснымъ, такъ и не броненоснымъ. Мы же имѣли нѣсколько старыхъ учебныхъ негодныхъ для войны судовъ и двѣ поповки, характеромъ своей конструкціи неудобныя для активной дѣятельности. Отчего было это такъ, а не иначе, на это были свои причины. Пока дѣло не въ причинахъ, а въ фактахъ. Факты же были слѣдующіе: турки на Черномъ морѣ имѣли все, мы ничего. У турокъ были хорошо и заранѣе укрѣпленные порты и хорошо построенный, организованный флотъ, обученный, руководимый, а отчасти и укомплектованный англійскими офицерами, а у насъ... были славныя традиціи былыхъ эскадръ Черноморскаго флота и разумная, энергичная дѣятельность адмирала Аркаса. На всемъ Черномъ морѣ не было ни одной мачты, на вершинѣ которой можно было съ достоинствомъ поднять флагъ русскаго адмирала, несмотря на это Н. А. Аркасъ съумѣлъ устроить такъ, что честь національнаго нашего флага была не только не уронена, но еще на страницы исторіи записалось нѣсколько эпизодовъ, достоинство которыхъ не сотрутъ ни клевета, ни время.

За неимѣніемъ сколько нибудь къ войнѣ годныхъ военныхъ судовъ, главнымъ комадиромъ Черноморскаго флота и портовъ были приспособлены нѣсколько пароходовъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Императорская яхта «Ливадія» и яхта главнаго командира «Эльборусъ» (плававшая по Черному морю еще до Крымской войны и помнящая адмирала Лазарева) и пароходы Русскаго общества пароходства и торговли «Аргонавтъ» «Константинъ», «Владиміръ», «Веста» и «Россія». Вотъ импровизированный военный русскій флотъ, помощью котораго въ теченіи 1877 и 1878 годовъ велась борьба съ турками. Командирами этихъ судовъ были капитаны: Кроунъ, Артюковъ, Снѣтовъ, Юрьевъ, Макаровъ, Григорашъ и я.

Большею частью пароходы дѣйствовали въ одиночку, и четыре раза лишь соединялись въ отряды, которыми командовалъ старшій въ чинѣ изъ капитановъ. Экспедиція къ Пендеракліи, капитаны: Макаровъ, Юрьевъ, я и старшимъ Кроунъ. Первая экспедиція къ Кавказскимъ берегамъ—я и Снѣтовъ; вторая экспедиція къ Кавказскимъ берегамъ—Григорашъ и Макаровъ. Экспедиція къ Варнѣ и Бургасу—Григорашъ, Снѣтовъ и старшимъ я.

Почти не осталось мѣста на Черномъ морѣ, гдѣ бы во время войны не бывалъ русскій крейсеръ: на рейдахъ Сухума. Батума и Сулина пароходомъ «Константинъ» были произведены минныя атаки, если не всегда вполнѣ удачныя по результатамъ, то всегда тяжело дѣйствовавшія на турокъ нравственно. Почти нѣтъ части турецкаго прибрежья, которое не было бы освѣщено заревомъ пожара турецкихъ коммерческихъ судовъ, сожженныхъ русскими крейсерами. Изъ выдающихся, осязательныхъ дѣйствій крейсеровъ указать слѣдуетъ:

1. Поврежденіе турецкаго броненосца на Сулинскомъ рейдѣ катерами «Константина», причемъ лейтенантъ Пущинъ попалъ въ плѣнъ.

2. Неудачное для турокъ преслѣдованіе парохода «Аргонавтъ» (капитанъ Снѣтовъ).

3. Неудачный для турокъ, продолжавшійся пять съ половиной часовъ, бой парохода «Веста» (капитанъ Барановъ) съ турецкимъ броненосцемъ;

4. Отвлеченіе турецкаго броненосца отъ Гагринскаго ущелья пароходомъ «Константинъ» (капитанъ Макаровъ).

5. Во время блокады береговой Кавказской линіи турецкою эскадрою въ теченіи десяти дней. оказанное содѣйствіе со стороны моря Сочинскому отряду (генерала Шелковникова) и вывозъ съ названной линіи всѣхъ русскихъ раненыхъ и больныхъ пароходами «Веста» и «Владиміръ» (капитаны Барановъ и Снѣтовъ).

6. Снабженіе провіантомъ войскъ той же Кавказской линіи пароходами «Веста» и «Константинъ» (капитаны Григорашъ и Макаровъ).

7. Взятіе въ плѣнъ въ бухтѣ Ѳимозъ турецкаго парохода «Мерсина» съ двумя таборами турецкой пѣхоты пароходомъ «Россія» (капитанъ Барановъ).

8. Взрывъ турецкаго судна на Батумскомъ рейдѣ однимъ изъ катеровъ «Константина» (капитанъ Макаровъ).

9. Трехдневное крейсерство между Варной и Босфоромъ для помѣхи перевозки остатковъ арміи Сулейманъ-паши изъ Варны въ Константинополь пароходовъ «Россія» (капитанъ Барановъ), «Владиміръ» (капитанъ Снѣтовъ) и «Веста» (капитанъ Григорашъ);— и

10. Перевозъ моремъ большаго числа русскихъ раненыхъ и больныхъ изъ Одессы въ Николаевъ на пароходахъ «Веста», «Эрикликъ», «Константинъ» и «Владиміръ».

Большая часть поименованныхъ дѣйствій нашихъ судовъ описана въ оффиціальныхъ рапортахъ какъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, такъ и судовыхъ командировъ. Мнѣ, какъ лицу, принимавшему довольно близкое участіе то въ званіи командира судна, то въ званіи старшаго въ отрядѣ въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ дѣлъ, неудобно взять на себя цѣльное описаніе котораго-нибудь изъ плаваній и дѣйствій нашихъ крейсеровъ, такъ какъ весьма трудно, если не невозможно, говоря о томъ или другомъ дѣйствіи судна или отряда, игнорировать лицо распоряжавшееся и не касаться его въ повѣствованіи. Хвалить свой образъ дѣйствій—не принято, критиковать его ... не хочется: то и другое дѣло другихъ.

Узнавъ изъ газетъ о предпринимаемомъ Вами трудѣ составленія Сборника Военныхъ Разсказовъ, я, какъ вѣроятно и громадное большинство русскихъ, не могъ не отнестись съ полнымъ и сердечнымъ сочувствіемъ къ Вашей мысли. Лѣтописная картина исторіи войны должна писаться

на временемъ остуженномъ полотнѣ, не теперь можетъ быть составлена лѣтопись войны минувшей. Но матеріалы исторіи, эпизодическіе этюды отдѣльныхъ маленькихъ группъ, событій и личностей, происходившихъ и мелькнувшихъ во время войны, должны хотя эскизно набрасываться по теплому свѣжему слѣду— это суть картоны общей будущей исторической картины. Съ картоновъ этихъ могутъ потомъ нанестись тѣ или другіе оттѣнки, и только путемъ теперешнихъ набросковъ оттѣнки эти могутъ быть переданы для оживленія и рельефа будущей лѣтописи войны. Изъ моихъ воспоминаній, изъ записокъ, которыя во время войны я велъ лично для себя, я дѣлаю извлеченія, касающіяся нѣкоторыхъ изъ моихъ сослуживцевъ и людей, съ которыми за время войны меня судьба сталкивала. Въ замѣткахъ этихъ насколько съумѣю безъ затемнѣнія разсказа, устраняю себя. Если записки мои Вы помѣстите въ издаваемомъ Вами «Сборникѣ», то покорнѣйше просилъ бы смотрѣть на меня не какъ на автора, а какъ на человѣка, имѣющаго памятную книжку, нѣсколько страницъ которой онъ передаетъ въ Ваше полное распоряженіе. Дѣйствуйте, князь, по Вашему усмотрѣнію. Прошу Васъ быть и цензоромъ, и редакторомъ и хозяиномъ какъ этого письма, такъ и моихъ записокъ. Чтобы въ изложеніи моихъ воспоминаній избѣжать необходимости много касаться дѣйствій судовъ, которыми я командовалъ, я передаваемымъ въ Ваше распоряженіе моимъ запискамъ, постарался придать характеръ очерковъ отдѣльныхъ личностей. Тѣ изъ сослуживцевъ моихъ, которыхъ я упоминаю въ этихъ запискахъ, да простятъ мнѣ и мою нескромность и неумѣлость точно обрисовать ихъ характеръ.

I.

Встрѣча съ генералъ-маіоромъ Шелковниковымъ.

Въ тяжкій моментъ кампаніи, когда въ Азіятской Турціи дѣла наши стали колебаться, главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютантъ Аркасъ, получилъ отъ Намѣстника Кавказа выраженіе желанія съ моря помочь Сочинскому отряду генерала Шелковникова. Положеніе этого многострадальнаго и геройскаго отряда было тяжелое и критическое. Одно изъ главныхъ затрудненій его было въ большомъ числѣ раненыхъ и больныхъ, крайне стѣснявшихъ движенія немногочисленнаго отряда. Нужно было во что бы ни стало вывезти раненыхъ моремъ. Генералъ-адъютантъ Аркасъ сознавалъ вполнѣ необходимость исполнить желаніе Главнокомандующаго Кавказской арміей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду крейсерства близь береговъ Кавказа турецкой эскадры, опасался за успѣхъ посылки судовъ въ распоряженіе генерала Шелковникова. Взвѣсивъ всѣ шансы за и противъ, Н. А. Аркасъ рѣшился послать два парохода въ Гагры. Были выбраны «Веста», которымъ командовалъ я, и «Владиміръ» ком. Снѣтовъ.

Будучи однимъ изъ опытнѣйшихъ морскихъ офицеровъ и обладая необыкновенною сообразительностью и знаніемъ мѣстныхъ условій Чернаго моря, адмиралу Аркасу не трудно было составить подробныя и точныя инструкціи для предстоящаго плаванія.

Пароходы были готовы, и «Веста» вышла изъ Николаева, «Владиміръ» изъ Одессы. Соединясь въ Севастополѣ, мы оттуда, благословясь, тронулись въ путь.

Въ Севастополѣ во время войны былъ консулъ одной дружеской Россіи державы, который зорко слѣдилъ за всѣми на-

шими дѣйствіями, и благодаря ему, какъ говорили, каждое изъ движеній судовъ нашихъ, по телеграфу чрезъ Европу, сообщалось туркамъ. Желая цѣль нашего плаванія скрыть отъ недруговъ, въ Севастополѣ мы распустили слухъ, что идемъ въ Керчь, а оттуда, принявъ казенный грузъ, обратно въ Севастополь или Одессу. До Керчи прошли благополучно, и тамъ я получилъ секретную телеграмму, что генералъ Шелковниковъ будетъ ожидать прихода пароходовъ около Гагръ или Гадуака.

Ночью вышли изъ Керчи и отправились къ Кавказу. Экспедиція была рискована: много представлялось шансовъ къ тому, чтобы она не удалась. При владѣніи непріятелемъ моремъ, выполненіе задачи было довольно трудно; какъ ни слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ былъ отрядъ судовъ нашихъ, но не менѣе того, отвѣтственность, лежавшая на мнѣ, какъ на старшемъ, была не мала, и невольно мысли старались забѣгать впередъ, взвѣшивая тѣ и другія обстоятельства начатой экспедиціи. Нервы не могли быть покойны.

Въ ночь, на утро которой должны были открыться высоты Гагринскаго ущелья, мнѣ не спалось: я ходилъ по палубѣ парохода. Команда, не раздѣваясь, лежала, кромѣ вахтенныхъ, близь своихъ заряженныхъ орудій. Многимъ изъ матросовъ тоже не спалось. Проходя мимо одной изъ группъ, я услышалъ разговоръ, въ которомъ упоминалось имя Шелковникова. Меня заинтересовало. Подъ видомъ обзора горизонта въ бинокль, я остановился недалеко отъ разговаривавшихъ. Оказалось, что послуживший черноморскій матросъ, бывавшій до войны не разъ на Кавказѣ, посвящалъ своихъ товарищей, пришедшихъ изъ Балтики, въ положеніе края, и знакомилъ съ трудностями, съ которыми войскамъ нашимъ, по его мнѣнію, приходилось тамъ бороться.

— Вотъ теперь и пойми: хлѣба нѣтъ, патроновъ... повыстрѣлены. Съ одной стороны турки, съ другой—сзади-то, горы, а въ горахъ татарва негодная, а съ моря теперь турецкій флотъ.

и такъ теперь нашимъ солдатамъ трудно тамъ стало, что сказываютъ, братъ, и моченьки нѣтъ: не то что чарки водки не видятъ, да и воды-то, и той испить негдѣ, и рѣчки есть, да подойти нельзя, сейчасъ подстрѣлятъ, одно слово смерть нашимъ пришла. Вотъ мы, значитъ, теперь на выручку и идемъ туда.

— Ну что-же, Ефимычъ, выручимъ мы, али нѣтъ, спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Ну, про это Господь знаетъ: коли прозѣваютъ турки, безпремѣнно поможемъ.

— Ну, а если турки-то насъ не пустятъ, такъ значитъ и пропасть солдатамъ-то тамъ придется?

— Пропасть? Что ты, милый? Гдѣ имъ: съ Шелковниковымъ-то нешто можно пропасть.

— Это анералъ ихней будетъ?

— Анералъ, нѣтъ не анералъ, это орелъ, одно слово орелъ, да и солдатъ-то любитъ.

Съ этого момента я сталъ знать Шелковникова — это не генералъ, а орелъ. Любовь и ненависть своей среды, награды и обиды — все это можетъ прійти безъ заслуги получателя; но заслужить такой о себѣ отзывъ отъ солдатъ и матросовъ, нажить нельзя его: можно пріобрѣсти, и начальникъ не «генералъ, а орелъ», личность не могущая быть дюжинною. Врядъли есть и могутъ быть такія обстоятельства, при которыхъ отрядъ русскихъ воиновъ могъ-бы пропасть, если имъ руководитъ такой начальникъ, какъ былъ покойный Шелковниковъ. Ефимычъ былъ правъ. Ни Шелковниковъ, ни отрядъ его не пропали, а сдѣлавъ молодецки свое дѣло, вписали въ исторію минувшей войны одну изъ прекрасныхъ страницъ ея. Я не коснусь описанія дѣйствій отряда генерала Шелковникова, оно вѣроятно сдѣлано другими и, конечно, займетъ приличное мѣсто въ описаніи войны на Кавказѣ: не буду также приводить дневника службы Сочинскому отряду пароходовъ «Веста» и

«Владиміръ» *). Изъ дѣйствій нашихъ упомяну только о тѣхъ моментахъ, которые прямо относятся до личности генерала и которые могутъ служить для характеристики этого замѣчательнаго человѣка и начальника.

Отъ начала до послѣдняго дня нашей экспедиціи счастье чрезвычайно намъ благопріятствовало. Благодаря командиру «Владиміра» П. П. Снѣтову и прекрасной и бдительной службѣ всѣхъ офицеровъ и команды, всѣ распоряженія, которыя я получалъ отъ Шелковникова чрезъ одиночныхъ посыльныхъ его казаковъ, исполнялись какъ-бы въ мирное время. Прошло дней шесть, какъ я состоялъ въ распоряженіи Шелковникова, но ни разу не видалъ его. Наконецъ, зайдя за десантомъ въ Гагры, я получилъ съ нарочнымъ записку такого содержанія: «Спасибо за все. Заберите изъ Гагръ людей моихъ, приголубьте ребятъ, они устали, отвезите ихъ въ Туапсе — здоровыхъ, а раненыхъ и больныхъ въ Новороссійскъ; сдѣлайте все это, если не помѣшаютъ турки. Самъ я боленъ — старая рана и лихорадка, мнѣ тяжело ѣхать верхомъ, а въ Новороссійскъ надо; если найдете возможнымъ, зайдите въ Сандрипись, сегодня ночью пріѣду туда къ десяти час. вечера, гдѣ буду на горѣ; зажгу два костра. Если неудобно, обо мнѣ забудьте, берегите и доставьте людей. Съ этимъ посланнымъ дайте отвѣтъ, чѣмъ рѣшили на счетъ меня». До Сандриписа около десяти миль. Окончить пріемку больныхъ, раненыхъ и десанта нужно было еще часа два времени. Часовые-сигнальщики, поставленные высоко на горѣ, чтобы слѣдить за появленіемъ непріятельскихъ судовъ съ моря, объявляютъ, что горизонтъ чистъ. Казалось все настолько благополучнымъ, что я счелъ долгомъ донести генералу, что около десяти час., вечера подойду къ Сандрипису и пришлю за нимъ шлюпку съ офицеромъ.

Время клонилось къ вечеру, десантъ былъ погруженъ, оста-

*) Кажется рапортъ мой объ этомъ плаваніи былъ гдѣ-то напечатанъ.

валось забрать солдатскія вещи. Шлюпки сновали между берегомъ и пароходами. Вдругъ, нѣсколько верстъ южнѣе Гагръ, на одной изъ горъ взвился къ небу столбъ дыма, а чрезъ нѣсколько времени въ морѣ, въ начинавшейся темнотѣ, ясно показался свѣтъ зажженнаго фалшфейера; едва онъ погасъ, на томъ-же разстояніи, но на другомъ мѣстѣ загорѣлся другой фалшфейеръ. Дѣло становилось ясно: горцы съ берега переговаривались съ турецкими судами, идущими съ моря. Положеніе становилось скверное. Оба парохода чрезмѣрно загружены ранеными и десантомъ. При такихъ условіяхъ, суда наши, и безъ того чрезвычайно слабыя сравнительно съ броненосцами, не могли и мечтать о какихъ нибудь шансахъ на успѣхъ въ случаѣ боя. Единственно возможная и должная вещь—это было уходить скорѣе, пока непріятель не увидалъ насъ. Пока торопились возвратить съ берега шлюпки и поднимать ихъ, я отправился на пароходъ «Владиміръ», чтобы въ виду мѣняющихся обстоятельствъ снова уговориться съ капитаномъ Снѣтовымъ. На половинѣ дороги, въ темнотѣ, я встрѣтилъ шлюпку. Оказалось, что Снѣтовъ ѣхалъ ко мнѣ. «Видѣли?»—спросили мы одинъ другаго, и оба поняли, что въ вопросѣ каждаго заключался и отвѣтъ. Мы отправились на пароходъ и въ нѣсколько минутъ сообща порѣшили сейчасъ-же сняться и идти какъ можно ближе придерживаясь къ берегу. Огни всѣ закрыть. Если темнота позволитъ, держаться соединенно. «Веста» пойдетъ ближе къ берегу, и дойдя до Сандриписа, остановится; «Владиміръ» же, идя мористѣе тихимъ ходомъ, будетъ продолжать двигаться впередъ къ мѣсту назначенія.

Первымъ моимъ мнѣніемъ было послать гонца къ генералу Шелковникову сказать, что показались турецкія суда и я считалъ неблагоразумнымъ заходить въ Сандриписъ, а потому иду прямо по назначенію отвезти десантъ.

Но восемь часовъ вечера. Посланный въ горахъ могъ про-

пасть, наконецъ просто не найти генерала, и Шелковниковъ, не зная о перемѣнѣ моего движенія и близости турецкихъ судовъ, могъ преспокойно ожидать на берегу подъ костромъ обѣщанную шлюпку. Вмѣсто того, съ турецкихъ судовъ на огонь могли быть посланы шлюпки, и изъ-за меня Шелковниковъ могъ быть убитъ или взятъ въ плѣнъ.

Едва мы дали ходъ изъ Гагринской бухты, какъ на югѣ сзади мы замѣтили огни нѣсколькихъ судовъ, какъ казалось миляхъ въ двѣнадцати отъ насъ, шедшихъ однимъ съ нами курсомъ и мористѣе насъ. Чрезъ полчаса впереди и нѣсколько справа мы увидали костеръ. Шелковниковъ съ нѣсколькими своими офицерами ждалъ насъ. Старшимъ офицеромъ парохода «Веста» былъ капитанъ-лейтенантъ князь Е. Ю. Голицынъ-Головкинъ, я просилъ его отправиться на шлюпкѣ къ костру и доложить Шелковникову обстоятельства, дѣла, а также мою усердную просьбу быстро рѣшить: или немедленно ѣхать на пароходъ, или разрѣшить мнѣ идти далѣе, и во всякомъ случаѣ погасить костеръ. Пользуясь приглубостью Кавказскаго берега, пароходъ подошелъ весьма близко къ нему. Прошло всего десять минутъ съ момента, когда отъ парохода отвалила шлюпка съ Голицынымъ, какъ мы замѣтили двѣ шлюпки, идущія отъ берега: на одной съ Голицынымъ сидѣлъ генералъ Шелковниковъ и его начальникъ штаба, маіоръ Счастливцевъ; а на другой мѣстной, горской или казачьей, ѣхали другіе офицеры и нѣсколько человѣкъ прислуги. Я встрѣтилъ у трапа генерала рапортомъ. Тихо поздоровавшись съ командой, онъ прошелъ прямо въ мою каюту. Здѣсь, при свѣтѣ горѣвшей лампы, я въ первый разъ могъ разсмотрѣть генерала. Онъ былъ не высокъ, весьма худощавъ, имѣлъ чрезвычайно болѣзненный и усталый видъ, но съ необыкновенно симпатичнымъ и привлекательнымъ лицомъ, казавшимся чрезвычайно красивымъ изъ-за необыкновенно умныхъ, искрящихся глазъ. Складъ лба и очертаніе рта выражали твердый характеръ и волю.

Войдя въ каюту, я тотчасъ-же спросилъ генерала: успѣлъ-ли Голицынъ доложить ему о настоящихъ обстоятельствахъ.

— Я ихъ зналъ, отвѣчалъ Шелковниковъ; какъ кажется турецкіе суда сзади и слѣва.

Видя, что Шелковниковъ въ курсѣ дѣла, я спросилъ его идетъ-ли онъ съ нами, и не имѣетъ-ли дать мнѣ какихъ-нибудь приказаній?

— Вы забрали моихъ раненыхъ и больныхъ, вы подняли десантъ, который необходимо спустить въ Туапсе. Меня важное дѣло требуетъ въ Новороссійскъ. Вотъ мои желанія, а теперь просьба. Если мы встрѣтимся на берегу, я не буду нуждаться въ вашихъ совѣтахъ, теперь-же я на морѣ, у васъ, на пароходѣ дѣлайте что и какъ знаете. Найдете нужнымъ—бейте пароходы, лишь-бы спаслись люди, а если и такъ нельзя, все-таки придется драться, укажите мнѣ и моимъ солдатамъ, что нужно дѣлать; затѣмъ позвольте мнѣ лечь.

Мы благополучно вошли въ Новороссійскъ. Все населеніе радостно встрѣтило своего искренно любимаго генерала, возвращающагося побѣдителемъ послѣ трудной, но славной экспедиціи къ Сухуму: цвѣты и вѣнки засыпали генерала и его почтенныхъ, боевыхъ сподвижниковъ. Но не въ цвѣтахъ и оваціяхъ былая главная награда Шелковникова. Прежде чѣмъ я успѣлъ бросить якорь, къ пароходу присталъ катеръ съ семействомъ генерала. Красавица жена и прелестныя малютки облѣпили его. По лицамъ ихъ были ясно видны слѣды тѣхъ ужасныхъ дней, тревогъ и опасеній, которые пережили они во время экспедиціи генерала, полной лишеній и опасностей. У матросовъ и солдатъ навертывались слезы, смотря на трогательную картину счастья встрѣчи...

Бѣдная мать и бѣдные дѣти, непродолжительна была ваша радость. Шелковникова ждали новыя битвы, гдѣ онъ, ведя новыя для него войска, стяжалъ еще прекрасные лавры, но за ними близко слѣдовала преждевременная смерть. Шел-

ковниковъ, котораго всю войну щадили пули и непріятельскіе штыки, вскорѣ по заключеніи перемирія, скончался отъ тифа.

Имя генерала Шелковникова правдивый историкъ поставитъ высоко въ лѣтописяхъ послѣдней войны, а память о немъ не умретъ у людей, которые, какъ я, имѣли счастливый случай его знать лично.

Со съѣздомъ Шелковникова на берегъ, кончился періодъ счастливыхъ случайностей для «Весты».

Чтобы легче сгрузить съ паровоза тяжело раненыхъ и больныхъ, я вошелъ въ бухту глубже, чѣмъ слѣдовало. Работы по выгрузкѣ задержали до темноты. Слѣдовало бы остаться въ Новороссійскѣ до разсвѣта, но желаніе скорѣе возвратиться въ Севастополь и скорѣе дать отдыхъ усталымъ командамъ судовъ, а главное вѣра въ счастливую звѣзду «Весты» подбили меня выйти во время вполнѣ темной ночи. Изъ-за темноты я не обогнулъ отмель, какъ бы то слѣдовало, и «Веста» вскочила на мель. Одно горе не бываетъ. Едва всталъ я на мель, какъ погода до того времени тихая, начала портиться. Барометръ сталъ сильно падать; вѣтеръ и волненіе стали усиливаться и пароходъ слегка стало постукивать о твердое дно бухты. Передъ уходомъ штурманскій офицеръ «Весты» заявилъ мнѣ свое мнѣніе остаться до утра. Виноватъ во всемъ былъ я, и одинъ я... Засвѣжѣвшая погода и возможная въ Новороссійскѣ бора могла весьма быстро разбить пароходъ. Послѣ различныхъ неуспѣшныхъ попытокъ сняться съ мели, я пришелъ къ убѣжденію, что до разсвѣта ничего нельзя предпринять. Всякая работа въ полныхъ потьмахъ, ночью, лишь даромъ мучила бы и безъ того крайне утомленную команду. Принявъ мѣры предосторожности для спасенія экипажа на случай, если бы ночью стало разбивать пароходъ, я рѣшилъ дать командѣ полный отдыхъ и ожидать разсвѣта и того, что будетъ. Терять судно во время разгара войны; воз-

можность потерять еще часть бравой и славной команды, и все это не изъ-за неизбѣжнаго случая, а вслѣдствіе непростительнаго каприза, и терять судно послѣ блестяще удавшейся экспедиціи; терять наконецъ «Весту», имя которой уже было извѣстно всей Россіи... было не легко. Мысли, одна другой тяжелѣе, невольно страшно гнели меня. Какъ командиръ, я долженъ былъ казаться покойнымъ. Не знаю, удалось ли мнѣ это; но знаю, что ночь, проведенная мною на мели, была ужаснѣйшей въ моей жизни. Около часу по полуночи на катерѣ пріѣхалъ ко мнѣ генералъ Шелковниковъ. Подъ рукой у него былъ свертокъ—карта Новороссійской бухты. Весело поздоровавшись со мною, генералъ повелъ меня въ каюту.

— Вы не повѣрите, сказалъ онъ, какъ я радъ, что вы не ушли. Посмотрите карту нашей бухты: если турки вздумаютъ атаковать насъ, наша оборона чрезвычайно слаба. Я имѣю данныя полагать, что эскадра, теперь шедшая за нами, на дняхъ атакуетъ Новороссійскъ. Намъ надо усилить оборону, устроивъ еще одну или двѣ береговыя батареи. Въ виду экстренныхъ обстоятельствъ, я считаю себя въ правѣ просить васъ дать всѣ ваши орудія на берегъ и такъ какъ у меня мало артиллеристовъ, то взять на себя изъ вашего экипажа составить нашу крѣпостную артиллерію, а старый пароходъ этотъ поставить такъ плотно на мель, чтобы въ случаѣ если непріятель прорвется въ бухту, то не могъ бы стащить и взять его какъ призъ. Я сейчасъ же донесу объ этомъ моемъ распоряженіи Великому Князю Намѣстнику и главному командиру.

Комментаріи излишни. Больному, усталому Шелковникову не сидѣлось дома: зная, что человѣкъ, знакомый ему съ недавнихъ поръ, въ тяжеломъ, критическомъ положеніи, онъ, ненавидя и боясь воды, въ крѣпкій вѣтеръ ночью ѣдетъ на пароходъ, придумавъ цѣлый планъ, какъ выручить другаго изъ бѣды и спасти его репутацію.

Миръ праху твоему, доблестный воинъ, умѣвшій при желѣзной и непоколебимой волѣ сохранить необыкновенную теплоту души и сердца.

Благодаря содѣйствію друга и товарища Снѣтова, и неутомимому труду своихъ офицеровъ и команды, «Веста» была спасена съ разсвѣтомъ; она снялась съ мели, и на другой день, во время торжественнаго молебствія по случаю тезоименитства Государя Императора, «Веста» и «Владиміръ» вошли въ бухту Севастополь.

II.

Г...... Г...... одинъ изъ волонтеровъ „Весты" *).

Прошло дня три или четыре, какъ «Веста» пришла въ Севастополь послѣ боя, выдержаннаго ею 11-го іюля близь Кюстенджи. Убитые только что были похоронены, изъ язвъ раненыхъ еще сочилась кровь, здоровые или считавшіеся таковыми хлопотали на пароходѣ, торопясь задѣлывать и исправлять поврежденія, полученныя судномъ въ бою, и готовили его къ новому плаванію и новой экспедиціи.

Быстро кончается обрядъ похоронъ, быстро засыпается могила надъ усопшимъ... но не скоро ослабѣваетъ тяжелое, томящее чувство, охватывающее свидѣтелей похороннаго обряда, особенно если покойникъ былъ человѣкомъ близкимъ, дорогимъ.

Наши павшіе товарищи были для насъ и дороги и близки. Воспоминанія еще были вездѣ какъ и самые слѣды жизни ихъ между нами. Отъ запекшейся крови и мѣстами еще не от-

---

*) Въ числѣ волонтеровъ пароходовъ «Весты» и «Россія», кромѣ Г. Г... были еще личности, весьма почтенныя и интересныя, о которыхъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ.

скобленной отъ осколковъ человѣческихъ костей, врѣзавшихся въ дерево парохода, до клочьевъ платья, изорваннаго на живыхъ вѣшалкахъ—все на каждомъ шагу и ежеминутно напоминало недавно пережитую нашимъ судномъ кровавую драму; все невольно напоминало тѣхъ, которые такъ недавно были здѣсь, которыхъ теперь цѣлой вереницей мы снесли на кладбище.

Общее настроеніе на суднѣ было не веселое, на лицѣ каждаго проглядывала грустная дума...

Я только что возвратился съ перевязочнаго пункта, гдѣ при мнѣ одному изъ любимцевъ моихъ матросовъ дѣлали операцію —вынимали засѣвшій въ костяхъ кусокъ шрапнели англійской фабрикаціи. Я говорилъ съ кѣмъ-то изъ офицеровъ о только что видѣнной мною операціи и страданіяхъ нашихъ раненыхъ. Вдругъ позади себя слышу чистѣйшій англійскій языкъ. Во время всей войны я не думаю, чтобы для кого нибудь изъ русскихъ могла быть пріятною встрѣча съ англичанами, этими дѣйствительными врагами нашими, прикрывавшими себя и свою политику турецкимъ мясомъ, какъ панцыремъ.

Пришедшій джентльменъ имѣлъ весьма почтеный и приличный видъ. Онъ подалъ мнѣ карточки князя В—ва и ген. Рих—а. На карточкахъ были написаны самыя теплыя рекомендаціи подателю г. Г... Когда я прочелъ написанное, Г... сказалъ мнѣ: «Въ рапортѣ вашемъ о сраженіи я видѣлъ, что вы предполагаете присутствіе англичанъ на турецкихъ судахъ. Это предположеніе справедливо. Но я бы хотѣлъ, чтобы въ Англіи видѣли гдѣ настоящее мѣсто для честнаго британца во время войны, которую ведетъ вашъ Государь за свободу угнетаемаго народа. Я старый военный: былъ капитаномъ въ Шотландскомъ полку, дѣлалъ крымскую кампанію, былъ въ Индіи. Имѣю состояніе, содержанія мнѣ не нужно. Сдѣлайте мнѣ честь принять меня волонтеромъ на «Весту».

Просьбу Г... я передалъ по телеграфу главному командиру, присовокупивъ и резюме ея мотивовъ. На третій день я получилъ

отъ генералъ-адъютанта Н. А. Аркаса слѣдующую телеграму: Государь Императоръ, въ виду похвальной цѣли, руководящей англійскимъ подданнымъ Г..., разрѣшаетъ поступить ему волонтеромъ въ ряды славной команды «Весты». Такимъ образомъ членъ многихъ лондонскихъ клубовъ, отставной капитанъ Г... сдѣлался нашимъ товарищемъ а вскорѣ и другомъ.

Генрихъ Г... или, какъ прозвали его матросики, англичанинъ Андрей Ивановичъ былъ однимъ изъ представителей прекраснаго типа честнаго англичанина, человѣка съ твердыми и честными убѣжденіями и правилами, и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнаго эксцентрика и оригинала.

Г..., какъ и многіе англичане, былъ прекрасно образованъ, но кромѣ мертвыхъ языковъ хорошо владѣетъ лишь отечественнымъ; по русски онъ знаетъ нѣсколько словъ, число которыхъ увеличилось за время его службы съ нами; разговорный французскій языкъ плохо дался, ему и такъ какъ большинство моихъ сослуживцевъ легче объяснялись по французски, чѣмъ по англійски, то Андрею Ивановичу волей-неволей приходилось говорить преимущественно на этомъ языкѣ, и странность выраженій и неимовѣрно англійскій способъ выговора французскихъ словъ, еще болѣе и сильнѣе увеличивали оригинальность Г..., придавая необыкновенный юморъ всему, о чемъ онъ говорилъ, да и характеръ самыхъ его дѣйствій всегда былъ чрезвычайно оригиналенъ. Идеи, приходившія ему, не истекали одна изъ другой, а являлись какъ-то вдругъ, скоропостижно. Храбрость, доходившая до фатализма, джентльменское благородство, чрезвычайная доброта и желаніе быть полезнымъ и пріятнымъ всѣмъ и во всемъ—вотъ отличительныя черты характера этой почтенной личности. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Г... поселился между нами, и мы всѣ и вся команда искренно его полюбили.

Имѣя весьма порядочное состояніе и пріученный жизнію и своими средствами къ комфорту и даже роскоши, Г... такъ

легко жилъ въ средѣ немудренаго нашего быта, такъ весело переносилъ тѣ или другія неудобства нашей судовой жизни, что казалось онъ и прежде не встрѣчалъ ничего лучшаго.

Нѣсколько дней послѣ поступленія Г..., исправленія «Весты» были окончены, на пароходѣ «Эльборусъ» капитаномъ Артюковымъ привезено было шесть человѣкъ новыхъ офицеровъ и около сорока нижнихъ чиновъ, назначенныхъ главнымъ командиромъ для замѣны выбывшихъ съ «Весты» вслѣдствіе боя 11-го іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ приказаніе оставить Севастополь и идти въ Николаевъ.

23-го или 24-го іюля, утромъ, мы вышли. Часовъ пять спустя, въ то время какъ мы садились за столъ обѣдать, мнѣ сверху дали знать, что на горизонтѣ показалось три судна. Впечатлѣнія недавней встрѣчи съ непріятелемъ у всѣхъ еще были очень сильны. Рефракція и игра воображенія увеличивали показавшіяся суда и придавали имъ видъ большихъ линейныхъ судовъ.

Такъ-ли то было въ дѣйствительности или иначе, но тѣмъ не менѣе мѣры предосторожности должны были быть приняты и пароходъ, не мѣняя своего курса, оживился приготовленіями къ бою. Г... съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за новой для него картиной. Взаимное положеніе курса «Весты» и виднѣвшихся судовъ были таковы, что если-бы они оставались безъ перемѣны, то черезъ часъ, много черезъ полтора мы должны были окончательно потерять одинъ другого изъ виду. Пароходъ былъ готовъ, оставалось ждать, что будетъ. Поручивъ вахтенному офицеру зорко слѣдить за видимыми судами и сообщать мнѣ о каждой перемѣнѣ, которую онъ замѣтитъ, я спустился обѣдать. За обѣдомъ Г... вступилъ въ разговоръ; онъ объявилъ мнѣ, что когда онъ увидалъ появившіяся вдали суда, то ему ясно представилась невозможность нашему пароходу съ успѣхомъ выдти изъ боя. Ему казалось, что результатомъ столкновенія будетъ взятіе насъ въ плѣнъ турками и вотъ

при этой-то мысли ему пришло въ голову, что окончательный для него результатъ будетъ заключаться въ томъ, что турки его повѣсятъ. Ему-же гдѣ-то разъ пришлось быть свидѣтелемъ казни чрезъ повѣшеніе, и смерть эта показалась ему до того противною и грязною, что онъ, никакъ не будучи въ состояніи помириться съ нею для себя, все думалъ какъ-бы избѣжать этой участи, и вотъ додумался до слѣдующаго пріятнаго разсужденія. Почти половина команды «Весты» состоитъ изъ людей новыхъ, только-что пришедшихъ, которые не могли еще освоиться съ условіями службы этого судна, и въ сраженіи, спѣша дѣйствовать, они непремѣнно обронятъ бомбу или какимъ нибудь другимъ способомъ произведутъ пожаръ, который кончится взрывомъ. Всѣ погибнутъ: онъ вмѣстѣ съ другими, и туркамъ вѣшать будетъ некого.

23-го или 24-го августа, съ парохода «Веста», подъ руководствомъ и командою капитанъ-лейтенанта князя Е. Ю. Голицына, на одинъ изъ пунктовъ Кавказскаго прибрежья былъ посланъ небольшой десантъ. Мы не знали, принадлежитъ-ли мѣстечко еще туркамъ или уже отнято отъ нихъ русскими, или, за отсутствіемъ тѣхъ и другихъ, на берегу держатся взбунтовавшіеся горцы; словомъ Голицыну и его маленькому отряду нужно было дѣйствовать съ крайнею осторожностью, и порученіе могло быть сопряжено съ большими опасностями. Г... обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить ему принять участіе въ десантѣ. Чрезъ нѣсколько секундъ Г... появился въ полномъ вооруженіи: онъ представлялъ изъ себя цитадель, серьозно снабженную отличнымъ оружіемъ и приготовившуюся упорно защищаться. Предъ самымъ моментомъ отправленія десанта, на одной изъ шлюпокъ произошло замѣшательство, причиною котораго былъ Г... и его политическія убѣжденія. Дѣло было въ томъ, что ему вдругъ пришла мысль, что онъ, какъ гражданинъ государства, которое не находится въ войнѣ съ Турціей, не имѣетъ права противъ турокъ употреблять ору-

жіе, а потому онъ просилъ возвратить на пароходъ весь взятый имъ на себя арсеналъ и затѣмъ въ качествѣ санитара, съ медикаментами для раненыхъ, отправился въ десантѣ.

Чтобы въ случаѣ сильнаго сопротивленія съ берега нашему десанту можно было поддержать и защитить его, «Веста», насколько только было можно подошла къ берегу, предоставя оберегать себя и начатую экспедицію отъ атаки турокъ съ моря пароходу «Владиміра», который, оставшись въ морѣ, могъ-бы своевременно замѣтить появленіе турецкихъ судовъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, смотря за дѣйствіями десанта, мы видѣли какъ пристали шлюпки къ берегу, какъ часть людей нашихъ, съ Голицынымъ впереди, стала подыматься въ гору, наконецъ они вошли въ селеніе, изъ котораго вырвалась стая одичалыхъ собакъ, и затѣмъ люди наши скрылись. На берегу не показывалось ни одного человѣка, не слышно было ни одного выстрѣла; наконецъ чрезъ довольно длинный и томительный промежутокъ времени команда наша начала выходить изъ селенія; прежде чѣмъ всѣ они вышли, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ надъ кустами стали взвиваться дымки и стали слышаться ружейные выстрѣлы.

Хотя день клонился къ вечеру, но и въ бинокль и простымъ глазомъ было ясно видно движеніе съ горы къ пристани нашей команды; со стороны, ближайшей къ кустамъ, изъ-за которыхъ стрѣляли, величаво двигалась колосальная фигура Голицына; съ противоположной стороны, на растянутой шинели несли раненаго подлѣ него копошились пароходный фельдшеръ и импровизированный русскій санитаръ, англичанинъ Андрей Ивановичъ.

Не обращая вниманія на выстрѣлы, Голицынъ посадилъ десантъ на шлюпки и благополучно послѣднимъ возвратился на пароходъ.

Предпринять что нибудь серьезное въ этотъ-же день, за приближавшейся темнотой, было поздно; оставаться въ бухтѣ

на якорѣ было-бы неблагоразумно, а потому «Веста» и «Владиміръ» пошли въ море, съ тѣмъ чтобы съ разсвѣтомъ внезапно появиться опять близь мѣстечка Г... и дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Съ вечера Г... принялся за свой дневникъ и обратился ко мнѣ за различными свѣдѣніями: ему нужно было знать долготу и широту мѣстечка Г. и сколько было домовъ до разоренія его турками, и былъ-ли тамъ телеграфъ, и т. п. На вопросъ-же мой, какъ ему понравилась экспедиція и свистъ пуль, онъ отвѣчалъ мнѣ: «что въ жизни его мало было такихъ пріятныхъ минутъ, какъ только имъ проведенныя; что онъ теперь только понимаетъ смыслъ настоящаго спорта, такъ какъ проведенныя имъ минуты на берегу были très excitantes. Онъ въ восторгѣ былъ отъ поведенія нашихъ матросовъ, и закончилъ тѣмъ, что онъ положительно увѣренъ въ томъ, что природа, давшая князю Голицыну двойное противъ другихъ тѣло, дала ему и увеличенную душу». На этомъ мы было и разстались, но вскорѣ Г... вернулся и, держа записную книжку и карандашъ, онъ просилъ ему сказать, какія ружья въ рукахъ турокъ, и на отвѣтъ мой, что Генри Мартини и Снейдера, что вѣроятно здѣсь, на Кавказѣ, ружья послѣдней системы, такъ какъ изъ ружей Мартини, Голицына-бы убили непремѣнно.

По назначеніи меня командиромъ парохода «Россія», въ составъ многочисленнаго экипажа этого судна, вмѣстѣ со мною, перешла большая часть моихъ сослуживцевъ по «Вестѣ» и въ томъ числѣ Г... Всѣ удачи и успѣхи нашего судна были дороги и близки сердцу Г... Каждая непріятность, случавшаяся съ кѣмъ нибудь изъ насъ, его сильно огорчала. Взятіе «Россіей» турецкаго парохода «Мерсина» было истиннымъ праздникомъ для Г... По клубу соединенныхъ службъ онъ былъ сочленомъ Гобартъ-паши. По поводу взятія нами «Мерсины», Г... написалъ турецкому адмиралу письмо, смыслъ котораго приблизительно былъ слѣдующій: «Сэръ. Изъ

числа трехъ транспортовъ съ войсками, вышедшихъ изъ Трапезунда въ Константинополь и которые, какъ говорятъ, были конвоированы судами вашей эскадры, транспортъ «Мерсина» не дошелъ до Константинополя. Васъ вѣроятно безпокоитъ судьба этого транспорта. Успокойтесь, онъ благополучно пришелъ въ Севастополь на буксирѣ русскаго крейсера «Россія», который взялъ его вмѣстѣ съ вашимъ адъютантомъ Риза-беемъ близь Пендеракліи». Не знаю, дошло-ли это письмо до Гобарта. Но говорятъ, что-то въ родѣ этого было напечатано въ «Daily News». Консулы англійскіе, особенно одесскій, были очень недовольны поведеніемъ Г..., и онъ имѣлъ даже непріятности. Война видимо близилась къ концу. Удары, нанесенные туркамъ нашею побѣдоносною арміей, слѣдовали одни за другими и, видя тяжесть ихъ для Турціи, Англія убѣждалась, что не сегодня-завтра Турція падетъ. Въ журналахъ англійскихъ стали появляться угрожающія намъ статьи Биконсфильдскаго направленія... Стала являться возможность войны съ Англіей. Пароходъ нашъ стоялъ въ Одессѣ. Былъ конецъ декабря; было весьма холодно. Вечеромъ въ моей каютѣ, у пылавшаго камина сидѣлъ почтенный Г... грустно повѣсивъ голову.

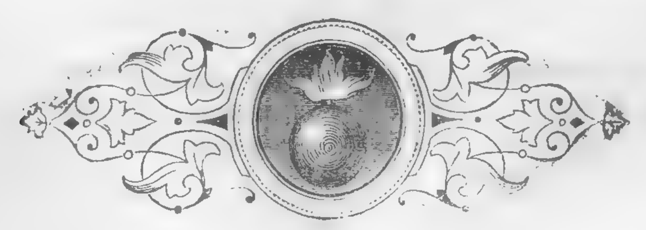
— Что съ вами? спросилъ я его.

— Жаль, отвѣчалъ онъ мнѣ, что въ Англіи мало знаютъ русскихъ: англичане-бы любили вашихъ и не вѣрили-бы своимъ евреямъ, да жаль, что и ваши мало знаютъ характеръ нашъ. Если съ вашей стороны будутъ уступки — война неизбѣжна.

Затѣмъ онъ спросилъ меня, что предполагаю я лично сдѣлать, если война вспыхнетъ. Я отвѣчалъ ему, что постараюсь сейчасъ-же уѣхать съ Чернаго моря и какимъ нибудь образомъ попасть командиромъ крейсера въ океанъ. А знаете, что я сдѣлаю? спросилъ Г... Я уѣду въ Америку и сдѣлаюсь американцемъ. Построю себѣ маленькую «Весту» и буду на ней плавать, какъ на яхтѣ и... не читать болѣе газетъ. Желать несчастія Англіи я не могу, а Россію я слишкомъ полюбилъ,

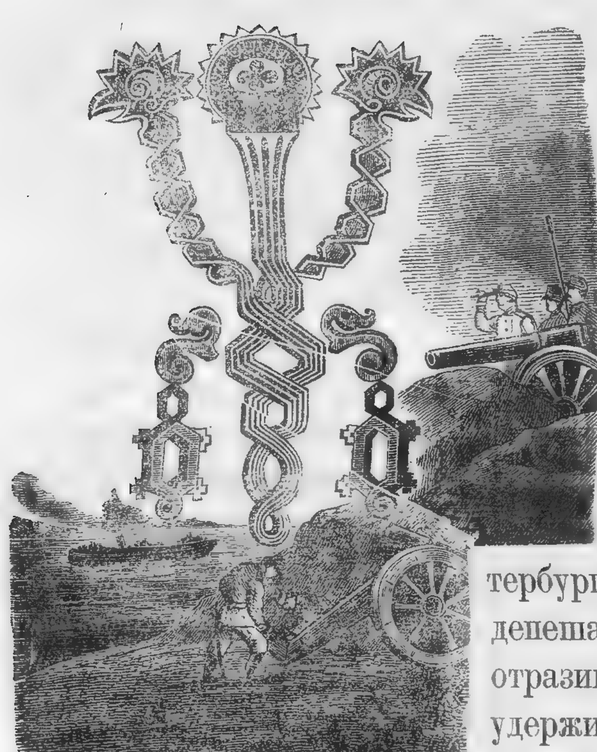
чтобы не желать ей добра. Послѣднее во время войны плаваніе «Россіи» было ея крейсерство съ пароходами «Владиміръ» и «Веста» близъ Варны, на сообщеніяхъ Варны съ Босфоромъ. Это было въ половинѣ января 1878 года. Мы возвращались въ Одессу. Погода стояла страшная, морозъ и сильный противный вѣтеръ, который несъ въ глаза замерзшія брызги. Нѣсколько минутъ трудно было стоять на верху, обратясь лицомъ впередъ, т. е. къ вѣтру. Крупинками льда, какъ иглами, кололо лицо, и холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь. А между тѣмъ, плывя въ составѣ отряда, нужно было зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Бѣдные вахтенные офицеры, сигнальщики и рулевые были мучениками. Не будучи въ состояніи по долгу оставаться на верху на мостикѣ, я чередовался со старшимъ офицеромъ парохода «Россія», капитанъ-лейтенантомъ П. П. Андреевымъ, и всякій разъ, когда приходила моя очередь, со мною являлся на верхъ Г... и вмѣстѣ со мною спускался внизъ отогрѣваться чаемъ. Мнѣ стало жаль этого добровольнаго мученика, и я выразилъ ему свое удивленіе, зачѣмъ и за что онъ казнитъ себя. Это ничего, отвѣчалъ онъ мнѣ,— а вотъ что скверно, что въ теченіе четырехъ дней плаванія мы не встрѣтили турокъ. Придемъ въ Одессу, застанемъ миръ, и кончится моя счастливая жизнь, что тогда я буду дѣлать? Г... былъ правъ. Чрезъ нѣсколько часовъ по приходѣ нашемъ въ Одессу городъ иллюминовался флагами по случаю полученія извѣстія о заключеніи перемирія. Спортъ Г... окончился. Что теперь дѣлаетъ нашъ другъ, Андрей Ивановичъ, ставшій снова сэромъ Г...—не знаю, но у всѣхъ насъ сохранилось самое теплое о немъ воспоминаніе.

Н. Барановъ.

Дѣло Нилова и Аренса.

11-го Іюня.

елая подѣлиться съ читателями подробностями этого славнаго дѣла на Дунаѣ и убѣдившись въ томъ, что далеко не всѣ знаютъ эти подробности я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы оныя добыть

Несмотря на то, что вслѣдствіе этого дѣла получена была въ Петербургѣ и разошлась по Россіи депеша Главнокомандующаго, отразившая, такъ сказать, неудержимый порывъ благоговѣнія къ подвигамъ моряковъ *), самое дѣло это, попавшее между атакою 8-го іюня Скрыдлова и 15-мъ числомъ, великимъ событіемъ переправы, въ подробностяхъ

---

*) Вотъ депеша: «Безстрашіе моряковъ невообразимое, неимовѣрное и неслыханное. Гвардейскаго экипажа Ниловъ и гардемаринъ Аренсъ чудно отличились: атаковали мониторъ подъ сильнымъ огнемъ изъ орудій, ружей, картечницъ и револьверовъ...»

своихъ проскользнуло отъ вниманія русскаго общества. Вотъ почему болѣе чѣмъ кстати эти подробности припомнить.

Спѣшу сказать, что добыть эти подробности было не легко. Главное дѣйствующее лицо въ этомъ дѣлѣ и распорядитель атаки 11-го іюня, мичманъ Ниловъ, черезъ-чуръ уже скроменъ и скупъ на разсказы о всемъ, что до него касается. Только послѣ нѣсколькихъ атакъ удалось получить отъ него нѣсколько подробностей, чтобы составить нѣчто въ родѣ очерка болѣе или менѣе яснаго о дѣлѣ 11-го іюня.

Мичманъ гвардейскаго экипажа Константинъ Дмитріевичъ Ниловъ, воспитанникъ морскаго училища и сынъ отставнаго черноморскаго моряка, ярославскаго помѣщика, на службѣ находился въ Гвардейскомъ экипажѣ съ годъ, и въ прошломъ году имѣлъ 21 годъ отъ рожденія. Небольшаго роста, съ разсѣяннымъ, блуждающимъ въ пространствѣ и слегка меланхолическимъ взоромъ, онъ всего менѣе можетъ наружностью своею служить отраженіемъ того отважнаго удальца, какимъ онъ явился на водахъ Дуная. На видъ онъ скорѣе могъ представлять собою типъ скромнаго и тихаго мечтателя, и какъ-бы нарочно для контраста судьба дала ему явиться во всемъ блескѣ самаго неудержимаго порыва отваги, удали и героической храбрости...

Горячее время наступало для всѣхъ на Дунаѣ около 10-го іюня, а для моряковъ подавно.

Вода на Дунаѣ начинала спадать. Наступала и близилась роковая минута переправы.

Съ легкой и счастливой руки Дубасова и Шестакова, каждому изъ моряковъ мерещилась полная возможность сцѣпиться на катерахъ съ турецкими броненосцами, а въ то же время на тѣхъ же моряковъ выпадала необходимость какъ можно скорѣе и больше наставить минныхъ загражденій гдѣ только это было возможно.

Переправа висѣла на носу, а для успѣха ея нужно было во что бы-то ни стало помѣшать турецкимъ броненосцамъ раз-

гуливать въ той мѣстности Дуная, гдѣ предполагалась переправа, то есть немного выше Никополя вплоть до самыхъ низовьевъ Дуная.

Для этого нужны были минныя загражденія; но кромѣ этого, думали моряки, сидя на берегу Дуная не мѣшаетъ для этой-же цѣли нагнать страху на турецкую флотилію настолько, чтобы она не на шутку боялась отваги и удали русскихъ моряковъ. А если при этомъ удалось бы взорвать одинъ, два монитора—тѣмъ лучше.

Взорвать мониторъ послѣ Дубасовскаго подвига не могло быть уже дѣломъ столь вѣрнымъ по шансамъ удачи, какъ въ началѣ, ибо само собою разумѣется, что нельзя было разсчитывать на неподготовленность турецкихъ мониторовъ къ встрѣчѣ миноносокъ: шансъ застигнуть врасплохъ исчезалъ; оставалось возлагать надежды на отвагу и рѣшимость.

Вотъ почему дѣла какъ Скрыдлова 8-го іюня и Нилова и Аренса 11-го іюня, совершонныя среди бѣлаго дня, явившись во всей красѣ подвигами невообразимой храбрости, достигли лишь одной цѣли—устрашенія турецкой флотиліи: они парализовали ее страхомъ на все послѣдующее время; но другой цѣли—взрыва, достигнуть не могли, ибо встрѣтили подготовленнаго къ отраженію нападенія противника.

Мониторы турецкіе прогуливались по Дунаю ежедневно: одинъ, напримѣръ, ежедневно совершалъ рейсъ отъ Никополя внизъ къ Зимницѣ; другой отъ времени до времени шелъ снизу вверхъ, прогуливаясь, причемъ они занимались стрѣляніемъ въ наши батареи.

Вотъ на эти-то мониторы рѣшено было пустить томившихся въ бездѣйствіи моряковъ, и одновременно съ этимъ, по приказанію Главнокомандующаго, тѣмъ-же морякамъ поручено было заняться минными загражденіями.

У моряковъ, какъ извѣстно, были на румынскомъ берегу свои гнѣзда, гдѣ они составляли особенные отряды. Одинъ изъ

такихъ отрядовъ, въ составъ котораго входили Скрыдловъ, Ниловъ и Аренсъ, офицеры Гвардейскаго экипажа, въ началѣ іюня имѣлъ свою стоянку въ Малло-де-Жозъ, на довольно высокомъ мѣстѣ, откуда какъ на ладони виднѣлся очень далеко Дунай и внизъ и вверхъ. Начальникомъ этого отряда былъ капитанъ 1-го ранга Новиковъ, молодецъ изъ молодцовъ, какъ назвалъ его въ одной изъ своихъ депешъ Главнокомандующій. Новиковъ дѣйствительно такимъ былъ: типъ моряка славныхъ Севастопольскихъ временъ, колоссъ силы, гигантъ неустрашимости, съ желѣзною волею и неизмѣримой энергіей. Ставъ во главѣ этого отряда, гдѣ столько было горѣвшихъ желаніемъ пригодиться для общаго дѣла юношей, Новиковъ съумѣлъ изъ себя сдѣлать для нихъ не только начальника, но учителя, и пріобрѣлъ отъ своихъ учениковъ и любовь и уваженіе.

Вотъ на этого-то Новикова и возлагалась задача заградить Дунай какъ можно скорѣе и прочнѣе. 7-го іюня Новиковъ составилъ свой отрядъ, и вечеромъ поздно двинулся въ путь со своею эскадрою. Составъ этой эскадры былъ слѣдующій: десять катеровъ и десять офицеровъ *).

Планъ экспедиціи заключался въ двухъ дѣйствіяхъ: сперва заградить Дунай около Парапана и затѣмъ вторыя загражденія поставить выше Никополя, у мѣстечка Карабіи.

На долю мичмана Нилова выпала честь и счастливая доля сѣсть въ катеръ вмѣстѣ съ капитаномъ Новиковымъ.

— Только первая пуля страшна, объяснялъ учитель своему ученику:—нагнешься, не бѣда, а вторая ужь ни почемъ.

Нѣсколько часовъ спустя, когда ночь смѣнилъ жаркій и свѣтлый день, и катеръ Новикова вступилъ въ сферу огня, Ниловъ услышалъ какъ провизжала первая пуля.

— Ну, что? спросилъ Новиковъ.

— Ничего:—первая провизжала, отвѣтилъ юноша.

*) Эти офицеры были: Астромовъ, Аренсъ, Качаловъ, Ниловъ, Перс[illegible]ъ, Скрыдловъ, Тудеръ, Хвостовъ, Штакельбергъ и Яблочковъ.

Впрочемъ, второй и не было, ибо вслѣдъ за первою начался хоръ пуль.

Турки очевидно ждали этой экспедиціи; ибо едва она приступила къ своему дѣлу и Новиковъ принялся за работу съ своими учениками, какъ пришлось буквально быть подъ дождемъ и пуль и артиллерійскихъ снарядовъ.

Съ часовъ шести утра до часовъ двѣнадцати находилась бравая юная команда подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ.

Работа, уже оконченная столь безумно храбро и столь чертовски счастливо, дала охоту ее продолжать. Но тутъ подъѣхали къ берегу генералы Скобелевъ 2-й и Струковъ, и предупредили молодцовъ, что турки не на шутку испугались, и что на нихъ идетъ цѣлый полкъ и скачетъ батарея.

Пришлось кончить работу. Тѣмъ временемъ успѣлъ совершиться славный въ своей неудачѣ подвигъ Скрыдлова. Прострѣленный въ ноги, храбрый Скрыдловъ возвращался на «Шуткѣ» съ боя съ мониторомъ, который отправился внизъ по Дунаю. Не удалось повторить Дубасовское дѣло!

Отрядъ капитана Новикова двинулся далѣе. Оставивъ часть своихъ офицеровъ на берегу, капитанъ Новиковъ взялъ съ собою другую часть, и отправился, съ остановками на пути, къ Фламундѣ, гдѣ предположилъ ночевать съ 10-го на 11-е іюня, чтобы затѣмъ подняться до Карабіи и приступить ко вторымъ загражденіямъ.

Но тутъ опять явилось неожиданное препятствіе. Отправившись изъ Фламунды въ Турнъ-Магурелли, капитанъ Новиковъ узналъ, что пройти водою Дунай мимо Никополя нѣтъ никакой возможности, такъ какъ турки устроили батареи на самомъ берегу, и проходъ у Никополя какъ нарочно съуживается до такой степени, что нельзя не служить вѣрною мишенью для каждаго турецкаго выстрѣла.

Новиковъ тогда рѣшилъ отправиться сухимъ путемъ, взявъ съ собою часть своего отряда, то есть двѣ шлюпки, при двухъ

офицерахъ. Утромъ-же 11-го онъ втянулъ на берегъ шлюпки и отправился, а мичману Нилову оставилъ въ распоряженіе три остальные катера: «Шутку», «Мину» и «Первенецъ», съ инструкціей ждать дня черезъ два его возвращенія, а пока, если случай представится, напасть пожалуй на мониторъ, буде онъ явится. Кромѣ мичмана Нилова, остались во Фламундѣ при катерахъ гардемаринъ Аренсъ, офицеръ инженеръ-механикъ Болеславскій, тотъ самый, который участвовалъ въ боѣ Скрыдлова 8-го іюня и вернулся цѣлъ и невредимъ, и подпоручикъ Луговой.

— Неужто опять будемъ атаковывать мониторъ? спрашиваетъ онъ у Нилова, распивая чай, утромъ 11-го числа, на берегу Дуная.

— Отчего-же нѣтъ, если подвернется, отвѣтилъ хладнокровно Ниловъ.

Мониторъ оказался легкимъ на поминѣ. Какъ разъ въ это время мичманъ Ниловъ получаетъ отъ генералъ-маіора Леонова, командира 1-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи, увѣдомленіе, что идетъ мониторъ снизу вверхъ, и что хорошо было бы его атаковать подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня у нашего берега, 15-й конно-артиллерійской батареи.

Сейчасъ-же мичманъ Ниловъ приступилъ къ приготовленіямъ и къ плану атаки. Себѣ онъ взялъ «Шутку», на которой находился инженеръ-механикъ Болеславскій, Аренсу далъ «Мину». а третью шлюпку назначилъ въ резервъ. Рѣшено было выжидать появленія монитора въ рукавчикѣ Дуная подъ прикрытіемъ лѣса, у самаго мыса, и затѣмъ, когда поравняется мониторъ съ ними, войти въ Дунай и броситься неожиданно на мониторъ.

Но тутъ пришло извѣстіе о появленіи втораго монитора, идущаго сверху внизъ, выше Никополя. Тогда ни мало не смущаясь, мичманъ Ниловъ только слегка измѣняетъ свой планъ, и рѣшаетъ, что въ случаѣ появленія двухъ мониторовъ одновре-

менно, онъ будетъ атаковывать одинъ мониторъ, а Аренсъ— другой, а третья шлюпка будетъ служить резервомъ для одного изъ нихъ двухъ, кому она понадобится.

Но къ осуществленію столь смѣлаго плана атаки не пришлось приступить, ибо, какъ оказалось послѣ, второй мониторъ остался въ Никополѣ.

Артиллерія была уже на своемъ мѣстѣ, флотилія тоже. Въ ожиданіи прошло часа два. Наконецъ мониторъ сталъ приближаться. Моряки приготовились. На катерѣ Нилова имѣлись только крылатыя мины; у Аренса были подготовлены и крылатая и носовая мина. Вслѣдствіе этого Ниловъ поручилъ Аренсу атаковать первымъ. На каждомъ изъ катеровъ было семь человѣкъ команды, съ унтеръ-офицеромъ.

Броненосецъ подходитъ...

Полетѣли катера. Но мониторъ оказался далеко не безпечнымъ, и едва катера показались уже открыто на Дунаѣ, какъ началась по нимъ пальба изъ орудій и ружей.

На бѣду, тутъ-же въ самомъ началѣ, эта пальба нанесла атаковывавшимъ существенный вредъ и измѣнила планъ Ниловской атаки. Ниловъ, бросивъ взглядъ на катеръ Аренса, видитъ, что однимъ изъ выстрѣловъ съ монитора, какъ разъ на срединѣ рѣки, шестъ мины Аренса перебитъ; мина измѣнила свое положеніе, и катеръ Аренса почти плыветъ подъ своею собственною миною.

Что дѣлать?

Приходится Нилову атаковать мониторъ одному съ своею крылатою миною, а Аренсу быть готовымъ атаковать тоже, но уже крылатою миною.

Подходитъ онъ къ монитору ближе. Выстрѣлы въ нихъ уже обратились въ проливной дождь. На мониторѣ все спокойно. Слышно, что все дѣлается хладнокровно и предусмотрительно. Но все-таки наши моряки приближаются. Планъ

Нилова былъ атаковать, и пройдя, по борту монитора, пустить подъ него мину.

Но и тутъ неудача. Ниловъ видитъ, что съ той стороны, съ которой онъ рѣшился атаковать мониторъ, послѣднiй имѣлъ боковую мину, такъ что подойти не было никакой возможности. Пришлось перемѣнить планъ атаки и пройти подъ корму.

Все это дѣлалось подъ тѣмъ-же проливнымъ дождемъ выстрѣловъ и въ нѣсколькихъ саженяхъ, раздѣлявшихъ одного противника отъ другаго. Нилова душила досада—досада двойная, досада страшная. Объ опасности давно не было помину. Его мучила неудача....

Вотъ видитъ онъ на мостикѣ монитора стоитъ какой-то начальникъ. Онъ видитъ его позу, ему мерещится его вызывающiй взглядъ, ему слышится его неподвижно-спокойная командирская рѣчь, вотъ онъ глядитъ въ его направленiе...

Кровь закипѣла еще сильнѣе въ юномъ Ниловѣ: онъ хватаетъ револьверъ и стрѣляетъ въ этого противника... Разсѣялся дымъ. Противникъ стоитъ все на томъ-же мѣстѣ, съ тѣмъ-же спокойнымъ видомъ. Ниловъ стрѣляетъ вторично и жадно ждетъ: дымъ разсѣялся — противника уже не видно... Отлегло; какое-то чувство получило въ немъ полное удовлетворенiе.

Все это длилось мгновенiе.

Но пока всецѣло предаваясь мгновенiю боя лицомъ къ лицу съ тѣмъ неизвѣстнымъ, котораго онъ считалъ командиромъ монитора и даже не туркою, а англичаниномъ, какъ это показалось ему по внѣшнимъ примѣтамъ, Ниловъ невольно не успѣвалъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ мигъ за мигомъ опасность для него становилась страшнѣе и неизбѣжнѣе.

Мониторъ началъ загибать вправо, носомъ внизъ, вслѣдствiе чего Ниловъ со своимъ катеромъ очутился между правою стороною кормы монитора и берегомъ: ясно было, что мониторъ хотѣлъ его прижать къ берегу.

Тутъ-же настало новое критическое мгновеніе. Вотъ прислуга при орудіи на мониторѣ готовится направить орудіе прямо почти въ упоръ въ катеръ Нилова. Еще минута, и ужасный замыселъ противника былъ бы исполненъ.

Но и здѣсь Богъ сохранилъ героя — избравъ своимъ орудіемъ ловкость и мѣткость русскихъ храбрецовъ, Аренса и его стрѣлковъ. Раздается залпъ надъ головою Нилова, расходится дымъ, и Ниловъ видитъ, какъ валится перебитая стрѣлками Аренса прислуга. Но опасность не миновала, а все усиливается, ибо вдругъ катеръ Нилова находитъ на мель у берега.

Цѣль монитора, повидимому, достигается. Еще двѣ, три минуты, и катеръ на мели былъ-бы запертъ мониторомъ и взятъ. Въ добавокъ машинистъ на катерѣ Нилова, Нѣмчиновъ, раненъ, офицеръ Болеславскій немедленно беретъ на себя должность машиниста, а унтеръ-офицеръ Антиповъ выскакиваетъ изъ катера, и быстрымъ, гигантски-сильнымъ движеніемъ спихиваетъ съ берега катеръ.

Катеръ спасенъ: даетъ задній ходъ, и медленно опять огибая мониторъ удаляется...

Мониторъ поворачиваетъ и тоже тихо уходитъ. Не дешево достался ему этотъ бой!

Пока Ниловъ съ Аренсомъ безсильно, такъ сказать, вели героическій бой съ мониторомъ, съ берега конно-артиллерійская батарея подъ командою храбраго Коломейцева творила чудеса мѣткости, осыпая выстрѣлами мониторъ. Этотъ-то замѣчательно мѣткій огонь нашей артиллеріи, пробившій у монитора трубу, пробившій и блиндажи, рѣшилъ участь битвы, ибо заставилъ мониторъ заботиться о собственномъ спасеніи и уйти какъ можно скорѣе.

Съ другой стороны, стрѣлки Аренса и Нилова ловко перебили часть экипажа на мониторѣ, не говоря уже о томъ, что оставаться передъ такими безумно-безстрашными юношами

хладнокровный мониторъ долженъ былъ счесть не совсѣмъ удобнымъ.

Бой кончился.

Цѣль его казалась не достигнутою. Подвести мину не было никакой возможности, вслѣдствіе малаго ея отклоненія и невозможности найти уязвляемую сторону защищеннаго своими минами монитора.

Раненыхъ было двое. Одинъ у Нилова на катерѣ — машинистъ Нѣмчиновъ, а у Аренса—матросъ Бобковъ.

Грустно стали они возвращаться къ берегу, съ чувствомъ будто ровно ничего не сдѣлали, и чуть-ли не осрамились. Но на берегу о нихъ были другаго мнѣнія. Всѣ жадно слѣдили простымъ глазомъ и черезъ подзорныя трубы за этимъ боемъ Давида съ Голіаѳомъ, и всякій не только видѣлъ, но чувствовалъ, что за баснословный героизмъ проявляется у нихъ на глазахъ, не секунду, а минуты за минутами въ этихъ крошечныхъ катерахъ, дерущихся почти у самаго жерла четырехфунтовыхъ орудій монитора, подъ градомъ пуль и подъ опасностью или попасть на мину монитора, или взлетѣть на воздухъ отъ своей собственной мины.

Оттого контрастъ между физіономіями вернувшихся на берегъ моряковъ и офицерами и солдатами, встрѣтившими ихъ на берегу, былъ картиною весьма любопытною и даже поразительною.

Идутъ они, грустно понуря головы, какъ будто стыдно имъ взглянуть на боевыхъ товарищей и на Божій свѣтъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ бросаются на нихъ эти товарищи, съ сіяющими лицами, съ восторженными привѣтствіями, со слезами на глазахъ, начинаютъ ихъ цѣловать, обнимать... Храбрый и всѣми уважаемый генералъ Леоновъ первый подаетъ примѣръ этой оцѣнкѣ Ниловскаго дѣла, обнимаетъ горячо обоихъ юношей и первый произноситъ слово: «герои», обращаясь къ тѣмъ которые самымъ чистосердечнымъ образомъ вѣровали выйдя

на берегъ, что они не только ничего не сдѣлали, но сдѣлали то, что имъ было поручено, очень скверно.

А между тѣмъ черезъ два часа генералъ Леоновъ даетъ знать Нилову, что мониторъ, его противникъ, вернулся въ Никополь, какъ будто разоружается и что команда сходитъ съ судна.

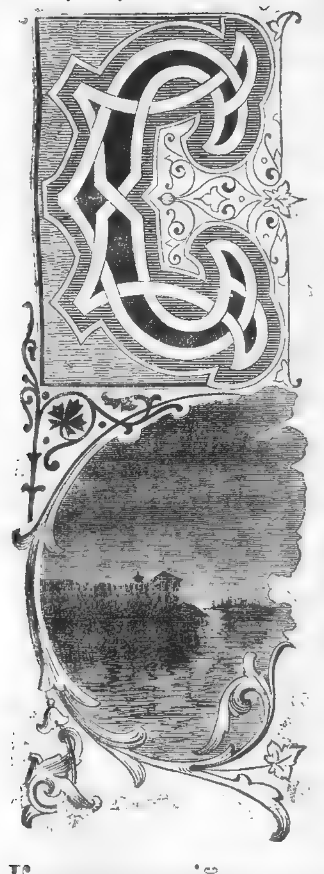
На третій день къ мѣсту стоянки Нилова прибываетъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, призываетъ Нилова и Аренса, обнялъ ихъ, и отъ Имени Государя объявляетъ о пожалованіи Нилову Георгія 4-й степени, а Аренсу знакъ отличія военнаго ордена.

N....

Взятіе турецкаго транспорта „Мерсина"

13-го Декабря.

ознавая несомнѣнную пользу, приносимую взятыми изъ Русскаго общества пароходства и торговли пароходами «Веста», «Константинъ», «Аргонавтъ» и «Владиміръ», Правительство нашло нужнымъ увеличить число ихъ еще однимъ, и выборъ палъ на «Россію».

Громадная длина, 320 футъ; прекрасная машина, дающая до тринадцати миль въ часъ; просторная верхняя палуба, на которой можно помѣстить большія и въ большомъ количествѣ орудія—вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ выборъ палъ именно на этотъ пароходъ.

12-го августа на «Россіи» поднятъ военный флагъ, а 13-го, т. е. на другой день, болѣе двухсотъ рабочихъ Николаевскаго адмиралтейства уже приступили къ передѣлкѣ. Коммерческій пароходъ живо обратился въ военный. Тамъ, гдѣ прежде стояла шелковая каюта перваго класса, теперь помѣстилась девяти-дюймовая мортира, орудіе впервые отлитое въ Россіи и впервые поставленное на военное судно. Грузовые люки задѣланы, на нихъ стоитъ восьми-дюймовая артил-

лерія. Въ трюмахъ, гдѣ симметрично прежде укладывались цыбики чаю, теперь не менѣе симметрично лежатъ ящики съ порохомъ, съ снарядами и патронами. Въ этихъ же трюмахъ устроены помѣщенія для трехсотъчеловѣкъ команды, для тридцати человѣкъ офицеровъ, просторные провизіонные погреба и каюты для судоваго имущества.

Въ первыхъ числахъ декабря «Россія» перешла въ Одессу, и лишь сильный сѣверный вѣтеръ мѣшалъ ей выйти въ море.

Въ сравнительно короткій промежутокъ, т. е. съ половины августа и по декабрь, вотъ что сдѣлано изъ чайнаго парохода. На верхней палубѣ поставлены: одна девяти дюймовая мортира шесть восьми-дюймовыхъ орудій, три шести-дюймовыхъ, четыре девяти-фунтовыя и четыре маленькія пушки Энкстрема, назначенныя спеціально противъ атаки минныхъ катеровъ. Минныя приспособленія сбоку, спереди, сзади, давали возможность поражать непріятеля, нагоняя, убѣгая и проходя съ нимъ бокъ о бокъ.

Четыре паровыхъ катера, вооруженные минами, висѣли по обоимъ бортамъ, готовые во всякій моментъ къ атакѣ. Словомъ, по силѣ огня «Россія» не имѣла себѣ соперника въ турецкомъ флотѣ. Что касается до тонкаго ея борта, то это не представляло большой опасности. Въ пространствѣ, гдѣ помѣщается машина, бортъ былъ блиндированъ углемъ; да вообще броня, кажется, только тѣмъ и страшна, что тяжела, да дорога.

Тридцать человѣкъ офицеровъ парохода поступили по своему желанію, триста человѣкъ команды по преимуществу охотники, и наконецъ командиръ «Россіи» былъ флигель-адъютантъ капитанъ 2 ранга Н. М. Барановъ.

10-го декабря барометръ немного упалъ и вѣтеръ сталъ стихать. Назавтра рѣшено идти въ море.

Куда идемъ? Зачѣмъ идемъ? Всякій хотѣлъ знать, но никто ровно ничего не зналъ. Назначеніе плаванія держалось въ тайнѣ. Въ Одессѣ слѣдили за всѣмъ, и каждый шагъ былъ извѣстенъ

въ Константинополѣ. Барановъ объявилъ, что идетъ въ Очаковъ для полученія инструкцій отъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ генералъ адъютанта Аркаса.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, т. е. 11-го декабря, мы вышли изъ Карантинной гавани и направились къ Очакову, но лишь только скрылась Одесса, какъ повернули на югъ. Инструкціи давно лежали у командира въ карманѣ, и онъ теперь не замедлилъ ихъ объявить намъ. Вотъ въ чемъ главная суть: надо уничтожить склады угля въ Пендераклія, а если тамъ встрѣтится броненосецъ, то атаковать его катерами.

Заманчивость предстоящаго дѣла радовала насъ.

12-го. Совершенно лѣтній день тепло и тихо; лишь старая сѣверная зыбь покачиваетъ «Россію». Въ этотъ день составленъ планъ атаки, и каждый командиръ катера получилъ его копію. Но утро вечера мудренѣе; спустить катера было дѣломъ риска, а при зыби атака немыслима.

13-го. Число не хорошее, но день счастливый. Утромъ подошли къ берегу; легкій туманъ заслонялъ его; лишь въ семь часовъ онъ разъяснился и, чудные контуры горъ Пендераклія обрисовались на голубомъ фонѣ неба. До берега не болѣе пяти миль. Всѣ на ногахъ и на верху. Каждый напряженно смотритъ направо и налѣво. Ждали недолго. Съ лѣвой стороны изъ-за мыса показался дымъ. «Вотъ бы на него», слышалось со всѣхъ сторонъ. Но Барановъ предупредилъ, и «Россія», повернувъ, уже мчалась на всѣхъ парахъ по направленію къ непріятелю. Дымъ приближается; направилъ на насъ; потомъ круто повернулъ вдоль берега. Броненосецъ? Нѣтъ. Кто-же? ужь видѣнъ рангоутъ, труба, корпусъ. Флага нѣтъ.

— Выстрѣлъ изъ девяти-дюймовой подъ носъ, раздается голосъ Николая Михайловича. Бѣлое облако, и ядро подняло столбъ воды. Дымъ черными клубами вылетаетъ изъ трубы; лишній паръ вырывается наружу, видимо непріятель силится удрать.

— Другой выстрѣлъ! Подняли какой-то флагъ: ничего не разобрать. «Россія» поворачиваетъ къ берегу; курсъ пересѣченъ.

Третій выстрѣлъ уже изъ восьми-дюймоваго орудія: ядро легло подъ самымъ носомъ, сдѣлало нѣсколько рикошетовъ и скрылось въ лѣсу.

Машина остановлена. Парламентерскій флагъ говоритъ: «Придите и берите». Но быть можетъ это обманъ. Быть можетъ, онъ хочетъ подойти или чтобъ мы подошли и—свалиться на абордажъ. Наши орудія наведены на него, малѣйшее сомнительное движеніе—и семь изъ нихъ дадутъ залпъ. Парламентерскій флагъ спустили. Лейтенантъ Заринъ мчится на катерѣ; двѣ мины у него готовы въ моментъ пустить ко дну. Вотъ онъ близко, присталъ, выходитъ. На «Россіи» раздается дружное громкое и радостное «ура». Русскій военный, бѣлый съ синимъ крестомъ, флагъ, а подъ нимъ красный турецкій взвились на кормѣ,— уже не непріятель.

Немедленно спущены другіе катера; капитанъ втораго ранга Сутковой въ качествѣ командира пяти человѣкъ офицеровъ и двадцати пяти человѣкъ команды готовы переправиться на новое русское военное судно.

Заринъ какъ у себя дома: даетъ ходъ; подходитъ къ намъ. Еще громче «ура» привѣтствуетъ его.

Мы переправляемся. Катеръ насъ высадилъ и самъ взялъ командира «Мерсины» (такъ назывался транспортъ), офицеровъ и машинную команду.

Ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную картину представляла палуба «Мерсины». Результаты морской болѣзни покрывали ее сплошь. На этой же палубѣ, одинъ на другомъ, полунагіе, посинѣлые отъ утренняго холоду, изнуренные, сидѣли плѣнные: ихъ было до семисотъ человѣкъ. Ужасъ выражался на каждомъ лицѣ. Только стоило близко пройти мимо кого нибудь, какъ онъ ежился и пряталъ голову за другаго, точно утка, которая спрячетъ голову въ траву и воображаетъ, что

ее никто не видитъ... Нашъ механикъ съ своей командой вступилъ въ, управленіе машиной, и мы скоро послѣдовали за «Россіей» по направленію къ Севастополю.

— Ваше благородіе, кажись изъ-за мыса кто-то идетъ— сказалъ мнѣ матросикъ. Въ самомъ дѣлѣ, громадный рангоутъ и корпусъ двигался прямо на насъ. Неужели это броненосецъ? Хотя призъ дался легко, но разстаться съ нимъ—жалко. Сутковой тоже замѣтилъ, и на приказаніе отбирать скорѣе оружіе, людей въ трюмъ,—послѣдовало моментальное исполненіе. Не прошло и пяти минутъ, какъ сотни ятагановъ лежали на мостикѣ. Люди, какъ бомбы, летѣли въ трюмы.

«Кто не отдастъ оружія и вообще не будетъ исполнять приказанія, будетъ немедленно наказанъ». Угроза, объявленная лейтенантомъ Заринымъ, подѣйствовала. Тотъ, кто свой кинжалъ спряталъ за пазуху, тащилъ его вонъ и выбрасывалъ на палубу. Страхъ такъ обуялъ плѣнныхъ, что въ оружіи попадались перочинные ножи, и даже одна вилка.

Между тѣмъ судно приближалось. Что дѣлать, если это броненосецъ? Рѣшено было такъ. Вѣроятно, «Россія» вступитъ съ нимъ бой, а мы тѣмъ временемъ удирай что есть силы въ Севастополь, Если же «Россіи» придется плохо, то открыть краны въ машинѣ и пускай насъ подбираютъ съ воды. У Баранова планъ былъ другой. Онъ предполагалъ насъ взять обратно къ себѣ, а въ «Мерсинѣ» сдѣлать дыру, въ разсчетѣ, что непріятель займется спасеніемъ своихъ людей, а мы тѣмъ временемъ можемъ его бить, имѣя возможность уйти отъ него, когда понадобится. Но, слава Богу, тревога оказалась фальшивою.

Такъ храбро повернувшее на насъ судно быстро бросилось въ берегъ. То былъ австрійскій пароходъ, перевозившій турецкія войска съ Кавказа въ Константинополь.

Близость берега и близость эскадры Гобарта-паши, который находился въ Синопѣ и могъ быть увѣдомленъ, помѣшали намъ захватить и этотъ пароходъ.

Расхлябанная машина работаетъ полнымъ ходомъ; оружіе отобрано, плѣнные внизу, часовые у люковъ посматриваютъ на нихъ, изрѣдка улыбаясь, когда который-нибудь знаками упрашиваетъ пустить его на верхъ. Все спокойно.

Съ наступленіемъ темноты «Россія» подала намъ буксиръ, и въ семь часовъ утра на другой день мы увидали южный берегъ Крыма.

Радушный Севастополь умѣетъ показать себя; только лишь показалась «Мерсина» въ южную бухту, какъ полгорода уже ожидало, высыпавъ на берегъ. Крики «ура» продолжались до глубокой ночи; сотни лодокъ окружали «Россію».

Описавъ взятіе приза, я теперь разскажу, какимъ образомъ онъ сдался такъ скоро, съ разсказа плѣнныхъ.

Нуждаясь въ перевозочныхъ средствахъ, турецкое правительство купило у французской компаніи пароходъ «Шелифъ» и назвало его «Мерсиной». Забравъ войска изъ Батума и Трапезунда, а также и пассажировъ, «Мерсина» шла въ Константинополь и потомъ въ Варну. Она взяла цѣлый полкъ пѣхоты, около семисотъ пятидесяти человѣкъ, при командирѣ (бимъбашѣ), четырнадцати офицерахъ, гаремъ женщинъ, числомъ тринадцать и нѣсколько купцовъ, перевозившихъ свой товаръ, по преимуществу рисъ, яблоки и грецкіе орѣхи. «Мерсина» вышла изъ Трапезунда съ конвоиромъ-броненосцемъ, но тотъ почему-то отсталъ—плѣнные не знаютъ. Подходя къ Пендеракліи, они увидали насъ и приняли за погибавшую баржу русскаго общества. Принять было не трудно. Я думаю не было ни въ одномъ флотѣ судна, наружный видъ котораго походилъ бы на «Россію». Выкрашенная подъ цвѣтъ воды; всѣ три мачты сняты, а на мѣсто передней или фокъ-мачты поставленъ коротенькій кусочекъ, похожій на обломокъ. Когда она входила въ Севастополь, гдѣ ее первый разъ увидѣли, то и тамъ подумали, что она вѣроятно побита. Такимъ образомъ принявъ насъ, какъ я сказалъ выше, за погибающую баржу, турки уже ликовали,

чувствуя прелесть поживы и кровавой потѣхи; но ядро отъ насъ разочаровало ихъ. По второму, командиръ (чехъ) созвалъ военный совѣтъ, на которомъ онъ, морскіе офицеры и бимъ-баши были противъ сдачи, всѣ же прочіе офицеры (сухопутные) за нее; притомъ близость паденія нашего ядра такъ напугала войско, что вой ихъ составилъ одинъ голосъ, присоединившійся къ своимъ младшимъ начальникамъ. Пассажиры, а главное женщины, и тѣ требовали безусловной сдачи. И такимъ образомъ французскій «Шелифъ» сдѣлавшійся турецкою «Мерсиной» вѣроятно не за малую сумму франковъ, стоилъ намъ трехъ выстрѣловъ подъ носъ. Благодаря переводчику, который былъ съ нами, мы могли узнать эти подробности, а также массу другихъ, касающихся до положенія турецкаго флота въ то время; объ арміи Мухтара-паши, интересовавшей всѣхъ и проч.—турки охотно все разсказывали. Между ними были немного говорящіе по-русски; одинъ даже въ крымскую войну находился въ плѣну и жилъ въ Калугѣ. Убѣдительная просьба его была отправить опять въ Калугу.

— Что же тамъ, хорошо?

— Хорошо, да и много знакомыхъ есть.

Я раньше говорилъ о томъ страхѣ, который наводилъ на нихъ каждый изъ насъ. На вопросъ, чего они боялись? былъ общій отвѣтъ: «Вы будете пытать, а потомъ разстрѣляете».

— Кто же вамъ это наговорилъ?

— Наше начальство.

Одинъ изъ плѣнныхъ, когда я проходилъ мимо него, посторонился говоря: «Я добра, я баши-бузукъ». Значитъ у нихъ добрый народъ—это баши-бузуки: оригинально; кто-жь тогда у нихъ на самомъ дѣлѣ добрые?

Часовъ около двухъ, когда было все совершенно покойно, мы приказали турецкому повару сготовить обѣдъ. Какая-то рыба, яблоки, орѣхи и густой кофей—намъ показались настоящимъ лукулловскимъ обѣдомъ. Видя насъ благодуше-

ствующими, турки стали показывать на свои впалые животы. Пошаривъ въ трюмахъ, мы нашли нѣсколько мѣшковъ съ галетами, которыя и были розданы плѣннымъ. Сварить на такое количество рису не было никакой возможности.

Купцы наперерывъ угощали насъ яблоками, забывая, что товаръ принадлежитъ не имъ, и надо было видѣть ихъ печаль, когда они объ этомъ узнали.

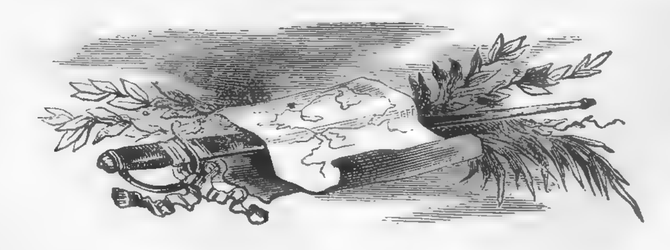
— А что, на берегу дали знать, что вы взяты—спросилъ кто-то у плѣннаго.

— Отъ того мѣста, гдѣ вы насъ взяли, въ двадцати верстахъ находится телеграфная станція, соединяющая Синопъ съ Константинополемъ; если тамъ знаютъ, что Гобартъ въ Синопѣ, то пошлютъ туда депешу, а то такъ въ Константинополь.

Вѣроятно на берегу не знали, потому что лишь въ ночь на 15-е къ Севастополю подходили броненосцы. Немного опоздали.

Теперь мнѣ остается описать самый транспортъ «Мерсину». Это пароходъ въ двѣсти шестнадцать футовъ длины; машина въ сто шестьдесятъ силъ, теперь уже немного исправленная даетъ до десяти миль въ часъ. Будучи прежде пассажирскимъ пароходомъ, имѣетъ прекрасныя каюты перваго и втораго классовъ. Коммисія оцѣнила его въ сто шестьдесятъ тысячъ. Кромѣ того деньгами найдено двадцать четыре тысячи въ металлѣ и нѣсколько тысячъ каиме (турецкій кредитный билетъ); съ проданнымъ товаромъ весь призъ составляетъ около двухсотъ тысячъ рублей.

Участникъ.

Разсказъ стрѣлка 4-й бригады.

Восходило солнце; начиналось 10-е августа 1877 года. Первые лучи озолотили вершины горъ, а въ долинахъ и ущельяхъ еще полно южной ночной прохлады; близь Габрова слышался шумный говоръ, ржаніе лошадей, скрипъ колесъ и энергичное понуканіе; по дорогѣ отъ Тырнова тянулся длинный интендантскій обозъ, изнуренныя лошади напрягали послѣднія силы, почуявъ близость жилища, а влѣво отъ дороги, ближе къ Габрову, на полянѣ видны были группы солдатъ, то сидящихъ возлѣ костровъ въ самыхъ разнобразныхъ позахъ, то спящихъ между рядами ружей или идущихъ съ котелками за водою.

Кое-гдѣ раскинуты были палатки, возлѣ нихъ нѣсколько вьючныхъ лошадей и хлопотавшихъ офицерскихъ денщиковъ: тотъ раздувалъ самоварчикъ, другой возился возлѣ костра, приготовляя что нибудь съѣдобное, третій смазывалъ сапоги.

Между солдатами хотя и шли довольно оживленные разговоры, но безъ обыкновеннаго, сопровождающаго ихъ смѣха и веселья, а напротивъ, на всѣхъ лицахъ замѣтна была усталость и нѣкоторая сосредоточенность. Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ возлѣ одного предмета.

*

— А что, братцы, не слыхать: пойдемъ, аль нѣтъ нынче?

— Кто его знаетъ, должно не пойдемъ; вонъ, и господа-то еще спятъ. Бывало, объ эту пору мы верстъ десятокъ пройдемъ.

— Какъ же, не пойдемъ? отозвался третій, тутъ же сидящій ефрейторъ.

— Вонъ Сапуновъ бѣгалъ въ городъ: посылали водки разыскать для роты, говоритъ: раненыхъ навезли страсти; земляка нашелъ въ Орловскомъ, что-ли, полку;—говоритъ, братецъ ты мой, турокъ третьи сутки претъ на Шипку, а наши, значитъ, не пускаютъ. Коли, говоритъ, сиводни не дадите помочи, такъ и шабашъ. И то, говоритъ, позанялъ наши ложементы.

Въ другомъ мѣстѣ возлѣ капрала собралось нѣсколько и толкуютъ о прошлыхъ тяжелыхъ дняхъ и о послѣднемъ пятидесяти-верстномъ переходѣ.

— Какъ же такъ-то:—то сказывали на Илену, а то—на Шипку?

— А очень просто: тамъ, значитъ, стоитъ енаралъ Борейшовъ; давайте, говоритъ, стрѣлковъ, тутъ вся турецкая сила: ну насъ—туда. А корпусный поглядѣлъ, поглядѣлъ, и говоритъ, нѣтъ, братъ, тутъ не вся сила; тутъ, говоритъ, полсилы только, стрѣлковъ не дамъ. Ну, и назадъ.

Тоже или почти тоже говорилось еще многими. Дѣло въ томъ, что на бивуакѣ стояла 4-я стрѣлковая бригада, которая возвратилась изъ перваго забалканскаго похода, и только что расположилась бивуакомъ подъ с. Присовымъ, какъ неожиданно получила приказаніе двинуться на Елену. Приказаніе это послѣдовало вслѣдствіе донесенія генерала Борейши, что противъ него значительныя турецкія силы. Но такъ какъ впослѣдствіи выяснилось, что тамъ только возстаніе мѣстнаго населенія, поддержанное незначительными силами, то корпусный командиръ, генералъ Радецкій, приказалъ тотчасъ возвратиться. И бригада, дойдя до монастыря св. Николая, сдѣлала привалъ,

а затѣмъ возвратилась на прежній бивуакъ подъ Присовымъ. Между тѣмъ подъ Шипкой уже началась та знаменитая кровавая драма, въ которой увѣковѣчилась слава русскаго оружія, и вотъ на слѣдующій день, т. е. 9-го августа, бригада двинулась къ Габрову. Путь намъ шелъ по Тырновскому шоссе, черезъ Дряново. Болѣе пятидесяти верстъ мы прошли подъ невыносимо знойными лучами солнца, истомленные предшествовавшими походами. По всему пути—толпы болгаръ пѣшихъ и конныхъ, домашній скотъ, нагруженныя всякимъ скарбомъ повозки, навьюченные ослы—все это, съ плачемъ женщинъ и дѣтей, крикомъ животныхъ двигалось и торопилось въ Тырново, представляя весьма печальную картину бѣгства изъ-за Балканъ отъ нашествія Сулеймановой орды. Къ двѣнадцати часамъ ночи мы пришли и расположились бивуакомъ, съ котораго начался мой разсказъ.

Уже солнце поднялось высоко:—ни вѣтерка, ни облачка, по дорогѣ неподвижной стѣной стоитъ пыль — все ищетъ защиты отъ жгучихъ лучей: тотъ залѣзъ подъ телѣгу, другой устраиваетъ навѣсъ изъ полотнищъ или шалашъ изъ вѣтвей. Всѣ повидимому успокоились.

— А что, Николай Даниловичъ:—не устроить-ли намъ палатку, обратился ко мнѣ, мой субалтернъ, прапорщикъ Туровъ, кажется сегодня никуда не пойдемъ, а жара становится не втерпежъ.

— Да, и очень бы не мѣшало.

— Эй! Заклипенко, крикнулъ Туровъ, какъ бы, братъ, построить намъ палатку?

— Сичасъ, ваше благородіе, и Заклипенко проворно началъ работу.

Минутъ черезъ пять палатка была готова.

— Спасибо, братъ!

— Радъ стараться, ваше благородіе! сказалъ Заклипенко довольный, что могъ услужить чѣмъ нибудь. — Солдатъ этотъ

помимо своей физической силы и внушительной наружности, своей услужливостью обратилъ на себя общее вниманіе и, обладая незамѣнимымъ для насъ знаніемъ приготовлять шашлыкъ, что изучилъ служа на Кавказѣ,—былъ весьма полезнымъ.

— Эхъ, господа, кажется, вы напрасно разбили палатку, сказалъ, подходя къ намъ, поручикъ Бауфалъ: говорятъ, скоро пойдемъ.

— Не можетъ быть, отозвался Туровъ, неужели теперь, въ такую жару?

— Да не теперь, а въ одиннадцать часовъ будемъ подыматься; еще жарче будетъ.

— Чортъ побери, выругался Туровъ, и что это за оказія, право; никогда толкомъ ничего не скажутъ: куда идешь? зачѣмъ идешь, гдѣ будешь? Все секреты. А въ бой идешь, такъ, право, зачастую не знаешъ, съ которой стороны непріятель.

— За то, будете генераломъ—все будете знать.

— Ну врядъ-ли, при такихъ условіяхъ....

Въ это время вошелъ къ намъ нашъ всѣми любимый баталіонный адъютантъ, подпоручикъ Тимоѳеевъ, добродушный всегда веселый парень.

— Ну! ты, «носъ», что разшумѣлся? обратился онъ шутливо къ Турову, который никогда не обижался за это названіе.

— Да, вотъ, голубчикъ, говорятъ сейчасъ пойдемъ.

— Да, пойдемъ, и должно быть будетъ порядочное дѣло.

— То-то должно быть, а навѣрно небось никто не знаетъ; объ этомъ-то я сейчасъ толковалъ.

— Дѣло въ томъ, господа, что сейчасъ пріѣхалъ съ Шипки генералъ Дерожинскій, который командуетъ 2-ю бригадой 9-й дивизіи; пріѣхалъ, какъ говорятъ, для личныхъ объясненій съ корпуснымъ командиромъ. Ну-съ, вслѣдствіе этого, насъ по всей вѣроятности двинутъ очень скоро. А потому совѣтую вамъ, господа, отправляться въ городъ, хорошенько поѣсть, и затѣмъ

понемногу собираться. Кстати, вообразите, кто открылъ въ Габровѣ ресторанъ?.. Нашъ каналья А...въ!

— Неужели? Стало быть, маркитантство кончилъ?

— Да, батюшка мой, посмотрите: полуимперіалы лопатой загребаетъ.

— Удивительное, право, дѣло, сказалъ Туровъ:—дерутъ съ нашего брата чуть не кожу, и все это такъ открыто и безпрепятственно.

Здѣсь разговоръ кончился, и большинство изъ насъ, по совѣту Тимоѳеева, отправились въ городъ къ А...ву. Что это за А...въ, считаю не лишнимъ сообщить читателю.

Какъ только была объявлена первая мобилизація и въ воздухѣ почуялась добыча и легкая нажива, явилось много радѣтелей объ интересахъ войскъ: кормителей и поителей; одни въ видѣ крупныхъ воротилъ-подрядчиковъ, имѣющихъ дѣло прямо съ казною; другіе въ видѣ маркитантовъ и прочихъ промышленниковъ, направившихъ свои когти на отдѣльныя части войскъ и на все, гдѣ можно было поживиться, содрать, сорвать, схапнуть, и т. д. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нашъ А...въ.

Какой онъ національности, трудно сказать: по физіономіи похожъ былъ на израиля, но объяснялся очень хорошо по русски и досконально зналъ многіе другіе языки, и даже крестился по православному. Явился онъ къ намъ въ качествѣ подрядчика-маркитанта какого-то еврея, сулившаго все такое хорошее и дешевое, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. И вотъ, когда мы перешли къ границѣ, гдѣ должны были простоять нѣсколько мѣсяцевъ, явились съ А....мъ суленыя горы въ видѣ порченаго сыра, тухлой колбасы, сельдей, картъ, играныхъ и неиграныхъ и проч., «Мошенники! Подлецы!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. «Господа, ей-Богу, все будетъ, все будетъ самое лучшее—это только на первый случай, что можно найти подъ рукой», успокоивалъ А...въ, и христолю-

бивое воинство пило, ѣло и платило «сто процентовъ», потому нельзя, перевозка дорого стоитъ, сообщеніе плохое, а главное достать больше негдѣ.

Такъ орудовалъ нашъ А...въ, жалуясь все, что господа притѣсняютъ, до объявленія войны, когда, почувствовавъ свою силу, нашелъ возможнымъ разсчитаться со своимъ патрономъ. оперировавшимъ на другомъ болѣе широкомъ поприщѣ, и самъ сталъ маркитантомъ. До перехода черезъ Дунай, онъ держался при части, пополняя, время отъ времени, свои запасы и карманы. Въ одномъ ему можно отдать справедливость, именно въ большой выносливости и ангельскомъ смиреніи: всякую брань и другія рѣзкія выраженія неудовольствій онъ переносилъ не моргнувъ глазомъ, а если ему кто плюнетъ въ лицо, то онъ оботрется и смиренно скажетъ: «За что вы меня обижаете: если вамъ не нравится, не берите».

Съ переходомъ бригады за Дунай, А...въ оставилъ насъ и, прикрываясь маркитантскимъ свидѣтельствомъ, сталъ заниматься всякими дѣлами, пока наконецъ добрался до Габрова, гдѣ открылъ ресторанъ, игорный домъ и контору всякихъ пакостей. Здѣсь онъ весьма округлилъ свой капиталъ, давшій ему возможность впослѣдствіи открыть въ русскомъ торговомъ городѣ прекрасный магазинъ.

Да проститъ мнѣ читатель, что я слишкомъ распространился объ этомъ господинѣ. Дѣло въ томъ, что такихъ скорпіоновъ развелось очень много при дѣйствующей арміи, и они высасывали все, что можно, съ голодныхъ и холодныхъ; кромѣ того вселяли развратъ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ растраты, промотаніе и воровство.

Предсказаніе сбылось: въ 11 часовъ дня бригада тронулась, напутствуемая благословеніями мѣстныхъ жителей, и вытянулась длинною лентой по дорогѣ на Шипку.

Неимовѣрная жара, духота въ воздухѣ, пыль и подъемы, становившіеся съ каждымъ шагомъ все круче и круче, вызывали

сверхъестественныя усилія: мы не шли, а тащились облитые потомъ и изнемогая въ безсильномъ напряженіи.

На встрѣчу намъ шло и ѣхало множество раненыхъ, и вездѣ раздавалось: «Поздно, братцы, поздно! Ничего не подѣлаете: пропала Шипка».

Вотъ ужь доносится неумолкаемый гулъ орудій и грохотъ залповъ, а время отъ времени скачутъ верховые, привозя одно: «Скорѣй! Ради Бога, скорѣй!»

Но истомленіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ: нѣкоторые падаютъ, умирая отъ солнечнаго удара и изнеможенія а другіе напрягаютъ послѣднія силы.

— Посторонись, эй вы! Посторонись, дорогу! раздается навстрѣчу, и двѣ повозки, одна нагруженная чемоданами, а другая съ сѣдоками несутся къ Габрову.

— Ишь ты! Должно плохо пришлось, раздается въ рядахъ.

— Какой плохо! Дураки: развѣ не видишь? Это енаралъ, должно за дѣломъ какимъ ѣдетъ.

И дѣйствительно, на телѣжкѣ мимо насъ пронесся генералъ К.

Еще поворотъ, еще подъемъ, и вотъ во множествѣ стали попадаться зарядные ящики, телѣги, фургоны, а между ними шныряли невзрачные солдатики, большинство изъ которыхъ своими типичными физіономіями сразу говорили о своемъ происхожденіи.

— Ты жидъ?

— Тоцно такъ, васе благородіе, еврей.

— А отчего не въ бою? спрашивалъ кто нибудь.

— Я фурстатъ, васе благородіе.

— А ты, съ ружьемъ! Чего здѣсь?

— Ми обозъ засцисцаемъ...

Между тѣмъ выстрѣлы все ближе и ближе, все чаще и чаще.

Теперь или никогда, слышится въ бѣшеныхъ усиліяхъ врага, и изнемогающія горсти защитниковъ одинъ за однимъ валятся на трупы братьевъ, обливая кровью охраняемую землю Врагъ рвется ликовать побѣду—и близко, близко роковая минута!

Но въ это время навстрѣчу къ намъ примчался отрядъ казаковъ, по распоряженію корпуснаго командира генерала Радецкаго, успѣвшаго насъ опередить и увидать всю безотлагательную необходимость въ помощи.

— Стрѣлки! Садись!.. Садись, братцы, скорѣй! пронеслось въ головѣ нашего баталіона, и черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ до двухсотъ, подъ командою поручика Бауфала, помчались къ правому флангу позиціи, гдѣ непріятель особенно налегалъ.

— Наши идутъ! Наши! Наши! «Ура!» «Ура!» и задушевный крикъ радости пронесся по всей позиціи.

— Честь имѣю явиться, господинъ полковникъ: куда прикажете? обратился поручикъ Бауфалъ къ полковнику Липинскому, начальнику обороны.

— Займите вотъ эти ложементы.

— Слушаю. За мной, ребята! крикнулъ Бауфалъ.

Съ громкимъ «ура» храбрецы кинулись впередъ, воодушевленные общимъ восторгомъ, и ложементы были заняты.

Но когда остальныя части 16-го стрѣлковаго баталіона, подъ командою подполковника Худякова, стали приближаться къ позиціи, открылся страшный, адскій огонь со всѣхъ батарей. Громъ орудій и лопающихся снарядовъ, трескотня ружей, крики, стоны, и въ воздухѣ зловѣщее шипѣніе—все слилось въ общій гулъ и далеко неумолкаемымъ эхомъ, разносясь по ущельямъ, потрясало Балканы.

— Впередъ! Впередъ! раздается всюду, и неудержимой лавой стрѣлки ринулись въ бой...

Не выдержалъ врагъ нашего напора: все бѣжало, объятое ужасомъ и покидая пріобрѣтенное дорогою цѣной. Къ вечеру 11-го августа, батареи наши были внѣ всякой опасности. Настала ночь, южная, холодная, а съ нею—непроглядная темнота отъ затмѣнія луны, и торжественная тишина, прерываемая изрѣдка отдаленными выстрѣлами и печальнымъ завываніемъ пуль.

Между тѣмъ на позиціи шла оживленная дѣятельность: одни подвозили снаряды, другіе убирали раненыхъ и убитыхъ, или приносили пищу и воду.

Всѣ бодрствовали, погруженные въ свои занятія и невеселыя думы о пережитыхъ испытаніяхъ, о павшихъ братьяхъ и о далекой родинѣ.

Съ первымъ проблескомъ дня баталіонъ нашъ поднялся, чтобы расположиться по гребню Лысой горы, западнѣе круглой батареи; но непріятель тотчасъ замѣтилъ наше движеніе и открылъ по насъ сильный огонь; опять загремѣли орудія, зашумѣлъ свинецъ и желѣзо, разнося смерть и разрушеніе... Снова бой, упорный, жестокій!.. Но мы успѣшно подвигались впередъ, и не только очистили Лысую гору, но, преслѣдуя, дошли до подножія Лѣсной горы, на которой была непріятельская батарея.

Здѣсь бой шелъ съ ожесточеніемъ въ теченіи дня, то утихая, то снова разгараясь. Послѣ полудня мы тронулись въ атаку, и ужь батарея турецкая была въ нашихъ рукахъ, но сильно пострадавшій баталіонъ, потерявшій своего командира и почти всѣхъ офицеровъ, не могъ удержаться противъ многочисленнаго врага и отошелъ на прежнюю позицію. Такъ кончился бой 12-го августа для всѣхъ насъ, выбывшихъ изъ строя при этой атакѣ.

— Поздравляю васъ! сказалъ докторъ Струмилло, изслѣдовавъ мою рану.— Рана ваша не опасна, и мѣсяца черезъ два

вы будете совершенно здоровы. Вотъ вамъ и перевязочное свидѣтельство. Скажите, пожалуйста: кто-же тамъ изъ нашихъ офицеровъ остался?

— Какъ кто? спросилъ я.

— Да, помилуйте, я ужь человѣкъ двѣнадцать офицеровъ изъ нашего баталіона перевязалъ!

— Неужели? удивился я, зная только о весьма немногихъ раненыхъ на моихъ глазахъ.

— Да! сказалъ докторъ; но, слава Богу, большинство не опасно ранены; вотъ только Дюкова и Турова раны весьма и весьма серьозны. Однако вы крѣпко измучены; совѣтую вамъ ложиться спать. Вотъ носилки, умащивайтесь, а завтра съ Богомъ въ Габрово.

Я тотчасъ воспользовался предложеніемъ, и несмотря на окружающій стонъ и боль отъ собственной раны, скоро забылся, такъ какъ усталость отъ физическихъ и нравственныхъ напряженій и отъ потери крови дошла до крайнихъ предѣловъ. Проснувшись на другой день, я осмотрѣлся, и обстановка перевязочнаго пункта предстала моимъ глазамъ. На носилкахъ и на голой землѣ сидѣло и лежало множество раненыхъ; усталые, измученные доктора сновали взадъ и впередъ: тамъ операція, а тамъ перевязка, здѣсь духовникъ совершалъ послѣднюю молитву, а въ другомъ мѣстѣ служителя переносятъ умершихъ и складываютъ рядкомъ. Мольбы, стоны и предсмертныя агоніи...

— Максимъ! Возьми... вотъ... крестъ... охъ!.. охъ!.. женѣ... завѣщаетъ земляку страдалецъ.

— Санитаръ! Санитаръ! воды... воды... слышится то здѣсь, то тамъ; а вдали канонада, возвѣщающая о новыхъ жертвахъ. Тамъ — страсти! Здѣсь — страданіе и искупленіе. Вотъ эти герои, эти славные защитники Шипки...

Къ вечеру этого дня я былъ въ Габровѣ, гдѣ ужь приготовлялась дальнѣйшая отправка. Не желая разставаться съ

товарищами, которые всѣ почти были здѣсь, я пристроился къ отправляемымъ, и въ тотъ-же вечеръ мы поѣхали дальше. Повезли насъ въ лазаретныхъ фургонахъ дивизіоннаго лазарета. Эти ужасные экипажи, помимо доставляемыхъ намъ страданій отъ тряски и сильнаго боковаго движенія, своей громадностью и неповоротливостью сдѣлали большое затрудненіе при выѣздѣ изъ города; въ одной изъ узкихъ улицъ фургоны положительно застряли, и намъ пришлось долго простоять, пока явилась на выручку команда какого-то проходившаго полка, которая, разломавъ мѣстами крыши и подпирая то съ той, то съ другой стороны, кое-какъ пропихала насъ на свободу. Всю ночь мы проѣхали, и на другой день около десяти часовъ пріѣхали въ Дряново. Мѣстное населеніе встрѣтило насъ съ любопытствомъ и видимымъ сочувствіемъ: окруживъ толпою, одинъ передъ другимъ старались чѣмъ-нибудь намъ угодить; многіе плакали, посылая тысячи проклятій туркамъ. Послѣ обѣда и непродолжительнаго отдыха, насъ повезли дальше, а часамъ къ шести прибыли въ Тырновскій госпиталь. Мы очень обрадовались, когда узнали, что изъ Тырнова насъ отправятъ только 16-го августа—это дало намъ возможность на слѣдующій день, т. е. 15-го, хорошенько отдохнуть, а главное достать изъ обоза свои вещи.

Обозъ нашъ хотя прежде и отставалъ отъ части, но съ большими затрудненіями и помощью солдатскихъ рукъ добрался до Тырнова, отсюда-же, по своей неимовѣрной тяжести и неуклюжести, не могъ далеко слѣдовать за частью и оставался постоянно на мѣстѣ, не принося намъ ровно никакой пользы. По этой-то причинѣ вещами, даже необходимыми, офицеры могли пользоваться только тогда, когда наша бригада подходила къ Тырнову или когда можно было кого-нибудь туда послать, что, конечно, случалось не часто.

Теперь же, въ виду того, что большинство изъ насъ отправлялось въ Россію, мы взяли изъ обоза къ себѣ свои чемодан-

чики. Между тѣмъ къ намъ въ палату явился казначей нашего баталіона для разсчета причитающимся содержаніемъ, и офицеры, получая деньги, шутили и разговаривали. «Презрѣнныя желтушки! Только и видишь ихъ, когда получаешь, а тамъ—туда, сюда, и нѣтъ ихъ; непремѣнно постараюсь попасть въ интендантство; тамъ дѣла много, некогда будетъ расходовать своихъ денегъ, сказалъ шутливо поручикъ.

— Невредно Тышинскій, замѣтилъ Бауфалъ.

— Послушайте, Антонъ Карловичъ! обратился поручикъ Дюковъ къ казначею:—тамъ въ денежномъ ящикѣ лежатъ мои деньги; возьмите и эти туда же, а въ случаѣ моей смерти перешлите все Петѣ...

Дюковъ былъ сирота и имѣлъ на попеченіи маленькаго брата Петю, для котораго былъ наставникомъ, учителемъ и отцомъ; до объявленія войны Петя находился при немъ и былъ общимъ любимцемъ офицеровъ нашего баталіона, развлекая всѣхъ своими дѣтскими играми. Съ выступленіемъ за границу, Петя остался на рукахъ какихъ-то родственниковъ.

Дюковъ всегда о немъ думалъ и заботился; теперь, будучи раненъ весьма тяжело и можетъ быть чувствуя близость смерти, передавалъ въ присутствіи всѣхъ свою послѣдню волю: все ему отошлите, и вотъ часы—это еще отцовскія.

— Полноте, Дюковъ, не падайте духомъ: Богъ дастъ еще поживете съ Петей.

На другой день въ восемъ часовъ утра Дюкова не стало: онъ умеръ отъ разрыва поврежденной артеріи, на глазахъ нашихъ, съ послѣднимъ «прости своему Петѣ»... Часа черезъ три послѣ этого мы ужь усаживались на телѣжки интендантскаго транспорта для дальнѣйшаго слѣдованія, и скоро до тысячи раненыхъ выѣхало изъ Тырново въ Зимницу.

Къ сожалѣнію, не помню фамиліи начальника того отдѣленія транспорта, который насъ везъ, такъ какъ фактъ, о ко-

торомъ скажу ниже, заслуживаетъ вниманія читателей. Дѣло въ томъ, что на полпути до Зимницы, въ селѣ Павлово транспорты больныхъ всегда останавливались для ночлега; здѣсь имъ приготовлялась пища и дѣлалась перевязка.

Измученные и голодные, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія въ село Павлово; но каково же было наше изумленіе, когда, не доѣзжая нѣсколько верстъ, транспортъ нашъ повернулъ налѣво.

— Послушай, братъ! обратился я къ нашему возницѣ: развѣ намъ сюда дорога?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: въ Павлово намъ прямо ѣхать, а это «нашъ» всегда заворачиваетъ въ Иванычу.

— Почему же это? спросилъ я.

— Да, ваше благородіе, значитъ въ Иванычѣ луга некошенные, и хлѣба на корню много стоитъ, а жителевъ нѣтъ, вотъ мы и кормимъ лошадокъ, и овсеца не надо.

Теперь я понялъ ради чего намъ пришлось остаться безъ перевязки и безъ ѣды.

Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ способъ кормить дешевле лошадей практиковался очень часто, и всегда въ ущербъ несчастнымъ раненымъ, между которыми жизнь многихъ была на волоскѣ.

Всѣ мы были крайне возмущены такимъ злымъ эгоизмомъ начальника транспорта, но должны были покориться и терпѣливо ждать утра, такъ какъ онъ нисколько не внималъ нашимъ безсильнымъ протестамъ.

Около шести часовъ вечера слѣдующаго дня мы переѣзжали Дунай, который такъ недавно переплывали подъ непріятельскими гранатами. Еще разъ оглянулись туда, гдѣ остались наши братья, гдѣ русская кровь лилась за свободу. Прощай, Болгарія!

Черезъ нѣсколько дней московскій санитарный поѣздъ кн. Долгорукова медленно подходилъ къ дебаркадеру станціи

Унгены, гдѣ стояла музыка и толпы солдатъ какого-то полка, направлявшагося вѣроятно за границу.

Раненые! раненые, братцы! «Ура»! «Ура»!... и звуки народнаго гимна насъ привѣтствовали на родной землѣ...

Н. Г.

Одесса.
6-го ноября 1878 г.

Отдѣлъ Четвертый.

Въ тылу арміи.

Воспоминанія «брата милосердія».

Приступая къ изображенію того, что мнѣ пришлось видѣть, слышать, испытать въ бытность мою на театрѣ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю восточную войну, считаю не лишнимъ заранѣе просить у читателя снисхожденія. Предлагаемая статья есть не что иное, какъ рядъ замѣтокъ, прожитыхъ впечатлѣній, воспоминаній наполовину стершихся, такъ какъ ни что не записывалось въ свое время. Будутъ пробѣлы, неточности, даже невольныя ошибки,—это неизбѣжно. Утѣшаю себя мыслью что изо всего этого наберется все-таки кое что годное для будущаго изобразителя пережитой нами тяжелой и славной годины, и что я все-таки писалъ искренно, стараясь говорить одну правду. Еще два слова о формѣ: я расположилъ свои замѣтки въ послѣдовательномъ порядкѣ впечатлѣній, не стараясь группировать ихъ такъ, какъ это можетъ быть было бы нужно для произведенія претендующаго на болѣе строгую обработку.

Найдется, пожалуй, много лишняго, лично до автора относящагося, но я нахожу, что такимъ путемъ всего скорѣе и удобнѣе выяснится много такого что иначе затерялось бы въ общемъ хаосѣ пережитаго и передуманнаго.

I.

Высочайшій манифестъ 12-го апрѣля 1877 года засталъ русское общество въ самую удобную минуту. Едва ли во все предыдущее время русской исторіи отыщемъ мы такой моментъ, когда политическія событія могли бы подготовить столь благопріятную почву для сознательнаго и глубоко прочувствованнаго народнаго движенія. Сербская кампанія это показала. Народныя симпатіи къ угнетеннымъ братьямъ-славянамъ выразились во всѣхъ слояхъ общества: въ средѣ купечества, посылавшаго добровольныя денежныя пожертвованія; въ средѣ чиновничества, откладывавшаго долю своего трудоваго жалованья; въ средѣ молодежи, рвавшейся жертвовать жизнью за дѣло освобожденія; въ средѣ, наконецъ темной, неразвитой массы, напряженно прислушивавшейся къ вѣстямъ изъ того ужаснаго далека, гдѣ лилась кровь новыхъ мучениковъ христіанства, поставлявшей тоже въ ряды бойцовъ и свои силы. Сербская кампанія не оправдала ожиданій. Но не въ этомъ была сила! Сербская кампанія показала только чего ждетъ и хочетъ русское общество.

Задержанныя въ своемъ проявленіи объявленнымъ перемиріемъ, народныя симпатія продолжали бродить еще болѣе напряженныя, потому что были задержаны: онѣ требовали своего выраженія, онѣ ждали искры, которая воспламенила бы ихъ. И вотъ эта искра явилась въ видѣ жгучаго Царскаго Слова.

Я сдѣлалъ этотъ очеркъ того состоянія, которое каждый изъ насъ, конечно, пережилъ чтобы не вдаваться въ объясненіе причинъ, почему я, человѣкъ не приготовленный къ тому положенію, въ которомъ я очутился, ни по привычкамъ, ни по складу характера, не имѣя, наконецъ, вдали какой нибудь опредѣленной цѣли, посвятилъ себя дѣятельности брата милосердія.

Прочиталъ я въ газетахъ объ открытіи курсовъ для лицъ, желающихъ себя посвятить для ухода за больными и ранеными на театрѣ военныхъ дѣйствій; курсы эти открывались въ маѣ, въ военно-фельдшерской школѣ. Пошелъ и записался. Думалъ я, что являюсь раннимъ кандидатомъ, такъ какъ пришелъ въ половинѣ апрѣля, но къ удивленію увидѣлъ, что раньше уже явилось много.

Пришелъ наконецъ на первую лекцію. Вижу масса. Сперва, конечно, никто еще незнакомъ, каждый держится самъ по себѣ, но всѣхъ проникаетъ какъ бы сознаніе какой-то торжественности. Вся масса представляетъ смѣсь одеждъ и лицъ. Люди все молодые, такъ какъ пріемъ былъ ограниченъ сорокалѣтнимъ возрастомъ. Единственное исключеніе представлялъ одинъ весьма уже «ветхій денми» старикъ. Не зная почему онъ попалъ, я спросилъ его:

— Что, и вы тоже лекціи будете слушать (вопросъ былъ нѣсколько неумѣстенъ, но ужь очень меня удивило. Старикъ былъ совсѣмъ ветхій,

даже трясущійся, и къ умственнымъ занятіямъ, конечно, совсѣмъ неспособный).

— А что-же-съ? спросилъ онъ, и какъ будто даже обидѣлся: что старъ то я? Эхъ, батюшка, да я не хуже другаго молодаго. У молодежи-то все вѣтеръ въ головѣ, а я не то что, я пользу хочу принести...

И должно быть онъ дѣйствительно пользу хотѣлъ принести: ретивъ былъ крайне, не знаю пропустилъ ли онъ хоть одну лекцію. За партой у него было опредѣленное мѣсто, которое онъ ревниво оберегалъ. Всѣ другіе садились какъ случилось: кто пришелъ раньше, конечно садился напередъ, опоздавшій садился назадъ на второй скамейкѣ справа. Разъ онъ запоздалъ, и увидѣвъ свое мѣсто занятымъ, преспокойно согналъ того, кто сидѣлъ.

Такъ за нимъ это мѣсто и осталось.

Хотя часто онъ запаздывалъ-такъ какъ жилъ чуть ли не у Невской заставы, откуда и совершалъ путешествія пѣшкомъ на Выборгскую,—во время ледохода черезъ Николаевскій мостъ,—но все-таки являлся неукоснительно съ какими-то клочками бумаги, на которыхъ онъ записывалъ фантастическими каракулями слова лектора.

Читали намъ слѣдующіе предметы: анатомію, физіологію, гигіену, фармацею, рецептуру, фармакопею, терапію и десмургію.

Васъ, конечно, поразитъ этотъ перечень наукъ, изъ которыхъ слѣдовало сдать экзаменъ черезъ полтора мѣсяца. Правда, читали всѣ эти предметы въ самомъ элементарномъ объемѣ. Но въ общей массѣ все-таки выходило количество изрядное. За исключеніемъ ученія о повязкахъ, впослѣдствіи намъ не встрѣтилось случая приложить пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Читали же намъ все это потому, что, какъ заявлялъ начальникъ школы, полковникъ Самойловичъ, было желаніе приготовить насъ по возможности разносторонне и насколько можно успѣть въ такой краткій промежутокъ времени. Будущихъ своихъ обязанностей мы не знали, да и самъ онъ на этотъ счетъ не могъ намъ дать никакихъ свѣдѣній. Экзамены производились довольно снисходительно, съ той еще льготой, что невыдержавшіе на брата милосердія, могли поступить въ санитары, для которыхъ въ нижнемъ помѣщеніи школы читались особыя лекціи. Невыдержавшихъ оказался сравнительно ничтожный процентъ (всѣхъ насъ было, насколько помнится, около шестидесяти).

Экзамены не обошлись безъ курьозовъ. Потѣшалъ всѣхъ нашъ старикъ. Вызванный къ столу экзаменатора, онъ забиралъ всѣ свои тетрадки, и пока спрашивали одного (вызывали по нѣскольку человѣкъ), онъ пренаивнѣйшимъ образомъ принимался рыться въ тетрадкахъ отыскивая отвѣты на доставшійся ему билетъ. Кое-гдѣ смѣются, самъ экзаменаторъ не можетъ удержаться отъ улыбки, а онъ преспокойнѣйшимъ образомъ шелеститъ своими тетрадками. Но не вывезли бѣднягу тетрадки! Какъ онъ отвѣчалъ—никому изъ насъ не удалось подслушать, такъ какъ онъ произносилъ слова край-

не таинственнымъ шепотомъ, низко пригнувшись къ столу, но одно было извѣстно, что онъ провалился изъ всѣхъ предметовъ. Бѣдный старикъ: такъ и не удалось ему принести желаемой пользы!

Экзамены кончились; мы получили свидѣтельства, и намъ осталось только ждать назначенія. Но ждать пришлось довольно долго. Ходили, спрашивали, скоро-ли? Отвѣты были неопредѣленны.

— Да отъ кого же зависитъ? Отъ кого же узнать? добивались мы тому.

Оказывается, что никто сказать не можетъ, а все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Приходилось ждать «обстоятельствъ», и вотъ ужь въ концѣ іюня выдали намъ подъемныя деньги и купоны на проѣздъ, то и другое отъ Общества Краснаго Креста. Объ этомъ намъ были посланы повѣстки; совершенно неожиданнымъ образомъ отъѣздъ былъ назначенъ на другой день. Странное дѣло: всѣ ждали, томились нетерпѣніемъ, а между тѣмъ у большинства какъ то екнуло сердце, что вотъ именно то, что такъ долго ждалось, вдругъ оказалось такъ близко, такъ скоро, и именно «завтра».

— Прощай Петербургъ!

— Эхъ, успѣю ли извѣстить...

— А интересно знать, придется ли вернуться?

— Отчего не вернуться?

— Мало ли что! Вдругъ баши-бузуки, этакъ, на перевязочномъ пунктѣ... Револьверъ надо купить.

— Брату-то милосердія да револьверъ? Что вы?..

— Эхъ, господа, была не была! Главное—ѣдемъ!

Поѣздъ московско-курской желѣзной дороги мчится по рельсамъ. Ѣдемъ ужь второй день отъ Петербурга, а между тѣмъ какъ будто теперь только начинаешь приходить въ себя. Мало по малу входишь въ положеніе путешествующаго, смотришь въ окно вагона, интересуешься станціями, съ любопытствомъ приглядываешься къ характернымъ явленіямъ и сценкамъ, незнакомымъ среди однообразной столичной обстановки. Вотъ толстая барыня въ соломенной шляпкѣ въ видѣ кибитки, которая непремѣнно произвела бы сенсацію даже гдѣ нибудь на окраинѣ столицы, среди всевозможныхъ узловъ и мѣшечковъ: видна еще старозавѣтная привычка путешествія «на долгихъ»... И мужики уже попадаются совсѣмъ не такіе, какъ у насъ, въ Петербургѣ: совсѣмъ настоящіе, какихъ мы видали въ пьесахъ изъ народной жизни... Шляпы грешневикомъ, и все прочее.

Ко всему этому присматриваешься, какъ къ новому, невиданному, а между тѣмъ, временами, нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ чувство, которое гнело сначала во всю дорогу отъ Петербурга. Ѣхалъ тогда точно придавленный, точно какая волна отнесла отъ роднаго берега, и вотъ несешься

по теченію, не зная, что будетъ тамъ, дальше. Велика связь съ насиженнымъ мѣстомъ! А въ окно глядитъ такой чудный день; то тянется зеленою стѣной безмолвный лѣсъ, то словно море безграничная равнина, и нигдѣ ни души, и все купается въ сіяніи солнца, а у насъ тамъ, въ Петербургѣ, можетъ быть мелкій дождикъ накрапываетъ и толкутся блѣдныя, хмурыя лица...

Мы жили въ вагонѣ уже второй день, и какъ всегда бываетъ, когда люди заперты въ одномъ помѣщеніи, сошлись гораздо ближе, чѣмъ во все предыдущее время. Образовались отдѣльныя группы, благодаря обнаружившимся общимъ точкамъ соприкосновенія. Въ одномъ мѣстѣ ужь слышатся взрывы дружнаго хохота, тамъ разсказываютъ анекдоты. Нашлись любители пѣнія, само собой составился хоръ, и скоро: «въ темномъ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ» пронеслось въ вечернемъ воздухѣ.

А лѣса и равнины все тянутся, тянутся, солнце уже зашло, и бѣловатый туманъ легкой дымкой окуталъ окрестности. Темнѣетъ все больше и больше, нѣмая тишина опустилась вокругъ, точно тишина спящаго царства, и въ нашемъ вагонѣ стихаетъ, чуть мерцаютъ зажженные фонари, ужь еле различишь очертанія фигуръ. Кое гдѣ слышны отрывками сонныя фразы, а иные уже спятъ, прислонившись какъ было возможно.

Засыпаю и я, а между тѣмъ подъ стукъ колесъ все стучитъ въ головѣ неотвязный вопросъ: что-то будетъ, что-то будетъ?..

Вотъ и утро. Еще верстъ триста отъѣхали. Бѣлыя мазанки, волы, пирамидальные тополи, а вонъ синяя лента Днѣпра, холмы въ видѣ террасъ, горящіе на солнцѣ кресты... Кіевъ!

Въ Кіевѣ пробыли мы очень не долго. Была возня съ чемоданами; потомъ отправились въ городъ, глотали пыль, которой тамъ изобиліе, въ нетерпѣливомъ ожиданіи поѣзда, боясь далеко отойти отъ вокзала. И вотъ опять сидимъ въ вагонѣ и ѣдемъ. Чѣмъ меньше остается до цѣли путешествія, тѣмъ сильнѣе разбираетъ нетерпѣніе. Все чаще признаки приближенія къ театру военныхъ дѣйствій. Солдаты, плѣнные турки, вотъ, наконецъ, начинается! Вотъ уже мы въ Бессарабіи: хаты въ видѣ гриба, и почти на каждой кровлѣ аистъ, молдаване въ широкополыхъ шляпахъ, на подобіе крыльевъ. Ничего уже русскаго.

— Станція Раздѣльная, кричитъ кондукторъ. Въ вокзалѣ суета, давка: тутъ сходится нѣсколько желѣзныхъ дорогъ. Офицеры, врачи—публика совсѣмъ уже военная. Слышатся: Плевна... Гурко... И разговоры особенные:

— Говорятъ, нашихъ пять тысячъ?..

— Слышалъ отъ врача Краснаго Креста...

— Да тутъ же и больные въ счетѣ?

— Больныхъ еще что! Процентъ ничтожный...

Въ другомъ мѣстѣ раздается:

— Догоняю свой эшелонъ... Въ Кишиневѣ отсталъ...

— А гвардія, не слышали, трогается? и проч.

Въ залѣ духота, и отъ яркаго газа и отъ всей этой снующей массы народа. Жуютъ, пьютъ. «Человѣки» съ нумерами въ петлицахъ фраковъ такъ и разрываются на части.

— Поѣздъ въ Одессу!.. Первый звонокъ! кричитъ монотонный голосъ, покрывая весь этотъ содомъ.

Отливъ одной части публики, и чуть не сейчасъ же на встрѣчу приливъ новой струи пассажировъ съ только что прибывшаго поѣзда. Вотъ наконецъ и для насъ:

— Поѣздъ въ Унгены!

Хватаемъ чемоданы, премъ, ломимся, и вотъ свистокъ, и вотъ опять покатили. Въ Унгенахъ опять пересадка. Здѣсь уже русская граница. Ѣдемъ по Струсберговской желѣзной дорогѣ. Пошло потряхивать и пошвыривать вагоны изъ стороны въ сторону. Вотъ и Прутъ, торчащая на берегу будка, и румынскій солдатъ въ своемъ потѣшномъ нарядѣ... Прощай Россія!..

II.

Яссы совсѣмъ уже выглядѣли воинственно. Первымъ дѣломъ, только что выйдя изъ вагона, намъ ужь пришлось проталкиваться черезъ массу солдатъ, расположившихся на платформѣ вокзала точно на бивуакѣ. Ружья были поставлены въ козлы, лежали и сидѣли люди въ бѣлыхъ кепи съ назатыльниками. Шелъ какой-то армейскій эшелонъ и ждалъ теперь воинскаго поѣзда. Кругомъ вокзала тѣ же кепи сновали по всѣмъ направленіямъ. На запасномъ пути стояла масса поѣздовъ. Тамъ слышался крикъ, и бѣгали фельдшера и санитары. Только что пришелъ поѣздъ съ ранеными, и ихъ носили въ бараки Краснаго Креста. Санитарный поѣздъ прибылъ еще въ ночь, и его теперь окуривали сѣрой. Румыны фланировали между всѣмъ этимъ суетящимся людомъ. Хотѣлось мнѣ познакомиться съ баракомъ. Онъ былъ расположенъ недалеко отъ вокзала какъ разъ, у самаго полотна, въ видѣ длиннаго балагана съ нѣсколькими боковыми входами. Санитарные и воинскіе поѣзды съ эвакуируемыми больными и ранеными подходили прямо къ выстроенной спеціально для пріема ихъ платформѣ. На этотъ разъ мнѣ не пришлось удовлетворить своему любопытству. Какъ я сказалъ, только что прибыли раненые; на платформѣ шла суматоха; мнѣ пришлось вернуться назадъ. Сквозь растворенныя двери я видѣлъ только ряды коекъ. Въ общемъ все казалось въ порядкѣ и чисто. Правда, сильно бросался въ носъ специфическій больничный запахъ, что было вполнѣ неизбѣжно при 20° Р. и притомъ наплывѣ раненыхъ, которыми былъ обиленъ тотъ періодъ войны. Это именно было сряду послѣ первыхъ неудачъ подъ Плевной. Я видѣлъ даже койки, стоявшія на открытомъ воздухѣ. На первыхъ порахъ

уже встрѣчались болѣзненныя впечатлѣнiя: я говорю про массу этихъ искалѣченныхъ людей. А между тѣмъ все это было еще очень незначительно сравнительно съ тѣмъ, что ожидалось впереди!

Дальнѣйшее путешествiе до Бухареста пришлось сдѣлать на санитарномъ поѣздѣ, такъ какъ ближайшiй пассажирскiй шелъ не ранѣе слѣдующаго утра. Ѣхали мы крайне медленно; вагоны возвращались пустые, и должны были пережидать на запасномъ пути всѣ встрѣчные поѣзды. Нигдѣ я не встрѣчалъ столько безпорядковъ, какъ на румынскихъ желѣзныхъ дорогахъ: поѣзды опаздывали на нѣсколько часовъ и производили путаницу. Правда, должны были много тутъ влiять обстоятельства военнаго времени. движенiе поѣздовъ съ ранеными въ Россiю и безпрестанный наплывъ свѣжихъ войскъ на встрѣчу. Нашъ санитарный поѣздъ, насколько помнится, былъ дрезденскiй, одинъ изъ самыхъ комфортабельнѣйшихъ. Вообще попасть на санитарный поѣздъ считалось для солдата благополучiемъ, и попадали на него рѣдкiе счастливцы. Максимумъ на каждый приходилось 50-60 человѣкъ, не больше. Громадное большинство эвакуировалось на воинскихъ, а что именно эти поѣзды изъ себя изображали—будетъ рѣчь впереди. Для насъ былъ отведенъ самый неудобнѣйшiй вагонъ; вообще вагоны втораго класса на румынскихъ дорогахъ хуже, чѣмъ третьяго: помѣщались мы всѣ какъ сельди въ бочкѣ, а ужъ про сонъ и говорить нечего.

— Вотъ бы куда попасть, въ комендантское купе—замѣтилъ кто-то.

— А что? спрашиваемъ.

— Что твоя гостиная!

И, дѣйствительно, очень шикарно. Мягкiе диванчики, занавѣски, въ углу письменный столъ, и проч. Вообще, приглядѣвшись впослѣдствiи къ житью-бытью всѣхъ этихъ всевозможныхъ «комендантовъ», и поѣздныхъ и станцiонныхъ, невольно являлось сравненiе съ жизнью строеваго офицера; вотъ гдѣ «слабое здоровье» (основанiе для назначенiя) являлось завиднымъ удѣломъ. Комендантъ былъ, какъ извѣстно, полнымъ хозяиномъ поѣзда, и зачастую ему выпадали хлопотливыя минуты. Понятно, до медицинской части онъ не касался вовсе, это лежало на поѣздномъ докторѣ, фельдшерахъ (или какъ называли насъ въ отличiе отъ военныхъ фельдшеровъ братьяхъ милосердiя), сестрахъ, и проч. На нашемъ поѣздѣ еще ѣхалъ уполномоченный Краснаго Креста, элегантный господинъ въ лѣтнемъ костюмѣ, съ тросточкой. Вообще тамъ было все крайне изящно...

Тащились мы черепашьимъ шагомъ ровно двое сутокъ, это была скучнѣйшая часть путешествiя, и прибыли, наконецъ, въ Бухарестъ.

Бухарестъ—городъ съ претензiей быть европейскимъ. И магазины, тротуары, все какъ бы говоритъ: «смотрите, и мы не отстаемъ отъ запада!» Есть порядочныя зданiя, но тутъ же рядомъ ютится лачуга, и одѣтый по

послѣднему модному рисунку дэнди нерѣдко шарахается въ сторону отъ перебѣгающей ему дорогу свиньи съ поросятами. Сквозь европеизмъ нѣтъ-нѣтъ да и отдастъ азіятчиной... Русскихъ тогда было почти на половину всего населенія города: куда ни взглянешь, вездѣ бѣлыя фуражки. Русское вліяніе сказывалось даже на вывѣскахъ; были прекурьознѣйшія. На главной улицѣ, Calea Mocosoi, замѣняющей у насъ Невскій проспектъ, не шире Вознесенскаго, замѣтилъ я шикарнѣйшую кондитерскую съ громадными зеркальными окнами, съ виднѣвшимися сквозь нихъ мраморными столиками, зеркалами въ бронзовыхъ рамахъ и проч., а на стеклянной входной двери надпись русскими буквами: Чаи Поповы. Множество было заведеній съ надписью: Московская рестаурація.

Бухарестъ служилъ тогда какъ бы громадной станціей для всѣхъ ѣдущихъ за Дунай или обратно: миновать его было невозможно. Офицеры, разные агенты, корреспонденты и прочій людъ, какимъ либо родомъ причастный къ военному движенію, толокся здѣсь какъ въ водоворотѣ. Кстати о корреспондентахъ. Мнѣ показывали одного, писавшаго извѣстія изъ Тырнова, Габрова, и т. п. мѣстъ, и постоянно торчавшаго на станціи желѣзной дороги, гдѣ онъ и почерпалъ матеріалъ изъ разсказовъ проѣзжавшихъ.

Все жило какой-то напряженной, лихорадочной жизнью. Много толковъ о послѣднихъ событіяхъ, прислушиваешься, разспрашиваешь, и изъ всего этого хоть бы что нибудь опредѣленное! Общій голосъ:—скверно!

— Да-съ, вотъ и Плевна! Вотъ-те пришли, да и взяли! Легко, думали, съ турками, анъ турки, выходитъ...

— Что турки! Не въ туркахъ дѣло. Позицію, дай намъ позицію, вотъ въ чемъ сила!

— «Нашихъ колотятъ!» только и слышно отовсюду.

Зашелъ въ ресторанъ медицинскій студентъ, грязный, потный, загорѣлый какъ бедуинъ.

— Откуда?

— Изъ Фратештъ. Насилу урвался.

— Много работы?

Тотъ махнулъ рукой:

— Адъ!

И торопливо набросился на поданную ему какую-то снѣдь.

Журжево оставлено; Журжево бомбардируютъ; изъ Рущука каждую ночь идетъ канонада.

— Коли возьмутъ, черезъ три дня—и здѣсь, въ Бухарестѣ.

Конечно, все это было преувеличено, но такія предположенія мнѣ пришлось слышать не разъ.

А герои Гривицкаго редута ходятъ павлинами и покровительственно заявляютъ о своемъ расположеніи къ намъ бѣднымъ русскимъ:

Мы все еще безъ дѣла. Живемъ въ Бухарестѣ ужь вторую недѣлю, томимся опять какъ въ Петербургѣ, и ждемъ назначенія. Кажется ужь на десятый день пріѣхалъ въ наше помѣщеніе профессоръ Чудновскій и распредѣлилъ насъ на этапные пункты до Зимницы. Только двое попали въ Болгарію, на перевязочный пунктъ—никто. Вышло противъ ожиданій, но надо было примириться съ обстоятельствами. Партія наша разбилась. Нѣкоторые были отправлены раньше. Группа, назначенная во Фратешты, къ которой принадлежалъ и я, отправилась послѣдней.

Фратешты—верстахъ въ семидесяти отъ Бухареста. Выѣхали подъ вечеръ. Уныло и скучно въ вагонѣ, кромѣ насъ—никого; говорить не охота, да и не о чемъ; я счелъ за лучшее заснуть. Не знаю, долго ли мы ѣхали... Вотъ свѣжій воздухъ пахнулъ въ лицо изъ отворенной двери вагона, — я проснулся: въ окно глядѣла совершенная темь, въ ней скрипѣли колеса, шлепали шаги, и, какъ свѣтляки въ глубокой ямѣ, двигались огоньки по всѣмъ направленіямъ. Мы были во Фратештахъ.

III.

Въ первыя минуты мы были какъ въ лѣсу. Съ трудомъ можно было оріентироваться. Сойдя съ вокзала, гдѣ шла давка между пассажирами, садившимися отсюда до Журжева (конечнаго пункта бухарестской линіи желѣзной дороги), мы очутились въ темномъ пространствѣ, и растерялись. Куда идти, направо или налѣво—мы не знали. Мимо насъ сновали люди съ фонарями, двигались солдатскія шинели, ѣхали какія - то повозки, а вдали блѣдными силуэтами вырѣзывались во819 мракѣ остроконечныя верхушки палатокъ. Видимъ на лѣво свѣтъ, входъ въ какое-то помѣщеніе. Пошли на удачу всей гурьбой на огонекъ. Оказалось: не то ресторанъ, не то маркитантская.

Грубый шалашъ изъ рогожинъ, пространствомъ аршина въ два ширины, аршинъ шесть въ длину,, прямо при входѣ стойка, за нею толстѣйшая женщина и шеренга бутылокъ.

По срединѣ, во всю длину шалаша—столъ, за которымъ тѣсно сплотившись сидѣло офицерство; стояли бутылки, тарелки, много народу тѣснилось стоя. Все это освѣщалось фонаремъ, привѣшеннымъ къ потолку.

— А, слава Тебѣ, Господи!

Среди толпы увидѣли мы одного изъ нашихъ. Онъ поѣхалъ раньше насъ двумя днями, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, отправленнымъ въ качествѣ аптекаря Краснаго Креста. Мы обрадовались ему какъ избавителю, сейчасъ же обступили его, и посыпались вопросы. Конечно, на первомъ планѣ былъ вопросъ о ночлегѣ.

— Ужь, право не знаю, назначено ли вамъ опредѣленное помѣщеніе. Всѣ здѣсь ютятся какъ попало: самъ уполномоченный въ вагонѣ живетъ.

— А ты-то гдѣ?

— Да мнѣ-то ничего, я при аптекѣ.

— Къ кому же обратиться? Отъ кого же зависитъ?

— Къ уполномоченному, конечно. Да онъ, кажется, въ Бухарестѣ.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день! Положеніе нечего сказать. Куда же, въ самомъ дѣлѣ дѣваться! Да вотъ чемоданы еще... Просто бѣда!

— А что вы думаете? Что это одни вы? Смотрите-ка, сколько здѣсь народу, которому некуда головы приклонить. Вонъ, хоть бы всѣ эти офицеры. Счастливъ еще, кто изъ нихъ успѣлъ мѣстомъ на столѣ запастись.

— На какомъ столѣ? спросили мы съ удивленіемъ.

— Да вотъ на этомъ, за которымъ сидятъ. Небось, теперь ни за какія деньги мѣстъ не добьетесь, хоть бы бокомъ примоститься!.. Всѣ мѣста откуплены. Какъ вотъ закроютъ ресторанъ, такъ всѣ сейчасъ рядкомъ и полягутъ. Я ужь здѣсь кое на что насмотрѣлся.

— Какъ же намъ быть? (Между тѣмъ, мы ужь вышли изъ ресторана, за невозможностью продолжать разговоръ въ этой давкѣ, получая толчки справа и слѣва, и въ безпомощномъ положеніи стояли теперь въ темнотѣ).

— Ужь право не знаю... Ахъ чортъ! воскликнулъ онъ вдругъ, какъ бы озаренный счастливою мыслью, есть тутъ одна палатка, кажется она пустая. Давеча больныхъ изъ нея вывозили на поѣздъ... А транспорта сегодня не было; вѣроятно пустая. Пойдемте.

— Мы тронулись въ путь, ободренные надеждой на возможность ночлега. Съ осторожностью подвигалась между палатками изъ опасенія зацѣпить за какой нибудь колышекъ, держась свѣтлой полосы отбрасываемой фонаремъ, который несъ впереди нашъ спутникъ.

Палатка оказалась на самомъ краю, послѣднею въ полѣ, нырнули одинъ за другимъ подъ полы, и—слава Тебѣ, Господи—она оказалась свободною.

— Ну, вотъ, располагайтесь пока, а завтра къ уполномоченному сходите. Правда, мнѣ бы нужно сперва заявить, что я этакъ распорядился, права-то я не имѣю, ну, да вѣроятно ничего.

Онъ ушелъ, оставивъ намъ свой фонарь. Мы осмотрѣлись, и пришли въ восторгъ отъ своего помѣщенія: рядъ коекъ подъ сводомъ палатки глядѣлъ такъ уютно, а главное—оригинально и ново. Мы сейчасъ же начали располагаться.

Спать мнѣ не хотѣлось, я подошелъ къ отверстію, откинулъ пологъ,—не утерпѣлъ, вышелъ на улицу: луна выплыла изъ за тучъ и освѣщала всю мѣстность. Въ молочно-синеватомъ сіяніи группы палатокъ стояли точно какія то огромныя волны; прямо черная масса вокзала. Было вездѣ уже тихо, только вдали слышалось пыхтѣнье паровика какого-то поѣзда, да гдѣ-то совсѣмъ далеко раздавались раскаты.

Я обернулся направо, въ ту сторону, откуда они слышались,—длинное кукурузное поле тянулось, сливаясь съ далекой равниной, оканчивавшейся

чуть видной каймой Дунайскаго берега. Тамъ было Журжево, и противъ него шла канонада...

Фратешты—большое поселеніе раздѣляемое на двѣ части полотномъ желѣзной дороги.

Одна часть, восточная, постепенно возвышающаяся гладкой равниной переходящей въ холмы, составляетъ собственно Фратешты—большую, заселенную деревню. Тамъ былъ только одинъ госпиталь въ вѣдѣніи профессора Коломнина. Госпиталь это былъ, такъ сказать, привилегированный, такъ какъ туда назначались трудно-больные, требующіе особенно внимательнаго ухода. Все тамъ, начиная съ болѣе многочисленной прислуги до пищи «офицерской», было разсчитано на эту цѣль. Впослѣдствіи этотъ госпиталь, не знаю почему-то—упразднился.

Западная часть Фратештъ, кромѣ существовавшаго раньше вокзала, возникла искусственно, благодаря военному времени. Вся эта мѣстность въ то время, когда я засталъ ее (въ августѣ) была застроена только палатками. Строились бараки; одинъ ужь былъ совершенно готовъ, другой отстраивался, всего проектировалось восемь. Существовалъ еще такъ называемый «каменный баракъ», онъ не былъ занумерованъ, а извѣстенъ только подъ этимъ названіемъ, принадлежавшій прежде къ зданію вокзала, и отведенный теперь подъ пріемный покой. Онъ, всѣ проэктировавшіеся бараки, часть палатокъ (въ одной изъ которыхъ была аптека) принадлежали Красному Кресту. Это стояло въ центрѣ Фратештскаго пункта, всѣ остальныя палатки составляли 75 и 46 военные госпитали. Въ первомъ строился такъ называемый «Поляковскій» желѣзный баракъ; поспѣлъ онъ уже поздно. Тамъ же производились работы по постройкѣ пресловутой Зимницкой желѣзной дороги.

Фратешты были знамениты какъ главный этапный пунктъ. Сюда шло изъ-за Дуная все больное и калѣчное воинство, здѣсь оно размѣщалось, производилась сортировка: тѣ, которые не могли, по своему состоянію, быть отправленными дальше, оставались на излеченіе, остальные на воинскихъ санитарныхъ поѣздахъ отправлялись на Яссы.

Привозились раненые и больные на повозкахъ воловыхъ и конныхъ изъ Зимницкаго военнаго госпиталя, куда неизбѣжно стекалось все, идущее изъ-за Дуная. Партіи приходили неравномѣрно, когда меньше ста, когда больше тысячи. Конечно, всю эту массу надо было размѣстить, приготовить имъ ужинъ, напоить чаемъ, почему ранѣе посылалось извѣщеніе, что транспортъ идетъ, и долженъ прибыть приблизительно въ такомъ-то часу. Такъ какъ извѣщеніе иногда запаздывало, а случалось иногда, что не приходило вовсе, — поднималась страшная суматоха. Лежишь въ палаткѣ (наша палатка такъ за нами и осталась); вездѣ уже тихо, вдругъ восклицанія, бѣготня:

— Транспортъ, транспортъ!

— Гдѣ, какъ? Далеко-ли?

— Ужь близко, у деревни!

— Гдѣ же мѣста? Въ 75-мъ?

— Надо дать знать!

Суматоха сильнѣе, крики: «санитаровъ, санитаровъ сюда!»—и вотъ, черезъ нѣсколько времени слышенъ стукъ повозокъ, замелькали фонари перебѣгающимъ свѣтомъ, озаряя массу лошадиныхъ головъ, сѣрыя шинели.

— Сюда, сюда, въ шестую палатку! Терапевтическій?

— Ты куда, въ ногу? Гипсовая? Не можешь идти? Санитары, гдѣ санитары?!

— О, Господи, слышится стонъ.

Повозки подъѣзжаютъ одна за другой, раздается только: «ты во что?» «Носилки!» и проч.

Больные и раненые размѣщены, начинается перевязка и сортировка. На длинномъ столѣ разложены бланки разныхъ цвѣтовъ: каждый цвѣтъ обозначаетъ родъ и степень болѣзненнаго состоянія: легкій, средній, безнадежный, и проч., съ графами, въ которыхъ отмѣчается имя, фамилія, какого полка, когда раненъ или заболѣлъ, куда раненъ или чѣмъ боленъ, и проч. Сообразно этому или дѣлается назначеніе на поѣздъ или больной оставляется. Отмѣтки дѣлаютъ доктора за столомъ, къ которому подходятъ больные, пока сестры и фельдшерицы дѣлаютъ перевязки. Одинаковый порядокъ и въ терапевтическомъ и въ хирургическомъ отдѣленіяхъ; въ первомъ, конечно, за исключеніемъ перевязокъ. Я забылъ сказать, что къ тому времени больные бываютъ уже накормлены.

Сортировка нерѣдко продолжалась за полночь. Помню я нѣсколько самыхъ трудныхъ дней въ жизни Фратештскаго пункта. Это было въ самомъ концѣ августа. Разомъ скопилось около семи тысячъ, преимущественно раненыхъ, почти всѣ изъ-подъ Плевны.

Конечно, всю эту массу невозможно было бы размѣстить и при лучшемъ устройствѣ, которое впослѣдствіи получило Фратешты, а тогда ужь и говорить нечего. Кажется не было свободнаго уголка, гдѣ бы не лежали несчастные. На открытомъ воздухѣ, прямо поперекъ дороги, кто на соломѣ, а кому не хватило—на голой землѣ. Приходилось шагать черезъ ноги, головы. Все это стонало, ворочалось:

— Водички бы, сестрица, Христа ради. Жжетъ внутри, этто...

— Погоди, голубчикъ, видишь васъ сколько! Потерпи, до тебя дойдетъ очередь.

— Охъ, смерть моя!

А другой, тутъ же, можетъ быть рядомъ, уже закатилъ глаза, и не нужно ему ни водицы, ничего!

Сколько имѣлось рукъ,—всѣ были заняты. Одно хожденіе съ чаемъ по этимъ рядамъ жаждущихъ, ужь чего стоило. Поили, поили, и бросили. Темно, и измучились, и воды не хватаетъ!..

Сначала погода была благопріятная, но потомъ полилъ дождь, вся Фратештская пыль обратилась въ вязкую кашу, и въ ней-то лежали наши мученики-солдаты!..

Рядомъ съ этими перипетіями шла дѣятельная постройка бараковъ Фратешты разростались все больше, возникнувъ почти изъ ничего, такъ какъ на томъ мѣстѣ было только кукурузное поле, за право пользованія которымъ была заплачена почтенная сумма. Фратештскій пунктъ въ нѣсколько мѣсяцевъ образовалъ изъ себя нѣчто въ родѣ городка. Конечно онъ росъ постепенно, трудами нѣсколькихъ уполномоченныхъ *), смѣнившихся здѣсь одинъ за другимъ, но заслуга труднаго дѣла начатія по всей справедливости должна быть приписана первому начальнику пункта, Р. А. Писареву. Едва ли бы кто другой съумѣлъ справиться со всей кучей самыхъ разнородныхъ хлопотъ. На немъ лежала самая трудная часть дѣятельности: хозяйственная (медицинскою частью завѣдывалъ, въ качествѣ главнаго доктора, профессоръ медико-хирургической академіи Чудновскій; въ госпиталяхъ 75 и 46-мъ была, конечно, своя администрація, но касаться ихъ я не буду). Съ ранняго утра его голосъ уже слышался повсюду: у строившихся бараковъ, у вокзала, въ аптекѣ. Разъ былъ такой случай: утромъ должна была начаться перевязка, нужна вода для ирригаторовъ, воды нѣтъ. Ждутъ, ждутъ—все нѣтъ. Узналъ объ этомъ Писаревъ, вскипѣлъ, полетѣлъ... Бочка стоитъ съ водой, а водовоза не видно—пропалъ. Время не терпитъ. Р. А. вскочилъ верхомъ на бочку и погналъ куда слѣдуетъ.

Такому энергическому человѣку, само собой, нельзя было иначе относиться къ насущному для Фратештъ вопросу—возможно скорѣйшей постройкѣ бараковъ. Приближался періодъ дождей и соединенныхъ съ послѣдними холодовъ. Ни откуда не защищенныя, Фратешты стояли въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ относительно непогоды. Одна ночь очень хорошо это показала: съ вечера небо уже хмурилось, подувалъ вѣтерокъ, но не особенно сильный. По обыкновенію въ Журжевѣ шла канонада, и въ непроглядной темнотѣ ясно вырѣзывались огненные полеты снарядовъ. Все ужь улеглось и заснуло. Заснули и мы въ своей палаткѣ. Среди ночи я вдругъ проснулся. Буря свирѣпствовала въ полной силѣ: шумъ ливня перемежался съ сильными раскатами грома. Въ нашей палаткѣ не видно ни зги, и вдругъ фосфорическій свѣтъ на минуту вырвется изъ-подъ нижнихъ краевъ полотна... Палатка буквально плясала! Вѣтеръ врывался во всѣ отверстія... Почти одновременно всѣ проснулись. Сперва слушали, перекидываясь въ темнотѣ замѣчаніями, и вдругъ кто-то крикнулъ:

*) Послѣ г. Писарева послѣдовательно смѣнились: А. Е. Бразоль и А. П. Давыдовъ.

— Валится, валится! Держи столбы!

Въ минуту всѣ были уже на ногахъ. Одѣваться времени не было— нужно было спасать палатку. Ее швыряло такъ, будто какіе-то неимовѣрно сильныя руки тащили ее отъ земли. Нужно было держать столбы, скрѣпленные вверху перекладиной; всѣ уцѣпились, напрягая силы, и вдругъ—трескъ, столбы тихо начали склоняться къ землѣ. Не успѣли мы броситься къ выходу, да и едвали бы мы нашли его скоро въ этомъ переполохѣ, какъ палатка въ послѣдній разъ высоко взметнулась вверхъ не знаю какимъ образомъ я успѣлъ выскочить. Въ одинъ моментъ бѣлье прилипло къ тѣлу, меня окатило ливнемъ. Я стоялъ, не зная что дѣлать, вѣтеръ валилъ съ ногъ, я задыхался, темно хоть глазъ выколи. Среди рева, шума и свиста слышались вдали отчаянные вопли: буря тамъ тоже разносила палатки. Попробовалъ окликнуть товарищей, и самъ не услыхалъ своего голоса. Молнія на мгновеніе освѣтила бѣлыя кучки, но нашей палатки уже не было видно, только вмѣсто нея лежало на землѣ широкое бѣлое пятно. Стоять дольше не было возможности. Увязая въ липкой грязи, скользя, падая—про дрожь и говорить нечего—добрался я, наконецъ, до лежащаго на землѣ полотна и полѣзъ подъ него, наступилъ на чьи-то ноги и скорчился. Полотно было мокро насквозь и сейчасъ же меня облѣпило. Внизу была какая-то холодная каша. Въ такомъ же положеніи находились товарищи. Не знаю, сколько времени сидѣли мы такимъ родомъ. Разговаривать было невозможно, не только узнать, даже ощупать нельзя было другъ друга, такъ какъ каждый былъ облѣпленъ мокрымъ полотномъ. Мало-по- малу пришли въ себя, заговорили, подползли для этого въ одну кучу и общимъ совѣтомъ рѣшили искать пріюта въ аптекѣ. Вѣроятно мы просидѣли не менѣе часу. Когда мы вылѣзли и направились къ аптекѣ начинало уже брезжить утро и буря утихла.

Дневной свѣтъ открылъ слѣды разрушенія, которое надѣлала буря. Много больничныхъ палатокъ было повалено, а съ строющагося барака снесло крышу. Большая часть дня была посвящена для приведенія въ порядокъ того, что натворилось въ эту ночь. Поставили и мы свою палатку, хотя она намъ все болѣе дѣлалась почти ненужной. Она уже не была для насъ теперь постояннымъ помѣщеніемъ, а какъ бы обратилась въ станцію: во Фратештахъ мы теперь были наѣздами, дня на два, на три, не больше, такъ какъ все время проводили въ дорогѣ, между Фратештами и Яссами, сопровождая на воинскихъ поѣздахъ больныхъ и раненыхъ. Воинскіе поѣзды отправлялись отъ насъ каждый день. Это были тѣ поѣзды, которые служили для доставки войскъ изъ Россіи, составленные изъ товарныхъ вагоновъ. Сопровождали ихъ: комендантъ, докторъ и его помощники. И перевязки и подача пособій производились во время пути, чаще всего на ходу поѣзда. Я уже говорилъ о путаницѣ поѣздовъ румынской желѣзной дороги, вслѣдствіе чего выходило, что задержанные на какой нибудь станціи, мы не могли разсчи-

тывать на болѣе или менѣе продолжительную стоянку, нужную по нашему разсчету. Поэтому перевязку обыкновенно соединяли съ кормленіемъ, т. е. съ ужиномъ или завтракомъ, сообразно тому, въ какую пору дня мы могли прибыть на питательный пунктъ. Только всегда выходило, что завтракъ случался въ полночь, а ужинъ — днемъ. Питательные пункты были оповѣщаемы комендантомъ даннаго поѣзда за нѣсколько часовъ по телеграфу, съ обозначеніемъ количества партій. Кормленіе устраивалось на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ. Завтракъ состоялъ изъ кашицы, ужинъ изъ мясныхъ щей или гречневаго супа. Солдатамъ раздавали хлѣбъ, посуды и ложекъ не полагалось, да и трудно было бы ихъ напастись; предполагалось, что у каждаго должна быть манерка и ложка.

Перевязка производилась тутъ-же, если хватало времени, но это рѣдко удавалось, приходилось торопиться, такъ какъ поѣздъ всегда шелъ съ опозданіемъ. Случалось не разъ: только что все приготовлено, нѣкоторые успѣютъ снять старыя повязки,—отдается распоряженіе садиться, и все бѣжитъ, сломя голову, въ вагоны. По большей части производили перевязку въ вагонахъ, переходя изъ одного въ другой, пользуясь для этого остановками на станціяхъ, такъ какъ въ вагонахъ были только боковые входы. Времени терялось непроизводительно бездна, и если раненыхъ было много—далеко не всѣ пріѣзжали въ Яссы со свѣжими повязками.

О какихъ либо удобствахъ само собой не могло быть и рѣчи: вода изъ ирригатора смѣшиваясь съ гноемъ текла тутъ же на полъ. Можно представить какой былъ воздухъ въ вагонахъ. Въ тѣхъ вагонахъ, гдѣ помѣщались дизентерики (ихъ осенью было особенно много), онъ былъ еще хуже, такъ какъ отправленіе естественной надобности по-неволѣ происходило тутъ-же. Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія въ такомъ воздухѣ, можно было почувствовать дурноту. Солома, замѣнявшая постели, издавала отвратительный запахъ, только въ Яссахъ она выбрасывалась, и вагоны окуривались сѣрой. Само собой, никакихъ приспособленій въ вагонахъ для очищенія воздуха не было: вентиляція была естественная, при помощи открытыхъ раздвижныхъ дверей, устроенныхъ съ боковъ вагона, которыя на ночь наглухо задвигались, такъ какъ съ закатомъ солнца становилось холодно. Можно представить что это былъ за воздухъ, которымъ приходилось дышать больному солдату.

Съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ, движеніе воинскихъ поѣздовъ должно было прекратиться, такъ какъ въ нихъ не было печей. До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ восполнился усиленнымъ движеніемъ санитарныхъ поѣздовъ. Наши поѣздки въ Яссы прекратились, мы получили другое назначеніе. Тѣмъ временемъ отстроились бараки, нѣкоторые изъ насъ были назначены смотрителями, остальные, въ томъ числѣ и я, поступили въ обозъ.

Служба состояла въ тѣхъ же разъѣздахъ, только уже не до Яссъ, а между Фратештами и Зимницей. Командировки эти брали столько же времени, т. е. дней по шести, и производились также по очереди. Во Фратештахъ мы отдыхали. Но ужь мы настолько втянулись въ кочевую жизнь, что томились бездѣйствіемъ, стараясь разнообразить свое свободное время. Однимъ изъ развлеченій служили поѣздки въ Журжево. Журжево лежитъ не болѣе какъ въ десяти минутахъ переѣзда по желѣзной дорогѣ. Окраины засажены виноградниками, брошенными своими хозяевами. Самый городъ довольно большой, съ домами преимущественно въ одинъ этажъ. Общій видъ производитъ странное впечатлѣніе, благодаря тишинѣ и пустынности, царствующимъ на улицахъ. Не зная про бомбардировку, въ началѣ не понимаешь причины, такъ какъ на пути отъ вокзала слѣды дѣйствія снарядовъ не видны. Но затѣмъ чѣмъ дальше углубляешься, тѣмъ больше и больше начинаютъ дѣлаться замѣтными слѣды разрушенія. Почти всѣ дома заброшены, почти повсюду окна заперты, у иныхъ домовъ цѣлая стѣна представляетъ груду развалинъ, у другихъ всѣ окна выбиты, кровли нѣтъ, а вмѣсто нея лежитъ на полу куча обломковъ. Рѣдко, рѣдко попадаются кое-гдѣ румыны, унылые, серьозные: каждую минуту можно ждать канонады. Все что могло выселиться — выселилось. Осталось только то, что принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу. Торгуютъ лишь ничтожнѣйшія лавчонки, да рестораны, послѣдніе на случай пріѣзда туристовъ. Часто бываетъ такъ: сидятъ посѣтители мирно и благородно, и вдругъ все замечется, запираются ставни, и люди начинаютъ хорониться въ укромныхъ мѣстахъ. Все притаилось и замерло, а надъ городомъ гремитъ канонада. Мы бродили по улицамъ, ходили на Дунай и влѣзали на холмъ, у подножія котораго стоитъ сторожевой пикетъ. Оттуда Рущукъ виденъ какъ на ладони. При этомъ необходимо было принять нѣкоторыя предосторожности, а именно: мы влѣзли по-одиночкѣ, ползкомъ, и притомъ каждый оставался недолго. Съ турецкаго берега могли замѣтить движеніе и направить огонь.

Видѣли мы, между прочимъ, на площади высокое зданіе съ башней: это примарія (полицейское управленіе). По башнѣ не разъ дѣлались выстрѣлы, оставившіе на ней замѣтные слѣды. На башнѣ прохаживался часовой... За нѣсколько времени до отхода поѣзда обратно, мы были ужь на вокзалѣ, подъѣхали одинъ за другимъ нѣсколько наемныхъ, допотопныхъ экипажей,—это запоздалые выселенцы: какой-то толстякъ, заваленный грудой чемодановъ, молодой франтоватый румынскій попъ, и проч.

Пріѣзжіе размѣщаются на подъѣздѣ, курятъ, ѣдятъ арбузы, или просто бродятъ изъ угла въ уголъ. Вдругъ все моментально насторожилось. Гдѣ-то вверху протянулся унылый звукъ въ видѣ зловѣщаго завыванія. Страшная мысль пронеслась среди всѣхъ, и настала всеобщая паника.

Все ринулось къ двери вокзала, толкаясь, сшибая другъ друга въ какомъ-то безпамятствѣ.

Какой-то баринъ за минуту передъ тѣмъ у буфета благодушно жевалъ бутербродъ. Повинуясь влеченію ужаса, со всѣхъ ногъ бросился онъ на прилавокъ, сокрушая закуски, и присѣлъ на корточки въ уголъ, съ трагически протянутой дланью, судорожно сжимавшей недоѣденный кусокъ бутерброда.

«Б-б-ахъ!»

Въ дверяхъ вагона шла свалка. Все лѣзло, перло, давило, цѣплялось, стараясь протиснуться, точно тамъ только и было спасеніе. Нѣсколько женщинъ на платформѣ метались, ломая руки. Между ними кидался, какъ бѣшеный, какой-то бѣлый китель (изъ фурштатовъ), махая и крича не своимъ голосомъ:

— Выходите! Выходите!

«Б-бахъ!»

Безуміе достигло своего апогея. Воображалось, будто бомба уже упала здѣсь, около насъ, и вотъ ее сейчасъ разорветъ? Есть нѣсколько успокаивающихъ, но и у нихъ душа въ пяткахъ. Слава Богу, звонокъ, поѣздъ свиснулъ, двинулся и скоро полетѣлъ на всѣхъ парахъ, выѣхавъ получасомъ раньше. Изъ оконъ виднѣлись по всѣмъ направленіямъ дорогъ облака пыли, а въ нихъ улепетывали во всю ивановскую экипажи.

Отъѣхавъ версты съ двѣ, поѣздъ остановился, публика вышла изъ вагоновъ и теперь ужь совсѣмъ успокоенная, принялась любоваться канонадой. Тутъ какъ разъ было ровное мѣсто, виднѣлись Дунай и турецкій берегъ.

Тамъ вспыхивали красивыя, бѣлыя облачка, и слышался грохотъ. Вотъ одно облачко явилось какъ разъ около башни, мимо которой давеча мы проходили, затѣмъ гулъ—разорвало! Такое-же облачко вьется съ боку вокзала—и тамъ разорвало!

Это была одна изъ самыхъ памятныхъ поѣздокъ нашихъ въ Журжево. Во всѣ другіе разы онѣ обходились безъ сильныхъ впечатлѣній, и какъ все часто повторяющееся—скоро наскучили., Потянулись, какъ заведенная машина, однообразныя явленія жизни. Дни похожіе одинъ на другой: то дни во Фратештахъ, то въ дорогѣ съ обозомъ. Объ этомъ послѣднемъ я поведу теперь рѣчь. Начну съ того, какъ онъ основался.

IV.

Фратешты еще имѣли значеніе средоточія, куда высылались изъ главнаго склада Краснаго Креста въ Бухарестѣ всѣ необходимые предметы больничнаго обихода, какъ для самихъ Фратештъ, такъ и для всѣхъ

пунктовъ до Зимницы. Сюда высылались тюки и отправлялись по назначенію съ первой оказіей. Для этого въ распоряженіи Краснаго Креста было нѣсколько повозокъ, нанимаемыхъ по контракту въ деревнѣ: простыхъ румынскихъ каруцъ, и конныхъ и буйволовыхъ. По мѣрѣ накопленія присланнаго, были отправляемы транспорты въ Зимницу, причемъ сдавались на промежуточныхъ пунктахъ Путинея и Атернацы назначенныя туда вещи. Въ Зимницѣ поступало въ складъ остальное, а повозки, чтобы не возвращаться пустыми, присоединялись къ транспорту больныхъ, отправляемыхъ на подводахъ изъ военнаго госпиталя (въ Зимницѣ Красному Кресту принадлежалъ только одинъ складъ, которымъ пользовались госпиталя, бараки для больныхъ были выстроены позднѣе). Конечно, повозки эти оказывали помощь незначительную, присоединяясь въ количествѣ десяти, пятнадцати каруцъ къ числу двухсотъ и больше госпитальныхъ повозокъ. Для сопровожденія ихъ откомандировывался кто-либо изъ насъ, который сдавалъ вещи, а изъ Зимницы ѣхалъ вмѣстѣ съ военнымъ врачемъ въ качествѣ его сотрудника въ дѣлѣ поданія больнымъ могущей понадобиться въ дорогѣ помощи.

— Завтра отправьтесь, пожалуйста, въ Зимницу, сказалъ мнѣ разъ уполномоченный, теперь нагрузитесь, а завтра пораньше въ путь. Дороги портятся, надо пріѣхать засвѣтло.

У меня составилось повозокъ двѣнадцать. Утромъ получилъ подъ росписку накладную и отправился. Къ великому горю пришлось ѣхать на волахъ. Нѣтъ ничего лѣнивѣе и медлительнѣе этихъ животныхъ. Всю дорогу ѣхали шагомъ; солнце печетъ; проклятыя животныя еле тащатся, а кругомъ тоскливо однообразная равнина кукурузныхъ полей, и нѣтъ ничего, начемъ-бы могъ глазъ отдохнуть на минуту. Поравнялись съ одной румынской деревней. Женщины и ребятишки вылѣзли изъ своихъ мазанокъ, смотрятъ съ любопытствомъ, проѣхали, и опять потянулись поля. Недвижимо они золотятся на солнцѣ, и хоть-бы легкая струя вѣтерка пробѣжала по нимъ. Хоть-бы что-нибудь, гдѣ-бы укрыться отъ солнца. А эти волы еле тащатся.

— Юте, юте! *) кричу на румынъ.

— Хайсъ! Хайсъ! принимается онъ колотить воловъ.

На минуту ѣдемъ какъ будто скорѣе, а потомъ опять поплелись.

А солнце уже на краю горизонта, и одна его часть уже скрылась. Вдругъ незамѣтно подкралась темнота, и моментально сдѣлалось холодно, точно опустили въ холодную ванну. А сзади выплылъ мѣсяцъ, и бросилъ на бѣлую, какъ мѣлъ, дорогу длинныя тѣни нашего транспорта. Дорога пошла подъ гору. Потянулись мазанки, въ сторонѣ высокій журавль колодца,—мы въѣзжаемъ въ Путинею. Слава Тебѣ, Господи!

Питательный пунктъ Краснаго Креста, Путинею издали можно при-

*) Юте—по румынски: скорѣе.

нять за замокъ, благодаря круглой каменной оградѣ и башнѣ. Не знаю. что было тутъ раньше: строенiе старое, полуразрушенное. довольно грязное, но на первый взглядъ не лишенное эффекта.

Оставилъ повозки у воротъ, и вышелъ за ограду; Красный Крестъ помѣщался въ нѣсколькихъ палаткахъ. Сейчасъ-же направо, у самой стѣны—юрта уполномоченнаго, а дальше столовая. Я какъ разъ прiѣхалъ къ ужину. Во всю длину палатки тянулся столъ, а за нимъ сидѣло оживленное общество. Было, по крайней мѣрѣ, человѣкъ тридцать; само собой всѣ-же не могли принадлежать къ персоналу. тѣмъ болѣе. что многiе были одѣты по дорожному.

Я отрекомендовался, и сейчасъ-же былъ посаженъ за столъ. Разговоръ велся отдѣльными группами и о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

— Я не люблю Петербургъ, говорилъ одинъ черноволосый субъектъ въ длиннополомъ румынскомъ пальто съ капюшономъ и сумкой, ведя рѣчь съ хорошенькой дѣвушкой, какъ я узналъ впослѣдствiи—мѣстной фельдшерицей.

— Я не понимаю...

— Можетъ потому, что въ немъ не родился.

— Все въ немъ стянуто въ условную форму...

— Я сегодня одного жида пробралъ, слышно гдѣ-то въ концѣ стола,—это въ самомъ дѣлѣ возмутительно. Возьмите хоть-бы сѣно теперь... Это чортъ знаетъ что за сѣно.

Напротивъ меня шелъ разговоръ по французски между барыней въ мерлушечьей шапкѣ, клеенчатомъ пальто и съ сумкой черезъ плечо (судя по повязкѣ съ крестомъ—сестра) и худощавымъ господиномъ, сидѣвшимъ чрезвычайно прямо и чопорно. повидимому англичаниномъ, кѣмъ онъ дѣйствительно и оказался.

Прiѣхалъ онъ въ Путинею въ качествѣ представителя оппозицiонной политической партiи, съ предложенiемъ выстроить на свой счетъ баракъ. но поставляя необходимымъ условiемъ, чтобы на немъ была сдѣлана надпись въ смыслѣ выраженiя симпатiи англичанъ къ защитникамъ угнетенныхъ болгаръ. что-то въ этомъ смыслѣ, подлинной фразы я не помню.

Въ первую минуту меня поразила разнохарактерность общества и это взаимное отношенiе людей, очевидно между собой ничѣмъ не связанныхъ. Немножко смахивало на гостинницу. Впослѣдствiи я убѣдился, что оно почти такъ и было: «питательный» пунктъ вполнѣ оправдывалъ свое названiе. Помимо исполненiя своего прямаго назначенiя—кормить проходящiе изъ Зимницы транспорты, — онъ радушно принималъ и ютилъ у себя на ночь, если были только свободныя мѣста, всѣхъ путниковъ, чѣмъ-либо связанныхъ съ обществомъ Краснаго Креста, даже слѣдующихъ къ мѣсту своего назначенiя офицеровъ. Все это было крайне мило, радушно и весело, чему много способствовали симпатичныя лич-

ности тогдашняго уполномоченнаго П. К. Багговута и доктора Н. Т. Покровскаго, теперь уже покойнаго.

Послѣ ужина мнѣ было указано мѣсто почлега. Вещи были уже приняты, росписка мною получена, и я съ спокойнымъ духомъ отправился спать.

Слѣдующій день я былъ въ Атернацы (онъ находился на разстояніи верстъ восемнадцати отъ Путинеи); это тоже питательный пунктъ Краснаго Креста, расположенный въ деревнѣ того-же имени, но менѣе значительный, чѣмъ предыдущій. Каменный домикъ, всего изъ трехъ комнатъ, служившій прежде помѣщеніемъ школы, двѣ палатки, юрта, вотъ и все. Тутъ-же жилъ коммисаръ, завѣдывавшій продовольствіемъ транспортовъ. Въ недалекомъ будущемъ предполагалось здѣсь устройство военнаго госпиталя, которое впослѣдствіи и осуществилось. Деревня принадлежала нѣкоему Александру Скарлатеско, любезно отдавшему въ распоряженіе Краснаго Креста помѣщеніе школы и нѣсколько мазанокъ для квартиръ персонала. Персоналъ былъ тогда не великъ. Отдѣльнаго уполномоченнаго въ этомъ пунктѣ не было, имъ завѣдывалъ г. Багговутъ въ Путинеѣ. Имѣлись: докторъ, двѣ или три сестры, два фельдшера.

Въ Атернацы мы были въ полдень; я разсчитывалъ, что успѣю къ ночи въ Зимницѣ. Приходилось сдѣлать тридцать верстъ. Дорога была также утомительна и однообразна, за то еще за нѣсколько верстъ до мѣста ужь начали встрѣчаться всевозможные транспорты, тянувшіеся къ Зимницѣ. Еще издали охватывала та атмосфера, которая присуща этому мѣсту: запахъ падали, гніющей воды, и всякіе міазмы. Казалось, точно въѣзжаешь въ помойную яму. Я забылъ сказать, что ночью шелъ дождь, дорога раскисла, а въ Зимницѣ стояли цѣлыя озера воды. Колеса мѣстами уходили въ нее по ступицу. Кривыя, узкія улицы, множество разныхъ шалашей со свѣтящимися окнами, солдаты повсюду, ѣдущіе сзади, навстрѣчу, съ боковъ каруцы. Приходилось двигаться со скоростью улитки, вдобавокъ ѣхавшій на передней повозкѣ румынъ, котораго я пустилъ провожатымъ, такъ какъ самъ ѣхалъ въ первый разъ, запутался въ улицахъ, и только благодаря распросамъ чуть-ли не у каждаго встрѣчнаго, добрались мы наконецъ до склада; онъ былъ запертъ, гдѣ найти смотрителя я не зналъ, вдобавокъ ѣсть смертельно хотѣлось, и поставивъ свои повозки у назначеннаго мѣста, о которомъ мнѣ сказали еще во Фратештахъ, я отправился отыскивать ресторанъ.

— Гдѣ бы тутъ поѣсть? спрашиваю у солдата.

— Корчму, что-ли?

— Все равно, что нибудь. Гдѣ тутъ ѣсть, какъ называется?

— Всякіе есть. «Русская» есть ресторація, «Петербургская»...

— Ну, а въ какую лучше?

— Обѣ хорошія. Въ «Петербургской» офицеры кушаютъ.

— А гдѣ она?

Началъ онъ объяснять: ступай на базаръ, выйди направо, поверни налѣво, будетъ домъ, и проч., ничего я не понялъ и рѣшилъ спрашивать по дорогѣ. Отыскиваемая «Петербургская ресторація» была не особенно далеко, хотя мнѣ показалось наоборотъ, такъ какъ на пути пришлось преодолѣть много препятствій, особенно у базара. Посреди улицы идти было невозможно, фонаремъ я не запасся, а въ Зимницѣ безъ него никто не ходитъ, и мнѣ очень было легко наткнуться на рога какого нибудь вола ѣдущей на встрѣчу повозки. Я старался держаться стѣнъ домовъ, ноги скользили, разъѣзжались, такъ какъ тротуары замѣняла покатая насыпь, отъ дождя сдѣлавшаяся крайне скользкою; безпрестанно приходилось хвататься то за частоколъ, то просто за оконную ставню. Я началъ уже раскаиваться въ своемъ предпріятіи и шелъ скрѣпя сердце. Наконецъ добрался. Средней величины комната. Шумно, душно. Въ одномъ углу оркестръ изъ четырехъ человѣкъ раздирательно напиливаетъ популярную въ Румынію пѣсню, передѣланную изъ нѣмецкаго «Postilion'a». въ другомъ углу, у окна, жидъ-торговецъ примостился съ своимъ товаромъ въ видѣ фуфаекъ, портсигаровъ, запонокъ, и т. п. Публика—все офицерство. Безпрестанно хлопаетъ дверь, впуская съ улицы въ комнату холодное облако.

— Что эту канитель завели!? Русскую, русскую! Русака, понимаешь? кричитъ у одного стола музыкантамъ офицеръ, судя по красному лицу достаточно навеселѣ.

Музыка на ползвукѣ обрывается, играются «сѣни», фальшивятъ страшно, что не мѣшаетъ восторгу офицера. Онъ даже начинаетъ притопывать въ тактъ, потомъ встаетъ и колеблющимися шагами подходитъ къ противуположному столику.

— Вы, батюшка, извините: я, знаете, не могу...

— Ничего-съ, ничего-съ, успокаиваетъ посѣтитель въ какомъ-то странномъ костюмѣ, въ полушубкѣ, сверхъ котораго накинутъ клеенчатый плащъ, и въ мягкой войлочной шляпѣ. Длинные волосы изобличаютъ священника.

— Потому эти черти романешти не понимаютъ!.. Разгулялся, ну, вотъ и все! Вы извините, пожалуйста, батюшка—надвигается, колыхаясь на ногахъ, офицеръ.

— Ничего-съ, ничего-съ, повторяетъ опять батюшка, ужь начиная стѣсняться.

Мнѣ подали такъ-называемый борщъ, попросту какую-то водянистую похлебку пополамъ съ уксусомъ, и бифштексъ страшно перепорченный. Пришлось заплатить около рубля. Я пошелъ обратно къ повозкамъ, размѣщеннымъ противъ склада у домика изъ глины, гдѣ было отведено

помѣщеніе всѣмъ служащимъ въ Красномъ Крестѣ. Въ маленькой комнатѣ (весь домъ состоялъ только изъ двухъ) съ разбитыми и заклеенными бумагой окнами стояла одна кровать безъ подушки, только съ однимъ блинообразнымъ тюфякомъ. За все это брали полуимперіалъ въ сутки. Иногда въ этой комнатѣ накапливалось человѣкъ до шести; конечно располагаться приходилось самымъ фантастическимъ образомъ. Эта комната отдѣлялась отъ другой крошечными сѣнями. Направляясь въ свое помѣщеніе, мнѣ пришлось пройти черезъ толпу какихъ-то мужиковъ, тѣснившихся на крылечкѣ, въ сѣняхъ и даже въ сосѣдней комнатѣ, какъ можно было разсмотрѣть черезъ отворенную дверь. Слышался галдежь нѣсколькихъ голосовъ, покрывавшійся по временамъ криками одного голоса съ жидовскимъ акцентомъ.

— Лосадь пала? А стози сто лосадь пала?!

— Смилуйся, паночекъ.

На это задребезжалъ другой голосъ, тоже очевидно еврея:

— Чиво?! И сто такое?! Heraus!.. Тьфу! Вонъ!.. Посолъ вонъ!..

— Да якже?.. Чи я гулялъ?..

— Посолъ!..

— Якъ-же?.. А мои карбованцы?!

— Карбованцы?!.. Пхе! Ти гулялъ!.. И гдѣ-зе ты билъ?..

— Я булъ...

— Посолъ!.. Посолъ!..

Изъ комнаты послышалась возня, какъ будто кого-то выталкиваютъ, а онъ упирается.

— Да сіе Бугъ, паночекъ!..

— Посолъ вонъ!! ревѣлъ уже не своимъ голосомъ жидъ, — ни галагана!..

«Ой, ой, ой, Боженька, що-жь то буде!» послышался глухой ропотъ толпы и тяжелые вздохи.

Эта комната была контора Варшавскаго, въ которой агенты его производили разсчетъ съ погонцами. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать эти разсчеты, сопровождавшіеся всегда подобными сценами. Дѣятельность жидовъ-агентовъ въ настоящее время всплываетъ наружу, и уже теперь до начатія дѣла противъ нихъ судебнымъ порядкомъ открылось много возмутительныхъ фактовъ, почему останавливаться на нихъ я не буду: передамъ только впечатлѣніе, которое производили на всѣхъ жертвы жидовской эксплуатаціи. Худые, оборванные, съ приниженнымъ, пугливымъ выраженіемъ, съ своими телѣжонками, везомыми парой голодныхъ одровъ еле волочащихъ ноги, — погонцы глядѣли какими-то переселенцами изъ разореннаго края. Болѣло и мерзло ихъ множество, и не столько отъ климатическихъ условій, сколько отъ голода и недостатка теплой одежды.

На другое утро я сдалъ вещи въ складъ, узналъ, что сегодня идетъ транспортъ больныхъ изъ госпиталя, и поѣхалъ туда. Погода стояла сѣрая, сумрачная. При дневномъ свѣтѣ Зимница казалась еще отвратительнѣе. Почти исключительный типъ построекъ—балаганы, сколоченные кое-какъ, лѣпящіеся тѣсно другъ къ дружкѣ, все разныя промышленныя и торговыя заведенія. Въ каждомъ двери настежь, и товаръ на лицо: шоколадъ, сальныя свѣчи, табакъ, рядомъ огромный самоваръ, испускающій клубы пара, немного дальше разноцвѣтныя фуфайки вѣютъ на воздухѣ. Сѣдла, походные сапоги, почти съ ними рядомъ висящіе на крюкахъ стяги мяса, и въ сторонкѣ румынъ тутъ-же на улицѣ рѣжетъ барана. Русскіе солдаты, румыны, жиды толкутся въ лавчонкахъ, галдятъ, шлепаютъ по грязи. Посреди улицы, въ океанѣ грязи, завязла каруца, остановивъ движеніе тянущихся сзади артиллерійскихъ ящиковъ. Между нихъ нечаянно попала партія свиней, визжитъ и бросается въ невыразимомъ волненіи. Весь красный отъ злости офицеръ, верхомъ на конѣ, мечется и машетъ нагайкой.

— Генераль—дрàкули! вопитъ не своимъ голосомъ возница-румынъ, тираня воловъ. Но каруца — ни съ мѣста, при чемъ одно животное, должно быть разсчитавъ, что ужъ ничего не подѣлаешь, апатично улеглось въ грязи, предоставивъ своему товарищу надрываться изъ силъ. А на эту сцену остановился и смотритъ торговецъ гусями, держа на плечѣ коромысло съ привѣшеннымъ по концамъ за ноги своимъ живымъ товаромъ, чувствующимъ себя не очень спокойно.

Госпитали находятся верстахъ въ полутора отъ Зимницы, почти въ средоточіи нѣсколькихъ дорогъ; издали они уже видны отлично въ видѣ двухъ группъ построенныхъ правильными рядами палатокъ. Въ сторонѣ расположилась на бивуакѣ идущая за Дунай партія. Вдали, по дорогѣ на Александрію, черной нитью тянулся обозъ.

Въ госпиталѣ, когда я прибылъ, подводы стояли уже наготовѣ, но больныхъ еще не сажали. Имъ готовили обѣдъ, а затѣмъ транспортъ долженъ былъ тронуться.

Я явился къ начальнику госпиталя, поставилъ въ ряды свои повозки, и принялся ждать. Пошелъ дождь, волы понуро дремали, время текло, а мы все стоимъ и ждемъ. Не знаю почему произошла задержка, но только я замѣтилъ впослѣдствіи, что рѣдко намъ приходилось выбираться изъ Зимницы ранѣе вечера.

Быстро темнѣло. Наконецъ велѣно было подавать повозки, стали сажать, что заняло еще добрыхъ часа два времени. Между суетящимся во время посадки разнымъ людомъ, замѣтилъ я молодаго человѣка, въ пальто студента медицинской академіи. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Скажите, пожалуйста, вы сопровождаете повозки Краснаго Креста?

— Да.

— Студентъ N. (Онъ протянулъ руку). Я назвалъ себя.

— Значитъ, мы съ вами ѣдемъ? Очень пріятно познакомиться!

— Развѣ вы сопровождаете транспортъ?

— Да, мнѣ пришлось. Врачи почти всѣ въ тифѣ. Пойдемте въ мою повозку.

Повозка оказалась чернымъ интендантскимъ фургономъ, гдѣ лежать двоимъ было очень удобно. Сѣна было наложено вдоволь, лежали подушки. Все это, послѣ моей несчастной каруцы безъ верху, показалось мнѣ чуть не раемъ. Я это замѣтилъ своему новому знакомцу.

— Да, я выбралъ самый лучшій. Садитесь-же! Все ужь готово — ѣдемъ.

Тѣмъ временемъ повозки одна за другой вытягивались по формѣ; мы обязательно должны были ѣхать послѣдними. Наконецъ дошла очередь до насъ, мы тронулись; вся линія транспорта заняла съ добрую версту. Въ сторонѣ ѣхало два казака, въ серединѣ, на отдѣльной повозкѣ — транспортный офицеръ.

Черезъ нѣсколько времени транспортъ растянулся чуть не вдвое длиннѣе, разбившись на нѣсколько частей, вслѣдствіе того, что иныя повозки останавливались, и больные слѣзали для извѣстныхъ надобностей (много было дизентериковъ).

Дождь превратился въ ливень, темно было какъ въ трубѣ, колеса вязли въ грязи, ѣхали чуть не ощупью. Намъ приходилось постоянно останавливаться вслѣдствіе задержекъ переднихъ повозокъ. Одна остановка вышла особенно долгая. Сидимъ, ждемъ, а между тѣмъ слышимъ началась суматоха, крики, ругательства, а дождь такъ и хлещетъ.

Проскакалъ казакъ.

— У кого есть фонарь? Давайте фонарь, скорѣе!

— Что случилось?

— Повозка опрокинулась.

Поѣхали къ мѣсту происшествія. Тамъ ужь бѣсновался транспортный офицеръ, разсыпая крѣпкую ругань. Одинъ изъ погонцевъ держалъ зажженный фонарь, освѣщая опрокинутую повозку. При въѣздѣ на какой-то мостикъ лошади наткнулись на падаль, попятились и опрокинули повозку въ канаву. Несчастія никакого не случилось, поставили повозку на колеса, и тронулись дальше.

Вскорѣ опять таже исторія. Опять опрокинулась, но дѣло обошлось менѣе счастливо: опрокинувшіеся были двое раненыхъ, и у одного при паденіи свалилась повязка. Пришлось наложить ее тутъ-же подъ дождемъ, причемъ у раздѣтаго солдата зубъ на зубъ не попадалъ.

Между тѣмъ погода не улучшалась, ѣхать все становилось труднѣе, и рѣшили заночевать на дорогѣ. Продолжали путь съ первыми лучами разсвѣта. Погода разгулялась. Въ Атернацы прибыли мы часамъ къ десяти.

При слѣдованіи транспортовъ, также какъ и на желѣзно-дорожныхъ воинскихъ поѣздахъ, посылалось извѣщеніе на пункты: идетъ, молъ, столько-то человѣкъ, которымъ нужно приготовить пищу. Кормленіе производилось казеннымъ коммисаромъ, и въ этомъ выдавалась росписка транспортнаго офицера.

Роль телеграфа исполнялъ казакъ, отправленный за нѣсколько часовъ впередъ. Когда мы прибыли, повозки стояли ужь въ линіи, и дѣлались приготовленія къ завтраку.

— Ваше благородіе, послышался слабый голосъ изъ одной изъ повозокъ, когда мы проходили. Оттуда выглядывало осунувшееся лицо солдатика.

— Что тебѣ?

— *Взгляньте-ко-сь, товарищъ кажется кончился.*

Осмотрѣли. «Товарищъ» лежалъ далеко вытянувъ одну ногу, а другую выгнувъ угломъ. Голова опрокинулась назадъ, открытые глаза глядѣли неподвижно, а правая рука, обнимавшая должно быть въ послѣднюю минуту агоніи своего спутника, такъ и закостенѣла на шеѣ живаго человѣка. Нужно было исполнить необходимый порядокъ. Пошли къ «примару» (представителю мѣстной полицейской власти), сдали трупъ и получили росписку въ принятіи таковаго, за что заплатили три рубля на похоронныя издержки.

Каждый разъ приходилось оставлять на пунктахъ умершихъ въ дорогѣ. Однажды не застали примара, уѣхалъ куда-то въ гости. Оставили покойника на крыльцѣ съ положенными на грудь деньгами. Это было вечеромъ, и луна прямо освѣщала мертвое лицо неожиданнаго и непріятнаго гостя. Документъ отъ примара могъ быть взятъ потомъ, но деньги все-таки нужно было сперва заплатить. По большей части доктору или транспортному офицеру, если у покойника не находили собственныхъ денегъ, приходилось платить изъ своихъ. Казна потомъ отдавала. Обыкновенно мы пріѣзжали на пункты поздно вечеромъ, и тамъ ночевали. Пока въ Атернацы не было военнаго госпиталя, а въ Путинеи не отстроился баракъ, больныхъ приходилось оставлять на повозкахъ. При этомъ кстати замѣчу, что далеко не всѣ онѣ были крытыя. Та-же процедура какъ въ Атернацы повторялась и въ Путинеѣ, выѣхавъ изъ которыхъ утромъ пріѣзжали во Фратешты часовъ въ шесть вечера.

Я описалъ только одну поѣздку, и нахожу это достаточнымъ, такъ какъ во всѣхъ нихъ повторялось тоже самое.

Тяжелыя, безобразныя деревенскія каруцы, принадлежавшія Красному Кресту для сообщенія между Фратештами и Зимницей, скоро прекратили свое существованіе, и вмѣсто нихъ возникъ спеціальный «обозъ Краснаго Креста» въ вѣдѣніи особаго уполномоченнаго независимо отъ г. Писарева,— В. А. Левашова. Это было уже нѣчто совсѣмъ особенное. Первоначаль-

ныя повозки служили преимущественно для перевозки клади, брали же больныхъ только затѣмъ, чтобы не возвращаться пустыми (было нѣсколько спеціально для этой цѣли, съ приспособленіемъ системы Барановскаго, но онѣ почему-то скоро исчезли), «обозъ» же имѣлъ исключительной цѣлью эвакуацію. Новыя повозки были на видъ очень изящны. Онѣ были заказаны въ Австріи, въ Черновицахъ, и состояли изъ легкаго плетенаго кузова съ парусиннымъ верхомъ, съ задней частью обтянутой для прочности рогожиной. Входъ былъ сбоку черезъ отверстіе въ парусинѣ, закрывавшееся квадратнымъ лоскутомъ, съ прикрѣпленной къ нижнему краю скалкой. Приспособленіе для больныхъ состояло въ видѣ крѣпкой рамы въ размѣрахъ кузова, вкладывавшейся горизонтально въ повозку. Оба продольныхъ края рамы соединялись поперекъ двумя такими-же брусьями съ обрѣшеткой изъ тесьмы между ними. Въ средней части рамы обрѣшетка проходила черезъ кольца, прикрѣпленныя къ дереву, и могла въ случаѣ надобности распускаться. Если повозка предназначалась для «сидячихъ», послѣдніе помѣщались въ количествѣ четырехъ человѣкъ, по-двое другъ противъ друга, и тогда обрѣшетка распускалась. Лежачихъ-же помѣщалось только двое. Подстилкой служили соломенные матрацы. Запрягались повозки въ тройку лошадей. Вытянутыя въ линію одна за другой, въ порядкѣ, съ большими красными крестами нарисованными на бокахъ, съ бѣлой ременной сбруей, онѣ производили привлекательное впечатлѣніе. Въ сущности онѣ были хуже прежнихъ деревенскихъ каруцъ. Благодаря своей легкости онѣ сильно трясли и довольно часто опрокидывались. Боковыя отверстія были такъ узки, что не только вкладывать черезъ нихъ въ повозку какого нибудь трудно раненаго, требовавшаго большой осторожности, но даже и совершенно здоровому человѣку пролѣзать черезъ нихъ было крайне неудобно. Кромѣ того, тонкія рессоры и такія-же колеса требовали чаще починки. Очень скоро повозки потеряли свою изящность: бѣлая сбруя загрязнилась, парусинные верхи рвались безпрестанно и покрывались заплатами. У рѣдкой повозки былъ задокъ въ цѣлости: происходило это вслѣдствіе того, что при движеніи транспорта соблюдался излишне педантичный порядокъ: повозки слѣдовали одна за другой непремѣнно подъ нумерами (всѣ онѣ были перенумерованы) въ близкомъ разстояніи, при чемъ случалось, что задняя, по инерціи, продолжала движеніе во время остановки передней, дышло сильно упиралось въ задокъ, и нерѣдко ушибало сидѣвшаго въ передней повозкѣ больного. «Обозъ» былъ любимымъ чадомъ нашего Краснаго Креста въ Румыніи. Для него были выписаны изъ Россіи: кузнецы, слесаря, коновалъ, и проч., даже цѣлая партія кучеровъ изъ Одессы, установленъ былъ чуть-ли не церемоніалъ движенія. Скачущій впереди верхомъ — Aufseher, сирѣчь надсмотрщикъ, скачущіе по бокамъ санитары, свистки для остановки, проектировались даже колокольчики, и проч., и проч.

Всѣхъ этихъ повозокъ сперва была сотня, и эвакуировали онѣ по очереди, по группамъ изъ двадцати пяти или около того. Это было по отношенію къ обыкновеннымъ казеннымъ транспортамъ тоже, что санитарные поѣзды относительно воинскихъ. Быть перевезеннымъ на этихъ повозкахъ считалось привилегіей.

V.

Изъ всего предъидущаго читатель могъ уже замѣтить, что дѣятельность моя въ предѣлахъ Румыніи была довольно однообразна. Скакать верхомъ, сопровождая повозки, чѣмъ ограничивалась моя обязанность, представляло мало заманчиваго въ какомъ либо отношеніи. Весьма естественно хотѣлось чего нибудь новаго. иныхъ положеній. обстановки... Случай представился.

Пріѣхалъ я въ концѣ октября въ Зимницу. Противъ обыкновенія повозки нужно было тамъ задержать. Только что прибылъ. встрѣчаю одного изъ нашихъ товарищей, тоже «обознаго».

— Какими судьбами? спрашиваю.

Надо сказать, что онъ отправился до меня за недѣлю, и я думалъ. что онъ ужь на возвратномъ пути, только мы какъ нибудь разъѣхались.

— Сижу, жду.

— Чего-же ждешь?

— Самъ не знаю. Велѣно ждать.

— Что за странность? Мнѣ тоже сказано не трогаться въ путь.

Поломали голову что бы это значило, и на томъ покончили. Прошелъ день. шатались по Зимницѣ убивая время, и вдругъ совсѣмъ неожиданно къ ночи пріѣзжаетъ третій тоже съ повозками. Тутъ только дѣло разъяснилось. Пріѣхавшій сообщилъ, что въ Зимницѣ должна сгруппироваться сотня повозокъ, такъ какъ онѣ имѣютъ быть сданы графу А. В. Соллогубу въ Болгарію. Послѣдній пріѣдетъ сюда на-дняхъ съ Левашовымъ.

Прошло еще два дня, мы умирали со скуки, мѣсили грязь по улицамъ, спали и всячески убивали время. Наконецъ уполномоченные пріѣхали. Повозки были поставлены въ рядъ, начались осмотръ и починки. Предполагалось отправить ихъ въ Болгарію снабженными всѣмъ нужнымъ, и даже больше. Графъ привезъ съ собою нѣсколько ящиковъ всякой всячины: медикаментовъ, роскошнѣйшихъ хирургическихъ инструментовъ. фаянсовой посуды. чаю, сахару, консервовъ, тонкаго вина, и проч.

Все это размѣстилось въ повозкахъ, подъ особыми номерами и всему былъ составленъ реестръ. Въ виду безкормицы для лошадей въ Болгаріи, куплено было у жидовъ нѣсколько сотъ пудовъ сѣна и по мѣшку ячменя

для каждой запряжки. Каждая повозка набивалась вплотную сѣномъ и кромѣ того имъ еще были нагружены кажется двѣ большихъ воловыхъ каруцы, купленныхъ вмѣстѣ съ животными исключительно для этой цѣли. Графъ завѣдывалъ раньше желѣзно-дорожнымъ санитарнымъ поѣздомъ и имѣлъ свой медицинскій персоналъ, который былъ гдѣ-то въ дорогѣ.

Дѣло эвакуаціи въ Болгаріи графъ хотѣлъ повести на широкихъ началахъ, устроить питательные пункты, и настоящая поѣздка имѣла между прочимъ цѣлью изслѣдовать въ этомъ отношеніи почву. Видѣлъ я образецъ значка, который имѣлъ носитъ служащій у графа персоналъ: круглая металлическая бляшка съ краснымъ крестомъ: золотая для него, какъ уполномоченнаго, серебряная у врачей и мѣдная у санитаровъ, что-то въ этомъ родѣ, не помню... Графу Левашову онѣ очень понравились и онъ предполагалъ завести такія-же въ своемъ обозѣ. но это осталось однимъ предположеніемъ.

Мы всѣ принимали участіе въ снаряженіи обоза. Между прочимъ графъ обратился къ г. Левашеву съ просьбою уступить ему на время двоихъ своихъ служащихъ. Тотъ передалъ предложеніе намъ. Ѣхать мнѣ хотѣлось, но я колебался, такъ какъ былъ совершенно налегкѣ.

— Я васъ задержу не болѣе какъ на мѣсяцъ. Мы съѣздимъ подъ Плевну, вернемся сюда, потомъ на Шипку, затѣмъ вы свободны,—заявилъ графъ.

Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, я согласился. Тоже сдѣлалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Куда прешь?!.. Пошелъ назадъ!

— Говорятъ тебѣ—нужно!

— Не велѣно!.. Назадъ!..

— Куда, куда поѣхалъ?

— Да наши тамъ!

— Куда полѣзъ? Куда полѣзъ?.. Вотъ я-те нагайкой!

У Дунайской переправы идетъ свалка. Масса повозокъ запрудила извилистую дорогу, уступами спускающуюся съ высокаго берега. Лошади пятятся, все путается, ругается, стараясь протискаться на мостъ, не взирая на осипшихъ отъ криковъ караульныхъ солдатъ. Мы стоимъ уже около часу, но тамъ все идетъ перепалка. Вотъ, слава Богу, видимъ потянулись впереди наши красные кресты: вотъ одна, другая повозка выѣхала, но вдругъ за ними съ громомъ устремилась, воспользовавшись перерывомъ, пять - шесть повозокъ чужаго транспорта. Ругань пошла ожесточеннѣе; кое-какъ наконецъ установился порядокъ, и опять замелькали наши фургоны, еще и еще, одинъ за другимъ... Пропускаютъ насъ только однихъ. Вотъ, наконецъ, и мой покатился. Мостъ на понтонахъ

колышется, вода такъ близко совсѣмъ, что кажется волны сейчасъ сюда дохлестнутъ. Пронзительный вѣтеръ дуетъ на встрѣчу. Систовскій берегъ вырисовывается все яснѣй и яснѣй. Ужь можно различить кровли ближайшихъ домовъ, которые казались издали только бѣлыми пятнами. Врѣзалась игла минарета... Мы ужь съѣзжаемъ съ перваго моста, а сзади, на оставленномъ берегу, все идетъ еще свалка, и повозки одна за другой все ѣдутъ и ѣдутъ... Проѣхали еще два моста, — мы на томъ берегу. Прямо передъ нами совершенно отвѣсная гора, въ расщелинахъ которой лѣпятся кустарники. Повернули налѣво, ѣдемъ почти у самой воды по пологому берегу. Нѣсколько дальше показалась дорога, вьющаяся въ гору уступами, на ней замелькали переднія наши повозки. Подымались мы вверхъ съ большимъ трудомъ: задержалъ особенно нашъ возъ съ сѣномъ. Пришлось припречь въ помощь къ воламъ лошадей.

Уже вечерѣло, когда мы въѣхали въ Систово. Улицы узки и грязны, мостовая избита, исковеркана, точно послѣ землетрясенія. Попадались мѣстами полуразрушенные дома съ выбитыми окнами. Все лѣпится тѣсно другъ къ дружкѣ. Кажется того и гляди зацѣпишь за вывѣску или торчащаго на широкомъ окнѣ своего заведенія торговца-болгарина. Колыхаясь точно по бурному морю, мы проѣхали весь городъ, завернули въ какой-то переулокъ, покатились подъ гору, и выѣхали на шоссейную дорогу. По правую руку потянулась равнина, утопавшая въ постепенно сгущавшемся сумракѣ. Налѣво пошли холмы террасами, все выше и выше, перешедши наконецъ въ высокую, отвѣсную стѣну. Тамъ тоже пролегала дорога; двигавшіеся по ней люди и волы снизу казались муравьями. Между подошвой горы и нашей дорогой по вымощенному дну протекалъ чистый какъ слеза родникъ. Множество такихъ же родниковъ не разъ пересѣкали намъ дорогу. Между тѣмъ сдѣлалось совсѣмъ темно. Дорога ужь чуть бѣлѣлась. Расположились на привалѣ, поставивъ повозки въ четыреугольникъ, дышлами въ середину.

Утомленные дорогой, мы съ товарищемъ съ наслажденіемъ растянулись въ повозкѣ. Но намъ не спалось. Черная южная ночь стояла кругомъ. У коновязи горѣли костры, колеблющимся пламенемъ освѣщая то силуэтъ лошади, то человѣка. Румыны уже засѣли у костровъ и варили мамалыгу. Нѣтъ-нѣтъ пропорхнетъ вѣтерокъ, и густой клубъ дыма, красноватой пеленою застелетъ весь фонъ картины, а обоняніе защекочетъ вкусный ароматъ шашлыка... Нѣмая тишина царствовала кругомъ... Жевали только лошади; изрѣдка въ видѣ отдаленнаго гула раздается стукъ колесъ по горной дорогѣ, да монотонно болтаетъ родникъ... И опять та же нѣмая тишина...

Съ разсвѣтомъ тронулись дальше. Бѣловатые пары скользили надъ равниной. Утренній холодъ пронималъ насквозь. Солнце свѣтило еще не грѣя и природа точно медлила пробужденіемъ.

Ѣдемъ все той же шоссейной дорогой. Вотъ въ сторонѣ водоемъ, написано что-то на немъ изъ Корана; дальше груда плотно сдвинутыхъ вмѣстѣ огромныхъ камней. Кучеръ-румынъ объясняетъ на своемъ языкѣ, помогая нашему разумѣнію жестами, что это чья-то могила.

Гора по лѣвую сторону постепенно понижается, опять пошли холмы. Воздухъ теперь совсѣмъ ужь прозраченъ, и солнце начинаетъ печь по полуденному. Вокругъ ни души. Изрѣдка пройдетъ или проѣдетъ верхомъ братушка; иной сниметъ шапку. Однако начинаетъ утомлять. Солнце печетъ невыносимо. Членами овладѣваетъ истома, и подъ мѣрное колыханье повозки, погружаешься незамѣтно въ дремоту.

Вдругъ пробужденіе. Что-то случилось. Повозки стоятъ; впереди слышатся крики. Нашъ вѣстовой солдатикъ, Андрей, пуще всѣхъ мечется.

— Правѣй, правѣй, тебѣ, чортъ, говорятъ! Дрепта, дрепта! показываетъ онъ румыну.

— Повтимъ, повтимъ!

— Чего «повтимъ!» Говорятъ—забирай.

— Эе... е. Друмъ нуй бунъ!.. Не карошъ, не карошъ!..

И сильно затянувъ лошадей, охая и потряхивая головой, румынъ полегоньку спускаетъ съ кручи повозку, которая перекидывается справа на-лѣво, и того и гляди опрокинется.

Дорога обрывается отвѣсно, а забравъ стороной нужно спускаться какъ по ступенямъ. Лошади пятятся, повозки путаются, налѣзаютъ одна на другую, разноязычные крики сливаются въ общій содомъ.

Внизу нѣмецъ-Aufseher, верхомъ на конѣ, надсѣдается и машетъ руками:

— Halt, Teufel! Wo gehest du?!

— Гайда! гайда!

— Сторонка, провалъ ее возьми! ругается кучеръ изъ русскихъ.

Когда мы выбрались на ровную дорогу, солнце ужь клонилось къ закату. По обыкновенію скоро наступила темнота. Повозки растянулись. Виднѣлись только ближайшія. Простучалъ деревянный мостъ подъ колесами. Скоро опять привалъ. Вотъ наша повозка заворачиваетъ, замедляетъ движеніе и наконецъ совсѣмъ останавливается.

Мы вылѣзли. Транспортъ стоялъ уже въ рядъ, лошади распрягались, и кое гдѣ запылали костры. Мы были верстахъ въ трехъ отъ деревни Булгарени. Мнѣ и товарищу ѣсть хотѣлось ужасно. Гдѣ нибудь была, вѣроятно, корчма, но въ какой сторонѣ искать ее, когда мѣстность совсѣмъ незнакома, а между тѣмъ темно какъ въ трубѣ. Пошли на удачу. Взяли мы съ собой одного санитара, который несъ фонарь. Дорога шла въ гору. Останавливались, прислушивались, оборачивая фонарь во всѣ стороны, но изъ этого ничего не выходило. Совсѣмъ было тихо... Вотъ, какъ будто голосъ... Опять остановились и притаили дыханіе... Будто

лаютъ собаки. Вопросъ: въ какой сторонѣ? Опять тихо. Пошли впередъ. Дорога незамѣтно ушла у насъ изъ-подъ ногъ... Мы брели оступаясь въ какія-то ямы, взлѣзая на пригорки и цѣпляясь за кустарники... Опять собачій лай...

— Это вонъ тамъ, непремѣнно!

— Направо?

— Нѣтъ, прямо.

— Ну, что-жь, пойдемъ прямо.

Пошли и увидѣли подошву горы. Очевидно мы обманулись, приходится измѣнить направленіе.

А? Это что? Точно вода гдѣ-то шумитъ? И даже близко, въ двухъ шагахъ.

Свѣтъ фонаря упалъ на какую-то массу. Оказался мраморный водоемъ. Холодная какъ ледъ струя звонко журчала. Напиться хоть, что-ли?

Но тутъ вдругъ одинъ изъ насъ радостно вскрикнулъ:

— Стойте, стойте! Видите?

— Что такое?

— Огни.

— Гдѣ, гдѣ?!

— Сюда вотъ, съ этого мѣста. Вотъ и деревня! Удаливъ фонарь, стали напряженно смотрѣть въ темноту. Дѣйствительно видны огни. Они чуть мерцали, но, Боже мой, какъ мы имъ обрадовались!

— Слышите, вотъ опять собаки.

— На этотъ разъ собаки дѣйствительно лаяли, но какъ будто съ другой стороны. Что за странное дѣло?

— Да это просто эхо относитъ. Главное, нужно держаться огней.

Ободренные, мы двинулись ускореннымъ шагомъ. Красныя точки яснѣли больше и больше... Разъ, два, три... больше десятка!

Мы шли ужъ съ полчаса. Немного осталось дойти, но домовъ что-то было не видно. Будто фыркаютъ лошади... И лая совсѣмъ не слыхать.

— Вотъ, тебѣ, здравствуй! Славно попались!

Оказывается: то, что мы приняли за деревню, былъ просто какой-то военный обозъ!

Нами овладѣло просто отчаяніе.

— Говорилъ, что лай былъ съ той стороны. Какъ разъ надо было напротивъ идти.

— Что-жь теперь дѣлать? Неужели вернуться къ повозкамъ?

— Вотъ еще! Ужь коли пошли, такъ пойдемъ до конца. Пойдемте назадъ.

Опять началось блужданье, но на этотъ разъ поиски наши увѣнчались успѣхомъ: мы подошли прямо къ деревнѣ.

Передъ нами очутилась длинная масса, имѣвшая очертанье домовъ и деревьевъ. Деревня была большая, обнесенная плетнемъ. Еще издали наши шаги вызвали лай нѣсколькихъ псовъ, когда же завернули мы въ улицу, собаки лаяли со всей деревни.

— Братушка! Эй, братушка! кричимъ мы у одного плетня. Но тутъ вдругъ чуть не у самыхъ нашихъ ногъ залилась отчаянно какая-то шавка и послышался человѣческій голосъ. Изъ-за плетня вышелъ болгаринъ, начались разспросы какъ найдти корчму. Кое-какъ, съ помошью жестовъ, добились толку.

Корчма оказалась въ концѣ деревни—обыкновенная хата, въ углу пылающій очагъ, прямо стойка, а за нею на полкахъ бутылки въ размѣрѣ полулитры съ виномъ. Висятъ пучки сальныхъ свѣчей, овощи— и только.

Спрашиваемъ, нѣтъ-ли чео изъ съѣстнаго, и въ отвѣтъ получаемъ обычное: «нема, братушка». Видимъ въ сторонкѣ печеныя въ золѣ лепешки, мы были готовы удовлетвориться хоть этимъ. Для приправы спросили вина. Болгаринъ полѣзъ за бутылками и нечаянно уронилъ что-то. Оказалась связка колбасъ. Оплошавшій болгаринъ, должно быть смущенный, добровольно повинился, предложивъ еще баранину, которая была сейчасъ же зажарена.

Къ удивленію, онъ взялъ съ насъ немного.

— Зачѣмъ же ты сперва хотѣлъ надуть? спрашиваемъ.

Ухмыляется и пожимаетъ плечами.

Подобное отношеніе должно было казаться страннымъ каждому русскому, но оно было совершенно естественно въ силу того колебательнаго положенія, въ которомъ долженъ былъ себя чувствовать болгарскій народъ, благодаря нашимъ неудачамъ подъ Плевной.

На другой день мы имѣли небольшую стоянку у Порадима, гдѣ была тогда квартира Его Величества, и къ ночи прибыли въ Боготъ. Кромѣ военнаго госпиталя, тамъ имѣлся пунктъ Краснаго Креста, принадлежавшій летучему отряду *). Здѣсь мы прожили нѣсколько дней. Пунктъ снимался отсюда въ Радомирцы и наши повозки были предложены для доставленія персонала и всего имущества въ назначенное мѣсто. Отправленіе было почему-то задержано на нѣсколько дней. Наше пребываніе

*) Объ устройствѣ этого пункта говорить нахожу излишнимъ въ виду обстоятельной статьи о немъ доктора Гена, помѣщенной въ сентябрской книжкѣ „Вѣстника Европы" за нынѣшній годъ.

въ Боготѣ было въ первыхъ числахъ ноября. Какъ разъ пришло извѣстіе о взятіи Карса, отразившееся всеобщимъ восторгомъ. Солдаты кричали «ура», бросая вверхъ шапки. На Зеленыхъ горахъ было совершено благодарственное молебствіе. У меня съ товарищемъ явилось сильное желаніе посмотрѣть церемонію. Если не ошибаюсь, позиція Скобелева 2-го была отъ Богота на разстояніи двѣнадцати верстъ. Съ утра мы туда поѣхали верхомъ. Погода, раньше стоявшая сѣрая, какъ нарочно выдалась на славу, что усугубило блескъ торжества. Должно быть, благодаря нашимъ повязкамъ съ краснымъ крестомъ, насъ пропустили въ самый центръ, и церемонія намъ была видна отлично. Яркое солнце сверкало на шитыхъ мундирахъ, на латахъ и палашахъ кирасировъ...

И вотъ вдали волной прокатилось «ура»... Ближе, ближе, словно раскатомъ грома охватило насъ всѣхъ, и пошло перекатываться дальше, дальше, впередъ по рядамъ неподвижно стоящаго войска. Сердце билось и замирало въ какомъ-то сладкомъ восторгѣ... Въ эти минуты я чувствовалъ себя недѣлимой частью всей этой тысячеголосной толпы, слившейся въ одномъ радостномъ кликѣ.

Только что прибывъ въ Радомирцы повозки разгрузились. По распоряженію графа, часть изъ нихъ въ сопровожденіи моего товарища отправилась дальше по софійской дорогѣ на Яблоницу (въ той сторонѣ ожидалось дѣло съ турками), мнѣ-же было дано другое порученіе. Сначала мнѣ нужно было взять на другое утро изъ дивизіоннаго лазарета больныхъ и эвакуировать въ Боготъ, присоединивъ повозки къ отправлявшемуся туда военному транспорту.

Между тѣмъ летучій отрядъ располагался въ своемъ новомъ помѣщеніи, въ нѣсколькихъ хатахъ, болѣе удобныхъ изъ всѣхъ остальныхъ. Всѣ дома въ деревнѣ были покинуты жителями. Можно было входить и устраиваться въ любомъ.

Радомирцы — жили большой зажиточной деревней, судя по разнымъ пристройкамъ для скота, хлѣбныхъ запасовъ, и проч. Имѣлось двѣ мечети.

Подъ вечеръ Красный Крестъ почти совсѣмъ расположился; но вдругъ неожиданно прискакалъ верховой съ новымъ распоряженіемъ: опять уложиться и немедленно тронуться въ Яблоницу. Опять поднялась суета. По настоятельной просьбѣ замѣнявшаго начальника пункта Г. Чекувера пришлось мнѣ уступить часть изъ назначенныхъ къ завтрашней экспедиціи повозокъ подъ вещи.

Оставшіяся въ числѣ двадцати на другое утро я доставилъ въ лазаретъ, которыя и присоединились къ военному транспорту больныхъ; весь транспортъ составилъ больше сотни подводъ. Собирался дождь, который

разразился потомъ въ дорогѣ. Вдобавокъ къ нему присоединился страшный туманъ, захватившій насъ на полдорогѣ.

Дорога была — прекрасное шоссе, которыя молодцы устраивать турки. Съ проложенными по бокамъ канавами для стока воды, и растущимъ мелкимъ кустарникомъ, она мнѣ очень напоминала наше Петергофское шоссе. Ѣхали мы точно по полу.

Путь лежалъ черезъ деревню Пятерницу. Тамъ больные должны были быть накормлены ужиномъ и заночевать. Туманъ все усиливался, благодаря наступавшей темнотѣ; повозки мелькали въ немъ едва замѣтными силуэтами. Дождь не унимался.

Вдругъ я увидѣлъ, что мы поворачиваемъ.

Мы ѣхали уже по другой дорогѣ, проселочной: куда, зачѣмъ? Подозвалъ казака.

— Что это значитъ?

— Его благородіе приказали.

— Какое его благородіе?

— Транспортный офицеръ.

— Да вѣдь это не на Пятерницу дорога?

— Никакъ нѣтъ: на Чуриково.

— Зачѣмъ-же, съ какой стати?

— Не могу знать. Приказали.

Между тѣмъ ѣхать впередъ дѣлалось все болѣе труднымъ и даже опаснымъ. Повозки скакали по кочкамъ, ныряли въ ухабы, темнота сплачивалась густой завѣсой. Транспортный офицеръ имѣлъ свои соображенія, измѣняя направленіе. Онъ считалъ дорогу кратчайшей до Чурикова, чѣмъ до Пятерницы. Онъ дѣйствовалъ въ интересахъ лежавшей на немъ обязанности доставить казенныя подводы по возможности скорѣе; спорить съ нимъ я не могъ, хотя-бы и долженъ, имѣя въ виду удобство больныхъ. Я былъ пристегнутъ къ транспорту за неимѣніемъ врача; послать кромѣ меня было некого, а офицеръ везъ съ собою провизію для ужина, и если-бы я отдѣлился съ своими повозками, мои больные должны были бы остаться голодными. Кромѣ того уже раньше транспортъ такъ растянулся что вернуться не было никакой возможности.

Былъ разъ подобный случай, когда больные должны былъ заночевать въ полѣ голодные, вмѣсто того чтобы прибыть въ ту же ночь въ госпиталь, по той причинѣ, что транспортный офицеръ боялся «заморозить лошадей!»

Ночевали вмѣсто Пятерницы въ Чуриковѣ. Тамъ ужинали; на другой день были въ Боготѣ, гдѣ больные мною были сданы. Дальнѣйшій маршрутъ мой былъ: возвратиться съ моими двадцатью повозками въ Пя-

терницу и ждать графа, который проектировалъ учредить тамъ питательный пунктъ.

Въ Пятерницѣ я очутился точно въ лѣсу. Напомню читателю, что изъ Зимницы я выѣхалъ налегкѣ, деньги всѣ вышли, и даже изъ полученнаго отъ графа аванса оставался сущій вздоръ. Онъ растаялъ по дорогѣ на жалованье кучерамъ, покупку фуража и другія издержки. А между тѣмъ трудность положенія усугублялась необходимостью оставаться въ незнакомомъ мѣстѣ на неопредѣленное время. Нужно было найти мѣсто, куда поставить обозъ, кормить лошадей, отыскать и для себя помѣщеніе. Скажу откровенно, я приближался къ Пятерницѣ въ самомъ унылом̆ъ настроеніи духа.

Только что выѣхалъ, сталъ оріентироваться. Мѣсто для повозокъ нашлось какъ разъ противъ палатокъ подвижнаго дивизіоннаго лазарета, при самомъ въѣздѣ въ деревню. Разставивъ ихъ, я пошелъ къ коменданту. Мнѣ указали большую хату, на которой былъ флагъ. На крыльцѣ сидѣло два-три солдата. Коменданта не оказалось дома, и денщикъ сказалъ, чтобъ я пришелъ вечеромъ.

Прихожу опять. На мой стукъ въ дверь извнутри послышалось: «войдите».

Только что войдя, я почувствовалъ себя точно въ предбанникѣ, — такъ было натоплено. Въ небольшой комнатѣ съ глинянымъ поломъ, съ двумя койками по стѣнамъ, у стола, на которомъ мерцала нагорѣвшая сальная свѣчка, сидѣлъ господинъ въ красной фуфайкѣ.

— Вы г. комендантъ?

— Я самый. Что прикажете?

Я объяснилъ кто я и зачѣмъ пріѣхалъ, заключивъ просьбой поспособствовать мнѣ въ отысканіи помѣщенія.

— Вотъ ужъ право не знаю. У насъ тутъ всюду полно. Чуть не въ каждой хатѣ живутъ офицеры. Можетъ быть и найдется для васъ, только надо сперва посмотрѣть. Вы гдѣ остановились?

— Да нигдѣ, я только пріѣхалъ.

— Такъ вотъ что. Потомъ что отыщется—а пока, милости просимъ, располагайтесь здѣсь, у меня. Конечно вамъ будетъ неудобно,—но что-жь дѣлать.

Мнѣ оставалось только благодарить. Я началъ прощаться.

— Да куда-же вы? Развѣ у васъ дѣло какое?

— Пока ничего.

— Такъ оставайтесь пожалуйста. Сейчасъ подадутъ чай, и мы потолкуемъ. Сколько килъ ячменя, ты сказалъ? повернулся онъ въ сторону.

Тутъ только я замѣтилъ, что кромѣ насъ въ комнатѣ былъ еще одинъ человѣкъ, который стоялъ въ тѣни, куда отошелъ вѣроятно изъ почти-

тельности. Это былъ высокій сутуловатый болгаринъ, среднихъ лѣтъ, въ мѣховой шапкѣ въ формѣ полушарія и какой-то хламидѣ.

— Дванадесять, господине.

— Получилъ желтицы сполна?

Тотъ кивнулъ головой.

— Распишись.

Комендантъ пододвинулъ ему клочокъ бумаги, на которомъ было что-то написано. Болгаринъ досталъ откуда-то перо, обмакнулъ его въ кинжаловидную черницу, бывшую у него за поясомъ, и медленно принялся выводить каракули на бумагѣ.

— Это староста, чорбаджи по здѣшнему, сказалъ комендантъ, когда тотъ ушелъ;—онъ здѣсь судья и администраторъ, полиція, словомъ голова. Только по теперешнимъ обстоятельствамъ мнѣ подчиненъ. Теперь вотъ у меня съ нимъ было постороннее дѣло, а то онъ, какъ вечеръ, приходитъ съ отчетомъ. Пренесчастное существо!

— Чѣмъ же? Хлопотно очень?

— Не это одно... Обратили вы вниманіе на его спину?

— Онъ, кажется, немного горбатъ?

— Совсѣмъ нѣтъ,—просто подушка, которая у него подъ платьемъ привязана.

— Это зачѣмъ же? удивился я.

— Его всѣ бьютъ: такой ужь порядокъ. Спрашиваетъ, примѣрно, офицеръ: «укажи, молъ, квартиру!»—тотъ: «Нема, братушка!»—Бьетъ. Солдатъ спроситъ: «дай молока!»—Не дастъ,—бьетъ. Поссорятся односельцы, пойдетъ разнимать,—и тутъ бьютъ. Судите сами его положеніе! Ну, вотъ и привѣсилъ подушку, такъ какъ по загривку больше попадаетъ. Хитеръ, тоже, каналья.

Я жилъ уже нѣсколько дней у коменданта. Со дня на день онъ мнѣ все обѣщался отыскать квартиру, но все-таки каждый день оканчивался тѣмъ, что я ночевалъ у него. Мало того, я у него и чай пилъ, и обѣдалъ и ужиналъ, словомъ получалъ полное продовольствіе.

Дѣлалось это какъ-то само-собой. Утромъ проснешься на своей подстилкѣ, на полу (въ этой же комнатѣ жилъ еще одинъ офицеръ, но я его видалъ мало), денщикъ уже ставитъ на столъ стаканы съ чаемъ, такъ какъ мой Владиміръ Өедоровичъ уже на ногахъ и хлопочетъ. Работы у него по горло. Помимо обязанностей коменданта — творить судъ и расправу (это происходило по вечерамъ), весь день его былъ занятъ. Съ утра до ночи онъ былъ на ногахъ, такъ какъ онъ завѣдывалъ продовольствіемъ значительнаго района расположенія войскъ. Въ деревнѣ были построены мукомольныя мельницы, покупалось зерно, отовсюду гдѣ только

представлялась возможность пріобрѣтался скотъ,—все это было очень хлопотно. Какъ это производилось—я и тогда не понималъ. Помню только, что въ хатѣ безпрестанно толокся разный народъ, упоминались «килы», «желтицы», и проч.

Итакъ, повторяю, проснешься утромъ, напьешся чаю, Владимiръ Ѳедоровичъ ужъ изчезъ. Пойдешь къ повозкамъ, пробудешь тамъ до полудня, вернешься обратно — обѣдъ ужь готовъ. Обѣдали мы по-болгарски. Посреди комнаты ставился деревянный кругъ на подножкѣ, не больше какъ на четверть аршина отъ пола, а кругомъ разставлялись скамеечки, въ родѣ такихъ, которыя у насъ служатъ подъ ноги. Сидѣть на нихъ можно только поджавши ноги калачикомъ. Кромѣ насъ приходилъ къ обѣду сокварти-рантъ; если передъ тѣмъ случались въ комнатѣ полковые товарищи, они тоже оставлялись обѣдать. Разговоръ шелъ о разныхъ предметахъ. Больше говорилъ мой хозяинъ, такъ какъ былъ словоохотливъ. Помню одинъ его разсказъ. Сидѣли мы за турецкимъ кофе. Наканунѣ я пріобрѣлъ ружье Мартини-Пибоди, и какъ-то сказалъ, что хочу его попробовать.

— Только не здѣсь, Боже упаси! Отданъ строжайшій приказъ не стрѣлять. Вы не слыхали про недавнюю штуку, какъ къ намъ сюда ночью спасались отъ турокъ?

— Ничего не слыхалъ. Что такое?

— Прекурьозная штука. Стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда военный обозъ. Дѣло было уже къ ночи; погонцы полеглись; вдругъ... Пафъ! Пафъ! Выстрѣлы. Тревога, смятеніе, ничего не разобрать въ темнотѣ. Что думать? Турки, извѣстно, случись хоть бы и теперь вотъ у насъ, тоже переполохъ бы поднялся *). «Турки, турки», кричатъ. Поднялась суматоха, запрягаютъ повозки, и гайда! куда глаза глядятъ. Я ужь сплю, вдругъ стучатся: разбудили... Казакъ. «Ваше благородіе, турки!» Гдѣ турки? Какіе?—«Точно такъ, ваше благородіе: на обозъ напали!» — Что ты, пьянъ, что ли?—«Никакъ нѣтъ-съ: извольте прислушать!»—Въ самомъ дѣлѣ: колеса стучатъ, ржаніе, крики... Побѣжалъ. Повозокъ, повозокъ... тьма! Неужели въ самомъ дѣлѣ, думаю, турки. Не можетъ быть, думаю. Часовые мнѣ не сказали; что нибудь да не такъ. Поднять тревогу?! Нѣтъ, думаю, все это какая-нибудь ерунда: А конечно самъ не спокоенъ. Чортъ знаетъ, думаю:—а что если въ самомъ дѣлѣ? Взялъ на свой страхъ, будь что будетъ, думаю—куда ни шло! А ужь дѣло стало подъ утро. Всѣ прутъ сюда, только турокъ не видно. Какъ я думалъ, ерунда и оказалась: поссорился въ обозѣ какой-то погонецъ съ солдатомъ,

*) Необходимо сказать въ поясненіе, что мое пребываніе въ Пятерницы совпадало съ временемъ осады Плевны. Тогда всюду коренилось мнѣніе, что доведенный до послѣдней крайности, Османъ рискнетъ прорваться черезъ наши траншеи, а Сулейманъ съ нимъ соединится. Это произойдетъ на софійской дорогѣ, и слѣдовательно Пятерница неминуемо будетъ въ опасности.

слово за слово, драка, солдатъ и выстрѣли. Конечно пьяный! Кто-то должно быть спросонья вскричалъ: «турки идутъ», и пошла кутерьма. Такъ, вотъ, батюшка, попробуйте-ка выстрѣлить.

День за днемъ тянулся, а графа все не было. Положеніе мое дѣлалось невыносимымъ. Несмотря на все радушіе Владиміра Өедоровича, я не могъ не тяготиться своимъ приживательствомъ. Кучера просили денегъ, а денегъ не было: спасибо Владиміру Өедоровичу, выручилъ. Если-бы не онъ, нашъ обозъ весь бы погибъ. Онъ сторговалъ у болгарина цѣлый стогъ соломы, которою и питались лошади во все это время. Но дальше такъ не могло продолжаться, къ этому у меня еще присоединялось твердое рѣшеніе кончить свою службу у графа и возвратиться въ Румынію. Мѣсяцъ истекалъ, и я считалъ свое обязательство конченнымъ.

VI.

Постараюсь сократить разсказъ о своихъ дальнѣйшихъ похожденіяхъ. Графъ пріѣхалъ, я сообщилъ ему свое рѣшеніе, и отправился въ обратный путь. Мнѣ было дано послѣднее порученіе: совершить эвакуацію отъ Пятерницы до Систова.

Черезъ четыре дня я былъ въ Систовѣ. Тутъ со мною случилось одно происшествіе. Въ Систовѣ я долженъ былъ найти нѣкоего человѣка и ему сдать повозки. Поставилъ я ихъ на берегу Дуная у склада, а самъ пошелъ разыскивать кого было нужно.

Противъ ожиданія его нигдѣ не оказалось, и указаній мнѣ никто дать не могъ. Я былъ въ большомъ затрудненіи: бросить повозки было невозможно, оставить ихъ на берегу тоже нельзя. Стояла отвратительная погода. Пронзительный вѣтеръ дулъ съ рѣки, люди и лошади дрогли.

Голодный, измученный, полубольной, я провелъ ночь въ болгарской гостиницѣ, не зная что дѣлать и разсчитывая по пословицѣ, что утро вечера мудренѣе.

Только что вставъ, пошелъ я къ тому мѣсту, гдѣ стояли повозки, и вдругъ... О, ужасъ, ихъ нѣтъ ни одной!

Дѣло объяснилось благодаря санитару, оставленному при повозкахъ, который разыскивалъ меня по всему городу, и случайно со мной встрѣтился. Кучера самовольно уѣхали въ Зимницу, и онъ одинъ какъ-то замѣшкался, остался. Сначала, конечно, я былъ сильно взбѣшенъ, но потомъ разсудилъ, что они не могли придумать ничего лучшаго.

Я отправился въ Зимницу. Въ сущности положеніе было странное. Повозки были причислены къ Красному Кресту, въ Болгаріи, а между

тѣмъ стояли на румынской землѣ. Лошадей нужно было кормить, а румынскій Красный Крестъ не имѣлъ права ихъ продовольствовать. Повозки уже de jure не состояли въ моемъ вѣдѣніи, и въ то же время, de facto, отъ меня зависѣли. Графа Соллогуба не было — онъ жилъ въ Бухарестѣ. Считаю излишнимъ объяснять благодаря какимъ мѣрамъ просуществовалъ обозъ до его пріѣзда.

Промаячилъ я въ Зимницѣ цѣлую недѣлю; графъ былъ задержанъ дѣлами и урваться не могъ. Вся передряга должна быть приписана капризу судьбы.

Между тѣмъ зима вступала въ свои права. По утрамъ сталъ выпадать снѣгъ. Увидавъ Зимницу черезъ мѣсяцъ, я почти не узналъ ее. За это время она разраслась еще больше: появилось много новыхъ лавокъ, ресторановъ, дома съ претензіей на изящество, возникъ циркъ. Самыя улицы были уже неузнаваемы. Прежняя баснословная грязь отошла въ область преданія. Построились на нѣкоторыхъ улицахъ въ видѣ тротуаровъ мостки, и черезъ дорогу можно было переходить хоть въ ботинкахъ. Обозъ продолжалъ въ прежнемъ порядкѣ свои рейсы. Въ немъ тоже произошли перемѣны. По старому, онъ раздѣлялся на группы, но надъ каждой былъ свой уполномоченный. «Братья милосердія», замѣнявшіе прежде этихъ послѣднихъ, продолжали при немъ оставаться, въ сущности играя какую-то странную роль пятаго колеса. Хозяйственная часть лежала цѣликомъ на уполномоченныхъ, медицинская воплощалась въ лицѣ имѣвшагося для каждой группы своего студента-медика пятаго курса, принадлежавшаго къ Фратештскому персоналу. Главная разница была въ томъ, что эта медицинская часть существовала прежде фиктивно, теперь же она имѣла своего представителя.

Зима вдругъ круто встала. Морозы доходили до двадцати градусовъ. Метели и вьюги образовали огромные снѣжные наносы, такъ что на нѣсколько дней даже прекратилось сообщеніе по желѣзной дорогѣ. Все это было внѣ порядка вещей. Ничего подобнаго никто не предвидѣлъ. Обозъ на нѣкоторое время долженъ былъ пріостановить свою дѣятельность. Колесныя повозки при данныхъ обстоятельствахъ оказывались несостоятельными, и ихъ поставили на полозья. Явилось другое неудобство. Ни одна экспедиція не обходилась безъ того, чтобы нѣсколько саней не опрокидывалось на раскатахъ. Несмотря на это, больные предпочитали этотъ способъ передвиженія. Плевна была ужь взята. По дорогамъ тянулись партіи плѣнныхъ. Жалкіе, въ какихъ-то отрепьяхъ, они массами встрѣчались на всѣхъ пунктахъ. Во Фратештахъ ихъ скопилось въ одно время нѣсколько сотъ. Надзоръ за ними былъ самый слабый, да пожалуй и этотъ былъ совершенно излишній. Куда бы могли они убѣжать? Почему-то, мнѣ запомнился одинъ день изъ тогдашняго времени. Это было на

пути изъ Зимницы во Фратешты. Обозъ подъѣзжалъ къ Путинеѣ, и былъ почти ужь у самой деревни. Солнце закатывалось, и точно отблескомъ зарева покрылась бѣлая окрестность. У моста, на пологомъ скатѣ къ рѣчкѣ расположилась партія плѣнныхъ. На снѣжной равнинѣ ясно вырѣзывались пестрыя группы. Издали походило на цыганскій таборъ. Одѣтые кто во что попало: кто въ мундирѣ русскаго солдата, обратившемся въ лохмотья, кто въ какой-то кацавейкѣ, въ опоркахъ, съ выглядывавшими чуть не всѣми пятью пальцами, посинѣлые, дрожащіе, турки корчились у костровъ. А вонъ тамъ, немного подальше лежитъ фигура навзничь, съ раскинутыми руками — это замерзшій.

Новый годъ засталъ меня въ Зимницѣ, я еще дослуживалъ въ обозѣ. Къ этому времени относится одно событіе въ жизни Зимницкаго госпиталя: больнымъ была сдѣлана «елка». Отъ Петербургскаго Евангелическаго Общества была прислана огромная партія разныхъ подарковъ, которые должны были раздаться солдатамъ, кромѣ Зимницы, въ Систовѣ, Габровѣ и многихъ другихъ пунктахъ. Все количество привезеннаго, еще въ тюкахъ, представляло чуть не цѣлую гору. Каждый больной получилъ: рубашку шерстяную или хорошую ситцевую, нагрудникъ, варежки или теплые чулки, кисетъ съ табакомъ и трубку, или вмѣсто того пачки папиросъ. Все это было сложено на подводѣ, которая объѣзжала бараки и палатки. Раздавали нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я. Делегатъ отъ Общества входя въ каждую палатку обращался къ солдатамъ съ нѣсколькими привѣтственными словами.

— Здравствуйте, ребятушки! Россія поздравляетъ васъ съ праздникомъ и благодаритъ за всѣ ваши труды и заслуги!

На это слышались крики:

— Спасибо!

— Дай Богъ много лѣтъ здравствовать! и проч.

Солдаты были тронуты. Виднѣлась неподдѣльная радость. Это былъ для нихъ вполнѣ праздникъ. Именно «елка». И радовались они совершенно какъ дѣти. Получившіе подарки, любовались, хвастались ими; кто могъ—ходили даже изъ палатки въ палатку къ товарищамъ, показывая кто что получилъ. Одна вещь больше всѣхъ другихъ каждаго радовала; получившій ее считалъ себя чуть не счастливцемъ:

— Ужь нельзя-ли, ваше благородіе, кисетикъ. Фуфайку-то лучше возьмите... А кисетикъ бы мнѣ.

Такимъ же порядкомъ раздавались гостинцы въ видѣ орѣховъ и пряниковъ всѣхъ сортовъ. Раздача заняла нѣсколько дней. Долго потомъ еще ходили воспоминанія объ этой «елкѣ».

Зима проходила. Чаще выпадали солнечные дни. На поляхъ снѣгъ ужь чернѣлъ, но временами вдругъ завернетъ морозъ, и наступитъ гололедица. По дорогамъ обнажались изъ-подъ снѣга трупы пролежавшихъ всю зиму подъ нимъ лошадей и воловъ, палыхъ въ прошлогоднихъ транспортахъ. Стаями похаживали вороны, не смѣя вступить въ конкуренцію съ блуждающими собаками, занятыми пожираніемъ добычи. Въ воздухѣ ужь пахло весной, и на смѣну морозовъ выступалъ страшный бичъ—эпидемія.

Тифъ во всѣхъ его видахъ гулялъ повсюду, главнѣйшимъ образомъ въ Зимницѣ и нашихъ Фратештахъ. Послѣдніе были вполнѣ гнѣздомъ эпидеміи. Много способствовало распространенію ея огромное количество турокъ, скопившихся въ палаткахъ. Эти палатки такъ и назывались «турецкими». Массами отправляли плѣнныхъ на поѣзды, но приводились новыя партіи, такъ что долгое время не замѣчалось ни малѣйшаго уменьшенія въ ихъ количествѣ. Турки бродили повсюду.

Фратешты утопали въ грязи. Дождь лилъ по цѣлымъ днямъ. Все болѣло тифомъ. Спросишь про такого-то, что не видать? И получаешъ въ отвѣтъ:

— Кажется у него тифъ начинается.

Тифъ какимъ-то грознымъ призракомъ встрѣчался повсюду. О тифѣ только и говорили, о тифѣ только и думали, только его одного и боялись. Тифъ, тифъ и тифъ!..

И дѣйствительно, тифъ валилъ всѣхъ безъ разбору: врачей, фельдшеровъ, сестеръ, санитаровъ. Переболѣли всѣ наши уполномоченные. Меня почему-то онъ не коснулся.

Обозъ доживалъ свои послѣдніе дни. Прежнія изящныя повозки представляли теперь самый жалкій видъ. Кажется ни одной не было цѣлой.

Весна наступала, зазеленѣла ужь травка.

Изъ полушубковъ все облекалось въ болѣе легкій костюмъ, а между тѣмъ, какъ нарочно, полушубки такъ и присылались изъ Россіи огромными партіями. Въ Яссахъ, на станціи желѣзной дороги ихъ лежало семь, въ Бухарестѣ пять тысячъ.

— Скоро ли въ Журжево? Да когда же мы въ Журжево?! чаще и чаще слышались вопросы.

Въ Журжевѣ тѣмъ временемъ шли спѣшныя работы (Рущукъ уже былъ въ нашихъ рукахъ). Фратештскій Красный Крестъ переводился туда.

Я дождался этого событія, и былъ на молебнѣ, куда ѣздилъ весь нашъ персоналъ. За нѣсколько дней до возвращенія въ Россію, подъѣзжая однимъ вечеромъ къ Фратештамъ изъ Журжева, я увидѣлъ вдали громадные столбы дыма, темной пеленой разстилавшіеся надъ нашимъ оставленнымъ пунктомъ. Тамъ жгли турецкія палатки. Ясное голубое небо обступало кругомъ. Воздухъ былъ совсѣмъ неподвиженъ, только изрѣдка

дунетъ вѣтеръ въ лицо, обдавъ на минуту запахомъ гари. А весенніе звуки идутъ отовсюду; во всемъ окружающемъ происходитъ что-то незримое, но ощущаемое всѣмъ существомъ... Идетъ весна!

Лошади бѣжали лихой рысцой, звонко ударяя копытами... Фратешты все яснѣе выступали на встрѣчу, озаренныя краснымъ сіяніемъ заката. Невольно въ моей груди возникало и ширилось тихое, грустное чувство. Въ памяти проплывали одна за другой картинки недавняго прошлаго. Вотъ эта темная ночь, глядящая въ окно вагона, движеніе въ ней фонарей и шлепанье ногъ... Освѣщенный шалашъ, и собирающіеся ночевать на столѣ офицеры... Падающая палатка и отдаленные вопли... Умершій въ дорогѣ солдатъ, и рядомъ живой товарищъ... И много, и много еще. Какъ все это близко, и какъ все это было давно!

. . . .

Теперь уже, заключая свои эпопеи, опять на старомъ, насиженномъ мѣстѣ, въ былой, надоѣвшей и милой обстановкѣ, подвожу итоги. Теперь все это кажется какимъ-то сномъ. Все еще живо, все это помнишь, а между тѣмъ изъ пестрой картины прожитыхъ событій смотритъ на меня точно незнакомый, не я, какой-то другой человѣкъ.

Теперь многое кажется страннымъ и дикимъ — то самое, что тогда казалось необходимымъ, полезнымъ, словно тогда окружалъ міръ иныхъ пониманій, которымъ нѣтъ мѣста теперь. Все это сдѣлалось какъ-то само собой.

Я помню одинъ случай, который можно назвать гранью, гдѣ кончился тотъ прежній *я*, а вмѣсто него возникла единица, слившаяся со всей этой толпой разныхъ *дѣятелей* военнаго времени. Я говорю про свою *первую* перевязку. Это было въ вагонѣ воинскаго поѣзда. Я вошелъ въ полутемное пространство, гдѣ были всѣ запахи, способные одурманить свѣжаго человѣка. И тамъ ютились худыя зеленоватыя лица. Уже ирригаторъ виситъ на стѣнѣ, готовы бинты, ко мнѣ протянулось что-то, бывшее прежде кистью руки, а теперь какая-то безобразная пунцовая, вонючая масса, терпѣливо ждущая новыхъ мученій... И въ ту-же минуту въ голову ударила мнѣ совсѣмъ неидущая мысль: «вѣдь эта самая масса, грубая рабочая рука, одна изъ милліоновъ тѣхъ рукъ, которыми держится моя родная страна. И вотъ она, эта самая, теперь во власти моей слабой руки, которая сильнѣе ея потому, что перевертывала листочки тетрадокъ въ то время, когда та двигала плугомъ... И вотъ моя рука задрожала. И въ ту же минуту возникла вдругъ совсѣмъ обратная мысль, что это совсѣмъ не нужно, дико, нелѣпо, то что я вотъ подумалъ сейчасъ, что это остатки прежней петербургской рефлексіи. Смотрѣть нужно просто на то, что просто само по себѣ, и что все это, ждущее облегченія страданій, только въ разныхъ видахъ куски мяса, надъ которыми нужно продѣлать рядъ заученныхъ манипуляцій. И стиснувъ зубы, не давая себѣ развле

каться посторонними мыслями, я продѣлалъ одну за другой всѣ эти манипуляціи.

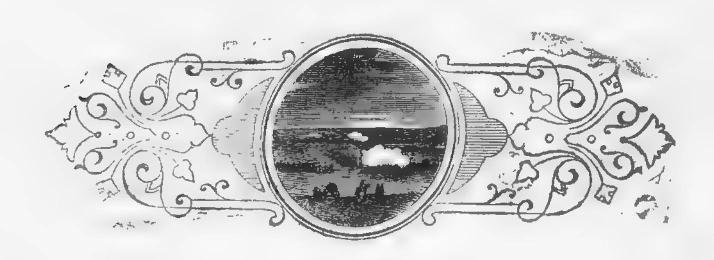
Я вышелъ изъ вагона, и опять возникъ ветхій человѣкъ, но уже испытанный искусъ наложилъ на него свой отпечатокъ.

Были опять перевязки... ветхій человѣкъ совсѣмъ умеръ!

Когда я писалъ эти свои воспоминанія, я жилъ старой, пережитой жизнью. Я просто констатировалъ факты, которые смѣнялись тогда въ смыслѣ простыхъ, необходимыхъ явленій. Я писалъ просто, не дѣлая своихъ комментарій, ни возмущаясь, ни умиляясь ничѣмъ. Теперь я перечиталъ все мною написанное, и вижу, что во все время писанья во мнѣ жилъ тотъ, другой я, который теперь не имѣетъ со мной ничего общаго... Теперь многимъ я возмущаюсь, возмущаюсь тѣмъ, что самъ написалъ! Но пусть все написанное такъ и останется! Я только свидѣтель, который, какъ лѣтописецъ —«не вѣдая ни жалости, ни гнѣва»— заноситъ то, изъ чего составляется матеріалъ исторіи.

М. Озерской.

С.-Петербургъ, 4 Октября 1878.

Въ походныхъ госпиталяхъ.

Изъ впечатлѣній раненагѡ.

I.

Дождливый сезонъ начался уже съ конца сентября, и потому всѣ дороги размыты и перепорчены. За послѣдніе дни стало порядочно холодно, и дождь нѣсколько унялся. Тѣмъ не менѣе, путешествіе въ каруцѣ (такъ называется особый видъ румынскихъ и болгарскихъ повозокъ, въ которыхъ большею частью и эвакуировались раненые и больные воины) по высокимъ и крутымъ болгарскимъ холмамъ не доставляло особенной пріятности. Малѣйшій ухабъ, малѣйшая рытвина, и весь нашъ экипажъ передернется съ конца въ конецъ, а рана волею-неволею заставитъ стонать и охать. А какъ на грѣхъ здѣсь чуть-ли не на каждомъ шагу какія-то ямы, провалы или почти невылазная грязь. Насъ двое въ каруцѣ. У сосѣда контужена голова, а у меня прострѣлена нога. Сосѣдъ еще очень молодой парень, съ крупными чертами лица, свѣтлорусыми волосами и богатырскимъ сложеніемъ всего корпуса. Глаза у него какъ будто остановились, и на лицѣ не уловить рѣшительно никакого выраженія. Спутникъ онъ самый неинтересный. Временами лежитъ смирно, деликатно относится къ моей ногѣ и всячески старается уступить мнѣ въ каруцѣ побольше мѣста. Временами же, вдругъ съ невнятнымъ бормотаньемъ и отрывочными восклицаніями: «чортъ!.. чорртъ!.. ччортъ!..» начинаетъ напирать на меня, немилосердно жать мою больную ногу и пренеудобно метаться. «Нога, нога, лѣвая нога», сначала мягко, потомъ все суровѣе и суровѣе повторяю я.—«А чортъ тебя», мямлитъ мой коллега, и тѣснитъ, тѣснитъ меня къ

другой сторонѣ нашего и безъ того не особенно уютнаго экипажа. Я по возможности съеживаюсь, прижимаюсь къ свободному краю, и внимательно слѣжу за странными эволюціями сосѣда. Послѣдній хватается за голову, вскакиваетъ, снова ложится, страшно ворочается, и т. д. Очевидно онъ страдаетъ, очевидно онъ безсознательно пытается какъ бы сбросить, сбыть куда нибудь подальше свою томящую головную боль. Можетъ быть у него въ головѣ масса думъ о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, о родномъ и миломъ прошломъ перемѣшалось съ физическими ощущеніями, духовныя впечатлѣнія перебродили, но еще не разобрались, а уже подавляются тѣлесными мученіями. Все это вмѣстѣ ноетъ, томитъ, грызетъ... Сосѣдъ однако успокоился. Опять уступчивость, даже тонкая вѣжливость до новыхъ вскакиваній, метанья изъ стороны въ сторону, и проч. Мы все ѣдемъ, ѣдемъ. Наши почтенные возницы вообще не любятъ обращать вниманія на своихъ пассажировъ, и понукаютъ подчасъ своихъ коней ничуть не сообразуясь съ состояніемъ везомыхъ, ни съ мѣстностью и свойствами дороги; все это, впрочемъ, продѣлывается до перваго удара услужливой нагайки конвойнаго казака. Нѣкоторые погонщики возсѣдаютъ на подобающихъ имъ мѣстахъ, другіе бредутъ своею развалистою походкой рядомъ съ каруцами. «И-ту, и-бо, и-ва, и-и, и-ди», довольно оригинально покрикиваетъ нашъ молдаванинъ (Во время моего путешествія въ качествѣ раненаго солдата по Болгаріи и Румыніи—погонщики были большею частью румыны, даже русскіе, и только очень рѣдко болгары).

Остановились. Получено черезъ казака приказаніе разнуздать и накормить лошадей. Погонщики собираются группами и поднимается какой-то ужасный кагалъ. Не то спорятъ, не то ругаются, не то о чемъ-то совѣщаются. Крики, шумъ, смѣхъ. Появляются огни. На щепѣ кукуруза и варка изъ нея мамалыги (или мамалиги, по произношенію самихъ румынъ). Вотъ у нашей кукурузы разложили огонь человѣкъ 5—6 молдаванъ и жарятъ кукурузу. Мое вниманіе невольно обращается на двухъ собесѣдниковъ, горячо трактующихъ на своемъ грубомъ—по моимъ впечатлѣніямъ, по крайней мѣрѣ—языкѣ. Одинъ изъ нихъ почтенный старикъ, съ умнымъ, выразительнымъ и красивымъ лицомъ, съ длинными вьющимися по плечамъ разбросанными волосами, съ сѣдой округло-подстриженной бородой. Онъ въ высокой барашковой шапкѣ и въ тяжелой буркѣ; презамѣчательный поясъ на немъ—весьма широкій, покрытый разнообразными узорами и весь усѣянный металлическими пуговками. Старикъ съ воодушевленіемъ ораторствуетъ, обращаясь къ своему слушателю, молодому мужчинѣ, также замѣтно выдѣляющемуся среди остальной публики прочностью и доброкачественностью своего костюма. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ двухъ собесѣдниковъ у разложеннаго костра одиноко сидитъ высокій и худой погонщикъ, одѣтый несравненно бѣднѣе и грязнѣе, въ драной поярковой шляпѣ, въ армейскомъ, очевидно русскаго войска мундирчикѣ—

печальный и молчаливый. И подобные контрасты мнѣ очень часто бросались въ глаза по Румыніи и Болгаріи. Видишь какъ будто представителей одной и той же профессіи; но между тѣмъ эти представители крайнѣ отличаются другъ отъ друга и костюмомъ своимъ, и рѣчами, и манерами; даже, повидимому, патриціи и плебеи эти стараются держаться другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи. А вѣдь тѣ же погонщики, тѣ же коварные слуги грознаго русскаго конвойнаго казака и жандарма!..

Насколько мнѣ удалось подмѣтить, наиболѣе сравнительно сочувственно относятся къ русскимъ солдатамъ румыны—наименѣе состоятельные въ матеріальномъ отношеніи. Молдаване же побогаче третируютъ русскихъ нѣсколько свысока, не безъ примѣси презрѣнія и какъ будто сознавая свое вообще вѣдь довольно мнимое культурное превосходство..

Въ нашей каруцѣ движеніе: мой сосѣдъ вскакиваетъ, хватается за голову и слѣзаетъ съ каруцы.

— Что же, на ночь, что-ли, эта остановка? спрашиваю я у него.

— А Господь знаетъ, неохотно и особенно рѣзко отвѣчаетъ сосѣдъ.

— Можно значитъ и спать? продолжаю я.

Спутникъ мой облокачивается на телѣгу и упорно молчитъ.

— А? съ неудовольствіемъ наконецъ отзывается нашъ погонщикъ.

— Воды, воды, говорю, нема!

— Нема, окончательно отворачивается молдаванинъ.

А пить очень хочется... Румыны—народъ весьма нелюбезный и необязательный, по крайней мѣрѣ относительно насъ, русскихъ. Выпросить воды, если это стоитъ труда пройти лишнихъ шаговъ 40—50—очень трудно. Точно также, напримѣръ, только по приказанію доктора, фельдшера или конвойнаго погонщики принимаютъ возможно дѣятельное участіе при укладываніи и сниманіи съ повозокъ больныхъ и раненыхъ воиновъ!..

Чувствую себя усталымъ и разбитымъ. Заснуть бы, воспользовавшись остановкой, недурно—да не спится. Раздается пѣніе. Голосъ у пѣвца чистый, звучный, прекрасный теноръ. Мотивъ пѣсни весьма музыкаленъ—я воображаю себя въ Италіи. По моимъ наблюденіямъ, крайне поверхностнымъ и бѣглымъ конечно, мужчины въ Румыніи гораздо красивѣе женщинъ. Но дѣти хороши безразлично—и мальчики и дѣвочки. Молодые люди, лѣтъ 18—20 и болѣе, производятъ замѣчательно пріятное впечатлѣніе. Поютъ они подчасъ удивительно какъ мелодично и изящно.

— Раненые, кто можетъ—выходи; больные—ждать приказанія; кто не можетъ—тѣхъ вынесутъ, распоряжается казакъ, страшно бородатый, страшно лохматый, выдѣлывая въ воздухѣ пируэты своею всемогучею нагайкой.

Съ помощью молдаванина, опираясь на палку, я выволачиваюсь изъ каруцы.

— Въ эту палатку идти, во вторую налѣво, отдаетъ приказаніе какой-то лѣкарь, или, какъ принято вообще выражаться, докторъ.

Втаскиваюсь въ палатку. По серединѣ, на столбикахъ, висятъ двѣ, кажется, керосиновыя лампочки; по сторонамъ разложены набитые, вѣроятно, соломой и сѣномъ тюфяки и подушки. Служители вносятъ на носилкахъ тяжело раненыхъ. Публики уже собралось немало по обѣимъ сторонамъ. Я сажусь, и вскорѣ затѣмъ отрадно, съ комфортомъ растягиваюсь у самой стѣнки. Несутъ носилки. На нихъ торжественно возсѣдаетъ гвардеецъ съ тяжело раненой ногой.

— Ѣду я, самъ я:—берегись, православные, остритъ калѣка.

— И какіе всѣ теперь веселые стали, право! замѣчаетъ кто-то. Бывало, прежде слова отъ другаго не добьешься, иной стонетъ да стонетъ себѣ, бывало, и только всего. А теперь, вотъ, подишь-ты, совсѣмъ перемѣнились... И чего тутъ плакать-то намъ! Слава Богу, кормятъ, поятъ, живешь себѣ бариномъ. Служитель у тебя на побѣгушкахъ...

— По моему, братцы, вставляетъ свое слово безрукій, гармонику-бы завести — заплясали-бы у насъ знатно раненые-то!

— И дѣло, соглашается молодой парень съ повязаннымъ глазомъ,— ты-бы наяривалъ намъ, а онъ-бы въ плясъ ударился, поясняетъ онъ указывая на безногаго.

Общій смѣхъ.

— Голубчики, милые, всѣ сядьте по своимъ мѣстамъ: чай и сахаръ раздавать буду, послышался чрезвычайно-нѣжный, полный грудной женскій голосъ.

— Слушаемъ, сестрица! Очень-бы желательно чайкомъ побаловаться съ дороги-то! Вотъ, спасибо, сестрица, въ самую пору угодила! со всѣхъ сторонъ выражали свое удовольствіе раненые.

— Гвардеецъ? обращается сестра къ моему сосѣду.

— Гвардеецъ, сестрица.

— Сейчасъ видно, что такъ! Экій молодецъ! Поправляйся скорѣе! Опять ты понадобишься для дѣла! А при Горномъ-Дубнякѣ вы себя лицомъ въ грязь не ударили!

— Еще-бы! На то, матушка, гвардія царская, Его Величества значитъ, Императорская гвардія. Да у насъ, братцы, здѣсь теперича раненые—все, кажись, гвардейцы?

— А и то всѣ. Больные вотъ—не безъ примѣси доли презрительной снисходительности, отвѣчаетъ какой-то солдатъ—больше армейцы.

— Гвардія, гвардія—внезапно возмущается безпристрастный и безногій гвардеецъ — небось не гвардія, а армія на Шипкѣ отличилась!?

— Ишь хватилъ! Такъ ужь Господь имъ положилъ!

II.

Сцена представляетъ госпитальную палатку. Вечерѣетъ. Дѣло происходитъ осенью, и потому ужъ очень темно. Помѣщеніе тускло освѣщается сальною свѣчкой, стоящей на столикѣ. На этомъ-же столикѣ навалены разные перевязочные матеріалы. Входитъ «сестрица». Она очень еще молоденькая и недурненькая собой дѣвушка, въ крайне-скромномъ и даже бѣдномъ костюмѣ.

— Здравствуйте, братцы! — свѣжимъ, пѣвучимъ, удивительно звонкимъ голоскомъ привѣтствуетъ она публику.—Васъ что-то тутъ очень не мало: — до свѣту, пожалуй, придется работать!

— Что вы, что вы, сестрица! вскакиваетъ съ постели рослый, молодцоватый парень. Я, къ примѣру, да вотъ и всѣ мои товарищи, скоро на выписку пойдемъ. Наши раны зажили — чего еще тутъ валандаться. Насъ и перевязывать нечего!

— И много такихъ?

— Порядочно, сестрица, не безпокойтесь—очень порядочно!

Перевязка началась. Сестра шутитъ съ солдатами, смѣется, разсказываетъ имъ разные случаи, вступаетъ въ ихъ пренія. Раненые и больные оживляются. Благодаря умѣнью «сестры милосердной», по крайней мѣрѣ духовное состояніе больныхъ весьма улучшается. Собирающіеся на «выписку» громче всѣхъ веселятся, острятъ, спорятъ съ сестрой.

— Голубчикъ, подай-ка мнѣ ножницы, — обращается она къ солдатику, стоящему у столика съ перевязочными средствами.

Раненый принимается за розыски, но не находитъ ножницъ.

— Нѣтъ ихъ здѣсь, сестрица:—вѣрно сами куда утащили, а то такъ пропали совсѣмъ, — и при этихъ словахъ гвардеецъ хитро улыбается.— Это кто нибудь нарочно ихъ стянулъ. Я, сейчасъ, погодите, самъ найду виноватаго. Лучше раньше признайтесь!

Выписывающіеся хохочутъ.

— На-те, сестрица,—наконецъ говоритъ одинъ изъ нихъ. — Какія вы не догадливыя!

Насколько мнѣ приходилось замѣчать отношенія солдатъ къ «милосерднымъ сестрицамъ», за очень немногими исключеніями отношенія эти отличались всегда крайне симпатичнымъ характеромъ. Не только сестры вполнѣ свободно толковавшія и смѣявшіяся съ солдатами, но даже и тѣ, которыя допускали себѣ извѣстную фамильярность въ обращеніяхъ съ ними—всегда могли разсчитывать на удивительную просто деликатность солдата, умѣющаго постоянно держаться предѣла, за которымъ начинается неуваженіе къ женской личности, къ женскому достоинству. Въ этомъ случаѣ и лицамъ, довольно высокопоставленнымъ, слѣдовало-бы

подчасъ поучиться у простаго солдата. При этомъ позволю себѣ отмѣтить такого рода характерное обстоятельство, что ни одна самая роскошная, самая бонтонная барыня-сестра не проявляла той брезгливости, той физической, такъ сказать, мнительности, которыми иногда поражали меня мужчины — видимо изъ такъ называемыхъ «образованныхъ!»

III.

Какъ надоѣлъ этотъ мерзкій дождь! Въ каруцѣ вонъ и направо и налѣво дыры и щели. Мочитъ себѣ да мочитъ насъ. Теперь у меня другой спутникъ. Пожилой мужчина, уже давно выслужившій свой срокъ и снова призванный на службу по случаю мобилизаціи войскъ. Онъ боленъ ногами. Постоянно охаетъ и обвиняетъ меня въ недоброжелательствѣ по отношенію къ нему, обвиняетъ въ томъ, что я, молъ, нарочно прижимаю его, не даю ему законнаго мѣста въ каруцѣ, и проч., и проч. При остановкахъ замѣчательно быстро слѣзаетъ, завариваетъ чай, покупаетъ и очень много ѣстъ хлѣба, вообще забываетъ о стонахъ и оханьяхъ. Весьма разговорчивъ и въ бесѣдахъ крайне политиченъ; но лишь только почувствуетъ желаніе заснуть, начинаетъ усиленно ругать меня за всяческія козни, и добивается наивозможнаго удобства въ каруцѣ. Ежеминутно призываетъ Господа, и производитъ впечатлѣніе ханжи. Я весьма былъ бы радъ избавиться и отъ этого сотоварища. Подъѣзжаемъ къ госпиталю. Издали еще видно было цѣлое селеніе палатокъ, юртъ и бараковъ. Подъѣхали. У одной палатки (или палаты, какъ принято выражаться въ этихъ походныхъ лазаретахъ) идутъ жаркіе дебаты. Фельдшера, служители и погонщики кричатъ, ругаются... Дѣло въ томъ, что какого либо начальства вблизи не оказывается, и потому старшіе служители палатокъ наперерывъ другъ передъ другомъ каждый стараются принять къ себѣ какъ можно меньше больныхъ. Сегодня какъ разъ двунадесятый праздникъ, и санитары чувствуютъ себя нѣсколько на веселѣ (солдаты ведутъ строгій счетъ праздникамъ, и въ походѣ постоянно, то по поводу одного, то по поводу другаго числа вспоминается родина).

— Такъ-то ты, Петровъ—вразумляетъ госпитальный служитель другаго:—такъ-то ты по товарищески поступаешь: все другому, все другому, а себѣ одному только бы поудобнѣе. Да, нѣтъ, братъ, шалишь: знаемъ мы васъ.

— А чего, въ самомъ дѣлѣ, ты тутъ хорохоришься? вдругъ останавливаетъ его высшее лицо—фельдшеръ, ты служишь вѣдь, помнишь-ли ты объ этомъ, пьяная ты рожа?

— И напрасно меня, Иванъ Сидоровичъ, обижаешь, неунимался санитаръ, ничуть я не пьянъ, и все дѣло свое отлично понимаемъ. Служу

я, значитъ, милостивому нашему Государю, роднымъ братьямъ своимъ я услуживать приставленъ. И это мы понимаемъ. Они, значитъ, солдатики, вѣдь за меня тоже кровь проливали... А все-жь обидно, коли, значитъ, товарищъ не по правилу...

— Довольно, довольно, тутъ разсуждать, вмѣшивается внезапно появившаяся сестра милосердія. Принимайте больныхъ, долго-ли имъ еще ждать придется!

Мало по малу все успокаивается... Мнѣ помогаетъ передвигаться тотъ самый обиженный товарищемъ старшій служитель, который такъ рѣзко остановленъ Иваномъ Сидоровичемъ.

— Вотъ тебѣ и мѣсто здѣсь, принесу сейчасъ и одѣяло, скоро вамъ будутъ раздавать водку, а потомъ пообѣдать дадутъ, поясняетъ онъ. Я что-то полюбилъ тебя, сразу мнѣ по нраву пришелся, ты; другой раненый тоже артачится, недоволенъ онъ все нами. У насъ не десять рукъ тоже. А ты смирный, хорошій—намъ такіе по сердцу, расхваливалъ меня подвыпившій санитаръ.

Ему только что пришлось выдержать сильную баталію съ ранеными и больными, которые добили его окончательно своими попреками, протестами и ругательствами.

— Мы знаемъ очченно прекрасно, ораторствуетъ гдѣ-то другой служитель, что мы назначены собственно для васъ, значитъ, братцы. И съ большимъ удовольствіемъ все сдѣлаемъ для васъ. Только зачѣмъ и насъ обижать..., ужь нѣсколько слезливо заключилъ онъ.

— Что и говорить! Объ насъ вотъ и доктора, и сестры милосердія, и все начальство заботится, соглашается солдатъ, наиболѣе всѣхъ воевавшій сейчасъ съ санитарами, а имъ только приказываютъ. Они, конечно, не бывали въ самомъ огнѣ, а поди и имъ поверстается служба, съ нами-то возжамшись! Ихъ дѣло тоже, ухъ, какое хлопотное! Суетись, суетись днемъ, да и ночью тебѣ покоя не дадутъ. Братцы, пожалѣть надо и ихъ брата. Иной изъ насъ, больныхъ али раненыхъ, нравный тоже бываетъ. Бѣгай ему ты тутъ безъ умолку и прислуживай!

По этому поводу я желалъ бы коснуться нѣкоторыхъ сторонъ русской нравственной природы. Въ русскомъ человѣкѣ—въ данномъ случаѣ наблюденія относятся до простолюдина — живетъ какой-то необычайный духовный объективизмъ. Русскій человѣкъ не можетъ слишкомъ долго останавливаться на даннаго сорта впечатлѣніяхъ, на даннаго рода думахъ и чувствахъ. Непремѣнно его вниманіе привлечетъ и другая сторона предмета. Мнѣ часто случалось видѣть, какъ больные солдаты можно сказать набрасывались на санитаровъ, упрекали ихъ въ лѣни, въ моральной черствости, въ удивительномъ пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, чуть ли не въ скотскомъ равнодушіи къ бѣдамъ своимъ собратьевъ, чуть ли

не въ жестокости! Солдаты страшно горячились, обѣщали жаловаться, и проч., проч. Все это сопровождалось самой крупной бранью. И замѣчательно быстро остывали солдаты, замѣчательно быстро поддавались убѣжденіямъ и доводамъ оппонентовъ, и въ концѣ концовъ выражали свое полное сочувствіе по поводу горькаго житья-бытья служителей. Подчасъ бывало и такъ: какой нибудь солдатъ не склонялся на увѣренія служителей, и своимъ чередомъ жаловался по начальству. И что же? При появленіи начальства большинство публики оказывалось на сторонѣ санитаровъ, и повидимому съ искреннимъ доброжелательствомъ защищало послѣднихъ-же! Замѣтьте, что бояться правдиваго заявленія въ данномъ случаѣ солдаты никакъ не могли! Высшее санитарное начальство отличалось большею или меньшею дѣятельностью, большею или меньшею инертностью, но оно никогда не оставляло больныхъ—выслушиваніемъ ихъ жалобъ и протестовъ, Коль скоро жалобы и протесты эти и не пришлись бы по вкусу начальству, послѣднее не приняло бы вѣдь наказательныхъ мѣръ противъ больныхъ воиновъ! Слѣдовательно, опасаться солдатамъ нечего было, и они заступались за служителей изъ любви къ искусству, по влеченію своего оригинальнаго духовнаго объективизма. Еще рельефнѣе, еще разительнѣе для посторонняго наблюдателя отражались эти черты русскаго духовнаго характера въ обращеніяхъ русскихъ съ турками. Раненый или больной русскій солдатъ, впервые повстрѣчавшись съ таковымъ же туркомъ, выражаетъ къ послѣднему свою искреннюю ненависть, ругаетъ его, жестикулируетъ самымъ угрожающимъ образомъ, бросаетъ грозные взгляды, и другими всяческими способами даетъ знать о своей злобѣ.

Однако очень не долго можетъ находиться въ подобномъ настроеніи русскій душевный организмъ. Мало по малу солдатъ менѣе грозно и сурово заговариваетъ съ туркой, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ самымъ оригинальнымъ оборотамъ рѣчи и къ самымъ остроумнымъ жестамъ, и такимъ образомъ много способствуя взаимному пониманію. Въ скоромъ времени отыскиваются нѣкоторые пункты, по которымъ не только устанавливается соглашеніе между врагами, но по поводу которыхъ даже начинаетъ сказываться извѣстное взаимное сочувствіе. Еще нѣсколько минутъ полумимическаго разговора—и прежній непримиримый недругъ турки даетъ послѣднему дружескіе совѣты по поводу мѣны турецкой монеты на русскую (одинъ изъ вопросовъ, конечно, первостепенной важности), относительно покупки нужныхъ вещей, и т. п. Дѣло кончается тѣмъ, что русскій солдатъ прямо уже симпатизируетъ турецкому.

— Онъ тоже человѣкъ подневольный, разсуждаетъ нашъ воинъ:— приказали ему идти на насъ, онъ и пошелъ. Начальство-то у нихъ больно гадкое! Жадное, корыстное, притѣснять занапрасно любитъ. Начальники-то, значитъ, ихъ сильно обижаютъ. А солдатъ—что! Солдатъ онъ ровно какъ-бы и мы всѣ... Онъ не злой...

*

Итакъ очень часто проявляется въ русскомъ человѣкѣ преинтересная черта какой-то нравственной объективности!..

IV.

— Здравствуйте, братцы; здравствуйте, господа: съ пріѣздомъ васъ— привѣтствовала солдатъ только-что вошедшая сестра милосердія. Это была небольшаго роста, повидимому еще очень молоденькая дѣвушка. Отъ нея, казалось, такъ и вѣяло искреннимъ радушіемъ и соболѣзнованіемъ. Голосъ звучалъ такъ ласково, такъ задушевно. Однако, несмотря на свою молодость, она выглядѣла уже много—много перечувствовавшей. По всей вѣроятности она навидѣлась-таки горя на своемъ вѣку, насмотрѣлась-таки на страданія разнаго рода. И какъ будто тѣмъ большимъ удовольствіемъ ей представлялось утѣшить, успокоить, обласкать ближняго. Она рѣдко—рѣдко улыбалась. Величавая строгость лежала на ея мало загорѣвшемъ и мало огрубѣвшемъ челѣ. Передъ этой далеко физически незрѣлой дѣвушкой какъ-бы стѣснялся отпустить лишнюю не слишкомъ подходящую шутку иной почтенный воинъ, у котораго уже давно засеребрились виски. Каждый какъ-бы невольно проникался уваженіемъ къ этой дѣвственно-нравственной особѣ. И сами эти сѣрошинельные «невѣжи» и «невѣжды», которыми мы такъ любуемся на парадахъ и разводахъ, о которыхъ мы проливаемъ такія искреннія горячія слезы въ гостиныхъ и... въ корреспонденціяхъ, и которые такъ надоѣдаютъ намъ въ качествѣ нищихъ, которыхъ такъ ненавидимъ, когда они—о, дерзкіе! — смѣютъ какъ-нибудь заявлять свое достоинство въ дѣлахъ житейскихъ (чуждыхъ народныхъ и газетныхъ принциповъ), эти темные люди, эти солдаты сами всячески стараются отстранить отъ названной сестры милосердія малѣйшія проявленія вульгарности!

— Перевязывали васъ или давно уже не перевязывали?

— Болѣ сутокъ не перевязывали, сестричка! Нагноилась у меня сильно рана моя,сестрица добрая! Хорошо-бы ты сдѣлала, еслибъ перевязала насъ!.. и т. д., въ одинъ почти голосъ заявляли свои желанія солдаты.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчики, всѣ перевязаны будете, всѣ препараты сейчасъ принесу.

Сестра ушла.

— И какія, вишь, госпожи важныя за нами, братцы, ухаживаютъ, начинаетъ одинъ раненый.

— Знаешь что, милый ты мой:—на перевязочномъ-то пунктѣ, помнишь, сестра изъ себя такая авантажная была, въ черномъ вся, съ платочкомъ черненькимъ на головѣ? Это, слышь ты, сама енаральша одна петербургская, именитая тамъ какая-то бранеса, баронесса-ли тебѣ!..

— Вотъ чего, значитъ, удостоились!

— А все Царь о насъ заботится!

— А то кто-же!..

Идетъ перевязка. Докторъ осматриваетъ раненыхъ.

— А не хорошая, братецъ, у тебя рана, толкуетъ докторъ склонившись надъ однимъ солдатикомъ.

— Н-н, ваше высокоблагородіе:—благодарю Господа, что живъ остался. Жизнь-то дороже всего, по моему. Дастъ Богъ, помогутъ православные!..

Замѣчательно сильно любитъ простой человѣкъ жизнь свою! Намъ, и морально и физически дряблымъ и хилымъ представителямъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ общественныхъ слоевъ, чуднымъ показывается это неистощимое обиліе жизненныхъ силъ! Если-бы вы послушали что толковали солдаты въ кругу своемъ задолго до войны, вы диву-бы дались, гдѣ, молъ, пресловутая храбрость русскихъ солдатъ. Эти будущіе шипкинскіе орлы, эти необычайные герои балканскаго перехода до войны крайне—крайне боялись смерти, заранѣе еще горько оплакивали домъ, родину, прошлый свой мирный трудъ, и т. д. Умирая, образованный воинъ разстается, можетъ быть, съ очень дорогими для себя земными благами; но въ большинствѣ случаевъ въ немъ нѣтъ уже той безпредѣльной любви къ жизни ради одной жизни, той здоровой жизнепотребности, которыми въ высшей степени обладаетъ почти каждый «непросвѣщенный солдатъ!» Жертвуя своею жизнью, этотъ простой солдатъ, такъ сказать, приноситъ громадную лепту на алтарь своего Отечества, приноситъ не раздвоенную, полуапатичную, самохвалющуюся жизнь интеллигентнаго человѣка, а цѣльную, животрепещущую, обильную всяческими живыми соками—жизнь простолюдина! Вспомните только, какъ боится простой человѣкъ малѣйшаго нездоровья, какъ чужда ему вся развивающаяся въ образованныхъ классахъ манія самоубійства—и вы оцѣните тогда по достоинству, оцѣните настояще справедливо самопожертвованіе русскихъ воиновъ!

V.

— «Ваше высокоблагородіе, помилосердствуйте; а, ваше высокоблагородіе»—плаксивымъ тономъ вымаливалъ солдатъ, раненую ногу котораго, если можно такъ выразиться, безпощадно выковыривалъ докторъ. Докторъ—молодой человѣкъ, не безъ франтовскихъ наклонностей, выказываемыхъ подробностями костюма, въ золотыхъ очкахъ и съ очень даже «интеллигентнымъ» лицомъ. Онъ повидимому не признаетъ въ больномъ чувствительныхъ нервовъ, и роется въ ранѣ со стоическимъ спокойствіемъ,

изрѣдка только повелительно приговаривая: «молчать!.. замолчи!.. чудакъ. тебѣ же лучше будетъ!» Иногда, впрочемъ, онъ вспыливаетъ и начинаетъ изо всей силы кричать на больнаго, обвиняя его въ невѣжествѣ, глупости, дикости, нахальствѣ, неблагодарности, и т. п. Имѣя въ виду, вѣроятно, сокращеніе расходовъ, доктора вообще необычайно рѣдко прибѣгаютъ къ какимъ-нибудь усыпительнымъ, успокоительнымъ и т. п. средствамъ при изслѣдованіи *солдатскихъ* ранъ... Операція кончена, и докторъ передаетъ уже больнаго сестрѣ милосердія. Сестра, очевидно, не изъ профессіальныхъ — одѣта она не по форменному, держитъ себя передъ докторомъ также не по форменному, а гораздо болѣе самостоятельно и даже фамильярно. Она — дѣвушка еще очень молодая и, пожалуй, очень красивая. «Ужасный» докторъ подходитъ однако къ слѣдующему больному. Тотъ уже заранѣе содрагается отъ страха. Одинъ голосъ доктора — пронзительно-крикливый, рѣзкій донельзя, наводитъ на больныхъ крайнее смущеніе и боязнь.

— Ну, что, что такое у тебя? отрывисто, обращается докторъ къ больному.

— Контузило меня, ваше высокоблагородіе: такъ больно, такъ больно, инда всего переламываетъ!

Докторъ на короткое время занялся осмотромъ больнаго.

— Ахъ ты, эдакій, вдругъ оглашаетъ онъ на всю палату: — притворяться, старый хрычъ, вздумалъ. Знаю я вашу контузію, лодыри! *) Вашескородіе (передразниваетъ больнаго), вашескородіе...

Докторъ направляется далѣе.

— Ей Богу, не могу терпѣть, ваше высокоблагородіе, — тяжко мнѣ; ей Богу, кускомъ гранаты меня зацѣпило; сердце, ваше высокоблагородіе, такъ и ноетъ: смилуйтесь, ваше высокоблагородіе?!...

— Убирайся пока цѣлъ!...

Больной вдругъ смолкъ; лицо его какъ-то странно передернулось, и онъ замолчалъ, замолчалъ упорно и рѣшительно. Въ его душѣ, повидимому, совершился важный и трудный переломъ. Онъ — старикъ. Призвали его изъ запаса на службу по случаю похода, и онъ долженъ былъ идти, хотя по лѣтамъ вполнѣ подлежалъ отставкѣ. Только благодаря безконечнымъ *недоразумѣніямъ*, сильно одолѣвающимъ громадный всероссійскій безграмотный и малограмотный людъ, онъ не отбылъ еще окончательно воинской повинности. Тотъ остался въ запасѣ, вмѣсто того чтобы навсегда завершить свою военную карьеру, такъ какъ паспортъ не отдалъ во время куда слѣдуетъ; другой потому, что безграмотность помѣшала; третій — третій съ писаремъ, человѣкомъ путнымъ и вліятельнымъ — не поладилъ, и т. д. Походъ еще

*) Особый, въ военномъ быту распространенный терминъ означаетъ лѣнтяя, бездѣльника.

болѣе надорвалъ убывающія физическія силы нашего старика. Богъ знаетъ, надувалъ онъ или нѣтъ сердитаго доктора, увѣряя въ своей «контузіи». Одно только было ясно, что подобный субъектъ—не служака. Весь сѣдой, съ изможденными, дряхлыми чертами лица, изнуренный, печальный-печальный—старикъ производилъ самое грустное впечатлѣніе. Какимъ-то жалкимъ, забитымъ, безпомощнымъ существомъ казался онъ...

— Что-то, братцы, сестрица Панкратьева давно не бывала у насъ, говорилъ какой-то больной воинъ, ворочаясь на своей импровизированной постели изъ соломы.

— Н-да, и дѣйствительно, правда, протянулъ голосъ изъ праваго угла:—забыла она насъ. Второй день—нѣту ея. Можетъ, сама, сердечная, прихворнула. Эдакая вѣдь она, въ самомъ дѣлѣ, для нашего брата, солдата, хлопотунья. Обо всемъ, обо всемъ позаботиться успѣетъ...

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, дверь барака раскрылась, и въ палату вошла неизвѣстная намъ сестра милосердія съ большимъ мѣшкомъ въ рукѣ.

— Братцы, сегодня сахаръ я буду вамъ раздавать за сестру Панкратьеву. Она не совсѣмъ здорова...

— Ишь, ты, напророчилъ, толковали солдатики, обращаясь къ товарищу, только что начавшему рѣчь о Панкратьевой:—жаль нашу матушку; придетъ, бывало, пошутитъ, иной разъ и выругаетъ. Да и за дѣло — не отбивай товарищъ у товарища, не лѣзь куда не слѣдуетъ. Ему чтобы все было; а о другихъ и не подумаетъ. Инаго и не достать здѣсь — а намъ все вынь да положь!

Премилая особа была эта г-жа Панкратьева. Женщина уже пожилыхъ лѣтъ, простаго, надо полагать, происхожденія, безъ всякаго почти образованія, она тѣмъ не менѣе являлась общею любимицею нашего барака. Въ іерархіи сестеръ милосердія она, вѣроятно, стояла на высшихъ ступеняхъ, а потому очень рѣдко занималась собственно перевязкой раненыхъ или раздачею лѣкарствъ больнымъ. На ней лежала преимущественно хозяйственная часть. Но за то какая это была хозяйка! Главнымъ образомъ, благодаря ей нашъ баракъ во время пилъ чай, во время обѣдалъ, во время угощался водочкой и краснымъ виномъ, и т. д. Когда получались какія-либо вещи для раздачи больнымъ и раненымъ воинамъ, никто, кажется, не распоряжался въ этомъ дѣлѣ аккуратнѣе Панкратьевой. Обыкновенно пожертвованія своимъ предложеніемъ не могли угодить громадному спросу со стороны солдатской публики, и потому приходилось снабжать рубашками, фуфайками, шарфами, бѣльемъ всякаго рода, и проч., и проч., только наиболѣе нуждавшихся воиновъ. Тутъ-то наибольше и проявлялась практическая сметка Панкратьевой, ея замѣчательное умѣнье сдѣлать распредѣленіе наиболѣе справедливо и добросовѣстно. Солдаты особенно за это любили Панкратьеву.

— Сестрицу эту не проведешь, не таковская, она знаетъ, кто любитъ казанскимъ сиротою прикидываться! Сестрица никого не обидитъ, но за то, братецъ—толковали иные, обращаясь къ больному, удивительному мастеру надувать сестеръ относительно бѣлья, фуфаекъ, и проч., и проч.,— и тебѣ она лишняго ничего не передастъ. Не безпокойся! Нѣ-ѣ-ѣтъ. Ты ей раздѣнься, да покажи. Ловокъ, да не съ Панкратьевой!..

Панкратьева-же руководила кухонной прислугой; она зорко слѣдила за госпитальными служителями; она, наконецъ, являлась смѣлой и, по своему, краснорѣчивой (языкъ у нея замѣчательно простой, чуждый малѣйшей книжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, очень живой, меткій, подчасъ удивительно изобразительный и живописный) посредницей между докторомъ или смотрителемъ и больными, когда сами солдаты не рѣшались высказать извѣстную просьбу или жалобу, а прочія сестры милосердія также почему-либо не брали на себя этого ходатайства. Панкратьева-же читала весьма резонныя нотаціи больнымъ и раненымъ по поводу жадности, своекорыстія, крайняго эгоизма, и проч. Указывала съ негодованіемъ на то, что, вслѣдствіе чрезмѣрнаго себялюбія и жадности воиновъ со здоровыми ногами и руками (а особенно ногами *), безрукіе и преимущественно безногіе теряли на каждомъ шагу—во время чая, во время обѣда, при раздачѣ вещей, и проч., и проч.

Въ нашъ баракъ влетѣлъ старшій госпитальный служитель—унтеръ-офицеръ.

— Живо все приготовить, Ивановъ, приказалъ онъ одному изъ своихъ подчиненныхъ служителей:—батюшка придетъ сейчасъ исповѣдывать и причащать, кто пожелаетъ.

Скоро показался и самъ батюшка. Это былъ красивый, здоровый мужчина, съ военною осанкою и гордой поступью.

— Здорово, ребята—звучнымъ голосомъ крикнулъ священникъ, привѣтствуя солдатъ не хуже любаго баталіоннаго командира.

— Здравія желаемъ, батюшка, дружно гаркнули, кто могъ, больные и раненые.

— Поправляетесь-ли, господа? перешелъ онъ на менѣе исключительно-милитарный тонъ.

— Ничего, батюшка:—вашими молитвами Богъ милуетъ, слышались тамъ и сямъ возгласы добросердечныхъ русскихъ солдатиковъ.

— Ну, и благодареніе Господу, благодареніе Господу, продолжалъ священникъ, надѣвая эпитрахиль и вынимая святые дары. — Кто-же изъ васъ хочетъ исповѣдаться и причаститься святыхъ пречистыхъ таинъ, какъ-бы перемѣнилъ интонацію своей рѣчи снова на дѣловую, служеб-

*) Кто не владѣетъ одной рукой, при здоровыхъ ногахъ, всегда всетаки выиграетъ. Субъектовъ съ обѣими больными руками я не встрѣчалъ.

ную дисциплинированный батюшка:—говорите скорѣй: кто можетъ выйти ко мнѣ; къ тяжелымъ я и самъ подойду.

Желающіе нашлись. Священникъ немедленно приступилъ къ молитвамъ. Онъ читалъ быстро, черезъ-чуръ даже быстро, но все-таки ясно, громко, отчетливо. Въ это время дверь хлопнула, и въ баракъ вошелъ служитель Никитинъ. Онъ былъ тоже изъ запасныхъ и смотрѣлъ далеко уже не молодымъ человѣкомъ. Никитинъ отличался какою-то неповоротливостью, неуклюжествомъ, и больные успѣли уже прозвать его Микиткой-Рохлей. Рохля какъ попалъ въ баракъ въ шапкѣ, такъ и остался въ ней. По обыкновенію физіономія его выражала все ту-же, не то безотвѣтную угрюмость, не то ошалѣлую забитость. Никитинъ, казалось, не пришелъ въ себя и не сознавалъ хорошенько, что передъ нимъ совершалось. Гвардеецъ-священникъ однако не упустилъ изъ виду оплошности служителя.

— Шапку долой, крикнулъ онъ молодецкимъ голосомъ на всю палату почти не прерывая молитвы.

Микитка быстро стащилъ съ головы шапку. Солдаты переглянулись. Нѣкоторые съ явнымъ недоброжелательствомъ смотрѣли на оторопѣвшаго Рохлю. Служитель—унтеръ пригрозилъ ему пальцемъ... По окончаніи священнодѣйствія, когда батюшка намѣревался было уйти, раздался чей-то слабый голосъ:

— Батюшка, и меня-бы ужь заодно сподобили:—плохъ я, батюшка.

— Иди-же сюда! Кто тамъ, какъ звать? отчеканивалъ военный батюшка.

— Силушки нѣту-ти, родимый:—подь сюда, съ трудомъ выговаривалъ больной...

На другое утро я видѣлъ, какъ этого причастника потащили на покойницкихъ носилкахъ, и слышалъ какъ иные изъ солдатской публики выпрашивали у служителей, кто сапогъ умершаго, кто рубашку, и т. д...

VI.

Уже стемнѣло. Мы въѣзжаемъ въ какую-то деревушку. Мѣстность идетъ въ гору. Дорога ужасающе грязная и вязкая, лошади скользятъ и безпрестанно спотыкаются, съ трудомъ подымаясь по крутому склону. Телѣги наши страшно колышатся и перетряхиваются. То тамъ, то тутъ раздаются стоны больныхъ и раненыхъ; временами стоны эти переходятъ въ раздирающіе душу крики и завыванія. Становится все холоднѣе и холоднѣе; а между тѣмъ не предвидится конца нашему ночному путешествію. Деревушка представляетъ крайне мрачный, безлюдный видъ. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышаются двухъ- и одно-этажные дома—то

деревянные, то съ бѣлыми заштукатуренными стѣнами *), и непремѣнно съ наглухо заколоченными окнами и дверями, затворенными воротами, коегдѣ помѣченными мѣловыми крестами. Признаковъ людскаго жилья какъ бы не замѣчается; изрѣдка только сердитый лай собакъ даетъ знать о присутствіи человѣческихъ существъ. Вотъ заблестѣла освѣщенная мягкимъ луннымъ свѣтомъ красивая крыша турецкой мечети; одиноко и угрюмо выглядываетъ высокій минаретъ. Наконецъ показались и огни. Транспортъ все не прекращаетъ своего медленнаго, томительнаго шествованія. Холодно, неудобно, тряска не даетъ покоя, растравляя еще пуще рану, вызывая надоѣдливую, ноющую боль. Будетъ ли конецъ нашему странствованію—согрѣться-бы, растянуться бы на чемъ-нибудь болѣе комфортабельномъ, чѣмъ узкая каруца наша, едва-едва снабженная старою, затхлою соломой. Огни, оказывается, принадлежатъ расположившимся на ночлегъ конвойнымъ казакамъ, караульнымъ санитарамъ, и т. п.

— Эй, санитаръ—нетерпѣливо закричалъ кто-то, повидимому изъ среды людей, сопровождающихъ нашъ транспортъ—да гдѣ же, наконецъ, мы будемъ сдавать больныхъ? Здѣсь эва-ну сколько палатокъ: неужель не примите насъ?

— Чего разорался-то, братъ, безъ тебя будто не понимаютъ?! Мѣста, понимаешь-ли, нѣту-ти, какъ есть полнымъ-полнехоньки всѣ палаты. А коли ежели теперича сильно раненые, али больные—тѣхъ разберутъ всѣхъ; сгоди, вотъ выйдутъ сестры да доктора.

— А намъ, ты думаешь, радость большая, что-ли, выжидать тутъ съ цѣлымъ транспортомъ. Приказано теперича сдать больныхъ въ селеніе NN, и знать ничего не хотимъ. Чтобы было мѣсто—и кончено!

— Шустрый больно! Подождешь—окончательно смолкаетъ неизвѣстно кому принадлежащій голосъ, вступившій было въ дебаты съ нашимъ конвойнымъ.

Мимо транспорта отчаянно проскакиваетъ казакъ. «Капитанъ, господинъ капитанъ», раздается чье-то внушительное воззваніе; очевидно съ этимъ воззваніемъ обращается кто-то изъ власть имѣющихъ. Неподалеку отъ нашихъ телѣгъ у палатокъ ведется шумное, горячее совѣщаніе. Мимо насъ то и дѣло мелькаютъ пѣшіе и верховые казаки, конвойные унтеръофицеры, и проч.; медленнымъ шагомъ, опустивъ голову, проходитъ, то, по всей вѣроятности, военный чиновникъ (насколько можно разглядѣть его при свѣтѣ луны и недалеко, впрочемъ, отъ насъ, разложенныхъ костровъ), то молодой «капитанъ докторъ»—эти высшіе управители нашего

*) Такого рода зданія, называемыя у насъ на югѣ *мазанками*, дѣлаются при помощи деревяннаго остова, состоящаго изъ связей. Промежутки забираются камышомъ, плетнемъ, и проч.; все это замазывается глиною и штукатурится. Поэтому на жителей сѣверныхъ губерній Россіи иныя румынскія и болгарскія села производятъ такое впечатлѣніе, будто тамъ много *каменныхъ* домовъ.

транспорта... И вотъ насъ покуда не «убираютъ», нигдѣ не «сдаютъ»... Однако, должно быть вышло какое ни на есть распоряженіе...

— Соломы тащи побольше, живо давайте сюда солому!..

— Капитанъ, а, капитанъ, докторъ, сдѣлайте милость, прикажите, чтобы тяжело больныхъ несли въ первую и четвертую палаты; тамъ есть еще мѣста!..

— Сестрица Вѣра Ивановна, сестрица, будьте столь милостивы, потрудитесь наблюдать за сдачей больныхъ...

Работа закипѣла, и въ какихъ-нибудь 40—50 минутъ съ небольшимъ всѣ каруцы и телѣги опустѣли. Кое-кого размѣстили по палаткамъ; большинству же пришлось разлечься на солому, настланную вокругъ да около временнаго госпиталя.

— Спите, братцы, отдохните хорошенько, чай, смерзли порядкомъ; до утра ужь вы ждите. Тамъ и перевязка будетъ, и чайку дадутъ, и булочками покормятъ. На всѣхъ всего хватитъ, успокаивалъ насъ тотъ же самый конвойный унтеръ-офицеръ, который еще недавно велъ пренія по поводу нашей «сдачи». Онъ видимо былъ доволенъ сравнительно скорымъ окончаніемъ всей переполохи, тѣмъ болѣе, что это окончаніе приносило и ему давно желанный отдыхъ.

— Побольше, побольше соломки мнѣ дай, жалобно выпрашивалъ какой-то больной воинъ: знобитъ меня, батюшка, сильно знобитъ, измерзъ я весь!

— Дамъ, дамъ и тебѣ, не безпокойся, не обидимъ никого, говорилъ самоувѣреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковымъ тономъ санитаръ, приносившій солому и цѣлыми охапками наваливавшій ее на больныхъ и раненыхъ. Навалили и на меня солому. Стало теплѣе, больная нога свободно растянулась; но все тѣло ныло отъ раны, отъ тряски, отъ общаго разстройства, отъ всякихъ лишеній.

Не спалось мнѣ... Мало по малу шумъ и движеніе въ госпиталѣ стихали; временами слышались уже храпъ и сопѣнье.

Больница заснула...

— Братецъ, а, братецъ! раздался вдругъ чей-то дребезжащій, необыкновенно тонкій, весьма болѣзненно настроенный, голосъ.

Къ «братцу» подошелъ санитаръ. Голосъ смолкъ, но очень не надолго; опять начались пѣвучія-пѣвучія, чрезвычайно растянутыя завыванія:

— Братецъ, а, братецъ; санитаръ, а, санитаръ, санита-а-аръ. Господи!... Служитель, а, служитель!..

Санитаръ долго не показывался. Наконецъ одинъ ближайшій сосѣдъ больнаго, выкликавшаго санитара, довольно энергически потребовалъ служителя. Служитель появился и весьма недружелюбнымъ тономъ распрашивалъ больнаго. Оказалось, что странный паціентъ безпрестанно

просилъ то такъ, то на другой ладъ класть его голову, ногу, руку, переворачивать его то на одинъ, то на другой бокъ, и проч. И каждый разъ онъ чистосердечно благодарилъ санитара, и каждый разъ онъ будто оставался крайне доволенъ новымъ передвиженіемъ, и каждый разъ какъ-то удивительно радостно, торжественно звучали его едва-едва выговаривавшіяся слова. Прошелъ очень короткій промежутокъ времени, и снова будто смѣясь, будто весело и дѣтски-наивно выкликивалъ необычайный больной свое обращеніе къ санитару:

— Братецъ, а, братецъ, санитаръ, а, санитаръ, служитель, служи-и-итель...

На сей разъ санитаръ пришелъ крайне разсерженный, онъ сталъ просто уже кричать на больнаго.

— И чего тебѣ все не спится! Спокою, право, не даешь: лежалъ-бы себѣ да лежалъ «неугомонный», и проч., и проч., выговаривалъ онъ.

Санитаръ тщательно, подробно, всесторонне изслѣдовалъ больнаго, и вскорѣ удалился, жалуясь на безпокойнаго солдата, который раненъ только въ «перстъ», «всего въ перстъ только», а «пуще всѣхъ» ему надоѣдаетъ... Санитаръ больше ужь не показывался.

И однако всю ночь не давали мнѣ заснуть удивительно-торжественныя, исполненныя какого-то чуть-ли не небеснаго умиленія, до-нельзя непонятныя по своему настроенію выкликанія: «санитаръ, а, санитаръ; служитель, служитель!.. Господи!.. Сторожъ, а, сторожъ, санита-а-аръ, братецъ, братецъ... а, братецъ!...» Больной точно выпѣвалъ какую-то тянущуюся-тянущуюся ноту и какъ будто упивался ею. Къ утру раненый смолкъ.

Я раскрылъ глаза. Раннее утро. Солнце высоко-высоко, и только слегка пригрѣваетъ. Въ воздухѣ прохладно, свѣжо. Все въ природѣ нарядно, бодро, весело.

— Тебѣ еще, значитъ, голубчикъ, не давали чаю? обращается ко мнѣ сестра милосердія, женщина среднихъ лѣтъ, съ простымъ, добрымъ лицомъ. Ты только что проснулся?

Усталость взяла свое, и къ утру, должно быть, я и дѣйствительно забылся. Мнѣ приносятъ громадную металлическую кружку съ горячимъ-горячимъ чаемъ и большимъ кускомъ сахару. Больные и раненые «балуются чайкомъ»; ихъ страдальческія физіономіи сіяютъ довольствомъ, успокоеніемъ, удовлетвореніемъ. Санитары быстро приносятъ носилки.

— Куда это его, перевязывать? И насъ надо... Когда станутъ перевязывать? Вѣдь въ палаткѣ, надо быть, перевязка будетъ?

— Чего перевязывать! Ослѣпъ что-ли? Видишь, покойника потащили... Сердечный! Царствіе ему небесное! Какого полка?

— И вѣдь вотъ какая исторія!—вмѣшивается въ разговоръ третій солдатъ:—служителя толковали, палецъ ему только и поцарапало—осколкомъ, значитъ, задѣло!

— Тутъ, братецъ, не то что нибудь. Нутренности ужь плохи были, вѣроятно. Отъ пальца не умрешь!..

Между ранеными пробирается фельдшеръ. Молодой, красивый, онъ держитъ себя съ необычайнымъ достоинствомъ; но со всѣми рѣшительно на «вы», вѣжливъ и деликатенъ въ высшей степени. Однако заявленіямъ больныхъ онъ не придаетъ особенной цѣны.

— Послушайте! довольно фамильярно обращается къ нему какой-то солдатъ: — вонъ тамъ, посмотрите, солдатикъ одинъ лежитъ, ему турка проклятый голову размозжилъ. Ужь у него теперича и мозги вонъ полѣзли. Слѣдовало-бы его перевязать поскорѣе!

— Мозги полѣзли! ядовито усмѣхнулся фельдшеръ. Что вы толкуете! Въ такомъ случаѣ онъ давно-бы умеръ. А вы знаете, у меня на рукахъ сотни больныхъ. Необходимо соблюдать очередь. Придетъ время и его своимъ порядкомъ перевяжутъ *).

— Господа **), пожалуйста, подождите! умолялъ какой-то офицеръ, стоя посреди раненыхъ и больныхъ, алкавшихъ и жаждавшихъ перевязки и возможной помощи. Пожалуйста подождите: доктора и сестры день и ночь покоя не знаютъ, но вѣдь они не могутъ-же всѣхъ разомъ и перевязывать, и лѣкарствами подходящими снабдить, и напоить, и накормить! Будьте терпѣливѣе! Знаемъ мы, что вамъ худо; но что-же дѣлать! Обождите.

Солдатики не совсѣмъ удовлетворились объясненіями офицера. Они снова просили, снова жаловались, снова недоумѣвали на медленность перевязки, раздачи лѣкарства, и проч., и проч. Долготерпѣливъ русскій солдатъ и русскій человѣкъ вообще; но приходитъ время, когда и онъ становится требователенъ. Большихъ жертвъ со стороны очень многихъ требуетъ громадное военно - санитарное дѣло; но неужели русскій воинъ не стоитъ этихъ жертвъ?

VII.

Узкій-узкій и длинный баракъ временнаго военнаго госпиталя въ Румыніи. Вечеръ. Висячія лампы горятъ тускло и невесело. Раненые и больные частью спятъ, частью ведутъ между собою тихіе, какіе-то вялые разговоры. Дѣло происходитъ очень неподалеку отъ станціи желѣзной дороги, и потому чуть-ли не по цѣлымъ часамъ раздаются своеобразныя завыванія

---

*) Этотъ солдатъ съ „полѣзшими мозгами“ такъ и не дождался очереди относительно перевязки — онъ умеръ на другой день, не перевязанный!

**) И такъ странно, необыкновенно звучало это „господа“, обращенное офицеромъ къ простымъ солдатамъ! Общее дѣло, общая бѣда, общія лишенія всѣхъ сблизили и уравняли!

локомобиля. Безостановочно катается съ одного конца дорожнаго полотна на другой эта оригинальная машина, заправляемая вѣчнымъ труженикомъ-машинистомъ, и распѣваетъ свои необыкновенныя пѣсни. Въ теченіи всего своего долгаго пути по разнообразнымъ желѣзнымъ дорогамъ на меня постоянно производили особенно сильное впечатлѣніе эти странные звуки. Локомобиль то пищалъ, то кричалъ, то свистѣлъ, то издавалъ какіе-то очень мелодичные аккорды. Онъ и просилъ, и плакался, и веселился. А вмѣстѣ съ нимъ и я горевалъ по поводу своихъ житейскихъ неудачъ и невзгодъ, радовался и я, воодушевляясь надеждами и упованіями, грустилъ и мечталъ, страдалъ и наслаждался. И направо и налѣво сосѣди мои спятъ тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ. И во снѣ они стонутъ, и во снѣ ихъ не оставляютъ печальные факты дѣйствительности. На правомъ концѣ барака хлопнула дверь, и показался служитель-молдаванинъ. Онъ шелъ своею лѣнивою, развалистою походкою по направленію къ центру барака, и несъ принадлежности разнаго рода перевязочныхъ операцій.

— Ну, что, молдаванъ? Перевязка будетъ? Скоро, можетъ, и уѣдемъ отсюда? обращается къ нему мой vis-à-vis.

— Перевязка, нехотя отвѣчаетъ румынъ, и быстро отворачивается.

— Экая собака! громогласно рѣшаетъ солдатъ, и отвѣчать-то порядкомъ не желаетъ. Православные! Нашли тоже православныхъ. Да это тѣ же нехристи.

— А, вѣстимо, нехристи, вставляетъ свое слово какой-то гвардеецъ:— жидъ, теперича, къ примѣру, всегда жидомъ и останется. Такъ и они. Ихъ, значитъ, и окрестили, а рожу-то свою отъ нашего брата, православнаго, онъ все-жь ворочаетъ.—Знамое дѣло...

И снова наступаетъ молчаніе; да и эти-то рѣчи велись крайне неоживленно. Съ перевязочными же препаратами появляется вскорѣ на сцену и русскій служитель. Публика забрасываетъ его вопросами, остротами, и проч., на что онъ, съ своей стороны, тоже въ карманъ не лѣзетъ, и всеобщій говоръ все растетъ да растетъ...

Вотъ передъ нами и цѣлая процессія сестеръ милосердія. Впереди рядомъ идутъ двѣ дѣвушки—видимо сестры. Старшая красивая брюнетка, со строгими и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжными, какими-то аристократическими чертами лица, безукоризненно, даже изящно одѣтая; младшая почти дѣвочка. За ними страшно раскачиваясь и распатываясь шествуетъ особа, обратившая на себя особенное мое вниманіе. Это была маленькая женщина съ коротко подстриженными свѣтлыми волосами непріятно свѣтлорусаго, или точнѣе мочалистаго цвѣта. Толстенькая, коротенькая, съ несоразмѣрно огромной головой, она обладала весьма антапатичной физіономіей. На лицѣ у нея было написано какое-то отталкивающее равнодушіе, какое-то презрѣніе, не безъ примѣси наглости и беззастѣнчивости. Опре-

дѣлить ея возрастъ—представляло весьма трудную задачу. Не то еще молоденькая, не то очень ужь пожившая и виды видавшая, она, вдобавокъ, имѣла прехарактерный голосъ—голосъ удивительно крикливый, рѣзкій, сухой. За этой сестрой торопились къ мѣсту дѣйствія еще двѣ женщины—одна молодая, свѣжая, что называется кровь съ молокомъ, полная дѣвушка, съ простымъ и какимъ-то безсодержательнымъ лицомъ, другая—пожилая особа, угрюмая, повидимому физически и морально уставшая, разочарованная и очень некрасивая. Наконецъ мчится и самъ господинъ смотритель госпиталя, бѣлобрысый молодой человѣкъ, съ кокардой на фуражкѣ, юркій, вертлявый, постоянно необыкновенно бѣгающій и суетящійся.

— Братцы, братцы, громко провозгласилъ онъ:—сегодня всѣхъ васъ на машину заберутъ, всѣ, всѣ поѣдете домой, на родину, въ 7 часовъ идетъ поѣздъ... Въ санитарномъ отправитесь, тамъ хорошо будетъ.

— Вотъ и благодаримъ покорно, ваше благородіе... Удружили, господинъ, лучше и не надо. Хоть бы одну минутку въ Россіи побывать. Больно надоѣли ужь эти нехристи нерусскіе.—Попадемъ-ли? Правда-ли?—Полно, въ Россію-ли? Далеко до Россіи-то!? со всѣхъ сторонъ выражали свою радость и свои сомнѣнія больные и раненые воины...

Перевязка...

Перевязка кончена. Всѣ торопились поспѣть къ 7 часамъ. И доктора уже разошлись. Служителя кончаютъ съ уборкою перевязочныхъ принадлежностей. Сестры милосердія собрались у столиковъ, гдѣ только-что производилась перевязка раненыхъ—менѣе тяжело (т. е. такихъ, которые были въ состояніи сами или съ помощью служителей дотащиться до табуретокъ у столиковъ). Во главѣ собранія ораторствуетъ молоденькій смотритель.

— Порицать и отрицать—всегда легко, хвалиться обременительностью и трудностью своей обязанности и того легче. Но пускай эти господа попробуютъ побывать въ моей шкурѣ! Тогда они другое заговорятъ. Цѣлый день-денской мечешься-мечешься изъ угла въ уголъ, да и ночью подчасъ тоже не очень разоспишься. Вчера, напримѣръ, проснулся я отъ какого-то страннаго шума? И что же? Оказывается, что какой-то больной зоветъ-не дозовется, и ужь очень давно повидимому, служителя. А тотъ, каналья, спитъ, что-ли, такъ крѣпко, притворяется-ли спящимъ—не слышитъ, да и на! Пришлось самому вскочить съ постели. За то и попало отъ меня служителю! Впрочемъ, и съ больными этими нужна большая, большая-съ осторожность. Больные-больные, а какъ обозлится этакая орава—неудобственно тоже. Вы слышали, можетъ быть, что въ селеніи NN больные русскіе солдаты забросали каменьями доктора, профессора X. X.? Чего-то тамъ у нихъ не хватило, не покормили ихъ, что-ли, какъ слѣдовало тамъ, по ихъ мнѣнію. Взяли да и зашибли, не говоря худаго слова, этого за-

мѣчательнаго человѣка, такъ какъ рѣшили, что все исключительно отъ него зависѣло. Давеча хлѣба недостало, какъ начали наши больные кричать! Сначала только просили да жаловались, а потомъ то, да се, прямо такъ-таки на меня и накинулись. «Мы, говорятъ, вытребуемъ отъ васъ хлѣба! Мы, говорятъ, покажемъ, какъ съ нами слѣдуетъ обращаться», и проч., и проч. И пошли, и пошли...

— Да какъ же они смѣютъ, вырвалось у сестры милосердія со стриженными волосами, какъ они смѣютъ?

— Смѣютъ-ли, не смѣютъ-ли, а я долженъ былъ сейчасъ же разослать всѣхъ служителей—достать хлѣба гдѣ-бы то ни было и во что-бы то ни стало. Говорить легко; а я, если хотите, каждый день подвергаю свою жизнь опасности. Этакая масса здоровеннѣйшихъ солдатъ: возьмите хоть однихъ гвардейцевъ—тутъ все больше гвардейцы—вѣдь они, если хотите...

Онъ нѣсколько пріостановилъ свою плавно лившуюся, красиво звучавшую рѣчь... Онъ смолкъ, и всѣ молчали... Собраніе у столиковъ находилось какъ-бы «въ чаду глубокихъ соображеній». Самъ бѣлобрысый смотритель повидимому не ощущалъ въ себѣ довольства блестящаго героя, представшаго предъ изумленными слушательницами и зрительницами.

А эти ужасные, страшные люди, эти опасные враги смотрителя, эти чахоточные, лихорадочные, тифозные, безногіе, безрукіе, безглазые, беззубые—мирно дремали или витали въ мечтательныхъ сферахъ родины, всего русскаго своего, или наконецъ просто мучились и страдали, испуская по временамъ глубокіе-глубокіе вздохи и стоны. Собраніе у столиковъ кажется вмѣстѣ съ самимъ ораторомъ занялось безмолвнымъ разрѣшеніемъ такого вопроса: что опаснѣе? идти-ли въ аттаку подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, или... или завѣдывать хозяйствомъ въ баракѣ N временнаго N...скаго военнаго госпиталя? Молчаніе первая прервала все та же маленькая стриженая сестра милосердія (или фельдшерица или санитарка—ихъ въ подобныхъ случаяхъ разобрать было трудно) *).

— Ну, въ такомъ случаѣ, Иванъ Ивановичъ, поздравляю васъ смѣльчакомъ, неиспугавшимся такой должности; а этихъ полудикихъ господъ позабудемъ на время, и пока что—отправимся во свояси.

Компанія наконецъ тронулась... Понятно, почти всѣ шли молча...

Моя кровать приходилась у самыхъ столиковъ, и я все-все слышалъ, и порывался нѣсколько разъ обратиться къ собранію съ патетическою рѣчью, которая, какъ мнѣ временами казалось, жестоко покарала бы и ра-

---

*) Всякая женщина, ухаживавшая за больными воинами (исключая очевидной женской прислуги), слыла въ походной публикѣ подъ именемъ сестры, „сестрицы“, „милосердной сестрицы“, сестры милосердія.

зоблачила-бы кого слѣдовало! О, какъ горѣла душа отъ негодованія! О, какъ невыразимо-мучительно болѣла голова отъ этихъ словъ. Но я очень хорошо чувствовалъ, очень хорошо сознавалъ, что у меня ничего не выйдетъ; что я запнусь на первомъ—на второмъ же словѣ; что эти филиппики не по силамъ были бы моему истомленному, больному организму! И я все душилъ въ себѣ! Да и какое значеніе придали бы моимъ словамъ, словамъ зауряднаго солдата, лежавшаго вмѣстѣ со всѣми остальными, обыкновенными воинами, наряженнаго въ тотъ же самый сѣрый костюмъ, въ такой же грязный и дырявистый костюмъ?! Смотритель зналъ, что разглагольствованіямъ его никто не помѣшаетъ! Солдатская публика, повидимому, просто не обратила никакого вниманія на очень, впрочемъ, громкія витійствованія смотрителя! Но, кто знаетъ? Полно, будто нѣтъ ушей у простаго человѣка?.. А если такъ, то какія плодотворныя думы запали въ его голову, какія хорошія чувства зародились въ его душѣ по поводу всего вышеизложеннаго!

— Которые лежачіе—сюда, сюда; сидячіе идите дальше! распредѣляетъ бѣгающій по платформѣ офицеръ. Темновато; отъ шедшаго по цѣлымъ днямъ дождя даже доски до такой степени отсырѣли, что идти скользко. Заглядываемъ къ лежачимъ. Восемь человѣкъ въ вагонѣ, отдѣльныя кровати, ничего себѣ — не дурно. Подходимъ къ своимъ купэ.

— Эге! Да это, какъ выражается одинъ шутникъ, все тѣ-же самые старые знакомцы—«скотопригонные»: «40 человѣкъ и 8 лошадей», какъ гласитъ классическая надпись! Тяжело было, не смотря на стороннюю помощь, карабкаться черезъ скамейку. По мѣркѣ доктора, я попалъ въ «сидячіе»; но неугомонная нога, эта недисциплированная раненая нога требуетъ удобствъ. Мы въ вагонѣ. По ту и по сю сторону — деревянныя скамейки, на полу—только одна грязь. Если лечь — попросимъ соломы. Сколько насъ человѣкъ-то? Десять-двѣнадцать. Вотъ мой сосѣдъ начинаетъ ужь упрекать меня въ злонамѣренномъ подталкиваніи его руки съ переломленной костью! Протягиваю ногу получше. Получаю отъ vis-à-vis предостереженіе:

— Ты, землякъ, не очень! Вишь—раненая—нога-то!

— Братцы, братцы, вотъ я еще семерыхъ привелъ вамъ! Потѣснитесь, потѣснитесь, что-же дѣлать! говоритъ какой-то штатскій, подходя къ нашему вагону.

— Ваше благородіе! Помилуйте:—да тутъ многіе съ руками да съ ногами, куда же еще!

— Ничего, ничего:—вы больные, вы хотите на родину, ну, и они тоже. Всѣ домой скорѣй попадете!

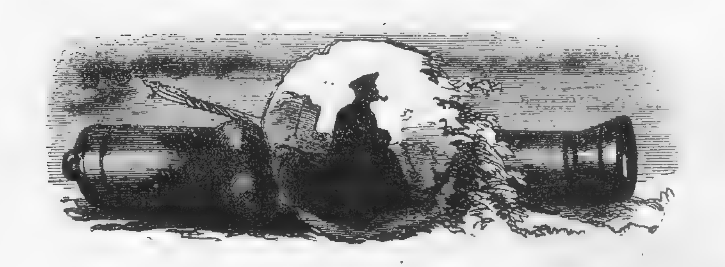
— Ваше благородіе, ваше благородіе, да вонъ ужь и безъ того меня сжали совсѣмъ, инда сердце сгорѣло! жалуется кто-то.

— Братцы, братцы, упрашиваетъ штатскій:—вы вѣдь русскіе, вы вѣдь православные—будьте добрѣе, ласковѣе другъ съ другомъ. Мирно жить—всѣмъ лучше да легче будетъ...

Штатскій ушелъ.

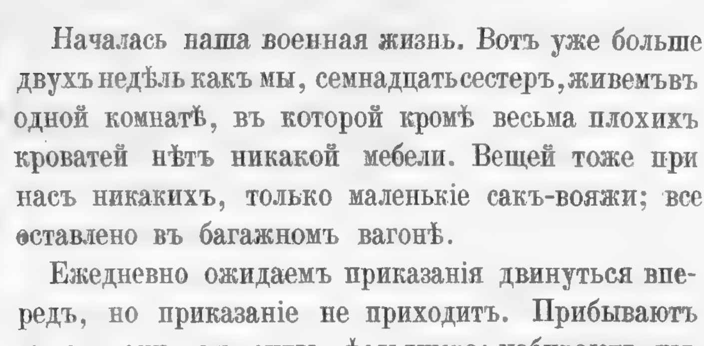
— Ба! Вагоны проходные—все-же, значитъ, не «скотопригонные!»...

А. Н—овъ.

Письма сестры милосердія.

Кишиневъ, 29 Мая 1877.

Началась наша военная жизнь. Вотъ уже больше двухъ недѣль какъ мы, семнадцать сестеръ, живемъ въ одной комнатѣ, въ которой кромѣ весьма плохихъ кроватей нѣтъ никакой мебели. Вещей тоже при насъ никакихъ, только маленькіе сакъ-вояжи; все оставлено въ багажномъ вагонѣ.

Ежедневно ожидаемъ приказанія двинуться впередъ, но приказаніе не приходитъ. Прибываютъ сюда врачи, студенты, фельдшера; набираютъ изъ колонистовъ санитаровъ, и все это живетъ безъ дѣла.

Наконецъ, послѣ долгаго томленія, рѣшено распредѣлить сестеръ Георгіевской Общины въ Румыніи по этапнымъ пунктамъ, устроеннымъ недалеко отъ станцій, по которымъ должны будутъ проходить санитарные поѣзды. На каждомъ изъ пунктовъ предполагается устроить госпиталь на 14 кроватей, и при этихъ четырнадцати больныхъ будетъ находиться: одинъ врачъ, двѣ сестры милосердія, два фельдшера или двое студентовъ. Какъ услыхали мы, что сестеръ раздѣлятъ, что придется жить подвое, начались волненія, кого съ кѣмъ назначатъ: всѣ стремились къ Дунаю, всякой хотѣлось быть очевидицею великаго событія, участницею славнаго дѣла. Томили насъ въ невѣдѣніи довольно долго, но когда наконецъ вышелъ приказъ, я была счастлива, что меня назначили въ Янко.

Мѣстечко это не въ большомъ разстояніи отъ Дуная, въ сосѣдствѣ съ Браиловомъ.

Отъѣздъ нашъ назначенъ на 30-е мая.

Янко, 4 Іюня.

Прибыли въ Яссы поздно вечеромъ 31-го числа. Помѣстились въ совершенно пустомъ домѣ, весьма тѣсно, но по крайней мѣрѣ не очень грязно. Какъ только пріѣхали, устроила я себѣ кровать на окнѣ, и на такомъ незатѣйливомъ ложѣ проспала крѣпкимъ сномъ. На слѣдующее утро отправились осматривать городъ. Сначала поѣхали въ соборъ; здѣсь къ счастію нашли одного румына, отлично говорившаго по русски (онъ воспитывался въ Петербургской консерваторіи и теперь профессоромъ въ Яссахъ; тутъ же встрѣтили и румынскаго архимандрита. Пока мы осматривали достопримѣчательности храма, онъ молчаливо слѣдилъ за нами. Все время онъ не спускалъ съ насъ глазъ, и когда мы стали выходить, подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и со слезами на глазахъ сказалъ по румынски (какъ мнѣ потомъ перевели), что ему очень бы хотѣлось высказать все, чѣмъ переполнена душа его при видѣ насъ, но что къ несчастію онъ говорить по русски не можетъ, и поэтому проситъ позволенія крѣпко, крѣпко пожать хоть руку каждой изъ насъ. Радушное его обращеніе глубоко меня тронуло. Осмотрѣвъ городъ, мы отправились домой, захватили вещи—и снова на желѣзную дорогу. На станціи встрѣтили нашего доктора Б., который пріѣхалъ съ своего пункта (Пашканъ) и разсказалъ, что у него уже все почти устроено къ принятію больныхъ. Мнѣ завидно стало слушать его разсказы: по его словамъ, у него должно быть такъ хорошо и уютно. Скоро доѣхали мы до Пашканъ, т. е. до перваго этапнаго пункта, и съ этого момента началась высадка сестеръ. Наконецъ дошла очередь и до насъ. Подъѣхали къ Янко, здѣсь поѣздъ останавливается всего пять минутъ. Едва успѣли мы вынести вещи и проститься съ сестрами, какъ поѣздъ снова засвистѣлъ, и мы остались на платформѣ однѣ, посреди неизвѣстности. Правду сказать, въ эту минуту сердце забилось, страшно стало: что-то съ нами будетъ? Долженъ былъ явиться за нами нашъ докторъ Б., но никого не оказалось. Куда намъ было дѣваться, что дѣлать? Въ Янкѣ (полустанціи) нѣтъ ни комнаты, ни буфета. Мы рѣшили вооружиться терпѣніемъ и ждать сидя на тюкахъ. Прождавъ такимъ образомъ довольно долго, пришли наконецъ къ убѣжденію, что ничего путнаго не выйдетъ изъ нашего сидѣнья, и кое-какъ добыли казака, который взялся съѣздить за нашимъ докторомъ. Между тѣмъ голодъ, который тоже ждать не любитъ, сталъ насъ порядочно мучить. Къ счастію, комендантъ станціи сжалился надъ нами и предложилъ намъ чаю. Его любезное приглашеніе было принято съ восторгомъ. Часа черезъ два послышался звукъ дребезжащихъ телѣгъ, и появился сонный Б. Отправились мы въ путь. По знойному пекучему солнцу, не встрѣчая по дорогѣ ни одного деревца, должны были проѣхать болѣе трехъ верстъ. Наконецъ прибыли въ отвратительное мѣстечко, въ которомъ предполагалось наше мѣстожительство.

Намъ отвели довольно чистую румынскую избу.

Жили вдвоемъ въ одной комнатѣ; рядомъ съ нами было помѣщеніе, назначенное для склада и кладовой; эти двѣ комнаты были раздѣлены сѣнями, которыя служили намъ столовой; далѣе шли кухня, прачешная и комната для прислуги.

На дворѣ было что-то въ родѣ садика, въ которомъ и предполагалось разбить палатки для больныхъ. Въ другомъ домикѣ черезъ площадь помѣщались фельдшерицы и докторъ. Тамъ-же должна была находиться и аптека.

Тотчасъ по пріѣздѣ мы стали устраивать свою комнату: окна украсили занавѣсками въ русскомъ стилѣ, разостлали коврчики, воздвигли большой письменный столъ, разложили на немъ книги, разставили рабочіе ящики, по стѣнамъ развѣсили карты Румыніи и Турціи, на окнахъ красовались букеты бѣлыхъ и розовыхъ розъ. Вскорѣ наша келья приняла уютный и веселый (для военнаго времени) видъ.

Въ тотъ-же день явился къ намъ владѣлецъ этого ужаснаго мѣстечка, молодой румынъ; нахальный видъ его чрезвычайно мнѣ не понравился. Усѣлся прямо на кровать, не спрося позволенія, и началъ разговоръ на ломаномъ французскомъ нарѣчіи. Едва можно было понять его. Расписывалъ намъ красоту Плоештъ, освѣдомлялся, поражены ли были русскіе при видѣ богатства ихъ страны, хвалилъ храбрость румынскихъ солдатъ, и т. д.

Онъ мнѣ былъ такъ противенъ, что я насилу отвѣчала ему, и рада была, когда онъ удалился.

Съ первой минуты нашъ докторъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ привелъ меня въ отчаяніе. Видя, что у насъ не только ничего не устроено для пріема больныхъ, но даже не сдѣлано ни малѣйшихъ приготовленій, я пришла въ страшную ярость. Стала расписывать ему удобства и красоту Пашканъ. Но онъ не обращалъ большаго вниманія на мои разсказы и все повторялъ мнѣ: «Чего торопиться? Все успѣется».

Что касается до Янко, то это мѣстечко ужасное, ничего въ немъ достать нельзя, ни говядины, ни бѣлаго хлѣба, даже зелень и картофель составляли здѣсь рѣдкость. За всѣмъ надо посылать въ Браиловъ.

Все это привело насъ въ ужасъ, и мы вскорѣ отправили отчаянное письмо Е. П., умоляя ее увезти насъ изъ этого отвратительнаго мѣстечка.

На другой день послѣ нашего пріѣзда явился уполномоченный С., въ вѣдѣніи котораго находилось два пункта: Янко и Браиловъ; его обязанность была устроить ихъ и потомъ заботиться о нихъ продовольствіи.

Мы рады были хоть увидать его, и всячески старались описать ему наше бѣдственное положеніе; онъ обѣщалъ въ скоромъ времени все намъ устроить, разбить шатры, нанять столяровъ, и т. д.

Янко, 9-го Іюня.

Наконецъ расшевелили мы доктора, и послѣ обѣда принялись устраивать кладовую, стали собирать складные шкапы.

Посмотрѣли-бы вы, какъ я расколачивала ящики, рылась въ соломѣ, расшивала тюки, таскала полки. Но въ самый разгаръ моихъ занятій, когда я отчасти даже забыла всѣ ужасы Янко, является внезапно кн. Накашидзе съ приказомъ отъ его превосходительства — тотчасъ собираться и въ 4 ч. ночи отправляться въ Бухарестъ, а оттуда дальше. Наконецъ-то надъ нами сжалились и увозятъ изъ этого отвратительнаго Янко (впослѣдствіи пунктъ этотъ былъ совершенно закрытъ, его признали негоднымъ для устройства госпиталя).

Можете себѣ представить мою радость при видѣ кн. Накашидзе; но къ радости примѣшивалась и нѣкоторая доля отчаянія, когда я вспомнила, что приходится опять укладывать всѣ вещи, кровать, чемоданъ, кухню, и проч. На укладку оставалось не болѣе часу.

Желаніе ѣхать сильное, и я готова еще раньше срока. Подаютъ телѣгу, кричатъ «пора»; надо оставить письмо!

Бухарестъ, 12-го Іюня.

Суета страшная: цѣлый день укладываю, перебираю. Уѣзжаемъ сегодня, куда именно — неизвѣстно, знаю только, что на перевязочный пунктъ; ѣдутъ не всѣ: на десяти этапныхъ пунктахъ въ Румыніи остаются по двѣ сестры.

Беру съ собой только ручной мѣшокъ: кровать и громадный чемоданъ остаются здѣсь.

Сколько ужасовъ насказали мнѣ сегодня про перевязочные пункты!

Прощайте, помолитесь за меня.

Между Бухарестомъ и Александріей, 13-го Іюня.

Мы остановились покормить лошадей и напиться чаю, и я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы описать наше неудачное путешествіе.

Вчера, въ шесть часовъ вечера, былъ назначенъ нашъ отъѣздъ изъ Бухареста. Отправились мы изъ своего жилища въ центральный складъ Краснаго Креста, гдѣ находились наши фургоны (санитарныя крытыя линейки, обтянутыя холстомъ по бокамъ), на козлахъ красовался флагъ съ краснымъ крестомъ. На дворѣ склада стояли телѣги, запряженныя быками, наполненныя разной провизіей, верховыя лошади, бараны — все

это отправлялось съ нами. Порядочно пришлось намъ ждать, сидя на чемоданахъ и тюкахъ, пока запрягали лошадей.

Толпа стояла у рѣшетки и съ любопытствомъ слѣдила за нами.

Наконецъ приготовленія кончились, стали усаживаться по восьми человѣкъ въ фургонъ. Тронулся длинный нашъ поѣздъ, состоящій изъ двухъ санитарныхъ линеекъ, двухъ колясокъ, телѣгъ. Медленно двигались мы по узкимъ улицамъ города, народъ бѣжалъ за нами махая шапками.

Погода была чудная, и мы проѣхали всю ночь распѣвая хоромъ русскія пѣсни. Сегодня прибыли рано утромъ въ деревню, изъ которой пишу. Остановились мы въ хижинѣ священника, онъ принялъ насъ весьма радушно, угощалъ національнымъ кушаньемъ мамалыгой, родъ весьма крутой каши, сдѣланной изъ кукурузной муки.

Пока я пишу, стоитъ возлѣ и пристально смотритъ на меня какая-то румынка, вдругъ она подошла, обняла меня и перекрестила со слезами на глазахъ.

Александрія, 13-го Іюня.

Пріѣхали мы сегодня ночью, и не зная гдѣ остановились потерянныя нами на дорогѣ сестры, рѣшили до утра не разыскивать ихъ, а переночевать въ полѣ. Нѣкоторыя изъ сестеръ легли въ фургонахъ, я-же нашла, что въ фургонахъ тѣсно и жарко, разостлала на траву кожаное пальто, и положивъ подъ голову, вмѣсто подушки, дорожный мѣшокъ, легла подъ открытымъ небомъ. Ночь была теплая и тихая, и я, не смотря на весьма близкое сосѣдство нашихъ лошадей, заснула крѣпчайшимъ сномъ. Рано утромъ насъ разбудили, и мы отправились въ городъ отыскивать свое начальство. Городъ этотъ, насколько я видѣла, не что иное, какъ пыльная, грязная деревенька. Въ это утро на улицахъ была страшная суета и оживленіе, все было запружено солдатами, пѣшими и конными, каретами, телѣгами, и т. п. Куда именно шли войска, мы не знали; все хранилось въ тайнѣ. Вскорѣ мы не безъ удовольствія нашли сестеръ и напились у нихъ давно желаннаго чаю. Пришелъ князь Черкасскій сказать, что и онъ уѣзжаетъ вслѣдъ за главной квартирой, и что пришлетъ намъ депешу когда надо будетъ двигаться къ Дунаю. Депешу эту не замедлили мы получить, и рѣшено было ѣхать на другой день.

Пятро, 15-го Іюня.

Тутъ устроенъ госпиталь, въ которомъ все приготовлено къ принятію больныхъ: чистыя, славныя кровати разставлены въ юртахъ и въ домѣ довольно большомъ.

Мы здѣсь только узнали, что войска наши перешли Дунай, что раненыхъ немного, что они получили уже медицинское пособіе въ Зимницѣ, и теперь идутъ въ Пятро, гдѣ готовится имъ ужинъ.

Мы были въ недоумѣніи, ожидать-ли намъ первыхъ жертвъ войны или же ѣхать куда стремились съ самаго начала.

Наконецъ рѣшили отправиться въ Зимницу.

Едва отъѣхали отъ Пятро, какъ намъ стали попадаться телѣги, наполненныя несчастными. Боже мой, Боже мой, какъ волновалась, какъ сердилась я, что мы опоздали, что не могли оказать свою долю пользы; много бы я дала въ эту минуту, чтобы имѣть крылья и долетѣть до Зимницы.

Въ Зимницу прибыли поздно, въ 6 час.; въ военныхъ госпиталяхъ, запруженныхъ больными, работали сестры Кресто-Воздвиженскія.

Мы уже заняли двухъ-этажный деревянный домъ, расположенный на высокомъ берегу рѣки, въ глубинѣ обширнаго двора, въ родѣ сада, поросшаго травою и окруженнаго большими акаціями. За домомъ шла долина Дуная. Когда мы подъѣхали, было уже почти темно, народу на дворѣ было страшно много, и мнѣ въ первую минуту показалось, что раненыхъ по крайней мѣрѣ человѣкъ пятьдесятъ, но всего было пятнадцать (правда, весьма тяжелыхъ). Возлѣ этихъ несчастныхъ пятнадцати человѣкъ страхъ сколько собралось профессоровъ, врачей, студентовъ, фельдшеровъ и насъ, сестеръ милосердія, цѣлыхъ двадцать восемь.

Но несмотря на то, что раненыхъ было мало, что санитарный персоналъ былъ огромный — суета и безпорядокъ на этомъ дворѣ были ужасны.

Ничего не было подъ рукою: всѣ перевязочныя средства, все бѣлье находилось еще въ тюкахъ. Какъ только понадобится бинтъ или рубашка, бѣжишь къ мѣсту, гдѣ свалены тюки, разшиваешь, вытаскиваешь, и вдругъ вмѣсто бинта попадается рубашка; или наоборотъ: разшиваешь второй, третій, и иногда только въ четвертомъ попадалось то, что было нужно. Тутъ же на дворѣ стояли наши фуры и лошади.

Поздно вечеромъ кончилась перевязка; напоили мы раненыхъ чаемъ и отправились спать, оставивъ имъ двухъ сестеръ.

Зимница, 16-го Іюня.

Поутру на этомъ же дворѣ разбили палатку, довольно большую, и стали вносить въ нее раненыхъ. Но вскорѣ послѣдовало приказаніе перенести нѣкоторыхъ больныхъ въ лазаретъ студента Рыжова, устроенный противъ самаго нашего помѣщенія, а остальныхъ въ сосѣдній домикъ. Въ домикѣ помѣстили не болѣе девяти человѣкъ (ими завѣдовали С. Юх. и я).

Изъ перенесенныхъ къ намъ одинъ раненый въ голову былъ очень трудный. Онъ лежалъ безъ памяти, и несмотря на всѣ наши старанія, не принималъ рѣшительно никакой пищи и стоналъ не умолкая ни на минуту. Докторъ говорилъ, что у него уже началась агонія. Страдалъ онъ повидимому страшно: такъ больно было смотрѣть на его блѣдное, доброе, страдальческое лицо и чувствовать себя не въ силахъ принести ему ни пользы, ни утѣшенія. Въ такихъ страданіяхъ этотъ мученикъ прожилъ три дня.

Въ началѣ у насъ больныхъ было очень мало; подъ нашимъ вѣдѣніемъ находились только маленькій Рыжовскій лазаретъ и домикъ съ десятью больными. Незнаю, что имѣло противъ Краснаго Креста военное вѣдомство, но всѣмъ казалось, будто съ намѣреніемъ хотѣли насъ отстранить отъ дѣла. Увѣдомленіе двинуться въ Зимницу мы получили въ самый день переправы, между тѣмъ какъ военные лазареты прибыли къ берегамъ Дуная еще наканунѣ. Георгіевскихъ сестеръ не допустили въ военные лазареты, и только для проформы оставили имъ пятнадцать раненыхъ. Отъ помощи Краснаго Креста военное вѣдомство точно отказывалось, а между тѣмъ какъ страшно оно въ ней нуждалось! Какъ могъ бы тутъ же въ Зимницѣ Красный Крестъ своими громадными средствами улучшить положеніе нашихъ страдальцевъ!

Зимница, 23-го Іюня.

Жаловалась я на нашу кишиневскую жизнь, но въ сравненіи съ здѣшней это былъ просто Рай. Спимъ мы тутъ въ-девятеромъ на полу, въ маленькой комнатѣ. Пыль и грязь вокругъ невообразимыя. Вкушаемъ стоя (за полнымъ отсутствіемъ всякой мебели) свой прекрасный обѣдъ, состоящій изъ кипяченой воды съ кусками разварившейся говядины на мѣсто супа, баранины привезенной еще изъ Александріи, утиныхъ яицъ и хлѣба въ видѣ камня: это происходитъ въ темномъ коридорѣ, служащемъ намъ столовой.

Больше недѣли какъ проживаемъ въ этомъ городишкѣ, а добыть прачку ни за какія деньги не можемъ, между тѣмъ бѣлье наше, взятое изъ Бухареста въ весьма маломъ количествѣ, оказывается просто невозможнымъ. Пришлось, дѣлать нечего, самой достать себѣ корыто и приняться за стирку!

25-го Іюня.

Не разъ мысленно благодарю васъ за то, что отпустили меня поработать святому дѣлу: одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ тутъ хорошо и отрадно.

Больныхъ по прежнему мало, но тѣ, которые есть—такіе милые, добрые. Слушать равнодушно ихъ разсказы нѣтъ возможности; сколько силы и энергіи въ словахъ ихъ.

Вчера одинъ, довольно сильно раненный въ ногу, показываетъ мнѣ пулю и говоритъ съ радостною улыбкою на устахъ:

— Вотъ, сестрица, этой пулей турокъ проклятый меня ранилъ, я ее сберегу, и потомъ ею же его уже не раню, а просто убью, дай мнѣ только Господь скорѣй поправиться!

Рядомъ съ нимъ другой, тоже довольно слабый, подзываетъ меня и спрашиваетъ:

— Сестрица, а, сестрица:—матушка, какъ ты думаешь, скоро-ли на ноги встану, хоть бы поскорѣй, побилъ бы ужь я собаку эту, а то просто обидно быть раненымъ, не побывавъ въ Турціи.

Но никто, мнѣ кажется, не питаетъ къ туркамъ такой страшной злобы и ненависти, какъ казаки.

Разъ при нашемъ раненомъ казакѣ зашелъ разговоръ о только что приведенныхъ плѣнныхъ раненыхъ туркахъ и о помощи оказанной имъ. Казакъ не дождался конца разсказа, махнулъ рукой и злобно вскрикнулъ:

— Вмѣсто того, чтобы липкимъ пластыремъ залѣплять имъ раны, я бы хорошенько залѣпилъ ихъ нашею нагайкою:—ужь казаки наши на этотъ счетъ молодцы: ни за что не выпустятъ изъ рукъ турка, не снявъ ему головушку.

26-го Іюня.

Цѣлыми днями я нахожусь въ какомъ-то возбужденномъ состояніи; каждую минуту передъ глазами встаетъ новая потрясающая душу картина. Вся обстановка, все окружающее такъ не походитъ на жизнь въ обыкновенномъ ея теченіи. Вчера утромъ были похороны молодого артиллериста Тюрберта, утонувшаго еще при переправѣ. Церковь противъ самыхъ нашихъ оконъ, такъ что мы видѣли всю церемонію отпѣванія и похоронъ. Вечеромъ привезли несчастнаго Лопухина, о которомъ вѣроятно вы уже не разъ читали въ газетахъ.

Сегодня же положили къ намъ вольноопредѣляющагося, молоденькаго мальчика, лицо у него такое дѣтское, тихое, кроткое. Видно бѣднягѣ тяжело вдали отъ родного дома; съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ извѣстій. Вѣрно это любимый сынъ, привыкшій къ ласкѣ и нѣгѣ. Жаль слушать, съ какою любовію говоритъ онъ про свою старушку-мать.

Двѣнадцать часовъ ночи, слышно какъ полки наши съ громкими пѣснями и съ музыкою отправляются въ походъ. Ночь такая тихая, теплая, звѣздная, голоса ихъ такъ дружно и звучно тянутъ родную русскую пѣсню.

Больные, услыхавъ знакомые имъ звуки, приподнялись на своихъ койкахъ, желая еще хоть разъ взглянуть на своихъ товарищей, благословить ихъ и напутствовать словами: Христосъ съ вами, да поможетъ вамъ Господь.

Съ изумленіемъ смотришь на этихъ героевъ: всѣ они стремятся къ одной цѣли, всѣ такъ бодро и весело идутъ положить животъ свой за вѣру, Царя и отечество.

Писать больше сегодня рѣшительно не могу, слишкомъ волнуетъ меня музыка проходящихъ солдатиковъ. Какъ досадно, что перо мое такъ непослушно и такъ неясно передастъ все, чѣмъ переполнена душа, все что чувствуетъ въ эту торжественную минуту.

Драново, 8-го Іюля.

Теперь письма доходятъ до меня весьма рѣдко, но я не безпокоюсь, зная что тому причиною наша кочевая жизнь, благодаря которой мнѣ и самой давно не приходилось взяться за перо. И теперь принуждена начать свой разсказъ съ 30-го іюня.

Въ этотъ день выѣхали сестры, назначенныя въ лазаретъ, находящійся при главной квартирѣ Великаго Князя Николая Николаевича и въ отрядъ Наслѣдника Цесаревича.

Въ ночь наканунѣ нашего отъѣзда мнѣ не спалось; я встала рано утромъ; невыразимая тоска меня преслѣдовала при мысли о разлукѣ съ сестрою Ю. При прощаньи слезъ не было, но мнѣ было тяжело, очень тяжело, такъ я въ это время привыкла къ ней.

Отправились мы въ двухъ лазаретныхъ линейкахъ въ сопровожденіи уполномоченныхъ князя Щербатова и князя Накашидзе.

Передъ закатомъ солнца пріѣхали въ Павлово, гдѣ находился госпиталь, въ которомъ я должна была остаться.

Чудную картину представляло Павлово въ этотъ вечеръ. Госпиталь устроенъ былъ на горѣ, по юртамъ; на склонѣ и у подошвы горы расположились полки на ночевку; ярко горѣли костры, вокругъ которыхъ сидѣли солдатики и весело распѣвая варили себѣ кашицу.

Тутъ же между ними паслись ихъ лошадки.

На другой день Е. П. уѣхала въ Тырново, а меня и еще четырехъ сестеръ оставили въ Павловѣ.

Такъ мнѣ стало страшно, я почувствовала себя такой одинокой въ средѣ совершенно чуждыхъ мнѣ людей. Но скучать долго не пришлось: пришли намъ сказать, что будетъ молебствіе и освященіе госпиталя, которое совершилось съ обычною торжественностію въ присутствіи всего медицинскаго персонала. Въ этотъ же вечеръ привезли 127 больныхъ. Тутъ въ пер-

ный разъ пришлось волноваться при видѣ ужасныхъ госпитальныхъ порядковъ, столь томительныхъ и мучительныхъ для бѣднаго страдальца.

Процедура пріема больныхъ, по моему, до того невозможна и возмутительна, что не могу удержаться, чтобы не описать ее въ подробности.

Снимаютъ больнаго съ фургона, и если онъ окажется настолько слабымъ, что не въ состояніи двигаться, вносятъ на носилкахъ въ пріемный покой, гдѣ проходитъ иногда болѣе четверти часа, пока дойдетъ до него очередь; потомъ начинается инквизиція. Большею частію больной едва говоритъ, а тутъ забрасываютъ его вопросами: Кто твоя мать, кто отецъ, какой губерніи, чѣмъ дома занимался, женатъ-ли, много ли дѣтей, и т. п., самые же распросы и изслѣдованія о болѣзни продолжаются весьма недолго, какихъ нибудь двѣ минуты.

Наконецъ выпускаютъ несчастнаго изъ первой инстанціи мученія, несутъ къ юртѣ.

Тутъ вторая пытка: является завѣдывающій цейхгаузомъ съ перомъ и бумагою, начинаетъ отбирать вещи и записывать ихъ поштучно (впослѣдствіи это было отмѣнено: сначала велѣно было класть больнаго, а потомъ уже отбирать вещи).

Я долго молча глядѣла на все это; наконецъ, видя страшное утомленіе страдальца, не выдержала, и не обращая вниманія на всеобщее смятеніе и на то, что опись вещей далеко еще не была окончена, велѣла внести его въ юрту и положить на приготовленную кровать. Напоивъ всѣхъ больныхъ чаемъ, мы въ этотъ же вечеръ принялись устраиваться въ новомъ помѣщеніи, т. е. въ большомъ шатрѣ. Мой уголокъ вышелъ весьма уютный, но не долго пришлось мнѣ въ немъ прожить. На другой же день проѣзжала черезъ Павлово С. Ю. и другія сестры, онѣ отправлялись разыскивать лазареты 14-й и 9-й дивизіи, въ которые были назначены. Увидавъ меня такой грустной, она стала уговаривать уѣхать съ нею, оставивъ на мое мѣсто другую сестру, которой этого хотѣлось. Слава Богу, такъ и устроилось дѣло по общему нашему желанію. Наскоро переуложила я свои вещи, и мы пустились обѣ въ далекій путь. Дорога наша считалась не безопасною, вслѣдствіе чего двѣнадцати казакамъ велѣно было насъ конвоировать. Безпрестанно приходилось намъ перегонять разные полки, то пѣхоту, то кавалерію. Наконецъ добрались до Боруши, гдѣ, какъ сказали намъ, находилась 14-я дивизія. Начальникъ дивизіи, генералъ Драгомировъ, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, вышелъ къ намъ на встрѣчу и пригласилъ къ себѣ пить чай. Пока мы съ нимъ бесѣдовали, онъ распорядился, чтобы намъ отыскали помѣщеніе.

Вскорѣ пришли доложить, что квартира найдена и находится вблизи отъ домика имъ занимаемаго.

Квартира эта состояла изъ турецкой избы или вѣрнѣе сказать изъ четырехъ стѣнъ съ крышей: окна и двери были всѣ выбиты, о какой нибудь мебели и помину не было. Но и эту кровлю найти было не легко, турки

убѣгая подожгли всю деревню. Уцѣлѣвшія развалины служили пріютомъ офицеровъ.

Нечего дѣлать, размѣститься надо. Пообѣдавъ ветчиною и сыромъ, нами привезенными, мы отправились посмотрѣть лазаретъ. Мѣстность Боруши очень красивая, гористая и отчасти напомнила мнѣ Павлово. На одной изъ горъ были раскинуты шатры, гдѣ и расположился лазаретъ. Стада лошадей, быковъ, буйволовъ, повсюду сверкающіе огни костровъ, все это придавало особую прелесть общему виду лагеря.

Наконецъ въ девять часовъ раздалась общая заря, и вся дивизія, двѣнадцать тысячъ человѣкъ громкимъ хоромъ запѣли: «Отче нашъ». Пѣніе это лилось такой тихой дивной волной, что вся душа встрепенулась и невольно присоединилась къ общей молитвѣ.

Въ этотъ же вечеръ пришло приказаніе нашей дивизіи выступить на другой день въ четыре часа утра. Нашъ же санитарный отрядъ тронулся въ шесть часовъ.

Интересно было смотрѣть на эту безконечную процессію. Впереди шла санитарная рота, состоящая изъ двухсотъ человѣкъ, потомъ мы, т. е. нашъ обозъ, за которымъ слѣдовали лазаретныя линейки съ больными, и наконецъ дивизіонныя фуры. Ихъ было такое множество, что обозъ нашъ тянулся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ! Бѣднымъ солдатамъ было чрезвычайно трудно идти. Съ девяти часовъ жара сдѣлалась невыносимая, солнце безпощадно палило, и не смотря на частые привалы солдаты двигались съ трудомъ; безпрестанно попадались отсталые, многимъ даже дѣлалось дурно. Наконецъ передъ самымъ Тырновомъ одинъ упалъ какъ мертвый отъ солнечнаго удара. Женщины сбѣжались изъ окрестныхъ домовъ и стали помогать ему чѣмъ и какъ умѣли, принесли льду, стали его обтирать, снимали съ себя пристилки, т. е. передники, мочили ихъ въ водѣ и клали ему на голову. Когда мы поравнялись съ ними, тѣ съ доброю, радостною улыбкою подходили къ намъ, подавали намъ руки, и съ веселымъ видомъ объявляли, что «турокъ бѣгалъ; турокъ нема». Дѣти же подносили кто цвѣты, кто сливы и вишни.

Въ Тырновѣ поселились мы вмѣстѣ съ нашимъ лазаретомъ въ бывшемъ турецкомъ лагерѣ, но прожили тамъ не долго. На другой день вечеромъ, ровно черезъ сутки, проведенныя самымъ безтолковымъ образомъ, насъ отправили въ Габрово. Сколько разныхъ распоряженій и приказаній пришлось намъ выслушать въ эти сутки. Чуть ли не черезъ каждые полчаса являлся новый уполномоченный съ новымъ извѣстіемъ отъ князя Черкасскаго. То насъ оставляли въ Тырновѣ, то посылали обратно въ отрядъ Цесаревича, гдѣ оказалось мало пяти сестеръ, то прикомандировывали снова къ лазарету 14-й дивизіи.

Самое же послѣднее приказаніе состояло въ томъ, чтобы уменьшить отрядъ, оставить въ немъ одного доктора, трехъ сестеръ, одного студента

и двухъ санитаровъ, наскоро собраться и ѣхать подъ прикрытіемъ Брянскаго полка въ Габрово.

Но благодаря всѣмъ переговорамъ, мы остались ни при чемъ; Брянскій полкъ ушелъ; ѣхать же вечеромъ однимъ было въ это время не совсѣмъ безопасно, поэтому мы рѣшили тронуться на другой день.

Въ четыре часа утра пустились въ путь. Проѣхавъ городъ, мы вошли въ чудное Тырновское ущелье. Вообще вся дорога отъ Тырнова до Габрова восхитительна. Благодаря страшно тихой ѣздѣ нашихъ клячъ, едва двигавшихся по крутымъ подъемамъ, я много шла пѣшкомъ. Остановились въ Драновѣ, маленькомъ городишкѣ, лежащемъ между Габровомъ и Тырновомъ. Трудно описать восторгъ болгаръ при видѣ первыхъ русскихъ женщинъ. Толпа окружила насъ, всякій предлагалъ у него остановиться. Мы вошли въ ближайшій домъ. Надо было видѣть радость хозяевъ: старые и малые всѣ пришли въ нашу комнату съ нами поздороваться, сказать свое привѣтственное «добре дошла»; не знаютъ какъ посадить и угостить. По полу разстилали ковры, приносили «изглавницы», т. е, подушки, млека (сливки), и т. п. Вскорѣ вся наша компанія улеглась, и я усѣлась писать. Но писать пришлось недолго: раздался колокольный звонъ, не похожій на густой звонъ нашихъ русскихъ колоколовъ; на улицѣ что-то зашумѣли, заговорили, я подошла къ окну, и увидала нашъ Брянскій полкъ, направляющійся къ вершинамъ св. Николая на помощь бѣднымъ орловцамъ. Солдатики наши тихо, безмолвно проходили мимо церкви, изъ которой раздавался звонъ, снимали шапки и неоднократно крестились. Что-то торжественное было въ этой картинѣ, и у меня невольно слезы навернулись на глаза.

Стали и мы собираться въ путь. Хозяева наши при прощаньи поднесли намъ весьма оригинальные букеты, которые я собираюсь высушить и привезти домой. Узкія Драновскія улицы не позволяли нашимъ линейкамъ двигаться иначе какъ шагомъ, поэтому я и предпочла идти пѣшкомъ. Но съ трудомъ могли мы слѣдовать за нашими экипажами... Болгары не давали намъ прохода, безпрестанно останавливая, осматривая съ головы до ногъ: все имъ было интересно, хотѣлось знать изъ чего сдѣлано платье, передники, головныя косынки, какая прическа; болѣе всего кажется ихъ поразила наша обувь; сами они ходятъ во всякую погоду, зимою и лѣтомъ, въ какихъ-то громадныхъ башмакахъ на подобіе нашихъ туфель.

Глубоко тронула меня одна болгарская старушка; задыхаясь подбѣжала она ко мнѣ съ цвѣтами въ рукахъ, стала гладить меня по лицу, потомъ взяла мою голову въ обѣ руки, перекрестила и сказала: «такая младая, да поможетъ тебѣ Господь!» Подобныя минуты глубоко запечатлѣваются въ душѣ.

Проѣхавъ верстъ шесть, мы принуждены были остановиться.

Пошелъ проливной дождь, наступила такая страшная тьма, что не было никакой возможности двигаться, и мы волею-неволею должны были остаться

посреди поля ждать разсвѣта. Полкъ нашъ далеко ушелъ впередъ, и мы безоружныя очутились въ непріятельской странѣ безъ всякаго прикрытія и защиты. Между тѣмъ мы не разъ слыхали, что отъ Тырнова до Габрова дорога не безопасна, что ѣздить по ней безъ конвойныхъ немыслимо. Ощущеніе было не совсѣмъ пріятное. Чего-чего ни передумала я въ эту ночь сидя въ фургонѣ. Дождь лилъ немилосердно, и несмотря на то, что экипажъ нашъ по бокамъ былъ закрытъ холстомъ, мы промокли до костей. Съ разсвѣтомъ продолжали нашъ путь, заѣхали въ ближайшую деревню и взошли въ какой-то курятникъ перемѣнить мокрое платье. Къ великому нашему удовольствію, докторъ нашъ сильно прозябъ и предложилъ пить чай. Въ моихъ глазахъ наши санитары, за неимѣніемъ въ этомъ мѣстечкѣ другаго источника, черпали воду изъ грязной лужи и вскипятивъ ее на разведенномъ тутъ-же огнѣ заваривали намъ чай. Но холодъ и голодъ поневолѣ заставили пить съ наслажденіемъ и такой чай.

Послѣ чаю пустились догонять полкъ, и вскорѣ застали его на привалѣ.

Тутъ въ первый разъ увидала я, какъ подымались по крутымъ и высокимъ горамъ полковые обозы и патронные ящики. Жаль было смотрѣть на несчастныхъ лошадей и воловъ, которые насплу тянули тяжелый грузъ, несмотря на страшные крики и безпрерывное хлестанье кнутомъ. Къ вечеру въѣхали мы въ Габрово, маленькій городокъ, далеко не изящный, но симпатичный; съ первой минуты онъ пришелся мнѣ по душѣ. Посреди самаго города протекаетъ быстрая Янтра, образуя въ нѣсколькихъ мѣстахъ красивые водопады. Роскошная зелень придаетъ городу веселый видъ, несмотря на то, что онъ лежитъ какъ-бы въ ущельи. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ высокими грозными Балканами, въ эту пору покрытыми тоже темною зеленью. Остановились мы у большого двухъэтажнаго каменнаго дома, въ которомъ, по словамъ болгаръ, помѣщался лазаретъ. Вскорѣ пришелъ старшій дивизіонный врачъ Анучинъ и предложилъ намъ пойти осмотрѣть его.

Лазаретъ сразу очень понравился мнѣ; въ немъ ничто не производило тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ военномъ госпиталѣ; воздухъ былъ чистый и свѣжій. Больныхъ всего двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, лежали они просторно, каждый на койкѣ, въ чистомъ бѣльѣ, подъ теплымъ болгарскимъ одѣяломъ. Въ каждой палатѣ по столамъ разставлены были большіе букеты; болгарки исправляли какъ умѣли обязанности сестеръ; мальчишки, стоя возлѣ коекъ, длинными вѣтками отгоняли мухъ, другіе съ глиняными кувшинами и кружками въ рукахъ поили больныхъ, кто просилъ напиться. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣздъ сестеръ милосердія изъ Россіи всѣмъ въ городѣ сталъ извѣстенъ.

Прибѣжали габровскія монашенки и стали умолять насъ, чтобъ мы помѣстились у нихъ въ монастырѣ. Окружный начальникъ предлагалъ намъ квартиру въ городѣ, но мы предпочли жить въ женскомъ мона-

стырѣ, тѣмъ болѣе, что онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ госпиталя. Довольныя монашенки съ сіяющими лицами повели насъ въ свое жилище. Всѣ выбѣжали къ намъ на встрѣчу, безъ умолку что-то кричали, говорили, но понять ихъ не было возможности.

Монастырь этотъ не большой, но очень красивый. Посреди двора поросшаго густою, свѣжею зеленою травою и покрытаго прелестными цвѣтниками, стоитъ небольшая, но веселенькая церковь съ серебрянымъ куполомъ; сколько разъ потомъ въ свѣтлыя, лунныя ночи восхищались мы волшебнымъ видомъ этого купола.

Возлѣ самой нашей комнаты маленькій фонтанъ, обвитый виноградными лозами.

Шумъ воды, бьющей днемъ и ночью, какъ-то успокоительно дѣйствуетъ на душу.

Кельи монастырскія расположены кругомъ всего двора.

Рядомъ съ нами помѣщается докторъ и студентъ, которыхъ монашенки впустили въ свою ограду только ради военнаго времени.

Тотчасъ познакомилась я съ игуменьей, доброй, славной старушкой, и вступила съ ней въ оживленный разговоръ. Переводчикомъ нашимъ была мать казначея, говорившая довольно порядочно по русски (она полгода жила въ Кіевѣ): старушка долго разсказывала мнѣ про турецкіе ужасы, и наконецъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорила:

— Спаситель Небесный приходилъ спасти родъ человѣческій, а Императоръ Александръ, пришедшій спасти насъ, несчастныхъ болгаръ— нашъ земной Спаситель.

На другой день, въ воскресенье, мы во время обѣдни на минутку забѣжали въ церковь. Священникъ служилъ хорошо, но пѣніе было отвратительно: у нихъ греческій напѣвъ, непріятный, протяжный. На эктеніяхъ молились за Государя и за весь Царствующій Домъ. Не достоявъ до конца службы, мы отправились въ госпиталь. Тутъ, съ тѣхъ поръ какъ уѣхала, въ первый разъ пришлось настоящимъ образомъ послужить святому дѣлу. Работы было много, больныхъ и раненыхъ понавезли ночью, такъ что въ госпиталѣ лежало болѣе двухсотъ человѣкъ.

Вначалѣ я конфузилась незнакомыхъ докторовъ, которые за мною наблюдали въ то время, какъ я накладывала повязки, но это продолжалось весьма не долго; вскорѣ меня ободрили добрыя лица солдатиковъ, привѣтствовавшихъ меня ласковымъ взглядомъ, такъ что я по неволѣ забыла обо всемъ остальномъ. Старшій врачъ въ первый-же день раздѣлилъ больныхъ между нами тремя, и на мою долю выпала палата съ пятнадцатью ранеными турками. Передъ отъѣздомъ своимъ на войну, я часто говорила, что за турками ни за что ходить не буду, но тутъ не могу скрыть, что привязалась и къ нимъ всею душею: такими казались они мнѣ несчастными, безпомощными, смотрѣли такъ дико, какъ будто всего боялись. Сначала и меня они

встрѣтили недовѣрчиво и неохотно допускали до перевязокъ, но «тютюнъ» (табакъ) принесенный мною сдѣлалъ насъ вскорѣ друзьями.

Надо было видѣть ихъ радость при видѣ табачку. Приподнялись они на своихъ койкахъ и весело стали звать: «Мидхамэдъ-Баджу» (сестра-милосердія). Между ними было очень много слабыхъ, въ особенности одинъ, совсѣмъ молоденькій. Онъ лежалъ молча, и видъ «тютюна» не развеселилъ его, ничего не хотѣлъ ѣсть, кромѣ шоколада и простокваши. Вообще турки большіе лакомки, рады всему сладкому, и когда, за неимѣніемъ шоколаду или конфектъ, я приносила имъ кусочки сахару, они и это прининимали съ восторгомъ.

Госпиталь нашъ въ эту пору производилъ самое отрадное впечатлѣніе. Каждому съ перваго взгляда было ясно, что больныхъ берегутъ, что всячески стараются помочь имъ и облегчить ихъ страданія.

Доктора усердно работали, внимательно осматривали каждаго больнаго. На пищу жаловаться тоже нельзя было: кромѣ казеннаго стола, весьма порядочнаго, болгары цѣлыми днями разносили по госпиталю простоквашу, яйца и молоко, и угощали больныхъ. По справедливости слѣдуетъ сказать, что и турки тоже не были забыты.

Однажды зашелъ ко мнѣ въ палату молодой болгарскій священникъ, ревностный патріотъ. Долго стоялъ онъ и смотрѣлъ, какъ я поила молокомъ своего слабаго турка, наконецъ не выдержалъ, подошелъ ко мнѣ весь багровый, сверкая глазами, и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Охота вамъ такъ возиться съ этою дрянью: пусть себѣ умираютъ, какъ зловредныя животныя.

Я всячески старалась его успокоить.

— Батюшка, сказала я ему, не вамъ такъ говорить; вспомните, какъ велитъ намъ Спаситель обращаться съ врагами!

Онъ казалось сконфузился и, потупивъ глаза, отвѣтилъ:

— Конечно, вы правы; но когда вѣками страдаешь отъ ихъ гнета, когда жены, братья, дѣти наши ими изуродованы, измучены и преданы лютой смерти, всякое человѣческое чувство въ отношеніи къ нимъ исчезаетъ, остается только одна страшная ненависть и желаніе жесточайшей мести.

Правда, волосы дыбомъ становятся, когда слышишь разсказы несчастныхъ болгаръ о звѣрствахъ турокъ.

Въ эту минуту у насъ лежитъ молоденькая дѣвушка, едва-живая, спасшаяся какимъ-то чудомъ отъ баши-бузуковъ, которые перерѣзали около четырехсотъ болгаръ въ полѣ на жнитвѣ.

12-го Іюля.

Габрово не въ безопасности: войска наши, встрѣтившись за Балканами съ громадною арміею Сулеймана, принуждены были отступить. На помощь имъ отправлено два полка 9-й пѣхотной дивизіи, и лазарету нашему приказано двинуться къ горѣ св. Николая; больныхъ-же, лежащихъ въ Габровѣ, по возможности эвакуировали въ Трновъ, вслѣдствіе того у насъ въ госпиталѣ остается всего двадцать одинъ турокъ и двадцать лихорадочныхъ.

Габровцы все это время въ страхѣ, ожидаютъ ежеминутно нападенія турокъ. Благодаря этому настроенію умовъ, недавно въ тихой нашей монастырской обители произошелъ страшный переполохъ, виновниками котораго оказались въ концѣ концовъ пьяные наши санитары.

Впрочемъ не одни габровцы волнуются, доктора наши тоже не совсѣмъ покойны. Сегодня, во время перевязки, подходитъ ко мнѣ докторъ Л. таинственно спрашивая:

— Что, начальникъ дивизіи ничего вамъ не говорилъ?

— Про что? спрашиваю я его съ удивленіемъ.

— Послѣ скажу! отвѣчаетъ онъ мнѣ.

Терпѣливо дождавшись окончанія моей перевязки, онъ отводитъ меня въ сторону и говоритъ шопотомъ:

— Серьозно, совѣтую вамъ уѣхать поскорѣе отсюда: жизнь ваша тутъ въ опасности, всю ночь сегодня не смыкали глазъ, ожидая непріятеля. Я ѣду вечеромъ съ больными въ Трново, и не знаю вернусь-ли... Вѣроятно поѣду ближе къ Румыніи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ-же вечеръ транспортъ былъ отправленъ. Остались мы почти безъ работы, но не надолго: на другой-же день привезли восемдесятъ человѣкъ изъ передоваго отряда Гурки. Первыя перевязки были наложены имъ шесть дней тому назадъ, наскоро, довольно небрежно. Старшій врачъ тотчасъ по пріѣздѣ ихъ прислалъ за нами. Мы схватили свои сумки, перевязочныя средства, надѣли клеенчатые передники и побѣжали въ госпиталь. Лазаретъ въ то время находился въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ доктора, за исключеніемъ двухъ, аптека, большая часть бѣлья—все было увезено на Балканы.

Оставлять больныхъ въ госпиталѣ не было возможности, поэтому и рѣшено съ вечера тщательно ихъ перевязать, по возможности переодѣть, и на слѣдующее утро увезти дальше, въ Трновъ. Каждому доктору и каждой сестрѣ поручено было въ этотъ вечеръ по двадцати больныхъ.

Стали снимать несчастныхъ съ телѣгъ и вносить въ палаты. Тѣ, которые могли кое-какъ двигаться, сами доползли до своихъ коекъ, остальныхъ-же приносили на носилкахъ. При этомъ раздавались стоны, раздиравшіе

душу. Что за страшныя мученія терпятъ эти несчастные при переѣздѣ на тряскихъ телѣгахъ по ужаснымъ, ухабистымъ балканскимъ дорогамъ!

На мою долю попались большею частью довольно легкіе больные, такъ что черезъ два часа я свое дѣло кончила и пошла помогать другимъ. Вхожу въ первую попавшуюся палату, и... Боже мой, какая страшная картина представляется мнѣ.

Человѣкъ лежитъ блѣдный какъ смерть, и мечется во всѣ стороны. Я тихо подошла къ нему и спросила:

— Родной мой, что съ тобою, куда раненъ?

Онъ отвѣчаетъ слабымъ голосомъ:

— Въ ногу, матушка, но у меня страшно болитъ сердце: жжетъ какъ-то. Боже мой, какъ больно!

Страданія его такія страшныя, а между тѣмъ развязанная мною рана оказалась совсѣмъ незначительная.

Не зная рѣшительно, чѣмъ и какъ хоть немного облегчить его страданія, я пошла посовѣтоваться съ докторомъ.

Докторъ отвѣтилъ, что помочь ему трудно, что рана его пустяшная, но что онъ такъ страшно мучается вслѣдствіе разложенія крови, которое сдѣлалось у него дорогою, и при этомъ онъ замѣтилъ мнѣ, что вѣроятно скоро настанетъ конецъ. Онъ самъ, бѣдненькій, это чувствовалъ, и все повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ не выздоровѣть мнѣ; тяжело, больно», и безпрестанно просилъ воды.

Поила я его, натирала ему грудь водою, взбрызгивала, но все понапрасну: мученія его не уменьшались, онъ не находилъ себѣ мѣста отъ страшныхъ страданій.

Трудно было его удержать, такъ онъ метался во всѣ стороны. Отдалъ онъ мнѣ свой кошелекъ съ восемью рублями, прося переслать женѣ, и при этомъ самымъ аккуратнымъ образомъ продиктовалъ ея адресъ. Предложила ему причаститься, и онъ съ радостью согласился. Пришелъ болгарскій священникъ, сталъ читать молитву. Онъ приподнялся, но тотчасъ упалъ. Пока онъ принималъ причастіе, мы едва могли удержать его, такія страшныя дѣлались съ нимъ судороги. Глаза его мало по малу начали тускнѣть, но онъ продолжалъ говорить совершенно сознательно:

— Зачѣмъ сначала докторъ не далъ мнѣ умереть: умиралъ я тогда такъ хорошо, вокругъ меня было множество чудныхъ душистыхъ цвѣтовъ, воздухъ былъ такой чистый, прозрачный...

Оказалось, по разсказамъ доктора, что въ дорогѣ ему сдѣлалось дурно, и докторъ спиртомъ и разными другими средствами привелъ его въ чувство. Послѣ причастія онъ мучился еще около часа, наконецъ въ изнеможеніи, но все еще въ полномъ сознаніи упалъ на подушку. Въ эту минуту рядомъ съ нимъ лежащій больной съ переломомъ бедра попросилъ меня уложить поудобнѣе его больную ногу и дать водицы напиться.

Пока я съ нимъ занялась, вошелъ докторъ и спросилъ:

— Ну, а что нашъ больной?

— Кажется немного успокоился, тихо отвѣтила я ему, боясь его разбудить.

Докторъ подошелъ къ нему, пощупалъ пульсъ, и обращаясь ко мнѣ сказалъ:

— Да, успокоился кажется навсегда.

Онъ скончался! Вотъ уже при мнѣ вторая смерть.

Позвала я санитаровъ, обмыла, одѣла его въ чистое бѣлье, повѣсила ему на шею крестикъ (одинъ изъ купленныхъ мною въ Кіевѣ) и велѣла вынести въ пустую комнату, въ бывшую аптеку. Положила на столъ, въ голову поставила большой свой образъ, зажгла свѣчу и горячо помолилась за несчастнаго мученика. Эту ночь я продежурила въ госпиталѣ. Между больными было такъ много слабыхъ, что оставлять ихъ однихъ не было возможности.

18-го Іюля.

Всѣхъ больныхъ сегодня увезли; сидимъ безъ дѣла! Я отправилась осматривать городишко, въ которомъ живемъ; до сихъ поръ только и знала дорогу отъ монастыря въ госпиталь. Габрово, какъ и Тырново, преплохой городъ! Хотя и говорятъ, что онъ торговый, но въ немъ рѣшительно ничего найти нельзя. Улицы узенькія, дома снаружи весьма некрасивые, выкрашенные по большей части голубой краской. Внутри, правда, они очень чисты и хорошо убраны. Повсюду развѣшены портреты Государя и Царской Фамиліи, украшенные цвѣтами. Едва вышла на такъ называемую главную улицу, какъ наткнулась на толпу, стоявшую у дверей какого-то дома со свѣчами въ рукахъ. Тутъ же было восемь священниковъ въ эпитрахиляхъ. Не успѣла я поравняться съ ними, какъ одинъ болгаринъ вышелъ изъ толпы, подошелъ ко мнѣ и, предлагая мнѣ свѣчу, сталъ разными знаками просить участвовать въ похоронной церемоніи. Не желая ихъ обидѣть, я приняла приглашеніе. Вскорѣ на лѣстницѣ этого дома послышалось рыданіе и пѣніе—стали выносить покойника. Впереди шли трое мальчиковъ, двое изъ нихъ несли нѣчто въ родѣ хоругвей (турки запрещали имъ выносить хоругви), длинный шестъ, на верху котораго придѣланы картонныя изображенія серафимовъ. Внизу на одной изъ этихъ хоругвей написано золотыми буквами: «Христосъ воскресе», а на другой: «Во истину воскресе». За мальчиками шли пѣвчіе (наши монахини) и еще трое священниковъ. Послѣдніе присоединились къ стоявшимъ на улицѣ.

Наконецъ вынесли покойника. Онъ лежалъ не въ гробу, а на носилкахъ, окруженныхъ съ трехъ сторонъ перилами. Боковыя перила покрыты были краснымъ сукномъ, а заднія обвиты искусственными цвѣтами и обтя-

нуты кисеею. Покойникъ лежалъ въ нарядномъ болгарскомъ костюмѣ (онъ былъ богатый, хорошо воспитанный болгаринъ). На немъ были надѣты шелковые полосатые шаравары (бѣлые съ золотомъ), широкій красивый поясъ, вышитая куртка, свѣтложелтые чулки, башмаки съ пряжками. За кушакъ воткнуты цвѣты и восковая свѣча. Лицо и голова ничѣмъ не покрыты. За гробомъ шелъ одинъ болгаринъ и несъ въ одной рукѣ по крайней мѣрѣ двѣ дюжины платковъ; въ уголкѣ каждаго платка было что-то завязано. Мнѣ объяснили, что завязаны деньги, предназначенныя священникамъ и носильщикамъ.

Покойникъ жилъ возлѣ самой церкви, но его, вмѣсто того, чтобы прямо внести, обнесли сперва кругомъ по всѣмъ грязнымъ узкимъ улицамъ. Во время хода, похоронная процессія нѣсколько разъ останавливалась, и священники поочередно провозглашали эктенію объ умершемъ. Дьякона не было, да кажется у нихъ дьяконовъ и не бываетъ.

Сельви.

Мы спали еще, когда сестра Александра, возвращавшаяся съ ночнаго дежурства, ворвалась къ намъ съ слѣдующими словами:

— Сестры, сестры, вставайте скорѣй, собирайтесь въ путь:—нашъ лазаретъ черезъ нѣсколько часовъ уходитъ!

Послѣднее время такъ часто слышалась фальшивая тревога, что мы не придавали большаго значенія словамъ сестры и продолжали нѣжиться на болгарскомъ ложѣ. Однако черезъ нѣсколько минутъ раздался стукъ у дверей и послышался голосъ старшаго дивизіоннаго врача.

— Сейчасъ получено приказаніе двинуть лазаретъ нашъ въ Сельви или Ловчу, еще навѣрно неизвѣстно, какъ только онъ спустится съ Балканъ, мы отправимся въ путь. Князь Святополкъ-Мирскій со своимъ штабомъ уѣхалъ еще въ три часа ночи.

Не успѣлъ онъ докончить своей фразы, какъ мы уже вскочили и быстро принялись укладываться и одѣваться.

Мы, люди военные, опытные въ дѣлѣ укладки, привыкшіе къ быстрымъ, совершенно неожиданнымъ передвиженіямъ, были готовы въ мгновеніе ока. Всѣ мѣшки, всѣ тюки уложены, перевязаны и даже вынесены въ знаменитую линейку Краснаго Креста. Но кучера наши приводили насъ въ отчаяніе, и не разъ приходилось намъ бѣгать и торопить ихъ. Несноснѣй и лѣнивѣй этого люда въ Красномъ Крестѣ я не видывала. Обыкновенно, въ самый моментъ отъѣзда случались разныя бѣды съ упряжью и съ экипажемъ. Дорогой то и дѣло хомуты рвались и замѣнялись тоненькой веревочкою, которою мы ихъ снабжали, развязывая какой нибудь изъ нашихъ узелковъ.

На этотъ разъ мы собрались съ такою быстротой, что намъ пришлось еще около часа прождать лазаретъ.

Желая употребить полезнымъ образомъ томительный часъ ожиданія, мы усѣлись, окруженныя своими милыми монашенками, возлѣ фонтана и стали обучаться болгарскому нарѣчію. Онѣ въ свою очередь спрашивали у насъ тѣ же слова по русски, и записывали ихъ. Докторъ нашъ, обладающій даромъ съ неимовѣрною быстротою и вѣрностью схватывать выраженія лицъ, нарисовалъ карандашомъ портретъ милой нашей старушки-игуменьи, которая по этому случаю принарядилась, надѣвъ свой большой золотой крестъ, и приняла весьма важный и торжественный видъ.

Наконецъ раздался сигналъ: «пора ѣхать!»—и мы принялись прощаться съ своими добрыми, гостепріимными хозяевами; жалко было ихъ покидать, тѣмъ болѣе, что они съ какимъ-то страхомъ отпускали насъ, и не смотря на то, что мы всячески старались ихъ успокоить, увѣряя ихъ, что мы не бѣжимъ отъ турокъ, что Габрово хорошо защищено нашими войсками, что бояться рѣшительно нечего—они оставались при своемъ, и все повторяли: «Нѣтъ, сестры:—ваши солдаты и вы уходите отъ огромнаго турецкаго войска, которое идетъ изъ Шипки въ Габрово!» Несчастный народъ, каково должно быть имъ жить въ постоянномъ страхѣ, чувствовать надъ собою ежеминутно кровожаднаго коршуна, готоваго вотъ-вотъ сейчасъ схватитъ и предать лютой смерти свою слабую жертву.

Дорога въ Сельви, какъ всѣ болгарскія дороги, начиная съ Тырнова, весьма живописна и пріятна для путешественника, но не для бѣдныхъ лошадей, которымъ то и дѣло приходилось спускаться и подыматься по крутымъ горамъ. День былъ на этотъ разъ не очень жаркій, и наша санитарная рота шла бодро. Въ три часа, при первой стоянкѣ, мы расположились на лужкѣ пить чай. Откуда-то появился столь желанный самоварчикъ! Но не легкая работа досталась ему въ этотъ день! Благодаря усердію одного денщика, который то и дѣло вливалъ въ него воду и наполнялъ его угольями, онъ вполнѣ добросовѣстно исполнялъ свою трудную обязанность и, несмотря на свой весьма незначительный ростъ и скромный видъ, утолилъ страшную жажду всей нашей компаніи, состоявшей изъ пятнадцати человѣкъ. Тотчасъ послѣ привала намъ пришлось проходить по турецкой деревнѣ: турки весьма дружелюбно подходили къ нашимъ солдатикамъ, поили ихъ водою и пускались въ разговоръ, но конечно они весьма плохо другъ друга понимали. Поздно вечеромъ дошли мы до Сельви, старшій врачъ отправился впередъ къ начальнику штаба, полковнику А., узнать, гдѣ выбрано мѣсто для лазарета. Извѣстія, привезенныя имъ, далеко не утѣшительны. Турки въ Ловчѣ, идутъ на Сельви, велѣно сильно укрѣпляться. Лазаретъ раскладывать въ этотъ вечеръ не стоитъ, слишкомъ поздно! Возлѣ насъ размѣстился и лазаретъ

14-й дивизіи, только что пришедшій изъ Тырнова. Два лазарета выписаны въ одно мѣсто, слѣдовательно дѣло ожидается горячее.

Ночуемъ въ фургонѣ. На слѣдующее утро жара нестерпимая, не знаемъ куда пріютиться, палатки еще не разбиты, мы принуждены искать убѣжище въ тѣхъ-же несчастныхъ линейкахъ. Но и тутъ не находили мы спокойствія. Толпы болгарокъ окружали насъ, каждая старалась объяснить намъ свое безвыходное положеніе, каждый просилъ помощи, предлагали даже взять у нихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ голодной смерти. У каждаго изъ этихъ бѣженцевъ былъ убитъ отецъ, мать, сестра или братъ. Но они говорили объ этомъ безъ особеннаго выраженія печали и безъ слезъ. Непостижимо, какъ народъ этотъ могъ до такой степени свыкнуться съ горемъ, о которомъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

Вечеркомъ, когда жара стала немного спадать, мы отправились осматривать городъ. Въ первый разъ увидала я тутъ турчанокъ, и онѣ своимъ оборваннымъ, грязнымъ платьемъ и испуганнымъ видомъ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Одна изъ нихъ изъ-за калитки какого-то дома стала манить меня рукою, но сестра Н. не пустила меня къ ней.

Все время нашего пребыванія въ Сельви мы находились въ какомъ-то нервномъ состояніи, безпрестанно доходили до насъ очень неблагопріятныя извѣстія о движеніи турецкой арміи: вездѣ строились укрѣпленія, и плѣнные турки подъ присмотромъ нашихъ солдатиковъ принимали дѣятельное участіе въ работахъ.

Наконецъ, по распоряженію корпуснаго врача, мы послѣ полнаго двухдневнаго бездѣйствія снова отправились въ Габрово. Подъѣзжая къ милому нашему городу, мы встрѣтили двухъ прусскихъ агентовъ, возвращавшихся съ Балканъ. Они тоже сообщили намъ тяжелыя извѣстія, говорили что дѣла наши плохи, что Гурко съ большими потерями отступилъ, что въ Габровѣ ежедневно ловятъ шпіоновъ и предаютъ ихъ смерти.

Габрово, 30-го Іюля.

Въ этотъ разъ Габрово не показалось намъ тѣмъ веселымъ городкомъ, какимъ мы видѣли его въ первый разъ. Все въ немъ теперь было мрачно и уныло. Улицы переполнены несчастными бѣженцами изъ Казынлака, Калофера, Эски-Загры, Ени-Загры и другихъ турецкихъ городовъ, разоренныхъ баши-бузуками. Въ госпиталѣ, правда, нашли мы немного раненыхъ (всѣхъ почти до насъ перевезли въ Тырново), но тѣ, которые лежали, были какіе-то грустные, изнуренные, жаловались на дурной уходъ, да и не мудрено, такъ какъ послѣ нашего отъѣзда госпиталь былъ закрытъ, и во всемъ городѣ, кромѣ болгарскаго доктора Христова (весьма правда усерднаго), не было вовсе медицинскаго персонала. Христовъ-же, имѣя тоже много

дѣла въ новоустроенной болгарской больницѣ, посѣщалъ нашихъ два раза въ день, дальнѣйшій же уходъ и раздачу лѣкарствъ препоручалъ денщикамъ! Между ранеными былъ офицеръ болгарской дружины — Рудомино, Страданія его были ужасныя (пуля прошла въ оба легкихъ и печень). Видно было, что онъ жизнью дорожилъ, и всякій разъ, какъ подойдешь къ нему, спрашивалъ съ волненіемъ:

— Какъ вы думаете, поправлюсь-ли? Что вамъ обо мнѣ сказалъ докторъ!

Состояніе его конечно было весьма плохо, но П—ъ не отчаивался и употреблялъ всѣ средства, чтобы ободрить его и поддержать его угасавшія силы!

Монастырь, какъ и все Габрово, носилъ на себѣ отпечатокъ нашей неудачи за Балканами. На дворѣ расположились бѣглые болгары цѣлыми семьями. Кельи переполнены были Казанлыкскими и Калоферскими монашенками. Но мы, не смотря на страшную тѣсноту, были приняты какъ старые, давно желаемые гости, и заняли прежнее свое помѣщеніе.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, окончивъ перевязки въ военномъ лазаретѣ, мы отправились съ докторами 9-й дивизіи въ «Болгарскую больницу».

Трудно себѣ вообразить страшную, возмутительную картину, представившуюся намъ въ этомъ помѣщеніи, носившемъ названіе больницы.

Шесть небольшихъ комнатъ, изъ которыхъ оно состояло биткомъ, были набиты женщинами и мужчинами, здоровыми и больными, стариками и младенцами. Все это лежало на голомъ полу такъ тѣсно, что едва можно было пройти: духота и грязь были невообразимыя. Мы тотчасъ приступили къ осмотру раненыхъ, и что за страшныя раны пришлось намъ перевязывать въ этотъ день. Нельзя было при видѣ ихъ не удивляться терпѣнію этихъ страдальцевъ и не признать звѣрства турокъ, такъ немилосердно изуродовавшихъ людей и не щадившихъ даже грудныхъ малютокъ.

Страшно становится и теперь, когда вспомню двухлѣтнюю крошку съ раздробленной локтевой косточкой. Перевязывать ее было истинная нравственная пытка. Такъ кричала и мучилась она! У иныхъ дѣтей было даже по нѣскольку ранъ. Въ моей палатѣ напримѣръ былъ четырехлѣтній мальчикъ съ восемью ранами. Всѣ косточки были цѣлы, за исключеніемъ одной, у большаго пальца правой руки, — палецъ же пришлось отнять. Передать всего невозможно! Скажу только, что для того, чтобы работать, мнѣ необходимо было сдѣлать надъ собою громадное усиліе: я чувствовала, что мои желѣзные нервы при видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ начинаютъ слабѣть. Не разъ приходилось мнѣ выбѣгать на воздухъ, чтобы освѣжиться и не дать воли слезамъ. Да впрочемъ и не удивительно: чья бы душа не содрогнулась слыша этотъ плачъ, эти раздирающіе крики крошечныхъ малютокъ, страдавшихъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью отъ турецкаго звѣрства.

Первые два дня средства наши были очень скудны, или правду сказать ихъ совсѣмъ почти не было, и благодаря только лазарету 9-й дивизіи, снабдившему насъ перевязочными матеріалами, мы имѣли возможность перемѣнить страшныя повязки запекшіяся кровью и переполненныя паразитами.

Прежде чѣмъ что либо устраивать, необходимо было очистить больницу отъ здоровыхъ болгаръ, которые переполняли ее подъ предлогомъ ухаживанья за больными родственниками. Задача эта была конечно не совсѣмъ легкая.

Куда ихъ всѣхъ дѣвать! Да притомъ, какъ лишить раненую мать своихъ дѣтей, отнять у нея послѣднее утѣшенье, или же наоборотъ—какъ отъ раненаго ребенка отстранить любящую мать?

И что дѣлать, какъ быть? Оставлять раненыхъ въ такой страшно душной атмосферѣ, въ такой грязи, значитъ ихъ погубить? Поэтому, какъ намъ ни было тяжело и больно, мы принуждены были вооружиться силами и оставаться непреклонными ко всѣмъ мольбамъ и слезамъ.

Дѣти отправлены были въ ново-устроенный пріютъ (заботу о немъ принялъ на себя А. А. Нарышкинъ, агентъ Славянскаго комитета).

На просторѣ уже можно было приступить къ размѣщенію раненыхъ, которыхъ все-таки оказалось слишкомъ много для занимаемаго ими помѣщенія.

Но благодаря ходатайству доктора Христова и о. Стефана, принимавшихъ горячее участіе въ бѣдственномъ положеніи своихъ соотечественниковъ, городской совѣтъ отвелъ намъ еще одно помѣщеніе. Больные между тѣмъ не переставали прибывать ежедневно, по десяти и болѣе, такъ что дня черезъ два оба дома были полнехоньки, и пришлось выписывать выздоравливающихъ, дозволяя имъ приходить за обѣдомъ и на перевязку. Красный Крестъ, узнавши о бѣдствіяхъ болгаръ, бѣжавшихъ изъ за-Балканскихъ городовъ и пореполнявшихъ Габрово, снабдилъ насъ деньгами, бѣльемъ, лѣкарствами, перевязочными средствами. Благодаря всему этому, къ великому нашему удовольствію больница приняла вскорѣ довольно благоустроенный видъ. Во всѣхъ палатахъ разставлены были койки съ сѣнниками, подушками, покрытыя чистымъ бѣльемъ и хорошими теплыми одѣялами. Но пріучить болгаръ къ чистотѣ было не совсѣмъ легко.

Сколько надобно было просьбъ и увѣщаній, чтобы заставить ихъ снять грязное свое шерстяное платье, головные платки, обтрепанную обувь, и въ одномъ бѣльѣ лечь на чисто застланныя кровати, которыхъ они, привыкшіе постоянно спать на полу, весьма не жаловали, боясь съ нихъ свалиться. Пріучили мы ихъ тоже, впослѣдствіи, мыться и причесываться каждое утро. Докторъ Христовъ и о. Стефанъ, и тѣ всякій разъ, когда видѣли наше мытье, насмѣшливо улыбались, считая его нашимъ капризомъ и забавой. Но вскорѣ больные сами поняли всю пользу

чистоты, благодарили насъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія воды и гребня: какъ только бывало покажешься въ палату, слышится со всѣхъ сторонъ: «и меня, меня», и при этомъ они приподнимались на своихъ койкахъ прося начать мытье, которое еще такъ недавно казалось имъ страшнымъ мученіемъ и къ которому приступали чуть не со слезами.

Что бы дѣло наше шло аккуратнѣе, мы (т. е. санитарный персоналъ) раздѣлились по домамъ. Въ одномъ домѣ работалъ докторъ Пя—кій, доктаръ Христовъ, сестра Т—ва и студентъ Г—въ. Въ другомъ же докторъ Пел—кій, сестра Ю. и я. Прислуга состояла частью изъ санитаровъ, назначенныхъ дивизіоннымъ врачомъ А—омъ, частью изъ болгарскихъ женщинъ, приставленныхъ докторомъ Христовымъ. Кромѣ того учительницы бывшихъ Габровскихъ школъ взялись тоже намъ помогать.

Габрово, 7-го Августа.

По окончаніи устройства болгарской больницы, дѣла у насъ было не много.

Ходила я и въ военный лазаретъ, но въ немъ оставалось всего трое офицеровъ и двадцать выздоравливавшихъ солдатъ.

Дни за днями проходили тихо, однообразно, новостей съ театра войны не получалось, и все какъ будто успокоилось. Наступило «полное затишье», но этому затишью люди опытные въ военномъ дѣлѣ не радовались, они видѣли въ немъ предвѣстника страшной бури.

Съ 7-го августа снова стали ходить тревожные слухи о возможности нападенія на Габрово огромной арміи Сулеймана, снова послѣдовало распоряженіе быть наготовѣ въ случаѣ тревоги.

Въ ночь съ 8-го на 9-е число лазаретъ нашъ былъ вызванъ на Шипку. Старшій врачъ Анучинъ приходилъ въ четыре часа утра увѣдомить о томъ доктора П., и просилъ его принять на себя оставляемыхъ больныхъ.

Я ничего не знала объ этомъ, и въ обыкновенный свой часъ отправилась въ госпиталь. Къ крайнему моему изумленію оказалось, что госпиталь, всегда наполненный санитарами, фельдшерами—почти пустъ, аптечная комната заперта, нѣтъ аккуратнаго доктора Пелшинскаго, приходившаго на перевязку обыкновенно ровно въ семь часовъ, а иногда и раньше.

Что все это значитъ? подумала я про себя, но спросить некого было, и я принялась за свое дѣло. Въ ту минуту, какъ я оканчивала перевязку и раздачу лѣкарствъ, вошелъ старшій фельдшеръ.

— Докторъ Пелшинскій сдѣлалъ уже визитацію въ офицерскомъ отдѣленіи? спросила я его.

— Никакъ нѣтъ-съ, сестрица:—докторъ Пелшинскій и почти весь санитарный нашъ персоналъ уѣхали на перевязочный пунктъ; остался тутъ только я, да еще двое санитаровъ, отвѣчалъ онъ мнѣ самымъ покойнымъ тономъ.

— Какъ уѣхали? Когда?

— Ночью:—пришло распоряженіе отъ корпуснаго врача немедленно отправляться, такъ какъ на Шипкѣ ожидается большое сраженіе.

Съ первой минуты, не разобравъ и необдумавъ дѣла, я пришла въ досаду, что лазаретъ уѣхалъ безъ насъ, что мы сидимъ и отдыхаемъ сложа руки въ Габровѣ, тогда какъ на перевязочномъ пунктѣ люди умираютъ можетъ быть отъ недостатка ухода. Но вскорѣ убѣдилась, что я и тутъ могла быть также полезна, если еще не полезнѣе, чѣмъ на Шипкѣ, и волненіе мое исчезло. Окончивъ во второмъ часу раздачу обѣда въ своихъ палатахъ, я отправилась въ свою келью немного прилечь, такъ какъ мнѣ въ этотъ день что-то сильно нездоровилось. Но отдыхъ мой былъ весьма непродолжителенъ. Страшный крикъ и волненіе, происходившее на монастырскомъ дворѣ, заставили меня вскочить и выбѣжать посмотрѣть, что случилось, отчего такую страшную бѣготню подняли наши хозяева.

Вижу, всѣ монашенки, кто съ узломъ въ рукахъ, кто съ подушкою—бѣгаютъ, суетятся, навьючиваютъ лошадей и ословъ, наполнявшихъ дворъ. Увидавъ меня, одна изъ нихъ подбѣгаетъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ едва проговорила: «Сестра, сестра:—требу (надо) бѣгать, турка иде!» Успокаивать ихъ я не пробовала, зная навѣрно, что старанія мои будутъ напрасны, да и могла-ли я увѣрять ихъ въ томъ, чего сама не знала! Не разъ бывъ свидѣтельницей трусости нашихъ монашенокъ, я не придавала большаго значенія ихъ намѣренію бѣжать, и совѣтовала имъ подождать только, пока я пойду и узнаю въ чемъ дѣло. Непоколебимое мое спокойствіе было однако нарушено при видѣ Габровскихъ улицъ. Онѣ буквально запружены были народомъ. Видно было, что всѣ думали только о томъ, чтобы наскоро захватить съ собою, что мало-мальски было возможно—и бѣга́ть; но куда бѣга́ть—никто не зналъ.

Рыданіе и отчаянные крики оглашали воздухъ. Въ болгарской больницѣ почти всѣ койки были пусты: несчастные, едва живые собрали послѣднія силы, выползли на улицу, надѣясь что сжалятся надъ ними здоровые болгары, не захотятъ отдавать ихъ на съѣденіе приближавшимся туркамъ. Такой сильной волной хлынули они къ больничнымъ дверямъ, что дежурный солдатъ не могъ совладать съ напоромъ.

На этотъ разъ вѣрно правда, что турки идутъ на Габрово—подумала я про себя. Но спросить некого было, въ больницѣ никого изъ нашихъ не было. Возвращаясь домой, вижу новую картину. Стоятъ вооруженные болгары, точно рота готовящаяся къ ученью, по бокамъ два нашихъ солдатика, а впереди знаменитый о. Стефанъ, который съ жаромъ что-то

имъ толкуетъ. Ряса его заткнута немного за поясъ, лицо взволнованное и утомленное, на плечѣ огромное ружье со штыкомъ. Рада была я увидать хоть его, хоть у него спросить, не знаетъ-ли онъ причины смятенія.

— Батюшка, отчего сегодня такая паника? Правда-ли, что турки идутъ на насъ?

— Ничего этого нѣтъ! проговорилъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: всему виновны они—и при этомъ указалъ на толпу бѣженцевъ, стоявшихъ тутъ-же:—бѣгутъ они сюда изъ-за Балканскихъ горъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ турки ихъ преслѣдовали, и распускаютъ ложныя вѣсти. Вотъ почему я и отправляюсь со своими молодцами усмирять ихъ.

Услыхавъ такія успокоительныя рѣчи, я побѣжала въ нашъ госпиталь, желая сообщить ихъ своимъ больнымъ. Но, къ ужасу моему, госпиталь нашъ былъ тоже пустъ, даже запертъ, а на дворѣ стояли запряженныя лазаретныя линейки, наполненныя больными. Между ними было двое офицеровъ болгарской дружины.

— Что это? Куда вы? спрашиваю я ихъ.

— Какъ куда:—развѣ вы не знаете, что мы въ опасности; турки недалеко, идутъ прямо на Габрово.

Стараюсь ихъ успокоить, но напрасно, они меня и слушать не хотятъ, и чуть-ли не слезно повторяли:

— Ради Бога, не удерживайте:—можетъ еще успѣемъ спастись, доѣхать кое-какъ до Тырнова; тутъ-же насъ, немощныхъ, непремѣнно зарѣжутъ.

И такъ, они пустились въ путь.

Послѣдніе мои больные уѣхали; осталась я совершенно одна! Къ вечеру, благодаря неутомимой дѣятельности окружнаго начальника Маслова, на Габровскихъ улицахъ безпорядки стихли, но успокоиться совершенно конечно никто не могъ.

Неумолкая ни на минуту, пушечные выстрѣлы, благодаря ночной тишинѣ, ясно доносились до насъ и возвѣщали о страшно кровопролитномъ боѣ, происходящемъ на высотахъ грозныхъ и мрачныхъ Балканъ. Что за томительную, безсонную ночь провели мы съ 9-го на 10-е число. Никто изъ насъ конечно и не ложился: всѣ сидѣли, ожидая съ минуты на минуту приказанія отступать немедленно въ Тырново, или-же увѣдомленія о прибытіи раненыхъ офицеровъ, которыхъ въ этотъ вечеръ должны были привезти на квартиру Маслова: въ лазаретѣ-же класть ихъ не было возможности, такъ какъ кромѣ голыхъ досокъ, изображавшихъ койки, въ немъ рѣшительно ничего не было.

Ночь, слава Богу, прошла совершенно благополучно, и только. Въ девятомъ часу утра прискакалъ къ Маслову казакъ съ запискою отъ старшаго дивизіоннаго врача, въ которой онъ просилъ приготовить

обѣдъ на триста человѣкъ. Значитъ ѣдетъ большой транспортъ! Что тутъ дѣлать. Надо во что бы то ни стало приготовить имъ мѣста, достать матрацы, бѣлье — трудъ не малый, такъ какъ всѣ служителя уѣхали съ лазаретомъ на позицію. Но мнѣ блеснула мысль, обратиться къ Маслову, и мы съ сестрою отправились просить его оказать намъ содѣйствіе въ устройствѣ лазерета. Масловъ охотно согласился на нашу просьбу, и мы тотчасъ рѣшили собрать все необходимое изъ опустѣлыхъ болгарскихъ домовъ. Самую большую добычу нашли мы въ большомъ болгарскомъ пріютѣ, теперь совсѣмъ опустѣвшемъ. Схватили всѣ сѣнники, подушки, свалили ихъ на спину солдатамъ и велѣли поскорѣе тащить въ бывшій пріемный покой военнаго лазарета. Но и всего найденнаго было далеко недостаточно.

Вспомнивъ, что Красный Крестъ недавно снабдилъ болгарскую больницу всѣмъ тѣмъ, чего мы искали, и что послѣ вчерашняго бѣгства въ ней должно оказаться много лишняго, мы рѣшили всѣмъ этимъ воспользоваться.

Доктору Пясецкому показалось, что это можетъ быть обидно для болгаръ. Но мы все-таки поставили на своемъ, и все лежавшее безъ употребленія было вынесено. Такъ, всякими правдами и неправдами добыли все необходимое для устройства болѣе двухсотъ кроватей. Добрый о. Стефанъ и на этотъ разъ принялъ въ насъ участіе, и съ своей стороны принесъ бѣлья, одѣялъ, подушекъ, и т. п.

Вдвоемъ принялись мы устраивать помѣщеніе къ пріѣзду нашихъ героевъ, страшно опасаясь, что къ назначенному часу ничего не будетъ готово. Но къ тремъ часамъ лазаретъ былъ въ полномъ порядкѣ: все вычищено, выметено и даже устроено офицерское отдѣленіе на пятнадцать кроватей.

Транспортъ опоздалъ; только въ девять часовъ вечера подъѣхали лазаретныя линейки съ ранеными офицерами; мѣстъ всѣмъ не хватило, двумъ пришлось лежать на носилкахъ.

Прибыли и солдаты.

Боже мой, въ какомъ страшномъ видѣ: голодные, изнеможенные!

Вмѣсто предполагаемыхъ трехсотъ человѣкъ, ихъ въ первый-же разъ привезли болѣе пятисотъ. Пришлось класть на приготовленныхъ койкахъ и носилкахъ только самыхъ слабыхъ, остальныхъ-же размѣстить просто на соломѣ по всему большому лазаретному зданію. Корридоры, и тѣ были переполнены. Уложивъ ихъ по возможности удобно, мы принялись поить и кормить ихъ. Принесли два большихъ котла, одинъ съ чаемъ, другой съ супомъ, и началась раздача того и другаго. Въ то время, какъ мы къ каждому подходили, спрашивая хочетъ-ли онъ чайку или супу, со всѣхъ сторонъ слышалась просьба:

— Сестрица, матушка, сдѣлай божескую милость, перевяжи: страсть какъ больно!

Да, конечно, перевязать многихъ было необходимо: запекшаяся кровь на ихъ повязкахъ усиливала страданія. Но чѣмъ перевязать, и когда? Вотъ вопросы, которые рѣшить было трудно. Перевязочныхъ средствъ у насъ почти не было, да и рукъ въ этотъ вечеръ на всѣхъ не хватило бы. Всего насъ было: три врача, три сестры и трое студентовъ.

Съ транспортомъ прибылъ, правда, еще старшій врачъ 9-й дивизіи, Анучинъ, но у него былъ такой измученный видъ, что страшно было на него смотрѣть.

Въ ту самую минуту, какъ мы горевали и разсуждали: что дѣлать безъ бѣлья и перевязочныхъ средствъ, явился уполномоченный Краснаго Креста В. К. Глѣбовъ, и привезъ намъ всего въ изобиліи. Большая комната завалена была тюками и ящиками, которые мы тотчасъ-же принялись расколачивать и развязывать. Чего-чего только не было въ нихъ. Понавезли массу бѣлья, прекрасныхъ теплыхъ одѣялъ, халатовъ, туфель, всевозможныхъ консервовъ, превосходныхъ винъ, хересу, портвейну, чаю, сахару, клюквеннаго экстракту, сгущеннаго молока, англійскихъ сухарей, папиросъ, табаку, ящикъ медикаментовъ и нѣсколько мѣстъ съ перевязочными средствами. Честь и хвала Красному Кресту. Дай Богъ здоровья всѣмъ, которые работаютъ въ складахъ да наградитъ ихъ Господь!

Дѣло тотчасъ закипѣло, началась перевязка, правда самыхъ только слабыхъ, но и та кончилась въ третьемъ часу ночи. Къ утру неутомимый Масловъ досталъ телѣгъ для отправки больныхъ, стало быть надо было встать рано и снарядить транспортъ. Отдохнувъ часа полтора, мы отправились снова въ госпиталь, и чтобы не пропуская никого, всѣхъ отправлявшихся въ транспортъ перевязать и переодѣть въ чистое бѣлье, мы раздѣлили между собою больныхъ; санитары-же наши тѣмъ временемъ поили ихъ чаемъ, разносили всѣмъ мѣстное вино, водку и табакъ.

Къ одиннадцати часамъ пріѣхалъ съ перевязочнаго пункта докторъ Пел., совсѣмъ изнуренный (лица на немъ не было), и принялся усаживать больныхъ на поданныя уже телѣги. Но только въ третьемъ часу тронулся нашъ транспортъ, состоявшій изъ трехсотъ человѣкъ.

Отправивъ ихъ, мы надѣялись оставшихся разложить просторнѣе и удобнѣе, но раненые не переставали прибывать, и вскорѣ госпиталь сталъ полнѣе прежняго.

Большое зданіе не вмѣщало всѣхъ, и человѣкъ пятьдесятъ пришлось положить на дворѣ, на соломѣ, подъ брезентовымъ навѣсомъ.

Трудныя, тяжелыя минуты переживали мы въ эти дни. Какое страшное уныніе овладѣло нашими героями. Съ какимъ волненіемъ распрашивали они вновь прибывавшихъ боевыхъ товарищей, какая глубокая печаль выражалась на этихъ страдальческихъ лицахъ, когда со всѣхъ сторонъ слышались одни и тѣ-же неутѣшительныя слова: «Плохо, братъ,

плохо: мало уже нашихъ осталось, со всѣхъ сторонъ окружилъ окаянный».

Вѣрно на самомъ дѣлѣ плохо, думала я слушая ихъ, если храбрый, самоувѣренный русскій нашъ солдатъ такъ разсуждаетъ. Говорить съ ними о сраженіи я не рѣшалась, боясь растравить наболѣвшія ихъ сердца. Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣла я на этихъ несчастныхъ мучениковъ, такъ безропотно отдававшихъ жизнь свою и такъ тихо и такъ геройски переносившихъ страшныя свои страданія.

Мнѣ казалось, что въ эти ужасные дни я еще болѣе полюбила нашихъ солдатиковъ; меня терзало и мучило мое безсиліе облегчить ихъ физическія и нравственныя страданія. Но они, голубчики, родные, не смотря на ничтожныя услуги, которыя мы имъ оказывали, чувствовали вѣрно, что они намъ не чужіе, что они намъ дороги, и никого такъ не любили и не уважали, какъ сестеръ, и никому такъ не вѣрили: что сестра имъ скажетъ, то для нихъ свято.

День 11-го августа глубоко запечатлѣлся въ моей памяти. Лунное затмѣніе, случившееся въ этотъ вечеръ, привело всѣхъ насъ въ сильное смущеніе. Не получая газетъ, мы и не знали, какое оно будетъ, полное-ли, продолжительное-ли, и даже сказать правду, совсѣмъ о немъ не слыхали, и весьма были удивлены, увидавъ черное пятно, появившееся вдругъ на лунѣ.

Больные, лежавшіе на дворѣ, приподнялись на своихъ ложахъ и вмѣстѣ съ нами стали съ жадностью слѣдить за нею. Затмѣніе это, казалось намъ, было дурнымъ предзнаменованіемъ для турокъ. Подъ вліяніемъ этой мысли, мы не отрывали глазъ отъ чернаго пятна, которое безпрестанно мѣняло свой объемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда оно наконецъ разрастется и окончательно скроетъ все свѣтило. Наконецъ наступила эта желанная минута! Наши добрые солдатики оживились, неописанная радость выразилась на ихъ лицахъ.

— Побьютъ собаку, побьютъ! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Въ это самое время, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, раздалась громкая, дружная пѣсня волынцевъ, направлявшихся форсированнымъ маршемъ на помощь къ своимъ измученнымъ товарищамъ.

— Ну, братъ, теперь умереть покойно можно — едва слышнымъ голосомъ проговорилъ возлѣ меня лежащій солдатикъ.

— Проклятому ужь не устоять: зададутъ ему, покажутъ, что значитъ атаковать русскихъ!

Не однимъ солдатамъ, но и всѣмъ намъ какъ-то легче стало послѣ этой молодецкой пѣсни, разнесшейся по всему Габрову и оживившей его унылыхъ жителей. Вслѣдъ за волынцами прошли и стрѣлки. Молодцы подоспѣли въ самую пору. Плохо могло кончиться, еслибы они пришли нѣсколькими часами позже: врядъ-ли изнуренная горсть орловцевъ могла

бы устоять противъ бѣшеныхъ атакъ Сулеймана. Къ утру канонада немного стихла, и вскорѣ разнеслась вѣсть о славной нашей побѣдѣ. Слова прибывшихъ раненыхъ: «Шипка въ нашихъ рукахъ», съ быстротою молніи разнеслись по всему нашему госпиталю. Въ ту же минуту все ожило, все повеселѣло. Раненыхъ въ этотъ день оказался такой страшный наплывъ, что не хватало мѣстъ. Все было переполнено. Во что бы то ни стало надо было снарядить транспортъ (что въ то время было не совсѣмъ легко). Но благодаря Маслову, для котораго невозможнаго не существовало, транспортъ вскорѣ стоялъ на нашемъ дворѣ. Началась суета, перевязка отправляющихся. Тѣ, которые мало-мальски въ состояніи были двигаться, приходили къ намъ на перевязку въ большую пріемную комнату, гдѣ разставлены были скамейки и большіе столы съ перевязочными средствами и бѣльемъ. Черезъ минуту вся комната была наполнена солдатами, всѣ спѣшили перемѣнить повязку, стремились выбраться скорѣе изъ Габрова; близкое сосѣдство турокъ ихъ смущало!

Подходитъ ко мнѣ одинъ солдатикъ съ повязанною головою; обмыла я ему рану, обвязала косынкой, дала ему бѣлья на дорогу. Кажется, сдѣлала все должное, а онъ все стоитъ передо мною, будто ждетъ чего.

— Ну, братъ, съ тобой вѣдь я покончила, ступай скорѣй и садись на повозку, не мѣшай мнѣ перевязывать твоего сосѣда!

— Нѣтъ, матушка, я не совсѣмъ еще, у меня вѣдь еще ранка на спинѣ, да такая странная: въ ней все какъ-бы что-то шевелится! прибавилъ молодецъ, и при этомъ улыбнулся.

— Вотъ какъ, даже шевелится! продолжала я шутя, и съ этимъ стала разрѣзать его старую повязку. Снимаю, и вижу одну рану величиною съ небольшое блюдечко, а возлѣ двѣ маленькія: всѣ онѣ наполнены миріадами бѣлыхъ червячковъ, которые такъ и копошатся. При видѣ этой страшной картины жутко стало на душѣ.

Ничего подобнаго никогда еще я не видывала. Слыхала, правда, что въ ранахъ заводятся черви, но чтобы ихъ могло быть такое безчисленное множество, я представить себѣ не могла. Долго глазамъ своимъ не вѣрила, но чѣмъ больше всматривалась, тѣмъ больше убѣждалась въ горькой истинѣ.

Не имѣя понятія, чѣмъ и какъ истребить эту нечистоту, я позвала къ себѣ на помощь доктора Пелшинскаго. Онъ ужаснулся не менѣе моего, и научилъ какъ заставить удалиться непрошеныхъ гостей. Провозилась болѣе полутора часа. Чѣмъ только ни выводила я этихъ червей, сильнѣйшимъ карболовымъ растворомъ и спиртомъ, всѣ руки себѣ пережгла, а они все не исчезали. Отчаяніе меня брало. Но благодаря долгому терпѣнію, мнѣ все-таки въ концѣ-концовъ удалось всѣхъ истребить!

Надобно было видѣть радость моего солдатика: ласковыя благодарныя слова его были мнѣ истинной наградой за мой трудъ.

Едва успѣли отправить транспортъ въ двѣсти человѣкъ, какъ къ намъ привезли семнадцать офицеровъ. Между ними былъ маіоръ Брянскаго полка Молоствовъ; онъ съ первой же минуты заинтересовалъ меня вслѣдствіе горячаго участія, которое оказывали ему наши раненые солдатики.

— Славный, добрый былъ человѣкъ, жаль намъ его: другаго такого ужъ у насъ не будетъ, слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали вносить его въ госпиталь. У нѣкоторыхъ даже показались слезы на глазахъ. На самомъ дѣлѣ лицо у него было такое тихое, кроткое, такъ терпѣливо переносилъ онъ свои страшныя страданія! (у него былъ переломъ бедра съ сильнымъ раздробленіемъ кости). Ходить за нимъ, какъ мнѣ хотѣлось и какъ по настоящему слѣдовало бы, я рѣшительно не могла: слишкомъ много въ эти дни было у меня тяжелыхъ больныхъ, которымъ уходъ мой былъ еще нужнѣе. Но какъ только появлялась свободная минута, я къ нему забѣгала то накормить или напоить его, то поправить подушки и уложить поудобнѣе его больную ногу. По прибытіи его къ намъ въ госпиталь, слѣдовало бы по настоящему ему тотчасъ наложить гипсовую повязку, но рѣшительно некому было этимъ заняться. Доктора всѣ слишкомъ завалены были работою.

На слѣдующее утро докторъ Пелшинскій вмѣстѣ со мною наложилъ эту злосчастную повязку. Несмотря на сильную боль, которую мы вѣроятно ему причиняли, маіоръ Молоствовъ во все время ни разу не пожаловался, и только по временамъ спрашивалъ, скоро-ли дадутъ ему отдохнуть. Пелшинскій обозначилъ на повязкѣ мѣста ранъ, для того чтобы на другой день, когда она высохнетъ, вырѣзать окна, необходимыя для того, чтобы раны были открыты. и гной, наполнявшій ихъ, могъ бы свободно изъ нихъ вытекать.

Я завтра съ разсвѣтомъ уѣду на Шипку, но вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—не забудьте попросить доктора, который меня замѣнитъ, прорѣзать окна:—это вещь необходимая; плохо можетъ кончиться, если маіора отправятъ въ транспортъ съ сплошною повязкою!

Слова эти: «плохо можетъ кончиться» меня обдали холодомъ, и въ день отправленія транспорта я уговорила другаго доктора придти къ маіору.

Онъ посмотрѣлъ повязку и рѣшилъ, что и такъ сойдетъ, что до Тырнова доѣхать можно. Помня слова Пелшинскаго, я настоятельно требовала исполненія моей просьбы; но, къ сожалѣнію, больному прорѣзали только одно окно, несмотря на всѣ мои просьбы, а сама я не рѣшалась рѣзать, чтобы своею еще неопытною рукою не повредить страдальцу: впослѣдствіи, привыкнувъ къ дѣлу, мы не колебались, и, когда нужно было, сами брались за эту работу. Пришлось такъ отправить страдальца! Но вскорѣ я узнала, что бѣдный маіоръ скончался на другой день по прибытіи въ Тырново. Отъ чего—навѣрно не знаю, но слышала отъ мно-

гихъ, что вслѣдствіе піеміи, образовавшейся отъ сильнаго гнойнаго затека.

14-го Августа.

Третьяго дня привезли къ намъ раненаго генерала Драгомирова и помѣстили его въ нашемъ монастырѣ, въ одной комнатѣ съ полковникомъ Мальцевымъ, раненымъ одною съ нимъ пулею. Въ этотъ-же вечеръ Драгомирову наложили гипсовую повязку. Переночевавъ у насъ, онъ на слѣдующій день рано утромъ отправился дальше въ Тырновъ, въ сопровожденіи доктора 14-й дивизіи.

Тринадцатаго числа прискакалъ казакъ, сказать, что везутъ тѣло Деражинскаго, убитаго въ тотъ-же день наповалъ. Тяжело было видѣть безжизненное тѣло человѣка, такъ еще недавно приходившаго къ намъ въ госпиталь — тогда онъ былъ полонъ жизни и силъ, и разсуждалъ такъ весело съ своими солдатиками, ободряя и похваливая ихъ.

Сегодня (четырнадцатаго числа) въ соборной габровской церкви опустили тѣло его въ могилу. При отпѣваніи и похоронахъ служили болгарскій архимандритъ, о. Стефанъ и пятеро священниковъ Брянскаго и Орловскаго полковъ.

Габрово, 25-го Сентября.

Пятнадцатаго Августа прибылъ къ намъ въ Габрово профессоръ Склифасовскій съ двумя ассистентами и нѣсколькими врачами Краснаго Креста. Съ ихъ пріѣздомъ работа не уменьшилась, но лазаретъ нашъ, имѣвшій до того времени характеръ большаго перевязочнаго пункта, вошелъ, наконецъ, въ настоящую свою роль.

Раненые, получавшіе у насъ только первое медицинское пособіе, стали пользоваться должнымъ уходомъ.

Ампутаціи, за неимѣніемъ рукъ, дѣлались нашими измученными врачами только тѣмъ, которые требовали самой безотлагательной помощи; операцій-же совсѣмъ почти не было!

Съ появленіемъ профессора, въ операціонную комнату съ ранняго утра до поздней ночи вносили несчастныя жертвы, хлорофирмировали ихъ и предавъ тяжелому сну начинали дѣйствовать ножемъ или пилою.

Долго не могла я слышать звука этой пилы по обнаженной кости и видѣть отрѣзанные валяющіеся члены.

Какъ я сначала ни старалась себя пересилить, но всякій разъ невольная дрожь пробѣгала по всему тѣлу; я счастлива была, что не на меня выпала тяжелая доля присутствовать при всѣхъ ужасахъ операцій.

Рядомъ-же съ операціонной комнатой находился пріемный покой,

гдѣ въ продолженіи цѣлаго дня тоже, не переставая ни на минуту, шла работа.

Туда почти со всѣхъ палатъ приносились больные, которымъ необходимо было наложить гипсовыя повязки. Вся громадная комната завалена была бинтами, шинами, жестянками съ гипсомъ; по полу разставлены тазы съ приготовленною гипсовою кашицею. Всюду кипитъ работа, всякій спѣшитъ поскорѣй управиться съ своимъ дѣломъ. Отправить больнаго въ транспортъ, хоть съ самымъ незначительнымъ переломомъ, безъ наложенія неподвижной повязки было дѣло немыслимое!

Благодаря этому, пришлось мнѣ однажды приготовить къ отправкѣ двадцать восемь человѣкъ! Наложить въ одинъ вечеръ двадцать восемь повязокъ, изъ коихъ шесть на бедро—было невозможно; я говорила объ этомъ доктору, съ которымъ я работаю. Онъ вполнѣ со мною согласился и призвалъ на помощь студента, самъ-же не принималъ никакого участія въ нашей работѣ. Сидя возлѣ на койкѣ, онъ разсѣянно смотрѣлъ, какъ я накладывала повязку, курилъ папиросу, и на ломаномъ французскомъ языкѣ предлагалъ мнѣ разные вопросы, совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу. Его лѣнь и полное равнодушіе страшно меня волновали, и я едва сдерживала свою злобу.

Вдругъ вдали по корридору раздались мужскіе шаги по направленію къ нашей палатѣ. Докторъ мой встрепенулся, бросилъ папироску, проворно подскочилъ, выхватилъ у меня изъ рукъ бинтъ и довольно громко сказалъ: «Позвольте, позвольте мнѣ бинтъ для начальства», и принялся усердно бинтовать. Въ эту минуту дверь отворилась, вошелъ Склифасовскій и сталъ его спрашивать: много-ли еще остается работы; нимало не смущаясь, онъ самымъ хладнокровнымъ образомъ объяснилъ, что накладываетъ седьмую повязку и что еще остается болѣе двадцати.

Я такъ и обомлѣла отъ этихъ словъ, и не могла никакъ постигнуть, какъ человѣкъ могъ такъ безсовѣстно, такъ нахально лгать въ присутствіи сестры, санитаровъ и больныхъ.

Отъ страшнаго наплыва раненыхъ воздухъ въ лазаретѣ сталъ до того тяжелъ и зловреденъ, что ампутированные весьма медленно и плохо поправлялись. Во избѣжаніе заразы рѣшено было ихъ отдѣлить, положить въ большіе шатры, которые и были разбиты на лазаретныхъ дворахъ.

Въ одномъ изъ этихъ шатровъ работала С. Ю. и я. Врачи наши, являвшіеся къ семи часамъ утра въ госпиталь, требовали отъ насъ, чтобы къ ихъ приходу температура оперированныхъ больныхъ была измѣрена, такъ что намъ довольно рано приходилось начинать работу.

Въ постоянномъ трудѣ проходили дни за днями. Къ концу августа, благодаря усиленнымъ транспортамъ, госпиталь нашъ началъ приходить понемногу въ порядокъ. Работы стало меньше, и медицинскій персоналъ

*

почти весь разъѣхался. Остались въ Габровѣ только врачи 14-й дивизіи и три доктора Краснаго Креста.

Все какъ-бы начинало отдыхать.

На Шипкѣ тоже затихло. Изрѣдка только Сулейманъ тревожилъ нашихъ храбрецовъ; къ счастію немного вреда наноситъ онъ намъ своими выстрѣлами!

Дай Богъ, чтобы надолго продолжалось это затишье. Теперь, когда все успокоилось, невольно перебираешь въ своемъ умѣ все пережитое. Безъ содроганія нельзя вспомнить всѣ ужасы; съ трудомъ вѣришь, что сама ихъ видѣла. Въ самомъ разгарѣ работы, мы часто дѣйствовали на подобіе машинъ. Къ счастію, и времени для размышленія не было! Къ счастію, говорю я, потому что если-бы останавливаться передъ всѣми тяжелыми картинами, не хватило-бы силъ: слишкомъ ихъ было много и слишкомъ онѣ были ужасны!

Случалось впрочемъ иногда,-при видѣ умирающаго человѣка, остановиться передъ нимъ и невольно спросить себя: Кто онъ такой? Откуда? Есть-ли у него жена и дѣти, которыхъ онъ любилъ, къ которымъ, чувствуя свой послѣдній часъ, не разъ мысленно обращался!

Несчастный страдалецъ! Не было возлѣ него любящаго существа принять его послѣдній вздохъ; не было никого, кому-бы онъ могъ передать свое благословеніе!

Умеръ герой, честно исполнившій долгъ свой, далеко отъ всего ему дорогаго. Никто не пожалѣетъ его, никто не помолится за упокой души его!

Едва успѣлъ закрыть глаза, какъ являются санитары, кладутъ на носилки и несутъ къ церкви. Тамъ ставятъ рядомъ съ другими, ему подобными жертвами. На другой день священникъ наскоро отслужитъ панихиду; если есть гробъ, то положатъ въ него, а нѣтъ—такъ просто завернутъ въ старую простыню. Сложатъ на телѣгу человѣкъ восемь и везутъ на кладбище, гдѣ похоронятъ въ большой общей могилѣ!...

Габрово, 1-го Октября.

Ужасы Шипкинскихъ дней давно уже прошли, но дѣла по прежнему чрезвычайно много. На мѣсто Сулеймана явился другой бичъ, еще страшнѣе, еще неумолимѣе—морозъ. Что переносятъ люди на Шипкѣ, трудно себѣ и представить. Послѣднія двѣ недѣли не переставалъ то дождь, то снѣгъ, а люди должны сидѣть въ ложементахъ въ грязи, въ лужахъ, на корточкахъ, не смѣя высунуть головы. Молча, безропотно переносятъ они эти мученія, но страшный процентъ смертности за послѣднее время служитъ вѣрнымъ доказательствомъ, что нелегко имъ

тамъ живется. Страшно смотрѣть на тѣхъ, которыхъ привозятъ въ лазаретъ. Это не люди, а тѣни: кости да кожа, иные доставляются въ такомъ видѣ. что черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ госпиталь умираютъ.

Ежедневно прибываетъ къ намъ около двухсотъ человѣкъ.

Еслибы не Красный Крестъ, снабжающій насъ всѣмъ необходимымъ, старающійся улучшить насколько возможно бѣдственное наше положеніе, мы тутъ совсѣмъ-бы погибли. Дивизіоннымъ лазаретамъ устроеннымъ на восемдесятъ четыре человѣка, нѣтъ возможности содержать тысячу двѣсти больныхъ, и больше. Одно наше спасеніе такъ называемая лавочка Краснаго Креста—та завѣтная комната, гдѣ находится нашъ складъ!

Когда-бы только были средства, сколько можно доставить дешеваго утѣшенія нашимъ больнымъ солдатикамъ! Когда случится купить имъ бѣлаго хлѣба, яицъ, надо видѣть ихъ радость. Но самое большое утѣшеніе имъ, это «кисеты» для табаку. Надобно вамъ разсказать еще исторію нашей турчанки.

Въ послѣднихъ числахъ августа, въ деревнѣ, недалеко отъ Шипки, въ кукурузѣ была найдена болгарскими женщинами турецкая дѣвочка лѣтъ шестнадцати.

Когда ее стали спрашивать кто она такая, она назвала себя «турчанкою». Отецъ и мать ея убиты были болгарами, но женщины сжалились надъ нею и взяли ее къ себѣ. Черезъ нѣсколько дней она изъявила желаніе принять христіанскую вѣру. Священникъ той деревни, гдѣ она жила, прислалъ доложить объ этомъ габровскому окружному начальнику, и просилъ быть у нея крестнымъ отцомъ.

Маіоръ Масловъ съ охотою согласился и предложилъ мнѣ крестить съ нимъ. Рѣшено было привезти турчанку въ Габрово. Тутъ продержали ее нѣсколько дней; къ ней ходилъ болгарскій священникъ, говорившій по турецки. растолковывалъ ей нѣкоторыя молитвы. объяснялъ таинство крещенія и училъ креститься.

Въ это-же время мы старались, сколько возможно было, снарядить ее: скроили ей красивый голубой сарафанъ, обшили его золотымъ галуномъ, приготовили бѣлую русскую рубашку съ широкими рукавами, сшили еще нѣсколько платьевъ. Наконецъ 5-го сентября совершено было надъ нею крещеніе. Одѣли ее съ ногъ до головы во все новое и повели въ церковь; собралась толпа народа. У нея былъ испуганный видъ, личико такое молоденькое, хорошенькое, глазки такіе грустные. Служили двое священниковъ одинъ нашъ, русскій, 9-й дивизіи Орловскаго полка, другой габровскій, о. Стефанъ. Пѣли наши-же солдатики. Послѣ крещенія надѣла я ей сарафанъ, заплела по русски одну косу; новый ея нарядъ очень шелъ къ ней. Потомъ привели ее ко мнѣ въ комнату.

пришли священники, принесли образъ и стали служить молебенъ за насъ обоихъ и за нашу крестницу. Названа она Маріей; во время службы она стояла задумчивая и часто крестилась. Послѣ молебна комната моя наполнилась народомъ. Священники и многія болгарки, къ моему удивленію, усѣлись какъ-бы въ ожиданіи чего-то; матушка казначея вывела меня изъ затрудненія, шепнувъ мнѣ на ухо, что теперь, по ихъ обычаю, слѣдуетъ угостить чѣмъ нибудь сладкимъ. Къ счастію случилась подъ рукою банка варенья, принесли блюдечки, и совершилось благополучно угощеніе. Крестница моя въ тотъ-же день должна была возвратиться въ деревню.

Надавали ей денегъ, крестный отецъ подарилъ шубу и разныхъ другихъ необходимыхъ вещей.

А вотъ уже теперь, сказываютъ, къ ней посватался зажиточный болгаринъ, и она проситъ нашего благословенія.

Габрово, 20-го Октября.

Цѣлые дни, съ семи часовъ утра до одиннадцати вечера, провожу въ лазаретахъ или, лучше сказать, въ бѣготнѣ отъ одного лазарета къ другому.

Въ половинѣ октября спустился къ намъ съ Балканъ лазаретъ 9-й дивизіи и размѣстился въ семи или восьми большихъ болгарскихъ домахъ и въ шести шатрахъ, поставленныхъ за городомъ въ красивой долинѣ, у самой подошвы высокой горы. Въ обоихъ лазаретахъ, т. е. въ лазаретѣ 9-й и 14-й дивизіи, изъ сестеръ работала я одна. Мои обѣ сожительницы меня покинули, и вотъ больше двухъ недѣль какъ я нахожусь въ полномъ одиночествѣ. Скучать некогда:—днемъ завалена работою, а къ вечеру чувствую такую страшную усталость, что только мечтаю о томъ, какъ-бы скорѣе лечь отдохнуть. За послѣднее время пока эвакуація (по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ) была строго на строго запрещена, Габрово наше обратилось въ большой госпиталь. Въ каждомъ домѣ размѣщены больные, большею частью жертвы балканскихъ морозовъ.

Число этихъ несчастныхъ значительно прибавилось съ приходомъ 24-й дивизіи; изъ Иркутскаго, Красноярскаго и другихъ полковъ ежедневно прибывало отъ сорока до пятидесяти человѣкъ.

Вчера въ обоихъ лазаретахъ, взятыхъ вмѣстѣ, было двѣ тысячи шестьсотъ человѣкъ. Страшно подумать! Какъ еще держатся наши лазареты, рѣшительно не понимаю!

Ходить одной за всѣми больными нѣтъ физической возможности поэтому я взяла себѣ только самыхъ слабыхъ; остальныя палаты пору-

чены фельдшерамъ, въ нихъ мнѣ приходится только наблюдать за чистотою и за точнымъ исполненіемъ докторскихъ предписаній. Зачастую приходится ссориться съ господами коммисарами то за недодачу выписанной порціи, то за полное отсутствіе такъ называемой слабой порціи, состоящей изъ молока съ комками развареннаго риса. Хотя у насъ въ лазаретѣ 9-й дивизіи кормятъ довольно хорошо, но, по моему мнѣнію, выздоравливающему солдатику трудно удовлетвориться полагаемой ему порціей, и я выхлопотала у старшаго врача Анучина говяжьи котлеты, которыя и раздавала по своему усмотрѣнію. Тоже нерѣдко приходилось ему жаловаться на злоупотребленіе, которое дѣлалось при раздачѣ мясныхъ порцій: вмѣсто слѣдуемыхъ трехъ четвертей фунта сыраго мяса отпускалось полфунта, а иногда и меньше; докторъ Анучинъ обыкновенно призывалъ къ себѣ коммисара, дѣлалъ ему строжайшій выговоръ, тотъ клялся, божился, что безпорядковъ больше не будетъ, а между тѣмъ черезъ нѣсколько дней та же исторія повторялась.

Много было хлопотъ и непріятностей, много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить, но все это вознаграждалось тою любовью и тѣмъ довѣріемъ, которое питали ко мнѣ мои паціенты. Я такъ съ ними сжилась, такъ къ нимъ привыкла, что часъ разлуки меня страшилъ! Не думалось мнѣ, что эта минута была такъ близка. Прихожу вчера въ лазаретъ и узнаю тамъ, что на сегодняшній день назначенъ транспортъ, ждутъ только подводъ.

Едва могла я удержаться отъ слезъ, прощаясь съ своими добрыми солдатиками: точно разставалась съ родными, близкими мнѣ людьми. Долго я холила и баловала ихъ, какъ только могла. Дала имъ каждому на дорогу кисетикъ съ трубочкою и табачкомъ, по Евангелію; перекрестила, посадила на телѣгу, и со слезами на глазахъ отошла! Что-то съ ними будетъ, куда они дѣнутся? Многіе изъ нихъ изувѣчены, кто безъ руки, кто безъ ноги. Обѣщали написать. Прощаясь со мной они обѣщались написать, какъ пріѣдутъ домой; многіе-же подходили ко мнѣ и взволнованнымъ голосомъ говорили:

— Прощай, сестрица, прощай, родненькая: вѣкъ тебя не забудемъ, кисетики твои сохранимъ, трогать даже теперь не станемъ, а то запачкаемъ. Да утѣшитъ тебя Господь, какъ ты насъ утѣшила!

А одинъ солдатикъ отозвалъ меня въ сторону, суетъ мнѣ что-то въ руку, и шепотомъ, какъ-бы боясь, чтобы его кто не услышалъ, говоритъ:

— Сестрица, нечѣмъ мнѣ поблагодарить тебя: возьми, вотъ свѣчечка страстная: молился я усердно когда стоялъ съ нею, можетъ принесетъ она тебѣ счастье! Христосъ съ тобой, буду молиться за тебя до послѣдняго издыханія!

Къ великому моему огорченію, я должна сознаться, что дѣятельность Краснаго Креста у насъ ослабѣла. Нашему уполномоченному В. П. Глѣ-

бову недавно велѣно было закрыть складъ и увезти изъ Габрова бренные его остатки; но Глѣбовъ, видя страшно бѣдственное наше положеніе, дерзнулъ отчасти ослушаться приказанія, и вмѣсто того, чтобы вовсе уничтожить, только—уменьшилъ его, а уѣзжая, обѣщалъ мнѣ, въ случаѣ крайности, по моему требованію, высылать все необходимое. Но какъ я ни просила, сколько ни писала, высылалась обыкновенно третья часть требуемаго. Ослабленіе пособій отъ Краснаго Крста сильно ощущалось больными.

При отправкѣ послѣдняго транспорта я равнодушно смотрѣть не могла, въ какомъ видѣ эти несчастные садились на телѣгу.

Полушубки, составляющіе у насъ чрезвычайную рѣдкость, давались только самымъ слабымъ: изъ пятисотъ человѣкъ уѣзжающихъ могла ими снабдить только сто восемдесятъ, всѣ же остальные должны были отправляться въ простыхъ холодныхъ шинеляхъ и въ рваныхъ сапогахъ.

«Кальцуны» (болгарская теплая обувь, похожая на наши валенки, сдѣланные изъ толстаго теякъ—толстое болгарское сукно), оказывалось, не влѣзали на больныя ноги. Просили солдатики у меня теплыхъ портянокъ, но ихъ не оказывалось, и больные принуждены по морозу пускаться въ путь почти на босу ногу.

Увы! Красный Крестъ считалъ своею обязанностью приходить на помощь только раненымъ, больные же наши были совсѣмъ забыты!

Тяжело нашимъ Шипкинскимъ героямъ, много бѣдствій приходилось имъ испытывать.

Монастырь Св. Николая.
Перевязочный пунктъ подъ Еленою.

Благодаря вновь открывшемуся въ Драновѣ военно-временному госпиталю, больныхъ у насъ въ обоихъ лазаретахъ сравнительно съ предыдущими мѣсяцами было немного, и я воспользовалась этимъ, чтобы отправиться въ Тырново для переговоровъ съ В. П. Глѣбовымъ и для покупки себѣ теплаго платья.

Покончивъ свои дѣла, я собиралась въ обратный путь; но разнесшійся слухъ о сраженіи подъ Еленою и о передвиженіи нашего лазарета изъ Габрова въ монастырь, лежащій на полупути между Тырновымъ и Еленою, заставилъ меня призадуматься. Я была въ недоумѣніи: куда ѣхать, что предпринять. Недолго пришлось колебаться.

Рано утромъ 21-го числа получена была отъ Г. слѣдующая записка: «Повидимому подъ Еленою завязалось серьозное дѣло, сейчасъ ѣду туда, въ случаѣ, что работы много, увѣдомлю, и тогда пріѣзжайте скорѣй». Не прошло и часа, какъ прискакалъ верховой со второю уже запискою. «Раненыхъ множество, пріѣзжайте немедленно».

Жутко стало на душѣ при этой вѣсти, какъ бы чуяла я что-то недоброе!

Вещи наши были уже уложены, оставалось только запречь лошадей. Не болѣе какъ черезъ полчаса сидѣли мы втроемъ въ большомъ, тряскомъ фургонѣ, заваленномъ тюками съ перевязочными матеріалами, бѣльемъ, тазами, ирригаторами.

Быстро понеслись мы въ то страшное мѣсто, гдѣ уже впродолженіи нѣсколькихъ часовъ лилась родная кровь. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, выстрѣлы становились все слышнѣе и слышнѣе, при каждомъ новомъ ударѣ страхъ овладѣвалъ мною и сердце какъ-то болѣзненно сжималось!

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы принуждены были пріостановить нашихъ лошадей, вся дорога была загромождена вьючными лошадьми, бѣженцами, фурами съ домашнимъ ихъ скарбомъ. Шумъ и гамъ ужасный. Но вотъ прошла вся эта безпорядочная толпа, и передъ нашими глазами открылась новая, потрясающая душу картина.

Съ нами поравнялся взводъ трубачей.

Ѣхали они молча, уныло, понуривъ голову. Лица у всѣхъ были такія задумчивыя и мрачныя, что глядя на нихъ духу не хватало спросить, что сталось съ нашими? Кучеръ нашъ оказался храбрѣе, и обратился съ вопросомъ къ одному изъ проѣзжавшихъ:

— Ну, что, братъ, что у насъ тамъ дѣлается?

— Что дѣлается! Маріинскую позицію отдали, отступаемъ на Елену, теперь идетъ тамъ страшный бой: окружилъ, проклятый, со всѣхъ сторонъ, такъ и сыплются пули словно дождь!

При этомъ трубачъ нашъ глубоко вздохнулъ. Слова его такъ и обдали меня холодомъ: неужели, думала я, войска наши будутъ захвачены въ плѣнъ, неужели не успѣютъ спастись наши герои и погибнутъ храбрые орловцы.

Никогда еще не испытывала я такого глубокаго отчаянія, такого унынія, какъ въ этотъ разъ. Страшно было на Шипкѣ, но ничто не могло сравниться съ тѣмъ чувствомъ, которое я теперь испытывала.

Мрачныя мысли одна за другой копошились въ моей головѣ. Я представляла себѣ полное пораженіе нашихъ войскъ, преслѣдованіе турокъ до самаго Тырнова, панику и бѣгство жителей, и тому подобные ужасы.

Верстахъ въ двухъ отъ нашего будущаго мѣста жительства мы встрѣтили человѣкъ полтораста раненыхъ, которые шли въ Тырново; несчастные отъ утомленія едва передвигали ноги!

Вѣрить глазамъ своимъ не хотѣлось! Ужь не сонъ ли это? подумалось мнѣ.

Но раздававшіеся вокругъ меня стоны убѣждали въ противномъ.

Стали мы распрашивать бѣднягъ, и они объяснили намъ, что за неимѣніемъ достаточнаго количества подводъ, они рѣшились отправиться до Тырнова. Страшно показалось оставаться въ монастырѣ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ турками.

— А что, раненыхъ много? спросила сестра, ѣхавшая съ нами, одного изъ нихъ.

— Много, матушка, нашего брата, но больно много и начальства пострадало, даже и начальника дивизіи не пощадилъ окаянный.

— Какъ, развѣ онъ раненъ? спросила я его.

— Да, въ ногу кажется:—самъ видѣлъ, какъ несли его на носилкахъ по улицамъ Елены, а пули такъ и свистали надъ его головою.

— Куда несли? продолжала я распрашивать.

— Вѣрно въ монастырь. Елену вѣдь оставили, тамъ только роты двѣ нашихъ орловцевъ; не хотятъ знать, турку уступать, да и держатся, пока послѣдняго положатъ.

— Боже, неужели правда, что нашихъ разбили!

Ѣхала я въ какомъ-то туманѣ, не сознавая или, лучше сказать, не желая сознавать горькой истины; слишкомъ она была ужасна!

Наконецъ, послѣ всего этого нравственнаго томленія, доѣхали мы до какого-то монастыря. Я обрадовалась: думаю, вотъ, вотъ сейчасъ узнаю всю правду, увижу вновь прибывшихъ раненыхъ и отъ нихъ получу точныя свѣдѣнія! Но оказалось, что монастырь, въ которомъ расположился лазаретъ и гдѣ находился начальникъ дивизіи съ своимъ штабомъ, былъ еще верстахъ въ полутора отъ насъ. Не сидѣлось намъ уже болѣе въ душномъ фургонѣ, лошади слишкомъ медленно для насъ двигались, и мы предпочли идти пѣшкомъ. Перешли въ бродъ довольно широкую рѣчонку и бѣгомъ добрались до монастыря св. Николая. Весь дворъ буквально переполненъ былъ народомъ, цѣлыя семейства бѣглыхъ болгаръ пришли искать пріюта въ стѣнахъ святой обители; тутъ же стоятъ запряженныя лазаретныя линейки, носилки съ ранеными, докторъ и фельдшера вызываютъ назначенныхъ въ транспортъ.

Въ первую минуту я такъ была поражена этимъ шумомъ и крикомъ, что какъ-то растерялась, остановилась, не зная куда идти, за что приняться. Но докторъ Анучинъ, увидавъ въ толпѣ своихъ Шипкинскихъ сотрудницъ, подошелъ къ намъ и указалъ мѣсто, гдѣ находились наши раненые.

Тутъ представилась намъ уже знакомая картина; монастырь св. Николая изображалъ тотъ же Габровскій госпиталь послѣ сраженія 9-го августа. Больные разложены были по кельямъ, но третья часть въ кельяхъ не умѣщалась и лежала на полу въ корридорахъ, галлереяхъ и т. п.

Работа наша безостановочно продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ, часу въ третьемъ отправились мы въ отведенное намъ помѣщеніе.

единственно оставшееся свободнымъ во всемъ монастырѣ. Помѣщеніе это состояло изъ небольшой комнаты съ землянымъ поломъ; вмѣсто окна, въ стѣнѣ прорублено крошечное отверстіе, заклеенное темно-синей бумагой, мебель замѣняла низенькая, деревянная скамейка, придѣланная вдоль стѣны.

Это помѣщеніе служить тоже и нашимъ складомъ, вслѣдствіе чего почти вся комната завалена тюками, ящиками, боченками со спиртомъ, водкой и т. п. Чувствуя сильное утомленіе, мы разостлали по полу свои кожаныя пальто, подъ голову положили дорожные мѣшки, и легли, но въ продолженіи всей ночи ни на минуту не закрывали глазъ. Какой тутъ сонъ, когда на душѣ такъ тяжело; едва удерживаешься отъ слезъ. Притомъ, не умолкая у самыхъ дверей слышался громкій говоръ бѣженцевъ, крикъ и плачъ крошечныхъ грудныхъ дѣтей (бѣдняжекъ на дорогѣ подняли добрые наши солдатики и притащили съ собой въ монастырь). Трогательно было смотрѣть, какъ возились они съ ними, какъ ласкали и убаюкивали ихъ, но малютки не могли успокоиться.

Сюда же на дворъ безпрестанно пріѣзжали разные генералы, ординарцы. Бряцанье сабель, топотъ и ржаніе коней раздавались въ продолженіи всей ночи. Съ противуположной стороны подъ нашимъ окномъ, несмотря на ужасную темноту, проѣзжала артиллерія. Дорога проходила по крутому обрыву. Страшно становилось за нашихъ храбрецовъ, которые, казалось, не обращали большаго вниманія на всѣ препятствія и торопились добраться къ утру на позиціи. Несчастныя лошади съ трудомъ вытягивали тяжелыя орудія и большіе зарядные ящики. Солдатики затянули свою обычную *«дубинушку»*, раздалась вдругъ страшная трескотня и что-то съ громомъ покатилось вдоль обрыва. «Ящикъ летитъ: подавай скорѣй огня, сюда фонарь; вотъ грѣхъ-то случился», послышалось со всѣхъ сторонъ, и долго еще возились подъ нашимъ окномъ, долго раздавались громкіе возгласы.

Не до спанья тутъ было. Какъ только стало немного разсвѣтать, мы отправились къ своимъ несчастнымъ солдатикамъ, которые подобно намъ, всю ночь не смыкали глазъ. Стоны ихъ часто доносились до насъ.

Обрадовались они, что увидали сестрицъ, и стали просить: кто тепленькаго молочка, кто кисленькаго питья, кто перевязать мучительную рану. Началась снова работа. Дѣло кипѣло, руки были заняты, но душа все ныла, все продолжала болѣзненно сжиматься.

Положеніе нашего отряда было самое безотрадное, ждали подкрѣпленія, а подкрѣпленія не приходило. Наконецъ, 25 числа подошли храбрые волынцы, тѣ самые, которые въ ночь 11-го августа такъ во время подоспѣли на помощь своимъ товарищамъ на Шипкѣ. Всѣ повеселѣли, стали говорить, что на слѣдующій день, т. е. въ день св. Георгія, будутъ атаковывать турокъ и захватятъ всю армію въ плѣнъ. Солдатики безпре-

станно повторяли: «Вотъ ужь теперь безпремѣнно ихъ побьемъ; попадись они намъ, не пощадимъ и самого Сулеймана!»

Не пришлось бѣднягамъ порадоваться взятію въ плѣнъ столь ненавистнаго имъ Сулеймана. Атака не состоялась. Въ эти тяжелыя минуты Господь наконецъ вознаградилъ насъ за наше долготерпѣніе, за нашу покорность Его Святому Промыслу!

28-го Ноября получена была телеграмма о взятіи Плевны. Сначала вѣрить не хотѣлось; слишкомъ велика была радость, но когда прочла офиціальное увѣдомленіе, я не помнила себя отъ счастія. Мнѣ и плакать и смѣяться хотѣлось. Опрометью помчалась я къ своимъ больнымъ. Ворвалась въ палату съ крикомъ: «Плевна пала! Плевна наша!»

Больные мои встрепенулись, и громкое *«ура»* раздалось мнѣ въ отвѣтъ. Изъ палаты въ палату перебѣгала съ этою радостною вѣстью. Нашъ унылый монастырь вдругъ принялъ праздничный видъ: пѣсни, громкіе крики «ура» раздавались до поздней ночи. Всѣ поздравляли другъ друга, точно въ великій праздникъ Свѣтлаго Воскресенья. Всѣмъ стало легко; забылось хоть на минуту тяжелое окружающее.

На другой день рано утромъ въ скромной монастырской церкви монахами былъ отслуженъ благодарственный молебенъ!

Мон. Св. Николая, 5-го Декабря 1877 г.

Съ восторгомъ было нами принято извѣстіе о предполагаемомъ наступленіи на Елену; мы стали торопиться и приготовлять все необходимое для перевязочного пункта. Отобрали бѣлье, перевязочныя средства, нарѣзали изъ мягкой марли компрессовъ, наготовили большое количество лубковъ различной величины, не забыли тоже взять крестиковъ, трубокъ и кисетовъ, чтобы было чѣмъ порадовать нашихъ будущихъ паціентовъ.

Нашъ уполномоченный Глѣбовъ не дремалъ, вывезъ изъ тырновскаго склада необъятной величины самоваръ, который своимъ видомъ напоминалъ мнѣ самовары на нашихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, забралъ большое количество вина, водки, бѣлаго хлѣба и разныхъ консервовъ: все это было уложено въ большихъ мѣшкахъ; одна часть помѣщена въ нашу бричку, а другая навьючена на лошадей. Къ назначенному часу все было готово; кучерамъ отданъ приказъ съ разсвѣтомъ отправляться въ путь, какъ вдругъ появился начальникъ Еленинскаго округа съ донесеніемъ, что турки оставили Елену и отступили по дорогѣ къ Габрову, что городъ весь разграбленъ и во многихъ мѣстахъ горитъ. Извѣстіе это было только что имъ получено съ нашихъ аванпостовъ, которые уже находятся въ Еленѣ.

Это всѣхъ насъ сразило; не говоря уже о томъ, что жалѣли бѣдный городъ, досадно было, что не удалось отплатить за нанесенное пораженіе. Чудна человѣческая натура: вмѣсто того, чтобы радоваться, что обошлось безъ пролитія крови, всѣ какъ-то снова нахмурились, и только мысль о возможности нагнать турокъ въ Габровѣ ободрила нашихъ храбрецовъ.

Мигомъ опустѣлъ нашъ монастырь, начальникъ отряда и штабъ помчались въ Елену; въ послѣдніе дни войска набралось достаточно, — всѣ снова замечтали захватить Сулеймана! Слѣдомъ за военнымъ людомъ поплелся и нашъ маленькій отрядъ, состоящій на сей разъ только изъ нашего уполномоченнаго, двухъ сестеръ, нѣсколькихъ санитаровъ и небольшого обоза. На мѣстѣ дѣйствія мы должны были присоединиться къ военному перевязочному пункту и работать съ полковыми докторами.

Отъ монастыря до Елены было не болѣе пятнадцати верстъ; дорога частью проходитъ по великолѣпному ущелью.

Прелесть окружающей природы до того меня поразила, что я почти забыла о цѣли моего путешествія. Трудно представить себѣ что либо красивѣе и величественнѣе: временами невольно останавливаешься, оторваться не могла, боялась не успѣть вдоволь насмотрѣться!

На небѣ ни облачка, чудное, голубое солнце ярко свѣтитъ, на скалахъ едва бѣлѣетъ снѣгъ, съ горъ клубясь и журча бѣгутъ ручьи, мысли унеслись далеко, стало такъ тихо и хорошо на душѣ.

Безпрестанные, отчаянные взгляды нашего возницы заставляли покидать волшебный міръ и обращать вниманіе на лежащій впереди насъ путь; сказать правду, было отъ чего приходить въ смущенье. Дорога шла по самому краю крутаго обрыва, страшно взглянуть въ бездну, невольно вспомнилась мнѣ та ужасная ночь, когда мимо нашихъ оконъ шла артиллерія, направлявшаяся въ то же ущелье. Какъ-то они тогда тутъ, бѣдняги, пробирались, вѣрно не обошлось безъ приключеній. А тутъ, какъ-бы въ подтвержденіе моихъ опасеній, вижу лежатъ въ пропасти разбитые зарядные ящики, искалѣченныя лошади. Страшно тяжелая картина, которая далеко не гармонируетъ съ окружающею природой.

Вотъ выбрались наконецъ изъ ущелья, проѣхали Евковскія позиціи, только что оставленныя нашими войсками; теперь и до Елены недалеко. Но чтобы добраться до города надо проѣхать по тому мѣсту, гдѣ наши храбрецы отчаянно отбивались отъ громадной турецкой арміи. Вотъ оно, это знаменитое поле, гдѣ происходила страшная, кровавая драма. Повсюду валяются разбросанные ранцы, лежатъ незарытые еще трупы и множество убитыхъ лошадей, около которыхъ усердно хозяйничаютъ стаи голодныхъ собакъ! Въ первый разъ довелось мнѣ увидать подобную картину... Надѣюсь, что это будетъ и въ послѣдній: и теперь безъ содраганія не могу о ней вспомнить. Тяжелыя минуты пришлось тогда пережить.

Добрались мы наконецъ до города, и немедленно приступили къ отысканію какого нибудь помѣщенія. Дѣло это было не легкое — городъ горѣлъ, всѣ дома были разрушены. Стали мы бродить по обгорѣлымъ улицамъ, безпрестанно нападая на самыя возмутительныя картины; что пощадили турки и огонь, то теперь истребляютъ наши солдатики, не отстаютъ отъ нихъ и братушки. Всякій тащитъ что только можетъ, у нѣкоторыхъ развалинъ попадается наша стража, хотятъ спасти отъ разграбленія остатки пшеницы и кукурузы, чтобы было чѣмъ кормить голодное населеніе города. Проходя мимо одной лавчонки, мы были остановлены толпою болгаръ, которые громко о чемъ-то разсуждали, и при нашемъ появленіи стали насъ звать; подошли, и видимъ: посреди лавки на полу стоитъ громадная бочка съ виномъ, и возлѣ нея лежитъ солдатикъ совершенно уже посинѣлый, почти не дышитъ, а все еще продолжаетъ тянуть изъ бочки. Силой его оттуда вытащили и передали караульному, который долженъ былъ его доставить въ находящійся по близости пріемный покой. Утомились мы порядочно, стали вздыхать о томъ, какъ-бы пріятно было найти какой нибудь уголъ, гдѣ-бы можно было пріютиться. На наше счастье натолкнулись мы наконецъ на уцѣлѣвшій домъ и забрались въ него. Отыскалась болгарка, пришла предложить намъ свои услуги, мигомъ появился котелокъ съ горячей водой и вслѣдъ затѣмъ чай. Словоохотная болгарка стала намъ сообщать всѣ событія прошедшихъ дней, и между прочимъ разсказала, что въ это самое утро въ домѣ, гдѣ мы остановились, было найдено тѣло убитаго турка. При этомъ извѣстіи меня немного покоробило; долго не рѣшалась я лечь спать, но усталость взяла свое, и я отлично проспала до утра. Надо было отдохнуть до завтрашней работы. Но видно турки боялись теперь съ нами сразиться; ночью, пользуясь темнотою и туманомъ, ушли далеко за Габрово, такъ что когда наши войска подошли, то увидали одни лишь догорающіе костры. Оставаться долѣе было не для чего, мы пустились въ обратный путь, добрались до монастыря, гдѣ я осталась въ лазаретѣ 9-й дивизіи, а В. П. Глѣбовъ и сестра Ю. поѣхали дальше въ Тырново.

Монастырь Св. Николая, 10-го Декабря.

Живется мнѣ тутъ тихо и хорошо. Больныхъ немного, и я отдыхаю физически и нравственно. Все это время я такъ много выстрадала, что вполнѣ счастлива отъ наступившаго затишья. Наконецъ могу заняться своими больными, о чемъ давно мечтала.

Начали мы вмѣстѣ писать письма и читать, разсматриваемъ присланныя картины, все это ихъ чрезвычайно забавляетъ. Въ особенности восторгъ былъ неописанный, когда попалась имъ картина, изображающая

«оборону Шипки храбрыми Орловцами»; не безъ нѣкоторой гордости читали они разсказы о своихъ геройскихъ подвигахъ.

Читаю тоже сочиненія Погосскаго, которыя ихъ очень интересуютъ. Не разъ во время чтенія справлялись они у меня объ имени автора, прибавляя: «Сестрица, видно писалъ эту книжку русскій человѣкъ, знающій хорошо жизнь нашего брата!»

Изо всѣхъ своихъ паціентовъ больше всего привязалась я къ одному солдатику Орловскаго полка, Николаю Бабурину. Бѣднягу привели къ намъ съ страшною лихорадкою.

Онъ былъ такъ слабъ, что въ первую минуту не могъ даже говорить. Отдохнувъ немного, сталъ разсказывать свою страшную исторію.

— Вотъ-то не чаялъ я свѣтъ Божій еще разъ увидать. Двѣнадцать дней, матушка, пролежалъ въ темномъ подвалѣ, ни живъ, ни мертвъ, подъ кучею овса! Во все время, что турки были въ Еленѣ, что ходили они по всѣмъ болгарскимъ домамъ, уничтожая все, что попадалось имъ подъ руку, я лежалъ не смѣя пошевельнуться. Сколько разъ слыхалъ надъ своею головою ихъ крики, возню, ждалъ съ минуты на минуту, что вотъ сейчасъ придутъ и въ мое убѣжище, меня откроютъ и отправятъ къ праотцамъ. Но видно не суждено мнѣ было умереть въ этомъ подвалѣ. Больше всего боялся я, что выдастъ меня несносная курица, которая то и дѣло приходила клевать овесъ, подъ которымъ я лежалъ, и зачастую принималась кудахтать надъ моей головой. Боялся, что вслѣдствіе этого кудахтанья турки откроютъ спасительный мой подвалъ. Страшно страдалъ я въ эти дни отъ жажды. Голодъ не былъ такъ мучителенъ. Подъ рукою находились, правда, черствые и заплеснѣвшіе сухари, и я все-таки ихъ понемногу грызъ. Дня черезъ четыре, слышу, затихло, не слыхать, значитъ, турецкихъ голосовъ. Я и сталъ придумывать, что бы это могло значить? Куда дѣвались проклятые? Хотя и не слыхать ихъ, а все боюсь выйдти поглядѣть, головы высунуть не смѣю. Такъ пролежалъ я еще денька полтора, а тутъ вдругъ слышу снова шаги надъ головою, и на этотъ разъ шаги эти направляются къ моему убѣжищу. Вотъ, думаю я, послѣдній часъ насталъ, и началъ про себя читать молитву, чтобы Господь принялъ грѣшную мою душу и благословилъ моихъ бѣдныхъ сиротокъ. Но, сестрица, разсказать тебѣ не умѣю, что со мною было, когда вдругъ услыхалъ разговоръ «землячковъ». Счастію своему и вѣрить не хотѣлось, больно ужь оно велико было. Солдаты наши народъ прозорливый, не то, что сонный турокъ, небойсь сейчасъ замѣтили кучу овса и стали въ ней рыться. При видѣ меня они такъ и вскрикнули: имъ въ голову не приходило, что свой, думали вѣрно переодѣтый турокъ. Но какъ проговорилъ я: «землячки—водицы», они обступили меня, да и засыпали вопросами. Но отвѣчать имъ я не могъ, едва шевелилъ языкомъ: такъ ворту все пересохло и такъ былъ слабъ. Вотъ теперь, напившись

тепленькаго чайку, я совсѣмъ ожилъ, и вѣрно, сестрица, скоро совсѣмъ буду здоровъ.

Бѣдняга былъ увѣренъ, что лихорадка его будетъ непродолжительна, что скоро станетъ на ноги. Но по блестѣвшимъ его глазамъ, по разгорѣвшимся щекамъ было ясно, что онъ только разбаливался, что болѣзнь будетъ серьозная. На самомъ дѣлѣ на другой-же день у него оказался сильнѣйшій сыпной тифъ.

Во время разсказа его въ палатѣ царствовала мертвая тишина, но какъ только голосъ его замолкъ, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Молодчина, братъ, молодчина, славно провелъ турка!

Я такъ занялась разсказами своего Николая, что даже не обратила вниманія на страшный шумъ, который произвели стрѣлки, пришедшіе къ намъ въ монастырь на ночлегъ.

И когда отворила дверь палаты, чтобы отправиться въ аптеку за лѣкарствомъ, была поражена увидавъ толпу солдатиковъ въ шинеляхъ, башлыкахъ и выше колѣнъ въ снѣгу. Они видимо сильно прозябли, хлопали въ ладоши, растирали себѣ щеки, уши, и усердно топали ногами, все приговаривая: «вотъ пробралъ порядкомъ, ужь нечего сказать!»

— Откуда вы? Когда пришли?—спрашивала я ихъ съ удивленіемъ.

— Мы изъ Елены, сестрица, идемъ на Балканы; да вотъ больно замерзли, и пришли сюда на ночлегъ: страсть какъ холодно!

И на самомъ дѣлѣ, послѣдніе дни морозы стояли сильные. А они въ однѣхъ шинеляхъ, да холодныхъ сапогахъ—не мудрено, что холодно!

Вспомнивъ, что у меня оставалось еще 200 хлѣбовъ и цѣлый боченокъ водки, я побѣжала въ свою комнату, притащила свое скромное угощеніе, и стала раздавать каждому по рюмкѣ водки и небольшому куску черстваго хлѣба.

Не ожидала я, что этотъ хлѣбъ произведетъ такой восторгъ. Но мнѣ было досадно и обидно, что его было у меня такъ мало, едва могла удовлетворить 600 человѣкъ, а у насъ ихъ было въ этотъ вечеръ 3,000. Когда раздача прекратилась и я ушла къ себѣ, стали къ моей комнатѣ подходить солдатики и безпрестанно у дверей слышались ихъ голоса: «Сестрица, матушка, а нѣтъ ли у тебя еще хлѣбца: ты мнѣ вѣдь еще не давала! А хлѣбца-то больно хочется, давно ужь не ѣдали: какъ пришли къ Еленѣ, все сухари да сухари грыземъ».

Чуть ли не со слезами приходилось всякій разъ отвѣчать: «нѣтъ у меня, голубчики, больше: все раздала, что было!»

Габрово, 23-го Декабря.

Эти послѣдніе дни я такъ неожиданно переѣзжала изъ одного мѣста въ другое, что рѣшительно не успѣвала увѣдомлять васъ о своихъ передвиженіяхъ. Еще 31-го Декабря пришлось мнѣ въ монастырѣ св. Николая разстаться съ лазаретомъ 9-й дивизіи, которому приказано было перейти въ Травну. Сначала собралась я ѣхать съ ними, но депеша, присланная княземъ Черкасскимъ на имя сестры Юх. измѣнила всѣ мои планы. Телеграфировалъ онъ слѣдующее: «По волѣ Главнокомандующаго, сестры первое время за Балканы не пойдутъ, о чемъ прошу васъ увѣдомить сестру Э.» Дѣлать нечего; скрѣпя сердце, должна была проститься съ людьми, съ которыми работала съ самаго начала кампаніи; жилось мнѣ съ ними такъ тихо и мирно.

Со старшимъ врачемъ Анучинымъ мы всегда ладили; всѣ мои требованія касательно больныхъ онъ охотно исполнялъ, и больнымъ, благодаря его постояннымъ заботамъ, было у насъ хорошо, все что только возможно было сдѣлать, чтобы хотя немного облегчить ихъ страданія, добросовѣстно исполнялось, денегъ не жалѣли...

Въ страшную вьюгу и метель отправилась я въ Тырново, гдѣ застала еще больныхъ и сестеръ въ лѣтнемъ помѣщеніи. Не смотря на всѣ просьбы и увѣщанія сестры Ю., доктора не рѣшались перенести госпиталь въ городъ. Хотя въ шатрахъ были устроены печи, но польза отъ нихъ была небольшая, и больные продолжали страдать отъ холода. Въ нашемъ помѣщеніи было нелегче, комната, въ которой я спала, нагрѣвалась жаровнею, которая съ вечера накладывалась до верху горячими угольями, но черезъ нѣсколько часовъ уголья гасли, и холодъ былъ такой, что къ утру руки и ноги коченѣли!.. Къ счастью моему, вскорѣ совершился давно желаемый переѣздъ! Больныхъ размѣстили въ двухъ большихъ бывшихъ мечетяхъ и пустыхъ турецкихъ домахъ. Сестры тоже устроились въ новомъ помѣщеніи просторно и хорошо.

Жили мы съ сестрою въ одной маленькой комнатѣ, которая, благодаря нашему искусству обратилась въ красивый уютный уголокъ. Тотчасъ въ ней появились письменные и рабочіе столы, кушетки, разная другая комфортабельная мебель; все это быстро устраивалось при помощи пустыхъ деревянныхъ ящиковъ, плэдовъ и болгарскихъ подушекъ.

Начала я ходить въ госпиталь! Отдѣленія у меня своего еще не было и я пока только помогала другой сестрѣ, которой справиться одной было трудно. Не разъ приходилось мнѣ волноваться и кипятиться отъ возмутительныхъ порядковъ и формальностей военнаго госпиталя. Благодарю судьбу, что только на седьмой мѣсяцъ моего пребыванія на войнѣ, мнѣ пришлось впервые познакомиться съ ними! И не хочу скрыть, что я вполнѣ была счастлива, когда въ одинъ прекрасный вечеръ пришелъ

В. П. Глѣбовъ и объяснилъ, что, по распоряженію кн. Черкасскаго, онъ долженъ ѣхать на другой день съ тремя сестрами въ Габрово, устроить тамъ большой складъ, обязанность котораго будетъ снабжать госпитали Габровскіе и забалканскіе.

Въ Тырновѣ же займетъ его мѣсто уполномоченный Писаревъ, которому онъ уже сдалъ здѣшній госпиталь и складъ. Счастлива была я вдвойнѣ: во-первыхъ, избавлялась этимъ отъ ненавистнаго мнѣ Тырновскаго госпиталя; во-вторыхъ, представлялась возможность увидать снова милое родное мнѣ Габрово. Много трудныхъ минутъ пережила я въ немъ, но за то сколько и хорошихъ. Габрово останется навсегда самымъ отраднымъ воспоминаніемъ, самой свѣтлой полосой моей жизни. Какъ только подъѣхали мы къ оградѣ монастыря, добрыя монашенки выбѣжали къ намъ на встрѣчу, обнимали, цѣловали насъ, и все повторяли: «наши сестры пріѣхали, мы рады, мы любимъ сестру Ольгу и сестру Софью». Пріѣхала съ нами и третья еще сестра, имъ незнакомая, но онѣ тотчасъ ее пріютили и приласкали, говоря: «что любятъ ее потому, что ихъ сестры говорятъ, что любить ее надо».

На этотъ разъ мы только проѣздомъ остановились въ Габровѣ, тутъ должно было рѣшиться дальнѣйшее путешествіе; долго рѣшить не могли, гдѣ помощь наша будетъ нужнѣе, въ отрядѣ-ли кн. Святополкъ-Мирскаго, или же въ отрядѣ Скобелева. Наконецъ по какимъ-то соображеніямъ рѣшено было намъ большимъ отрядомъ ѣхать въ лазаретъ 16-й дивизіи, а агенту Краснаго Креста съ небольшимъ складомъ въ отрядъ кн. Святополкъ-Мирскаго.

Весь вечеръ провели сегодня въ сборахъ и приготовленіяхъ всего необходимаго для перевязочнаго пункта. Завтра пускаемся въ путь.

Давно уже поговаривали у насъ о переходѣ черезъ Балканы; всѣ ждали этого съ нетерпѣніемъ: переходъ за Балканы — стало быть скоро миръ; но въ теперешнюю, холодную зимнюю пору, это казалось мнѣ несбыточною мечтою. Страшно за нашихъ храбрецовъ, великая, трудная задача имъ предстоитъ, въ силахъ-ли они будутъ съ нею справиться? Помоги имъ Господь!

Топлишъ (перевязочный пунктъ въ отрядѣ Скобелева).
26-го Декабря.

Вчера, въ три часа дня, въ большихъ болгарскихъ саняхъ, запряженныхъ четверкой, выѣхали мы изъ Габрова. Переѣздъ былъ весьма незавидный; кучеръ нашъ Константинъ, несмотря на всѣ наши мольбы, не придавалъ большаго значенія страшнымъ ухабамъ и раскатамъ, мчалъ насъ сломя голову; санямъ нашимъ безпрестанно грозило паденіе, съ

ужасомъ смотрѣли мы на глубокій оврагъ: не разъ проходящимъ братушкамъ приходилось насъ спасать, поддерживая сани, но наконецъ все-таки нашъ «Захарушка» достигъ своей цѣли и торжественно кувырнулъ съѣзжая съ небольшаго пригорка; пришлось поваляться въ мягкомъ, бѣломъ снѣгу, спасибо, еще что мѣстомъ нашего паденія не избралъ онъ бурливую Паньчарку, черезъ которую неоднократно приходилось переѣзжать.

Но всѣ эти напасти не помѣшали мнѣ сохранить самое пріятное воспоминаніе объ этомъ путешествіи. Ночь была такая тихая, чудное небо звѣздное, и одна большая яркая звѣзда шла все время передъ нами, какъ-бы указывая намъ путь.

Верстахъ въ двухъ отъ Топлиша попались намъ по дорогѣ большія, длинныя сани, запряженныя парою валовъ, въ нихъ сидѣли только двое солдатиковъ; мѣста было много, и мы предпочли пересѣсть въ нихъ, считая ихъ удобнѣе и безопаснѣе нашихъ.

Съ радостію приняли солдатики своихъ сестричекъ! Тотчасъ между нами завязался оживленный разговоръ.

— Сестричка, а жалованья сколько получаете? спросилъ одинъ изъ нихъ?

— Жалованья мы и совсѣмъ не получаемъ, мы счастливы, что можемъ хотя немного помочь вамъ.

— Да, ужь если бы не вы, плохо бы намъ было. Дай вамъ Богъ здоровья: какъ васъ увидишь, такъ на душѣ покойнѣе и веселѣе станетъ!

Милые, добрые солдатики, что за нѣжныя, любящія сердца скрываются за этими грубыми оболочками! Иногда просто даже больно видѣть, до чего они благодарны за каждое доброе слово, за каждый ласконый взглядъ.

Зашла у насъ рѣчь и о Плевнѣ и о генералѣ Скобелевѣ, и т. п.

— Хорошій, храбрый генералъ, надо правду сказать, но больно любитъ воевать: вотъ теперь послѣ Плевны, намъ сказывали, Царь-Батюшка хотѣлъ въ Россію отпустить, знать на отдыхъ, а онъ нѣтъ—воевать хочу, еще мало турка побилъ; да вотъ и вздумалъ переходить Балканы. А перейти-то ихъ легко развѣ? Ранятъ нашего брата, такъ тамъ и оставятъ на полѣ; куда тащить, дорога вѣдь не шосейная, не проѣдешь!

Незамѣтнымъ образомъ проѣхали мы эти двѣ версты и очутились въ Топлишѣ, крошечной болгарской деревушкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ избушекъ, которыя въ этотъ день всѣ были заняты нашими войсками; благодаря распорядительности начальника штаба, полковника Куропаткина, намъ отведена была какая-то каморка, въ которой мы и помѣстились втроемъ. На слѣдующее утро я встала рано, одѣлась, чтобы идти на перевязку, думая, вотъ-вотъ сейчасъ приведутъ раненыхъ. Но о раненыхъ впродолженіи цѣлаго дня не было слышно. Вскорѣ пришелъ къ намъ старшій врачъ 16-й дивизіи Хохловъ и предложилъ пойти осмотрѣть

помѣщеніе для больныхъ. По уходѣ войскъ всѣ избы заняты были лазаретомъ. Все, правда, убрано было довольно чисто, но помѣщенія было такъ мало, что даже не хватало на 80 человѣкъ.

Въ это утро, т. е. въ утро Рождества Христова, совершалось великое событіе: переходъ нашихъ храбрецовъ черезъ Балканы.

Войска за войсками проходили мимо насъ. У самыхъ дверей нашихъ расположилась на стоянку 4-я Болгарская дружина; она тоже черезъ какіе нибудь два часа отправлялась въ бой, отправлялась цѣною своей крови купить свободу роднымъ братьямъ-болгарамъ!

Несмотря на это, большая часть солдатиковъ беззаботно справляла великій праздникъ, превесело подплясывая, кто «роднаго трепака», кто «болгарскій танецъ».

Нѣкоторые, правда, сидѣли молча, грустно понуривъ голову, но ихъ было такъ немного.

Тутъ-же поодаль въ кружкѣ стояли офицеры, и въ ожиданіи приказанія двинуться въ походъ пили, распѣвая веселую, лихую русскую пѣсню, такъ называемую «прощальную чарку».

Ожидаемое приказаніе вскорѣ пришло, и они весело выступили въ походъ.

Вскорѣ мы узнали изъ вѣрныхъ источниковъ, что дѣло завязалось горячее, что раненыхъ будетъ много; до насъ между тѣмъ доходили солдатики и офицеры съ пустяшными ранами. Видя на нашемъ домѣ развѣвающійся флагъ Краснаго Креста, они приходили прямо къ намъ просить напоить, накормить и перевязать ихъ.

Оставлять ихъ въ Топлишѣ старшій врачъ не рѣшался—боясь, что приведутъ тяжелыхъ раненыхъ и класть будетъ некуда, поэтому ихъ тотчасъ же отправляли на саняхъ въ Габрово.

Почти совсѣмъ безъ работы просидѣли мы цѣлый день. На слѣдующее утро погода была чудная, и мы отправились въ горы вслѣдъ за войсками, которыя все еще не переставали тянуться мимо насъ.

Утро было такое теплое, солнце ярко свѣтило, серебристыя горы ослѣпительной бѣлизной своей какъ бы манили насъ къ себѣ, такъ и тянуло насъ впередъ вслѣдъ за солдатиками. Узенькая тропинка, по которой мы шли, упираясь на длинныя палки, круто поднималась вдоль обрыва. Страшно было смотрѣть, какъ по ней втаскивали наши солдатики почти на рукахъ горныя орудія: пара лошадей, запряженная цугомъ, не въ силахъ была съ ними справиться, безпрестанно скользя и падая. Вдоль всей дороги ярко горѣли костры, разведенные братушками (по распоряженію нашего уполномоченнаго г. Глѣбова) для проходящихъ войскъ.

Сами не замѣтивъ, прошли мы молча, погруженныя въ думу, болѣе трехъ верстъ. Но вотъ вдругъ видимъ ѣдетъ къ намъ на встрѣчу В. П. Глѣбовъ. Онъ возвращался изъ Иметли (которая еще наканунѣ занята

была нашими войсками) извѣстить старшаго врача, что несутъ раненаго полковника Куропаткина. Извѣстіе это всѣхъ глубоко огорчило: всѣ знавшіе лично Куропаткина уважали и любили его, и мы хотя и не знали его, но такъ много о немъ слыхали, что приняли въ немъ самое горячее участіе.

Какъ только внесли его въ крошечное помѣщеніе, всѣ доктора, человѣкъ десять, обступили его, каждый распрашивалъ, каждый хотѣлъ лично его перевязать. Но онъ потребовалъ къ себѣ нашего доктора Пясецкаго. Рана его, хотя не опасная, была очень мучительна, и я впродолженіи двухъ сутокъ не отходила отъ него ни на минуту.

Оставаться долѣе въ Топлишѣ всему нашему большому отряду (состоявшему на этотъ разъ изъ уполномоченнаго, доктора, трехъ сестеръ, двухъ студентовъ, санитаровъ и наконецъ большого склада) безъ дѣла въ ожиданіи раненыхъ, которые не прибывали (ихъ вѣрно вслѣдствіе страшной дороги оставляли въ полковыхъ лазаретахъ), не было возможности. Рѣшено было отправиться всѣмъ обратно въ Габрово, гдѣ вѣроятно дѣло уже кипѣло, 28-го числа, выѣхали или, лучше сказать, выступили мы изъ Топлиша; благодаря теплой, совершенно весенней погодѣ, рѣчка, пересѣкающая во многихъ мѣстахъ дорогу, разлилась такъ, что лошади наши чуть-ли не по самую шею шли въ водѣ. Считая эти переѣзды въ румынской телѣгѣ не совсѣмъ безопасными, мы предпочли пройтись пѣшкомъ до Шипкинскаго шоссе, т. е. вѣрстъ десять. Передъ нами братушки попемѣнно несли на носилкахъ полковника Куропаткина. Къ вечеру только подъѣхали мы къ Габрову; городъ праздновалъ славную нашу побѣду, и въ ожиданіи небывалаго еще у нихъ торжества въѣзда В. Кн. Главнокомандующаго, роднаго Брата Русскаго Царя, украсился весь разноцвѣтными флагами, арками, и т. п.

Десять верстъ пройдя пѣшкомъ, мы прибыли буквально выше колѣнъ въ грязи, поэтому первымъ нашимъ побужденіемъ было бѣжать въ монастырь и наскоро переодѣться. Весь дворъ заставленъ былъ фурами, лошадьми, кучерами Краснаго Креста, отъ которыхъ мы и узнали, что князь Черкасскій съ своей канцеляріей и милая наша Е. П. съ сестрами пріѣзжали сюда изъ Богота.

Госпиталь былъ переполненъ. Въ корридорахъ и палаткахъ всѣ мѣста были заняты; вездѣ усердно работали и хлопотали наши сестры. Принялась я помогать кому могла, поила, перевязывала то въ одной, то въ другой палатѣ до 12 часовъ ночи; наконецъ чувствуя сильное утомленіе послѣ двухъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ возлѣ больнаго и послѣ дороги, я ушла къ себѣ въ монастырь съ тѣмъ чтобы прилечь хотя на четверть часа. Но едва успѣла закрыть глаза, какъ вдругъ съ трескомъ отворилась дверь, и въ мою комнату вторглось человѣкъ шесть турокъ. Съ просонья я испугалась, вскочила, хотѣла выйти посмотрѣть, что означаетъ это нашествіе, но, о ужасъ! Весь корридоръ, весь дворъ

переполненъ народомъ: все шумитъ, кричитъ на непонятномъ мнѣ языкѣ. Монашенки въ испугѣ заперлись въ своихъ кельяхъ, но турки безцеремонно стучатся къ нимъ въ двери и требуютъ себѣ пріюта. Наконецъ къ моему счастію попался мнѣ солдатикъ, который и объяснилъ, что это плѣнные турки, взятые въ Казанлыкѣ и присланные сюда на стоянку— ихъ было болѣе тысячи ста человѣкъ солдатъ и нѣсколько пашей. Въ продолженіи двухъ сутокъ пробыли они у насъ, ночуя подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ или же въ открытыхъ галлереяхъ.

Отъ нашествія непрошенныхъ гостей сонъ мой исчезъ, и я, вооружась фонаремъ, начала перебираться въ лазаретъ буквально черезъ головы турокъ, расположившихся уже на ночлегъ. Не смотря на поздній часъ, въ лазаретѣ работа продолжалась, раненые прибывали.

Забыла разсказать про письмо, которое мнѣ передали тотчасъ по моемъ возвращеніи изъ Топлиша.

Оригинальный его адресъ меня поразилъ въ первую же минуту. Конвертъ надписанъ былъ слѣдующимъ образомъ:

«Габрово. Въ лавочку Краснаго Креста. Сестрѣ милосердія, крестившей турчанку съ капитаномъ Масловымъ».

Письмо было отъ рязанскаго мужичка. Вотъ его содержаніе:

«Городъ Рязань, ноября 19-го дня 1877 года.

«Милостивая государыня!

«Въ газетѣ «Вѣстникъ Народной Помощи» опубликовано письмо ваше, какъ сестры милосердія, изъ Габрова, отъ 1-го октября, въ которомъ вы объясняете, что состоящіе при васъ больные солдатики очень утѣшаются самыми простыми пожертвованіями, напримѣръ самая большая ихъ радость — это кисеты для табаку, трубочки глиняныя съ простыми коротенькими чубуками и крестики. А потому вы приглашаете, кто пожелаетъ, прислать подобныхъ вещей.

«Въ исполненіе сего, а тѣмъ болѣе по христіанскому братолюбію, вполнѣ сочувствуя больнымъ солдатикамъ въ потребности для нихъ означенныхъ вещей, я долгомъ счелъ вмѣстѣ съ симъ послать къ вамъ въ особой посылкѣ, по возможности своей, по нѣсколько штукъ изъ подобныхъ вещей для раздачи, по вашему усмотрѣнію, адресовавъ ту посылку въ Габрово, въ складъ, такъ-называемый Лавочка Краснаго Креста; въ оной посылкѣ вложена особенная опись вложеннымъ вещамъ. При семъ покорнѣйше прошу о присылкѣ на мѣсто означенной моей посылки имѣть наблюденіе, и если Господь благословитъ, получите оную, то пожалуйста не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ; я же, по полученіи отъ васъ увѣдомленія, постараюсь еще послать для солдатиковъ что будетъ нужно, съ предложеніемъ о томъ даже и нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ лицамъ. Прошу извиненія, что не имѣю счастія знать вашего имени и отчества,

а вслѣдствіе этого прошу, когда будете отвѣчать, то подробно опишите свой адресъ, чтобы на будущее время посылки мои вѣрнѣе могли получаться вами.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и полнымъ моимъ уваженіемъ имѣю честь пребыть вашъ, готовый къ услугамъ, крестьянинъ Рязанской губерніи и уѣзда, Троицкой волости, Троицкой подгородной слободы, Ефимъ Васильевъ Шемаринъ».

Прочитавъ это письмо, я была тронута до слезъ. Добрый, хорошій нашъ народъ готовъ послѣднимъ пожертвовать, чтобы помочь своему страждущему брату.

Никогда не сердилась я такъ на почтовые безпорядки, какъ въ этотъ разъ. Бѣдный мужичокъ, отказывая себѣ во многомъ необходимомъ, на послѣдніе гроши свои накупилъ разныхъ бездѣлушекъ, и съ такою любовію и радостію отправилъ ихъ, думая тѣмъ утѣшить хоть немного несчастныхъ своихъ братьевъ. Между тѣмъ труды его оказались напрасны: посылка его до меня не дошла, вѣроятно валяется гдѣ нибудь подъ столомъ: никому и дѣла нѣтъ до нея.

Габрово, 29 Декабря.

Пишу въ постели. Нашъ докторъ Б. увѣряетъ, что у меня тифъ, и строго запретилъ писать, но я пользуюсь полнымъ одиночествомъ, чтобы нарушить его приказаніе и настрочить нѣсколько словъ. Вчера цѣлый день такъ сильно болѣла голова, что едва держалась на ногахъ; но все-таки, не желая нѣжиться, ходила по обыкновенію въ госпиталь и на вечернюю перевязку къ Куропаткину; но въ ту минуту, какъ стала снимать ему повязку, въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, мнѣ сдѣлалось дурно и я упала.

Сегодня чуть не плачу; пріѣхалъ В. П. Глѣбовъ съ порученіемъ отъ князя Черкасскаго привезти меня и другую сестру въ Казанлыкъ, гдѣ раненыхъ множество. А я не въ силахъ двинуться.

Габрово, 3 Февраля.

Наконецъ я опять здорова! Сегодня въ первый разъ вышла съ палочкою погулять по нашему монастырскому двору. Добрыя монашенки такъ обрадовались, увидавъ меня на ногахъ, выбѣжали изъ своихъ келій, обступили, стали гладить по лицу, оглушительно крича надъ самымъ ухомъ: «Сестра Софійка здрава; мы рады!»

Вмѣсто того, чтобы пролежать, какъ я предполагала денька два, пришлось пронѣжиться болѣе мѣсяца въ постели. Зловѣщее предсказаніе

доктора Б. исполнилось, у меня былъ сильный сыпной и брюшной тифъ. Захворала я накануне самаго Новаго года, а за мною стали ежедневно заболѣвать всѣ сестры. Вскорѣ госпиталь остался почти безъ сестеръ, не кому было работать, большая часть изъ бывшихъ въ Габровѣ слегли. Бѣдная наша Е. П. совсѣмъ измучилась: что она выстрадала, ухаживая за всѣми нами впродолженіи этого мѣсяца, трудно себѣ и представить!

Аппетитъ у меня теперь волчій, и пища у насъ въ Габровѣ далеко не роскошная. Кромѣ «кокошки», т. е. курицы, рѣшительно ничего достать нельзя. Кокошка эта нѣсколько разъ въ день является въ разныхъ видахъ, то въ видѣ котлетки, то въ видѣ бульона, то au naturel.

Февраля 15-го, Габрово.

Работать въ госпиталѣ докторъ мнѣ еще не позволяетъ, между тѣмъ сидѣть совершенно безъ дѣла мнѣ не подъ силу, поэтому я и придумала во время ежедневныхъ прогулокъ навѣщать несчастныхъ страдальцевъ.

Тяжелую картину представляетъ теперь большое зданіе, занятое до моей болѣзни, лазаретомъ 14-й дивизіи. Лазаретъ ушелъ въ Казанлыкъ, а на мѣсто его открылось одно отдѣленіе Драновскаго военнаго госпиталя. Врачи, фельдшера, санитары, вскорѣ по прибытіи въ Габрово, стали заболѣвать тифомъ. Между тѣмъ, пріостановленіемъ эвакуаціи у насъ набралось опять множество больныхъ; помѣщеніе-же было самое отвратительное. Несчастные раненые, которыхъ давно можно было отправить въ транспортъ, залеживались по цѣлымъ мѣсяцамъ, заражались свирѣпствовавшимъ тифомъ и умирали; несмотря на всѣ старанія старшаго врача, хорошій уходъ за больными былъ невозможенъ, рукъ не хватало. Лежали они такими одинокими, и «сестрички-то» къ нимъ почти не ходили; сами всѣ лежали въ тифѣ, некому было ихъ приголубить и приласкать. Уныніе страшное овладѣло ими. Надобно было видѣть ихъ радость, когда я вошла сегодня въ прежнюю свою палату,

— А и сестрица наша пришла—послышалось со всѣхъ сторонъ. Ну, какъ-же намъ сказывали ты больна; ходила за нами, да и сама, родненькая, прихворнула! Видно Господь услыхалъ грѣшную нашу молитву, да и поставилъ тебя на ноги. Ужь какъ намъ плохо безъ тебя, такъ страхъ!

Стала я отыскивать своихъ старыхъ знакомыхъ, но ихъ почти не оказалось, многіе изъ нихъ выздоровѣли и отправились догонять свои части, остальные-же умерли отъ тифа.

Въ этотъ день нескоро пришлось мнѣ выбраться изъ госпиталя, не давали мнѣ прохода солдатики! «Матушка, окажи божескую милость, принеси тепленькую фуфаечку, кашель замучилъ!» «Матушка, нѣтъ-ти у тебя чулочекъ, аль валенокъ: ноги совсѣмъ оледенѣли.» «Сестра, а, сестрица,

нѣтъ-ли рубашечки перемѣнить: заѣли совсѣмъ насѣкомыя». «Родненькая, а табачку-то нѣтъ-ли: страхъ какъ хочется покурить, давно ужь никто не давалъ, купилъ-бы, да не на что»... Просьбы эти такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ, едва успѣвала на нихъ отвѣчать.

Изъ госпиталя отправилась я взглянуть на больныхъ, которые лежали въ городскихъ домахъ и въ зданіи бывшей полиціи. Боже, въ какомъ ужасномъ видѣ содержатся эти помѣщенія. Больные лежатъ безъ всякой постилки, на голомъ полу. Повсюду грязь, зловоніе страшное, у многихъ не оказалось даже необходимаго бѣлья: впрочемъ трудно было назвать бѣльемъ тѣ грязныя лохмотья, которыя были надѣты на несчастныхъ.

Присмотра за ними тоже почти никакого не было. Докторъ, какъ оказалось по ихъ разсказамъ, навѣщалъ ихъ рѣдко, фельдшеръ же являлся на весьма короткое время по утрамъ, а впродолженіи дня и глазъ не показывалъ. На цѣлый домъ, состоящій изъ шести комнатъ, т. е. человѣкъ на 75 и больше, былъ приставленъ одинъ санитаръ! Конечно, больные почти его и не видали, цѣлый день проводилъ онъ въ путешествіяхъ за завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ въ общую кухню, находящуюся въ противоположной сторонѣ города. Само собою разумѣется, что кушанье обыкновенно приносилось совсѣмъ холоднымъ. Въ этихъ домикахъ пришлось мнѣ увидать много несчастныхъ умирающихъ, брошенныхъ безъ всякаго присмотра, некому было дать и «водички», которой они просили чуть-ли не со слезами, чтобы промочить засохшія губы.

Но самое ужасное, самое возмутительное зрѣлище представилось мнѣ въ домикѣ, гдѣ лежали раненые турки. Въ ту минуту, какъ я отворила тихонько дверь палаты, стоявшій къ ней спиною санитаръ (и вслѣдствіе сего не подозрѣвавшій моего появленія) толкалъ ногою что-то лежащее на полу подъ соломою, и грубымъ голосомъ кричалъ. «Ну, а ты хочешь ѣсть, отвѣчай-же, окаянный, ишь захрипѣлъ: говорить что-ли не можешь?»

Я подошла къ этой кучкѣ соломы, изъ-подъ которой увидала торчащую ногу.»

— Что это—спросила я.

— Это турокъ, хладнокровно отвѣтилъ мнѣ санитаръ: я закрылъ его соломою, чтобы не видать было: больно ужь безобразенъ сталъ!

Приподняла я солому, и на самомъ дѣлѣ страшно было на него смотрѣть: мозгъ большими кусками выходилъ изъ его головной раны, лицо исказилось, онъ былъ въ агоніи. Стоны и судороги его были ужасны.

Но черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ санитаръ нашъ такъ настойчиво требовалъ отъ него отвѣта, несчастный турокъ замолчалъ навсегда.

Лежавшіе съ нимъ рядомъ, казалось, были сильно огорчены и жалѣли своего бѣднаго товарища, но скоро вниманіе ихъ было поглащено моимъ

появленіемъ, и они стали тоже засыпать меня разными просьбами. Но просьбы ихъ были чрезвычайно оригинальны: иные просили цирюльника, чтобы имъ обрить голову, другіе-же умоляли доставить имъ уксусу, луку и нѣсколько кусочковъ сахара, намѣреваясь изъ этой смѣси сварить себѣ восхитительное кушанье!

Радости и благодарности не было конца, когда я обѣщала уважить всѣ ихъ просьбы.

Видя, что мое посѣщеніе доставляетъ несчастнымъ такое утѣшеніе и радость, я съ этого дня стала ежедневно посѣщать дома и палаты въ госпиталѣ, оставшіеся безъ сестеръ, и надѣлять больныхъ чаемъ, сахаромъ, бѣльемъ, и т. п.

Габрово, 1-го Марта.

Вчера и сегодня нашъ городъ ликуетъ! Не ожидала я отъ болгаръ такого воодушевленія и такого восторга! Третьяго дня получена была оффиціальная телеграмма о заключеніи мира, а вчера на главной городской площади въ честь этого событія отслуженъ былъ торжественный молебенъ. Вмигъ разубрали и украсили всю площадь, которая превратилась въ изящный цвѣтникъ; посреди красовалась большая арка, вся убранная красивою темною зеленью. Наверху арки прикрѣпленъ былъ большой транспарантъ съ надписью: «Освободителю Болгаріи. «Ура!» По бокамъ привѣшены большіе, красные фонари и портреты Государя и Императрицы.

Въ десять часовъ раздалось торжественное пѣніе: «Спаси, Господи, люди Твоя», и изъ Габровскаго собора медленнымъ шагомъ двинулась на площадь громадная процессія. Впереди шли крошечные мальчики лѣтъ пяти въ бѣлыхъ шелковыхъ стихаряхъ, перепоясанныхъ на крестъ розовыми орарями. Мальчики несли хоругви (появились и хоругви, запрятанныя и замкнутыя до этого великаго дня). Слѣдомъ за ними старики болгары несли большой образъ Спасителя, а потомъ съ архіереемъ во главѣ шло все духовенство.

Площадь была усѣяна народомъ, посреди стояли мѣстныя войска и всѣ находящіеся въ Габровѣ солдатики; всюду развѣвались знамена и флаги самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ, на многихъ изъ нихъ красовалась надпись: «Болгарская вольница». Передъ началомъ молебствія старшій священникъ сказалъ проповѣдь по болгарски.

Не могла я равнодушно слушать этого добраго старика, говорившаго съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что вся моя душа встрепенулась, слезы меня душили. Видно было, что онъ не только одними словами, но всею душею благодаритъ Царя-Освободителя и русскій народъ, искупившій своею кровію болгарскую вольницу.

Послѣ молебствія, подъ звуки музыки, игравшей: «Коль славенъ нашъ Господь» и «Боже, Царя храни», отправились мы тѣмъ-же крестнымъ ходомъ на кладбище, помолиться за доблестныхъ защитниковъ Шипки.

Въ этотъ день, вечеромъ, всѣ улицы были иллюминованы, повсюду горѣли транспаранты съ разными надписями. Самый эффектный былъ устроенъ на каменномъ мосту. На сей разъ мраморная доска, на которой красовалось имя его императорскаго величества султана Абдулъ-Меджида и годъ сооруженія моста, была закрыта громаднымъ транспарантомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, попирающаго ногами ненавистный полумѣсяцъ. Кругомъ большими золотыми буквами сдѣлана была надпись, выражающая вполнѣ воинственное настроеніе габровскихъ жителей: «Падне, падне вече полумѣсяцъ-тъ подъ крока-та (подъ ноги) на орелъ-тъ». По мосту торжественно маршировали мальчуганы, неся на длинномъ шестѣ изображеніе турецкой головы, сдѣланной изъ темнаго картона: носъ, глаза, ротъ были вырѣзаны и рѣзко обозначались зажженой свѣчей, вставленной внутрь головы. На мѣсто ушей у несчастнаго турка красовались громадные кресты. Мальчуганы весело и съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ хоромъ распѣвали любимую національную пѣсню·

Шюма Марица окървавена,
Плачи вдовица люто ранена
Маршъ, маршъ генерала нашъ
Разъ, два, три, маршъ войницы.

*

Войницы мили, напрѣдъ да вѣрвимъ
Съ венчка сила Дунавъ да минимъ
Маршъ, маршъ, генерала нашъ, и проч.

*

Чуйте деспоти генерала нашъ,
Чуйте и запѣйте Николаевъ маршъ.
Маршъ, маршъ, и проч.

*

Войницы мили, напрѣдъ да вѣрвимъ
Съ венчка сила Балканъ да минемъ,
Маршъ, маршъ, и проч...

Вчера пѣніе и музыка не умолкая продолжались до трехъ часовъ ночи. Недолго отдыхали добрые братушки: съ разсвѣтомъ сегодня опять принялись за веселье. Къ нимъ теперь еще присоединились прибывшіе изъ сосѣднихъ деревень два хора музыки. Народная толпа, не обращая большаго вниманія на страшную весеннюю грязь, весело подпрыгивая плясала, подъ звуки пискливой волынки, свой національный танецъ. Танецъ этотъ состоялъ въ томъ, что мужчины и женщины держась за руки образуютъ сначала большой кругъ, потомъ переплетая ногами, присѣдая и подпрыгивая раздѣляются на нѣсколько мелкихъ круговъ, и танцуютъ такъ

называемую «ронду». Разфранченныя болгарки плясали вяло, безъ всякаго воодушевленія, но за то мужчины были до того оживлены, что весело было на нихъ смотрѣть.

Въ то время, какъ мы стояли и любовались ими, мимо насъ безпрестанно проходили торжественныя процессіи съ знаменами, пѣснями и музыкою, народъ словно шальной ходилъ по городу недоумѣвая, чѣмъ и какъ выразить свой восторгъ. Не явись имъ тутъ на помощь габровскія власти, т. е. русскіе чиновники и солдатики, врядъ-ли бы удалось устроить подобное торжество. Радоваться этому несчастному народу въ диковину, и теперь еще онъ точно страшится дать волю своимъ чувствамъ. Долго бродила я сегодня по городу; хотѣлось вдоволь насмотрѣться на невиданное зрѣлище. Зашла и къ о. Василію, который давно уже приглашалъ меня прійти взглянуть на его семью.

Когда я пришла, его не было дома; меня ввели къ больной его женѣ, которая, несмотря на то, что далеко не бѣдна—имѣетъ свой домикъ, садъ, красиво-убранныя комнаты—лежала на полу, прикрытая богатымъ атласнымъ одѣяломъ; странный у нихъ обычай не употреблять кроватей!

Сидѣла я съ нею довольно долго въ ожиданіи хозяина. Разговоръ шелъ туго, благодаря тому, что она не говорила иначе, какъ по болгарски. Но вотъ пришелъ о. Василій, велѣлъ подать кофею (угощеніе это считается у болгаръ необходимымъ и безъ него гости ни за что не выпускаются).

Маленькая дочка его поднесла намъ большой подносъ, на которомъ разставлены были крошечныя чашечки безъ блюдечекъ и безъ ложекъ, наполненныя чернымъ кофеемъ, свареннымъ по турецки.

Какъ мнѣ ни противенъ былъ этотъ напитокъ, но я принуждена была выпить все до послѣдней капли, чтобы не обидѣть добрыхъ хозяевъ. От. Василій, говорившій довольно порядочно по русски, разсказалъ мнѣ свою исторію и много интереснаго про турецкое владычество въ Габровѣ.

Въ юности своей онъ былъ, какъ оказалось по его разсказамъ, профессоромъ турецкаго языка, и жилъ себѣ покойно. Но когда постригся въ священники, пришлось ему пострадать отъ турецкаго фанатизма. Разъ во время службы, когда онъ покойно читалъ, стоя на колѣняхъ передъ образомъ, акаѳистъ Богородицѣ и погруженный въ молитву забылъ и думать про турокъ, вдругъ послышался за спиною его страшный шумъ и крикъ онъ обернулся, и что же ему представилось: въ соборъ ворвалось человѣкъ двадцать вооруженныхъ низамовъ: народъ испугался, сталъ кричать, но низамы бросились на священника, схватили, связали и не внимая никакимъ мольбамъ отправили въ Тырново, гдѣ онъ и былъ преданъ тюремному заключенію, какъ бунтовщикъ, просящій Бога ниспослать бѣдствія на турецкую землю.

Девять мѣсяцевъ пришлось ему просидѣть въ заточеніи, и только, благодаря своему знанію турецкаго языка, онъ былъ избавленъ отъ смертной казни, къ которой его уже приговорили!

Тырново, 15-го Марта 1878.

Нежданно, негаданно очутились мы въ среднихъ числахъ марта въ Тырново. Собирались сперва въ Адріанополь, гдѣ говорили: помощь наша необходима, больные умираютъ по пятидесяти и шестидесяти человѣкъ въ день отъ недостатка ухода; всѣ приготовленія къ отъѣзду были уже сдѣланы, вещи наши уложены и сданы въ складъ, откуда ихъ должны были отправить на вьючныхъ лошадяхъ до Казанлыка.

Но вдругъ всѣ планы наши рушились. Возвратился изъ Тырнова докторъ Б., отвозившій въ Рущукъ больныхъ габровскихъ и тырновскихъ сестеръ, и разсказалъ Е. П., что въ Тырновѣ тоже работы страшно много, что послѣ отъѣзда переболѣвшихъ сестеръ, оставшіяся насилу справляются съ своею работою. Е. П., долго не думая, рѣшила, что вмѣсто того, чтобы гнаться за двумя зайцами и ни одного не поймать, лучше всѣмъ соединиться въ Тырновѣ, поработать тамъ, пока больныхъ всѣхъ не эвакуируютъ, и тогда уже всѣмъ вмѣстѣ пробраться въ обѣтованную землю, т. е. за Балканы.

Какъ огорчилась я, услыхавъ этотъ страшный приговоръ. Равнодушно вспомнить не могла ненавистный мнѣ Тырновскій госпиталь. Да притомъ скорая разлука съ добрыми монашенками такъ усердно за нами ухаживавшими, приводила меня въ ужасъ.

Настало роковое утро.

Встали мы раненько, въ послѣдній разъ напились чаю въ родномъ монастырѣ, и стали прощаться.

Много слезъ было пролито при этомъ прощаньи. Добрая старушка-игуменья нѣжно обнимала и крестила меня, точно разставалась съ любимымъ своимъ ребенкомъ. Ей больно было разставаться съ нами, но въ то же время и страшно (какъ она сама объясняла) оставаться безъ своихъ защитницъ.

Тырново, 2-го Апрѣля.

По пріѣздѣ въ Тырново намъ пришлось цѣлую недѣлю провести въ полномъ бездѣйствіи. Во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ 62-го военно-временнаго госпиталя уже работали сестры, а мы, пріѣхавшіе позже всѣхъ, оказались сначала лишними.

Наконецъ послѣ долгихъ толковъ рѣшено было отправить насъ въ «Маріуполь» (такъ называется небольшое мѣстечко, находящееся въ двухъ верстахъ отъ города), гдѣ по юртамъ, шатрамъ и домамъ расположилось одно отдѣленіе госпиталя. Въ этомъ отдѣленіи до нашего пріѣзда работало нѣсколько сестеръ общины «Утоли моя печали». Справляться со всѣми больными оказалось впослѣдствіи имъ не подъ силу, и мы явились имъ на помощь.

Въ наше вѣдѣніе дано было четыре шатра и домъ на пятьдесятъ человѣкъ больныхъ. Кромѣ того препоручены складъ и кухня устроенная тутъ же Краснымъ Крестомъ для улучшенія пищи больныхъ.

Первые два дня мы были заняты провѣтриваніемъ и дезинфекціей шатровъ и пріемкою вещей. Большая комната, отведенная подъ нашъ складъ, вскорѣ наполнилась бѣльемъ, халатами, одѣялами и разными другими предметами, которые въ послѣднее время въ Габровѣ считались за рѣдкость. Шатры наши и домъ, благодаря полному достатку, приняли веселый и красивый видъ. Больные были внѣ себя отъ радости при видѣ новаго помѣщенія.

Лежали они въ чистомъ бѣльѣ; на мягкихъ сѣнникахъ, застланныхъ простынями, подъ красивыми байковыми одѣялами съ бѣлыми подъодѣяльниками, притомъ каждому даны были: теплый халатъ, фуфайка и шапка. Пища тоже была превосходная. Кромѣ госпитальнаго стола, ежедневно давалась выздоравливающимъ изъ нашей кухни въ 7 ч. утра отличная гречневая каша, въ 10 ч. всѣмъ поголовно чай, передъ обѣдомъ,—кому водку, кому мѣстное вино, а кому и портвейнъ. Къ обѣду крѣпкій говяжій бульонъ и говяжьи котлетки съ жаренымъ картофелемъ. Самымъ слабымъ изъ нашей же кухни отпускались куриный бульонъ и яйца.

Однимъ словомъ, больные у насъ находились въ полномъ довольствіи; желать лучшаго нельзя было.

Всему этому мы были обязаны распорядительности нашего уполномоченнаго. Конечно, средства у него были большія, складъ богатѣйшій, денегъ было отпущено ему довольно. Но и при такихъ средствахъ не всякій съумѣлъ бы такъ безукоризненно ими распорядиться, такъ себя поставить въ госпиталѣ, такъ энергично дѣйствовать, какъ Р. А. Писаревъ.

Въ продолженіи цѣлаго дня онъ не зналъ отдыха. Съ ранняго утра разъѣзжалъ верхомъ по окрестнымъ тырновскимъ деревнямъ, въ которыхъ, по его распоряженію, помѣщены были выздоравливающіе, пробовалъ у нихъ пищу, распекая приставленныхъ фельдшеровъ и санитаровъ за безпорядки. Потомъ отправлялся въ отдѣленіе Краснаго Креста: одно изъ этихъ отдѣленій на сто пятьдесятъ человѣкъ устроено было въ прелестномъ монастырѣ, въ шести верстахъ отъ Тырнова; другое на такое же число больныхъ въ самомъ городѣ. Доктора, пища, бѣлье, однимъ словомъ все въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ было отъ Краснаго Креста (прислуга дана была губернаторомъ изъ мѣстныхъ солдатъ).

Отдѣленія эти устроены были Писаревымъ въ помощь госпиталю, неимѣвшему возможности порядочно содержать больныхъ, число которыхъ обыкновенно превышало чуть ли не вчетверо цифру, на которую даны были ему средства.

Но не одними отдѣленіями Краснаго Креста занимался нашъ неутомимый уполномоченный. Онъ былъ полнѣйшимъ хозяиномъ всего госпиталя, дѣйствовалъ въ немъ совершенно самостоятельно, входилъ въ самыя мельчайшія госпитальныя подробности; ежедневно справлялся у каждой сестры о ея нуждахъ касательно больныхъ, тотчасъ аккуратно все записывалъ и требуемое черезъ нѣсколько часовъ присылалось изъ богатаго Тырновскаго склада.

Отказа намъ никогда не было ни въ чемъ.

Транспорты снаряжались тоже не иначе, какъ съ содѣйствіемъ Писарева. Какъ скоро онъ замѣчалъ, что госпиталь переполненъ, тотчасъ при помощи тырновскаго губернатора и коменданта разсылалъ въ разныя стороны телеграммы, требуя подводъ. Какъ только подводы являлись, Писаревъ сообщалъ о томъ сестрамъ, отъ которыхъ больные уѣзжали, прося ихъ въ свою очередь увѣдомить его обо всемъ требуемомъ для отправляющагося транспорта. Въ огромномъ количествѣ присылались теплые шарфы, валенки, портянки, полушубки, однимъ словомъ всѣ теплыя вещи, въ которыхъ мы терпѣли такую страшную нужду въ холодное, морозное время; въ ту пору, когда онѣ намъ были такъ необходимы, вещи эти скрывались Богъ вѣсть гдѣ, а теперь, когда дни настали теплые и весеннее солнышко само заботливо согрѣвало бѣдныхъ солдатиковъ, вещи эти явились въ изобиліи въ тырновскомъ складѣ. Не смотря на теплую погоду, мы все-таки снаряжали больныхъ полушубками, предвидя холодныя ночи и зимнее ненастье на сѣверныхъ дорогахъ, по которымъ имъ приходилось странствовать. Желая въ свою очередь въ послѣдній разъ побаловать вынянченныхъ нами больныхъ, мы каждаго при прощаньи надѣляли узелкомъ съ разными вещицами, которыми могли бы они дорогою помянуть сестрицъ. Въ эти узелки клали мы кисетикъ съ трубочкою, книжечку папиросной бумаги, коробочку спичекъ, кусокъ мыла, осьмушку чая, кусковъ двадцать сахара, пакетикъ соли, а иногда и Евангеліе.

Отправлялись наши баловни, благословляя сестеръ и Красный Крестъ!

Отрадно было, на самомъ дѣлѣ, работать съ такимъ уполноченнымъ, какъ Писаревъ. Благодаря ему я вскорѣ совершенно примирилась съ своею Тырновскою жизнью. Одно, что меня въ началѣ страшно терзало и мучило, это госпитальные доктора, съ которыми злая судьба заставила меня работать.

Если больные у насъ быстро поправлялись, то это собственно благодаря отличной пищи и свѣжему, хорошему воздуху. Медицинскаго пособія почти имъ не оказывалось. Ежедневная, утренняя визитація была до того

возмутительна, что я всякій разъ едва выдерживала до конца. Но къ счастію моему продолжалась она весьма недолго. Визитація эта совершалась слѣдующимъ образомъ:

Въ десятомъ часу, а иногда и позже, докторъ вбѣгалъ въ шатеръ, торопливо подходилъ къ первому лежавшему у дверей больному съ вопросомъ:

— Ну что, поправляешься, скоро на выписку?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе:—вчера, только прибылъ.

— А-а, вчера, значитъ новый, такъ послѣ посмотрю!

— А у тебя что? спрашиваетъ онъ уже другаго,—ноги кажется?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, кашель!

— Ну, вздоръ, какой тамъ кашель, ты просто на просто лодарь, лѣнь въ полкъ идти, срамникъ, вотъ я тебѣ покажу какъ кашлять, и при этомъ на весь шатеръ раздавался грозный его голосъ: Фельдшеръ, выписать его: слышишь, чтобы завтра я его тутъ не видалъ.

Назвавъ такимъ образомъ нѣсколькихъ лодарями, а другимъ своимъ паціентамъ, пользующимся его милостію, черкнувъ на листѣ на мѣстѣ, гдѣ отмѣчается лекарство, любимое свое слово, «тоже», онъ подбѣгалъ къ столу, на которомъ лежали скорбные листы вновь прибывшихъ, и начиналъ перекличку.

— Михаилъ Терентьевъ кто? отвѣчайте! кричалъ докторъ.

— Я, ваше благородіе, слышался съ противоположной стороны шатра слабый голосъ больнаго.

— Когда заболѣлъ? Чѣмъ боленъ? продолжалъ докторъ.

— Голова, ваше благородіе, смерть какъ болитъ, ноги, да...

— Ну, скорѣй, скорѣй, братъ, не мямли, говори, когда прибылъ и—при этомъ, ни разу не взглянувъ на распрашиваемаго паціента, онъ опредѣлялъ на листѣ его болѣзнь и прописывалъ свои постоянныя средства, согрѣвающій компресъ, chinini пять грановъ...

Такой же тщательный осмотръ совершался и съ каждымъ вновь прибывшимъ.

Покончивъ такимъ образомъ съ двадцатью больными въ какія нибудь десять минутъ, и того даже меньше, докторъ стремился въ слѣдующіе шатры на визитацію подобнаго же рода.

Другой мой докторъ, правда, не обращался такъ грубо съ больными, но, сколько я понимала, не отличался большими медицинскими познаніями, да притомъ, не болѣвъ еще самъ тифомъ, онъ не совсѣмъ охотно подходилъ къ тифознымъ, и даже, когда я ему говорила, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ нѣкоторыхъ почаще обтирать уксусомъ, онъ съ ужасомъ мнѣ отвѣчалъ:

— Да кто же этимъ будетъ заниматься? Мнѣ право жаль своихъ санитаровъ:—я ихъ берегу, они у меня еще не болѣли!

Радость его была неописанная, когда я ему объяснила, что я уже перенесла ненавистный ему тифъ и сама буду этимъ заниматься. Сыпные тифозные, можно сказать, лѣчились мною, я имъ, по своему усмотрѣнію, дѣлала обливаніе

холодною водой, обвертывала въ мокрыя простыни и употребляла разныя другія средства.

Такъ какъ въ тифѣ, говорятъ, всего важнѣе хорошій уходъ, то больные мои, благодаря Бога, довольно быстро поправлялись, и изъ всѣхъ моихъ паціентовъ умерло всего двое. Но этихъ двухъ, какъ самыхъ слабыхъ, я больше всѣхъ любила. Казалось все, что только возможно было, для нихъ дѣлалось; до послѣдней минуты не вѣрилось мнѣ, что конецъ ихъ пришелъ, и я плакала горько, когда увидала, что все кончено, что они покинули меня навсегда. Одинъ изъ нихъ умеръ въ полномъ сознаніи и передъ смертью просилъ меня написать письмо женѣ, отослать ей четыре рубля серебромъ и нѣсколько галаганъ, которые онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе тотчасъ по прибытіи въ госпиталь.

Сколько такихъ денегъ, оставшихся послѣ умершихъ солдатиковъ, пришлось мнѣ пересылать осиротѣвшимъ дѣтямъ и вдовамъ. Обыкновенно солдатикъ, какъ приходитъ въ госпиталь, отдаетъ свой кошелекъ сестрѣ на сохраненіе. Оставлять деньги при себѣ они боятся, да притомъ это строго воспрещается.

По госпитальному закону больной обязанъ тотчасъ по прибытіи отдавать ихъ бухгалтеру, который вписываетъ ихъ въ заведенную для этого книгу, записываетъ тутъ же имя и адресъ подателя, для того чтобы въ случаѣ смерти отослать деньги семьѣ. Но этимъ книгамъ и порядкамъ солдаты наши не довѣряютъ, и считаютъ свои деньги сохранными только въ рукахъ у «сестрицы»; знаютъ, что сестрица ихъ не обидитъ и въ случаѣ ихъ смерти отошлетъ куда просили.

Тырново, 16 Апрѣля 1878.

Страшно утомленная вернулась я сію минуту изъ госпиталя. Съ трепетомъ ожидала праздниковъ. мнѣ все казалось, что тяжело будетъ встрѣчать ихъ въ унылой Болгаріи. Мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало порадовать въ этотъ день моихъ добрыхъ солдатиковъ, я стала придумывать для нихъ разныя развлеченія, но, правду сказать, боялась, что мечты не осуществятся, что никакой возможности не будетъ устроить имъ хотя маленькій праздникъ.

Мысль эта меня неотступно преслѣдовала въ теченіи нѣсколькихъ дней. Но Господь, повелѣвшій всѣмъ людямъ ликовать въ великую и торжественную Пасху, порадовалъ моихъ больныхъ, а съ ними и меня весело встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресенье. Уже со вчерашняго дня домикъ сталъ понемногу принимать праздничный видъ. Многіе изъ моихъ больныхъ изъявили желаніе пріобщиться, и я пригласила священника пріити ко мнѣ въ отдѣленіе, въ Великую Субботу. Мои дорогіе паціенты съ волненіемъ

трепетомъ ожидали этой великой минуты; къ приходу священника все у нихъ было прибрано, сами же больные нарядились въ новые халаты, такъ что и узнать ихъ нельзя было. По окончаніи обряда приступили мы къ уборкѣ дома: всѣмъ хотѣлось, чтобы на свѣтлый праздникъ все было чисто и красиво. Къ вечеру домикъ нашъ совершенно преобразился: на окнахъ и столахъ появились букеты цвѣтовъ, всѣ стѣны разукрасились гирляндами изъ плюща; противъ дверей возвышается громадный вензель Императора, сдѣланный изъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Посереди комнаты разставили большой столъ, покрыли бѣлою скатертью и уставили разными пасхальными яствами. На столѣ красовался громадный окорокъ, вокругъ разложены куличи, правда довольно плохіе, такъ какъ болгары о куличахъ не имѣютъ никакого понятія, и наконецъ большая корзина съ красными яйцами. Хотѣлось мнѣ тоже изготовить и пасху, но не было возможности достать творогу, и потому пришлось удовольствоваться этимъ угощеніемъ. Всѣ украшенія сдѣланы были мною съ помощью моихъ молодцовъ-паціентовъ, которые радовались и забавлялись словно малыя дѣти.

Въ самый день праздника долженъ былъ придти священникъ освятить наши красныя яички. Сегодня, чуть свѣтъ, я отправилась въ госпиталь, но на бѣду едва успѣла отъѣхать изъ дома, какъ экипажъ сломался и я принуждена была пройти пѣшкомъ двѣ версты по грязи. Въ одно время со мною подъѣхалъ верхомъ къ домику и священникъ. При нашемъ появленіи больные засуетились, всѣ кто только былъ въ силахъ, кто могъ мало-мальски передвигать ноги, хоть и съ помощью палочки, всѣ собрались кругомъ стола послушать, какъ батюшка пропоетъ «Христосъ воскресе!»

По окончаніи службы началась раздача куличей и яицъ. Тѣ изъ больныхъ, которые были такъ слабы, что ни того, ни другого ѣсть не могли, просили удѣлить имъ хотя по одному яичку и по ломтику кулича.

— Дай-ка и мнѣ, сестричка:—ѣсть право не буду, подъ подушку положу, хочется краснымъ яичкомъ родину вспомнить!

Хорошо было моимъ больнымъ въ отдѣленіи Краснаго Креста, радостно и торжественно встрѣтили они праздникъ. У всѣхъ у нихъ были такія довольныя и веселыя лица, что сердце мое радовалось глядя на нихъ.

Но какую тяжелую, грустную картину представили мнѣ юрты и шатры, гдѣ прежде работали сестры Общины «Утоли моя печали»: послѣ отъѣзда сестеръ они остались безъ женскаго присмотра. Больные лежали унылые, въ страшной грязи, брошенные на произволъ судьбы. Наканунѣ, правда, розданы имъ были отъ Краснаго же Креста яйца и куличи, а теперь я пришла къ нимъ съ водкою, виномъ и котлетами, но до моего прихода они лежали въ этотъ день совершенно одни. Весь санитарный персоналъ госпиталя былъ замертво пьянъ. Докторъ, вѣрно ради праздника, тоже счелъ лишнимъ навѣстить своихъ паціентовъ.

Мое привѣтствіе: «Христосъ воскресе, ребята!» было встрѣчено въ каждомъ шатрѣ съ такою радостью, съ такими благословеніями, что мнѣ самой отрадно стало на душѣ.

— Ну, вотъ, спасибо, сестричка, что вспомнила: всѣ сегодня насъ позабыли, ѣсть страсть хочется; ничего еще не видали кромѣ яичка и куска кулича, обѣдать некому принесть, санитары храпятъ себѣ, да имъ и дѣла мало!

Тутъ я принялась будить санитаровъ, но всѣ мои старанія остались тщетны. Проснувшись, они такъ безсмысленно глядѣли на меня, что дать имъ какое-либо порученіе было совершенно невозможно!

Въ одной изъ юртъ, къ моему удивленію, привѣтствіе мое осталось безъ отвѣта. Думая сначала, что лежавшій въ ней больной спитъ, я стала тихонько пробираться къ нему, собираясь поставить возлѣ него рюмку вина и котлету. Но полуоткрытые тусклые глаза, нервное, слабое дыханіе его, дали мнѣ понять, что вино мое не понадобится уже бѣднягѣ.

Онъ вскорѣ тихо отошелъ къ Богу. Съ грустнымъ чувствомъ вышла я изъ юрты, внутренно негодуя на тѣхъ, которые такъ небрежно исполняютъ свой долгъ.

Тяжело, невыразимо тяжело бываетъ всякій разъ, когда видишь подобную смерть. Но въ то же время и другое чувство переполняетъ душу, точно жизнь другая становится ближе и понятнѣе, и кажется такой чудной и свѣтлой, что такъ и манитъ туда!

Нѣтъ словъ, чтобъ объяснить ту громадную разницу, которая существовала между отдѣленіями Краснаго Креста и шатрами, находившимися въ вѣдѣніи госпиталя. У однихъ довольство, порядокъ и чистота; у другихъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, повсюду грязь, а главное больные не видятъ любящаго существа, которое хоть въ этотъ торжественный день позаботилось бы о нашихъ несчастныхъ страдальцахъ, постаралось бы хотя немного облегчить ихъ нравственную муку.

Казанлыкъ, 22-го Апрѣля.

Наконецъ насталъ желанный день отъѣзда. Еще наканунѣ сдали больныхъ замѣнившимъ насъ сестрамъ. Со слезами простилась я съ милыми моими паціентами и покинула навсегда столицу Болгаріи!

Въ назначенный день выѣхали мы довольно рано; хотѣлось засвѣтло добраться до Габрова. Дорога была дурная по случаю безпрестанныхъ дождей; ѣхали почти все время шагомъ, надо было поберечь бѣдныхъ лошадей, которымъ предстоялъ далекій путь. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ шести румынскихъ бричекъ, въ каждой помѣстилось по три сестры со множествомъ кулечковъ и мѣшковъ, такъ что сидѣть было далеко не-

пріятно. До Казанлыка насъ провожалъ Р. А. Писаревъ верхомъ, и все время въ пути слышался его голосъ. Онъ безпрестанно останавливалъ и равнялъ нашъ поѣздъ; ни одного пригорка, ни одного холмика не проѣхали мы безъ тормаза. Къ вечеру добрались до Габрова, и конечно остановились въ миломъ монастырѣ. Пробыли тамъ одинъ день, пока Писаревъ велъ переговоры съ комендантомъ города да смотрителемъ госпиталя, прося ихъ оказать намъ содѣйствіе въ переѣздѣ черезъ Балканы.

Къ вечеру все было улажено, и 25-го апрѣля съ разсвѣтомъ мы должны были собраться на главную габровскую улицу, гдѣ стояли наши телѣги и нѣсколько верховыхъ лошадей, кромѣ того для подъема на Балканы было еще приготовлено нѣсколько паръ лошадей. Погода была не очень пріятная, шелъ мелкій дождикъ, грязь даже на улицахъ была ужасная. Тронулись мы, напутствуемые благословеніями и добрыми пожеланіями нашихъ старыхъ друзей—габровскихъ жителей.

Доѣхавъ до подъема, поѣздъ нашъ остановился, началась припряжка запасныхъ лошадей. Когда все было готово, раздался голосъ Писарева «трогай», и мы стали понемногу взбираться на крутизны. Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе этого путешествія. Отъѣхавъ верстъ семь отъ Габрова, намъ пришлось пробираться по страшному ущелью, которое становилось съ каждымъ шагомъ все тѣснѣе и тѣснѣе; съ одной стороны быстро неслась бурливая Янтра, съ другой надвигались, словно давили дорогу, серебристые, снѣжные Балканы.

Мѣстами-же подъемъ былъ до того крутъ, что едва возможно было сидѣть въ телѣгѣ. Кромѣ того продолжавшійся въ теченіи цѣлаго дня проливной дождь привелъ дорогу въ такое невозможное состояніе, что наша шестерня съ трудомъ вытягивала телѣгу изъ страшной грязи. Возгласы возницъ усиленно понуждали несчастныхъ лошадей. Чѣмъ выше подымались мы, тѣмъ болѣе сгущался туманъ и дождь усиливался, такъ что съ трудомъ можно было различать окружающіе насъ предметы. Вотъ добрались до бывшей ставки нашего витязя, генерала Радецкаго. Отсюда до Николая будетъ еще верстъ семь. Остановились немного дать вздохнуть лошадямъ; любопытство тянуло меня взглянуть на ту юрту, гдѣ болѣе полугода «тихо» и «покойно» выдержалъ жестокіе морозы, метель и непогоду нашъ русскій богатырь. Глядя на нее унеслась я мысленно въ недавнее прошлое, живо представились мнѣ страшныя, пережитыя имъ здѣсь минуты. До перевала оставался еще одинъ громадный подъемъ, а тамъ, сказывали, пойдетъ ровная дорога. Подъемъ этотъ былъ длины и крутизны невообразимой; отъ утомленія лошади безпрестанно останавливались. Наконецъ представилось намъ цѣлое море снѣжныхъ вершинъ.

— Вотъ и Николай, проговорилъ нашъ кучеръ, и указалъ кнутомъ по направленію къ какой-то темной массѣ, высоко поднявшейся смѣлымъ взлетомъ.

Съ трепетнымъ чувствомъ подъѣхала я къ Николаю, нѣмому свидѣтелю всего великаго, здѣсь происшедшаго, къ этой обширной могилѣ, гдѣ почиваютъ кости нашихъ храбрецовъ. Кое-гдѣ еще видны остатки большихъ укрѣпленій, вотъ и ложементы, въ которыхъ цѣлыхъ полгода, усердно сохраняя свои посты, скрывались отъ непріятельскихъ пуль наши храбрецы. Невыразимая тоска овладѣла мною. Не легко жилось тутъ нашимъ голубчикамъ, некуда было укрыться отъ непогоды; постелью служила имъ сырая земля, а покровомъ небо. Хорошо еще, когда сухо да тепло, а вотъ если такой денекъ, какъ сегодня—чистая гибель. Въ моихъ размышленіяхъ я была прервана голосомъ нашего уполномоченнаго, который, подъѣхавъ къ нашей бричкѣ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Сестра, надо будетъ идти пѣшкомъ, спускъ весьма крутъ—лошадямъ не сдержать, да притомъ на встрѣчу идетъ артиллерія, придется тутъ долго ждать!» И такъ мы отправились пѣшкомъ до деревни Шипки, гдѣ должны были остановиться и ждать нашихъ экипажей.

Не совсѣмъ-то легкій путь намъ предстоялъ: грязь въ иныхъ мѣстахъ выше. чѣмъ на поларшина, страшный вѣтеръ чуть не сбиваетъ съ ногъ, дождь хлещетъ въ глаза; всѣ окрестныя горы покрыты густымъ туманомъ. Непостижимо, какъ могли наши молодцы спуститься по этимъ крутизнамъ въ зимнюю морозную пору.

Вотъ уже прошло четыре мѣсяца, какъ утихъ кровопролитный бой. Теперь все тутъ тихо и пустынно, кое-гдѣ лежатъ еще турецкіе трупы, которые болгары не успѣли прибрать; попадаются осколки гранатъ, цѣлыя бомбы, глубоко засѣвшія въ землю!

Во все время нашего страшнаго пути я употребляла всѣ усилія, чтобы хоть взоромъ отыскать деревню Шипку, гдѣ ожидала конца нашимъ мученіямъ. Но усилія мои были напрасны: увидать Шипку было трудно или лучше сказать невозможно, такъ какъ ея болѣе не существовало. На мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно стояли церкви и сотни домовъ, не осталось ничего кромѣ груды камней, пепла, и кое-гдѣ виднѣлись обгорѣлыя трубы. Къ нашему счастію отыскался какой-то бренный остатокъ стѣны (бывшей церкви, какъ сказали мнѣ солдаты), тутъ мы пріютились и стали поджидать, пока подойдутъ отсталыя сестры. Весь нашъ отрядъ собрался, вскорѣ подъѣхали и экипажи, и мы тронулись дальше. Дорога была гладкая, широкая, быстро понеслись мы по знаменитой равнинѣ, гдѣ князь Святополкъ-Мирскій, выступивши изъ тѣснаго Травенскаго ущелья во главѣ своихъ безпримѣрно храбрыхъ «орловъ» одержалъ столь славную побѣду надъ тысячной турецкою арміей Вессельпаши, мелькомъ увидали знаменитую Долину Розъ, составляющую богатство забалканскихъ болгаръ.

Наконецъ, послѣ двѣнадцати-верстной живописной дороги добрались до Казанлыка, думая найти себѣ убѣжище въ складѣ Краснаго Креста, по ока-

залось, что домъ, занимаемый складомъ, состоялъ всего изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Пришлось искать другаго помѣщенія, и Писаревъ отправился на переговоры къ окружному начальнику полковнику Дометти. Любезный полковникъ радушно предоставилъ въ наше распоряженіе часть своего дома. Всѣ мы такъ прозябли и промокли, что рады были наконецъ погрѣться и отдохнуть. Почти два дня провели мы въ чисткѣ и мытьѣ нашего платья и обуви, покрытой на два вершка грязью. Большой садъ передъ домомъ нашего хозяина обратился въ прачешную и сушильню. Всѣ сестры съ засученными рукавами усердно терли свои кожаныя пальто, развѣсивъ ихъ по деревьямъ, погружали въ воды тутъ-же протекавшей рѣки зонтики, плэды и разныя другія тулеатныя принадлежности. Покончивъ всю процедуру съ своими пожитками, я отправилась въ Казанлыкскій монастырь навѣстить монахинь, съ которыми познакомилась еще въ Габровѣ, куда онѣ ходили искать убѣжища послѣ перваго погрома въ Казанлыкѣ. Старые наши друзья встрѣтили насъ съ восторгомъ. Показывали свою церковь, сооруженную на русскія деньги. Старушка-игуменья подробно разсказывала свое путешествіе по Россіи, куда она ѣздила для сбора пожертвованій.

Слезы душили бѣдную старушку, когда вошли мы почти въ пустой храмъ: всѣ паникадила, серебряныя и золотыя ризы съ иконъ, чаши, Евангеліе—все было похищено и увезено турками, лики святыхъ исцарапаны, прорѣзаны, царскія двери изломаны. Послѣ отступленія нашихъ войскъ и бѣгства несчастныхъ жителей Казанлыка, монастырь былъ занятъ турецкими и англійскими пашами, которые держали тамъ полтораста плѣнныхъ болгарскихъ дѣвушекъ и женщинъ, захваченныхъ въ разныхъ забалканскихъ городахъ. Несчастныя томились въ неволѣ до втораго освобожденія Казанлыка, и когда монашенки вернулись на родину, то нашли у себя только пятьдесятъ несчастныхъ болгарокъ, голодныхъ и измученныхъ. Остальныя были убитыя или умерли, не вытерпѣвъ страшной пытки, которой ихъ ежедневно подвергали.

Во все время занятія турками Казанлыка, храмъ служилъ складочнымъ мѣстомъ огромныхъ запасовъ провіанта. До самаго потолка церковь была завалена мѣшками кукурузы, муки и риса. При отступленіи турки пытались ее поджечь, натащили соломы и разныхъ горючихъ веществъ, но къ счастію попытка ихъ не удалась, слишкомъ плотно были сложены мѣшки, такъ, что огню трудно было разгуляться.

Завтра выѣзжаемъ отсюда черезъ Филиппополь и Адріанополь въ Санъ-Стефано.

Санъ-Стефано, 4-го Мая.

Вотъ уже шестой день, какъ мы въ Санъ-Стефано. Домъ, нами занимаемый, стоитъ на самомъ берегу восхитительнаго Мраморнаго моря, всѣ мы сестры живемъ вмѣстѣ, вслѣдствіе того тѣснота у насъ порядочная, но все это забывается благодаря чудной картинѣ, ласкающей наши взоры. Пользуюсь пока свободой и не обращая большаго вниманія на знойное пекучее солнце, цѣлыми днями просиживаю на большомъ камнѣ у самой воды: оторваться не могу отъ упоительной панорамы, открывающейся передъ глазами.

Съ одной стороны виднѣется высокій азіятскій берегъ, съ другой—Принцевы острова и съ третьей—безконечное, безпредѣльное, чудное море.

Море это при серебристомъ лунномъ освѣщеніи до того поразительно своею красотой, что я всякій вечеръ чуть не со слезами съ нимъ прощаюсь. Пока еще мнѣ неизвѣстно, гдѣ буду работать; всѣ эти дни между нашимъ начальствомъ идутъ переговоры, повсюду желаютъ имѣть сестеръ.

Сегодня уже ходили на работу въ эвакуаціонные бараки, устроенные здѣсь Краснымъ Крестомъ, съ цѣлью служить ночлегомъ и питательнымъ пунктомъ больнымъ, привезеннымъ изъ разныхъ госпиталей и лазаретовъ для отправки въ Россію.

Я была поражена видомъ шатровъ и бараковъ, носившихъ названіе «эвакуаціонныхъ». Больные въ нихъ лежатъ скученно, безъ всякаго удобства. Правда, въ нѣкоторыхъ шатрахъ устроены нары, но нары эти сплошныя, что весьма неудобно; ни къ одному больному подойти нельзя, да притомъ ни подушекъ, ни матрацовъ, ничего нѣтъ. Лежатъ больные на голыхъ доскахъ, съ ранцами подъ головами, а иные за недостаткомъ мѣстъ на нарахъ—просто на цыновкахъ, на голой землѣ. Правда, что сюда предполагалось класть выздоравливающихъ, но, къ несчастію, военные доктора присылаютъ намъ такихъ слабыхъ, что отправлять ихъ на пароходъ и думать нечего. Обыкновенно при отправкѣ каждаго транспорта докторъ Краснаго Креста осматриваетъ всѣхъ больныхъ, и часто случается, что послѣ осмотра у насъ остается человѣкъ по десяти и болѣе. Цѣлый день провозилась я съ своими больными: поила, кормила, снабжала всѣмъ необходимымъ на дорогу. Едва успѣла вернуться домой, какъ мнѣ объявлено, что я въ числѣ двѣнадцати сестеръ отправляюсь во Флорію—загородное мѣсто, гдѣ расположены лазареты 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій.

Въ каждомъ изъ этихъ лазаретовъ будетъ работать по шести сестеръ. Съ нами ѣдетъ и нашъ докторъ Богоявленскій. Столько ужасовъ наслышалась я сегодня объ этихъ лазаретахъ, что страхъ беретъ, въ силахъ-ли буду справиться со своимъ дѣломъ!

Санъ-Стефано —Флорія, 9-го Мая.

Вчера вечеромъ прибыли мы въ наше новое мѣстожительство. Навѣстить больныхъ въ тотъ же день не было никакой возможности, надо было сперва кое-какъ устроиться на ночлегъ въ отведенной намъ офицерской палаткѣ.

Въ первую же ночь пришлось вполнѣ насладиться всѣми прелестями лагерной жизни. Едва успѣли собрать всѣ наши пожитки, какъ вдругъ стемнѣло, поднялся сильный вѣтеръ, нагнавшій грозныя тучи. Сначала мы вѣтру этому не придавали большаго значенія, и чувствуя сильное утомленіе легли; но спать не пришлось! Вѣтеръ немилосердно бушевалъ и грозилъ снести нашъ скромный кровъ, оставить насъ подъ открытымъ небомъ. Трескъ и скрипъ кольевъ, на которыхъ держалась палатка, приводилъ насъ въ смущенье, нѣсколько разъ пробовали зажигать свѣчу, чтобы посмотрѣть, что происходитъ вокругъ и какъ велика опасность, но грозный вѣтеръ не допускалъ и этого, свѣча безпрерывно гасла.

Между тѣмъ дождь полилъ ливнемъ и сталъ пробивать палатку, вода текла снизу, всѣ наши пожитки поплыли. Къ утру только буря стихла, тучи разошлись и ярко засвѣтило теплое южное солнышко. Но предаваться сну было ужь невозможно. Въ это утро предстояло знакомство съ лазаретомъ и я горѣла нетерпѣніемъ увидать своихъ новыхъ больныхъ, свои палаты, поэтому чуть свѣтъ вскочила, одѣлась и наскоро напившись чаю отправилась въ баракъ мнѣ назначенный.

Вотъ скоро годъ, какъ я работаю въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Много ужаснаго, тяжелаго, возмутительнаго приходилось видѣть въ продолженіи этого времени; но нигдѣ не встрѣчала такого ужаснаго состоянія, какое видѣла здѣсь. Въ моемъ баракѣ, лежатъ все тифозные. Я обыкновенно слышала что въ этой болѣзни хорошій, чистый воздухъ—одно изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, а здѣсь больные до того скучены, что трудно до нихъ добраться, и чтобы подойти къ одному изъ нихъ, рискуешь раздавить сосѣда.

Земляной полъ, застланный мокрою, грязною соломой и какою то гнилью, носившей названіе цыновки, служитъ ложемъ этимъ несчастнымъ мученикамъ. Зловоніе въ баракѣ такое, что въ первый день съ непривычки я едва могла выстоять визитацію доктора. Лежатъ больные въ своемъ платьѣ, въ своемъ бѣльѣ и даже въ громадныхъ сапожищахъ. Какъ только я вошла сегодня въ палату, одинъ изъ больныхъ остановилъ меня своими стонами и жалобами на страшную боль въ ногахъ. Не удивительно, что такъ мучился и кричалъ несчастный страдалецъ, у него на ногахъ была сильнѣйшая гангрена, полстопы было уже почернѣвши. Случалось, что больной иногда и самъ, собравъ силы, стащитъ съ себя сапоги, но и тогда немного выходило лучше. Нечѣмъ было замѣ-

нить снятую обувь, ноги страдаютъ отъ холода, и если не принять во время должныхъ мѣръ, та же зловѣщая гангрена не замедлитъ явиться. Но не легко принять эти должныя мѣры. Откуда взять грѣлокъ и теплыхъ чулокъ, на всѣ требованія постоянно получаешь одинъ и тотъ же неутѣшительный отвѣтъ, т. е. отказъ. Даже когда требуешь бѣлья, чтобы снять съ несчастныхъ грязныя рубища, служащія имъ одеждою и своими заразительными міазмами приносящія вредъ не только тому, на котораго надѣты, но и окружающимъ его, постоянно слышишь, что «бѣлья больше нѣтъ, все принесенное изъ мытья уже вышло!»

Что тутъ могутъ дѣлать сестры? Вѣдь однѣми ласками и желаніемъ облегчить страданія: немного сдѣлаешь. Одно, что остается—сложа руки смотрѣть на эту раздирающую душу картину. Солдаты наши положительно какіе-то святые; кротость и смиреніе ихъ для меня непостижимы. Сегодня, когда по какимъ-то неизвѣстнымъ для меня соображеніямъ, доктора стали перетасовывать больныхъ, моихъ отсылать въ шатры, а ко мнѣ приводить изъ шатровъ, мои молодцы подняли плачъ и стали умолять меня Христомъ Богомъ оставить ихъ у себя, увѣряя, что имъ тутъ хорошо, что въ шатрахъ будетъ хуже. Одного, какъ я ни уговаривала перейти, онъ ни за что не согласился, и я принуждена была оставить его у себя вопреки распоряженію доктора.

Флорія, 12-го Мая.

Руки отпадаютъ, рѣшительно не знаю за что приняться, какъ придать болѣе или менѣе благообразный видъ моему ужасному бараку!

Вздумала было сегодня вычистить и застлать его свѣжею соломой и чистыми цыновками. Призвала рабочихъ, вывела больныхъ и принялась за дѣло, стали выгребать весь навозъ, но какъ мы ни старались, земля оставалась по прежнему совсѣмъ сырая: слишкомъ ужь она пропиталась всякими нечистотами, пришлось въ это-же болото снова класть больныхъ.

Первые дни сильно досадовала я на дивизіонныхъ докторовъ, думая, что виною всѣхъ безпорядковъ ихъ безпредѣльная безпечность. Но вскорѣ пришлось убѣдиться, что они совсѣмъ не причастны всѣмъ этимъ ужасамъ: откуда было имъ взять средства и людей?

Во всемъ дивизіонномъ лазаретѣ на тысячу восемьсотъ больныхъ осталось только два доктора, изъ которыхъ одинъ, едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, чуть держится на ногахъ; остальные-же всѣ лежатъ въ сильномъ тифѣ. Фельдшера, санитары, всѣ страшно болѣютъ. Имъ на смѣну стали присылать солдатиковъ, но къ сожалѣнію они къ этому дѣлу совсѣмъ не привычны, да притомъ тоже быстро заражаются, и недостатокъ въ людяхъ по прежнему сильно ощущается.

Нашъ дивизіонный командиръ, генералъ Раухъ, съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы хоть немного улучшить положеніе своихъ молодцовъ; не опасаясь заразы, ежедневно навѣщаетъ ихъ, заходитъ въ каждую палату и шатеръ, освѣдомляется у сестеръ о нуждахъ больныхъ, строго приказываетъ коммисару доставлять по возможности все требуемое, не дѣлая никакихъ сбереженій, которыя иногда дѣлаются въ ущербъ несчастнымъ страдальцамъ. Словомъ, все, что только зависило отъ дивизіоннаго лазарета, исполнялось добросовѣстно. Пища больнымъ отпускалась весьма порядочная, въ особенности-же молока и вина давалось вдоволь. Въ иныхъ шатрахъ лазаретъ на свой счетъ устроилъ нары. Но при такомъ страшномъ наплывѣ больныхъ развѣ могутъ скудныя лазаретныя средства удовлетворить всѣмъ нуждамъ? Кто хоть немного знакомъ съ госпитальнымъ дѣломъ, вполнѣ пойметъ, что это было немыслимо.

Когда больные стали гибнуть отъ недостатка ухода, тогда только заговорили объ устройствѣ госпиталей въ Санъ-Стефано.

Красный Крестъ съ своей стороны помогаетъ, но къ сожалѣнію не щедро. Бѣлье хотя и дается, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что все присылаемое пропадаетъ словно капля въ морѣ.

Всѣ наши заявленія выслушиваются съ большимъ вниманіемъ, но пользы мы все-таки никакой не ощущаемъ: безпрестанно намъ повторяютъ, что въ лазаретахъ до нашего пріѣзда еще дано было Краснымъ Крестомъ двѣ тысячи паръ бѣлья, и что наша обязанность вытребовать его у коммисаровъ. Отчасти это и справедливо, но въ тоже время нельзя не принять въ соображеніе, что требовать это бѣлье невозможно, что многіе больные выписались, часть отправилась въ Россію, а наконецъ нѣкоторыя изъ вещей за негодностію сожжены. Постельнаго бѣлья сначала намъ совсѣмъ не отпускалось, но наконецъ, сегодня, послѣ долгихъ и неотступныхъ требованій, намъ прислали на оба лазарета сто простынь и сто наволочекъ, на каждую сестру пришлось не болѣе какъ по восьми штукъ того и другого.

Сначала наши разсказы объ отдѣленіяхъ Краснаго Креста, устроеннаго въ Тырновѣ, выслушивались съ неудовольствіемъ, и предпринимать что-либо подобное казалось невозможнымъ, но мало по малу судьба надъ нами сжалилась и дѣла начали принимать иной оборотъ. Сегодня мнѣ даже сообщили радостную вѣсть, что зараженный баракъ мой закрывается и взамѣнъ его предполагаютъ построить новый, болѣе обширный, который будетъ носить названіе «отдѣленія Краснаго Креста», такъ какъ бѣлье сполна будетъ получаться изъ нашего склада. Такой-же баракъ, на совершенно одинаковыхъ условіяхъ, устраивается и въ лазаретѣ 2-й дивизіи.

Наконецъ Господь сжалился надо мною, и за мое долготерпѣніе и нравственныя мученія, которыя пришлось испытать за все это время, посылаетъ мнѣ утѣшеніе!

Санъ-Стефано, 8-го Іюня.

Едва успѣла я устроиться въ новомъ своемъ баракѣ, какъ къ великому моему огорченію мнѣ пришлось изящное отдѣленіе Краснаго Креста передать другой сестрѣ, а самой предаться ухаживанію за больными сестрами!

Страшная габровская исторія снова повторилась, ежедневно почти стали сваливаться работницы Флоріи, кто отъ сыпного тифа, кто отъ злѣйшихъ приступовъ реккуренса.

Не мало пришлось выстрадать въ это тяжелое время. Единственная надежда была на нашего доктора Б. Не жалѣя себя, онъ цѣлыми днями переходилъ отъ одной кровати къ другой; совершивъ вполнѣ добросовѣстную визитацію въ своемъ большомъ лазаретномъ отдѣленіи, отправлялся по знойному пекучему солнцу въ Санъ-Стефано, куда была перевезена часть больныхъ сестеръ. Къ вечерней визитаціи онъ снова возвращался къ намъ, снова посѣщалъ свои палаты и за симъ тщательно осматривалъ нашихъ больныхъ, своихъ сотрудницъ. Если ему казалось, что сестрѣ плохо, онъ отъ нея не отходилъ, и зачастую случалось ему до глубокой ночи просиживать возлѣ больной.

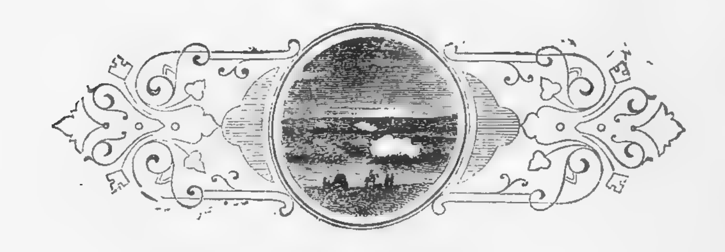
Плохо-бы намъ было безъ него, многимъ изъ насъ не пришлось-бы вѣроятно увидать роднаго дома. Если ни одна изъ насъ не сдѣлалась жертвою страшныхъ габровскихъ и санъ-стефанскихъ эпидемій, то, конечно, единственно благодаря доктору Богоявленскому и неусыпнымъ заботамъ нашей неутомимой Е. П. Карцевой.

Во время болѣзни нашихъ сестеръ, великія перемѣны произошли въ госпитальномъ мірѣ. Военное вѣдомство разомъ прислало въ Санъ-Стефано и въ его окрестности три госпиталя. Въ одномъ изъ этихъ госпиталей, а именно въ нумерѣ семьдесятъ четвертомъ, называемомъ «эвакуаціоннымъ», работали наши сестры, вновь прибывшія изъ Петербурга. Въ него присылались больные изъ всей Южной Болгаріи для эвакуированія въ Россію. Остальные два нумера, тринадцатый и восемдесятъ первый, тотчасъ по прибытіи переполнились больными, взятыми изъ дивизіонныхъ лазаретовъ.

Благодаря усиленнымъ, почти даже ежедневнымъ эвакуаціямъ, Флорія, нами признанная страшно зараженною мѣстностью, въ среднихъ числахъ іюня совершенно опустѣла; оставались въ ней только самые слабые, негодные для отправки, но и тѣ черезъ нѣсколько дней перевезены были въ госпитали. Всѣ мы тоже съ отъѣздомъ больныхъ переселились въ Санъ-Стефано.

24-го Іюня.

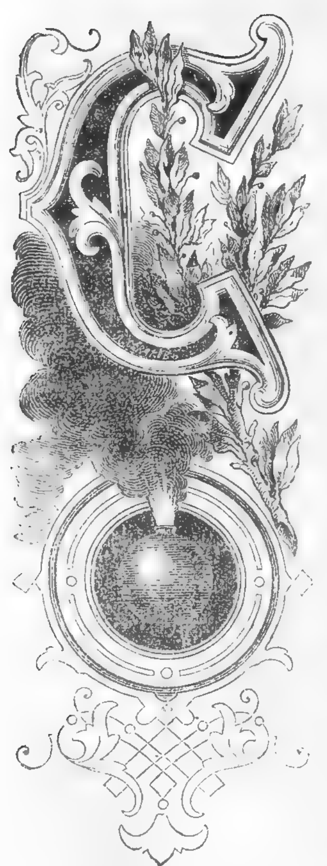
Завтра уѣзжаю въ Россію. Жаль больно покидать дѣла ранѣе послѣдней минуты. Я невольно ропщу, но чувствую, что роптать стыдно, что надо благодарить Господа и за то, что привелъ на путь Свой, что далъ возможность удовлетворить страстному желанію послужить ближнему, помочь и утѣшить нашихъ святыхъ мучениковъ. Несмотря на всѣ трудности и лишенія, которыя подчасъ приходилось испытать въ продолженіи этого года, я выношу самое отрадное воспоминаніе о своей военной жизни. Жилось мнѣ тихо и хорошо; хорошо отъ того, что видя ежеминутно, какъ люди просто отдаютъ жизнь свою, какъ покорно и тихо переносятъ мучительныя страданія, все мірское забывалось, и жизнь другая, жизнь будущая казалась дорога и не страшна: все чистое, великое, доброе было такъ близко! Что бы со мною въ жизни ни случилось, будетъ теперь что вспомнить, и никогда не погаснетъ тотъ тихій лучъ свѣта, который озарилъ душу мою; не разъ встанетъ передъ глазами дорогое прошлое, и конечно въ воспоминаніи о немъ найду себѣ утѣшеніе и силу!

Очерки боевой жизни
въ Азіятской Турціи.

I.

Маіоръ Гайдуковъ.

традное было времячко, говорятъ солдаты, вспоминая первый періодъ нашей камнаніи. Нельзя было иначе и говорить объ этомъ времени: оно было не такъ тяжело физически, какъ нравственно. Драться храбро, выходить съ честью изъ боя, и не видѣть удачи, не чувствовать восторга, охватывающаго армію послѣ успѣха—все это болѣе чѣмъ тяжело.

Но были и исключенія на обоихъ театрахъ войны. На Кавказѣ мы можемъ указать на генерала Тергукасова, счастливая звѣзда котораго сопровождала чуть-ли не во все время похода его отряда. Баязетъ былъ настоящимъ праздникомъ для Эриванскихъ героевъ. Незадолго передъ этимъ Эриванцы отступили; а отступленіе, даже самое блистательное, никогда не кажется солдатамъ успѣхомъ. Говорятъ, генералъ Тергукасовъ отступалъ какъ левъ; но и львиный шагъ, если онъ сдѣланъ только назадъ, ведетъ къ унынію; а если начальникъ не популяренъ, то—и къ недовѣрію.

Таково было приблизительно настроеніе въ Эриванскомъ отрядѣ въ то время, когда генералъ Тергукасовъ повернулъ къ Баязету съ твердымъ намѣреніемъ освободить умирающихъ голодною смертію нашихъ осажденныхъ.

Было около пяти часовъ пополудни. Отрядъ отдыхалъ въ одномъ переходѣ отъ Баязета. Утомленные почти недѣльнымъ боемъ съ втрое

сильнѣйшимъ противникомъ, изнуренные недостаткомъ провіанта, солдаты вынимали изъ сумокъ послѣднія крохи сухарей, размачивали ихъ въ ключевой водѣ, поспѣшно ѣли и ложились въ изнеможеніи отдыхать по обѣимъ сторонамъ дороги, оставляя проѣздъ для отставшихъ и подтягиваемыхъ къ мѣсту привала орудій и патронныхъ вьюковъ. Офицеры сидѣли небольшими кучками на барабанахъ; другіе лежали подъ наскоро устроенными навѣсами изъ ружейныхъ козелъ и бурокъ; третьи безнадежно смотрѣли въ тылъ, ожидая своихъ вьюковъ, гдѣ было жареное мясо и галеты, а у болѣе запасливыхъ бутылка кахетинскаго и весьма плохая виноградная водка.

— Ваше благородіе! Можетъ быть, кушать хотите? Не угодно-ли сухарика? обращается одинъ изъ солдатъ къ офицеру.

— Да вѣдь тебѣ ничего не останется: ты что-же послѣдній предлагаешь?

— Ничего, ваше благородіе, мы привычны.

— Ну, пожалуй, только потомъ напомни, чтобъ тебѣ отдали.

Сухарь берется и съѣдается съ аппетитомъ человѣка, не ѣвшаго сутки. Это была ужасно трудная дорога, и вьюки, не имѣвшіе права опережать орудій, остались далеко за артиллеріей.

Солдаты подѣлились съ офицерами и другъ съ другомъ чѣмъ могли, и всякъ, кто поѣлъ, спѣшилъ поскорѣй улечься, чтобъ хоть немного вознаградить прошлую проведенную въ дорогѣ ночь.

Чего только не натерпѣлись солдаты во время этихъ форсированныхъ маршей. Хорошо было тѣмъ, кто имѣлъ по двѣ пары сапогъ; у другихъ-же сапоги избились, уничтожились или, какъ выражаются солдаты, «кончились», и тогда приходилось идти по острымъ камнямъ не въ сапогахъ, а въ тряпкахъ, и на камняхъ оставался кровяной слѣдъ.

Отставать считается между солдатами большимъ срамомъ, и самолюбивый солдатъ не отстанетъ ни за что, развѣ окончательно занеможетъ. Считается даже срамомъ останавливаться и переобуваться на дорогѣ. Когда георгіевскій крестъ дается по приговору роты, то солдаты берутъ во вниманіе не только храбрость, но и выносливость во время похода; солдата, который гдѣ-бы то ни было отсталъ, ни за что не приговорятъ къ награжденію военнымъ орденомъ. За то-же удивляться надо, насколько солдатъ бываетъ терпѣливъ во время похода. Я знаю, напримѣръ, что одному изъ фельдфебелей, у котораго «кончались» сапоги, во время перехода попалъ въ сапогъ гвоздь, который вырѣзалъ въ ногѣ цѣлую рану; фельдфебель шелъ съ этимъ гвоздемъ двадцать верстъ и даже не смѣлъ подумать о томъ, чтобы остановиться и переобуться: кромѣ самолюбія, его еще удерживало то, что онъ не хотѣлъ подать дурной примѣръ подчиненнымъ.

Среди этого молодецкаго, но выбившагося изъ силъ отряда, въ сторонѣ отъ дороги стояло нѣсколько офицеровъ въ разнокалиберныхъ мундирахъ, и всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за высокимъ сѣдымъ генераломъ, ожидая важныхъ приказаній; но генералъ не обращалъ ни на кого вниманія: съ опущенной головой ходилъ онъ взадъ и впередъ, судорожно покручивая сѣдые усы и, казалось, что-то соображалъ.

Изъ кучки офицеровъ выдѣлился одинъ въ формѣ генеральнаго штаба, и нерѣшительно подступивъ къ генералу, сказалъ:

— Ваше превосходительство! Диспозиція на завтрашнее число...

— Диспозиція... диспозиція... сказалъ нараспѣвъ генералъ (это была всегдашняя его привычка въ то время, когда онъ бывалъ чѣмъ-нибудь озабоченъ),—и по взгляду, который генералъ бросилъ на офицера, видно было, что онъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Прикажете написать?

— Да, да,—напишите.

Отпустивъ офицера, генералъ снова опустилъ голову и задумался. Вдругъ онъ быстро повернулся кругомъ въ ту сторону, гдѣ конюхи держали размундштученныхъ лошадей, и громко приказалъ подать коня.

Мнѣ нравился въ такихъ случаяхъ живой взглядъ генерала: онъ изображалъ могучую энергію и рѣшимость опытнаго начальника. Не было въ этомъ взглядѣ пылкости личнаго храбреца, но было что-то серьозное, обдуманное, разсчитанное. Офицеры переглянулись. «Куда онъ ѣдетъ, къ солдатамъ?—Ну, значитъ, къ бою готовься!»

— Встать! закричалъ одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, рябой маіоръ, къ которому подъѣхалъ генералъ Тергукасовъ. Появленію отряднаго командира среди рядовъ маіоръ придавалъ весьма большое значеніе: ломтикъ ветчины и галета—вещи очень драгоцѣнныя—были уронены прямо на землю, и быстро вытертая о подкладку мундира рука въ одно мгновеніе очутилась подъ козырькомъ. Ближайшіе солдаты вскочили и вытянулись.

— Хватитъ сухарей до завтрашняго вечера? спросилъ генералъ, подозвавъ маіора любезнымъ жестомъ.

— Обойдутся, ваше превосходительство.

— Слава Богу! Слава Богу! сказалъ генералъ какъ-бы про себя, и поѣхалъ туда, гдѣ люди лежали покучнѣе.

Солдаты вставали и вытягивались. Они знали, что «отрядный» не станетъ ѣздить по рядамъ, и всѣ ожидали чего-то важнаго. По мѣрѣ того, какъ генералъ подавался впередъ, его окружала цѣлая куча народу и двигалась за его лошадью.

— Братцы! произнесъ онъ вдругъ громкимъ голосомъ, и приподнялся на стременахъ.

Подобно разрушенному муравейнику въ одно мгновеніе закопошился весь отрядъ; офицеры и солдаты повалили массами къ командиру, и вскорѣ онъ стоялъ окруженный всѣмъ отрядомъ, а сзади его красовался на лошадяхъ весь его штабъ. Генералъ опустился и снова поднялся на стременахъ. Тишина была мертвая, только издали доносилось дребезжаніе отставшихъ орудій.

— Братцы! повторилъ генералъ: — нашихъ морятъ голодомъ, наши мучатся и умираютъ въ Баязетѣ! Не хочу послѣ этого жить! Самъ хочу умереть! Идемъ умирать вмѣстѣ съ ними!

Точно бурная волна пронеслась по всему отряду. «Въ ружье!» закричалъ тотъ самый маіоръ, что разговаривалъ съ генераломъ. «Въ ружье! Въ ружье!» повторили другіе, поднявъ надъ головой шапки—и всѣ кинулись къ оружію.

— *Молодцы! Герои!* сказалъ генералъ, прослезившись.—Да, съ такими молодцами мы скоро съ туркой расправимся!

Раздалось то дикое, потрясающее «ура», которое слышится во время атаки; оно не похоже на «ура» мирное. Казалось, кремнистыя горы содрогнулись отъ этихъ могучихъ криковъ маленькаго, но храбраго и крѣпкаго духомъ отряда.

Рябой маіоръ прежде всѣхъ выстроилъ свой баталіонъ и пошелъ въ авангардѣ. Вскорѣ вытянулся весь отрядъ. Обгоняя баталіонъ, генералъ пожалъ руку маіору. Многіе офицеры и солдаты были сильно взволнованы.

Цѣлую ночь двигался отрядъ съ ужасными препятствіями. Орудія и патронные ящики были вывозимы командами людей, сдавшихъ ружья своимъ товарищамъ. Казаки были высланы далеко впередъ, и всѣ заботились о сохраненіи тишины.

Заря занималась надъ высотами Закавказья въ то время какъ голова колонны достигнула глубокой лощины, гдѣ велѣно было остановиться. По обѣимъ сторонамъ лощины рѣзко выдавались и блестѣли скалы сосѣднихъ горъ, а вдали красовалась окутанная розовымъ свѣтомъ бѣлая маковка Арарата; но не до того было солдатамъ, чтобы любоваться этимъ прекраснымъ видомъ,—каждый спѣшилъ отдохнуть, и какъ можно скорѣй отдохнуть, ибо казаки донесли, что турки близко и что Баязетъ уже виденъ съ сосѣдней горы.

Предположено было дать маленькій отдыхъ, стянуть орудія, и затѣмъ напасть внезапно.

Не прошло и четверти часа, какъ изнеможенный отрядъ уже спалъ въ растяжку; очень немногіе могли видѣть, какъ неутомимый старикъ-генералъ взбирался по крутому скату сосѣдней горы, цѣпляясь руками за острые камни и колючія растенія. За нимъ шелъ его штабъ и казачій полковникъ, назначенный на развѣдку. Они подошли или, вѣрнѣе, сказать подползли къ самому гребню горы, и оттуда увидѣли не совсѣмъ бдитель-

ную турецкую кавалерійскую цѣпь, крѣпость, осажденную турками, и бѣлую полосу конусообразныхъ палатокъ.

— Казаки готовы, ваше превосходительство, — прикажете сбить цѣпь?..

— Нѣтъ, нѣтъ, не трогайте, отвѣчалъ генералъ:—лучше ударимъ сразу. Капитанъ! обратился онъ къ одному изъ ординарцевъ:—вотъ туда, ниже, взведите четыре орудія, да пусть шрапнели захватятъ... Начните стрѣлять, когда выѣдутъ казаки, а до тѣхъ поръ держитесь за гребнемъ. Сначала бейте по лагерю обыкновенными гранатами, а затѣмъ мы выманимъ турокъ и подставимъ подъ шрапнель.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ офицеръ, и пошелъ распоряжаться.

Черезъ часъ орудія подтянулись и отрядъ изготовился къ бою. Первыми сѣли на коней казаки и, раздѣлившись на нѣсколько партій, выѣхали впередъ. Рябой маіоръ Гайдуковъ, шедшій въ авангардѣ, долженъ былъ двинуться съ баталіономъ N-го полка на поддержку развѣдчиковъ. Казаки тихонько обогнули гору, сомкнулись, и сразу кинулись на турецкіе пикеты. Въ это самое время послышались съ горы четыре выстрѣла и четыре гранаты полетѣли въ турецкій лагерь. Турки немножко раньше стали въ ружье; должно быть одинъ изъ ихъ разъѣздовъ замѣтилъ русскихъ. Далеко скакали наши казаки, преслѣдуя турецкую цѣпь, но были отражены пѣхотнымъ огнемъ, и отступили.

Настала очередь N-му полку; казаки, отступивъ, очистили ему фронтъ. Впереди былъ баталіонъ маіора Гайдукова. Оглянувшись назадъ и увидавъ, что другіе баталіоны идутъ недалеко, маіоръ разсыпалъ весь баталіонъ въ цѣпь и занялъ позицію шириною въ добрую версту. Турки сразу сообразили опасность маіора, оставшагося на нѣсколько минутъ безъ резервовъ, и выслали на нашу цѣпь сотенъ шесть черкесовъ.

Здѣсь произошло маленькое недоразумѣніе между маіоромъ и генераломъ Тергукасовымъ—недоразумѣніе, часто встрѣчавшееся въ эту войну и интересное, быть можетъ, для однихъ военныхъ: маіоръ зналъ отлично, какъ боевой офицеръ, что при скорострѣльномъ оружіи встрѣчать кавалерійскую атаку лежачей цѣпью въ десять разъ выгоднѣе, чѣмъ собирать цѣпь въ кучки и стрѣлять по командѣ, какъ это слѣдуетъ по уставу. Вы только не трогайте цѣпи, не суетите ее, и она осыпитъ кавалерію такой массой свинца, что развѣ только половина всадниковъ доскачетъ цѣлыми до линіи огня. Затѣмъ уже солдаты сами, инстинктивно, вспрыгнутъ и скучатся по нѣскольку человѣкъ для встрѣчи атакующихъ штыками. Нѣтъ сомнѣнія, что́ генералъ, также какъ и маіоръ, отлично понималъ выгоду встрѣчи кавалеріи свободнымъ огнемъ; но онъ, какъ всякій начальникъ дивизіи требовалъ отъ маіора еще въ мирное время правильнаго разсыпнаго строя, и маіору почему-то казалось, что строгость устава слѣдуетъ соблюдать и въ военное время, для того чтобы начальство не

заругало. Въ этомъ вы не могли разубѣдить маіора ничѣмъ: такова сила привычки быть исправнымъ на глазахъ у начальства.

Увидавъ непріятельскую кавалерію, маіоръ уже намѣревался было успокоить цѣпь и подтвердить, чтобы люди стрѣляли не суетясь, какъ вдругъ, оглянувшись назадъ, увидалъ стоявшаго на пригоркѣ генерала, и сразу измѣнилъ свое намѣреніе, рѣшившись во что бы то ни стало выстроить уставныя кучки.

— Кучки! Помни кучки, кричалъ маіоръ, несясь въ карьеръ вдоль цѣпи.—Да въ порядкѣ, смотри, у меня... Зря не кидайся!

Кучки, конечно, построились неудачно, но все-таки черкесы были отражены, благодаря хладнокровію опытныхъ ротныхъ командировъ.

— Экое мужичье! Ну, кто васъ такъ училъ кучки строить: не въ пять шеренгъ, а въ двѣ... Что генералъ подумаетъ? Скажетъ: учились въ мирное время такъ, а пришлось—и не умѣютъ... сердился маіоръ, обращаясь къ солдатамъ.

Лишь только черкесы отступили, турки замѣтили, что на позиціи, гдѣ дѣйствовалъ маіоръ Гайдуковъ, стоялъ только одинъ N полкъ и часть кавалеріи (другія войска были направлены въ обходъ, и главный ударъ представлялъ вовсе не въ томъ мѣстѣ, гдѣ его ждали турки. Солдаты говорятъ, что генералъ любитъ щипнуть турокъ съ нѣсколькихъ сторонъ, и ударить тамъ, гдѣ имъ и не снится. Замѣтивъ слабость нашей позиціи, турки вышли изъ лагеря и сдѣлали попытку перейти въ наступленіе. Вотъ здѣсь-то они и подставили себя подъ шрапнель, какъ заранѣе предсказывалъ генералъ.

Мѣткіе выстрѣлы нашей артиллеріи и ружейный огонъ пріостановили на время наступленіе непріятеля.

Турки приблизились на ружейный выстрѣлъ, и залегли, открывъ огонь по N полку. Завязалась горячая перестрѣлка.

— Убилъ, убилъ! Ей-Богу, убилъ! радостно вскричалъ молодой солдатикъ, которому дѣйствительно удалось попасть въ турка.

— Врешь! отозвался товарищъ.

— Право-слово, дяденька, не хвастаю.

— Братцы! Дай платочка руку перевязать... Вонъ куды угодила, проклятая, слышалось въ другомъ мѣстѣ.

— Кликни санитара, вонъ санитары лежатъ.

— Да ништо, кость цѣла; я еще пострѣляю.

— Эй! Кто патроны извелъ? Давайте покуримъ, раздался голось изъ-за большаго камня.

— Ишь, чернорылый, за экую стѣну залѣзъ!

— Да ну-те-жь, дайте огонька кто нибудь,—можетъ въ послѣдній доведется...

— Пророчь, пророчь! Вонъ Семенову напророчили...

— Нешто убитъ?

— А вотъ погляди.

Шагахъ въ десяти лежалъ солдатъ съ пробитымъ лицомъ и ужь не шевелившійся.

— И вправду убили... Славный солдатъ былъ... А сапоги-то ужь сняли:—эхъ, народецъ.

— Ладно! Ноги закровянишь, такъ и у брата роднаго снимешь.

Между тѣмъ маіоръ уже не ѣздилъ, а ходилъ вдоль цѣпи, — очень разстроенный, и все ворчалъ и ругался: «Вотъ и взялъ въ походъ дорогую лошадь... Глупо! Самъ себѣ говорилъ, что глупо, и зачѣмъ было брать?»

Прекрасная лошадь, на которой ѣздилъ маіоръ, лежала въ это время убитою, и бѣдный маіоръ до того былъ разстроенъ этой потерей, что не замѣтилъ даже, какъ турки стали заходить во флангъ, и когда адъютантъ прискакалъ къ нему съ приказаніемъ перемѣнить фронтъ, онъ прежде чѣмъ исполнить это приказаніе, спросилъ: дадутъ-ли ему изъ казны деньги за убитую лошадь?

Скупость добраго маіора обратилась въ отрядѣ въ пословицу, и была до такой степени сильна, что иногда брала верхъ надъ его военнымъ увлеченіемъ. Онъ на минуту забылъ и объ отрядномъ командирѣ и о томъ, что около его ушей свистятъ пули, и думалъ только объ одномъ, что у него была лошадь, которая стоила четыреста рублей, а теперь нѣтъ этой лошади, и даже некому снять сѣдла, за которое тоже заплачены деньги.

У маіора было два денщика-малоросса — Савченко и Захарченко, одинъ былъ приличный на видъ, и маіоръ называлъ его «чистымъ человѣкомъ», онъ ходилъ за лошадью. Другой, похожій на чичиковскаго Петрушку, ухаживалъ за самимъ маіоромъ и носилъ названіе «грязнаго». Такъ его всѣ и звали: «Грязный!»—и онъ являлся на зовъ. Когда офицеры смѣялись, почему «чистый человѣкъ» ходитъ за лошадью, а грязный за самимъ маіоромъ, онъ совершенно серьозно объяснялъ, что лошадь ему стоила большихъ денегъ, а самъ себѣ онъ ничего не стоитъ.

Кстати приведу еще одинъ примѣръ скупости добраго маіора: при бомбардировкѣ одной изъ крѣпостей, когда никто не смѣлъ высунуться изъ-за бруствера осадной батареи, боясь остаться безъ головы, маіоръ преспокойно разгуливалъ по брустверу, собирая свинцовыя оболочки со снарядовъ, и собравъ порядочную кучу свинцу, продалъ его за восемнадцать рублей какому-то армянину.

Очнувшись, маіоръ быстро пошелъ исполнять приказанія полковаго командира, не позабывъ забожиться адъютанту, что ему за лошадь давали въ Тифлисѣ пятьсотъ пятьдесятъ рублей, и что онъ доволенъ останется, если казна выдастъ хоть триста.

Кто повѣритъ, что всѣ эти разговоры велись подъ ружейнымъ огнемъ. «Лошадь убили, такъ чего ужь тутъ жалѣть себя»... думалъ маіоръ, и не ложился, а все время стоялъ подъ пулями, дѣлая это какъ-бы въ отмщеніе несправедливой судьбѣ.

Храбрость маіора составляетъ, конечно, исключеніе. Не мудрено, что старый воинъ, отличавшійся еще подъ Гунибомъ, можетъ относиться совершенно равнодушно къ свисту пуль; но совсѣмъ не то храбрость человѣка молодаго, не давно ознакомленнаго съ огнемъ: молодой, можно сказать, живетъ тѣмъ всѣмъ, что вокругъ него происходитъ во время боя, и глубоко чувствуетъ каждый его моментъ, а для стараго человѣка свистъ пуль все равно, что для бывалаго матроса морская бездна въ то время, когда онъ ходитъ по борту и спокойно куритъ свою трубку. Мы говоримъ, конечно, о храбрецахъ: людьми не храбрыми руководятъ иныя чувства.

Но есть что-то общее для всѣхъ въ бою: въ первомъ дѣлѣ человѣкъ чувствуетъ себя крайне тяжело: какая-то тоска наполняетъ душу, тоска о прошломъ, о всемъ дорогомъ, оставленномъ на родинѣ, которое можетъ пропасть для человѣка въ одну минуту; но выйдя изъ боя, чувствуешь себя до такой степени освѣженнымъ нравственно, что хочется вновь побывать въ бою, чтобы снова испытать это прекрасное чувство. и во второмъ дѣлѣ уже менѣе тяжело, а въ третьемъ бываешь недоволенъ, почему не ведутъ впередъ. Послѣднее впрочемъ можно сказать не о всякомъ.

Въ то время, когда маіоръ перемѣнялъ фронтъ, къ цѣпи подъѣхалъ верхомъ молодой офицеръ въ блестящей формѣ.

— Смотрите, фазанъ ѣдетъ: должно быть васъ ищетъ, сказалъ маіору одинъ изъ офицеровъ, указывая на вновь прибывшаго.

Офицеръ всталъ съ лошади, отдалъ поводъ одному изъ горнистовъ и подошелъ къ маіору, приложивъ руку къ козырьку. Видно было, что онъ, какъ всякій небывавшій въ дѣлѣ, былъ блѣденъ и немножко рисовался своей храбростью.

— Генералъ прикомандировалъ меня къ N-му полку. Честь имѣю явиться: подпоручикъ Смѣловъ.

— Вонъ командиръ полка, отвѣчалъ маіоръ сухо, и повернулся къ солдатамъ, подумавъ: «очень намъ нужно этого добра — для наградъ пріѣзжаете».

— Я уже являлся командиру полка, онъ послалъ меня въ вашъ баталіонъ.

— Ну, такъ ложитесь: вы слышите пули летаютъ.

— Я пришелъ сюда не лежать, г-нъ маіоръ, сказалъ офицеръ весь вспыхнувъ.

Маіоръ теперь только очнулся, что говорилъ безъ всякаго повода грубости человѣку, совершенно ему неизвѣстному. Онъ всегда былъ

грубъ, если бывалъ на что нибудь сердитъ, но въ душѣ онъ былъ человѣкъ очень добрый и всегда раскаивался въ этомъ.

— А! коли такъ, такъ покорно прошу... Идите на лѣвый флангъ къ капитану Агалову, у него нѣтъ субалтернъ-офицера; а если я обидѣлъ васъ, то простите пожалуйста: вы видите, у меня лошадь убили.

Маіоръ принесъ хотя странное, но совершенно чистосердечное оправданіе.

Черезъ полчаса произошла схватка. Маіоръ вскочилъ на попавшуюся подъ руки лошадь вновь прибывшаго офицера—и прежняя энергія снова возвратилась къ нему. Онъ даже забылъ, что сидѣлъ не на своей лошади. Проскакавъ съ одного фланга на другой, онъ привелъ въ порядокъ баталіонъ и приготовился встрѣтить атаку. Сильно выдвинувшіеся впередъ турецкіе таборы были съ успѣхомъ опрокинуты N-мъ полкомъ, и въ особенности баталіономъ Гайдукова; другіе раньше повернули назадъ, замѣтивъ обходъ; а черезъ часъ турки были разбиты, и наши вступили въ крѣпость, освободивъ осажденныхъ.

Генералъ разцѣловалъ маіора за молодецкое дѣло, и Гайдуковъ былъ такъ радъ, что забылъ, что сидитъ на чужой лошади.

— «Чистый!» возьми коня! сказалъ весело маіоръ, слѣзая съ лошади, и когда Савченко посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, тогда только онъ догадался, что сидѣлъ на чужой лошади.

— Ахъ, да! это не наша... сказалъ Гайдуковъ, и снова нахмурился.

Не успѣлъ маіоръ войдти къ себѣ въ палатку, какъ ему доложили, что принесли раненаго вновь прибывшаго офицера. Онъ обнялъ его, пригласилъ къ себѣ въ палатку и разсыпался въ извиненіяхъ.

— Я видѣлъ, какъ вы бѣжали впереди; я всему обязанъ вамъ и Агалову, и не такъ Агалову, какъ вамъ... Простите меня, что я осмѣлился огорчить васъ, нашего новаго героя... Я счелъ долгомъ доложить о васъ генералу.

Легко раненый Смѣловъ былъ въ восторгѣ отъ своего перваго дебюта; онъ готовъ былъ цѣловать и маіора, и тѣхъ офицеровъ, которые сочли обязанностью придти выразить ему свое одобреніе, и даже заслуженнаго Захарченку, который ему прислуживалъ.

Маіоръ снова заговорилъ о своей лошади, и до того былъ разстроенъ, что Смѣлову сдѣлалось жаль его и онъ рѣшился помочь ему.

— Вамъ нравится моя лошадь? спросилъ вдругъ Смѣловъ.

— Отличный конь. Еслибъ не онъ, такъ что бы я сегодня могъ сдѣлать?

— Знаете что? Возьмите его себѣ...

Маіоръ на минуту остолбенѣлъ.

— То есть какъ это... возьмите...

— Да такъ, просто—возьмите, да и кончено.

— Позвольте... я немножко васъ не понимаю... Сколько вы за нее хотите?

— Ничего не хочу.

— Вы шутите?

— Увѣряю васъ, что нѣтъ.

— Да полно-же — развѣ можно такую лошадь дарить: вѣдь она рублей триста стоитъ.

— Да хоть-бы четыреста... я хочу вамъ подарить. У меня другая есть, съ денщикомъ прійдетъ, а третья вьючная.

— Нѣтъ,—ей Богу вы не шутите?

— Ей Богу, не шучу.

У маіора даже судороги сдѣлались отъ радости: Онъ вышелъ изъ палатки и крикнулъ Савченка. Потомъ опять вернулся и еще разъ спросилъ: не шутитъ-ли Смѣловъ, и затѣмъ уже приказалъ «чистому» взять коня и кормить его не очень мало—чтобъ онъ не былъ худъ, и не очень много—чтобъ не дорого стоилъ фуражъ.

Гайдуковъ не вѣрилъ своему счастью. Онъ вернулся въ палатку веселый и велѣлъ «грязному» подать погребецъ съ съѣстными припасами, гдѣ лежало нѣсколько кусковъ сыру и другихъ закусокъ, купленныхъ Богъ знаетъ когда и расходуемыхъ по самымъ маленькимъ дозамъ. Ему хотѣлось попотчевать Смѣлова за сдѣланный подарокъ. Нашлась и водка въ металлической флягѣ, которую онъ поставилъ вмѣстѣ съ рюмкой передъ раненымъ гостемъ.

Смѣловъ не ѣлъ съ самаго утра, и по простотѣ душевной выпилъ сразу двѣ рюмки водки и захватилъ большой кусокъ чего-то съѣстнаго. Маіоръ пришелъ въ ужасъ отъ такой безцеремонности и, набравъ для себя какихъ-то крохотъ, поскорѣе заперъ погребецъ.

Смѣловъ былъ изумленъ такою скупостью добраго маіора; но впослѣдствіи онъ увидѣлъ, что маіоръ составляетъ исключеніе изъ цѣлаго отряда, и что нигдѣ нѣтъ такого радушія и гостепріимства, какъ въ Кавказской арміи. Въ одномъ полку было, напримѣръ, обыкновеніе предлагать всякому вновь прибывшему не только чай и столъ, но даже кровать, если онъ еще не обзавелся; а предложившій спалъ въ это время на землѣ. Наступилъ лунный вечеръ. Маленькій водопадъ шумѣлъ гдѣ-то вблизи; изъ сосѣднихъ палатокъ доносился рѣзвый говоръ игроковъ; на бивуакѣ шумѣли отдохнувшіе послѣ боя солдаты. Маіоръ вышелъ изъ палатки и велъ съ Савченкой какіе-то разсчеты; только и слышалось: «прибереги: не изводи; выдавай мало, но такъ, чтобы и не очень мало»... А раненый Смѣловъ лежалъ въ это время въ палаткѣ, и много мыслей свѣтлыхъ, чарующихъ, возбужденныхъ первымъ боевымъ дебютомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустныхъ ложились ему на душу. Размышленія были прерваны

входомъ въ палатку Гайдукова. Смѣловъ взглянулъ на его не то доброе, не то суровое лицо, и ему почему-то сдѣлалось жаль маіора...

Намъ остается еще сказать о грустномъ событіи, которое произошло черезъ два мѣсяца. Въ это время Эриванскій отрядъ стоялъ въ Игдырѣ и въ Гулюджахъ противъ Измаила-паши, занимавшаго Каравансарайскій перевалъ. Счастливо выходилъ маіоръ изъ всѣхъ боевъ, которые ему приходилось выдерживать въ жизни; но небольшая стычка подъ Игдыремъ положила конецъ боевымъ подвигамъ маіора. Онъ былъ раненъ смертельно. Грустно было видѣть, когда санитары принесли его въ полубезсознательномъ состояніи въ палатку.

У маіора не было родныхъ, и все свое маленькое состояніе онъ завѣщалъ своимъ денщикамъ.

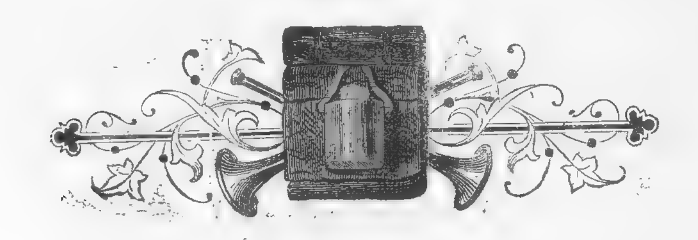
—«Чистый», чистенькій, говорилъ маіоръ, умирая: — тамъ у меня деньги въ шкатулкѣ, тысяча семьсотъ рублей, — себѣ возми тысячу и «грязному» выдай семьсотъ... Лошадокъ тоже подѣлите... Да если кто про меня спроситъ, такъ скажите, что умеръ честно за Государя, что былъ въ двадцати двухъ сраженіяхъ и нигдѣ не струсилъ...

Эти слова звучали такою нѣжностью, что посторонній человѣкъ не могъ не прослезиться, слушая завѣщаніе маіора.

Гайдуковъ закрылъ глаза на рукахъ у своихъ денщиковъ, которые оба плакали, но потомъ снова разскрылъ ихъ и просилъ снести себя къ баталіону; но у палатки толпились уже солдаты и собрались офицеры.

— Дѣтки, вы, мои милые, обратился маіоръ къ солдатамъ:—простите, если въ чемъ былъ несправедливъ... Потомъ что-то хотѣлъ сказать офицерамъ, но голосъ его оборвался и онъ закрылъ глаза, и больше не раскрывалъ ихъ.

Николай Бутовскій.

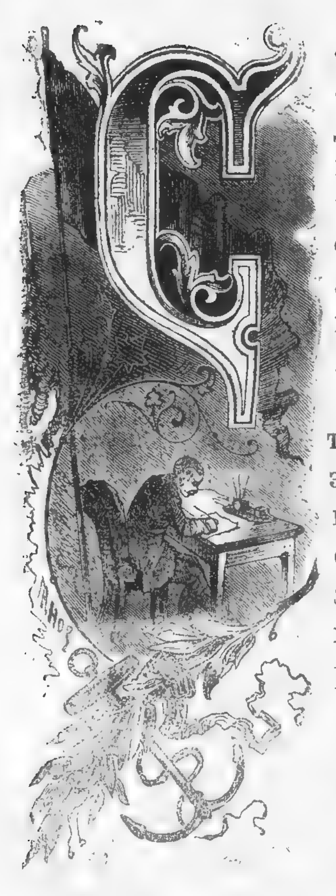

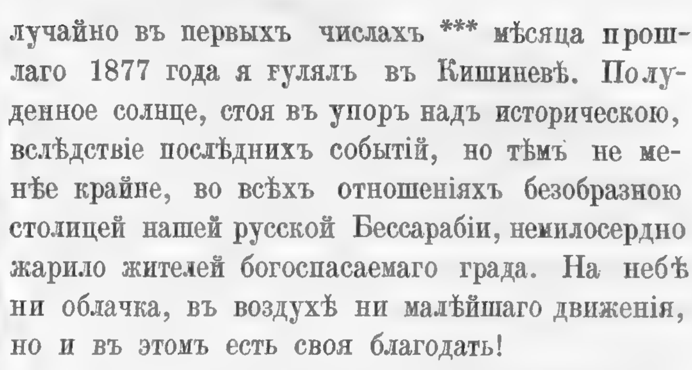
Изъ дней великихъ событій.

Мелкія воспоминанія.

Очеркъ первый.

Полевой экзаменъ.

Случайно въ первыхъ числахъ *** мѣсяца прошлаго 1877 года я гулялъ въ Кишиневѣ. Полуденное солнце, стоя въ упоръ надъ историческою, вслѣдствіе послѣднихъ событій, но тѣмъ не менѣе крайне, во всѣхъ отношеніяхъ безобразною столицей нашей русской Бессарабіи, немилосердно жарило жителей богоспасаемаго града. На небѣ ни облачка, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія, но и въ этомъ есть своя благодать!

Городъ въ это время не имѣлъ уже *болѣе* того поражающаго воинственнаго характера, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Главныя массы войска уже располагались на берегу Дуная, съ нетерпѣніемъ взирая на противоположный вражескій берегъ и ожидая перехода... Нѣтъ! Кишиневъ, наполненный теперь представителями добровольной помощи, съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ, представлялъ собою средоточіе чего-то спокойнаго, мирнаго, если хотите, соннаго и лѣниваго.

Подобно десяткамъ сестеръ милосердія, фельдшеровъ и санитаровъ, докторовъ, агентовъ и наконецъ уполномоченныхъ Краснаго Креста (всѣхъ возрастовъ—отъ дѣтскаго чуть ли не до лѣтъ Маѳусаиловыхъ!), блуждалъ и я съ повязкою Краснаго Креста на лѣвой рукѣ, какъ вчера, такъ и сегодня—по улицамъ Кишинева.

И такъ я шелъ по улицамъ Кишинева, и дошелъ до площади, и вдругъ о мой слухъ ударяются слѣдующія слова:

— Глянь-ка, Акулина, никакъ раненые.... такъ и есть раненые.... лежатъ сердешные! Откедова это ихъ навезли?!...

Раненые! Навезли! Я невольно при звукѣ этихъ словъ какъ-то вздрогнулъ; я почувствовалъ, какъ кровь хлынула мнѣ въ голову—какъ лицо, горѣвшее и такъ уже отъ зноя, загорѣлось еще сильнѣе...

Второю мыслію было оглянуться на Акулину и ея повѣствующую подругу, и я увидалъ двухъ бабъ, изъ коихъ одна указывала другой вдоль площади.

Я быстро повернулся къ площади, и на самомъ отдаленномъ краю ея, по лѣвой сторонѣ, увидалъ цѣлый рядъ санитарныхъ фургоновъ; на бокахъ фургоновъ виднѣлось что-то бѣлое, что-то красное: то красный крестъ на кругломъ бѣломъ полѣ; возлѣ фургоновъ какое-то движеніе людей, издали чѣмъ-то блестящихъ подъ яркимъ освѣщеніемъ солнечныхъ лучей. Немного ближе ко мнѣ, съ правой стороны, виднѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ, симметрично по одной линіи расположенныя и рѣзко отдѣлявшіяся отъ желто-сѣраго грунта площади, какія-то чорныя, продолговатыя, неподвижныя, для меня близорукаго, пятна, возлѣ которыхъ уже начиналъ группироваться проходящій людъ.

Забытъ зной, забытъ катящійся по лицу потъ.... Мысль: «вотъ раненые, вотъ конецъ нашему бездѣйствію; теперь, наконецъ, должны дать намъ работу»... влила въ мой организмъ какую-то силу и энергію, новую жизнь, и... я быстрыми шагами направился къ ближайшему черному пятну.

На переходѣ этомъ—сотни мыслей роились въ головѣ моей, одна порождая другую, которая тотчасъ душила собою свою родительницу... «Раненые!» бродило въ моей головѣ: «значитъ наши перешли Дунай.... Вотъ пойдетъ теперь работа»... Или: «Не турки-ли попытались перемахнуть на нашу сторону... Не слышно было что-то, что мы собираемся переходить Дунай»... «Ну, какъ тамъ ни на есть, по крайней мѣрѣ, не будемъ, сложа руки сидѣть, тоску точить...

— Что тутъ такое, раненые? спросилъ я стоявшаго вблизи меня молодца въ синей сибиркѣ....

— Никакъ нѣтъ-съ,—получилъ я въ отвѣтъ отъ ухмылявшейся сибирки,—это такъ, не то чтобы раненые, значитъ, а просто лежатъ....

Какъ лежатъ!.. я ничего не понималъ. Взглянувъ, не пьянъ ли хозяинъ сибирки, я протѣснился впередъ, и вотъ что представилось моему удивленному взору...

На землѣ лежалъ здоровый, плотный солдатъ въ полной походной формѣ, съ ранцемъ и другими принадлежностями на спинѣ. Онъ лежалъ, повернувшись на продольной оси своего туловища, то есть лежалъ жи-

вотомъ и кончиками сапоговъ къ небу и правымъ плечомъ на мягкомъ, глубокомъ, пыльномъ пескѣ площади, причемъ отчасти висѣвшая голова, въ особенности же лѣвая щека предоставлялась въ полное распоряженіе солнечнаго пекла. Въ головахъ у него стояло человѣкъ пять солдатъ на вытяжку, со взорами обращенными на движущуюся блестящую толпу около санитарныхъ экипажей.

Видя, что передо мной не раненый, я уже нерѣшительно спросилъ близъ стоящаго солдата, одного изъ пяти:

— Что это, братецъ, больной!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, эвто такъ нарочито приказано лечь—будетъ гекзаменъ...

— Какой экзаменъ, кому? спросилъ я.

— Намъ-съ, мы, значитъ, полковые санитары...

— А экзаменовать-то кто будетъ?

— Самъ—янаралъ.

Я этою новинкою былъ до того озадаченъ, мои мысли отъ этой неожиданности до того перепутались въ головѣ, что я не понялъ вовсе даннаго мнѣ отвѣта, и переспросилъ:

— Какой это генералъ самъ?

— Не генералъ Шамъ, а шамъ генералъ; господинъ шлюживый хотѣлъ кажать, что гекжаменъ будетъ отъ шамъ господинъ генералъ ***ъ, отвѣтилъ мнѣ скороговоркою и шепелявя молодой еврей, имѣвшій на головѣ, несмотря на сильный зной, толстый суконный чуть-ли и не на ватѣ, картузъ.

— Идутъ, идутъ!..

Шло цѣлое общество. Впереди «самъ» небольшаго роста, сѣдоватый, но по походкѣ и движеніямъ энергическій генералъ. Возлѣ него, на полшага отступя, представитель врачеванія, господинъ на видъ еще молодой, высокаго роста и столь значительныхъ физическихъ размѣровъ вообще, столь здоровый и благоупитанный, что я тотчасъ-же рѣшилъ, «что непремѣнно долженъ быть корпусный докторъ», баловень счастья, со средствами, позволяющими и въ военное время лелѣять бренное тѣло вкусными яствами; затѣмъ еще нѣсколько врачей, весьма старыхъ, тяжело тянувшихъ лямку жизни, и весьма юныхъ, только что выскочившихъ изъ-за школьной скамейки въ практическую жизнь, нѣсколько адъютантовъ, молодой прекрасной наружности полковникъ съ Владиміромъ на шеѣ, видимо гвардейскій, нѣсколько другихъ военныхъ разныхъ чиновъ, наконецъ нѣсколько фельдшеровъ и солдатъ.

Генералъ подойдя взглянулъ на солдатиковъ, подлежавшихъ экзамену, кивнулъ имъ, произнеся: Здорово, ребята! — Они, сдѣлавъ къ козырьку, крикнули чуть-ли не unisono: — «Здравія желаемъ, ваше превосходительство!»

Между тѣмъ генералъ уже взглянулъ на «исполнявшаго должность раненаго» и косившагося на начальство солдата, и тутъ не утерпѣла солдатская душа, не забыла субординаціи, а забыла навязанную роль; живо повернулся солдатъ лицомъ къ генералу и рявкнулъ вслѣдъ за товарищами.

— Здравія желаю, ваше пр... Но, увы! Бѣдняга не успѣлъ оттитуловать начальство, такъ какъ самъ гнѣвно прервалъ его лаконическимъ:

— Молчать! Смирно! Ты раненъ!..

Исполняющій должность раненаго въ испугѣ такъ и шлепнулся носомъ въ песокъ, который вѣроятно тутъ-же проникъ ему до мозговыхъ оболочекъ, потому что сначала начала морщиться видимая лѣвая сторона его лица, потомъ сильно ее задергало во всѣхъ частяхъ, и наконецъ нашъ раненый разразился сильнымъ чиханіемъ.

— Салфетъ вашей милости, произнесъ въ толпѣ любопытныхъ въ полголоса нигдѣ и никогда не угасаемый юморъ русскаго человѣка...

— Это къ виждоровленію, прошипѣлъ съ усмѣшкою возлѣ меня уже знакомый намъ еврейчикъ.

Тѣмъ временемъ генералъ, заготовившій уже научно-практическій вопросъ, началъ такъ:

— Летѣла бомба, и пролетѣла у него (показывая на лежащаго солдата) промежъ ногъ, задѣвъ и поранивъ ему (показывая и проведя у себя рукою по внутренней сторонѣ обѣихъ бедеръ) вотъ здѣсь—обѣ ноги... Онъ свалился и лежитъ... Что ты сдѣлаешь? закончилъ генералъ откинувъ немного голову назадъ и взглянувъ на солдата-санитара, стоявшаго крайнимъ съ правой стороны.

— Я его, ваше превосходительство, на носилки, несмѣло произнесъ спрошенный, почти посинѣвъ отъ страха и таращa глаза на грозное начальство.

— А возьмешь-то какъ его, за что?

— За ноги, ваше превосходительство, рявкнулъ поспѣшно тотъ-же санитаръ, ободренный показавшимся ему успѣхомъ своего перваго отвѣта.

— Гм... предался нѣкоторому размышленію генералъ, и потомъ обратился къ благоупитанному господину: «Но вѣдь съ этого начать нельзя, докторъ?»

— Нельзя, ваше превосходительство! живо отчеканилъ докторъ.

— Что надо прежде всего? обратился генералъ ко второму санитару.

Тупоумное размышленіе и молчаніе въ отвѣтъ.

— Что?... къ третьему.

Молчаніе.

— Что, что? обратился генералъ уже съ нѣкоторою запальчивостью и гнѣвомъ—къ четвертому и пятому.

Тоже молчаніе.

— Что, что, что... крикнулъ генералъ гнѣвно, обращаясь ко всѣмъ.

— Нужно посмотрѣть раны, пропустилъ кто-то изъ санитаровъ нерѣшительно сквозь зубы.

— Конечно посмотрѣть... Живѣй — но смотри! обратился генералъ къ пятому санитару—вѣдь раненый кровью истекаетъ...

Солдатъ-санитаръ сдѣлалъ по всѣмъ правиламъ маршировки три шага впередъ, нагнулся, не сгибая почти колѣнъ надъ будто-бы ранеными ногами и, сидя такимъ образомъ, почти подъ прямымъ угломъ, уставилъ свои очи на пытающее начальство.

— Ну! ну! Что-же: рану видишь?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство!

— Какъ, не видишь....

— Никакъ нѣтъ-съ, ваш....

— Да, что-же надо сдѣлать?

Молчаніе.

— Что надо? Чортъ возьми... Отвѣчайте-же... Бомбы летаютъ, пули свистятъ, а вы все молчите... уже въ полномъ гнѣвѣ закричалъ генералъ, замахавъ при этомъ во всѣ стороны руками, изображая такимъ образомъ страшный полетъ снарядовъ.

— Нужно платье разрѣзать, ваше превосходительство... сказалъ наконецъ одинъ изъ прочихъ санитаровъ.

— Хорошо... иди... рѣжь...

Солдатъ-санитаръ сдѣлалъ тѣ-же по видимому обязательные три шага, и подобно товарищу своему нагнулся надъ страдальцемъ подъ прямымъ угломъ и съ взоромъ, обращеннымъ на генерала.

— Рѣжь, говорю тебѣ...

— Не могу, ваше превосходительство.

— Отчего не можешь?

— Ножницъ не имѣю, ваше превосходительство.

— Рѣжь!—У кого ножницы есть... У кого есть...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство... дернули единогласно санитары.

— Отъ чего-же нѣтъ, какъ нѣтъ... Отчего у нихъ нѣтъ ножницъ?—обратился генералъ къ доктору, какъ казалось, не очень хорошо себя въ эту минуту чувствовавшему.

— Еще не выданы—произнесъ онъ какъ-то сконфуженно, сознавая-ли, что нужно было выдать или совсѣмъ не слѣдовало выдавать... рѣшить трудно...

— А будутъ ножницы?

— Будутъ, ваше превосходительство!—рѣшилъ докторъ, избѣгая дальнѣйшихъ объясненій...

— Да, нужно, чтобы были, рѣшилъ и генералъ, и обратясь къ экзаменующимся, началъ опять:

— Ну, здѣсь...

— Не могу, ваше превосходительство, произнесъ почти плача и изнемогая отъ неловкаго положенія подъ прямымъ угломъ санитаръ.

— Дурракки! пропустилъ сквозь зубы генералъ, дѣлайте точно рѣжете...

Генералъ, повидимому, крайне скорбѣлъ о недостаткѣ воображенія у экзаменующихся...

Наконецъ, сильнымъ напоромъ всѣхъ своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ, санитарамъ удалось сообразить что желательно начальству... Каждый изъ нихъ, ставъ на правое колѣно и принявъ на свою санитарную совѣсть по ногѣ исполняющаго должность раненаго, приставилъ свою руку ребромъ на бедро страдальца и началъ разводить и ударять другъ о дружку пальцы указательный и средній: живое, даже нѣкоторымъ образомъ картинное изображеніе работы ножницами.

Проведя такимъ образомъ вдоль обѣихъ бедеръ, чуть-чуть конвульсивно подергивавшихся ногъ, отъ того-ли, что щекотно, или отъ того, что у владѣльца ногъ и представителя пораненія, въ эту минуту медицинскаго субъекта и грамматическаго объекта, все еще лежавшаго уткнувши носъ въ песокъ, тоже разыгралось отъ палящихъ лучей солнца воображеніе и ему думалось невольно: «ну, какъ въ самомъ дѣлѣ рѣзнутъ»—этого я не знаю—санитары остановили работу, а генералъ спросилъ:

— Ну, разрѣзали?

— Разрѣзали, ваше превосходительство.

— Разрѣзалъ?.. обратился генералъ вопросительно къ доктору, въ которомъ ему, вѣроятно, желалось видѣть тоже (поболѣе среднаго своему воображенія).

— Разрѣзали, ваше превосходительство—быстро, послѣ момента молчанія, какъ-бы разбуженный, произнесъ благоупитанный докторъ, немного страждущимъ голосомъ,—вопросъ начальника прервалъ, быть можетъ, дѣятельность и его воображенія и мечтанія... сновидѣніе: о жирной индѣйкѣ подъ трюфелями.... Кромѣ того, въ отвѣтѣ выразилось отчасти и недоумѣніе, чего собственно добивается отъ него генералъ.

— Хорошо—одобрилъ генералъ—ну рану видно?

— Видно, ваше превосходительство, реферировали оба санитара, совсѣмъ уже входившіе въ свои роли.

— Ну, потомъ что? продолжалъ начальникъ.

Молчаніе.

— Дальше, что? Скорѣй, живѣй!

— Нужно повязку наложить, произноситъ одинъ изъ стоявшихъ подальше санитаровъ.

— Нѣтъ, рано! Вѣдь рано, докторъ?..

— Рано, ваше превосходительство,—согласился докторъ.

— То-то рано... Ну, что нужно... что, что, что? облетѣлъ вопросъ генерала всѣхъ санитаровъ.

Моментъ всеобщаго молчанія. На лицахъ экзаменующихся недоумѣніе—отчего это начальство сначала все требовало: «скорѣй, скорѣй», а теперь вдругъ «рано».

Тутъ кто-то шепотомъ съ нѣмецкимъ акцентомъ подсказалъ троимъ санитарамъ, стоявшимъ въ головахъ у раненаго: «полошить тюрникетъ». Я посмотрѣлъ, кто сей благодѣтель. За санитарами стояли двѣ изъ шестидесяти сестеръ нѣмецкаго общества, уже почти шесть недѣль проживавшихъ здѣсь въ ожиданіи назначенія, большею частью потомъ прожившихъ еще и дольше и наконецъ возвратившихся безъ всякаго назначенія на родину съ своимъ не совсѣмъ безъ причины негодующимъ пріоромъ:—*по званію докторомъ, по содержанію пасторомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.*

— Нужно туркипетъ положить—подхватилъ живо одинъ изъ санитаровъ.

— «Турникетъ», не утерпѣлъ не поправить одинъ изъ самыхъ юныхъ жрецовъ науки.

— Что такое турникетъ, спросилъ генералъ, переходя на теоретическую почву.

— Тесьма, примѣрно: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... началъ было скороговоркою отчеканивать санитаръ.

— Врешь!.. Что такое турникетъ? переспросилъ генералъ.

Молчаніе; потомъ громкое:

— Туркинетъ, ваше превосходительство, это значитъ пальцемъ придавить...

Бѣдняга неисправимо оставался при своемъ «*туркинетъ*». Господь его знаетъ: Легче-ли ему было въ этой формѣ запомнить чуждое его языку слово, или просто онъ ту медицинскую мѣру считалъ спеціальною противъ ранъ отъ турецкихъ бомбъ и пуль и ставилъ въ зависимость и производство отъ турокъ...

Генералъ посмотрѣлъ на доктора, докторъ пробѣжалъ взоромъ по своимъ подчиненнымъ, отыскивая виновника столь нетвердаго знанія, и потомъ строго, наставительно произнесъ:

— Турникетомъ можетъ служить твердый предметъ, камешекъ, кусокъ дерева, твердо скомканная бумага, корпія... но до этого надлежитъ давленіемъ пальца остановить кровь...

Генералъ остался доволенъ, остались ли довольны санитары, не знаю! Да должно быть...

— Ну, а потомъ? продолжалъ генералъ.

— Нужно наложить бинтъ, ваше превосходительство, значитъ тесьму, примѣрно тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, сем-

надцать...началъ солдатикъ вновь отчеканивать твердо зазубренное опредѣленіе.

— Хорошо, хорошо! Накладывай скорѣй:—несчастный можетъ умереть дожидаясь васъ, вновь разыгралось воображеніе генерала.

Лежавшій на землѣ глубоко вздохнулъ, повидимому соглашаясь вполнѣ съ начальствомъ.

Санитары засуетились теперь уже втроемъ, задвигали руками, изображая такимъ образомъ бинтовку.

— Наложили?

— Наложили, ваше превосходительство.

Обращаясь къ доктору:

— Они наложили?

— *Наложили*, ваше превосходительство. опять съ недоумѣніемъ отвѣтилъ докторъ; понятно и я недоумѣваю, зачѣмъ генералъ требовалъ такихъ подтвержденій отъ доктора.

— Ну, хорошо; теперь берите бережно; кладите на носилки и несите...

Благоупитанный докторъ, приложивши руку къ козырку, что-то въ полголоса доложилъ начальнику, тотъ удовлетворился докладомъ, и всѣ двинулись вслѣдъ за генераломъ къ слѣдующему наглядному изображенію раненаго, лежа все время жарившемуся саженяхъ въ десяти дальше.

Не было ножницъ, не оказалось и носилокъ—подумалъ я... Выходитъ экзаменъ болѣе теоретическій, чѣмъ практическій; а въ сущности важнѣе всякихъ опредѣленій «туркинетовъ» было-бы, по моему, посмотрѣть, какъ санитары взялись бы за раненаго для укладки его на носилки, какъ понесли бы носилки, потому что въ ушахъ моихъ все еще звучали слова: «з а н о г и, в а ш е п р е в о с х о д и т е л ь с т в о!»

И я двинулся за толпою любопытныхъ, принявшей весьма значительные размѣры и ни на шагъ не отстававшей отъ экзаменаторовъ.

И второй исполняющій должность раненаго лежалъ точно въ томъ же положеніи, какъ и первый, также страдая снизу отъ неловкости положенія, а сверху отъ внизъ взирающаго спокойно на этотъ экзаменъ солнца.

Подойдя къ лежавшему, возлѣ котораго стояло нѣсколько новыхъ полковыхъ санитаровъ, подлежащихъ экзамену, генералъ послѣ нѣкотораго молчанія, посвященнаго игрѣ воображенія, произнесъ:

— Бомба летитъ... Ее разрываетъ—и осколкомъ отрываетъ ступню, такъ что она виситъ только на кускѣ кожи, и обращаясь къ санитару. спросилъ: что ты сдѣлаешь?

— Нужно перевязку, ваше превосходительство, началъ было санитаръ.

— Ты, что? обратился онъ къ другому.

— Перевязку, ваше...

— Нѣтъ!... ты... ты... началъ генералъ приходить въ гнѣвъ.

Санитары боязненно только тянули:

— Ва-ва-ше-ше...

— Просто нужно взять и отрѣзать, рѣшилъ генералъ: — отрѣзать ступню, и сильно махнувъ при этомъ, въ знакъ безъапелляціоннаго рѣшенія, продолжалъ: Слышите! Непремѣнно отрѣзать... Рѣжьте!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, рѣзать не могимъ, почти всѣ сразу завопили перепуганные санитары.

— Какъ не можете, должны... Ваша обязанность помочь страдальцу...

— Не могимъ-съ...

— Объясните имъ, докторъ, это ваше дѣло, что они должны...

— Нельзя, ваше превосходительство...

— Какъ нельзя, сердито и удивленно произнесъ генералъ.—Гмъ—нельзя! Должно! повысилъ онъ голосъ:—ступня только будетъ болтаться и мѣшать...

— *Нельзя имъ довѣрить: это дѣло оператора... рѣшить...*

— А если нѣтъ тутъ оператора?

— Такъ просто каждый изъ врачей.

— А если нѣтъ врачей, продолжалъ неуступчивый генералъ...

— Тогда рѣшатъ на перевязочномъ пунктѣ.

— Ну, хорошо, по мнѣ, пожалуй, и на перевязочный пунктъ... началъ наконецъ уступать генералъ, прибавляя однако какъ-бы про себя въ полголоса, но ясно слышно:—нужно отрѣзать, непремѣнно—только болтается и... мѣшаетъ...

Видимо генералъ не легко разставался съ разъ установившимся мнѣніемъ и положенною резолюціей.

Затѣмъ пошелъ экзаменъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и у перваго раненаго, съ разрѣзываніемъ платья безъ ножницъ, съ туркинетомъ, съ задолбленнымъ опредѣленіемъ тесьмы, удлинявшейся *только* на нѣсколько аршинъ—по вдохновенію отвѣчавшаго, съ гнѣвно-поэтическими проявленіями пылкаго воображенія его превосходительства относительно полета бомбъ и свиста непріятельскихъ пуль...

То же и у третьяго, гдѣ, впрочемъ нужно упомянуть, генералъ придумалъ такое исключительное пораненіе, что даже красивый гвардейскій полковникъ съ Владиміромъ на шеѣ усумнился, что вслухъ и выразилъ генералу.

Сколько мнѣ помнится, вопросъ генераломъ былъ поставленъ такъ:

Несчастнаго раненаго (я бы не задумался на мѣстѣ генерала сказать: совершенно изжареннаго!) граната ударила въ бокъ, что сильно повредило бедро...

— Далеко будетъ, ваше превосходительство, сказалъ полковникъ:— вѣрно въ бедро и ударила, или оба мѣста повредила.

— Да, да, бомба въ оба мѣста ударила, поправилъ дѣло, уставшій уже вѣроятно отъ умственно-научно-медицинскихъ напряженій, подогрѣваемыхъ и солнцемъ и гнѣвомъ—старикъ-генералъ.

Выслушавъ и здѣсь весь экзаменъ, мы двинулись къ четвертому и послѣднему страдальцу.

Здѣсь, генералъ, обратясь собственно къ доктору, сказалъ:

— Господа! до сихъ поръ у насъ были все такіе раненые, которыхъ нужно было носить на носилкахъ, теперь намъ нужно придумать такую рану, чтобы раненый могъ самъ пойти на перевязочный пунктъ.

Подумавъ немного, онъ продолжалъ:

— Что, докторъ, можно такую рану придумать?

— Можно, ваше превосходительство!

Какъ не придумать, ваше превосходительство, такой простой раны, если можно придумать такой экзаменъ, подумалъ я, и отвернувшись побрелъ домой...

Рачь-Петрацкій.

Приложенія.

Дневникъ Войны.

1877 — 1878.

АПРѢЛЬ.

12.— Войска наши изъ Александрополя, подъ начальствомъ ген.-адъютанта Лорисъ-Меликова, перешли границу.

13.— Ріонскій отрядъ ген.-лейтенанта Оклобжіо началъ наступленіе.

13.— Колонна ген.-маіора Деишбекова заняла съ боя барачный лагерь турокъ у Мухастера.

14.— Три турецкихъ монитора бомбардируютъ постъ св. Николая.

14.— Ріонскій отрядъ ген.-лейтенанта Оклобжіо окончательно занялъ лагерь Мухастеръ.

15.— Князь Шаховской занялъ Галацъ и Браиловъ; Измаилъ и Килія заняты нами.

15.— Пѣхота Александропольскаго отряда перешла Кюрюкъ-Дара, а кавалерія Суботану и Хаджи-Кали.

15.— Турецкіе броненосцы приблизились къ Поти, но ушли безъ выстрѣла.

15.— Турецкіе броненосцы снова обстрѣливали постъ св. Николая.

17.— Александропольскій отрядъ расположился у Заима и Энги-Кева.

18.— Эриванскій отрядъ ген.-лейтенанта Тергукасова занялъ Баязетъ.

21 (по тел. отъ 21).—Переправа войскъ у Леова задержана разлитіемъ Прута.

21 (по тел. отъ 21).—Къ Браилову подошли два броненосца и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами ушли.

22 (по тел. отъ 22).—Движеніе къ Галацу и Браилову продолжается. Броненосцы отошли въ Мачинскій рукавъ.

24.— Полкъ графа Граббе изъ Кульпъ и ген.-маіора Лорисъ-Меликова изъ Визинкева заняли безъ боя Кагызманъ.

26.— Ген.-лейтенантъ Тергукасовъ занялъ безъ боя городъ Діадинъ.

27 (по тел. отъ 27).—Дѣло ген. Шереметьева у Бердыкъ-Чая.

29.—Нашими выстрѣлами изъ Браилова взорванъ мониторъ. Флагъ снятъ лейтенантомъ Дубасовымъ.

29.—Ген.-лейтенантъ Оклобжіо занялъ съ боя позицію на высотахъ Хацубани.

МАЙ.

2.—Пять турецкихъ броненосцевъ бомбардировали Сухумъ-Кале. Десантъ отраженъ.

3.—У Браилова отрядомъ лейтенанта Дубасова поставлены подъ выстрѣлами турецкихъ мониторовъ первые минныя загражденія въ Мачинскомъ рукавѣ.

4.—Броненосцы продолжаютъ стоять передъ Сухумомъ.

4.—Ген.-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ взялъ съ боя два переднихъ укрѣпленія Ардагана, на Гелавчердинскихъ высотахъ.

4.—Жаркое дѣло подъ Карсомъ при рекогносцировкѣ ген. Комарова.

5.—Сухумъ снова былъ обстрѣливаемъ. Войска изъ него вышли за рѣчку Маджара.

7 (по тел. отъ 7).—Турецкіе броненосцы бомбардируютъ весь берегъ отъ мыса Адлера до Очемчиръ и высаживаютъ прежнихъ выселенцевъ.

8 (по тел. отъ 8).—Ардаганъ взятъ съ боя.

11.—Непріятель сдѣлалъ высадку на мысъ Адлеръ.

12.—Дѣло съ текинцами подъ Кизылъ-Арватомъ.

14.—Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ взорвали турецкій мониторъ.

16.—Полковникъ Гуринъ занялъ высоты Самеба по рѣкѣ Кинтриши.

18.—Наша кавалерія разсѣяла турецкую конницу при Бегли-Ахметъ.

20.—Два турецкихъ монитора бомбардируютъ Сочи. Десантъ отраженъ.

21.—Ардаганскій отрядъ занялъ Пенякъ и городъ Ольту безъ боя.

23.—Сраженіе Вукотича (черногорцевъ) и Сулеманъ-паши у Крстаца и Горанско. Турки заняли Крстацъ и Муратовичи.

23.—Ген. Тергукасовъ занялъ безъ боя Кара-Килиссу.

24.—Турки бомбардировали Журжево.

25.—Государь Императоръ прибылъ въ Плоешты.

28.—Турки обстрѣливали изъ Рущука постъ Каларашъ и саперныя работы близъ Журжева.

28.—Ген. Тергукасовъ занялъ безъ боя городъ Алашкертъ.

29.—Пароходъ «Константинъ» атаковалъ турецкій броненосецъ у Сулины.

29.—Ген. Тергукасовъ занялъ безъ боя городъ Зайдеканъ.

IЮНЬ.

1.— Три турецкихъ броненосца бомбардировали Илори и одновременно горцы атаковали наши войска; но отбиты.

1.— Дѣло казаковъ съ высадившимися у мыса Адлера горцами у рѣки Мзыкти.

2.— Турки два раза атаковали авангардъ ген. Оклобжiо, но отбиты.

3.— Гарнизонъ Карса сдѣлалъ высадку противъ высотъ Чифтлика, но отраженъ.

4.— Ген. Тергукасовъ разбилъ турокъ на Оглахъ, между Зайдеканомъ и Дели-баба.

5.— Бомбардированiе Карса начато.

6.— Турки сдѣлали высадку у Турну-Магурели, но ушли.

7 (по тел. отъ 7).—Сулейманъ пробился къ Никшичу и снабдилъ его провiантомъ.

8.— Лейтенантъ Скрыдловъ атаковалъ безуспѣшно турецкiй пароходъ у Парапана.

8.— Пароходъ «Владимiръ» потопилъ четыре турецкихъ коммерческихъ брига у мыса Керемпе.

9.— Шервашидзе съ кавалерiей отряда генерала Алхазова разбилъ инсургентовъ у Моргулы и Моквы.

9.— Ген. Тергукасовъ былъ атакованъ турками у селенiя Даяръ непрiятель отбитъ.

10.— Турки произвели вылазку изъ Карса, но отражены; Карсъ обстрѣливается; Баязетъ окруженъ курдами; ихъ атаки отбиты.

10.— Пароходъ «Константинъ» привелъ въ Одессу призъ «Асланъ-Бахри», турецкiй коммерческiй бригъ.

10.— Ген. Жуковъ переправился у Галаца черезъ Дунай и занялъ высоты Буджакъ.

11.— Ген.-лейтенантъ Циммерманъ занялъ безъ боя городъ Мачинъ.

11.— Ген. Оклобжiо атаковалъ Цихисдзири и занялъ часть непрiятельской позицiи.

11.— Ниловъ и гардемаринъ Аренсъ атаковали безуспѣшно турецкiй мониторъ.

12.— Дервишъ-паша атаковалъ наши войска у Самеба, но отброшенъ.

13.— Турки изъ Сухума атаковали ген. Алхазова у Илори; но разбиты. Князь Джоржадзе разбилъ атаковавшiй его отрядъ инсургентовъ.

IЮНЬ.

13.— Ген.-маiоръ Калбболай-ханъ отбилъ подъ Баязетомъ курдовъ и отступилъ къ Оргову.

13.— Ген.-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ и ген. Гейманъ атаковали Измаилъ-пашу подъ Зивиномъ; но были отбиты. Затѣмъ они заняли Милидюзъ.

15.— Войска переправились черезъ Дунай и взяли съ боя Систово.

15.— Ген. Алхазовъ атаковалъ непріятеля у Очемчиръ и нанесъ ему пораженіе.

16.— Удачная рекогносцировка полковника Комарова къ Ардануччу.

16.— Ген. Шамшевъ занялъ Бабадагъ.

17.— Ген. Измайловъ очистилъ Бабадагскую область отъ башибузуковъ.

17.— Ген. Оклобжіо отступилъ къ Мухаэстате.

17.— Семь турецкихъ броненосцевъ атаковали селеніе Жебріаны.

22.— Схватка казаковъ съ черкесами на рѣкѣ Янтрѣ.

23.— Бѣла занята нашими войсками.

25.— Ген. Гурко занялъ съ боя Тырново.

25.— Линія Янтры занята нашими войсками безъ боя.

27.— Непріятель бомбардировалъ Евпаторію.

27 (По тел. отъ 27).—Ген. Лорисъ-Меликовъ снялъ осаду Карса и отступилъ на Хаджи-Вали и Заимъ.

28.— Ген. Тергукасовъ освободилъ гарнизонъ Баязета и оставилъ городъ.

29.— Ген. Леоновъ захватилъ обозъ у Чапркіой.

ІЮЛЬ.

1.— Ген. Алхазовъ перешелъ въ наступленіе и занялъ съ боя высоты Гумъ.

1.— Переходъ чрезъ Балканы ген. Гурко.

2.— Ген. Гурко занялъ Хаинкіой.

3.— Городъ Никополь взятъ съ боя.

5.— Городъ Ловча взятъ съ боя.

5.— Ген. Гурко взялъ Казанлыкъ и село Шипку съ боя.

5.— Полковникъ Орловъ занялъ Янинскій перевалъ.

8.— Турки атаковали ген. Алхазова у Очемчиръ; но отбиты.

8.— Ген.-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ атаковалъ Плевну; но отбитъ турками.

10.— Ген. Алхазовъ занялъ укрѣпленную позицію Меркулоки.

11.— Наши батареи изъ Слободзеи сожгли и потопили четыре турецкихъ парохода.

11.— Бой парохода «Веста» съ турецкимъ мониторомъ.

12.— Пароходъ «Николай» и минные катера лейтенанта Дубасова атаковали турецкій мониторъ; но безуспѣшно.

18.— Ген. баронъ Криденеръ вторично атаковалъ Плевну; но отбитъ.

18.— Ген. Гурко разбилъ отрядъ турокъ у Ени-Загры.

19.— Ген. Гурко разбилъ другой отрядъ той-же арміи у Джуранли и отступилъ въ Балканскіе проходы.

19.— Сраженіе подъ Эски-Загрой и отступленіе нашего отряда къ Казанлыку.

23.— Полковникъ Комаровъ разбилъ отрядъ турокъ у Верхняго Геля.

24.— Турки стали наступать противъ ген. Тергукасова и заняли Аликочыкъ.

27.— Кавалерія Мухтара-паши атаковала нашъ авангардъ у Башъ-Кадыклара; но отбита.

30.— Незначительное дѣло ген. Калоболай-хана съ авангардомъ Измаила-паши.

31.— Турки атаковали Жидины близь Разграда, но отбиты.

АВГУСТЪ.

1.— У Тогра-Юрата казаки разбили партію черкесовъ.

1.— Турки атаковали нашу Мухаэстатскую позицію, но отбиты.

2.— Турки стали наступать отъ Плевны на Тученицу, но отражены.

3.— Артиллерійскій бой между Рущукомъ и Журжевомъ.

4.— Турки стали отступать отъ Басардова на Кадыкіой; но сами оттѣснены полковникомъ Хрещатицкимъ, который выбилъ турокъ изъ Черноводы и Эни-Эсмила.

4.— Турки на берегу Кара-Лома стали тѣснить наши аванпосты у Долоба, но сами оттѣснены.

4.— Турки атаковали Ханкіойскій перевалъ, но отбиты.

6.— Ген. Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ нападеніе на Мухтара-пашу у Б. Ягны.

6.— Полковникъ Шелковниковъ взялъ штурмомъ Гагринскія тѣснины.

7.— Ген. Алхазовъ окончательно занялъ все теченіе Кодора.

8.— Схватка князя Чавчавадзе у села Буланахъ съ турецкою кавалеріею.

9.— Сулейманъ-паша атаковалъ перевалъ Шипку; но отбитъ.

9.— Полковникъ Шелковниковъ разбилъ непріятеля у Пицунды.

9.— Турки стали наступать отъ Ловчи на Сельви.

10.— Бой на Шипкѣ продолжается безпрерывно; до сихъ поръ всѣ атаки отбиты.

10.— Турки атаковали Аясларъ и взяли его; но къ вечеру отбиты.

10.— Наступленіе турокъ отъ Ловчи на Сельви продолжается.

11.— Турки снова атаковали Аясларъ и вновь отбиты.

11.— Бой на Шипкѣ продолжается; всѣ атаки отбиты.

11.— Турки третій разъ атаковали Аясларъ и принудили насъ отступить къ Султанкіою.

11.— Полковникъ Шелковниковъ разбилъ непріятеля у Гудауты.

12.— Бой на Шипкѣ возобновился; всѣ атаки отбиты.

12.— Яхта «Ливадія» сожгла турецкую кочерму у Сулины, и была преслѣдуема двумя турецкими броненосцами до Севастополя.

12.— Пароходъ «Константинъ» атаковалъ турецкій броненосецъ у Сухума.

12.— Непріятель атаковалъ полковника Самойлова въ Игдырѣ: но былъ отбитъ.

12.— Непріятель атаковалъ насъ у Абасъ-Гельскаго перевала, но былъ отбитъ.

12.— Непріятель атаковалъ нашу Мухаэстатскую позицію, но былъ отбитъ.

12.— Бой на Шипкѣ возобновился; всѣ атаки отбиты.

13.— Мухтаръ-паша атаковалъ ген. Лорисъ-Меликова; но отбитъ, овладѣвъ возвышенностію Кизилъ-Тапа.

13.— Двѣ аванпостныя стычки у Черноводы и Спахриляръ.

14.— Непріятель сталъ наступать на Садину; но отбитъ.

16.— Ген. Яновъ захватилъ въ Кузгунѣ партію турецкихъ фуражировъ.

15.— Непріятель изъ Рущука двинулся на Кадыкіой, но отброшенъ.

15.— Непріятель атаковалъ насъ вновь на Халфали и Чарджиу, но отброшенъ.

16.— Полковникъ Варламовъ захватилъ у Азарлыка и Мамули турецкій транспортъ.

16.— Ген. Алхазовъ занялъ позицію на рѣкѣ Воччи у Сухума.

18.— Турки атаковали аванпосты Рущукскаго отряда и заставили ихъ отступить на Садины, Карахасанкіой и Хадаркіой.

18.— Ген. Смѣкаловъ и полковникъ Батьяновъ уничтожили аулы Ерсеной и Зандакъ и разбили двѣ партіи мятежниковъ.

19.— Турки атаковали изъ Плевны нашу позицію у Пелишата и Сгалевицы; но отброшены.

19. — Турки изъ Рущука вытѣснили насъ изъ села Кадыкіоя, но выбиты оттуда снова.

19.— Артиллерійскій бой между Рущукомъ и Журжевомъ.

20. — Баши-бузуки прорвались на Балканахъ въ деревню Зеленодрево; но отброшены.

22. — Князь Имеретинскій и Скобелевъ 2-й взяли приступомъ городъ Ловчу.

23.— Турки изъ Рущука и Разграда заняли съ боя Кадыкіой; но были оттуда выбиты.

23.— Турки сдѣлали наступленіе отъ Микры на Ловчу, но отражены.

23.— Турки атаковали Марень, близь Елены, но отбиты.

24.— Турки атаковали насъ изъ Рущука на Кацелево и Обланово, Рущукскій отрядъ отступилъ въ полномъ порядкѣ.

26.— Кавалерійскій набѣгъ на лагерь Мухтара-паши.

28.— Плевна содержится въ блокадѣ; вылазка турокъ отражена; деревня Гривица занята нами.

30.— Штурмомъ на Плевну ген. Скобелевъ 2-й взялъ три южныхъ редута, а ген. Родіоновъ Гривицкій редутъ.

31.— Турки выбили генерала Скобелева изъ взятыхъ имъ въ Плевнѣ укрѣпленій.

СЕНТЯБРЬ.

1.— Турки всю ночь обстрѣливали гору св. Николая.

2.— Турки атаковали Гривицкій редутъ; но были отбиты.

5.— Турки атаковали послѣ пятидневной бомбардировки гору св. Николая; но были отбиты.

7.— Турки сдѣлали наступленіе на Халфали и Верхніе Чарухчи; но отбиты.

9.— Турки снова обстрѣливаютъ гору св. Николая.

9.— Турки атаковали ген. Татищева у Церковны; но отбиты.

9.— Полковникъ Тутолминъ остановилъ артиллерійскимъ огнемъ наступленіе турокъ у Телиша.

11 и 12. — Мятежники въ Дагестанѣ разбиты полковниками: княземъ Накашидзе и Теръ-Асатуровымъ у ауловъ Лаваши и Кутиши.

12.— Турки атаковали Еленинскій отрядъ у Мареня; но отбиты.

14.— Ген. Мапзей разбилъ партію черкесовъ у Чубоагъ-Куюса.

15.— Измаилъ-паша атаковалъ ген. Тергукасова у Чарухчи; но отбитъ.

18.— Мятежники Кайтагскаго округа разбиты полковникомъ Теръ-Асатуровымъ у селенія Кая-Кентъ.

19.— Рекогносцировки турокъ изъ Плевны отражены.

19. — Полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ отбилъ у Радомирце турецкій транспортъ.

20.— Наши войска атаковали Мухтара-пашу на Большихъ и Малыхъ Ягнахъ и овладѣли Большими-Ягнами.

20, 21 и 22.— Плевна обстрѣливается нами.

21.— Мятежники Кайтагскаго округа разбиты полковникомъ Теръ-Асатуровымъ у селенія Джеми-Кентъ.

21.— Войсковой старшина Тарасовъ сдѣлалъ набѣгъ на турецкій Изворъ и выбилъ оттуда турокъ.

21.— Турки атаковали Большія-Ягны; но отбиты.

22.— Наши войска очистили Большія-Ягны.

23.— У Козлюбегъ изъ Османъ-Базарскаго отряда разбита партія баши-бузуковъ.

23.— Войсковой старшина Тарасовъ повторилъ набѣгъ на Изворъ и вновь выбилъ оттуда турокъ.

24.— Турки атаковали полковника Левиза у Радомирце; но отбиты.

24.— Войсковой старшина Тарасовъ выбилъ баши-бузуковъ изъ деревни Галата и Тетевенскаго горнаго прохода.

25. — Турки атаковали въ Рущукскомъ отрядѣ деревню Кошеву; но отбиты.

26.— Турки атаковали аванпосты у Кадыкіоя; но отбиты.

26.— Турки обстрѣливали наши войска изъ Силистріи.

26.— Турки атаковали румынскія траншеи у Плевны; но отбиты.

27.— Войска наши заняли Суботанъ, Хаджи-Вали и Кульверанъ.

27.— Въ Сулинѣ турецкій пароходъ наткнулся на мину и взлетѣлъ на воздухъ.

27.— Турки атаковали форпосты у деревни Кацелево, на рѣкѣ Черномъ-Ломѣ; но отбиты.

28.— Наши войска заняли Кизилъ-Тапу.

29.— Казаки Рущукскаго отряда заняли съ боя деревню Опаку.

29.— Войсковой старшина Антоновъ сдѣлалъ удачный набѣгъ на городъ Тетевенъ.

29.— Войсковой старшина Тарасовъ сдѣлалъ удачный набѣгъ на Торосъ.

ОКТЯБРЬ.

1.— Турки атаковали нашъ редутъ впереди Большихъ-Ягнъ; но отбиты.

1.— Баши-бузуки атаковали д. Марень, близъ Елены; но отбиты.

2.— Измаилъ-паша произвелъ наступленіе на ген. Тергукасова; но долженъ былъ отступить.

3.— Армія Мухтара-паши разбита на голову.

3 и **4.**— Два дѣла полковника Накашидзе у селенія Лаваши съ мятежниками Средняго Дагестана.

5.— Турки атаковали форпосты у Хаинкіоя; но отбиты.

5.— Казаки подполковника Перина взяли у селенія Зарцъ въ плѣнъ турецкій отрядъ.

5.— Казаки взяли у Сейлыка турецкій транспортъ.

6.— Казаки тамъ же прогнали отрядъ турецкой кавалеріи.

6.— Ген. Тергукасовъ занялъ позицію на Зарскихъ высотахъ.

7.— Румыны взяли одинъ редутъ подъ Плевной; но выбиты оттуда.

12.— Ген. Гурко взялъ съ боя турецкую позицію подъ Горнимъ Дубнякомъ.—Неудачная аттака Телиша.

12.— Убитъ Князь Сергій Максиміліановичъ.

16.— Ген. Гурко взялъ съ боя турецкую позицію у Телиша.

16.— Ген. Гейманъ занялъ почти безъ боя Кеприкіой.

17.— Гасанъ-кала занятъ нашими войсками.

19.— Ген. Карцовъ занялъ съ боя городъ Тетевенъ.

19.— Перестрѣлка кабулетцевъ у Какутскаго поста съ гурійскою дружиной.

20.— Наши войска заняли безъ боя укрѣпленія у Дольняго Дубняка.

21.— Турки атаковали нашу позицію у Маріанъ, близь Елены; но отбиты.

21.— Ген. Черевинъ занялъ деревню Титерну и соединился съ ген. Карцовымъ, взявшимъ Турскій Изворъ.

23.— Карсъ тѣсно обложенъ.

23.— Ген. Гейманъ и Тергукасовъ разбили Мухтара и Измаила-пашей у Деве-Бойну.

24.— Ген.-маіоръ Черевинъ занялъ Петревенъ и Яблоницкое укрѣпленіе.

24.— Турки сдѣлали вылазку изъ Карса на ген. Лазарева; но отражены.

27.— Жаркая перестрѣлка на Шипкѣ.

28.— Ген. Леоновъ занялъ съ боя городъ Врацу.

28.— Ген. Скобелевъ занялъ и укрѣпилъ позицію «Зеленыя Высоты».

28.— Наступленіе турокъ на Поламирцу и Смуркіой отражено.

28.— Авангардъ ген. Геймана овладѣлъ укрѣпленіемъ Азизіе (Эрзерумъ); но выбитъ.

29.— Турки сдѣлали нападеніе на занятую ген. Скобелевымъ позицію; но отбиты.

31.— Румыны безъ потерь заняли высоту впереди Биволаръ, противъ Спанецкой горы.

НОЯБРЬ.

1.— Перестрѣлка между Рущукомъ и Журжевомъ.

2.— Упорныя стычки на Шумлинской и Османъ-Базарской дорогахъ.

2.— Полковникъ Лауницъ отбилъ у Османъ-Куюсу турецкій транспортъ.

3.— Турки атаковали и взяли посты у деревни Соленикъ и у деревни Кацелево; но послѣ выбиты.

5.— Турки атаковали Новосело, Златарицу, Пиргосъ и Кошаву; но вездѣ отбиты.

6.— Карсъ взятъ штурмомъ.

7.— Турки изъ Рущука, Басарбова и Чифтлика атаковали наши авангарды у Пиргосъ, Хангюль, Чесме и между Чифтликомъ и Тростеникомъ; но вездѣ отбиты.

7.— Румыны взяли съ боя Рахово.

9.— Турки атаковали гору св. Николая; но отбиты.

11.— Правецкая позиція взята нашими войсками съ боя.

11.— Турки сдѣлали нападеніе на Тетевенъ; но отбиты.

11.— Удачныя рекогносцировки у Умуръ-Факи, Ирыджи и Гузаны.

12.— Ген. Дандевиль взялъ съ боя городъ Этрополь.

13.— Турки атаковали форпосты у Опаки и Пиламирце; но отбиты.

13.— Турки атаковали передовую позицію у Ковачицы; но отбиты.

14.— Турки атаковали наши позиціи у Тростеника и Мечки; но отбиты.

15.— Полковникъ Казбекъ атаковалъ Хацубани и взялъ эту позицію

16.— Наши войска заняли Бѣлобродъ и Левчево на рѣкѣ Огостѣ.

17.— Турки сдѣлали вылазку изъ сдѣланнаго ими на лѣвой сторонѣ Дуная, противъ Силистріи, редута; но отражены.

17.— Ген. Эллисъ занялъ безъ боя позиціи у Врачеша и Лютакова.

17.— Наши войска заняли городъ Орханіе.

18.— Румыны заняли послѣ шести-дневной канонады Ломъ-Паланку.

18.— Ген. Арнольди занялъ Черческую Кривину и Кутловицу.

21.— Ген.-маіоръ Курнаковъ овладѣлъ деревнями Кливкіой и Челопечь.

21.— Ген. Эллисъ занялъ съ боя высоты надъ турецкою позиціей при Арабконакѣ у Mареня.

22.— Турки атаковали ген.-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго и заставили его отступить къ деревнѣ Яковици, за городомъ Елена.

23.— Непріятель сталъ снова наступать; но былъ удержанъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

28.— Плевна взята; вся армія и Османъ-паша въ плѣну.

30.— Турки шесть разъ атаковали Тростяникъ и Мечку; но отброшены.

30.— Турки атаковали наши войска у Златицы и заставили ихъ отступить.

30 (1 и 2 декабря).— Турки дѣлали попытки наступленія изъ Берковаца на Кутловицу.

ДЕКАБРЬ.

2.— Турки отступили изъ города Елены и наши войска его заняли.

3.— Турки очистили Берковацъ и наши войска его заняли.

5.— Ген. Комаровъ занялъ съ боя Ардануч.

7.— Сербы овладѣли съ боя проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями.

8.— Сербы заняли позицію у Бабиной-Главы и укрѣпленія у Четины.

9.— Наши войска заняли села: Кечкъ, Тафта, Гинсъ, Туванчъ и Цытавокъ.

10.— Румыны заняли безъ боя Арчеръ-Паланку.

11.— Сербы обложили Нишъ и отбили атаку турокъ съ сѣвера отъ него.

11.— Полковникъ Полторацкій захватилъ турецкій транспортъ у Аяслара.

11.— Сербы заняли съ боя Куршумле.

11.— Турки усиленно обстрѣливаютъ гору св. Николая.

12.— Сербы взяли съ боя Акъ-Паланку.

14.— Пароходъ «Россія» привелъ призъ «Мерсина» въ Севастополь.

16.— Пароходъ «Константинъ» атаковалъ турецкій мониторъ въ Сухумѣ.

16.— Сербы взяли съ боя Пиротъ.

17.— Наши войска заняли безъ боя Лютиково.

19.— Ген. Гурко перешелъ черезъ Балканы и занялъ съ боя Ташкисенъ.

20.— Наши войска заняли Арабконакъ, Шандорникъ и Дольніе Комарцы.

20.— Взята съ боя деревня Чатолюдере или Точпотлукъ нашими войсками.

21.— Ген. Вельяминовъ разбилъ турокъ у Бугарова.

21.— Ген. Дандевиль и Брокъ заняли Златицу.

21.— Деревня Ложени занята нашими войсками.

22.— Софія занята нашими войсками почти безъ боя.

22.— Петричевъ занятъ нашими войсками.

24.— Троянскій перевалъ занятъ.

25.— Полковникъ Красовскій взялъ съ боя деревню Ахметли.

25.— Деревня Кисла занята безъ боя.

26.— Полковникъ Красовскій взялъ съ боя позицію у Дѣвичьей-Могилы.

28.— Селеніе Иладжа, близь Эрзерума, занята нами.

28.— Ген. Радецкій разбилъ и взялъ въ плѣнъ турецкую армію подъ Шипкою.

28.— Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ.

28.— Ген. Скобелевъ деревню Шипку.

(По донесенію отъ 28).—Ген. Гурко занялъ съ боя Мечку, Пойбренъ и Ихтиманъ.

28.— Блокада Эрзерума окончательно установлена.

28.— Ген. Карцовъ занялъ Сапотъ и Карлово.

29.— Полковникъ графъ Комаровскій выбилъ турокъ изъ Копривицы.

(По тел. отъ 30).—Ген. Карцовъ занялъ Клисетру.

30.— Турецкіе броненосцы бомбардировали Евпаторію.

30.— Ген. Вельяминовъ взялъ съ боя Самаковъ.

30.— Графъ Шуваловъ занялъ Трояновы Ворота.

30.— Графъ де Бальменъ занялъ Ветреново.

ЯНВАРЬ.

1.— Турецкіе броненосцы бомбардировали Евпаторію.

1.— Ген.-маіоръ Комаровъ изъ Ардануча овладѣлъ Горхотаскими высотами.

2.— Турецкіе броненосцы бомбардировали Анапу.

2.— Наши войска заняли Эски-Загру.

3.— Турецкіе броненосцы бомбардировали Анапу.

3.— Казаки заняли Чирпанъ.

3.— Генералъ Струковъ атаковалъ и взялъ станцію Трново.

3.— Генералъ Гурко взялъ съ боя Филиппополь.

4.— Генералъ Струковъ взялъ съ боя Херманли.

4.— Занятъ городъ Сливно.

4.— Ген. Гурко разбилъ турокъ у Дермендере.

5.— Ген. Гурко разбилъ турокъ у Белластицы и Карагача.

5.— Ген. Скобелевъ 1-й прочно занялъ Сейменли, Трново,Ботерлю и Херманли.

6.— Занятъ городъ Мустафъ-паша.

7.— Полковникъ Панютинъ захватилъ *большой турецкій обозъ* у Херманли.

8.— Ген. Струковъ занялъ безъ боя Адріанополь.

10.— Отражена вылазка турокъ изъ Базарджика.

93.— Ген. Струковъ взялъ Люле-Бургасъ.

13.— Турки оттѣснили нашъ авангардъ изъ Кюстендиль и заняли этотъ городъ.

14.— Отражена вылазка турокъ изъ Базарджика.

14.— Атака парохода «Константинъ» на турецкаго броненосца въ Батумѣ.

41.— Ген. Шнитниковъ занялъ безъ боя Демотику и Узунъ-Кепри.

15.— Ген. Эрпротъ занялъ Османъ-Базаръ.

15.— Занятъ Базарджикъ.

16.— Занятъ Разградъ.

17.— Ген. Струковъ взялъ съ боя Чорлу.

17.— Войска наши заняли Эски-Джуму.

17.— Ген. Мейендорфъ выбилъ турокъ изъ Кюстендиля.

18.— Наши войска атаковали турокъ у Цихисдзири; но отбиты.

19.— Заключено перемиріе.

22.— Ген. Манзей занялъ безъ боя Козхуджу и Праводы.

31.— Послѣ очищенія турками Сулины, городъ занятъ нашими войсками.

ФЕВРАЛЬ.

10.— Послѣ очищенія турками Эрзерума, городъ занятъ нашими войсками.

12.— Санъ-Стефано занятъ нашими войсками.

19.— Заключенъ миръ.

Списокъ

кавалеровъ ордена Св. Георгія всѣхъ 4-хъ степеней

за минувшую войну 1877—1878 года.

ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ.

Генералъ-адъютантъ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, Главнокомандующій Кавказскою арміею Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Генералъ-адъютантъ, Главнокомандующій дѣйствующею арміей и войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Генералъ-Инспекторъ по инженерной части и кавалеріи, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

ВТОРОЙ СТЕПЕНИ.

1. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Александровичъ.
2. Лорисъ-Меликовъ, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи Командующій дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ.
3. Милютинъ, ген.-адъют., ген. отъ инфантеріи, военный министръ.
4. Тотлебенъ, ген.-адъют., военный инженеръ-генералъ, товарищъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части.
5. Непокойчицкій, ген.-адъют., генеральнаго штаба, ген. отъ инфантеріи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи.
6. Лазаревъ, ген.-лейт., состоящій при Кавказской арміи.
7. Радецкій, ген. отъ инфантеріи, командиръ 8-го армейскаго корпуса
8. Гейманъ, ген.-лейт.

ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ.

1. Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Лорисъ-Меликовъ.
2. Начальникъ 39-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейтенантъ Девель.
3. Капитанъ 1-го ранга Новиковъ.
4. Состоящій при Кавказской арміи ген.-лейтенантъ Лазаревъ.
5. Начальникъ артиллеріи дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ, ген.-маіоръ Губскій.
6. Начальникъ Черноморскаго округа, ген.-маіоръ Шелковниковъ.
7. Ген.-адъют. ген.-лейтенантъ, командующій 12-мъ армейскимъ корпукорпусомъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.
8. Генеральнаго штаба ген.-лейтенантъ, управляюшій дѣлами военноученаго комитета главнаго штаба, заслуженный професоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Обручевъ.
9. Начальникъ 40-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейтенантъ Шатиловъ.
10. Начальникъ 1-й гренадерской дивизіи, ген.-лейтенантъ Роопъ.
11. Состоящій при Кавказской арміи ген.-лейтенантъ князь Чавчавадзе.
12. Командиръ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, ген.-маіоръ Алхазовъ.
13. Состоящій въ распоряженіи Его И. В. Главнокомандующаго кавказскою арміей, ген.-маіоръ Комаровъ.
14. Командиръ 2-й бригады 40-й пѣхотной дивизіи, ген.-маіоръ Рыдзевскій.
15. Начальникъ Терской инженерной дистанціи, военный инженеръ, полковникъ Бульмерингъ.
16. Полковникъ 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка Фаддѣевъ.
17. Командиръ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. ген.-маіоръРаухъ.
18. Ген.-адъют., временно-командующій 2-й гвардейскою пѣхотною дивизіей, начальникъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, ген.-лейтенантъ графъ Шуваловъ.
19. Начальникъ артиллеріи Петербургскаго военнаго округа и дѣйствующей арміи, ген.-адъют. князь Масальскій.
20. Генеральнаго штаба ген.-лейтенантъ, князь Имеретинскій.
21. Командиръ 12-го армейскаго корпуса, ген.-лейтенантъ Ванновскій.
22. Ген.-адъют., начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейт. князь Святополкъ-Мирскій.
23. Начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейтен. Петровъ.
24. Начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейт. Петрушевскій.
25. Командиръ 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи, ген.-маіоръ фонъ-Шакъ.

26. Состоящій по армейской пѣхотѣ и при Кавказской арміи, ген.-маіоръ князь Амираджибовъ.
27. Начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ген.-лейтенантъ Дандевиль.
28. Состоящій для особыхъ порученій при Е. И. В. Главнокомандующемъ дѣйствующей арміи, генеральнаго штаба ген.-маіоръ Нагловскій.
29. Командиръ л.-гв. Московскаго полка, Свиты Е. В. ген.-маіоръ Гриппенбергъ.
30. Ген.-адъют., генеральнаго штаба, генералъ отъ инфантеріи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи Непокойчицкій.
31. Командиръ 8-го армейскаго корпуса, ген.-лейт. Радецкій.
32. Командующій 14-ю пѣхотною дивизіею, Свиты Е. В. генералъ-маіоръ Драгомировъ.
33. Начальникъ 3-й саперной бригады, ген.-маіоръ Рихтеръ,
34. Начальникъ Эриванскаго отряда, генер.-лейт. Тергукасовъ
35. Командиръ 9-го армейскаго корпуса, ген.-лейт. Криденеръ.
36. Генер.-адъют. Гурко.
37. Генер.-лейт. Скобелевъ 1-й.

ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ.

А

1. Амираджибовъ, князь, полковникъ, командиръ 156-го Елисаветпольскаго полка.
2. Алмасъ-ханъ-Микеладзе, подполковникъ 13-го л.-гренадерскаго Эриванскаго Его И. В. полка.
3. Андріановъ, генеральнаго штаба капитанъ, старшій адъютантъ штаба 8-го армійскаго корпуса.
4. Антоновъ, есаулъ, командиръ 3-й сотни Донскаго казачьяго № 30-го полка.
5. Альхазовъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.
6. Адлербергъ графъ, флигель-адъютантъ Е. В., полковникъ л.-гвардіи Преображенскаго полка.
7. Александръ Ольденбургскій, Е. И. В. Принцъ, Свиты Е. В. генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.
8. Алексій Александровичъ, Е. И. В. В. Кн., Свиты Е. В. контръ-адмиралъ, командиръ гвардейскаго экипажа.
9. Анастасіенко, штабсъ-капитанъ 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго ген.-фельдмаршала князя Барятинскаго полка.

10. Анисимовъ, подпоручикъ 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка.
11. Аминовъ, баронъ, полковникъ, командиръ 138-й пѣхотнаго Болховскаго полка.
12. Андріяновъ, штабсъ-капитанъ 18-й конно-артиллерійской батареи.
13. Алтадуковъ, войсковой старшина, командующій 2-мъ Горско-Моздокскимъ коннымъ полкомъ Терскаго казачьяго войска.

Б

14. Барановъ 1-й, командиръ парохода «Веста», капитанъ-лейтенантъ.
15. Бульмерингъ, полковникъ, завѣдывающій инженерною частію дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ.
16. Батіевскій, полковникъ, командиръ 17-го драгунскаго *Сѣверскаго Его В. Короля Датскаго полка.*
17. Бибиковъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго Его В. баталіона, адъютантъ Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго по званію Главнокомандующаго войсками гвардіи и Спб. округа.
18. Батенбергъ, Принцъ, велико-герцогской гессенской службы, поручикъ драгунскаго № 24-го полка.
19. Беклемишевъ, полковникъ, командиръ 15-го стрѣлковаго баталіона.
20. Бауфаль, подпоручикъ 16-го стрѣлковаго баталіона.
21. Бревернъ, Свиты Е. В. генралъ-маіоръ, командиръ гвардейской конно-артиллерійской бригады.
22. Барсовъ, генералъ-маіоръ, бывшій командиръ 19-й артиллерійской бригады.
23. Бернгардтъ, генералъ-маіоръ, состоящій по гвардейской конной артиллеріи.
24. Бейнартъ, капитанъ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича баталіона.
25. Баковъ, полковникъ, командиръ 56-го пѣхотнаго Житомірскаго полка.
26. Бураго, капитанъ л.-гв. драгунскаго полка.
27. Бибиковъ, штабсъ-ротмистръ л.-гв. коннаго полка, флигель-адъют. Его В. состоящій при Его И. В. Главнокомандующемъ Кавказ. арміей.
28. Бегіевъ, штабсъ-капитанъ 155-го пѣхотнаго Кубанскаго полка.
29. Бауеръ, штабсъ-капитанъ Александропольской крѣпостной артилеріи.
30. Бейнаръ-Бейнаровичъ, подпоручикъ 3-го Кавказскаго сапернаго баталіона.
31. Бунаковъ, генеральнаго штаба полковникъ, начальникъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.
32. Богацевичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи.
33. Барьякторовичъ, штабсъ-капитанъ сербской службы.

34. Будде, полковникъ, командиръ 1-й батареи 12-й артиллерійской бригады.
35. Борзовъ, поручикъ, 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка.
36. Булгаковъ, поручикъ, 83-го пѣхотнаго Самурскаго Е. И. В. В. Кн. Владиміра Александровича полка.

В

37. Васильевъ, капитанъ 1-го Кавказскаго саперпаго Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго баталіона.
38. Васинскій, подпоручикъ 14-го гренадерскаго Грузинскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Николаевича полка.
39. Васмундъ, полковникъ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его И. В. баталіона, адъютантъ Е. И. В. В. Кн. Владиміра Александровича.
40. Власовъ, поручикъ 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка.
41. Валіевъ, штабсъ-капитанъ 153-го Бакинскаго полка.

Г

42. Губскій, ген-маіоръ начальникъ артиллеріи дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ.
43. Горковенко, полковникъ, командиръ 2-й батареи Кавказско-Гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артиллерійской бригады.
44. Галлеръ, военный инженеръ-капитанъ.
45. Галдинъ, сотникъ Донскаго казачьяго № 30-го полка.
46. Головинъ, полковникъ, командиръ 122-го пѣхотнаго Тамбовскаго полка.
47. Гуго фонъ-Лигнитцъ, генеральнаго штаба ген.-маіоръ королевской прусской службы.
48. Граббе, графъ, полковникъ состоящій при Е. И. В. В. Кн. Главнокомандующемъ Кавказскою арміей.
49. Гурковскій, штабсъ-капитанъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка.
50. Горшковъ, ген.-маіоръ, командиръ 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи.
51. Гурчинъ, Свиты Его В. ген.-маіоръ, начальникъ Кавказской стрѣлковой бригады.
52. Горскій, капитанъ 4-го стрѣлковаго Кавказскаго баталіона.
53. Гамбурцевъ, штабсъ-капитанъ Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артиллерійской бригады.
54. Ганъ, прапорщикъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка.
55. Гофманъ, полковникъ, командиръ 4-й батареи 14-й артиллерійской бригады.
56. Грековъ, полковникъ, командиръ Донскаго казачьяго № 30-го полка.
57. Гарталовъ, маіоръ 61-го пѣхотнаго Владимірскаго полка.

Д

58. Дубасовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
59. Духовскій, 1-го флотскаго Е. И. В. Генералъ-Адмирала экипажа лейтенантъ.
60. Джамбакуріанъ-Орбеліани, князь, штабсъ-капитанъ, 15-го гренадерскаго Тифлисскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
61. Дризенъ, баронъ, ген.-лейтенантъ, начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи.
62. Домбровскій, штабсъ-капитанъ 36-го Орловскаго ген.-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго полка.
63. Дандевиль, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.
64. Джамбакуріанъ-Орбеліани князь, маіоръ, войсковой старшина, командующій 2-мъ Волгскимъ коннымъ полкомъ Терскаго казачьяго войска.
65. Дмитровскій, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба 8-го армейскаго корпуса.
66. Данилевскій, штабсъ-капитанъ 21-й артилерійской Ея И. В. В. Кн. Ольги Ѳеодоровны бригады.
67. Домбровскій, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи.
68. Домбровскій, маіоръ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка.
69. Дукмасовъ, хорунжій Донскаго казачьяго № 30-го полка.
70. Духонинъ, полковникъ, командиръ 35-го пѣхотнаго Подольскаго полка.

Ж

71. Жуковъ, ген.-маіоръ, командиръ 17-й пѣхотной дивизіи.
72. Жиржинскій, полковникъ, командиръ 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго Е. И. В. наслѣднаго Принца Австрійскаго полка.

З

73. Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, князь, состоящій въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомандующаго Кавказскою Арміей.
74. Зыковъ, поручикъ 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка.
75. Засуличъ, капитанъ л-гв. Гренадерскаго полка.
76. Завадскій, полковникъ 64-го пѣхотнаго Казанскаго Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича полка.
77. Зальца, баронъ, адъют. Е. И. В. Главнокомандующаго Кавказскою арміей, капитанъ л.-гв. Стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона.
78. Зацаренной, капитанъ-лейтенантъ на пароходѣ «Константинъ».

И

79. Ивановъ, полковникъ, командиръ 153-го пѣхотнаго Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
80. Имеретинскій, князь, свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ, командовавшій 2-ю пѣхотною дивизіей.
81. Ивановичъ, прапорщикъ 47-го Украинскаго Е. И. В. В. Кн. Владиміра Александровича полка.
82. Иналъ-Кусовъ, маіоръ 16-го драгунскаго Нижегородскаго Е. В. Короля Виртембергскаго полка, (знакъ для нехристіанъ).

I

83. Іольшинъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи.

К

84. Кохановъ, полковникъ, начальникъ осадной артиллеріи дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ.
85. Кирсановъ, подполковникъ, командиръ 1-й батареи 39-й артиллерійской бригады.
86. Кабенинъ, подполковникъ, командиръ 1-ой батареи Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артилерійской бригады.
87. Киримъ-бекъ-Наврузовъ, маіоръ 16-го драгунскаго Нижегородскаго Е. В. Короля Виртембергскаго полка (знакъ для нехристіанъ).
88. Кваліевъ, штабсъ-капитанъ 153-го пѣхотнаго Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
89. Курнаковъ, ген.-маіоръ, числящійся по войску Донскому.
90. Киснемскій, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
91. Кулебякинъ, ротмистръ Собственнаго Его В. Конвоя л.-гв. кавказскаго Терскаго казачьяго эскадрона.
92. Кршивицкій, флиг.-адъютантъ Его В., полковникъ л.-гв. Измайловскаго полка.
93. Климовъ, прапорщикъ, состоящій по армейской пѣхотѣ, прикомандированный къ Стрѣлковому Императорской Фамиліи баталіону.
94. Константинъ Константиновичъ, Е. И. В. Великій. Князь, мичманъ Гвардейскаго экипажа.
95. Комаровъ, ген.-маіоръ, состоящій въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомндующаго Кавказскою Арміей.
96. Колпиковъ, подпоручикъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго Е. И. В. В. Кн. Александра Михаиловича полка.

97. Кульстремъ, ген.-маіоръ, командиръ Кавказской Гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артилерійской. бригады.
98. Калакуцкій. полковникъ, командиръ 4-й батареи той-же бригады.
99. Калининъ. прапорщикъ 14-го гренадерскаго Грузинскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Николаевича полка.
100. Квитницкій, ген.-маіоръ, командиръ 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи.
101. Келлеръ, графъ, начальникъ штаба Болгарскаго ополченія.
102. Курховъ, ген.-маіоръ, командиръ С.-Петербургскаго Гренадерскаго Короля Фридриха Вильгельма III полка.
103. Крокъ, полковникъ, командующій 4-ю Стрѣлковою бригадою.
104. Колодѣевъ. подполковникъ состоящій по полевой пѣшей Артилеріи.
105. Карангозовъ, штабсъ-капитанъ 16-го драгунскаго Нижегородскаго Его В. Короля Виртембергскаго полка.
106. Кочакидзе, штабсъ-капитанъ Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артилерійской бригады.
107. Карасевъ, ген.-маіоръ, командиръ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи.
108. Козелковъ, полковникъ, командиръ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка.
109. Квятковскій, поручикъ 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка.
110. Кручковъ, прапорщикъ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.
111. де-Курен, графъ, бригадный генералъ французской службы.
112. Крюковъ, полковникъ, командиръ 12-го гренадерскаго Астраханскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка.
113. Креманацъ, штабсъ-капитанъ сербской службы.
114. Карповъ, полковникъ, состоящій по стрѣлковымъ баталіонамм.
115. Кутневичъ. подполкникъ командиръ 13-го Стрѣлковаго баталіона.
116. Коротковъ, поручикъ 9-го стрѣлковаго баталіона.
117. Кусаковъ, прапорщикъ 13-го Драгунскаго Военнаго Ордена полка.
118. Коломанъ-Болла-де-Чафордъ-Іобагазл, австрійской службы генеральнаго штаба капитанъ.

Л

119. Лѣсовой, полковникъ, начальникъ учебнаго артиллерійскаго полигона Харьковскаго военнаго округа.
120. Липранди, подполковникъ 54-го пѣхотнаго Минскаго полка.
121. Лихачевъ, поручикъ 2-й горной батареи.
122. Липинскій 1-й, генеральнаго штаба полковникъ, начальникъ штаба 9-го армейскаго корпуса.
123. Ласковскій. полковникъ л.-гв. Сапернаго баталіона, адъютантъ Е. И. В. Главнокомандующаго дѣйствующею арміей.

124. Фонъ-Левизъ-офъ-Менаръ, полковникъ, командиръ Владикавказскаго коннаго полка Терскаго казачьяго войска.
125. Литвиновъ, подпоручикъ 53-го пѣхотного Волынскаго Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго полка.
126. Лорисъ-Меликовъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады Кавказской кавалерійской дивизіи.
127. Левицкій. Свиты Его В. генералъ-маіоръ, помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи.
128. Линдбладъ, капитанъ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича баталіона.

М

129. Мальцевъ, генеральнаго штаба капитанъ, состоящій для особыхъ порученій при штабѣ 8-го армейскаго корпуса.
130. Моторный, поручикъ 54-го пѣхотнаго Минскаго полка.
131. Мосцевый, подполковникъ 62-го пѣхотнаго Суздальскаго полка.
132. Мельницкій, полковникъ л.-гв. Сапернаго баталіона, адъютантъ Товарища Инспектора по инженернойчасти.
133. Мачеварiановъ, поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка.
134. Мусхеловъ, полковникъ, командиръ 3-й батареи 39-й артиллерійской бригады.
135. Медвѣдовскій, полковникъ генеральнаго штаба, состоящій для порученій при штабѣ Харьковскаго военнаго округа.
136. Максимовъ, штабсъ-капитанъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка.
137. Малама, полковникъ генеральнаго штаба, исправляющій должность начальника штаба сводной Кавказской казачьей дивизіи.
138. Меликовъ, маіоръ 13-го л.-гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.
139. Магаловъ, князь, маіоръ 155-го пѣхотнаго Кубанскаго полка.
140. Мищенко, поручикъ Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артиллерійской бригады.
141. Мамацевъ, подполковникъ Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артиллерійской бригады.
142. Миткевичъ-Волчасскій, капитанъ Александропольской крѣпостной артиллеріи.
143. Макропліо, штабсъ-капитанъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка.
144. Мартыновъ 3-й, штабсъ-капитанъ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.
145. Минатулъ-Бекъ-Гаджи-Касимъ-Бекъ-Оглы-Гайдаровъ, маіоръ 83-го пѣхотнаго Самурскаго Его И. В. В. Кн. Владиміра Александровича полка.

146. Мирковичъ, ген.-маіоръ, командиръ л.-гв. Волынскаго полка.
147. Михайловъ, штабсъ-капитанъ 32-й артиллерійской бригады.

Н

148. Ниловъ, мичманъ Гвардейскаго экипажа.
149. Новосильскій 2-й, капитанъ 1-го ранга.
150. Нонне фонъ-деръ, флигель-адъютантъ Е. В., маіоръ 13-го л.-гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.
151. Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, Свиты Е. В. ген.-маіоръ.
152. Немиръ, генеральнаго штаба ген.-маіоръ, начальникъ штаба 11-го армейскаго корпуса.
153. Нагель, поручикъ 2-й батареи 30-й артиллерійской бригады.
154. Николай Михаиловичъ, Е. И. В. Великій Князь.
155. Нагловскій, ген.-маіоръ, состоящій для особыхъ порученій при Е. И. В. Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей.
156. Надѣинъ, капитанъ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка.
157. Никитинъ, капитанъ л.-гв. Литовскаго полка.
158. Нарбутъ, капитанъ л.-гв. Литовскаго полка.
159. Накашидзе, ген.-маіоръ, военный начальникъ Западнаго Дагестана.
160. Нильсонъ, генер.-маіоръ, командиръ 17-й пѣхотной дивизіи 2-й бригады.
161. Николаевъ, поручикъ 54-го пѣхотнаго Минскаго полка.
162. Николай Николаевичъ Младшій, Е. И. В. Великій Князь, флигель-адъютантъ, капитанъ.

О

163. Орловъ, поручикъ 36-го пѣхотнаго Орловскаго ген.-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка.
164. Ореусъ, подполковникъ, командиръ 16-й конно-артиллерійской батареи.
165. Оноприенко, полковникъ, командиръ 4-й батареи л.-гв. артиллерійской бригады.
166. Окуличъ, штабсъ-капитанъ 153-го Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
167. Оводовъ, штабсъ-капитанъ 61-го пѣхотнаго Владимірскаго полка.

П

168. Перелешинъ 4-й, лейтенантъ парохода «Веста».
169. Пузино, прапорщикъ 156-го пѣхотнаго Елизаветпольскаго полка.

170. Похитоновъ, генералъ-маіоръ, командиръ 5-й артиллерійской бригады.
171. Пржилецкій, есаулъ, командиръ 2-й сотни Владикавказскаго коннаго полка, Терскаго казачьяго войска.
172. Прохоровичъ, поручикъ 30-й артиллерійской бригады.
173. Поликарповъ, штабсъ-капитанъ 9-й артиллерійской бригады.
174. Пономаренко, штабсъ-капитанъ 35-го пѣхотнаго Брянскаго ген.-адъютанта князя Горчакова полка.
175. Пиленко, подпоручикъ 129-го пѣхотнаго Бессарабскаго полка.
176. Парчевскій, полковникъ, бывшій командиръ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады.
177. Панчулидзевъ, поручикъ 16-го драгунскаго Нижегородскаго Е. В. Короля Виртемберскаго полка.
178. Панютинъ, полковникъ, командиръ 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка.
179. Пузыревскій, генеральнаго штаба полковникъ, состоящій для порученій при штабѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
180. Протопоповъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ, старшій адъютантъ при штабѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.
181. фонъ-Петерсъ, генералъ-маіоръ, состоящій при Е. И. В. Главнокомандующемъ Кавказскою арміею.
182. Потоцкій, поручикъ 153-го Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михайловича полка.
183. Подольскій, прапорщикъ 157-го пѣхотнаго Имеретинскаго полка.
184. Пржецлавскій, маіоръ 4-го гренадерскаго Несвижскаго полка.
185. Полочаниновъ, подпоручикъ 157-го пѣхотнаго Имеретинскаго полка.
186. Петровъ, подпоручикъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго Е. И. В. В. Кн. Владиміра Александровича полка.
187. Пущинъ 2, лейтенантъ 1-го флотскаго Е. И. В. Генералъ-Адмирала экипажа.
188. Поповичъ, поручикъ } сербской службы.
189. Павловичъ, маіоръ } сербской службы.
190. Пантелѣевъ, полковникъ, командиръ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. В. Кн. Владиміра Александровича полка.
191. Поповъ, маіоръ, командиръ 5-й дружины Болгарскаго ополченія.
192. Пащенко, поручикъ 35-го пѣхотнаго Брянскаго полка.
193. Пашковскій, поручикъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка.
194. Пономаренко, поручикъ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка.
195. Пономаревъ, хорунжій Донской конно-артиллерійской № 10-й батареи.

196. Петрушевскій, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи.

Р

197. Рождественскій, лейтенантъ парохода «Веста».
198. Раухъ, генеральнаго штаба ген.-маіоръ, состоящій при Е. И. В. Главнокомандующемъ дѣйствующей арміей.
199. Разгильдѣевъ, полковникъ, командиръ 20-го пѣхотнаго Галицкаго полка.
200. Ридигеръ, полковникъ, командиръ 15-го гренадерскаго Тифлисскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Константиновича полка.
201. Рыдзевскій, полковникъ, командиръ 14-го гренадерскаго Грузинскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Николаевича полка.
202. Рытиковъ, подполковникъ, командиръ Донской конно-артиллерійской № 2-гобатареи.
203. Романовъ, подпоручикъ 7-го саперпаго баталіона.
204. Рыкачевъ, полковн., командиръ 18-го пѣхотнаго Вологодскаго принца Оранскаго полка.
205. Рѣзвый, подполковникъ, прикомандированный ко 2-му баталіону Туркестанской саперной роты.
206. Романовичъ, полковникъ, командиръ 14-го гренадерскаго Грузинскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Николаевича полка.
207. Раабенъ, генеральнаго штаба полковникъ, начальникъ штаба 9-й пѣхотной дивизіи.
208. Рябовъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Московскаго полка.
209. Романовъ, прапорщикъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка.
210. Рейтеръ, маіоръ 16-го гренадерскаго Мингрельскаго Е. И. В. В. Кн. Димитрія Константиновича полка.
211. Родіоновъ, полковникъ, командиръ 53-го пѣхотнаго Волынскаго Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго полка.
212. Рождественскій, лейтенантъ 5-го экипажа.

С

213. Суликовъ, маіоръ 15-го гренадерскаго Тифлисскаго Е. И. В. В. Кн. Константина Константиновича полка.
214. Семеновичъ-Никитинъ, маіоръ 153-го пѣхотнаго Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
215. Скосаревскій, маіоръ 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка.
216. Сухачевъ, подпоручикъ Александропольской крѣпостной артиллеріи.
217. Сергѣевъ, подпоручикъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка.
218. Сушковъ, прапорщикъ 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка.

219. Струковъ, Свиты Е. В. ген.-маіоръ, л.-гв. Коннаго полка
220. Соловьевъ, баронъ, полковникъ, командиръ 8-го пѣхотнаго Вологодскаго полка.
221. Степановъ, полковникъ, командиръ 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка.
222. Столѣтовъ, ген.-маіоръ, состоящій по армейской пѣхотѣ и при Е. И. В. Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей.
223. Савицкій, полковникъ л.-гв. Егерскаго полка.
224. Сидоринъ, поручикъ 3-й батареи 14-й артиллерійской бригады.
225. Сыряевъ, подпоручикъ 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка.
226. Сергій Александровичъ, флигель-адъютантъ Е. И. В.
227. Сафоновъ, капитанъ 3-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.
228. Синельниковъ, поручикъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка.
229. Селлиненъ, поручикъ 3-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.
230. Савоніусъ, штабсъ-капитанъ 13-го л.-гв. гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.
231. Статкевичъ, поручикъ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.
232. Соболевъ, генеральнаго штаба полковникъ.
233. Сухомлиновъ, генеральнаго штаба подполковникъ состоящій, для порученій при штабѣ 1-го армейскаго корпуса.
234. Сосновскій, генеральнаго штаба подполковникъ, прикомандирванный къ 14-й пѣхотной дивизіи.
235. Скалонъ, Свиты Его В. ген.-маіоръ, командиръ л.-гв. Саперпаго баталіона.
236. Ставровскій, ген.-штаба подполковникъ, состоящій для порученій при штабѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
237. Сендѣцкій, подполковникъ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка.
238. Суликовскій, подпоручикъ л.-гв. Литовскаго полка.
239. Садиковъ, подполковникъ, командиръ 46-го дивизіоннаго летучаго артиллерійскаго парка.
240. Свѣховскій, подпоручикъ 3-го гренадерскаго Перновскаго полка.
241. Сангайло, капитанъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка.
242. Смѣкаловъ, помощникъ начальника Терской области, генеральнаго штаба ген.-маіоръ.
243. Скрыдловъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

Т

244. Тудеръ, мичманъ гвардейскаго экипажа.
245. Толстой, фл.-адъют. Е. В., командиръ 13-го Л.-Гренадерскаго полка, полковникъ.
246. Толстой, графъ, флигель-адъютантъ, полковникъ л.-гвардіи Гусарскаго полка.

247. Тутолминъ, генералъ-маіоръ, состоящій при Е. И. Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей.
248. Тимофѣевъ, Свиты Его В. генералъ-маіоръ, командиръ 33-й пѣхотной дивизіи.
249. Томашевскій, поручикъ 1-й артиллерій бригады.
250. Тулаевъ, маіоръ, 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.
251. Тхоржевскій, подпоручикъ 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка.
252. Татищевъ, графъ, Свиты Е. В. генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи.
253. Таль, полковникъ, командиръ 2-й батареи конно-артиллерійской гвардейской бригады.

У

254. Улановичъ, *маіоръ 15-го гренадерскаго Тифлисскаго* Е. И. В. В. Кн. Константина Константиновича полка.
255. Узатисъ, подпоручикъ 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка.

Ф

256. Фокъ, капитанъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго полка.
257. Филиповъ, генеральнаго штаба полковникъ, начальникъ штаба 4-й пѣхотной дивизіи.
258. Фирксъ, баронъ-фонъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи.

Х

259. Худяковъ, подполковникъ, командиръ 16-го Стрѣлковаго баталіона.
260. Хилковъ, князь, подполковникъ, 58-го пѣхотнаго Волынскаго Е. И. В. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго полка.
261. Химшіевъ князь, подполковникъ, командиръ 2-й батареи 21-й артиллерійской Ея И. В. В. Кн. Ольги Ѳеодоровны бригады.
262. Ходаковскій 1-й, подпоручикъ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.
263. Хоменко, полковникъ, командиръ 118-го Шуйскаго пѣхотнаго полка.

Ц

264. Цвѣцинскій, генералъ-маіоръ, начальникъ 4-й стрѣлковой бригады.
265. Цезарскій, маіоръ 3-й Кавказской Стрѣлковой бригады.
266. Цытовичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи.
267. Циціановъ, князь, поручикъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка.

268. Цитлядзевъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи.

Ч

269. Чернатъ, генералъ-маіоръ, командующій Румынскою арміей.
270. Чердилели, капитанъ 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка.
271. Чикалинъ, штабсъ-капитанъ Кавказской гренадерской Е. И. В. В. Кн. Михаила Николаевича артиллерійской бригады.
272. Чирковъ, подпоручикъ 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка.
273. Черемисиновъ, полковникъ, командиръ 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка.
274. Чавчавадзе, князь, полковникъ, командиръ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.

Ш

275. Шестаковъ, лейтенантъ 1-го флотскаго Е. И. В. Генералъ-Адмирала экипажа.
276. Шлиттеръ, фл.-адъют. капитанъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.
277. Шуваловъ 2-й, графъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
278. Шакъ, фонъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи.
279. Шнеуръ, капитанъ, генеральнаго штаба, старшій адъютантъ штаба 39-й пѣхотной дивизіи.
280. Шервашидзе, князь, подполковникъ, командиръ 6-й батареи 21-й артиллерійской Е. И. В. В. Кн. Ольги Θеодоровны бригады.
281. Шульцъ, фонъ, поручикъ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка.

Э

282. Эльснеръ, поручикъ 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка.
283. Эльжановскій, полковникъ, командиръ 3-го пѣхотнаго Калужскаго полка.
284. Эгазе, капитанъ 153-го Бакинскаго Е. И. В. В. Кн. Сергія Михаиловича полка.
285. Энкель, подполковникъ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка.

Ю

286. Юрковскій, полковникъ, состоящій для порученій при Его И. В. Главнокомандующемъ Кавказскою арміей.

Я

287. Яковлевъ, маіоръ л.-гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.
288. Яцкевичъ, полковникъ, командиръ 4-й батареи конно-артиллерійской бригады Кубанскаго казачьяго войска.

Золотымъ Оружіемъ

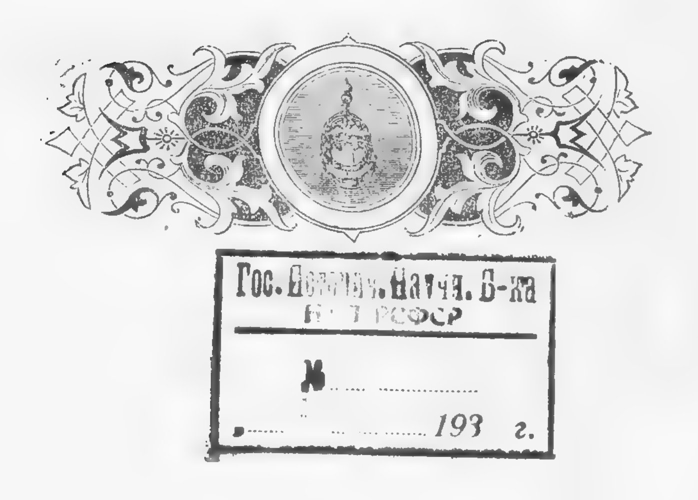
украшеннымъ драгоцѣнными камнями

НАГРАЖДЕНЫ:

1. Гейманъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи.
2. Деппъ, военный инженеръ, генералъ-маіоръ, начальникъ инженеровъ Варшавскаго военнаго округа и дѣйствующей арміи.
3. Радецкій, генералъ-лейтенантъ, командиръ 8-го армейскаго корпуса.
4. Святополкъ-Мирскій, князь, генералъ-адъютантъ, начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи.
5. Гурко, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 2-й Гвардейской кавалерійской дивизіи.
6. Чавчавадзе, князь, генералъ-лейтенантъ, состоящій при Кавказской арміи.
7. Роопъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 1-й гренадерской дивизіи.
8. фонъ-Шакъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи.
9. Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ.
10. Гурчинъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ.
11. Скобелевъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи.
12. Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, генералъ-адъютантъ, Главнокомандующій дѣйствующею арміею и войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Генералъ-Инспекторъ по инженерной части и кавалеріи.
13. Леоновъ 2-й, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи.
14. Шатиловъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ, 40-й пѣхотной дивизіи.
15. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, генералъ-адъютантъ.
16. Девель, генералъ-лейтенантъ, состоящій въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомандующаго Кавказскою арміей.

*

17. Щербатовъ, князь, генералъ-маіоръ, состоящій въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомандующаго кавказской арміею.
18. Манзей, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, командиръ 13-го армейскаго корпуса.
19. Рербергъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ Кавказскаго военнаго округа.
20. Чавчавадзе, князь, генералъ-маіоръ Свиты Е. В., Елисаветпольскій губернаторъ.
21. Шуваловъ 2-й, графъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, временно командующій 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіей.
22. Павловъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ *штаба Кавказскаго военнаго округа.*
23. Клотъ, свиты Е. В. генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.
24. Петрушевскій, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи.
25. Татищевъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи.

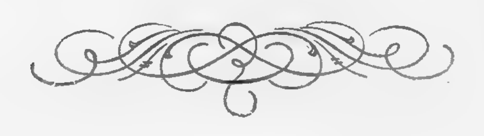

Содержаніе.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.

